Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (68)

Часть II

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (68)

Часть II

Тамбов – Москва
2026

UDK 40
BBK 80
K57

Издание включено в ***Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.***

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-89450 от 06 мая 2025 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2026 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Виноградова С. Г., доктор филологических наук (зам. гл. редактора);
Новоспасская Н.В., кандидат филологических наук, доцент (отв. редактор выпуска);
Лазарева О.В., кандидат филологических наук, доцент (отв. редактор выпуска);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Заботкина В. И., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Панасенко Л. А., доктор филологических наук;
Потанина Н. Л., доктор филологических, профессор;
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук, доцент (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 – .

УДК 40
ББК 80

© Коллектив авторов, 2026
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2026
© ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», 2026
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2026

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION
RUDN UNIVERSITY

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

VOLUME 3 (68)

Part II

Tambov – Moscow
2026

UDK 40
BBK 80
K57

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.
Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-89450.
The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2026.
The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Vinogradova S.G., Doctor of Philology (deputy editor-in-chief);
Novospasskaya N.V., Candidate of Philology, Associate Professor (volume editor-in-chief);
Lazareva O.V., Candidate of Philology, Associate Professor (volume editor-in-chief);
Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;
Zabotkina V.I., Doctor of Philology, Professor;
Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;
Panasenko L.A., Doctor of Philology, Professor;
Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;
Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive Studies of Language / editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

UDK40
BBK 80

© Authors of the articles, 2026
© FSBEIHE “Derzhavin Tambov State University”, 2026
© FSBEIHE “RUDN University”, 2026
© The Russian Cognitive Linguists’Association, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 19

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абакумова О. Б., Колесникова А. Л., Цуканов М. В. Репрезентация количественного и временного кодов лингвокультуры в семантике пословиц о правде и лжи (на материале русских, английских и немецких пословиц) 21

Белоглазова Е. В. Моделирование образа России в англоязычной лексикографии 25

Борботько Л. А. Театральная номинация в городском ландшафте: лингвокогнитивный ракурс 29

Ван Цзятао. Многоуровневый анализ метафор количества в китайском языке (на материале сферы-источника «дождь») 33

Ван Юэ. Репрезентация концепта *МОРЕ* в паремиях русского, китайского и английского языков 37

Губанова О. И., Баянбаева Ж. А. Функции театральной программки: взгляд современных зрителей 41

Демина Л. С. Имена сказочных сущностей южнославянских волшебных сказок: познавательные утраты при переводе на русский язык и их причины 44

Евграфова Ю. А. Культурная практика просмотра «комфортных фильмов» на новый год: когнитивно-семиотический аспект (на примере х/ф «Ирония судьбы ...») 48

Иванова О. А. MIGRATIONSWENDE: идеологическое понятие и новый концепт в современной немецкой лингвокультуре 53

Камарго Босига Я. Х. Национальная картина мира Аргентины в зеркале полисемии и проблема ее передачи при переводе на русский язык 57

Карпенко Е. И. Смещение фокуса оценки в библейских лингвокультурных сценариях немецкого языка 60

Лебедев Л. В., Корзун О. В. Иностранный язык в структуре социогуманитарного ядра: формирование суверенной языковой личности и ее роль в межкультурной коммуникации 63

Нарманова Р. И. Сопоставительно-типологический анализ соматических фразеологизмов в русском, казахском, узбекском, английском и каракалпакском языках (лингвокультурологический и переводческий аспекты) 67

Нурутдинова А. Р. Реконструкция архетипических образов на основе соматического кода (сравнительный анализ метафор тела в русском, английском и японском языках) 71

Огнева Е. А., Шеметова Е. А. Переводческий трансфер историко-маркированного текстового когнитивного сценария романа Э. Чедвик «Величайший рыцарь» 75

Позднякова Е. М., Оприщ Н. С. Лингвокультурные и когнитивные аспекты семиотики англоязычной наружной рекламы 79

Разумовская Ю. М. Осмысление прецедентных имен в функции селективной вторичной интерпретации 83
Рылова Е. В., Абиева Н. М. Слово *ребенок* в зеркале ассоциативных словарей как хранителей языковой аутентичности 88
Сизова О. С., Перфильева Н. В., Галанкина И. И. Кросскультурный анализ военной лексики русского и казахского языков 91
Степанова Е. С. Бинарная оппозиция как средство репрезентации семантики мифологического образа 95
Тянь Чуньюй. Роль соматизма *сердце* в концептосферах русской и китайской фразеологии: переводческий аспект 100
Хачмафова З. Р. Прилагательные вкуса в русском и адыгейском языках: когнитивно-семиотический подход 104
Чилингир Э. Когнитивный потенциал готических элементов в повести А. Конан Дойля «Собака Баскервилей»: познавательные потери при переводе на русский язык 108
Чулкина Н. Л., Тимофеева М. Н. Комментарий как средство транслингвальной передачи оригинального текста (на примере перевода К.Д. Бальмонта рассказа Э.А. По «Убийство на улице Морг») 112
Чэн Янь, Сунь Юйно. Мультимодальные метафоры в документальном фильме «Создание нового Китая» (КНР) и стратегии их перевода на русский язык 116

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Абдуллаев Р. Русский и азербайджанские языки как символический капитал в представлениях молодых азербайджанцев 121
Александрова О. И., Бабалола А. Э. Символическая функция языка йоруба в представлениях его носителей 126
Алимова Р. Р. Испанский язык в социолингвистической проекции: аксиомы и парадоксы «единства в многообразии» 129
Бегалиева С. Б., Жунисбаева А. С., Шмакова Е. С. Корпусный анализ цветообозначений в медиадискурсе: когнитивный и социологический аспекты 134
Бекасова Е. Н. Актуализация мотивационной рефлексии при изучении диалектной лексики 138
Бредис Е. М. Репрезентация концепта ДЕТИ в алтайских сказках 142
Бредис М. А. Следы «пушных ассигнаций» в репрезентации концепта ДЕНЬГИ в пословицах разноструктурных языков 146
Бугаева И. В. Восприятие религиозных и светские антропонимов современной молодежью (по результатам ассоциативного эксперимента) 151
Булус Ф. Категории обращения в дискурсе студентов и преподавателей в нигерийских университетах: социокогнитивный подход 154
Варламова Е. В. Неоднозначность визуальных знаков в полилингвальных городских пространственных дискурсах 158
Виньон Анани Кекели Фиоган Яник, Гасанов М. М. Автохтонные языки Того: символическая значимость через призму социальных представлений 162

Гишкаева Л. И. Репрезентация диады концептов преступление – наказание в русских и белорусских пословицах 166
Гишкаева Л. Н. Репрезентация концепта СЕМЬЯ в чеченской и русской паремиологии 171
Григорьев Г. В., Шевырдяева Л. Н. Метафорические модели номинации ИИ-ассистентов: концептуализация взаимодействия человек–искусственный интеллект 175
Данилов С. И. Структура культурных репрезентаций бурят Усть-Ордынского бурятского округа: место бурятского языка 179
Еливанова М. А., Семушина В. А. К вопросу о тенденциях изменения концепта СЕМЬЯ с возрастом у представителей русскоязычного общества 184
Ионова М. А. Метафорическая интерпретация эмоции гнева, репрезентируемая сенсорными ощущениями 188
Кадырмаева Э. Р., Данилов С. И. Языковая политика и языковой ландшафт: социальные представления молодежи 192
Каногина П. Е. Анализ субъективных дефиниций как способ реконструкции обыденных представлений о пространстве в русском языковом сознании 196
Клепикова Т. А. Категориальный конфликт как движущая сила языкового сознания: за и против 200
Кол Ч. Ш. Репрезентация концепта ЖИВОТНОЕ как проявление анималистического культурного кода в тувинских и алтайских паремиях 204
Ли Кэжу. Диалект Шанси как традиционная ценность в условиях экономических трансформаций 209
Ли Сюэ. Социолингвистические категории «родной язык» и «первый язык» в китайском контексте 212
Лоханкина И. Н., Трофимова Г. Н. Языковой портрет землячества: методология описания 216
Мелина А. Ю. Место неологизмов, созданных с целью обхода алгоритмов интернет-цензуры (алгоспик) в языке социальных сетей 221
Митрофанова И. И., Гун Пин. Психолингвистические механизмы аргументативного воздействия в лексической системе романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» 224
Москвичева С. А. Социолингвистическая категория «национальный язык»: онтологический и гносеологический подходы 228
Новиков А. Л., Новикова И. А. Гендерные особенности отношения студентов к искусственному интеллекту 232
Саввин И. А. Gulf Pidgin Arabic как объект когнитивной категоризации: восприятие языка мигрантов в странах залива 237
Старостина Ю. А. Дискурсивное конструирование образа искусственного интеллекта в российских Telegram-медиа 240
Тюлюш А. Р. Образ ветра в тувинской и немецкой паремиологии: сопоставительный анализ 245
Тянь Айся. Концептуальные типы отрицания в устной диалогической коммуникации на русском и китайском языках 249

Фомин А. И. Возможности и ограничения технологий распознавания эмоций в аспекте перспективы их внедрения в программы перевода фильмов 253
Хасанова О. В., Каримова А. А. Семейные ценности в англоязычной лингвокультуре сквозь призму паремиологии 258
Чжан Кэ, *Цзяо Ян*. Социокогнитивные функции заимствований из китайского в русском языке 261
Ширяева Т. А. Когнитивные тропы как инструмент конструирования идентичности в профессиональном педагогическом дискурсе 265
Эступиньян-Линсе М. Л. Афро-эквадорский чигуало: расовое насилие в языковом, социо-когнитивном и ритуальном аспектах 269

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА И СЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: КОРПУС, ЦИФРА, НЕЙРОСЕТЬ

Анисимова Е. Д., Анисимов В. Е. Лингвокогнитивные особенности жанров дискурса сетевой литературы 274
Ахренова Н. А. Семиозис 2.0: когнитивная природа искусственного интеллекта и трансформация лингвистической эписистемы 278
Ачкасов А. В. Синтетический контент и гомогенизация языка 282
Беспалова Е. В. Моделирование коллокаций лексемы *bach* в современных немецкоязычных корпусах 287
Бордунос А. К., Акимова О. А. Ролевая конгруэнтность в российском контексте: гендерная предвзятость больших языковых моделей при описании образа руководителя высших эшелонов 291
Вековищева С. Н., Иванова Н. А., Улиткин И. А. Когнитивные процессы при машинном переводе и человеческом переводе: сопоставительный аспект 295
Вульфович Б. Г. Паттерны генерации агрессивных интернет-комментариев (на примере нейросети Deep Seek) 299
Донина О. В. Выявление имен-эталонов скрытых категорий: триангуляция психолингвистических, корпусных и нейросетевых методов 303
Дубровская О. Г. Интерпретирующая деятельность субъекта дискурса как характерная черта естественного интеллекта 308
Жикулина К. П., Кшнякина А. К. Две онтологии членения слова: как LLM создают альтернативу морфеме 312
Карамышева С. Г. Корпусная когнитивистика в эпоху цифровизации: дискурс-анализ больших языковых данных 316
Колодяжная В. Н. Роль языковых аппроксиматоров как неотъемлемой части лексической системы современного английского языка в процессе совершенствования искусственного интеллекта 320
Мичугина С. В. Когнитивные и нейросетевые критерии базовых цветообозначений: сравнительное исследование 324
Омельяненко В. А., Романова И. А. Функционирование антонимических оппозиций в интегративном глагольном поле *LOVE–HATE* в английском языке (на материале British National Corpus) 329

Панкратова С. А. Концептуальный анализ феномена ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ в англоязычных СМИ 333
Попова Д. Н., Соколова М. В. Вариативность произношения окончания *-ow* в немецких антропонимах и топонимах славянского происхождения: пилотное исследование 337
Савчук Е. А., Сыщикова Е. С. Когнитивно-прагматические функции эмодзи в цифровом дискурсе (на материале корпусов социальных сетей) 341
Тивьяева И. В. Мультимодальная проекция личных воспоминаний в интернет-коммуникации 345
Файбушевский М. В. О предмете и объекте когнитивной терминографии 349
Федоров Е. В. Лингвистические признаки сложности учебных текстов: нейросетевой анализ с использованием TabDPT 353
Фирсов О. А. Позиционная асимметрия дискурсивной информации в интерпретации текста большими языковыми моделями 357
Хакимова Р. Б., Уразметова А. В. Когнитивно-семиотическое моделирование доменов бьюти-сферы Лондона: доминанта медицинского дискурса 362
Цзя Цянь. Количественное исследование поведенческих характеристик русских глаголов-синонимов со значением ‘использовать’ 365
Юрьева Е. А. Формирование языка в условиях цифрового общества: вызовы и перспективы 370

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Бурдаева Т. В. Когнитивный потенциал сложноподчиненного предложения в немецком научно-публицистическом дискурсе: эмоциональный аспект 374
Вашунина И. В., Волкова Я. А. Когнитивно-семиотическая природа эмоциональных концептов 378
Влавацкая М. В. Когнитивные механизмы передачи комического эффекта на основе англоязычных культурных реалий при аудиовизуальном переводе на русский язык 382
Гарьковская Т. Н. Роль фонда знаний и интенций говорящего в интерпретации английских широкозначных существительных 386
Гуреев В. А. Когнитивно-прагматические аспекты грамматической вариативности (на материале английского языка) 391
Дубинина Н. В., *Анциферова В. А.*, *Филиппова П. Н.* Инструменты лингвокреативности в языковом ландшафте университета: прагма-когнитивный аспект 395
Евграфова М. О., *Коканова Е. С.* Когнитивно-прагматические механизмы градуирования обязательности: модальный континуум в англоязычных инструкциях 398
Жулина Е. Б. Предложения с косвенной речью (indirect speech sentences) в английском языке в свете холистического подхода 402
Истомина Е. М. Дискурсивные формулы интернет-дискурса популярной психологии 407

Калинин О. И. Метафора как инструмент оценочной репрезентации России в политическом медиа дискурсе ЮАР 411
Киреенкова Е. Е. Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности в сфере англоязычной терминологии специальной педагогики 415
Клейменова В. Ю. Кодовая система algospeak в дискурсе социальных сетей: когнитивный и прагматический аспекты 419
Кунова С. С. Дискурсивная стратегия антитезы в экологических медиатекстах Боливии 423
Лепенышева А. А. Объектный дискурс культуры отмены в политической коммуникации: когнитивно-прагматический анализ 427
Лучинская Е. Н., Волкова Р. А. Проблема рецепции прецедентных текстов в интернет-коммуникации 431
Макурова Д. А. Когнитивные искажения как основа технологии дипфейков 435
Москвина Т. Н. Вариативность диалектной картины мира: семантическая деривация в немецких диалектах в России 439
Некрасова М. Ю. Концептуализация «чужого» пространства в англоязычных военно-прагматических топонимах Севастополя периода Крымской войны 443
Николаева М. Н. Колоронимы желтого цвета: когнитивно-прагматический аспект 447
Онал И. О. Идеологема «национальный образ России» в интернет-отзывах туристов разных лингвокультур о Красной площади 451
Пивоварчик Т. А. Прагматические функции темпорального квантора *когда-то* в медиатексте 455
Поляков А. Г. Нейтрализация инвективы в диалоге: когнитивно-прагматический подход (на материале сериала «Медведь») 459
Попова Г. Е. Речекогнитивная интеракция: неаддитивные контекстуальные ментальные модели 463
Прокофьева О. Н. Вербально-кинетическое поведение при технических сбоях видеоконференцсвязи 468
Рохлина Т. А. Компрессия и смещение фокуса в эволюции современного интернет-мема 473
Салькова М. А. Расщепленный инфинитив как синергетическая конструкция: когнитивно-прагматический анализ 477
Сапиева С. К. Идеологема «Кавказ»: лингвопрагматический статус и критерии актуализации в медиадискурсе ТАСС 481
Сигал К. Я. Пунктуационная позиция в становлении: когнитивный и семиотический аспекты 485
Стефанович М. В. К вопросу об отсутствии таксисной функции у наречий на -ly, образованных от причастий настоящего времени 489
Таймур М. П. Типология метафтонимических моделей в мультимодальном дискурсе 493
Тумасян К. А. Концептуализация опыта пациентов при «видимых» и «невидимых» нарушениях здоровья в немецкоязычных документальных фильмах 497

Усманова Л. А. Прогностический потенциал сновидческого нарратива в пространстве интернет-форумов: прагмасемантический анализ 501
Филиппова Е. В. Механизмы вербально-визуальной интеграции в креолизованных текстах агитационных и учебных плакатов по пожарной безопасности 505
Фоменко О. В. Эпистемическое несогласие в жанре editorial: когнитивно-прагматический аспект 509
Чернышева А. М. Отражение кода культуры в эмотивных фразеологизмах русского языка 513

CONTENTS

FOREWORD 19

COGNITIVE ASPECTS OF THE SEMIOTICS OF CULTURE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abakumova O. B., Kolesnikova A. L., Tsukanov M. V. Representation of quantitative and temporal codes of linguo-culture in the semantics of proverbs about truth and lie (based on the data of Russian, English and German proverbs) 21
Beloglazova E. V. Modelling of the image of Russia in anglophone lexicography 25
Borbotko L. A. Theatre names on city linguistic map: cognitive perspective 29
Wang Jiatao. A multi-level analysis of quantity metaphors in Chinese (based on the source domain of "rain") 33
Wang Yue. Representation of the concept of *SEA* in Russian, Chinese, and English paremiology 37
Gubanova O. I., Bayanbayeva Z. A. The theatre programme's functions: the view of modern viewers 41
Demina L. S. Names of fabulous entities of South Slavic fairy tales: cognitive losses in translation into Russian and their causes 44
Yevgrafova Yu. A. Cultural practice of watching "comfort movies" on New Year's Eve: cognitive-semiotic aspect (case study of "The Irony of fate...") 48
Ivanova O. A. 'Migrationswende': an ideological term and a new concept in contemporary german linguoculture 53
Camargo Bosiga Y. J. The Argentine worldview in the mirror of polysemy: the problem of translating it into Russian 57
Karpenko E. I. Evaluative defocusing in German biblical linguocultural scripts 60
Lebedev L. V., Korzun O. V. Foreign language in the structure of the socio-humanitarian core: formation of a sovereign linguistic personality and its role in intercultural communication 63
Narmanova R. I. Comparative and typological analysis of somatic phraseological units in Russian, Kazakh, Uzbek, English and Karakalpak languages (linguistic, cultural and translation aspects) 67
Nurutdinova A. R. Reconstruction of archetypal images based on somatic code: a comparative analysis of linguo-sensory body metaphors in Russian, English, and Japanese 71
Ogneva E. A., Shemetova E. A. Translation transfer of historically marked text cognitive script in E. Chedwick's "The Greatest knight" 75
Pozdnyakova E. M., Oprich N. S. Linguocultural and cognitive aspects of the semiotics of English-language outdoor advertising 79
Razumovskaya Yu. M. Understanding precedent names in the function of selective secondary interpretation 83
Rylova E. V., Abieva N. M. The word *child* in the mirror of associative dictionaries as keepers of language authenticity 88

Sizova O. S., Perfilieva N. V., Galankina I. I. Cross-cultural analysis of military vocabulary of the Russian and Kazakh languages 91
Stepanova E. S. Binary opposition as a means of representation of the semantics of a mythological image 95
Chunyu Tian. The role of the somatic word *heart* in the conceptospheres of Russian and Chinese phraseology: a translation perspective 100
Khachmafova Z. R. Taste adjectives in Russian and Adyghe languages: a cognitive-semiotic approach 104
Cilingir E. Cognitive potential of gothic elements in A. Conan Doyle's novella *The Hound of the Baskervilles*: cognitive losses in Russian translation 108
Chulkina N. L., Timofeeva M. N. Commentary as a means of translingual transmission of the source text (based on K.D. Balmont's translation of Edgar Allan Poe's "The Murders in the rue Morgue") 112
Cheng Yan, Sun Yunuo. Multimodal metaphors in the documentary film "The Making of a New China" (PRC) and strategies for their translation into Russian 116

LANGUAGE AND SOCIETY: COGNITIVE ASPECTS OF SOCIOLINGUISTIC RESEARCH

Abdullayev R. Russian and Azerbaijani as symbolic capital in the perceptions of Azerbaijani youth 121
Alexandrova O. I., Babalola A. E. Exploring the symbolic function of the Yoruba language through speakers' attitudes 126
Alimova R. R. Spanish in sociolinguistic projection: axioms and paradoxes of "Unity in diversity" 129
Begalieva S. B., Zhunisbayeva A. S., Shmakova E. S. A corpus-based analysis of color terms in media discourse: cognitive and sociological aspects 134
Bekasova E. N. Actualization of motivational reflection in the study of dialect vocabulary 138
Bredis E. M. Presentation of the concept CHILDREN in Altai fairy tales 142
Bredis M. A. Traces of "Fur banknotes" in the concept representation of money in proverbs of typically different languages 146
Bugaeva I. V. Perception of religious and secular anthroponyms by modern youth (based on the results of an associative experiment) 151
Bulus F. Address categories in student–teacher discourse in Nigerian university: a socio-cognitive approach 154
Varlamova E. V. Ambiguity of visual signs in polylingual urban spatial discourses 158
Vignon Anani Kekely Fiogan Yanick. Autochthonous languages of Togo: symbolic significance through the lens of social representations 162
Gishkaeva L. I. Representation of the concept CRIME–PUNISHMENT in Russian and Belarusian paremiology 166
Gishkaeva L. N. Representation of the concept FAMILY in Chechen and Russian paremiology 171
Grigorev G. V., Shevyrdyaeva L. N. Metaphorical nominations of ai assistants: conceptualising agency in human–AI interaction 175

Danilov S. I. The structure of cultural representations of the Buryats of the Ust-Orda Buryat Okrug: the place of the Buryat language 179
Elivanova M. A., Semushina V. A. To the question of tendencies of changing concept FAMILY with age in representatives of Russian-speaking society 184
Ionova M. A. Metaphorical interpretation of the emotion of anger through sensory sensations 188
Kadyrmaeva E. R., Danilov S. I. Language policy and the linguistic landscape: social representations of youth 192
Kanogina P. E. The analysis of subjective definitions as a way of reconstructing ordinary perceptions of space in the Russian linguistic consciousness 196
Klepikova T. A. Categorial conflict as a driving force of linguistic cognition: pro and contra 200
Kol Ch. Sh. Representation of the concept of ANIMAL as a manifestation of the animalistic cultural code in Tuvan and Altai paremies 204
Li Keru. Shanxi dialect as a traditional value in the context of economic transformations 209
Li Xue. Sociolinguistic categories of "Mother tongue" and "First language" in the Chinese context 212
Lokhankina I. N., Trofimova G. N. Linguistic portrait of fraternity: methodology of description 216
Melina A. Y. Algospeak in modern social media language 221
Mitrofanova I. I., Gong Ping. Psycholinguistic mechanisms of argumentative influence in the lexical system of E.G. Vodolazkin's novel "Laurel" 224
Moskvitcheva S. A. The sociolinguistic category of "National language": ontological and epistemological approaches 228
Novikov A. L., Novikova I. A. Gender features of attitudes towards artificial intelligence in university students 232
Savvin I. A. Gulf Pidgin Arabic as an object of cognitive categorization: perception of the language of migrants in the gulf countries 237
Starostina Yu. A. Discursive construction of the image of artificial intelligence in Russian Telegram media 240
Tyulyush A. R. The image of the wind element in Tuvan and German paremiology: a contrastive analysis 245
Tian Ayixia. Conceptual types of negation in Russian and Chinese spoken dialogue 249
Fomin A. I. Opportunities and limitations of emotion recognition technologies in the context of the prospects for their implementation into film translation programs 253
Karimova A. A., Khasanova O. V. Family values in the English-language linguoculture through the prism of paremiology 258
Zhang Ke, *Jiao Yang.* Sociocognitive functions of Chinese loanwords in the Russian language 261
Shiryaeva T. A. Cognitive trope as a tool for constructing identity in professional pedagogical discourse 265
Estupiñan-Lince M. L. The Afro-Ecuadorian Chigualo: language, social cognition, and ritual resistance in contexts of racialized violence 269

COGNITIVE ASPECTS OF MODERN TECHNOLOGIES IN LANGUAGE RESEARCH AND SEMIOTIC

Anisimova E. D., Anisimov V. E. Linguocognitive features of genres in online literature discourse 274
Akhrenova N. A. Semiosis 2.0: the cognitive nature of Artificial Intelligence and the transformation of linguistic episteme 278
Achkasov A. V. Synthetic content and linguistic homohenization 282
Bespalova E. V. Modeling of bach's collocations in modern German-language corpuses 287
Bordunos A. K., Akimova O. A. Role congruenty in the Russian context: gender bias in large language models when describing the image of top-level executives 291
Vekovishcheva S. N., Ivanova N. A., Ulitkin I. A. Cognitive processes in machine translation and human translation: a comparative aspect 295
Vulfovich B. G. Patterns of aggressive internet comment generation (using the Deep Seek neural network as an example) 299
Donina O. V. Identifying prototype names of covert categories: triangulation of psycholinguistic, corpus-based, and neural network methods 303
Dubrovskaya O. G. Interpretative discourse activity as a characteristic feature of natural intelligence 308
Zhikulina K. P., Kshnyakina A. K. Two ontologies of word segmentation: how LMMS create an alternative to the morpheme 312
Karamysheva S. G. Cognitive sciences in the age of digitalization: discourse analysis of big language data 316
Kolodyazhnaya V. N. The role of language approximators as an integral part of the lexical system of modern English in the process of improving Artificial Intelligence 320
Michugina S. V. Cognitive vs. neural criteria for basic colour terms: a comparative study 324
Omelianenko V. A., Romanova I. A. The functioning of antonymic oppositions in the integrative verbal field "love–hate" in English (based on the British National Corpus) 329
Pankratova S. A. Conceptual analysis of the Artificial Intelligence phenomenon in the English-speaking mass media 333
Popova M. V., Sokolova D. N. Variation in the pronunciation of the *-ow* ending in German anthroponyms and toponyms of Slavic origin: a pilot study 337
Savchuk E. A., Syschikova E. S. Cognitive-pragmatic functions of emojis in digital discourse (based on social network corpora) 341
Tivyaeva I. V. Multimodal projection of personal memories in online communication ... 345
Fedorov E. V. Linguistic features of text complexity in educational materials: a neural network analysis using TabDPT 349
Faibushevskii M. V. On the subject and object of cognitive terminography 353
Firsov O. A. Positional asymmetry of discursive information in text interpretation by large language models 357

Khakimova R. B., Urazmetova A. V. Cognitive-semiotic modeling of beauty domains in London: the conceptual dominance of medical discourse 362
Jia Qian. Quantitative study of the behavioral features of Russian near-synonymous verbs with the meaning of "use" 365
Yurieva E. A. Language formation in a digital society: challenges and prospects 370

COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACHES IN MODERN LINGUISTIC RESEARCH

Burdaeva T. V. Cognitive potential of a complex sentence in German scientific-journalistic discourse: emotional aspect 374
Vashunina I. V., Volkova Ya. A. Cognitive-semiotic nature of emotional concepts 378
Vlavatskaya M. V. Cognitive mechanisms of comic effect transmission based on English-language cultural realities in audiovisual translation into Russian 382
Garkovskaya T. N. The role of background knowledge and communicative intentions in interpreting English nouns with broad semantics 386
Gureev V. A. Cognitive-pragmatic aspects of grammatical variability (based on the English language) 391
Dubinina N. V., *Antsiferova V. A.*, *Filippova P. N.* Linguocreative tools in the linguistic landscape of a university: a pragma-cognitive aspect 395
Evgrafova M. O., *Kokanova E. S.* Cognitive-pragmatic mechanisms of obligation graduation: the modal continuum in English-language instructions 398
Zhulina E. B. Indirect speech sentences in English language within the holisitc approach 402
Istomina E. M. Discursive formulas of the internet discourse of popular psychology 407
Kalinin O. I. Metaphor as a tool of evaluative representation of Russia in the political media discourse of South Africa 411
Kireenkova E. E. Cognitive-pragmatic interpretation of linguistic personality in the sphere of English-language terminology of special pedagogy 415
Kleimenova V. U. Code system *algospeak* in social networks discourse: cognitive and pragmatic aspects 419
Kunova S. S. Strategy of antithesis in environmental media texts of Bolivia 423
Lepenysheva A. A. Object-level discourse of cancel culture in political communication: a cognitive-pragmatic analysis 427
Luchinskaya E. N., Volkova R. A. The problem of reception of precedent texts in internet communication 431
Makurova D. A. Cognitive biases as the basis of deepfake technology 435
Moskvina T. N. Variability of the dialectic worldview: semantic derivation in German dialects in Russia 439
Nekrasova M. Yu. Conceptualization of "foreign" space in English military-pragmatic Sevastopol's toponyms of the Crimean war period 443
Nikolaeva M. N. Yellow colouronyms: cognitive and pragmatic aspect 447
Onal I. O. The ideologeme "the national image of Russia" in online reviews of tourists of different linguistic cultures about Red Square 451

Pivavarchyk T. A. Pragmatic functions of the temporal quantifier *kogda-to* in media texts 455
Polyakov A. G. Neutralizing invective in dialogue: a cognitive-pragmatic approach (based on the TV series "The Bear") 459
Popova G. E. Speech-cognitive interaction: nonadditive contextual mental models 463
Prokofyeva O. N. Speech and gesture in video conference glitches 468
Rokhlina T. A. Compression and focus shift in the evolution of a modern internet meme 473
Salkova M. A. Split infinitive as a synergistic construction: a cognitive-pragmatic analysis 477
Sapieva S. K. Ideologem "Caucasus": linguopragmatic status and criteria of actualization in TASS media discourse 481
Seagal K. Ya. Punctuation position in development: cognitive and semiotic aspects 485
Stefanovich M. V. Exploring the lack of taxis function in *-ly* adverbs derived from present participles 489
Taymour M. P. A typology of metaphtonymic models in multimodal discourse 493
Tumasyan K. A. Conceptualization of patients' experiences with "visible" and "invisible" health disorders in German-language documentaries 497
Usmanova L. A. Prognostic potential of dream narrative in internet forum space: a pragmasemantic analysis 501
Filippova E. V. Mechanisms of verbal-visual integration in creolized texts of agitational and educational fire safety posters 505
Fomenko O. V. Epistemic disagreement in editorials: a cognitive-pragmatic perspective 509
Chernysheva A. M. Reflection of the cultural code in emotive phraseological units of the Russian language 513

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

В настоящем выпуске опубликованы статьи по материалам докладов, представленных на Международной научно-практической конференции VI Новиковские чтения «Слово, текст, дискурс в функциональном и когнитивном аспектах», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Л.А. Новикова (25–27 июня 2026, Москва, Россия, Российский университет дружбы народов). Данное издание является результатом интеллектуального общения лингвистов из разных стран и регионов Российской Федерации, объединенных интересом к научному наследию Л.А. Новикова и исследованию когнитивных аспектов науки о языке.

Лев Алексеевич Новиков (1931–2003) – известный российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук высшей школы, в 1977–2003 гг. возглавлял кафедру общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Лев Алексеевич Новиков разработал принципы и методы изучения языка художественной литературы, стоял у истоков Московской семантической школы, становление которой пришлось на вторую половину XX века. Идеи профессора Л.А. Новикова о междисциплинарном подходе к проблемам науки о языке и глубинной интерпретации языковых фактов получили развитие в современной лингвистике.

В статьях первого раздела выпуска «Теоретико-методологические проблемы и междисциплинарные связи когнитивной семантики» рассматриваются вопросы понятийного аппарата, теории и метода в когнитивной семантике, специфики описания семантики языковых единиц разных тематических областей.

В разделе «Когнитивные аспекты семиотики художественного текста/пространства» обсуждаются когнитивные механизмы, лежащие в основе создания и восприятия художественного текста; феномены лингвосенсорных образов, синестезии как черты художественного мышления и «странствующие» метафоры, анализируются особенности концептуализации пространства и памяти, мультимодальность повествования и трансформация хронотопа при переводе.

Раздел «Дискурс: направления исследований, жанры, инструментарий» содержит исследования институциональных и персонального дискурсов, выполненные на материале многообразных дискурсивных практик русского, английского, немецкого и др. языков, в том числе, в сопоставительном аспекте.

Раздел «Теория ценностей в когнитивном и языковом преломлении» объединяет аксиологические исследования, выполненные на различном языковом материале: кинотекст, художественный, публицистический, рекламный и др. типы текста и паремии. Авторы анализируют динамические процессы в ценностной картине мира, роль лингвокогнитивных механизмов в аксиологизации научного знания и формирование ценностных ориентиров в медиатексте.

Раздел «Ассоциативный подход и языковая личность» включает статьи по материалам докладов, посвященных памяти выдающегося российского языковеда Ю.Н. Караулова (1935–2016).

Статьи данных разделов включены в Часть I настоящего выпуска «Когнитивные исследования языка». В Части II выпуска опубликованы статьи последующих разделов.

В центре внимания раздела «Когнитивные аспекты семиотики культуры и межкультурной коммуникации» находятся единицы языка и речи, которые задействованы в передаче культурных кодов: паремии, цветообозначения, архетипические образы в разноструктурных языках. Обсуждаются проблемы передачи культурно-специфической лексики при переводе, роль ассоциативных словарей как хранителей аутентичности и когнитивные аспекты восприятия межкультурной коммуникации.

Раздел «Язык и общество: когнитивные аспекты социолингвистических исследований» освещает широкий круг вопросов, включая социальную вариативность языка, исследование языковых ситуаций и явлений методами социолингвистики, анализ языка – методами культурологии и этнологии.

В разделе «Когнитивные аспекты современных технологий в исследовании языка и семиотическое моделирование: корпус, цифра, нейросеть» представлены исследования, посвященные трансформации языковой системы под влиянием больших языковых моделей и ГИИ. В центре внимания авторов – когнитивные механизмы интерпретации текста, гендерная предвзятость алгоритмов, новые методы корпусного и нейросетевого анализа в цифровую эпоху.

Статьи, объединенные в разделе «Когнитивно-прагматические подходы в современных лингвистических исследованиях», фокусируются на взаимосвязи когнитивных структур, коммуникативных целей и социокультурного контекста, что отражает внимание к единицам языка и их функциям в различных контекстах.

Мы надеемся, что представленные в данном издании работы послужат импульсом к дальнейшему развитию отечественной и зарубежной когнитивной лингвистики, а также научной школы Льва Алексеевича Новикова.

Н.В. Новоспасская, О.В. Лазарева

О. Б. Абакумова*, *А. Л. Колесникова*, *М. В. Цуканов *(Орел, Россия)*
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru, *anna-perevod@yandex.ru*,
tsukanov1307@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И ВРЕМЕННОГО КОДОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СЕМАНТИКЕ ПОСЛОВИЦ О ПРАВДЕ И ЛЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ)

Статья посвящена вопросам кодирования культурных смыслов в пословицах неблизкородственных языков: русского, английского и немецкого, составляющих паремический дискурс о правде и лжи. Временной и количественный код оказались доминирующими в этих типах дискурса, а их комбинирование позволило выявить социальные нормы культуры носителей русского, английского и немецкого языков.

Ключевые слова: паремический дискурс, правда и ложь, лингвокультурные коды, русский язык, английский язык, немецкий язык

В результате анализа русских, английских и немецких словарей было выявлено более 500 русских [Мокиенко, Никитина 2011], более 100 немецких [Байер, 1989] и около 100 английских [Fergusson, Law 2000] пословиц о правде и лжи. Это дало возможность описать соответствующие паремические дискурсы по данной тематике и выявить культурные смыслы, которые передаются в семантике паремий через временной и числовой тематические коды лингвокультуры.

Паремический дискурс мы понимаем как совокупность текстов, объединенных общей темой, а конкретную пословицу как «паремический микродискурс», который может быть статическим (реляционным) или динамическим (операциональным) [Борботько 2011].

Коды лингвокультуры определяются авторами «Словаря лингвокультурных терминов М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым как «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; способ сохранения и передачи культурной информации» [Ковшова, Гудков 2018: 40]. В данной статье мы остановимся на сочетании количественного и временного лингвокультурологических кодов в семантике русских, английских и немецких паремий. Мы будем выделять культурные установки, опираясь на классификацию деонтических норм в семантике пословиц, предложенную В.И. Карасиком [Карасик 2004].

Количественный лингвокультурный код в комбинации с временным позволяет сохранять в культуре следующие культурные смыслы и установки, которые можно выявить в структуре пословиц, используя семантическую роль «квалитатив» [Абакумова, Колесникова 2025]:

Этические нормы социального поведения:

1) Следует быть честным

Квалитатив единственности:

Рус. *Правда одна, а на всех ее хватает; Двух правд не бывает*; *Лжей много, а правда одна* [Мокиенко, Никитина 2011]; *Англ. Truth is always one* (букв. ‘Правда всегда одна’); Нем. *Ein ehrliches Nein ist besser als zwei falsche Ja* (букв. ‘Одно честное «нет» лучше, чем два неверных «да»’);

Квалитатив недолговечности лжи и вечности правды*:*

Рус. *Вранью да небылицам короткий век; Ложь что мелкая монета: на нее долго не проживешь; Правда не стареет* [Мокиенко, Никитина 2011];

Англ. *Truth never grows old* (букв. ‘Правда никогда не стареет’; Нем. *Lügen haben kurze Beine* [Fergusson 2000] (букв. ‘У лжи короткие ноги, т.е. ложь долго не сохраняется, правда выходит наружу’);

2) Следует быть справедливым

Квалитатив справедливости:

Рус. *Вся правда в счете*; *Сколько веревочке не виться, а конец всегда будет* [Мокиенко, Никитина 2011]; Нем. *Die Wahrheit will an den Tag* [Байер 1989] (букв. ‘Правда днем проявится’), ср. Рус.: *Правда всегда на свет выйдет*;

Квалитатив неизбежности наказания (за обман, клевету):

Рус. *Много врать – больше бить будут* [Мокиенко, Никитина 2011].

3) Следует быть искренним

Квалитатив открытости, простоты:

Рус. *На правду мало слов надобно: либо «да», либо «нет»*; *Правду говорят малые дети да пьяные*; *Молодое сердце всегда ближе к правде* [Мокиенко, Никитина 2011]; Нем. *Man braucht sieben Lügen, um eine zu bestätigen* (букв. ‘Нужно семь лжей, чтобы подтвердить одну’); *Kindermund tut Wahrheit kund* (букв. ‘Рот младенца говорит правду’) [Байер 1989]. Ср. Рус.: *Устами младенца глаголет истина*; англ. *Children and fools cannot lie* (букв. ‘Дети и глупцы не умеют лгать’); *Truth needs not the ornament of many words* (букв. ‘Правда не нуждается в украшениях словами’) [Fergusson 2000].

4) Следует быть смелым и верить в лучшее

Квалитатив силы, могущества правды:

Рус. *Маленькая правда победит большую неправду*; *Правда стара, да не умирает, ложь помоложе, да недолго проживет* [Мокиенко, Никитина 2011]; Англ. *Truth is mighty and will prevail* (букв. ‘Правда могущественна и победит’) [Fergusson 2000]; Нем. *Um die Wahrheit zu begraben, gehören viel Schaufeln* (букв. ‘Нужно много копать, чтобы закопать правду’);

Квалитатив надежности, стабильности правды*:*

Рус. *Ложь на одной ноге стоит, а правда на двух*; *Чем меньше врется, тем спокойнее живется*; *Коли с правдой, так не один* [Мокиенко, Никитина 2011]; *Нем.*

Die Wahrheit kann man mit drei Worten bestätigen (букв. ‘Правду можно подтвердить тремя словами’).

Квалититив величия*:*

Рус. *Правда велика: в пазуху не влезет, в карман не взойдет*; *Правда всегда перевесит* [Мокиенко, Никитина 2011].

Утилитарные нормы*:*

5) Следует быть осторожным*:*

Квалитатив ошибочности людских суждений:

Рус. *Людским речам наполовину верь*; *Один раз обманешь – другой не поверят* [Мокиенко, Никитина 2011]; Англ. *All truths are not to be told* (букв. ‘Всей правды (никому) говорить не стоит’) [Fergusson 2000]; Нем. *Aus einem Jungen, der lügt, wird ein Alter, der betrügt* (букв. ‘Из *мальчика*, который лжет, получится *старик*, который обманывает’); *Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht, und wenn er auch die Wahrheit spricht* (букв. ‘Кто однажды солгал, тому не поверят, даже если он говорит правду’).

Квалитатив опасности:

Рус. *Маленькая ложь ведет за собой большую*; Англ. *Four good mothers have four bad daughters*: *truth, hatred; prosperity, pride*; *security, peril*; *familiarity, contempt* (букв. ‘У четырех хороших матерей четыре плохих дочери: у правды ненависть, у процветания гордость, у безопасности риск, у знакомства презрение’); *He who speaks the truth must have one foot in the stirrup* (букв. ‘Тот, кто говорит правду, должен быть готовым бежать’); Нем. *Die halbe Wahrheit ist die gefährlichste Lüge* [Байер, 1989] (букв. ‘Полуправда / правда наполовину – это самая опасная ложь’).

Квалитатив скорости распространения сплетен:

Рус. *Кудакнула одна курица, а узнала вся улица*; *Хорошая молва спит, а худая впереди бежит*; *Одна врала, другая не разобрала, третья по-своему переврала* [Мокиенко, Никитина 2011].

Квалитатив намеренного искажения истины:

Рус. *Кто много врет, тот много божится* [Мокиенко, Никитина 2011]; Нем. *Aus einem Körnchen Wahrheit bäckt die Lüge einen Laib Brot* [Байер, 1989] (букв. ‘Из одного *зернышка* правды ложь испечет *буханку* хлеба’); *Das Gerücht ist immer größer als die Wahrheit* (букв.‘Слухи всегда больше правды’).

6) Следует знать правду

Квалитатив высокой ценности, неизменности:

Рус. *Правда не стареет*; Англ. *Truth never grows old* (букв. ‘Правда никогда не стареет’) [Fergusson 2000]; Нем. *Wahrheit altert wohl, aber sie stirbt nicht* (букв. ‘Правда стареет, но не умирает’).

7) Не следует рано подводить итоги

Квалитатив опыта:

Рус. *Без правды века не изживешь* [Мокиенко, Никитина 2011]; Англ. *Time is the father of truth* (букв. ‘Время – отец правды’); *Truth is time’s daughter* (букв. ‘Правда –

дочь времени'); *Many a true word is spoken in jest* (букв. 'Многие правдивые слова говорятся в шутку') Ср. Рус.: *В каждой шутке есть доля шутки* (остальное – правда) [Fergusson 2000]; Нем. *Was gestern richtig war, kann morgen falsch sein* (букв. 'То, что вчера было верным, завтра может оказаться ошибочным'); Zeit gebiert Wahrheit (букв. 'Время рождает правду') [Байер 1989].

Сопоставительный анализ установок культуры, закодированных временным и количественным кодами в семантике русских, английских и немецких пословиц, показал как универсальное, так и культурно-специфическое в паремиях: больший объем этических императивов в русском, преобладание утилитарных норм осторожности в немецком и доминирующие предостережения против опасности говорения правды в английском.

Литература

Абакумова О.Б., Колесникова А.Л. Мифологема Зеркало в русском, немецком, английском и японском паремическом дискурсе о правде и лжи // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. №. 1 (907). С. 52–61.

Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1989.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Либроком, 2011.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ОЛМА МедиаГрупп, 2011.

Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of English Proverbs. London: Market House Books Ltd, 2000.

O. B. Abakumova, A. L. Kolesnikova, M. V. Tsukanov *(Orel, Russia)*
Orel State University named after I. S. Turgenev

REPRESENTATION OF QUANTITATIVE AND TEMPORAL CODES OF LINGUO-CULTURE IN THE SEMANTICS OF PROVERBS ABOUT TRUTH AND LIE (BASED ON THE DATA OF RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN PROVERBS)

The paper deals with questions of coding cultural senses in proverbs of genetically distant languages. Comparative study was based on Russian, English and German proverbs about truth and lie in corresponding linguo-cultures. Temporal and quantitative codes turned to be dominating, and their combination helped reveal deontic norms of social behaviour of the corresponding cultures.

Key words: paremic discourse, truth and lie, linguo-cultural codes, Russian, English, German languages

Е. В. Белоглазова *(Санкт-Петербург, Россия)*
РГПУ им. А.И. Герцена

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье дается обзор особенностей репрезентации русской культуры в общих лингвистических словарях, а также специализированных изданиях, в совокупности конструирующих пусть не полный, но достаточно сбалансированный образ России, включая как тему политического противостояния, так и вклад России в мировую культуру и науку.

Ключевые слова: русизм, русская культура, Россика, иноязычное описание культуры, конструирование образа России, лексикография

Прямые контакты между русской и англофонной культурами насчитывают уже пять веков; в истории их взаимоотношений были как периоды повышенного интереса и тесного взаимодействия, так и моменты охлаждения, но за все прошедшие века эти взаимоотношения никогда не прекращались полностью.

Русизмы фиксируют англоязычные словари начиная с XVIII в. [Johnson 1755; British Encyclopaedia 1736]. О стабильном интересе к русской теме свидетельствуют количественные оценки притока русизмов в английский язык [Podhajecka 2006: 124], в котором пики сопровождают периоды интенсивного межкультурного обмена – после первого установления контакта в конце XVI в., затем на рубеже XIX–XX вв., в 20-х и 60-х гг. XX в. Очевидно, что именно эти периоды и связанные с ними события и процессы оказались наиболее детально представленными в английском языке, самим фактом своего существования в нем моделируя англоязычный образ России, в котором важную роль играют мотивы власти (*tsar/ czar, tsarina, tsarevich, boyar, ukase, Soviet, duma, druzhina, voivode*), религии (*Raskolnik, Dukhobor, starover, iconostas*), народа и народов (*intelligentsia, Ivan, kulak, muzhik, baba, babushka, mir, narod, narodnost, Abkhaz, Chechen*, *Cheremis(s)*, *Chukchee, Cossack*), биологического и географического разнообразия (*chernozem, podzol, solonchak, tundra, steppe, beluga, borzoi, gorbuscha*).

Этот портрет не изменило и появление наиболее полного и демократичного 3го издания Oxford English Dictionary, в котором набор русизмов пополнили слова, относящиеся к тем же мотивам: ВЛАСТЬ {politruk, Spetsnaz}, РЕЛИГИЯ {(Bez) popovtsy, Molokan}, НАРОД {Adjar, baba, Mansi}.

Хотя П. Дуркин располагает русский на 14 месте среди языков [Durkin 2014: 25], внесших свой вклад в английский лексикон, исследователь характеризует общее число русизмов в английском языке как крайне небольшое [Durking 2014: 378]. С этой оценкой не согласны В.В. Кабакчи, оценивающий число русизмов, только зарегистрированных в Oxford English Dictionary, как превышающее 400 [Кабакчи 2015], и М. Подхаецка [Podhajecka 2018], по мнению которой их число превышает

500 единиц. При этом исследовательница подчеркивает, что некоторые из них регистрируются и малыми учебными словарями [Podhajecka 2006], что свидетельствует об их проникновении в ядро английского лексикона.

На высокую степень натурализации некоторых русизмов указывает их ассимиляция, в частности, грамматическая, проявляющаяся в развитии способности к формообразованию в соответствии с приобретенной грамматической парадигмой (e.g. *muzhik – muzhiks*), а также развитие способности к словообразованию. Русизм *knout*, восходящий к рус. «кнут», помимо существенной фонетической ассимиляции, включающей опущение начального согласного [k] и дифтонгизацию корневого гласного [aʊ], демонстрирует приобретенную способность к конверсии, порождая глаг. *to knout* (в значении «пороть (кнутом)»). Интересно слово *muzhikdom*, появившееся в серии дополнений к Oxford English Dictionary в 2003 г., означающее ‘Muzhiks collectively’. Нетрудно заметить, что эти слова являются уже не заимствованиями-русизмами, а «урожденными» фактами английского языка, не утрачивая при этом связь с исконной культурой, которую они репрезентируют.

Общая политика англофонной лексикографии, крайне осторожно относящейся к заимствованной лексике и неохотно включающей ее в словарь [Белоглазова 2023], ограничивает эвристичность исследования русизмов в английском языке с опорой на общие лингвистические словари. Рисуемый на их основе портрет необходимо дополнить другими источниками, среди которых перспективными представляются специализированные словари, справочники и глоссарии [Crowe 1969; Rollberg 2009; Rossi, Conquest 1989; The Cambridge Encyclopedia … 1982 и др.].

Интересный подход отличает словарь “непереводимостей» [Dictionary of Untranslatables 2014], составленный из философских терминов, за которыми стоят культурно специфические концепты: нем. Dasein, рус. правда, португ. saudade, и др. Исходным тезисом составителей словаря является положение о том, что замена (точнее, подмена) слов не способствует преодолению когнитивного барьера, но усугубляет его. Русское «правда» – это не justice, и не truth; англ. mind не заменить ни на нем. Geist, ни на фр. esprit. Словарь отличает широкий охват культурно-значимых концептов, систематически соотносимых между собой и с ближайшими им инолингвокультурными аналогами. Так, статья АСТ включает отсылку к русским понятиям ПОСТУПОК и ЛИЧНОСТЬ; ALLIANCE содержит пояснение относительно БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВО и СОБОРНОСТЬ. Отдельные статьи посвящены понятиям ПРАВДА и НЕПРАВДА, ИСТИНА, ВОЛЯ, СВОБОДА, СВЕТ, БЛАГОДАТЬ, СТРАДАНИЕ, СОБЫТИЕ, СОБОРНОСТЬ, СЕРДЦЕ, САМОСТЬ, НАРОД, НАРОДНОСТЬ, ДРУГОЙ, САМОСТЬ, и др. Как можно видеть, словарь дает уникальный ракурс на своеобразие мировоззрения народов, акцентируя как параллели между ними, так и уникальные черты.

Примечателен отбор представителей русской культуры, предлагаемый Э.Д. Хиршем [Hirsch 1988a, 1988b]. Не связанный жесткими ограничениями лингвисти-

ческой лексикографии, отказавшейся от освещения ономастики, автор включает в перечень того, что должен знать каждый, не только апробированные традиционными словарями русизмы, но также имена русских деятелей литературы (*Pasternak, Solzhenitsyn, Dostoyevsky, Tolstoy, Chekhov, Pushkin*), политики (*Gorbachev, Stalin*), музыки (*Prokofiev*), науки (*Mendeleev, Pavlov*).

Эвристичный ракурс на особенности конструирования образа России англофонным обществом дают словари аллюзий. Так, словарь Н. Риза [Bloomsbury… 1991] не ограничивается несколькими и без того общеизвестными именами, но делает акцент на цитаты, крылатые выражения, а также литературные и кино-аллюзии. Например, вместо сухой биографической справки по фигуре И.В. Сталина, без упоминания которого невозможно ни одно издание современной иноязычной Россики, автор приводит его говорящие прозвища (*the Man of Steel; Uncle Joe*), его цитату из Евангелия от Луки «*he who is not with us is against us*» с пояснением, почему это неудивительно, что Советский лидер цитирует Писание; воспоминания У. Черчилля в встрече со Сталиным, где он описывал план нападения на противника через образ «*soft underbelly*» (мягкого брюха) крокодила. Безусловно, отмечая такие опорные для западного читателя источники, как *10 Days That Shook the World* Дж. Рида, автор также включает в эту статью пояснение о том, что цитата стала альтернативным названием фильма С. Эйзенштейна в переводе на английский язык. Всего словарь содержит 45 упоминаний России. Результатом такого подхода становится образ не далекого и чуждого противника, но долгой и насыщенной истории взаимоотношений двух держав, двух культур, в которой есть место как противостоянию, так и взаимообогащению.

Подводя итог нашему обзору, отметим, что складывающийся в англоязычной справочной литературе образ России, безусловно, далек от полноты. В то же время, учет многообразия ракурсов и концепций, лежащих в основе разных изданий, позволяет увидеть, как эти подходы взаимодополняют друг друга, конструируя в своей совокупности многогранный образ, вовсе не ограничивающийся портретом политического врага, но отмечающий также вклад русского народа в мировую культуру, его научные достижения, а также природные богатства страны.

Литература

Кабакчи В.В. Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 16–22.

Beloglazova E.V. Lexicography of Russianisms in English // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2023. No. 207. P. 203–208.

Bloomsbury Dictionary of Phrase and Allusions / ed. by N. Rees. London, Bloomsbury, 1991.

British Encyclopaedia of Literature, History and Geography, Law and Politics / ed. by Ch.F. Partington. London, 1736.

Crowe B. Concise Dictionary of Soviet Terminology, Institutions and Abbreviations. Oxford: Pergamon, 1969.

Durkin P. Borrowed Words. A History of Loanwords in English. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Johnson S. A Dictionary of the English Language: In 2 vols. London: W. Strahan for J. & P. Knapton Publ., 1755.

Hirsh E.D. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. New York: Vintage Books, 1988a.

Hirsh E.D. The Dictionary of Cultural Literacy / E.D. Hirsch, jr., Joseph F. Kett, James Trefil. Boston: Houghton Mifflin co., 1988b.

Podhajecka M. Russian Loanwords in the Oxford English Dictionary Revisited, Przeglqd rusycystyczny. 2018. No. 2 (162). P. 133–158.

Podhajecka M. Russian Borrowings in English: Similarities and Differences in Lexicographic Description // Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX). Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2006. P. 123–134.

Rollberg P. Historical Dictionary of Russian and Soviet Cinema. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2009.

Rossi J., Conquest R. The Gulag Handbook: An Encyclopedia Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. New York: Paragon house, 1989.

The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon / ed. by B. Cassin. Cambridge and Princeton: Princeton University Press, 2014.

E. V. Beloglazova *(Saint Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University

MODELLING OF THE IMAGE OF RUSSIA IN ANGLOPHONE LEXICOGRAPHY

The paper presents an overview of approaches to the representation of Russia and the Russian culture in linguistic dictionaries, as well as specialized reference editions. The research allows for the conclusion, that the resultant image of Russia can be described as relatively balanced, reflecting the story of political confrontations and the contribution of the Russians to the world culture and science.

Key words: Russianism, Russian culture, Rossica, exolingual culture description, construal of the country image, lexicography

Л. А. Борботько *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
ludmilaborbotko@gmail.com

ТЕАТРАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ В ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ РАКУРС

Исследование посвящено выявлению принципов номинации театров города Москвы, рассматриваемых как инструменты формирования и продвижения бренда института культуры, формирования городского ландшафта, привлечения зрительской аудитории с целью трансляции ценностных смыслов.

Ключевые слова: театральный дискурс, номинация, городской ландшафт, бренд, полифункциональность

Лингвистический и лингвокультурологический ландшафт городского пространства является значимым и актуальным объектом междисциплинарных научных исследований. Город говорит, что, в свою очередь, способствует конструированию реальности вокруг человека, раскрытию его социальной позиции, культурной и социальной идентичности [Чернявская 2023: 59]. Освоение создаваемой реальности невозможно без осмысления местности как базового условия [Карасик 2024: 122], без последующих процессов категоризации и концептуализации.

В фокусе проводимого исследования принципы номинации объектов культуры, в частности, театров. В качестве эмпирического материала выступили собранные посредством сплошной выборки названия театров г. Москвы, без учета их принадлежности к государственным или частным институтам культуры. Целью является выявление принципов номинации театров в контексте города, понимаемого как коммуникативная система [Леонтович 2020: 22], а также как лингвокультурное пространство, транслирующее культурно-ценностную информацию [Иванова 2024: 34]. Более того, город представляет собой публичную территорию, формируемую совокупностью знаков, составляющих многослойное коммуникативное образование и формирующих урбанистический дискурс для описания «речевых проявлений различных коммуникативных пространств» [Викулова 2024: 30].

Названия театров создают духовный облик города, что наряду с другими признаками включено в характерный для исследуемых единиц расширенный функционал. Очевидна номинативная функция, которая предполагает передачу фактологической информации, локализуя тот или иной институт культуры на карте города (*Театр на Таганке*). Номинативность также подразумевает информативность, поскольку сообщаются «некоторые культурно-исторические знания», значимые для процессов познания и концептуализации действительности [Абросимова 2025: 508] (тип демонстрируемого зрелища – *Московский театр оперетты*, аудитория – *Театр юного зрителя*), и имеет прагматическую составляющую – название театра есть то, что отличает его от других институтов культуры, привлекает внимание.

В некоторых случаях прагматика названия, выступающего «возбудителем мыслей и эмоций» [Новиков 1982: 27], подразумевает инференцию: наименование театра демонстрирует приверженность определенной школе, транслирующей конкретные ценности, а также имплицитно указывает на персоналии, непосредственно связанные с театром (*Театр «Современник»* – Г. Волчек, О. Ефремов, Е. Евстигнеев и др.). В то же время, лингвопрагматический потенциал названий театров способствует реализации рекламной и маркетинговой функций, а также формированию и продвижению бренда театра как «нематериального актива» [ОМЛ 2023: 31]. В этом случае справедливо говорить о синтезе нематериальной составляющей и внешних признаков бренда, эксплицирующих «модель привлекательной идентичности» [ОМЛ 2023: 33], которая обладает мягкой силой в воздействии на потенциального зрителя. К внешним параметрам относится логотип и дизайн представленного названия, в том числе, типографические особенности, соответствующие принципу соотношения «полифонии смыслов <…>, поддерживаемых разнообразием типографического ландшафта» [Чернявская 2023: 93]. Примером может служить логотип *Театра "Et Cetera" под руководством А. Калягина*: латинский компонент в названии *"Et Cetera"* выполнен шрифтом от руки. Подобная стилизация под рукописный текст подразумевает, что это непосредственная реакция художественного руководителя, транслирующего собственные идеи аудитории. Имеет место интимизация, поскольку поставленная от руки подпись свидетельствует о близких отношениях труппы и зрителя.

Обратимся к принципам номинации театров, выделенных на основании проведенного анализа эмпирического материала. Были сформулированы следующие критерии:

- указание на тип зрителя (*Театр* ***юного*** *зрителя, Театр* ***с пеленок****, Российский академический* ***молодежный*** *театр (РАМТ)*);

В данном случае в названии театров эксплицитно обозначена их целевая аудитория, что предполагает инференцию: в репертуаре представлены спектакли, соответствующие возрастным ограничениям (0+, 6+, 12+, 16+). Тем не менее, в случае с РАМТом название является отсылкой к истории создания театра, поскольку на сегодняшний день репертуар гораздо более широк и также включает спектакли, маркированные возрастным цензом 18+;

- указание на тип зрелища (***Музыкальный*** *театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, Московский театр* ***кукол****, Московский театр* ***оперетты****, Театр* ***вкуса****, Театр* ***эстрады***);

- аллюзивная отсылка к имени основателя / художественного руководителя (*Московский театр* ***Олега Табакова***, *Театр «****Мастерская П.Н. Фоменко****»*, *Театр* ***Терезы Дуровой***, *Театр кукол им.* ***Сергея Образцова***);

- культурно-исторические аллюзии (*Театр им.* ***Ермоловой****, Электротеатр* ***Станиславский***);

Отметим, что в случае с названием *Электротеатр Станиславский*, процесс ментальной обработки и квалификации сведений демонстрирует совокупное ука-

зание на концепцию театра, предполагающую интеграцию передовых технологий (приставка *электро-*) и принципов театральной школы К.С. Станиславского, что репрезентировано посредством аллюзии к имени основателя системы русского классического театра;

- литературные реминисценции (*МХАТ им.* ***Горького****, МХТ им.* ***Чехова****, Московский драматический театр им.* ***А.С. Пушкина****, Московский драматический театр им.* ***Н.В. Гоголя****, Театр «Домик* ***Фанни Бэлл****»*);

Среди представленных примеров присутствуют аллюзии к именам писателей, драматургов и поэтов, чьи произведения были инсценированы, а также отсылки к именам литературных персонажей: имя *Фанни Бэлл* в названии детского театра напоминает о двоюродной сестре Мэри Поппинс из произведения П. Трэверс;

- локализация в пространстве города (*Театр на* ***Бронной****, Театриум на* ***Серпуховке****, Театр у* ***Никитских ворот,*** *Театр города* ***М****.*);

В контексте данного принципа номинации отмечаются прямые (*Театр на Бронной, Театриум на Серпуховке*) и непрямые указания на локацию (*Театр города М.*). Название *Театр города М.* демонстрирует принадлежность театра городскому пространству (театр в неразрывной связи с городом) без указания на город. Однако, даже будучи скрытым, название города – Москва – декодируется);

- дополнительный функционал (***Интерактивный*** *театр «КидБург», Театр-****музей*** *«Сказкин Дом», Театральный* ***дом*** *«Аполлинария»*);

Обозначенный принцип предполагает, что в наименовании театра отражены те позиции, которые являются признаками, отличающими театры, представленные в данной группе, от традиционных институций подобного рода: в частности, указание на *интерактивность* / *иммерсивность* свидетельствует о том, что зрители готовы стать непосредственными участниками действия наравне с труппой;

- самоидентификация (***Студия*** *театрального искусства,* ***Школа*** *современной пьесы, Театральное* ***объединение*** *«Около»*);

Согласно принципу самоидентификации в наименовании театра может быть обозначено, как театр позиционирует себя (*студия*, *школа*, *объединение* и др.). Предполагается инференция: студия характеризуется небольшим физическим пространством, а также экспериментальным характером инсценировок, выступая, таким образом, в диминютивной позиции по отношению к театру как общественной институции, одновременно имея возможность не ограничивать себя теми или иными рамками;

- особый статус / миссия (*Театр «Современник», Театр Наций, Театр Ленком, Театр российской армии, Театр «АЯ», Театр «МалышХаус»*)

Принцип вербализации миссии театра или его статуса посредством названия демонстрирует инференцию: *Театр «Современник»* создан как плацдарм для обсуждения и решения острых социальных вопросов, что отражено в актуальном репертуаре. Отдельно отметим, что в некоторых случаях особый статус театра зафикси-

рован в наименовании на уровне государства. Так, *Государственный академический Большой театр, Государственный академический Малый театр* обладают званием *академических*, введенным в 1919 г. как знак отличия для крупнейших театров. Подобное наименование свидетельствует о высочайшем профессиональном уровне, широком репертуаре, активной просветительской деятельности и историческом наследии.

Таким образом, систематизация названий театров способствует выделению ряда принципов номинации, позволяющих создать и продвигать бренд конкретного института культуры, а также популяризовать театральное искусство в целом.

Литература

Абросимова Л.С. Когнитивно-прагматические аспекты ономастической номинации // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2–1 (63). С. 507–511.

Викулова Л.Г., Макарова И.В., Гедгафова Н.А. Лингвосемиотический ландшафт публичных территорий малого города // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2024. № 3 (63). С. 29–36.

Иванова С.В. Типология межкультурного взаимодействия в знаках культурноязыкового ландшафта Петербурга // Язык, Культура, Коммуникация: изучение и обучение: Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Орел, 10–11 октября 2024 года. Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024. С. 33–37.

Карасик В.И. Когнитивные, семиотические и акциональные характеристики музея как лингвокультурного феномена // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 2 (54). С. 120–135.

Леонтович О.А. Язык большого города: ключевые проблемы медиаурбанистики // Этнопсихолингвистика. 2020. № 3. С. 19–34.

Новиков Л.А. Искусство слова. М.: Педагогика, 1982.

ОМЛ – Основы маркетинговой лингвистики / под ред. Л.Г. Викулова. М.: Языки народов мира, 2023.

Чернявская В.Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 5. С. 89–100.

Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 58–72.

L. A. Borbotko *(Moscow, Russia)*
Moscow City University

THEATRE NAMES ON CITY LINGUISTIC MAP: COGNITIVE PERSPECTIVE

The research regards the priciples of Moscow theatres nomination. The names are seen as the tools for promoting theatre brands, structuring the city space and attracting the audience to ensure moral values transmission.

Key words: theatrical discourse, nomination, city space, brand, multifunctionality

Ван Цзятао *(Шанхай, КНР)*
Шанхайский университет иностранных языков
wangjiatao@yandex.ru

МНОГОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР КОЛИЧЕСТВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «ДОЖДЬ»)

В статье на основе расширенной теории концептуальной метафоры рассматриваются метафоры количества со сферой-источником «дождь». Анализ позволяет проследить путь от базовых образ-схем к конкретным ментальным пространствам, что демонстрирует, как телесный опыт последовательно проецируется и закрепляется в языковых выражениях.

Ключевые слова: многоуровневый анализ метафоры, расширенная теория концептуальной метафоры, метафоры количества, дождь, китайский язык

Введение. С момента появления теории концептуальной метафоры она стала одним из ключевых направлений когнитивной лингвистики [Lakoff, Johnson 1980]. Обобщая ряд ключевых понятий когнитивной лингвистики, З. Кевечеш предложил расширенную теорию концептуальной метафоры, согласно которой метафору можно анализировать на четырех уровнях, различающихся по степени схематичности: образ-схема, домен, фрейм и ментальное пространство [Kövecses 2017; 2020]. Образ-схемы представляют собой «повторяющийся, динамический паттерн наших перцептивных взаимодействий и моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» [Johnson 1987: XIV]. Домены и фреймы, будучи менее абстрактными, базируются на культурном опыте, относятся к надындивидуальному уровню. Фрейм детализирует определенный аспект домена. Все они характеризуется деконтекстуализированностью. Ментальные пространства представляют собой наиболее конкретные, индивидуальные и контекстуально обусловленные структуры. Этот многоуровневый подход дает мощный инструмент для глубокого раскрытия внутренней структуры метафоры и механизма познания мира человечеством.

В китайском языке существует множество метафорических выражений со сфе-

рой-источником «дождь», обозначающих количество. Материалом данного исследования служат 19 китайских фразеологизмов со сферой-источником «дождь», обозначающих количество, отобранных из «Большого словаря китайского языка» в электронной версии (http://www.hydcd.com), так как высокая степень конвенционализированности фразеологизмов позволяет им отражать когнитивную модель определенного языкового сообщества, а не отдельного человека. Наше исследование фокусируется на этих фразеологизмах и анализирует их на четырех уровнях, демонстрируя, как универсальный телесный опыт конкретизируется в китайском культурном контексте.

Результат и обсуждение. Опыт восприятия дождя активирует комплекс базовых образ-схем, формирующих когнитивный фундамент для понимания абстрактного понятия «количество». Центральную роль играют три взаимосвязанные схемы. Схема ITERATION (Итерация) отражает восприятие дождя как непрерывного процесса: капли падают одна за другой, создавая ощущение повторяющегося действия. Она обеспечивает понимание временной протяженности и непрерывности процесса. Схема COLLECTION (Коллекция) возникает из восприятия дождя как единого целостного явления, образуемого множеством отдельных капель. Схема MASS (Масса) отражает восприятие дождя как сплошной, непрерывной и неисчисляемой субстанции, покрывающей пространство. Данная схема лежит в основе концептуализации любого множества как непрерывного покрытия или потока (стрел, пуль, пота, людей).

Различные фразеологизмы активируют разные комбинации этих схем. В военных и физиологических фразеологизмах, таких как 矢如雨下 ‘досл. стрелы падают как дождь’ и 汗如雨下 ‘досл. пот льется как дождь’, доминирует комбинация MASS и ITERATION: множество объектов (стрелы, капли) непрерывно появляются и движутся. Во фразеологизмах, описывающих скопление, таких как 雨凑云集 ‘досл. дождь и тучи собираются’, на первый план выходит комбинация MASS и COLLECTION, создающая образ множества объектов, стягивающихся к одному центру.

В ряде фразеологизмов добавляется схема CONTAINER (Контейнер). Пространство (небо, поле боя, площадь) осмысляется как вместилище, которое может быть заполнено объектами. Во фразеологизме 弹雨枪林 ‘досл. пули как дождь, копья как лес’ пространство боя выступает как контейнер, заполненный пулями и копьями. Схема CONTAINER тесно взаимодействует со схемой COLLECTION, усиливая ощущение заполненности и плотности.

Все 19 анализируемых фразеологизмов объединены общим комплексом образ-схем: MASS, ITERATION и COLLECTION – с возможным добавлением CONTAINER. Именно этот комплекс создает когнитивную основу для понимания абстрактного понятия «количество» как множества объектов, данных в непрерывном процессе и способных заполнять пространство.

На следующем уровне активизируется признак большого количества капель дождя как сферы-источника. Комплекс образ-схем, связанных с восприятием дождя, проецируется на абстрактную область количества. Формируется единая для всех 19 фразеологизмов когнитивная метафора: КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ГУСТОТА ДОЖДЯ. Эта метафора включает три основных аспекта, соответствующих выделенным образ-схемам: (1) множество объектов (MASS): большое число людей, предметов, событий; (2) процессуальная повторяемость (ITERATION): постоянное возникновение все новых элементов; (3) собирание (COLLECTION): объединение множества отдельных объектов в единое целое.

Данная метафора существует как абстрактное соответствие между сферой-источником (дождь) и сферой-мишенью (количество), еще не привязанное к конкретным тематическим сферам.

На уровне фреймов абстрактная метафора применяется к различным сферам человеческого опыта. Каждая сфера имеет свою структуру знаний – набор ролей и отношений, которые получают специфическое наполнение. Анализ материала позволяет выделить четыре основных фрейма:

Военный фрейм представлен 11 фразеологизмами. В этом фрейме множество капель проецируется на множество стрел или пуль, непрерывность падения – на непрерывность обстрела. Все это множество стрел или пуль не просто существует само по себе, а плотно собирается и заполняет пространство боя, создавая высокую плотность покрытия. Например, 矢如雨下 акцентирует непрерывный поток движущихся объектов, а 弹雨枪林 – статичную плотность заполнения пространства.

Фрейм множества талантов представлен тремя фразеологизмами. Здесь множество капель проецируется на множество советников и чиновников, непрерывность падения – на их непрерывное появление при дворе. Например, 文武如雨 ‘досл. гражданских и военных чиновников много, как дождевых капель’.

Физиологический фрейм представлен 7 фразеологизмами. Здесь множество капель проецируется на множество капель пота или слез, непрерывность падения – на интенсивность физиологического процесса. Например, 汗如雨下 ‘досл. пот льется как дождь’.

Фрейм скопления людей или предметов представлен тремя фразеологизмами. В данном фрейме базовые образ-схемы MASS и COLLECTION проецируются на ситуацию скопления людей или предметов. Например, 雨凑云集 ‘досл. дождь и тучи собираются’.

На уровне ментальных пространств каждый фразеологизм конструирует уникальное ментальное пространство, в котором роли, заданные фреймом, заполняются конкретными значениями. Эти пространства заданы непосредственно семантикой каждого фразеологизма. Приведем фразеологизмы военного фрейма к примеру. 弹雨枪林 конструирует пространство боя, где пули летят с плотностью дождя, а ряды копий частотой леса. 矢如雨下 создает пространство осажденной крепости,

на которую сверху обрушивается непрерывный поток стрел. Каждое ментальное пространство уникально, но все они построены на одном фундаменте – комплексе образ-схем MASS, ITERATION и COLLECTION – и реализуют когнитивную метафору на уровне домена КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ГУСТОТА ДОЖДЯ.

Рассмотренные метафоры количества со сферой-источником «дождь» имеют универсальную когнитивную природу, основанную на фундаментальном телесном опыте восприятия дождя. Вышеупомянутые образ-схемы формируются в результате повторяющихся сенсомоторных опытов, общих для всех людей. Воспринимая дождь, человек многократно наблюдает множество падающих капель, их последовательное падение одна за другой, то, как капли сливаются в сплошную массу, – этот комплексный опыт закрепляется в виде указанных образ-схем. В дальнейшем данный комплекс отделяется от конкретного явления «дождь» и начинает функционировать как когнитивная структура для понимания любых явлений, характеризующихся множественностью и непрерывностью. Именно эта структура проецируется на абстрактную область количества, формируя метафору КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ГУСТОТА ДОЖДЯ, которая затем применяется к различным сферам опыта и активирует соответствующие фреймы. В каждом конкретном случае возникают уникальные ментальные пространства, закрепленные в китайских фразеологизмах. Таким образом, метафоры количества со сферой-источником «дождь» в китайском языке демонстрируют работу общих когнитивных механизмов, основанных на телесном опыте, а анализ на четырех уровнях позволяет проследить путь от фундаментального опыта к конкретным языковым выражениям.

Выводы. Многоуровневый анализ 19 китайских фразеологизмов с компонентом «дождь», обозначающих количество, показал: 1) на уровне образ-схем они базируются на комплексе MASS, ITERATION и COLLECTION; 2) на уровне домена реализуют единую метафору КОЛИЧЕСТВО – ЭТО ГУСТОТА ДОЖДЯ; 3) на уровне фреймов конкретизируются в военной сфере, физиологической сфере, а также в сферах талантов и скопления людей или предметов; 4) на уровне ментальных пространств каждый из них конструирует уникальный сценарий множества. Данные метафоры имеют универсальную когнитивную природу, основанную на телесном опыте восприятия дождя: множество падающих капель, их последовательность и собирание формируют образ-схемы, которые проецируются на абстрактную область количества и реализуются в конкретных языковых выражениях.

Литература

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

Kövecses Z. Levels of metaphor // Cognitive Linguistics. 2017. № 28 (2). 321–347.

Kövecses Z. Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Wang Jiatao *(Shanghai, China)*
Shanghai International Studies University

A MULTI-LEVEL ANALYSIS OF QUANTITY METAPHORS IN CHINESE (BASED ON THE SOURCE DOMAIN OF "RAIN")

Based on the extended conceptual metaphor theory, this article analyzes metaphors of quantity with the source domain of "rain". The analysis made it possible to trace the path from basic image-schemas to specific mental spaces, demonstrating how bodily experience is consistently projected and embedded in linguistic expressions.

Key words: multi-level metaphor analysis, extended conceptual metaphor theory, quantity metaphors, rain, Chinese language

Ван Юэ *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
1037414975@qq.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *МОРЕ* В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена изучению и описанию паремий, вербализующих концепт МОРЕ на материале русского, китайского и английского языков. Выделены семантические доминанты, объединяющие выбранные паремии, что позволило показать общее и национально-специфическое.

Ключевые слова: концепт *МОРЕ*, пословица, паремия, лингвокультурология

Сопоставление пословиц разных языков позволяет увидеть, что «сходство заключенного в них опыта и смыслов; эта общность сохраняется даже между народами, находящимися на разных стадиях социально-экономического развития и обладающими контрастным культурным фоном» [赵滢 1980： VII]. Значимы в паремиях компоненты, отражающие ключевые понятия культуры, поскольку они «в своем образном выражении, выступают маркерами этнонациональной картины мира» [Иванов и др. 2021: 238].

Море относится к базовым и культурно узнаваемым природным реалиям, его концептуализация значима для сопоставительного анализа. Ранее этот концепт рассматривался в русской и американской концептосферах [Харькова 2015: 306]. Под языковой концептуализацией мы понимаем осмысление ключевых признаков данного фрагмента мира, которое получает объективацию в устойчивых языковых единицах, прежде всего, в паремиях и фразеологизмах. Источником послужили словари: «Словарь пословиц и поговорок о море. Н.А. Каланова (СССМ), «Большой словарь русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко (БСРП), R. Fergusson's, J.Law's The Penguin Dictionary of Proverbs; W. Mieder's Dictionary of Authentic American Proverbs; F. O'Dell's Cambridge International Dictionary of Idioms; J. Speake's

J. M.Oxford Dictionary of Proverbs; A. Taylor, B. J. Whiting A Dictionary of American Proverbs and Proverbial Phrases; 温端政. 中国谚语大全: 辞海版.

В целях сопоставления примеры систематизированы по преобладающему образно-смысловому признаку, выделим их общие характеристики:

Море как эталон масштабности и неисчерпаемости: *Море крышкой не накроешь* [СППМ: 193]; *Иглой море не нагреешь* [СППМ: 190]; *В море искать – не в чашке* [БСРП: 552]; кит. 别把高山看成是土丘，别把大海看成是水滴 ‘Не принимай высокую гору за холм, а море — за каплю’ [温端政: 35]; 海水舀不干，学问无止境 ‘Море не вычерпать, знания бездонны’ [温端政: 327]; 海水斗难量 ‘Море слишком обширно, чтобы его можно было измерить’ [温端政: 327]; англ. *A drop in the ocean* ‘Капля в море’ [O’Dell: 107]; *A plain as broad and level as the ocean* ‘Равнина, широкая и гладкая, как море’ [Taylor, Whiting: 268]. В русских паремиях море концептуализируется как объект, не поддающийся охвату, измерению и изменению малыми средствами; тем самым актуализируются смыслы несоизмеримости средств и цели и объективной трудности действия в предельно широком пространстве. Китайские устойчивые единицы фиксируют тот же признак путем представления меры и счета, подчеркивая невозможность соизмерения стихии по отношению к масштабу человеку; тогда как выражение 海水舀不干，学问无止境 эксплицитно вводит мотив неисчерпаемости: образ моря служит эталоном «невычерпаемого» и переносится на сферу знания. В английских единицах оппозиция малого и большого направлена на прагматический эффект; при этом сравнение *as broad … as the ocean* закрепляет море как меру предельной широты. Примеры подтверждают, что признак «масштаб/неисчерпаемость» входит в понятийное ядро концепта и реализуется через семантику меры, гиперболизацию, контраст и сравнение.

Море как пространство риска и испытаний: рус. *Хороший матрос познается в скверную погоду* [СППМ: 181]; *Благополучие не в море, а на берегу* [СППМ: 188]; *В море всегда горе, а без него нет и того* [СППМ: 190]; кит. 大风浪里练水手 ‘В бурю матросы мужают’ [温端政: 167];海上无风三尺浪‘Море и в штиль волнуется’ [温端政: 327]; 出海不问风浪事，怎能打得大鱼回‘ Не спросив о шторме в море, большой рыбы не поймать’ [温端政: 119]; англ. *Good sailors are tried in a storm* ‘Хорошего моряка штормом проверяют’ [Mieder: 159]; *He that would sail without danger, must never come on the main sea* ‘Кто хочет плавать без опасностей, тому и в открытое море не выходить’ [Fergusson, Law: 53]; *He that forecasts all perils, will never sail the sea* ‘Кто всех бед остерегается, тот в море не выходит’ [Fergusson, Law: 46]. Море осмысляется как среда повышенной опасности и одновременно как «порог» профессиональной состоятельности. В трех языках устойчиво соотносится ситуация шторма / бури (скверная погода, storm, 大风浪) с проверкой квалификации и мастерства моряка: именно экстремальные условия маркируются как критерий истинного мастерства (*Good sailors are tried in a storm*) и соотносят с оценкой мужества и выучки. Паремии фиксируют объективную опасность морской стихии: паре-

мии *Благополучие не в море, а на берегу*, *He that would sail without danger, must never come on the main sea* прямо противопоставляют море безопасному берегу и задают предупреждающую прагматику, тогда как китайская единица 海上无风三尺浪 подчеркивает постоянство опасного начала (море «не бывает полностью спокойным» как природная норма). В других пословицах риск интерпретируется как неизбежная цена морского дела и условие достижения результата: паремия *В море всегда горе, а без него нет и того* выражает амбивалентность морской жизни (страдание и необходимость), 出海不问风浪事，怎能打得大鱼回 показывает установку на принятие опасности ради добычи, *He that forecasts all perils, will never sail the sea* фиксирует практическую норму (если избегать риска, то для работы нельзя выбирать море). Примеры показывают, что модель «МОРЕ = риск/испытание» реализуется через образы шторма, контраст «море — берег» и оценочные конструкции.

Море как ресурс и среда обитания: рус. *Было бы море, а рыба будет* [СППМ: 188]; *Море – рыбацкое поле* [СППМ: 191]; *Море – наше поле, рыба – хлеб наш* [СППМ: 191]; кит. 海上飘白云，海底藏黄金；只要海不干，鱼虾便成群 ‘По морю облака плывут, на дне золото лежит; покуда море не иссякнет — рыбой и креветкой кишит’ [温端政: 327]; 守山的吃山，靠海的吃海 ‘Живя в горах, кормиться их дарами, живя у море, кормиться ее дарами’ [温端政: 925]; 种庄稼要看节气，赶海要看潮水‘Хлеб сеют по погоде, а в море идут по приливу) [温端政: 1342]; англ. *There are as good fish in the sea as ever came out of it* ‘Рыба в море еще есть — не хуже той, что поймана’ [Fergusson, Law: 194]; *You must have a ship at sea in order to burn two candles at once* ‘Без корабля в море — двух свечей не жги’) [Taylor, Whiting: 327]. Во всех паремиях этой группы море осмысливается как источник «добычи» и жизненных средств: русские примеры *Море — рыбацкое поле* и *Море – наше поле, рыба – хлеб наш* путем автосемантизации прямо называют море аналогом земледельческого поля, перенося на морскую стихию представление о регулярном труде и результате. Мотив потенциального изобилия выражен также в пословице *Было бы море, а рыба будет* и ее китайском соответствии 海上飘白云，海底藏黄金；只要海不干，鱼虾便成群, где сохранение морской среды выступает условием воспроизводимости ресурсов. Китайские паремии дополнительно подчеркивают социально-экономическую привязку к месту и зависимость сообщества от природного фактора (守山的吃山，靠海的吃海), а также необходимость соотнесения хозяйственной деятельности с обстановкой на море (种庄稼要看节气，赶海要看潮水), что уточняет образ моря как функциональной, «рабочей» среды. В английском материале, наряду с тезисом о наличии морского ресурса (*There are as good fish in the sea as ever came out of it*), появляется акцент на благосостоянии как результате активности моря: *You must have a ship at sea in order to burn two candles at once* эксплицитно связывает достаток с наличием «морского» труда/средства производства. В совокупности данные единицы демонстрируют, что в паремиологических картинах мира сопоставляемых лингвокультур море выступает не только проявлением природы, но и условием жизнеобеспечения.

Паремии как высоко конденсированные устойчивые единицы, аккумулирующие коллективный опыт, формируются и функционируют не как изолированное языковое явление, а в тесной связи с комплексом экстралингвистических факторов, среди которых значимы географическая среда, историко-культурная традиция, а также особенности хозяйственно-бытового уклада. В силу этого анализируемые паремии в определенной мере репрезентируют культурную специфику соответствующих народов:

В китайских пословицах и поговорках образ моря чаще всего соотносится с природными явлениями, а его прагматическая функция носит преимущественно инструментальный, практико-ориентированный характер: 海上起蛮涌，必定发大风 ‘Если на море поднялся сильный накат, обязательно разыграется сильный ветер’) [温端政: 327]; 海水臭，风将起；下隔动，有台风‘Морская вода пахнет — ветер поднимется; «внизу все шевелится» — будет тайфун’ [温端政: 327]; 海水分路，不是狂风就是雨‘Морская вода «разошлась дорожками» — либо ураганный ветер, либо дождь’ [温端政2004: 327]; 海浪啸啸叫，大风眼前到 ‘Море ревет — к буре’ [温端政: 327].

Китайским паремиям характерна «социализация» образа моря: пространственная метафора «море» нередко переосмысливается как модель социального сообщества Поднебесной: 天下原来共一家，四海之内皆兄弟 ‘Под небом — одна семья, и за четырьмя морями — братья’ [温端政: 994]; 五湖四海都行船 ‘По всем морям-океанам плавают’ [温端政: 1049]; 正派一生宝，公心四海散 ‘Честность — клад на всю жизнь, а справедливость по всем четырем морям разойдется’ [温端政: 1317]; 猪浮三滩，狗浮四海 ‘Свинья три реки переплывет, а собака — четыре моря’ [温端政: 1345].

1. В русских и английских паремиях более отчетливо выделяется профессиональный концепт «моряк/матрос», тогда как в китайском материале соответствующие номинации реже выступают в качестве центрального обозначения и, как правило, не образуют ядра репрезентации. Например: *Терпи, матрос, адмиралом будешь* [СППМ: 181]; *Тот не матрос, кто к берегу прирос* [СППМ: 181]; *Лишь тот считается моряком, кто с парусом хорошо знаком* [СППМ: 197]; *Heaven protects children, sailors, and drunken men* ‘Бог бережет пьяных, детей и моряков [Speake: 51]; *Sailors have a port in every storm* ‘У моряков на всякую бурю есть гавань’ [Fergusson, Law: 190].

Сопоставительный анализ русских, китайских и английских паремий с компонентом море/海/sea, выполненный в рамках когнитивного подхода, позволяет очертить понятийное ядро концепта *МОРЕ* и выявить как межъязыковые универсалии, так и этнокультурно обусловленные различия его репрезентации. Материал трех языков демонстрирует ряд семантических доминант, организующих интерпретационное поле данного концепта. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса, а также с привлечением других устойчивых единиц морской тематики.

Литература

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248.

Харькова Е.В. Изучение концептов в неблизкородственных языках (на примере концептов море/sea в русской и американской этноконцептосферах) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Казань, 2015. С. 306–308.

赵湜．谚语汇编．北京：中国对外翻译出版社，1980. (*Чжао Ши*. Сборник пословиц. Пекин: Китайское издательство иностранных переводов, 1980).

Wang Yue *(Moscow, Russia)*
RUDN University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF SEA IN RUSSIAN, CHINESE, AND ENGLISH PAREMIOLOGY

This article is devoted to the study and description of proverbs and sayings that verbalize the concept of *SEA* in Russian, Chinese, and English. The semantic dominants that unite the selected paremias have been highlighted, which allowed us to show the general and the national-specific.

Key words: concept *SEA*, paremia, linguoculturology

О. И. Губанова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
gubanova.olia2015@yandex.ru
Ж. А. Баянбаева *(Алматы, Казахстан)*
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
bayanbaevazhadra@mail.ru

ФУНКЦИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРОГРАММКИ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ ЗРИТЕЛЕЙ

В статье исследуется театральная программка как жанр театрального дискурса, спектр функций которой значительно расширяется в современных условиях. На основе данных опроса респондентов и анализа 65 театральных программок выделены ключевые функции жанра – информативная, эстетическая, аттрактивная, идентифицирующая и рекламная. Подчеркивается, что каждый элемент жанра способствует реализации всех функций.

Ключевые слова: театральный дискурс, театральная программка, функции, полифункциональность

В современных условиях театр претерпевает существенные изменения, влияющие на весь процесс коммуникации «людей театра» с аудиторией, что способству-

ет появлению новых жанров и форм: сайтов, телеграм-каналов, рецензий и афиш иного формата, видео-трейлеров к спектаклям, визиток актеров и др. [Марьина 2025; Борботько 2024; Коробчак, Гордейчук 2023; Горбик 2016]. Все это формирует театральный дискурс, под которым мы, вслед за М.М. Груздевой, понимаем «коммуникативное пространство, обусловленное театральной сферой, а также системой факторов и параметров синтетического дискурсивного поля, включающего элементы различных взаимодействующих дискурсов» [Груздева 2019: 27–28]. Однако несмотря на тенденции к изменениям, традиционным жанром остается театральная программка, которая сегодня выступает как «креативный способ диалогового взаимодействия создателей спектакля и зрителей, проявивших интерес к спектаклю» [Колышева, Губанова: 2025]. По сравнению с прошлыми столетиями значение современной программки и спектр ее функций значительно возросли, что отмечают как сами работники театральной сферы, так и аудитория.

Для подтверждения выдвинутого тезиса нами был проведен направленный опрос с помощью технологии Yandex.Forms, в котором приняло участие 120 респондентов в возрасте от 18 до 70 лет. Анкетируемым задавались вопросы с возможностью предложить свой вариант ответа, что позволило сформулировать факторы, влияющие на мотивацию приобретения театральной программки, а также выделить элементы содержания, которые являются обязательными по мнению респондентов.

Почти 25% опрошенных считают содержание программки главным фактором для ее приобретения. При этом неизменными элементами становятся описание (9,8%) и название (9,4%) постановки, наименование театра (8,8%), список ролей (7,9%) и играющих их актеров (7%), продолжительность спектакля (7%), название произведения-литературной основы спектакля (6,7%), наличие/отсутствие антракта (5%). Данные компоненты могут быть объединены в блок организационной информации, необходимой для комфортного и осмысленного просмотра. Это позволяет выделить исторически ключевую функцию данного жанра – *информативную*. Создателям спектакля необходимо убедиться, что все важные для понимания и проведения спектакля факты будут замечены зрителем. Это напрямую влияет на структуру и визуальное оформление программки. Так, например, в театральных программках Московского драматического театра им. А.С. Пушкина информация о длительности постановки и наличии / отсутствии антракта выделены особым, контрастным цветом, который гармонирует со всей цветовой гаммой конкретной постановки. В Московском театре юного зрителя для акцента на данной информации используется красный цвет, который является частью бренда данного учреждения.

Необходимость решения данных вопросов в креативном ключе приводит к актуализации *эстетической* и *аттрактивной* функций театральной программки, что также подтверждается полученными данными. Почти 38% респондентов отмечают внешний вид программки в качестве решающего фактора в вопросе покупки буклета. Невербальные элементы способствуют формированию определенных ожиданий

у зрителя и раскрытию замысла режиссера не только на сцене, но и в печатной форме. Так, в программке к спектаклю «Достоевская. Сны Анны» театр «МОСТ» решил создать комикс, который кратко рассказывает историю знакомства Анны Григорьевны и Федора Михайловича. Неотъемлемой частью театральных программок «Электротеатра Станиславский» является постер, который также коррелирует с постановкой и ее стилистикой. Показательным является пример программки к спектаклю «Таланты и поклонники», плакат которой выполнен в стилистике афиши XIX века, что отсылает к эпохе создания пьесы и ее сюжету.

Стремление отразить «дух» постановки в каждой театральной программке и одновременно неизбежность соответствия выработанному канону приводят к реализации *идентифицирующей* функции, тесно связанной с *рекламной* функцией данного жанра. В условиях высокой конкурентности театру необходимо создать запоминающийся и узнаваемый облик в сознании аудитории, что способствует популяризации конкретного учреждения или спектакля. Данный факт отмечается респондентами, которые указывают, что программка выступает связующим звеном между ними и хорошей постановкой, влияя на желание приобрести буклет (32,1%). Отдельные опрошенные дополняют свой ответ, отмечая: «хочется показать, где я был» (1,6%). В собранном нами материале показательными стали программки с Другой сцены театра «Современник», которые неизменно выдержаны в серо-серебряной гамме и содержат репертуар текущего сезона на оборотной стороне. Аналогичное решение было принято Московским государственным театром Ленком Марка Захарова, чьи программки всегда выдержаны в черно-белой гамме и также включают список спектаклей театра.

Важно подчеркнуть, что выделенные нами функции – информативная, эстетическая, аттрактивная, идентифицирующая и рекламная – реализуются не изолированно, а в тесной взаимосвязи. Каждый элемент театральной программки способствует реализации всех перечисленных функций, обеспечивая целостность жанра. Именно полифункциональность театральной программки позволяет сохранять свое значение в структуре театрального дискурса, выступая не просто «документом спектакля», но и самостоятельным художественным высказыванием, способом идентификации театра, а также креативным средством общения с современной аудиторией.

Литература

Борботько Л.А. Телеграм-канал о театре как креативный инструмент самоидентификации критика // Terra Linguistica. 2024. Т. 14. № 4. С. 19–33.

Горбик А.А. Театральная афиша как рекламный текст // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 59–68.

Груздева М.М. Театральный дискурс в современных российских СМИ: лингвостилистические особенности: дис. ... канд. фил. наук. М., 2019.

Колышева О.Н., Губанова О.И. Театральная программка как жанр театрального дискурса // Litera. 2025. № 12. С. 33–42.

Коробчак В.Н., Гордейчук М.С. Театральная рецензия в структуре театрального дискурса // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московский Политех. 2023. С. 16–20.

Марьина Л.П. Новые горизонты театра: цифровые практики и их значение для современного театрального искусства // Управление культурой. 2025. Т. 4. № 1 (13). С. 29–36.

O. I. Gubanova *(Moscow, Russia)*
RUDN University named after P. Lumumba
Z. A. Bayanbayeva *(Almaty, Kazakhstan)*
Al-Farabi Kazakh National University

THE THEATRE PROGRAMME'S FUNCTIONS: THE VIEW OF MODERN VIEWERS

The article examines the theatre programme as a genre of theatrical discourse the range of functions of which is significantly expanding in modern world. Based on the survey and the analysis of 65 theatre programmes, the key functions of the genre are highlighted – informative, aesthetic, attractive, identifying and advertising. It's emphasized that each element of the genre contributes to the realization of all functions.

Key words: theatrical discourse, theatre programme, functions, polyfunctionality

Л. С. Демина *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ldemina-08@mail.ru

ИМЕНА СКАЗОЧНЫХ СУЩНОСТЕЙ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК: ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УТРАТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИХ ПРИЧИНЫ

В статье мы рассмотрели особенности перевода имен сказочных сущностей южнославянских волшебных сказок на русский язык. В статье обсуждается, к каким познавательным потерям приводит несовпадение грамматической категории рода в болгарском и русском языках, и как оно влияет на трансформацию содержательной структуры сказки.

Ключевые слова: волшебные сказки, русский язык, болгарский язык, грамматическая категория, концепция сказки, познавательные потери, асимметрия персонажей

Перевод южнославянских волшебных сказок на русский язык имеет особенности, связанные с передачей лексики, имен сказочных сущностей и культурных реалий, а также с сохранением стиля повествования. Эти особенности связаны с уникальностью языка сказок, который отражает национально-культурную специфику каждого народа.

При переводе имен сказочных сущностей в условиях несовпадения сказочных реалий переводчики прибегают к различным приемам, к которым, в частности, относится уподобляющий перевод. Подобное явление четко прослеживается и при передаче южнославянских волшебных сказок на русский язык. В качестве примера мы выбрали вариант передачи *«хала»* как ‘змей’. Выбор пал на них из-за четко просматривающейся семантической нагрузки каждого из вышеупомянутых имен сказочных сущностей.

В южнославянских, а именно в болгарских, волшебных сказках есть два существа, имеющих змеиную природу: *«змей»* и *«хала»*, которые в болгарском фольклоре, могут также выступать как антагонисты.

«Змей» - существительное, мужской род. *«Змеят е най-силният противник на халата...»* [Беновска-Събкова 1992: 96] (здесь и далее перевод наш. – *Л.Д.:* ‘Змей является самым ярым противником хал…’). *«Родствена връзка смок-змей се проявява… че змеят и смокът осмислят като мъжки същества за разлика от халата…, чиято женска семантика е свързана със змията»* [Беновска-Събкова 1992: 99] ‘Родственная связь между змеем и дымом обусловлена их мужской природой в отличие от хал…, чья женская семантика связана со змеей’. Змей – существо исключительно мужского пола: *«Жена не бива никога змей. Жените биват хали и обират житото…»* [СБНУ 1, кн. 9: 126] ‘Женщина никогда змеем не бывает. Женщинами бывают халы, которые обирают жито…’. *«Хала»* (греч. χάλαζα ‘град’ или тур. Àla ‘змея’), будучи существительным женского рода [Речник на българския език (онлайн)] у балканских славян обозначает сказочную сущность женского пола, ‘прожорливого змея-дракона, летающего по воздуху, нападающего на скот и людей’ [Плотникова 2012: 450].

Таким образом, в болгарских волшебных сказках *«змей»* и *«хала»* обозначают разных сказочных сущностей: одна из них является существом женского пола, а другая – мужского. Однако, несмотря на это, при переводе болгарских волшебных сказок на русский язык *«хала»* переводится как ‘змей’.

«Хала», будучи сущностью женского пола, является матерью троих дочерей: «*Когато погледнал през прозореца, съзрял в стаята три девойки*». [Здесь и далее примеры цитируются по источнику: Тримата братя и златната ябълка] ‘Заглянул в окно и увидел в комнате трех девушек (дочери халы)’.

«*Хала*» ‘существо, устраивающее затмения, водящее грозовые тучи, следствием чего может являться их расплывчатый неопределенный облик – подобие черной тучи, тумана, вихря’ [Плотникова 2012: 450-451]. В болгарских волшебных сказках *«хала»* опускается с неба на землю, предзнаменуя свое появление непогодой, бурей, вихрем: «*Посред нощ се задало нещо като мъгла, зафучало като мощен вихър, всичко затрещяло – дошла халата…*» ‘Посреди ночи опустился туман, все закружилось в мощном вихре, все затихло – появилась хала’.

В волшебных сказках *«хала»* является змеем, запирающим воду, с чем связан ряд мотивов, которые встречаются в змееборческих сюжетах. Вредоносные действия

«хал» также, как правило, направлены на уничтожение, «пожирание» урожая в поле или же людей [Плотникова 2012: 450–451]. Эти функции *«хал»* прослеживаются в болгарской сказке «Тримата братя и златната ябълка», где чудесным противником героя является *«хала»*, с которой идут биться его братья; герой побеждает одну «*халу»*, похищающую золотые яблоки (урожай): «*В двора им растяло ябълково дърво, което в годината раждало по една златна ябълка. Страшна хала всяка година дохождала нощем и откъсвала скъпоценния плод*» ‘Во дворе у них росла яблоня, на которой раз в году поспевало золотое яблоко. И каждый год ночью прилетала хала и уносила яблоко’, а затем и другую, обитающую в подземном мире, запирающую воду и поедающую людей: «*Има една хала, която не ни пуска да си налеем вода, ако не ѝ дадем да изяде човек. Аз давах, давах, а тя, ето вече от година, не ни пуска да си налеем*». ‘Есть одна хала, которая не дает нам набрать воды, пока мы не дадим ей на съедение человека. Я давала, давала, а она уже год нам воду не открывает’.

Для восточнославянских волшебных сказок привычна фигура ‘змея’. И при передаче текста болгарской волшебной сказки на русский язык был выбран именно этот вариант перевода, что оказало значительное влияние непосредственно на концепцию сказки в связи с асимметрией сказочных персонажей.

Змей – существительное мужского рода [Толковый словарь русского языка 2004: 147], которое обозначает сущность мужского пола. Таким образом, в переводе сказки «Тримата братя и златната ябълка» змей будет отцом троих дочерей: ‘Тут старшая подошла к окошку и сказала: «Уходи подобру-поздорову! Наш батюшка каждый год нам по золотому яблоку приносил, а сейчас ни с чем вернулся и больной лежит»’. [Полянова 1974: 1–20], а, согласно описаниям из русских волшебных сказок, змей лишен семьи и потомства.

В восточнославянских волшебных сказках ‘змей’ связывается со стихией огня, его появления могут сопровождаться пламенем: (*«Летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит»* [Афанасьев 2025: 133–141]). Однако это не исключает его связь и со стихией воды. В то же время именно в волшебных сказках змей не упоминается как сущность, запирающая воду, подобные его функции применяются исключительно в былинах. Соответственно, в волшебных сказках «*змей – существо огневое*» [Пропп 2024: 417]. Для ‘змея’ также не характерна кража урожая.

В восточнославянских волшебных сказках ‘змей’ является с угрозами или осаждает город и требует девушку в виде дани. «*В таких случаях – это нужно подчеркнуть – змей всегда выступает как водяное существо*» [Пропп 2024: 419]. «*… у царя их одна и есть дочь – прекрасная царевна Полюша, и ее-то и поведут завтра к змею на съедение…*» [Афанасьев 2025: 177–182]. ‘Змей’ зачастую упоминается в русских волшебных сказках как «людоед, пожирающий людей».

«*Хала в смисъл на митически персонаж със змейски облик е позната само на южни славяни*» [Беновска-Събкова 1992: 57] (‘Хала как мифический персонаж с обликом змеи знакома только южным славянам’). Подобное сохранение женской

ипостаси змея – индивидуальная южнославянская черта, так как у восточных славян этот образ утрачивается. Следовательно, при передаче названия сказочной сущности *«хала»* как ‘змей’ теряется общее представление о *«хале»*, о ее внешнем облике, ее связи со стихиями. «*Хала*» таким образом уподобляется ‘змею’, привычному герою восточнославянских волшебных сказок.

Уже на этом примере возникающей при переводе грамматической и смысловой асимметрии единиц, обозначающих сказочные сущности (хала-змей), видно, что деформация субстанции текста волшебной сказки приводит в конечном счете к деформации его структуры (см. о связи субстанции, структуры и функции в текстах: [Валентинова 2024a,b; Валентинова 2025].

Асимметрия персонажей, возникшая в результате несовпадения категории рода, и как следствие несовпадения рода сказочной сущности, в южнославянской волшебной сказке и ее переводе на русский язык трансформировала содержательную структуру всей сказки.

Содержательная структура восточнославянской волшебной сказки также оказала влияние на качество перевода южнославянской волшебной сказки на русский язык. Это обуславливается тем, что под воздействием русского фольклора у переводчика сформировался определенный архетипический образ ‘змея’.

Смысловые потери выходят за пределы этой сказки и распространяются на весь корпус южнославянских волшебных сказок.

Литература

Афанасьев А.Н. Большое собрание народных русских сказок в одном томе. М.: Эксмо, 2025.

Беновска-Събкова М. Змеят в българския фолклор. София: Издательство на Българската академия на науке, 1992.

Босилек Р. Три брата и золотое яблоко / перевод В. Поляновой. Киев: София-пресс, 1974

Валентинова О.И. Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 22–37.

Валентинова О.И. Общая теория систем Г.П. Мельникова как научная универсалия // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Т. 1. № 5. С. 7–16.

Валентинова О.И. Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 700–716.

Плотникова А.А. Хала // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. С. 450–453.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Мартин, 2024.

Речник на българския език (онлайн). А – системност. URL: https://ibl.bas.bg/rbe/ (дата обращения: 03.04.2026)

СбНУ 1 – Сборник за народни умотворения, наука и книжница / изд. Министерство на народното просвещение. София: Държавна печатница, 1891. Кн. 4; Кн. 5; 1893. Кн. 9; 1894. Кн. 10; 1895. Кн. 12.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ, 2004.

Тримата братя и златната ябълка. URL: https://domashno.bg/ (дата обращения: 03.04.2026)

L. S. Demina *(Moscow, Russia)*
RUDN University

NAMES OF FABULOUS ENTITIES OF SOUTH SLAVIC FAIRY TALES: COGNITIVE LOSSES IN TRANSLATION INTO RUSSIAN AND THEIR CAUSES

In the proposed work, we examined the peculiarities of transferring the names of fairy-tale entities from South Slavic fairy tales into Russian. We described how the grammatical category of gender affects the overall concept of a fairy tale, as well as how and why its inconsistency in translation can lead to cognitive losses.

Key words: fairy tales, Russian language, Bulgarian language, grammatical category, concept of a fairy tale, cognitive losses, asymmetry of the characters

Ю. А. Евграфова *(Москва, Россия)*
НИУ МЭИ
yu.evgrafova@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА ПРОСМОТРА «КОМФОРТНЫХ ФИЛЬМОВ» НА НОВЫЙ ГОД: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ Х/Ф «ИРОНИЯ СУДЬБЫ ...»)

В статье просмотр «комфортных фильмов» в период празднования нового года рассматривается как культурная практика. Когнитивная легкость, интеграция культурно-маркированного содержания в актуальную картину мира аудитории, контекстуальная закрепленность и эмоциональная окрашенность выделяются как одни из основных когнитивно-семиотических характеристик этого феномена.

Ключевые слова: комфортные фильмы; ритуал; культурные практики, семиотика культуры, ментальные структуры

Потребность в комфорте является одной из исходных, первичных, потребностей индивида [Маслоу 2019]. Он ищет то, что может дать ему чувство защищенности и безопасности, в т.ч. при помощи успокаивающих переживаний, эмоциональной регуляции, регуляции настроения, борьбы со стрессом (coping) [Kiknadze 2021; Zillmann 1988]. Особенно это проявляется в периоды важных событий, когда необходимо расслабиться, снизить уровень тревожности и беспокойства, в т.ч. в лиминальное время нового года. Потребление продуктов медиа, в т.ч. фильмов, может

быть использовано для достижения и/или поддержания позитивного психического состояния, снижения тонуса центральной нервной системы, обеспечения чувства защищенности [Grady 2026; Wolfers, Schneider 2021].

В данной работе «комфортные фильмы» (comfort movies) определяются как инструмент снятия психологического напряжения и негативных эмоций, достижения ощущения безопасности и успокоения. Используя имеющиеся на сегодняшний день эмпирические данные из исследований комфортных медиа [Grady 2026; Wolfers, Schneider 2021], а также опираясь на концепции культурно-исторической психологии, психологической антропологии и семиотики [Выготский 1984; Леонтьев 1961; Лотман 2002; Лурье 2020] в настоящей работе исследуется феномен просмотра «комфортных фильмов» на Новый год как культурная практика и выделяются ее когнитивно-семиотические характеристики. Культурная практика трактуется как непосредственная реализация культуры в деятельности индивида, которая, в свою очередь, основана на его ценностях и интересах [Bourdieu 2001; Certeau 1984]. Культура понимается как динамичная структура, интерпретирующая сама себя, а также как среда, поддерживаемая человеческим опытом и зависящая от изменений этого опыта. Компонентами культуры являются артефакты – «любые объекты и явления (и внешние, и внутрипсихические), в том случае, если они сформированы в результате любых культурных процессов» [Лурье 2010: 155]. Они влияют на поведение носителей культуры и могут выступать одновременно и как отдельные значащие единицы (знаки), и как системы значений (значимые системы).

Художественный фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» (реж. Э. Рязанов, 1975) рассматривается как артефакт культуры, аккумулирующий и отражающий ряд конститутивных правил, установок и представлений, в т.ч. в рамках события «Новый год», которые выражены в аудиовизуальных образах. Алгоритм анализа представляет многоступенчатую процедуру, для проведения которой была адаптирована тактика аналитического описания (процесс кодирования), предложенная А. Страусе и Дж. Корбин [Страусе, Корбин 2001]. Он состоит из следующих шагов: 1) открытое кодирование – маркируются все артефакты, имеющиеся в х/ф, составляется общий список; 2) устанавливает ось ключевых артефактов (осевое кодирование): связи между ними, логическое отношение с центральной темой «празднования Нового года»; 3) выборочно отыскиваются подтемы или эпизоды, которые наиболее ярко иллюстрируют основную тему (выборочное кодирование); 4) проводится анализ звуковой и зрительной материи, в которой отобранные артефакты выражены; 5) качественный семиотический анализ ключевых (аудио-)визуальных образов (изоляты в образах не выделяются), вербальной составляющей; соотнесение их с ненаследственной памятью коллектива, хранящейся в символико-концептуальной форме, конститутивными правилами, установками и представлениями; 6) обобщение полученных результатов с целью описать когнитивно-семиотические характеристики культурной практики просмотра «комфортного фильма».

«Ирония судьбы, или С легким паром!» (далее – ИС) является примером «комфортного фильма», обладающего позитивной валентностью, просмотр которого создает условия для достижения состояния психологического комфорта, что подтверждено рядом исследований, например [Калугина 2024]. Фильм приобрел ритуальный статус «статистическим путем» в результате длительного (1976 – н.в.) и массового тиражирования через канал телевидения, а затем и сети Интернет, и благодаря ритуализованному контексту (Новый год как «лиминальное» время, праздничная обстановка). ИС превратилась в одну из опорных точек русскоязычной культуры, вокруг которой выстраивается новогодний ритуал миллионов индивидов.

Сюжет фильма закручивается вокруг роковой случайности, когда после похода в баню в канун Нового года, 31 декабря, главный герой отправляется по ошибке вместо своего друга в Ленинград, там встречает новый год и новую любовь. Тема Нового года – сквозная в ИС и репрезентирована различными артефактами: отдельными артефактами («елка», «мишура», «елочные украшения», «мандарины» и пр.), культурными схемами (в частности, «что такое праздник “Новый год”»), и моделями действия – развернутыми во времени культурными схемами (поведение людей и реализуемые ими культурная практика празднования Нового года, опосредованная специфическими ценностями и идеями, принятыми в СССР 1970-х гг.). Артефакты выражены в фильме художественно организованной звуковой и зрительной материей – визуальными образами (накрытого стола, наряженной елки, бани и пр.), аудиовизуальными образами (новогоднего города, празднования за накрытым столом, ожидания праздника, похода в баню и пр.), вписанными в культурные рамки. При просмотре зритель декодирует заложенные в них смыслы опираясь на обобщенный культурный сценарий, через его трансфер на кинопроизведение, задействуя имеющиеся у него представления о «правильном» Новом годе. С течением времени фильм сам стала значимой системой – «Ирония судьбы» – культурно созданной символической целостностью, отвечающей за создание «чувства праздника», активируя у аудитории идеи, чувства, намерения и установки, связанные с этим событием. Ежегодный массовый просмотр 31 декабря и 1 января является механизмом, который не дает ей распасться – обсуждение фильма в медийном пространстве выступает массовым межличностным обменом, утверждающим общность значимой системы и поддерживающим ее целостность. Благодаря этому коллективная память и идентичность интегрируются в культурном поле действия. В результате исходный фильм «обрамляется» вторичными значениями, а его ритуализованный просмотр сохраняет целостность коллективной картины мира в контексте современной раздробленной мозаичной культуры, поддерживая у зрителей чувство принадлежности к социокультурному сообществу, стабильности, и преемственных связей.

Регулярное (на протяжении 50 лет) ритуализованное соприкосновение со значимой системой «Ирония судьбы» в «лиминальное» время нового года трансформирует процесс просмотра фильма не только в практику информационного досуга, за-

действования и функционирования памяти, но и в деятельность, структурирующую повседневность и неосознанно разделяемую индивидами, имеющую значение как для индивидуальной, так и групповой идентичности – полноценную культурную практику. Можно выделить следующие когнитивно-семиотические характеристики этого феномена. Во-первых, ИС как значимая система **заполняет «пустоты»** [Моль 2008: 116] в умах зрителей «упаковочным материалом» [Моль 2008: 116] – **своим содержанием**. Заложенные в нее смыслы и ментальные структуры «организуют» восприятие фильма и «направляют» его интерпретацию через усвоенные структуры знаний о «правильном Новом годе». Во-вторых, просмотр ИС **контекстуально закреплен** – обычно массовый показ происходит по федеральным телеканалам в новогодние каникулы, в канун 31 декабря и праздничные дни начала января. Просмотр фильма **эмоционально окрашен**, поскольку обычно осуществляется в кругу семьи и близких. В-третьих, его просмотр характеризуется **когнитивной легкостью** (cognitive fluency), поскольку фильм уже знаком аудитории и на распознавание и интерпретацию затрачивается меньше когнитивных усилий, что позволяет расслабиться и сфокусироваться на деталях, а не на самом сюжете. Сокращение объема неопределенности способствует снижению тревожности и возникновению чувства комфорта и наполненности.

«Комфортные фильмы» функционируют как скрипт, структурирующий время и эмоциональное состояние своих зрителей. Практика их просмотра на Новый год поддерживается в обществе и структурируется в культурных рамках. Она выполняет функцию аффективной саморегуляции, а также обеспечения чувства непрерывности как личного, так и культурного опыта в сакральный период перехода из старого года в новый. Многократный просмотр, постепенно «истощая» семиотическое наполнение фильма, приводит к минимализму и однообразию. Предсказуемость его содержания поддерживает чувство безопасности, а звуковая и зрительная материя «оживляет» культурную память, запускают процессы трансфера и интериоризации, наполняя и успокаивая зрителя.

Литература

Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // собр. соч.: в 6 т. Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. С. 5–90.

Калугина П.П. Хонтология ритуала празднования Нового года в постсоветской России // «Ветер Перестройки»: сборник материалов Всероссийской научной конференции. СПб, 2024. С. 292–297.

Леонтьев А.Н. Человек и культура. М.: Б. и., 1961.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С.М. Даниэля, сост. Р.Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002.

Лурье С.В. Психологическая антропология. История, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, 2020.

Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 2. С. 152–167.

Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Питер, 2019.

Моль А. Социодинамика культуры / Предисл. Б.В. Бирюкова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001.

Bourdieu P. Le Sens Pratique. Les Editions de Minuit. Paris, 1980. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3069 (дата обращения 03.03.2026).

Grady S.M., Eden A., Wolfers L.N. Examining Comfort Media: A Tool for Self-Regulation and Refuge? // Mass Communication and Society. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 245–268.

Kiknadze N., Leary M.R. The social psychology of feeling safe: Implications for comfort and coping // Social and Personality Psychology Compass. 2021. No. 15 (8). Art. 111024.

Certeau M. de. The practice of everyday life. Berkeley: LA: Ldn: University of California press, 1984.

Wolfers L.N., Schneider F.M. Using media for coping: A scoping review // Media Psychology. 2021. No. 24 (5). P. 651–682.

Zillmann D. Mood management through communication choices // American Behavioral Scientist. 1988. No. 31 (3). P. 327–340.

Yu. A. Yevgrafova *(Moscow, Russia)*
MPEI

CULTURAL PRACTICE OF WATCHING “COMFORT MOVIES” ON NEW YEAR’S EVE: COGNITIVE-SEMIOTIC ASPECT (CASE STUDY OF “THE IRONY OF FATE...”)

The viewing of “comfort films” during the New Year holidays is examined as a cultural practice in this article. The basic features of this phenomenon are singled out. Some of them are: cognitive fluency, the integration of culturally marked content into the audience’s actual worldview, contextually determined fixity, and emotional coloring

Key words: comfort movies, ritual, cultural practices, semiotics of culture, mental structures

О. А. Иванова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
olgaivanova.info@mail.ru

MIGRATIONSWENDE: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И НОВЫЙ КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ[1]

Рассматриваются функционирование лексемы Migrationswende в ходе предвыборной кампании в Бундестаг в 2025 г. и становление концепта Migrationswende. Анализ позволяет утверждать, что в языке происходит формирование нового знания, имеющего культурно-языковую и национальную специфику.

Ключевые слова: понятие, концепт, языковая интерпретация, репрезентация, межкультурная коммуникация

В процессе познавательной деятельности человек использует систему логических операций и систему оценки эмоционального значения и глубинного смысла [Лурия 1998], которая реализует интерпретирующую функцию за счет индивидуального использования коллективных схем структурирования информации [Болдырев 2011]. Выделяется два типа когнитивных моделей языковой интерпретации мира и знаний о нем: коллективные (или конвенциональные, имеющие универсальный характер – концепты, категории, пропозиции, формирующие концептуальную систему человека как представителя определенного социума) и индивидуальные, передающие авторский способ структурирования информации и дискурса. Значительным интерпретационным потенциалом обладает структура лексических категорий, которые отражают принцип единства многообразия: интерпретируя мир как разнообразие сходных объектов с отличающимися характеристиками. Деление на субкатегории с учетом отличительных признаков является основой для осуществления сравнительно-оценочной интерпретации. Лексическая категория одной концептуальной области может использоваться для интерпретации другой. На системном уровне потенциал лексической категории связан интерпретацией мира путем объединения слов в их первичных значениях. На функциональном уровне – во вторичной интерпретации знаний о мире. Иными словами, интерпретация может рассматриваться как фактор формирования картины мира [Вишнякова 2018]. Концептуальная система человека содержит как тематические концепты, содержащие энциклопедические знания о мире, так и реализующие интерпретирующую функцию языка [Болдырев 2016:14]. К числу таких модусных концептов относится, с нашей точки зрения, и концепт Migrationswende («поворот в миграционной политике» – перевод наш О.И.), реализуемый в политическом дискурсе и дискурсе СМИ, принимающий непосредственное участие в формировании новых

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

тенденций в немецком и, более того, в европейском социуме, в связи с чем возникает необходимость его более подробного изучения.

Используя когнитивный подход к изучению концепта Migrationswende, представляется возможным говорить о концептуальной деривации [Болдырев 2022; Бабина 2022]. Имея представления о понятии die Wende как о переломном моменте немецкой истории конца 80-х начала 90-х, имея опыт выхода из гуманитарного кризиса 2015 г., когда миграционные процессы в Германии порождали дебаты массового характера, протесты, страх перед большим количеством «чужих», исламизацией немецкого общества и другие эмоции, введение в политическую борьбу понятия Migrationswende при выборах в Бундестаг в 2025 г., было удачным пунктом программы, приведшим Ф. Мерца (ХДС) к победе. Союз ХДС и ХСС взял курс на ужесточение миграционной политики, нелегальной иммиграции, ужесточения мер предоставления убежища, ускорения депортации и пр. – Migrationswende, в результате чего происходило становление не только политического термина в новых реалиях, но и формирование идеологического понятия и нового концептуального знания путем концептуальной интеграции разных областей. Следует отметить, что композит Migrationswende образован по реверсивному когнитивно-словообразовательному механизму [подробнее см. Чекулай 2019] и представляет собой метафорическое именование периода, который должен наступить с курсом правления Ф. Мерца. В результате семантической транспозиции (согласно словарю dwds, Wende – решающее изменение, смена направления в спорте, название прыжка в гимнастике; Migration – перемещение людей от одного местопребывания к другому) признак смены вектора движения, деятельности переносится на процесс, последствия которого до сих пор продолжают волновать немецких граждан. Представляется возможным выдвинуть предположение о том, что на интерпретационном уровне, когда сложносоставные слова, образованные по реверсивному механизму (Migrationsflut, Migrantenstrom, Flüchtlingslawine, Flüchtlingskatastrofe и пр.) с первым компонентом процесса миграции или именованием беженца или мигранта, и второй морфемой из области источника-стихии, являются привычной моделью образования [Иванова 2022], появление построенной по подобному механизму, однако, с противоположным смыслом – поворотом, стабилизацией ситуации, – могло вызвать большие ожидания и симпатии у избирателей по отношению к другим пунктам предвыборной компании. Победа на выборах ХДС и ХСС может отчасти служить подтверждением подобного предположения, как и подтверждающий нашу мысль следующий предвыборный лозунг.

Wir machen aus der Migrationswelle eine Migrationswende. /Из волны миграции мы сделаем миграционный поворот. Противопоставляется волна миграции миграционному повороту в случае победы на выборах.

Обратимся к некоторым примерам контекстного употребления композита Migrationswende для уточнения смыслового содержания. Migrationswende это про-

ведение курса ужесточения миграционной политики как, например, более длительный и строгий контроль на границе Германии, приостановление воссоединения семей для беженцев, имеющих субсидиарную защиту, более строгое соблюдение Общей европейской системы предоставления убежища. Migrationswende это также unser gemeinsames Ziel (наша общая цель), Zeitenwende (время перемен), а также это будущее немецкой политики в отношении беженцев, решающий проект этого правительства и др. Стоит также отметить оценочные высказывания по отношению к миграции. Например, в июле 2025 г. министр внутренних дел Германии заявил, что миграция – самая большая опасность для внутреннего мира немецкого общества. Из чего можно заключить, что его деятельность заключается в ее устранении. То увеличивающиеся, то на немного уменьшающиеся ежемесячные показатели поданных заявлений на предоставление убежища в Германии, совершение беженцами и мигрантами противоправных действий вызывают волну нападок на обещания Migrationswende и их несостоятельность. Таким образом, интерпретационный потенциал складывающегося в новых условиях концепта Migrationdwende является широким.

Для установления более глубокого своеобразия восприятия данного опыта в немецком лингвокультурном сообществе обратимся к лингвокультурному подходу, при котором ценностная характеристика является ключевым лингвокультурным признаком при определении специфики коллективного восприятия. Ценности – это ориентиры поведения, концентраты культуры, представляющие систему взаимосвязанных концептов – квантов знания, имеющих понятийное, образное и ценностное содержание [Карасик 2024]. Поскольку немецкое правительство обозначило курс на поворот в области миграции, а большинство немцев, согласно специально проведенному опросу, считают такую политику целесообразной, а меры – значимыми, представляется возможным утверждать наличие ценностного компонента у анализируемой ментальной сущности. Вместе с тем, вопрос о реализации миграционного поворота остается широко обсуждаемым и дискутируемым. В СМИ встречаются мнения, согласно которым неудавшийся поворот в области миграции может привести к власти праворадикальную партию Альтернатива для Германии.

Представляется важным отметить уже установившуюся и вполне наметившуюся символичность при актуализации событий времени правления двух канцлеров – А. Меркель и Ф. Мерца. Подобно тому, как в прессе, политиками и политологами вспоминается ставшая символичной фразой канцлера А. Меркель при преодолении гуманитарного кризиса 2015 г. «Wir schaffen das!», то уже сейчас можно сказать, что одним из ориентиров, уже ассоциирующимся с правительством Ф. Мерца, стало понятие Migrationswende. Лексема Migrationswende пока не имеет кодификации в виде композита. Как было указано выше, можно установить словарные значения только отдельно взятых обеих морфем этого двусоставного слова. Вместе с тем, представленный выше анализ позволяет утверждать, что в языке происходит формирование нового знания, которое имеет культурно-языковую и национальную специфику.

Литература

Бабина Л.В. Вторичные языковые единицы как результат концептуальной деривации // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 109–128.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3 (248). С. 11–16.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4 (49). С. 10–20.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1(48). С. 19–79.

Вишнякова О.Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 17-25.

Иванова О.А. Двуосновные именования чужих в современных немецких СМИ как когнитивные схемы осмысления и языковая интерпретация знаний о них // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 673–677.

Карасик В.И. Языковые камертоны смысла: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Московский государственный университет, 1998.

Чекулай И.В. Механизмы проверсии и реверсии в образовании сложных слов английского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 170–179.

O. A. Ivanova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

MIGRATIONSWENDE: AN IDEOLOGICAL TERM AND A NEW CONCEPT IN CONTEMPORARY GERMAN LINGUOCULTURE

The author analyses the functioning of the lexeme “Migrationswende” during the 2025 Bundestag election campaign and the development of the concept of “Migrationswende.” This analysis suggests that new knowledge is being formed within the language, with cultural, linguistic, and national specificities.

Key words: term, concept, linguistic interpretation, linguistic representation, intercultural communication

Я. Х. Камарго Босига *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
Andirakamargo@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА АРГЕНТИНЫ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИСЕМИИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья исследует полисемию как лингвокультурный феномен, отражающий национальную картину мира Аргентины. На материале ее литературы многозначные слова аккумулируют уникальные культурно-бытовые реалии, формируя образность текста. В центре исследования находится разбор переводческих трудностей, возникающих при работе с данными лексемами в русскоязычном контексте.

Ключевые слова: аргентинская литература, национально-культурный колорит, полисемия, национальная картина мира, проблемы перевода

В современной лингвистике полисемия интерпретируется как репрезентация когнитивных механизмов категоризации. Согласно О.А. Булгаковой, «изучение полисемии позволяет решить две взаимосвязанные проблемы: проблему структуры представления знания в языке и проблему способов его категоризации» [Булгакова 2007: 21]. Анализ многозначности в аргентинском испанском детерминирован необходимостью выявления идиоэтнической специфики семантической деривации.

По определению А. Киклевича, когнитивный подход переосмысляет метафору как «способ кодирования информации и семантический гештальт, указывающий на организацию познавательной деятельности человека» [Киклевич 2017: 9]. В аргентинской лингвокультуре полисемия реализуется через концептуальные проекции (метафора «el tiempo es un jugador» репрезентирует модель «жизнь — азартная игра», детерминированную кодами танго и национальным фатализмом).

Универсалистские претензии теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона подвергаются критике. Согласно А. Киклевичу, реализация концептуальных метафор детерминирована дискурсивными и социокультурными факторами. Универсальные образ-схемы получают культурно-специфическую интерпретацию (в аргентинской лингвокультуре схема «пути» конкретизируется через смыслы la huella, el viaje, el recorrido). Эффективность подхода подтверждена П. Браманте [Bramante 2021].

Лакуна — пробел на семантической карте образов сознания [Марковина, Сорокин 1988]. В переводоведении лакуна требует заполнения или компенсации. Заполнение (комментарий, транслитерация) сохраняет инокультурную специфику, компенсация (функциональные аналоги) облегчает понимание.

В прозе Х. Кортасара *cronopios* и *famas*, многозначность глаголов движения — манифестация когнитивных структур аргентинской лингвокультуры. Данный подход обеспечивает переход от фиксации «трудностей перевода» к их научной типологизации.

Источник исследования — роман «Игра в классики» (1963 г.) — манифест латиноамериканского «нового романа» [Кортасар 2004]. Как отмечает Б. Дубин [Дубин 2004], Кортасар — «homo ludens» [Кортасар 2002]; эксплицирована установка Морелли «превратить читателя в сообщника и попутчика».

Анализ включает 2 этапа. 1) Сплошная выборка лексических единиц, где критерий — функциональная нагруженность (способность порождать коннотации, аллюзии, игровые эффекты). 2) Классификация по типам лакун [Марковина, Сорокин 1988: 100; Сорокин, Марковина 2008: 63].

Лексемы аргентинских реалий в контексте обретают переносные значения, не свойственные русскому сознанию, — это показывает, что полисемия связана с национальной картиной мира и опирается на культурный опыт.

Таблица 1. Сопоставительный анализ переводческих решений (бытовые реалии)

№	Оригинал (исп.)	Контекст	Подстрочник	Перевод (Э. Брагинской)	Тип лакуны	Способ элиминирования
1	Pampa	«Horacio andaba por la pampa como si buscara algo»	равнина, пампа (безлесная степь в Южной Америке)	«Орасио бродил по пампе, словно что-то искал»	частичная культурологическая	заполнение (транслитерация + контекстуальное раскрытие)
2	Vereda	«La vida no es más que una vereda entre dos oscuridades»	тротуар; узкая тропинка; путь	«Жизнь – не более чем тропинка между двумя темнотами»	частичная семантическая	компенсация (выбор контекстуального синонима)
3	Conventillo	«Pensaba en el conventillo de la calle Independencia»	многоквартирный дом для бедных (с общим двором)	«Думал о своем доме на улице Индепенденсия»	полная культурологическая	нейтрализация (родовидовая замена)

Лексема *pampa* — пример реалии: транслитерация в русском («пампа») оправдана, поскольку контекст романа позволяет освоить понятие. Наблюдается заполнение лакуны: экзотизм сохраняется, семантика раскрывается контекстуально.

Лексема *vereda* в аргентинском варианте испанского языка имеет два значения: 1) тротуар; 2) узкая тропинка. В контексте философских размышлений Орасио актуализируются оба значения одновременно. Русский язык не располагает лексемой, совмещающей данные компоненты. Перевод «тропинка» (Э. Брагинская) представляет собой компенсацию: переводчица отказывается от урбанистической семантики ради сохранения поэтического звучания.

Пример с *conventillo* демонстрирует неизбежные потери при переводе культурно-специфических понятий. Замена на нейтральное «дом» элиминирует культурный пласт, однако в данном контексте такое решение функционально оправдано.

Вторую группу образуют окказионализмы Кортасара, где многозначность раскрывает его философско-эстетическую концепцию. *Cronopios* и *famas*, впервые появившиеся в «Игре в классики», а позже в книге «Истории о хронопах и фамах».

Таблица 2. Переводческие стратегии в отношении авторских неологизмов

№	Оригинал (исп.)	Подстрочник	Перевод (Э. Брагинской)	Тип лакуны	Способ элиминирования
1	Cronopio	существо, обладающее свойствами времени (от греч. chronos - время)	Хроноп	полная культурологическая	заполнение (транслитерация + контекстуальное раскрытие)
2	Fama	слава, молва, известность	Фам	полная культурологическая	заполнение (транслитерация + контекстуальное раскрытие)
3	Rayuela	классики (детская игра)	Игра в классики	частичная семантическая	компенсация (калькирование)

Выбор стратегии перевода зависит от типологии лакун. При полных культурологических *cronopio*, *fama*, *conventillo* — метод заполнения (от транслитерации до комментария). Допускается нейтрализация культурной специфики («*conventillo*»: прагматика сюжета важнее этнографической точности).

В переводе Э. Брагинской эта стратегия реализована. Согласно исследованиям, «при элиминировании лакун выбранный прием требует глубокого осмысления национальной языковой специфики». Анализ контекстов «Игры в классики» подтверждает, что полисемия — инструмент концептуализации мира.

Литература

Булгакова О.А. Полисемия как результат концептуализации, категоризации и номинации // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8–1. С. 21–24.

Дубин Б.В. Вместо выступления на вечере в честь выхода книги Хулио Кортасара «Я играю всерьез» // Топос: литературно-философский журнал. 2004. URL: https://topos.ru/article/2708 (дата обращения: 13.03.2026).

Киклевич А. Метафора как объект лингвистической семантики // Przegląd Rusycystyczny (Slavonic Review). 2017. № 3 (159). P. 9–29.

Кортасар Х. Игра в классики: роман. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Кортасар Х. Я играю всерьез...: эссе, рассказы, интервью. М.: Академический проект, 2002.

Марковина И.Ю., *Сорокин Ю.А.* Культура и текст: Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.

Сорокин Ю.А., *Марковина И.Ю*. Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988.

Bramante P. A Cognitive Approach to Polysemy: The Role of Image-Schemas and Metaphor // Revista Linguíſtica. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 74–91.

Y. J. Camargo Bosiga *(Moscow, Russia)*
RUDN University

THE ARGENTINE WORLDVIEW IN THE MIRROR OF POLYSEMY: THE PROBLEM OF TRANSLATING IT INTO RUSSIAN

This article examines polysemy as a linguocultural phenomenon reflecting the national worldview of Argentina. Drawing on examples from its literature, polysemantic words accumulate unique cultural and everyday realities, shaping the text's imagery. The study focuses on analyzing translation difficulties arising when working with these lexemes in a Russian-language context.

Key words: Argentine literature, realia, polysemy, national worldview, translation issues

Е. И. Карпенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
e.i.karpenko@linguanet.ru

СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА ОЦЕНКИ В БИБЛЕЙСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Цель статьи состоит в изучении смещения фокуса оценки в библейских лингвокультурных сценариях как одной из лингвокреативных техник смыслообразования в дискурсе. Методом сценарного моделирования изучен сбалансированный корпус вербальных воплощений библейского сценария *JUDAS* и показано, что номинации положительной оценки, характеризующие данную библейскую личность, являются результатом смены в нем фона и фигуры.

Ключевые слова: библейский лингвокультурный сценарий, оценка, фокусирование, смещение фокуса, немецкий язык

Среди лингвокреативных техник смыслообразования в дискурсе, связанных с изменением семантического фокуса (базовой) концептуальной структуры (фрейма, скрипта, сценария), ученые-когнитологи выделяют интерпретирующие и модифицирующие. По определению Е.Г. Беляевской, в интерпретирующих моделях коммуникации «осуществляется перенос фокуса фрейма, лежащего в основе передаваемой информации, на его периферийную, оценочную часть» [Беляевская 2017: 35]. Если базовая концептуальная структура изначально оценочна, как например библейский лингвокультурный сценарий, то перефокусировка ведет к переинтерпретации оценочной части структуры. При этом ее базовая часть остается стабиль-

ной, не деформируется и не удваивается, как это происходит в модифицирующих когнитивных моделях коммуникации [Беляевская 2017: 37]. Методологическую базу исследования составляют работы по когнитивной семантике, фокусированию и дефокусированию, лингвокультурологии (Е.Г. Беляевская, О.К. Ирисханова, Дж. Лакофф, В.И. Зыкова, М.Л. Ковшова).

Библейские лингвокультурные сценарии являются разновидностью метонимических идеализированных когнитивных моделей, в которых из всех возможных признаков модели ономасиологически выделенным становится только один (отношение части и целого) [Ирисханова 2014]. Например, отношения между Иудой и Христом включают в себя множество сценариев, таких как сценарии апостольского служения, учительства, соперничества. Однако в единицах фразео-паремиологического фонда немецкого языка вербализован только сценарий предательства: к этому событию референтируют фразеологизированные действия (*Judaskuss, Judasgruss*) и атрибуты сценария (*Judaslohn, Judassilberling, dreißig Silberlinge*), а также сам эмотивно-оценочный оним *Judas*: (abwertend, übertragen) ‘heuchlerischer, gekaufter Verräter’ [https://www.dwds.de/wb/Judas]. Сценарий предательства реализован в таких поговорках, как: Einmal ein Judas, immer ein Judas / Jeder Judas hat eigene Küsse / Die Judasregel: Was wollt ihr mir geben? befolgt jeder gern im Leben [Wander, URL]. Другими словами, именно сценарий предательства оказывается ономасиологически салиентным, «укорененным» в языковой системе [Ирисханова 2014: 30].

Вместе с тем, фон лингвокультурного сценария *JUDAS* составляют как раз невыделенные (или менее выделенные) концептуальные элементы, которые могут быть вербализованы в дискурсе при определенных условиях [Ирисханова 2014]. Это элементы библейского, около- и внебиблейского происхождения: второстепенные события библейского нарратива, устоявшиеся практики толкования образов и событий Библии в экзегетике, элементы исторического социокультурного контекста той или иной библейской истории, литературные обработки и переработки библейских сюжетов, их интерсемиотическое воплощение в живописи, музыке, театре и кино и т.д.

Так, в литературоведении среди способов трансформации исходных текстов в более поздних произведениях выделяются и непосредственно связанные с оценкой, как правило, с имиджем главного героя (Aufwertung / создание позитивного имиджа, Abwertung / создание негативного имиджа, Umwertung / переосмысление имиджа) (Ж. Женетт цит. по [Schwarzbauer 2009: 22]). Имидж Иуды в немецкоязычной литературе переосмысливается в позитивном ключе, начиная с эпоса Ф.Г. Клопштока «Мессиада» (1748–1773), где предательство является для него средством побудить Иисуса установить Свое Царство на земле. Этот мотив неоднократно обыгрывается в литературных текстах, где Иуда предстает как патриот, ожидающий от Христа не спасение человечества, а освобождение иудеев от римского гнета [Lexikon der biblischen Personen 2004: 286]. Текст В. Йенса «Der Fall Judas» (1975), имитирующий прения сторон на судебном процессе, не оставляет,

по мнению исследователей, сомнения: без Иуды, «согласившегося на роль предателя», осуществление божественного замысла о спасении было бы невозможным [Langenhorst 1999: 522].

Современный публицистический дискурс демонстрирует когнитивную выделенность нейтральных или положительных «фоновых» концептуальных элементов лингвокультурного сценария *JUDAS*. Для изучения данного явления был проанализирован сбалансированный корпус из 160 публицистических контекстов (по запросам 'Judas Ischariot', 'Judas Iskariot' в корпусах «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache»), в которых имя Judas *Ischariot / Judas Iskariot* сопровождается идентифицирующим или характеризирующим предикатом. Лидируют по количеству контекстов идентифицирующие предикаты *Apostel* (53) / *апостол* и *Jünger* (48) / *ученик*. Далее следуют отрицательно оценочные номинации *Verräter* (49) / *предатель*, а также с большим отрывом *Zweifler* (2) / *сомневающийся*. Номинации *Überlieferer* (1)*, Auslieferer* (1) / *тот, кто выдает кого-то кому-то*, *Erfüller* (1) / *исполнитель, Macher* (1) / *деятель, лидер* смещают фокус внимания с оценки действия (предательство) на само действие, манифестирующее предательство (*передача в руки первосвященников*). Среди номинаций положительной оценки встретились лексемы *Freund* (3) / *друг, Vetrauter* (1) / *доверенное лицо, Heilsbringer* (1) / *избавитель*. Примечательно, что все контексты положительной оценки освещают литературные произведения и театральные постановки об Иуде, и указывают таким образом на экзогенное, внебиблейское, происхождение положительных значений.

Смещение фокуса оценки не означает перекатегоризацию имени: Иуда, по-прежнему, остается предателем (Verräter). Смещение фокуса меняет местами когнитивные фон и фигуру: предательство перестает быть центральным событием сценария, становясь концептуальным фоном, на котором профилируется окказиональное значение (указание на предательство как фон сценария подчеркнуто в примере), ср.:

Schauspieler Pascal Thomas verkörpert diesen Judas in all seinen Facetten. Er zeigt ihn als kopfgesteuerten Zweifler und selbstbewussten Machertyp. Er betreibt Imagepflege in eigener Sache, aber ohne sein Vergehen abzustreiten. Judas erklärt, wie es zum Judaskuss kam und warum er die 30 Silberlinge als Judaslohn genommen hat; aber er beschönigt sein Tun nicht [Giessener Allgemeine, URL] (выделено нами – Е.К.).

Актер Паскаль Тома воплощает все грани Иуды. Он показывает его как рационально мыслящего скептика и самоуверенного лидера. Он работает над имиджем, не отрицая совершенного преступления. Его Иуда объясняет, что привело к поцелую Иуды и почему он принял в награду тридцать сребреников; но он не оправдывает его деяние (перевод наш – Е.К.).

Таким образом, смещение фокуса оценки на периферийные элементы лингвокультурного сценария служит генерации новых значений в дискурсе. Не влияя на лексическое (фразеологическое) значение имени, смещение фокуса внутри сценария становится незаменимым инструментом полемических дискуссий, средством номинации и характеристики сложных амбивалентных явлений и процессов.

Литература

Беляевская Е.Г. Когнитивные модели коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 32–40.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Langenhorst G. Zeugen, Helfer und Täter - zu den Gestalten der Passionsgeschichte // Die Bibel in der deutschsprachigen Literatur des 20. Jahrhunderts, Band 2: Personen und Figuren, ed. by Heinrich Schmidinger, Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag. 1999. P. 504–524.

Schwarzbauer V.M. Eine literarische Auseinandersetzung mit der Bibel am Beispiel ausgewählter Werke von Michael Köhlmeier und Patrick Roth. Wien, 2009.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 05.03.2026).

Lexikon der biblischen Personen / Hrgs. von M. Bocian. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2004.

Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. URL: https://woerterbuchnetz.de/?sigle=Wander&lemid=A00001 (дата обращения: 05.03.2026).

E. I. Karpenko *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

EVALUATIVE DEFOCUSING IN GERMAN BIBLICAL LINGUOCULTURAL SCRIPTS

The purpose of the article is to study the evaluative defocusing in biblical linguocultural scripts as one of the linguocreative techniques of meaning formation in discourse. Using the method of script's modeling, a corpus of verbal embodiments of the biblical script *JUDAS* was studied and it was shown that the nominations of positive assessment that characterize this biblical personality are the result of a change in the script's background and figure.

Key words: biblical linguocultural script, evaluation, focusing, defocusing, German

Л. В. Лебедев, О. В. Корзун *(Москва, Россия)*
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
leoneedlebedev@mail.ru, *korzun-ov@ranepa.ru*

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В СТРУКТУРЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЯДРА: ФОРМИРОВАНИЕ СУВЕРЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается трансформация целевых ориентиров дисциплины «Иностранный язык» в социогуманитарном ядре Президентской академии. Культурологический подход обосновывает формирование языковой личности суверенного

типа – субъекта межкультурного диалога, транслирующего ценности родной культуры в иноязычной среде.

Ключевые слова: культурологический подход, диалог культур, аксиология образования, «мягкая сила», когнитивная автономия, культурная языковая личность

Реформа высшего образования в России, инициированная на федеральном уровне, привела к формированию новой структурной модели, ключевым элементом которой стало выделение единого ядра образовательных программ. Как отметил министр науки и высшего образования В.Н. Фальков, это ядро призвано обеспечить стандартизацию и единое качество образовательного процесса на всей территории страны [ТАСС 2025]. В его структуре особое место занимает социогуманитарная часть, нацеленная на развитие у обучающихся целостной социогуманитарной культуры личности.

В Президентской академии (РАНХиГС) разработка и внедрение социогуманитарного ядра (СГЯ) приобретает особую значимость. Учитывая миссию Академии как ведущего центра подготовки управленческой элиты страны, СГЯ призвано интегрировать универсальные гуманитарные ориентиры с задачами профессионального становления будущих лидеров [Концепция СГЯ 2025]. В утвержденный состав СГЯ, помимо «Истории России», «Философии» и других дисциплин, наряду с «Русским языком и культурой речи» вошел и «Иностранный язык» [Концепция СГЯ 2025]. Это решение закрепляет за данной дисциплиной статус не просто инструментального предмета, а фундаментального элемента в системе подготовки, направленного на формирование культурной, коммуникативной и профессиональной компетентности личности.

Рассмотрение дисциплины «Иностранный язык» в новом статусе не является данью академической традиции. За этим решением стоит глубокий концептуальный сдвиг, затрагивающий сами основания того, как мы понимаем цель иноязычной подготовки. Долгое время доминировала парадигма: цель обучения иностранному языку – формирование коммуникативной компетенции, способности общаться с носителями иной культуры. Однако сегодня, в условиях информационной открытости и ценностной поляризации мира, эта цель обнаруживает свою недостаточность. Кого мы готовим – умелого адаптера к чужой культуре или субъекта, способного к равноправному диалогу, сохраняющего и транслирующего собственную культурную идентичность? Ответ лежит в плоскости культурологического подхода, положенного в основание всей концепции социогуманитарного ядра.

Культурологический подход, сформулированный в программных документах Академии, рассматривает образование не как трансляцию знаний, а как процесс «вхождения человека в пространство культуры». Личность здесь понимается как субъект культуры, способный к ее освоению, созиданию и передаче [Концепция СГЯ 2025]. Применительно к преподаванию иностранного языка это означает сме-

ну вектора интенциональности. Если ранее процесс был ориентирован на рецепцию чужого культурного опыта, то сегодня на первый план выходит задача трансляции. Как точно заметила С.Г. Тер-Минасова, в современном международном общении партнеры ждут от нас не столько понимания их реальности, сколько доступа к нашей – к миру современной России, к ее ценностям и историческому опыту [Тер-Минасова 2015]. Иностранный язык, таким образом, перестает быть инструментом получения информации и становится средством диалога, в котором его носитель выступает как полноправный собеседник, способный представить собственную культурную позицию.

Эта мысль подводит к необходимости ввести понятие, точно описывающее целевой ориентир иноязычного образования в новой парадигме. Речь идет о формировании «языковой личности суверенного типа». Как отмечают М.Г. Петрова и Г.И. Воронина, целью современного иноязычного образования является формирование «культурной языковой личности», способной через изучение языка познавать иные культурные миры и критически осмысливать информацию [Петрова, Воронина 2023]. Развивая это положение применительно к задачам СГЯ, мы предлагаем понятие «суверенная языковая личность», которое акцентирует не только способность к познанию, но и готовность к трансляции собственных культурных смыслов. Под суверенностью здесь понимается не политическая ангажированность, а внутренняя способность личности к автономному и ответственному действию в пространстве межкультурной коммуникации, опирающемуся на осознание собственных культурных оснований.

Раскроем содержание этого понятия через несколько взаимосвязанных характеристик. Прежде всего, это когнитивная автономия. В условиях информационной открытости и обилия противоречивых интерпретаций способность самостоятельно анализировать иноязычную информацию, критически оценивать чужие точки зрения и вырабатывать собственную аргументированную позицию становится необходимым условием полноценного участия в диалоге. Без этого владение языком может обернуться уязвимостью, превратив человека в пассивного потребителя чужих смыслов, не способного к рефлексии.

Вторая характеристика – ценностная определенность [Nye 2004]. Это не означает закрытости или неприятия иных ценностных систем. Напротив, подлинный диалог возможен только тогда, когда его участники отдают себе отчет в собственных основаниях. Ценностная определенность предполагает способность сохранять связь с базовыми ценностями своей культуры, рефлексировать их и артикулировать на языке собеседника. Именно в этом акте артикуляции чужое, потенциально непонятное, может стать предметом обсуждения, понимания, а в перспективе – основой для выстраивания доверительных отношений. Это работа «мягкой силы» на индивидуальном уровне [Nye 2004]: не навязывание, а убеждение через привлекательность собственной культурной логики.

Третья характеристика – коммуникативная инициативность. Суверенная языковая личность способна брать на себя функцию интерпретатора, находить точки сопряжения между различными картинами мира и выстраивать мосты взаимопонимания. Эта способность напрямую связана с интегративным характером дисциплины в структуре СГЯ. Содержательную базу для такой коммуникации дают другие предметы ядра: знание истории России позволяет говорить о стране доказательно, философская подготовка дает аппарат для анализа ценностных различий, дисциплина «Культура личности и общества» формирует понимание коммуникативной этики [Концепция СГЯ 2025]. Иностранный язык выступает интегратором, собирающим разрозненные знания в целостную способность личности к культурному действию.

Такой подход влечет за собой пересмотр методических принципов. Содержательное наполнение курса не может ограничиваться бытовыми темами. В фокус должны попадать аутентичные материалы, отражающие многообразие взглядов на историю и современность России, в том числе тексты, содержащие тенденциозные интерпретации. Работа с ними формирует когнитивную автономию. Коммуникативные ситуации должны приближаться к реальным практикам межкультурного взаимодействия: презентации проектов, дискуссии, дебаты, где студент выступает как представитель своей культуры. Меняется и роль преподавателя: он становится модератором диалога, помогающим студенту найти языковые средства для выражения собственной позиции. Это требует от преподавателя не только лингвистической, но и серьезной общекультурной компетенции, понимания того ценностного и смыслового поля, в котором формируется личность студента.

Подводя итог, можно утверждать, что включение иностранного языка в социогуманитарное ядро с опорой на культурологический подход позволяет по-новому сформулировать стратегическую цель иноязычного образования. Эта цель – формирование языковой личности суверенного типа, способной к равноправному и осмысленному диалогу. Такой выпускник не теряет себя в пространстве иных культур, но обретает способность транслировать собственные ценности на языке, доступном миру. В конечном счете речь идет о воспитании человека, для которого владение иностранным языком становится не угрозой размывания идентичности, а инструментом ее утверждения и достойной репрезентации в многополярном мире. Именно в этом заключается глубинный смысл дисциплины в новой модели высшего образования, особенно в стенах Академии, призванной готовить лидеров, способных отвечать на вызовы времени [Концепция СГЯ 2025].

Литература

Концепция СГЯ – Концепция построения социогуманитарной части единого ядра высшего образования в Президентской академии. М., 2025. URL: https://оаф.рф/сгя/(дата обращения: 14.03.2026).

Петрова М.Г., Воронина Г.И. Социально-гуманитарная функция иноязычного образования // KANT. 2023. № 1 (46). С. 307–311.

Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков в современной России: старые и новые проблемы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 31–41.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

ТАСС – Фальков: в вузах РФ будет единое фундаментальное ядро курсов для каждой отрасли // ТАСС. 24 мая 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/24037653 (дата обращения: 14.03.2026).

L. V. Lebedev*, *O. V. Korzun *(Moscow, Russia)*
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

FOREIGN LANGUAGE IN THE STRUCTURE OF THE SOCIO-HUMANITARIAN CORE: FORMATION OF A SOVEREIGN LINGUISTIC PERSONALITY AND ITS ROLE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article examines the transformation of the target orientations of the discipline “Foreign Language” within the socio-humanitarian core of higher education at the Presidential Academy. Based on the culturological approach, the authors substantiate the need to form a sovereign linguistic personality capable of acting as a full-fledged subject of intercultural dialogue and conveying the values of native culture in a foreign language environment.

Key words: culturological approach, dialogue of cultures, axiology of education, “soft power”, cognitive autonomy, cultural linguistic personality

Р. И. Нарманова *(Астана, Казахстан)*
Международный университет Астана Государственный университет просвещения
Razik11471@gmail.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ, КАЗАХСКОМ, УЗБЕКСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКАХ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В статье представлен сопоставительно-типологический анализ соматических фразеологизмов в русском, казахском, узбекском, английском и каракалпакском языках. Выявлены универсальные и национально-специфические черты, определены основные стратегии перевода, обусловленные лингвокультурологическими особенностями исследуемых единиц.

Ключевые слова: соматические фразеологизмы, когнитивная семантика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, перевод, концептуализация

Изучение фразеологического фонда языка в сопоставительном аспекте остается одной из приоритетных задач современной лингвистики, поскольку именно фразеологизмы аккумулируют культурно значимую информацию и отражают особенности национального мышления. Особый интерес в этом плане представляют соматические фразеологизмы (СФ) – единицы, содержащие в своей структуре наименования частей тела. Соматическая лексика относится к древнейшему слою лексики, что обусловливает ее высокую фразеологическую активность и семантическую плотность.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных соматической фразеологии отдельных языков, сопоставительно-типологические исследования, охватывающие одновременно славянские, тюркские и германские языки, немногочисленны. Новизна настоящего исследования заключается в привлечении каракалпакского языка, который ранее редко включался в подобные полисистемные сопоставления, а также в комплексном анализе переводческого аспекта с учетом современных достижений лингвокультурологии.

Цель исследования – выявить типологические сходства и различия в структурно-семантической организации соматических фразеологизмов в русском, казахском, узбекском, английском и каракалпакском языках и определить оптимальные способы их перевода.

Материалом послужили 450 соматических фразеологизмов, отобранных методом сплошной выборки из следующих источников: «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.Н. Тихонова, «Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі» (под ред. Н. Оралбаевой), «Ўзбек тилининг фразеологик луғати» Ш. Рахматуллаева, «Қаракалпак тилиниң фразеологиялық сөзлиги» Ж. Айымбетова, а также англоязычных источников [CID 2022]. Использовались данные Национальных корпусов русского, казахского, узбекского и английского языков для верификации контекстуального употребления.

В работе применены следующие методы: сопоставительно-типологический (для выявления универсалий и лакун), компонентный анализ (для семантической структуры ФЕ), метод лингвокультурологического комментария (для интерпретации культурной коннотации), а также переводческий анализ (для классификации эквивалентов).

Структурно-типологическая характеристика. Анализ показал, что во всех исследуемых языках доминируют двухкомпонентные модели соматических фразеологизмов, однако наблюдаются различия в частотности соматизмов. Наиболее продуктивными во всех языках являются компоненты *глаза* (рус. *глаза на лоб лезут*, каз. *көз аларту*, узб. *кўзи олдида*, англ. *to see eye to eye*, каракалп. *көз салу*), *рука* (каз. *қолы қысқа*, узб. *қўли калта*, рус. *золотые руки*, англ. *all hands on deck*, каракалп. *қолы ашық*) и *сердце* (рус. *сердце кровью обливается*, каз. *жүрегі жарылардай*, узб. *юраги ёриб кетай*, англ. *to wear one's heart on one's sleeve*, каракалп. *жүреги жарқылдап*).

Типологическая универсалия проявляется в том, что во всех пяти языках соматизмы формируют семантические поля, связанные с эмоциональным состоянием человека (страх, радость, гнев), интеллектуальной деятельностью и характеристикой личности. Однако в тюркских языках (казахском, узбекском, каракалпакском) наблюдается более детализированная дифференциация понятий, связанных с частями тела, что подтверждает положение о фрагментации номинативного пространства в тюркской картине мира [Оралбаева 2023: 45; Рахматуллаев 2024: 112].

Лингвокультурологическая специфика. Соматические фразеологизмы выступают в качестве репрезентантов национально-культурных кодов. В казахском и каракалпакском языках значительное место занимают фразеологизмы с компонентом *бас / бас* (голова), которые в контексте традиционного кочевого уклада приобретают символическое значение «честь», «достоинство», «глава рода» (каз. *бас көтеру*, каракалп. *бас көтермеу*) [Айымбетов 2022: 56]. В узбекском языке культурную маркированность демонстрируют фразеологизмы с компонентом *қўл* (рука), отражающие традиции ремесленничества и гостеприимства [Хакимова 2016].

В русском языке соматизмы часто коррелируют с православной антропологией, что выражается в оппозиции «душа-тело» (рус. *душа в пятки ушла*). Английские соматические фразеологизмы, напротив, демонстрируют прагматизм и сдержанность, что находит выражение в меньшей степени экспрессивности по сравнению со славянскими и тюркскими единицами (англ. *keep a stiff upper lip*) [CID 2022: 215].

Переводческий аспект. В ходе анализа способов перевода СФ на русский язык (как язык-посредник в межкультурной коммуникации) были выделены следующие основные стратегии:

Полная эквивалентность (ок. 18% от общего числа). Наблюдается в случаях, когда ФЕ совпадают по семантике, образу и стилистической окраске. Например, рус. *смотреть сквозь пальцы* – англ. *to look through one's fingers* – каз. *саусақтың арасынан қарау*. Однако такие единицы являются скорее исключением, что объясняется различиями в образной основе.

Частичная эквивалентность (ок. 45%). Характеризуется совпадением денотативного значения при различии во внутренней форме. Например, рус. *язык хорошо подвешен* – каз. *аузына қарап тұру* (букв. «смотреть в рот») – узб. *тили буки*.

Калькирование (ок. 22%). Часто используется при переводе тюркских фразеологизмов на русский язык для сохранения национального колорита. Однако, как отмечает Ж. Айымбетов, калькирование может приводить к семантической деформации при отсутствии лингвокультурологического комментария [Айымбетов 2023: 132].

Описательный перевод (ок. 15%). Применяется при наличии культурных лакун. Например, каракалп. *бел байлау* (букв. «обвязать пояс») передается на русский язык как «приступить к работе с особым усердием, торжественно начать».

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что соматический код является базовым для всех исследуемых языков, но степень его культурной нагруженно-

сти варьируется. Согласно выводам современных исследователей, наиболее архаичные пласты фразеологии сохраняются именно в тюркских языках, что обусловлено устойчивостью традиционного уклада [Садыкова 2024: 67].

Проведенный сопоставительно-типологический анализ соматических фразеологизмов в русском, казахском, узбекском, английском и каракалпакском языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Соматические фразеологизмы демонстрируют как универсальные черты, обусловленные общностью антропологического кода (высокая продуктивность компонентов «глаза», «рука», «сердце»), так и идиоэтнические особенности, связанные с национальной картиной мира.
2. Лингвокультурологическая специфика наиболее ярко проявляется в тюркских языках (казахском, узбекском, каракалпакском), где соматизмы вбирают в себя элементы кочевой культуры, традиционной иерархии и ремесленной деятельности.
3. В переводческом аспекте ведущую роль играет стратегия частичной эквивалентности, что требует от переводчика глубокого знания культурного контекста. Калькирование и описательный перевод являются эффективными инструментами при передаче безэквивалентной лексики.
4. Перспективы исследования видятся в изучении динамики соматических фразеологизмов в условиях цифровой коммуникации, а также в расширении типологической базы за счет включения других языковых семей.

Литература

Айымбетов Ж. Каракалпак тили фразеологиясы: соматикалық компонентли бирликлер Нөкис: Қарақалпақстан, 2022. С. 176.

Хакимова Г.Э. Лингвокультурологический анализ устойчивых единиц в узбекском и английском языках / Г. Э. Хакимова // Вестник Челябинского государственного университета: филологические науки. 2016. № 13 (104). С. 132–137.

Оралбаева Н., Жумабаева А. Қазіргі қазақ тіліндегі соматикалық фразеологизмдердің лингвомәдени аспектісі. Алматы: Қазақ университеті, 2023.

Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили соматик фразеологизмларининг типологик тадқиқи Тошкент: Фан, 2024.

Садыкова А.К. Типология соматических фразеологизмов в тюркских языках: синхрония и диахрония. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2024.

CID – Cambridge Idioms Dictionary / M. McCarthy, F. O'Dell. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

R. I. Narmanova *(Astana, Kazakhstan)*
Astana International University
State University of Education

COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ANALYSIS OF SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN, KAZAKH, UZBEK, ENGLISH AND KARAKALPAK LANGUAGES (LINGUISTIC, CULTURAL AND TRANSLATION ASPECTS)

The article presents a comparative and typological analysis of somatic phraseological units in Russian, Kazakh, Uzbek, English and Karakalpak languages. Universal and national-specific features have been identified, and the main translation strategies determined by the linguistic and cultural characteristics of the studied units have been identified.

Key words: somatic phraseology, cognitive semantics, linguoculturology, cross-cultural communication, translation, conceptualization

А. Р. Нурутдинова *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
AiRNurutdinova@kpfu.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ НА ОСНОВЕ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР ТЕЛА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ)[1]

Статья посвящена сравнительному анализу соматических метафор в русском, английском и японском языках в аспекте лингвосенсорики. Рассматриваются номинации, репрезентирующие тактильные, проприоцептивные и интероцептивные ощущения. Цель – реконструкция архетипических образов телесного кода культуры. Выявляются универсальные сенсорные модели и этноспецифичные способы концептуализации внутреннего мира человека через телесные перцептивные модусы.

Ключевые слова: соматический код, архетипический образ, лингвосенсорика, сравнительно-типологический анализ, языковая картина мира, интероцепция, перцептивная метафора

Тело человека становится своеобразной системой координат, через которую осмысляются пространственные, эмоциональные и социальные категории. Особый

[1] Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

интерес в этом контексте представляет лингвосенсорный аспект соматической метафоры: телесные ощущения составляют базу первичного, допредикативного опыта человека, который впоследствии подвергается языковой категоризации и становится источником метафорических переносов в сферу ментального и эмоционального [Арутюнова 1999; Клевцова 2012]. Цель настоящего исследования – реконструкция архетипических образов, лежащих в основе соматического кода, путем сравнительно-типологического анализа лингвосенсорных метафор в трех разноструктурных языках: русском, английском и японском.

Понятие архетипа в лингвистическом контексте трактуется как устойчивый, воспроизводимый образ, восходящий к древнейшим формам мировосприятия и сохраняющийся в языке в виде рудиментов предшествующих этапов развития культуры. Как указывает Ф.Т. Узденова, исследование механизмов перехода архетипа «из наиболее архаичных форм мировосприятия к современным (с сохранением в виде рудиментов предыдущих)» позволяет проследить линию трансформаций, приводящих в конечном итоге к формированию национально-специфических знаков [Узденова 2017: 55].

Материалом исследования послужили фразеологические единицы русского, английского и японского языков, содержащие соматические компоненты, а также контексты из Национального корпуса русского языка, British National Corpus и корпуса современного японского языка. Всего было проанализировано 320 единиц (120 русских, 100 английских, 100 японских). Основные методы исследования: сравнительный анализ, позволяющий выявить сходства и различия в функционировании соматических метафор в разноструктурных языках; концептуальный анализ, направленный на реконструкцию стоящих за языковыми единицами архетипических образов; элементы компонентного и этимологического анализа.

В русской языковой картине мира ключевым соматическим концептом выступает ДУША, локализуемая преимущественно в области сердца или груди. Е.В. Урысон отмечает, что в русском языке «душа мыслится как самостоятельная сущность, которая может испытывать различные состояния, при этом телесные ощущения служат моделью для описания душевных движений» [Урысон 1995: 45]. Лингвосенсорный аспект проявляется в метафорах, основанных на тактильных и интероцептивных ощущениях: *тепло на душе* (приятное тактильное ощущение как источник эмоционального комфорта), *тяжесть на сердце* (проприоцептивное ощущение давления как модель эмоционального страдания), *душа болит* (интероцептивное ощущение боли как универсальный код страдания). Особую группу составляют метафоры, связанные с температурными ощущениями: *горячее сердце* (эмоциональная вовлеченность), *холодная голова* (рациональность, контроль эмоций). Архетипический образ, реконструируемый на основе этих данных, может быть определен как «человек – вместилище чувств». Важной особенностью русского языка является высокая степень диффузности между телесным и душевным: граница между физическим ощущением и эмоциональным переживанием оказывается размытой [Бирих 2007].

В английском языке соматический код демонстрирует иные закономерности. Как показывают исследования Ю.Н. Куличенко и Е.М. Королевской, фразеологизмы с компонентом «голова» в английском языке «отражают представление о голове как о вместилище интеллекта и центре контроля» [Куличенко, Королевская 2017: 120]. Метафоры, связанные с головой и мозгом, доминируют при описании когнитивных процессов: *to keep something in one's head* ‘держать в голове’, *to have a good head for something* ‘иметь способности к чему-либо’, *to use one's head* ‘думать’. Лингвосенсорные метафоры в английском языке апеллируют к тактильным и проприоцептивным ощущениям, связанным с границей тела. Архетип границы проявляется в концептуализации кожи как барьера между внутренним и внешним: *thick-skinned* ‘толстокожий – нечувствительный к критике’, *thin-skinned* ‘чувствительный, обидчивый’ [Кунин 1984]. Интероцептивные ощущения представлены слабее, чем в русском языке; при описании эмоций используются метафоры движения и направления: *to feel uplifted* ‘чувствовать подъем’, *to feel down* ‘чувствовать подавленность’.

Включение японского материала позволяет расширить исследовательскую перспективу и выявить архетипические образы, не сводимые к индоевропейской логике. Ключевым концептом японской соматической картины мира выступает 腹 (хара) – ‘живот/чрево’. В отличие от европейской традиции, где центр эмоциональной жизни локализуется в сердце, а центр мысли – в голове, японская культура помещает центр личности в область живота. Концепт 腹 (хара) реализуется в многочисленных фразеологизмах: 腹が立つ (хара га тацу) – букв. ‘живот встает’ (сердиться); 腹を割って話す (хара о ваттэ ханасу) – букв. ‘разрезать живот и говорить’ (говорить откровенно); 腹が黒い (хара га курой) – букв. ‘живот черный’ (иметь злые намерения, быть коварным); 腹が汚い (хара га китанай) – букв. ‘живот грязный’ (быть подлым, нечестным). Лингвосенсорный аспект проявляется в метафорах, основанных на интероцептивных ощущениях: внутренние ощущения в области живота непосредственно связываются с эмоциональными состояниями.

Особый интерес представляет оппозиция 内 / 外 (ути-сото) – ‘внутреннее-внешнее’, пронизывающая японскую языковую картину мира. Тело рассматривается не как контейнер с жесткими границами (как в английском), а как пространство с проницаемыми границами, где внутреннее (内 / ути) противопоставлено внешнему (外 / сото), но при этом возможно их взаимодействие. Соматические метафоры, связанные с глазами (目 / мэ), также отражают эту логику: 目が高い (мэ га такай) – букв. ‘глаза высокие’ (обладать тонким вкусом, быть знатоком), 目が覚める (мэ га самасу) – букв. ‘проснуться глазами’ (прозреть, очнуться от иллюзий). Архетипический образ, реконструируемый для японской традиции, может быть определен как «человек – центр бытия», где холистичность восприятия (отсутствие жесткого разделения на тело и душу, мысль и чувство) проявляется в локализации личности в центре тела – области живота.

Сопоставление трех языков позволяет выявить как универсальные, так и этноспецифичные черты в репрезентации телесности. Универсальным основанием

выступает антропоморфный принцип концептуализации действительности: *человек осмысляет мир по своему образу и подобию*.

Различия касаются выбора соматической доминанты и характера ее концептуализации. В русском языке такой доминантой выступает *сердце/душа*, при этом телесное и душевное тесно переплетены. В английском языке доминирует *голова/мозг* как центр контроля, а тело мыслится как инструмент. В японском языке ключевым центром выступает *живот/хара*, что отражает холистическое, недуалистическое понимание человека. Данные различия восходят к глубинным архетипическим образам. Русская традиция актуализирует архетип «вместилища», где внутреннее пространство человека открыто для эмоциональных состояний. Английская традиция – архетип «границы», где важен контроль и защита личного пространства. Японская традиция – архетип «центра», где важна не столько граница, сколько внутренняя структурированность и баланс.

Соматический код культуры представляет универсальный механизм концептуализации действительности, восходящий к архетипическим образам коллективного бессознательного. Лингвосенсорный подход, фокусирующийся на языковых репрезентациях перцептивного опыта, дает возможность выявить глубинные основания метафоризации и проследить связь между телесными ощущениями и их культурной интерпретацией. Сравнительно-типологический анализ русского, английского и японского языков демонстрирует, что при общности антропоморфного принципа моделирования действительности конкретные способы концептуализации телесности обнаруживают значительные расхождения, которые обусловлены как типологическими особенностями языков, так и различиями в культурных традициях.

Реконструированные архетипические образы – *«человек-вместилище»* (русский), *«человек-контролер»* (английский), *«человек-центр»* (японский) – отражают глубинные установки соответствующих лингвокультур и могут служить основой для дальнейших исследований в области сопоставительной лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации.

Перспективы исследования связаны с расширением материала за счет включения других языков и культур, а также с углубленным изучением лингвосенсорных механизмов метафоризации в диахроническом аспекте.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

Клевцова О.Б. Феномен человеческого тела как принцип лингвистической реконструкции мира. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012.

Куличенко Ю.Н., Королевская Е.М. Структурно-семантические особенности русских и английских фразеологизмов с соматическим компонентом «голова» в сопоставительном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–1 (74). С. 93–95.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Узденова Ф.Т. От образа к знаку: механизмы трансформации (на материале нартского эпоса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–2 (78). С. 55–58.

Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания.1995. № 3. С. 3–16.

A. R. Nurutdinova *(Kazan, Russia)*
Kazan (Volga Region) Federal University

RECONSTRUCTION OF ARCHETYPAL IMAGES BASED ON SOMATIC CODE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUO-SENSORY BODY METAPHORS IN RUSSIAN, ENGLISH, AND JAPANESE

The article presents a comparative analysis of somatic metaphors in Russian, English, and Japanese from the perspective of linguo-sensorics. The author examines nominations representing tactile, proprioceptive, and interoceptive sensations. The aim is to reconstruct archetypal images underlying the somatic code of culture. The study identifies universal sensory models and ethnospecific ways of conceptualizing the human inner world through bodily perceptual modalities.

Key words: somatic code, archetypal image, linguo-sensorics, comparative-typological analysis, linguistic worldview, interoception, perceptual metaphor

Е. А. Огнева *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ogneva@bsuedu.ru
Е. А. Шеметова *(Белгород, Россия)*
Белгородского государственного института искусств и культуры,
elizaweta-gl@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ИСТОРИКО-МАРКИРОВАННОГО ТЕКСТОВОГО КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ РОМАНА Э. ЧЕДВИК «ВЕЛИЧАЙШИЙ РЫЦАРЬ»

В статье выявляется специфика функционирования модели-реконструкции текстового когнитивного сценария в оригинальном и переводном текстах романа Э. Чедвик «Величайший рыцарь». Выявлена трансформация сегментов модели сценария в результате его переводного трансфера. Определяется тот факт, что историко-культурологических потенциал модели текстового когнитивного сценария искажен посредством переводного трансфера.

Ключевые слова: текстовые когнитивные сценарии, переводной трансфер, моделирование

Один из актуальных вопросов современного когнитивного переводоведения заключается в выявлении закономерностей переводческого трансфера текстовых когнитивных конструктов, рассматриваемого в качестве процесса перекодировки статичных и динамичных когнитивных моделей текста оригинала средствами языка перевода. Исследование переводческого трансфера осуществляется в соответствии с принципами «управления концептуально-информационными моделями действительности» [Кушнерук 2018: 115], которая воспроизводится в формате художественного произведения в реальной или вымышленной проекциях, формирующими «текст как формат знания» [Baghana et al. 2019: 1186].

Трансфер знания [Демьянков 2017], в частности, переводческий трансфер художественного знания, предопределен, с одной стороны, параметрами модельной конструкции текста оригинала, обусловленной интенцией автора и сюжетно-тематической формой произведения, с другой стороны, законами языка перевода и интенцией переводчика. В свете этого актуализируется значимость исследования категоризации и концептуализации мира исторического прошлого [Миньяр-Белоручева 2023], исследование которого определяет историко-культурологический потенциал [Даниленко 2024: 47], как показатель миромоделирования в виде форматов моделей-реконструкций, интерпретируемых в качестве лингвоконструктов, воспроизводящих исторические события в художественном произведении. В статье представляется интересным рассмотреть переводческий трансфер историко-маркированных текстовых когнитивных сценариев романа Э. Чедвик «Величайший рыцарь», на примере сценария, описывающего ситуацию военных действий между английским королем Генрихом и его сыном принцем Ричардом, заключившим договор с французским королем Филиппом [Чедвик 2008; Chadwick 2005].

Текстовый когнитивный сценарий интерпретируется как «когнитивный формат знания» [Огнева 2014: 77], который в соответствии с предложенной концепцией моделирования и интерпретации текстовых когнитивных сценариев состоит из трех взаимосвязанных сегментов: 1) агенс-информант, 2) терминалопоток, 3) фоновый информант [там же]. Рассматриваемый текстовый когнитивный сценарий состоит из терминалопотоков, сопряженных с агенсами-информантами и фоновым информантом. Первый сегмент модели «the war began» [Chadwick 2005: 358] / «война началась» (здесь и далее пояснительный перевод авторов О.Е. и Ш.Е.) представляет собой милитарный лингвоконструкт, в котором агенсом-информантом предстает лексема «война», а терминал темпорально маркирован, поскольку в семантике глагола «началась» заложена точка отсчета на темпоральной оси, в то время как в переводе говорится о том, что «война длилась всю зиму» [Чедвик 2008: 174], то есть темпоральный аспект трансформирован от точки на темпоральной оси до пролонгированности времени на темпоральной оси, что привело к асимметрии.

Второй сегмент “lasted throughout the winter early spring with skirmishes up and down the border” [Chadwick 2005: 358] / «(война) продолжалась всю зиму и раннюю

весну, сопровождаясь перестрелками по всей границе» состоит из нулевого агенса, в то время как форма глагола терминала маркирует пролонгированность действия, выраженную в двух сопутствующих хронемах «зима» и «весна». Фоновый информант содержит проксему, указывающую на границу, сопряженную с милитарной лексемой «перестрелки». Второй сегмент транскодирован в темпоральном аспекте, поскольку длительность времени переведена асимметрично, в то время как информация относительно весенний перестрелок в переводе формирует отдельный терминал «и захватила раннюю весну» [Чедвик 2008: 174]. Фоновый информант ко второму терминалу трансформирован в отдельный терминал «стычки происходили по всей границе» [там же]. Следовательно, второй сегмент оригинальной модели-реконструкции транскодирован посредством трех терминалов в переводной модели, что искажает модель исходного текста. Третий сегмент модели "several of king's Henry's castles fell into the hands of Richard and Philip" [Chadwick 2005: 358] / «несколько замков короля Генриха перешли в руки Ричарда и Филиппа», в составе которого выявлена метафора «перешли в руки», транскодирован асимметрично, поскольку в оригинальной модели сценария подчеркивается переход замков из владений короля Генриха к его сыну и королю Франции, в то время как в переводной модели констатируется факт нахождения замков в руках, то есть при переводе семантика процесса замешена семантикой статики.

Четвертый сегмент "Negotiations come to nothing" [Chadwick 2005: 358] / «переговоры ни к чему не приводят» транскодированы посредством транспозиции грамматической категории, а именно замены видо-временной формы терминала настоящего времени на видо-временную форму перевода.

Пятый сегмент "the antagonism bitterness on the both sides" [Chadwick 2005: 358] / «ожесточение антагонизма с обеих сторон» выражено назывным предложением, в то время как терминал переводного сегмента модели сценария выражен глаголом прошедшего времени, то есть выявлена вставка глагола и трансформация форм связи в предложении. Шестой сегмент модели "Henry's health continued to deteriorate" [Chadwick 2005: 358] / «Здоровье Генриха продолжало ухудшаться» переведен симметрично. Седьмой сегмент модели "until he could barely ride his horse" [Chadwick 2005: 358] / «до тех пор, пока он едва мог ездить на лошади» транскодирован посредством вставки хронемы «теперь» и изменения терминала, семантика которого в оригинальной модели указывает на верховую езду, тогда как в переводном варианте «он с трудом садился на лошадь» [Чедвик 2008: 174] констатируется факт усаживания на лошадь, а не езды на ней. Данная трансформация искажает ситуацию, вследствие чего в переводной модели король Англии болен более серьезно, чем в оригинальной модели, поскольку не может ездить на лошади верхом. Следовательно, в переводной модели-реконструкции трансформированы условия жизнедеятельности короля Англии, что привело к изменению расстановки сил в данной войне. Из переводной формы терминала очевидно, что король Англии не может про-

должать войну, возглавляя свою армию, в то время как в оригинале король Англии менее свободен в перемещении, но не настолько, чтобы не взобраться на лошадь.

Восьмой сегмент модели “his stocky frame diminished” [Chadwick 2005: 358] / «его коренастая фигура уменьшилась» транскодировано посредством лексико-семантических трансформаций, вследствие которых описание короля Англии было нивелировано «он похудел» [Чедвик 2008: 174]. Данный сегмент переводной модели-реконструкции дополнен терминалом «здоровье Генриха все ухудшалось» [там же], что привело к увеличению модели на три терминала. Девятый сегмент модели сценарий “wrinkled until he resembled a half empty sack” [Chadwick 2005: 358] / «сморщился так, что стал похож на полупустой мешок» содержит сравнение, которое переведено на русский язык симметрично. Фоновый информант, указывающий на исчезновение энергии у короля, транскодирован посредством лексико-семантических преобразований, при которых переведено сравнение сил с угасающим пламенем, тем не менее вторая часть фонового терминала, переведенная аналогично первой части, подчеркивает стремлении победить в схватке. Десятый сегмент модели “like a wounded fox heading for a bolt hole Henry turned for Le Mans, the place of his birth” [Chadwick 2005: 358] / «подобно раненой лисе, стремящейся спрятаться, Генри повернул в Ле-Ман, место своего рождения» переведен асимметричное с применением лексико-семантических трансформаций, при которых была дополнена проксема «к норе» в переводной модели, что исказило модель-реконструкцию оригинала.

Одиннадцатый сегмент модели “prepared to defend it against his son and the King of France” [Chadwick 2005: 358] / «готовый защищать его от своего сына и короля Франции» переведен симметрично.

Таким образом, исследование модели-реконструкции текстового когнитивного сценария, репрезентированного в архитектонике исторического романа Э. Чедвик «Величайший рыцарь» выявило тот факт, из одиннадцати сегментов оригинальной модели вследствие транскодирования переводчиком было употреблено в тексте перевода четырнадцать сегментов, то есть семантический объем когнитивного сценария был увеличен. Преобладающая часть модельных сегментов транскодирована асимметрично. Следовательно, переводческий трансфер историко-маркированного текстового когнитивного сценария привел к искажению сценарной модели-реконструкции как в темпоральном и проксемном аспекте, так и в описании короля Англии, который в русскоязычном тексте более нездоров, чем в оригинальном тексте, что в целом изменило информативный потенциал модели.

Литература

Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (53). С. 5–13.

Даниленко И.А. Историко-культурологический потенциал формирования художественного концепта KRIEG // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 2 (69). С. 47–52.

Кушнерук С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 115–125.

Миньяр-Белоручева А.П. Категоризация и концептуализация мира исторического прошлого // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 275–279.

Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. Т. 1. № 2 (2). С. 75–87.

Чедвик Э. Величайший рыцарь. М.: АСТ, 2008.

Baghana J., Buzina E.I., Glamazda S.N., Khvesko T.V., Lazareva O.P. Literary text as knowledge format // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol. 10. No. S. P. 1186–1196.

Chadwick E. The Greatest Knight. L.: Brown Book Group, 2005.

E. A. Ogneva *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University
E. A. Shemetova *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State Institute of Art and Culture

TRANSLATION TRANSFER OF HISTORICALLY MARKED TEXT COGNITIVE SCRIPT IN E. CHEDWICK'S "THE GREATEST KNIGHT"

The article reveals the specific features of the model-reconstruction's functioning in the textual cognitive script in the original and translated texts of E. Chadwick's novel "The Greatest Knight." The transformation of the script model segments as a result of its translation transfer is identified. It is determined that the historical and cultural potential of the textual cognitive script model is distorted through translation transfer.

Key words: textual cognitive script, translation transfer, modeling

Е. М. Позднякова *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
helenpozdnyakova@yandex.ru
Н. С. Оприщ *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье анализируются образцы мультимодальных текстов наружной рекламы, конструирующие национальную идентичность через взаимодействие вербальных и визуальных кодов. На материале рекламных кампаний рассматриваются лингвокультурные модели, фреймирование и управление культурно-обусловленными схемами в межкультурной коммуникации. Делается вывод о различных стратегиях брендирования национальной идентичности в современной наружной рекламе.

Ключевые слова: лингвокультурные модели, когнитивные схемы, мультимодальная реклама, национальная идентичность, межкультурная коммуникация

В статье предлагается анализ примеров наружной рекламы, размещенной в Лондоне и Дублине. Обращение к данным образцам билбордов вызвано задачами исследования, которые состоят в следующем: 1) рассмотреть лингвокультурные особенности обоих рекламных сообщений; 2) показать когнитивно-лингвистические механизмы, создающие эффект воздействия на аудиторию [Azhar, Rakhshanda, Rehman 2025]. Основанием для сравнения двух образцов рекламы послужило то, что оба опираются на устойчивые культурные стереотипы: в британской рекламе (рис.1) это комикс «Beano», ставший культовым не только в самой Великобритании, но и в других странах мира; в ирландской рекламе (рис. 2) это стереотип «пластикового ирландца».

Рис. 1. Рекламный билборд “Created in London – unleashed in more than 100 countries”

Рис. 2. Рекламный билборд “This is not us”

Оба рекламных щита конструируют национальные образы посредством тщательно выстроенных взаимосвязей между вербальными и невербальными знаками [Курьянович, Панкова 2025], но они используют совершенно разные культурные схемы: стереотип ирландского «пластикового ирландца» явно отвергается; а модель творчества в стиле «Beano» экспортируется как национальный бренд.

Представленные образцы наружной рекламы демонстрируют различные стратегии управления культурно-обусловленными схемами в межкультурной коммуникации. Ирландская рекламная кампания (рис. 2) использует метасемиотический анализ: она демонстрирует стереотип, прямо называет его «not us» и позиционирует музей EPIC как учреждение культуры, которое берет на себя задачу «скорректировать» ирландскую идентичность в глазах иностранной, в основном туристической аудитории [Wang 2025].

В отличие от этого, рекламный щит в Великобритании использует метонимическую синекдоху: комикс-франшиза «Beano» символизирует британские креативные индустрии и, как следствие, саму страну, проецируя уверенный, ориентированный на экспорт национальный образ.

Оба образца рекламы основаны на переплетении вербальных и невербальных кодов для активации культурно обусловленных когнитивных моделей типа schemata. Опираясь на когнитивные модели, наружная реклама создает семиотический интерфейс между репрезентацией собственной идентичности и устоявшимися ментальными моделями глобальной туристической или торговой аудитории.

Ирландский рекламный щит построен вокруг экспрессивного отрицания: «THIS IS NOT US. Find out who the Irish really are…». Типографика (все заглавные буквы, высококонтрастный белый на темном фоне) выдвигает на первый план представленное в вербальной форме авторитетное заявление об идентичности. Выполненный в том же формате логотип музея (EPIC The Irish Emigration Museum) обращает внимание аудитории на сильную институциональную поддержку выдвинутого в центре рекламы эмоционального отрицания.

Правая сторона рекламного щита отдана изображению карикатурной, гипермаскулинной фигуры: визуальное воплощение туристических клише об ирландцах как о мужчинах, любящих пиво и картошку. Композиция, в которой стереотипная фигура буквально выдвинута на край кадра и вербальный дейктический знак «THIS» создают индексальную связь между местоимением и изображением: текст инструктирует зрителей воспринимать фигуру как дейктический центр отрицания. Таким образом, рекламный щит иллюстрирует креолизованный текст, где вербальные и визуальные коды находятся в оппозиции: изображение предлагает культурно устоявшийся стереотип, в то время как текст осуществляет его дискурсивное отрицание и переосмысление.

Опираясь на положения когнитивной лингвистики, мы можем отметить, что ирландский рекламный щит активирует укоренившуюся культурную модель «ирландского пьяницы, жизнерадостного рыжебородого мужчины», широко воспроизводимую в туризме и популярной культуре. Параллельно с активацией культурной модели создатели рекламы активируют и стереотипный фрейм, характерный для туристической аудитории, который ориентирован на пабы, некую карнавальную ирландскость. В то же время реклама отрицает этот культурный стереотип как несовместимый с ирландской идентичностью: Ирландия – исторически укоренившаяся, инновационная, вносящая вклад в мировую экономику нация.

Лондонский рекламный щит поддерживает кампанию “GREAT Britain & Northern Ireland”, которая является правительственной инициативой по созданию национальных брендов для глобального продвижения.

Вербальная составляющая «CREATED IN LONDON, UNLEASHED IN MORE THAN 100 COUNTRIES» транслирует сообщение о локально созданных продуктах и их глобальном распространении, выдвигая на первый план британскую креативность и опору на мягкую силу.

Невербально композиция противопоставляет взрослого профессионала в костюме (представителя креативных индустрий Великобритании) двум фигуркам,

Деннису и Гнашеру, озорно сидящим у него на плече. Визуальный контраст между формальной деловой одеждой и игривыми мультперсонажами кодирует культурный сценарий, в котором британскость сочетает серьезность (промышленность, торговля) с юмором и бунтарской креативностью. Здесь изображение и текст находятся в усиливающем взаимодействии: типографика подчеркивает идею национальной гордости. Надписи «ЛОНДОН» и «100 СТРАН» выполнены крупным жирным шрифтом, а флаг Великобритании и часть логотипа GREAT служат визуальными знаками, связывающими глобально успешный продукт «Beano» с национальным престижем и известными экспортируемыми брендами страны.

С позиций когнитивной лингвистики можно говорить о фрейминге, направленном на аудиторию данной рекламы. Один фрейм акцентирует внимание на устоявшемся восприятии достаточно широкой глобальной аудиторией комикса: BEANO IS GLOBAL SUCCESS; DENNIS AND GNASHER ARE NAUGHTY BUT CREATIVE. Второй фрейм фокусирует восприятие на официальной тематике, задает информационную ось LOCAL PRODUCTION –GLOBAL CONSUMPTION. Правый блок содержит уточняющий текст (цитату, дополнительную информацию) и логотип, институционализирующий сообщение, в то же время конструируя фрейм BRITISH CREATIVE INDUSTRIES ARE GLOBALLY SUCCESSFUL.

В отличие от явного отрицания в ирландской рекламе, британский рекламный щит предлагает опору на позитивное продвижение идентичности: и образ реального специалиста, и персонажи «Beano» включены в официальный правительственный нарратив о прошлом и нынешнем успехе британского экспорта.

Подводя итог, следует отметить, что оба рекламных щита демонстрируют различные стратегии управления культурно-обусловленными схемами в межкультурной коммуникации. В обоих случаях взаимодействие репрезентационного, интеракционального и композиционного измерений в рамках концепции Г. Кресса и Т. Ван Лиувена [Kress, van Leeuwen 2006; Tevzadze 2020] демонстрирует, как именно вербальный и визуальный модусы либо вступают в конфликт (ирландская реклама как инструмент критики стереотипа), либо образуют согласованный мультимодальный комплекс (британская реклама как позитивный национальный брендинг) [Kelly-Holmes 2016].

Литература

Курьянович А.В., Панкова А.В. Рекламный семиотический код как инструмент интерпретации региональной картины мира // ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики. 2025. №3(45). С. 67–93.

Ruohan Hu, Yiqi Yang, Jun Hou Cognitive Linguistics and Multimodal Models in Advertising Applications // Cognitive Linguistics and Metaphor Theory in Modern Advertising. 2025. Vol. 8. No. 5. P. 2504–2516.

Kelly-Holmes H. Constructing and Disputing Brand National Identity in Marketing Discourse // Signs and Society. Cambridge University Press, 2016. P. 51–69.

Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London, New York: Routledge, 2006.

Tevzadze T. Social-semiotic approach to advertising // Online Journal of Humanities. 2020. No. 5. P. 1–8.

Wang Y. A Multimodal Critical Discourse Analysis of the Online Brand Identity Construction of National Museums // Universal Journal of Social Sciences and Humanities. 2025. No. 5 (1). P. 1–11.

E. M. Pozdnyakova *(Moscow, Russia)*
Russian State University for the Humanities
N. S. Oprich *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

LINGUOCULTURAL AND COGNITIVE ASPECTS OF THE SEMIOTICS OF ENGLISH-LANGUAGE OUTDOOR ADVERTISING

The article examines outdoor adverts as multimodal texts that construct national identity through the interaction of verbal and visual codes. The analysis focuses on linguocultural models, framing, and the management of culturally driven schemata in intercultural communication. The study concludes that contemporary outdoor advertising employs divergent strategies of critical deconstruction versus positive branding of national identity.

Key words: linguocultural models, cognitive schemata, multimodal advertising, national identity, intercultural communication

Ю. М. Разумовская *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Julieden@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ФУНКЦИИ СЕЛЕКТИВНОЙ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье исследуются прецедентные имена в функции селективной вторичной интерпретации как познавательной активности человека. Рассматривается когнитивный механизм «концептуальная метафора», обеспечивающий формирование смысла прецедентных имен. Материалом послужили русско- и франкоязычные материалы медиадискурса, из которых были отобраны прецедентные имена, относящиеся к области ЖИВОПИСЬ.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентность, медиадискурс, селективная вторичная интерпретация, концептуальная метафора, концептуальная область ЖИВОПИСЬ

Обращаясь к изучению прецедентных имен (далее – ПИ), мы прежде всего основываемся на базовых положениях теории прецедентности, разработанных такими ведущими отечественными учеными, как Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко,

Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, С.Л. Кушнерук, Е.А. Нахимова. В ходе исследования используются методы концептуально-дефиниционного, когнитивно-матричного и контекстуального анализа, которые позволяют детально проанализировать ПИ и прийти к определенным результатам. Вслед за В.В. Красных считаем ПИ «сложным знаком, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных 2003: 198]. Каждое ПИ передает определенное концептуальное содержание, характеристики которого учитываются при осмыслении ПИ. Установлено, что ПИ выполняют ряд значимых функций в медиадискурсе, и одной из ключевых функций является функция вторичной интерпретации.

Н.Н. Болдыревым доказано существование различных видов интерпретации действительности человеком. Первичная интерпретация направлена на осмысление непосредственно наблюдаемых объектов и событий. Вторичная интерпретация связана с переработкой уже существующего, зафиксированного в языке знания о них [Болдырев 2025а: 5]. ПИ рассматриваются нами как средство реализации вторичной интерпретации. В русском и французском медиадискурсах они привлекаются для передачи знаний о самых разных сущностях – о других людях, животных или артефактах, не являющихся носителями ПИ.

Согласно теории Н.Н. Болдырева, вторичная интерпретация реализует три основные функции: селективную, классифицирующую и оценочную [Болдырев 2017: 57]. В центре внимания данной статьи находится селективная функция ПИ. Она предусматривает «профилирование составных компонентов или характеристик явления в зависимости от тех или иных доминирующих факторов: гендерных, возрастных, социокультурных…» [Болдырев 2025б: 30].

Доказано, что формирование смысла ПИ в функции селективной вторичной интерпретации происходит за счет обращения к многоаспектной структуре знания матричного формата, а именно матрице «прецедентное имя», и обеспечивается определенными когнитивными механизмами. Что касается механизмов, то, как показывает проведенное исследование, к их числу относится когнитивный механизм «профилирование», позволяющий сконцентрировать внимание на определенной концептуальной области интегративной структуры знания, относительно которой осмысляется ПИ, и выделить наиболее актуальные для осмысления ПИ характеристики. Этот механизм является ведущим и сочетается с рядом других механизмов, один из которых – механизм «концептуальная метафора».

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие использование ПИ в функции селективной вторичной языковой интерпретации.

I. *Метафорический перенос определенного качества конкретной личности на любую личность.*

(1) *Новый* ***Модильяни****. Польский художник. Roman Zakrzewski.*

Может быть, он новый ***Модильяни****, возрожденный в новом облике, которому, наконец, удалось закончить свои работы и написать много новых. С самого юного*

возраста художник проявил интерес к портретам, которые стали главной темой его художественной работы [https://www.risunoc.com].

Рис. 1. Слева – портрет девушки в исполнении польского художника Романа Закржевски. Справа – «Алиса» – картина итальянского художника Амедео Модильяни.
Источник: Современные художники, фотографы и скульпторы со всего света. URL: https://www.risunoc.com/; URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения 10.03.2026)

В примере ПИ *Модильяни* интерпретируется относительно когнитивного контекста СТАТУС матрицы. За счет когнитивного механизма «профилирование» активизируется характеристика ‘профессиональный статус – художник, обладающий определенным стилем’. Далее используются такие когнитивные механизмы, как «достраивание», «соединение» и «развитие», которые были подробно изучены и описаны в трудах Л.В. Бабиной [Бабина 2009: 137–149]. С учетом контекстуальной информации, а именно имени прилагательного *новый*, при помощи механизма «достраивание» добавляется характеристика ‘ситуативный статус’, благодаря механизму «развитие» она уточняется как ‘ситуативный статус – новый’. Механизм «соединение» способствует объединению характеристик. Кроме того, учитывается упоминание о том, что польский художник рисует именно глубокие и эмоциональные портреты, это также подтверждается иконическим компонентом заметки. Фотографии полотен, представленные на рисунке 1, позволяют провести аналогию между творчеством Романа Закржевски и картинами итальянского художника Амадео Модильяни. Обоих художников отличает неповторимый стиль живописи: они стремятся не только передать внешность своих моделей, но и их внутренний мир, уделяя особое внимание линиям, используя теплую световую гамму.

(2) *Le célèbre sculpteur italien Jago, surnommé le «**Michel-Ange** des temps modernes», a dévoilé sa nouvelle œuvre basée sur l'histoire de Narcisse.*

La sculpture est inspirée du mythe grec « Narcisse », à propos d'un beau jeune homme qui n'arrêtait pas de rejeter toutes les personnes qui tombaient amoureuses de lui, jusqu'au jour où il tomba amoureux de lui-même après avoir vu son image se refléter dans l'eau pour la première fois (https://www.observatoiredeleurope.com/).

ПИ *Michel-Ange* в приведенном примере дает представление об эталоне художника и скульптора, и передает знания о том, что Микеланджело Буонарроти был известным итальянским мастером Эпохи Возрождения, и его произведения считались наивысшими достижениями искусства. Вдохновившись греческим мифом о красивом юноше, который считал, что в мире нет ничего прекраснее его самого, Микеланджело Буонарроти создал такой шедевр скульптуры, как статуя «Нарцисс», которую сегодня можно увидеть в Национальной галерее старинного искусства в Риме.

Молодой итальянский творец Яго также представил свою работу по мотивам истории Нарцисса, эта информация позволяет нам активизировать характеристику 'statut professionnel – peintre possédant le style défini' контекста STATUT матрицы. Когнитивный механизм «концептуальная метафора» позволяет провести параллель между творчеством двух скульпторов. Как и в примере (1), используются когнитивные механизмы «достраивание», «соединение» и «развитие» (характеристика уточняется как 'statut situationnel – moderne'). В примерах (1) и (2) на действие когнитивных механизмов указывают языковые механизмы номинация и метафора.

II. *Метафорический перенос определенного качества конкретной личности на артефакт.*

(3) ***Kandinsky** 3.1. Генеративная нейросеть Сбера*

Модель создает красочные изображения за счет дообучения на датасете эстетичных изображений [https://rudalle.ru/].

Интерпретация ПИ осуществляется относительно когнитивного контекста СТАТУС матрицы, профилированию подвергаются характеристики 'профессиональный статус – умение рисовать', а также 'художник, обладающий определенным стилем'. Используется когнитивный механизм «концептуальная метафора». С учетом контекста и иконического компонента, представляющего собой интерфейс нейросети, становится понятно, что новая нейросеть специализируется именно на создании ярких и эстетичных изображений в стиле абстракционизма, а Василий Кандинский является одним из основоположников русского и не только абстракционизма в живописи. Он разработал теорию цвета и формы, которая стала основой эстетики современного искусства и по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Таким образом, анализ эмпирического материала показал, что одними из ключевых механизмов формирования смысла ПИ в функции селективной вторичной интерпретации являются такие когнитивные механизмы, как когнитивный механизм «профилирование» и «концептуальная метафора». ПИ могут выступать в функции

селективной вторичной интерпретации и передавать знания не только о людях, но и об артефактах.

Литература

Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. 2009. №4. С. 128–149.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2025а. С. 5-16.

Болдырев Н.Н. Структура и доминанты когнитивного анализа языка // Когнитивные исследования языка. 2025б. № 2–1 (63). С. 25–32.

Красных В.В. Свой среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Разумовская Ю.М. Интерпретирующая функция прецедентного имени в медиадискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2024.

Современные художники, фотографы и скульпторы со всего света. URL: https://www.risunoc.com/ (дата обращения: 05.03.2026).

Попробуйте нашу новую модель Kandinsky 3.1. URL: https://rudalle.ru/(дата обращения: 05.03.2026).

Observatoire de leurope. URL: https://www.observatoiredeleurope.com/(дата обращения: 05.03.2026).

Yu. M. Razumovskaya *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

UNDERSTANDING PRECEDENT NAMES IN THE FUNCTION OF SELECTIVE SECONDARY INTERPRETATION

In this article, we delve into the study of precedent names in their function of selective secondary interpretation, which is one type of secondary interpretation of the world as a human cognitive activity. We examine in detail the cognitive mechanism of “conceptual metaphor” – one of the fundamental cognitive mechanisms that enables the formation of the meaning of precedent names that realize the function of selective secondary interpretation. The material for the analysis was Russian- and French-language media discourse, from which precedent names related to the field of PAINTING were selected.

Key words: precedent name, precedence, media discourse, selective secondary interpretation, conceptual metaphor, conceptual domain of PAINTING

Е. В. Рылова, Н. М. Абиева *(Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный медицинский университет
symbol.evr@mail.ru, aceloti@yandex.ru

СЛОВО «РЕБЕНОК» В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ КАК ХРАНИТЕЛЕЙ ЯЗЫКОВОЙ АУТЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена актуальности исследования ассоциативных словарей в цифровую эпоху как образцов живого речевого употребления. Сопоставительный анализ словарных статей ассоциативных словарей (на примере слова «ребенок»), принадлежащих как одинаковым, так и разным языковым семьям, демонстрирует общекультурные смыслы, а также психологические значения, свойственные определенному этносу.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, ассоциативное поле, ассоциат, ассоциативная норма, речеупотребление, языковая картина мира, лингвокультурология

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно входит в повседневную жизнь, становится не только вспомогательным инструментом для создания текстов (СМИ, научных, реферативных статей и др.), но и выступает самостоятельным источником генерирования текстовых высказываний. Такое соавторство постепенно может привести к потере уникальности естественного языка: сгенерированные тексты и отдельные клишированные конструкции синтетического происхождения подменяют индивидуальные живые тексты. Тексты становятся безликими, интонационно бедными, излишне правильными, безэмоциональными. Эти процессы могут представлять угрозу языку как носителю национальной идентичности, что диктует потребность в пристальном внимании к развитию ассоциативной лексикографии, а также анализу имеющихся ассоциативных словарей с целью исследования эмоционального компонента психологического значения. Речеупотребление, зафиксированное в ассоциативной словарной статье, представляет образ эмоционального интеллекта национального языка.

Исследования, связанные с изучением ассоциативных словарей представлены в современных статьях последних лет, где анализируются концепты «семья» [Васильева 2026], «учитель» [Уфимцева 2025], «родина» [Минь 2024]. Результаты исследований выявляют динамику и эволюцию концептов, свидетельствующих об их чувствительности к социальным изменениям. Первый словарь ассоциативных норм русского языка был издан в 1977 г. под редакцией А.А. Леонтьева, который говорил о значимости исследования ассоциаций, о важности теоретического и практического анализа результатов ассоциативных экспериментов для построения целостной теории речевой деятельности и для теории овладения языком, в частности. Ассоциативно-вербальная сеть (термин Ю.А. Караулова) обладает ярко выраженным национальным окрасом. Механизм, управляющий процессами ассоциирования, находится и в области строения языка, и в области психики человека.

Поэтому значения, полученные при помощи ассоциативного словаря, представляют не только языковой портрет этноса, но и этнический портрет языка. Контрастивный анализ словарных статей разных видов ассоциативных словарей (прямых и обратных) и различных языков (родственных и неродственных) выявляет актуальные нормы того или иного языка, позволяет сравнить культурологические составляющие психологического смысла.

Для сопоставительного анализа мы взяли слово *ребенок* в качестве стимула и сравнили словарные статьи – реакции на это слово – по данным четырех ассоциативных словарей: Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева (1977) [Леонтьев 1977], Латышско-русский ассоциативный словарь (1999) [Ульянов 1999], Славянский ассоциативный словарь (2004) [Уфимцева 2004], Алтайско-русский ассоциативный словарь (2019) [Голикова 2019].

Результаты сравнительных характеристик оказались интересными и содержательными, так как сопоставление проводилось,

во-первых, по разным временным отрезкам, что помогло увидеть динамику психологического значения слова, например, можно отметить утрату высокой частотности ассоциата *мальчик* (41), зафиксированную в словаре А.А. Леонтьева;

во-вторых, данные словарных статей одной языковой семьи мы сопоставили между собой в пределах реакций на стимул *ребенок*, что помогло выявить эмоционально смысловые этнические оттенки (*невинна* – украинское, *пасля ночы* – белорусское и др.), а сопоставление с неродственным языком – алтайским – обнаружило новые культурологические смыслы, а также выявило общекультурный компонент – *маленький, радость*;

в-третьих, региональный Алтайский ассоциативный словарь позволил соотнести ассоциаты алтайцев-билингвов с ассоциатами носителей русского и алтайского языков, что продемонстрировало как пересекающиеся ассоциаты, в том числе и с данными славянских языков (*дочь, сын, игрушка, пеленка* и др.), так и уникальные, свойственные сознанию коренного алтайского населения (*дерево, маленький человек, моя жена, мой ребенок, война*).

Можно отметить, что количество положительных эмоциональных коннотаций – реакций на слово-стимул *ребенок*, представленных в словаре 1977 г., снизилось в словарях XXI в. Так, к явно отрицательным ассоциатам, на наш взгляд, в словаре А.А. Леонтьева [Леонтьев 1977: 154], относятся: *капризный* 8, *плач* 6, *кричит* 5, *плакать* 4, *больной* 2, *крик* 2, *балованный, вредный, драчливый, дурак, непослушный, нет, слепой, трудный, хилый*. Всего таких реакций – 36. От общего количества реакций на слово-стимул *ребенок* – 620 ассоциатов, 36 составляет 5,8%.

В Латышско-русском ассоциативном словаре (1999) соотношение положительных и отрицательных коннотаций на слово-стимул *ребенок* укладывается в обнаруженные нами параметры: отрицательных ассоциатов в нем больше, чем в словаре А.А. Леонтьева. Ребенок – *33 плачет, 20 плач, 16 кричит (кричать 4), 10 крик,*

8 капризный, 6 плачущий, больной, грязный, кричащий, непослушный, нервный, плакса, трудный [Ульянов 1999: 149]. Всего таких реакций – 100. От общего количества реакций на слово-стимул *ребенок* – 518 ассоциатов, таким образом, 100 составляет 19,3%.

В Славянском ассоциативном словаре слово-стимул *ребенок* имеет следующие отрицательные, по нашему мнению, коннотации: *плачет 23, крик 5, плач 5, больной 4, глупый 3, кричит 3, плачущий 3, чужой 3, балованный, болезнь, болен, визжит, внебрачный, вредный, выпороть, заболел, заплаканный, капризный, мертвый, напрокат, не мой, немой, не надо, непослушный, неприятности, нервы, не свой, ни за что, нытик, плакать, плаксивый, проблемы, спиногрыз, тварь, трудности, тягость, убийца, урод, усохнуть*. Всего таких реакций 90 [Уфимцева 2004: 198]. От общего количества реакций на слово-стимул *ребенок* – 597 ассоциатов, 90 – это 15%.

Ассоциаты отрицательной коннотации на слово-стимул *ребенок* практически отсутствуют в реакциях алтайцев: *јуу (война) 2, тарынчак (обидчевый) 2, боду (вялый, слабый), бурулу (виноватый), јок (нет), көгүске алынбас (бестолковый), кыјыраң (эгоист, задира, капризный), проблема (проблема), уйку јок түндер (бессонные ночи), ыйлак (плакса, плаксивый), ыйлап јат (плачет), эндегени (аборт)*. Всего таких реакций 15 [Голикова 2019: 68-69]. От общего количества реакций на слово-стимул *ребенок* – 914 ассоциатов, 15 – это 1,6%.

Увеличение отрицательных ассоциатов к слову-стимулу *ребенок*, зафиксированное в современных славянских языках, в том числе в русском языке, может говорить о формировании негативного психологического значения у носителей языка к слову *ребенок*. В алтайском языке такая тенденция отсутствует.

Исследование перспективно в дальнейшей фиксации ассоциаций, связанных с понятием «*ребенок*» (как частью концепта «семья») с целью выявления представлений о семейных ценностях, отношению к ребенку (потомству) и продолжению рода в динамике. На наш взгляд, будет интересным проанализировать данные обратных ассоциативных словарей с целью выявления распространенности слова *ребенок* как реакции в ассоциативно-вербальных сетях. В условиях ИИ именно сохранность норм ассоциативных словарей поможет сопоставлять новый тезаурус речевых употреблений, формирующихся в цифровую эпоху, с нормами доцифрового времени, осуществлять преемственность культурологических смыслов родного языка.

Литература

Васильева С.П., Мэн Юань. Динамика ассоциативного поля «семья» во второй половине XX в. (на материале русского сопоставительного ассоциативного словаря Г.А. Черкасовой) // Сибирский филологический форум. 2026. № 1(34). С. 70-83.

Голикова Т.А. Алтайско-русский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сөзлик). М.: Директмедиа Паблишинг, 2019.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2004.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Издательство Московского университета, 1977.

Ульянов Ю.Е. Психолингвистика. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Русский культурный центр «Улей», 1999.

Уфимцева Н.В., Шуюэ Цзя. Динамика изменения представления о профессии учителя в русском языковом сознании конца XX – начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 381–391.

Чжан Минь. Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке // Litera. 2024. № 1. С. 312–321.

E. V. Rylova, N. M. Abieva *(Barnaul, Russia)*
ASMU

THE WORD “CHILD” IN THE MIRROR OF ASSOCIATIVE DICTIONARIES AS KEEPERS OF LANGUAGE AUTHENTICITY

The article is devoted to the relevance of studying associative dictionaries in the digital era as examples of live speech usage. A comparative analysis of the dictionary entries of associative dictionaries (using the word “child” as an example) belonging to both the same and different language families demonstrates general cultural meanings, as well as psychological meanings specific to a particular ethnic group.

Key words: associative dictionary, associative field, associate, associative norm, speech usage, linguistic worldview, linguoculturology

О. С. Сизова, Н. В. Перфильева *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1142240196@rudn.ru, nperfilieva@yandex.ru
И. И. Галанкина *(Москва, Россия)*
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
galankina@rgau-msha.ru

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются когнитивные механизмы формирования военной лексики в русском и казахском языках через призму семиотики культуры. Исследуются различия в концептуализации понятий *воин*, *Родина*, *защита* в двух лингвокультурах, а также эффективность межкультурной коммуникации в оборонной сфере.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семиотика культуры, военная лексика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, концептуальная картина мира

Военная лексика является одним из наиболее устойчивых пластов языка, сохраняющих культурный код. В условиях глобализации и необходимости межкультурного взаимодействия в сфере безопасности понимание когнитивных различий в интерпретации военных терминов становится критически важным. Специальная лексика выступает как система знаков, маркирующих историческую память, государственную идеологию и национальный менталитет. Она отражает опыт народа, его концептуальную картину мироустройства [Перфильева и др. 2025: 2].

Терминология, несмотря на принадлежность к профессиональному дискурсу, сохраняет связь с общелитературным языком через лексико-семантические варианты терминов [Галанкина, Перфильева 2022: 739]. Таким образом, терминологическое значение встраивается в сложный концептуальный комплекс, который вслед за математиком М. Минским, лингвисты квалифицируют как фрейм, или иерархическую структуру разноплановых данных, репрезентирующих определенную ситуацию [Минский 1979: 7].

В когнитивном аспекте военная лексика русского и казахского языков базируется на различных прототипических сценариях:

1. В русской лингвокультуре военная терминология отражает вектор иерархии, дисциплины и территориальной целостности: *устав, присяга, гарнизон, государственность*.

2. В казахской лингвокультуре данная лексика несет отпечаток кочевой культуры, в которой воин – это в первую очередь *батыр* ‘защитник рода и земли’, что обуславливает акцент на личной доблести и свободе: *намыс* ‘честь’, *сарбаз* ‘воин’, *ерлік* ‘подвиг’ [Кондыбай 2005: 48]. По мнению казахского культуролога С. Кондыбая, для воина-кочевника неписаный закон чести *абырой* превыше жизни [Кондыбай 2010].

Семиотический анализ военной лексики позволяет увидеть язык не просто как средство коммуникации, а как систему знаков, отражающих исторический опыт, ценности и культурный код народа. Российская военная лексика складывалась под влиянием древнерусских традиций, воинского устава Российской империи и советской терминологической системы. Казахская терминосистема, в свою очередь, представляет собой синтез лексем, появившихся в период родоплеменных отношений, или кочевого общества, и заимствований советской военной терминологии.

Военные термины в русском языке связаны с институциональными структурами. Многие военные термины русского языка имеют семантические компоненты *защита, государственность* и *долг.* Например, *воин, дружина, рать, ополчение* (древний пласт) несут оттенок сакральности и народности, в частности, *воин* часто возвышеннее, чем *солдат*, так как отсылает к духовному подвигу [Степанов 2004: 312]. Термины *боец, солдат, армия* (имперский/советский период) – слова с семантическим компонентом *государственность*.

В казахском языке военная лексика исторически формировалась вокруг понятий кочевой мобильности, степной тактики и защиты рода/земли. Материалы древнетюркских

письменных памятников и некоторых современных тюркских языков показывают, что слово *кулік / кулук / күлüg / күлўг / кулук /кулык* выступает в самых различных значениях: ‘скаковая лошадь, отборный конь, герой, богатырь, знаменитый, славный’. Семантика этих слов тесно связана с образом доблестного всадника, защитника народа [Жанпеисов 1989: 11]. Современная казахская терминология в значительной степени адаптирована под международные и постсоветские стандарты *әскер* ‘армия’, ‘полк’, однако она сохраняет национальный контекст [Кайдаров 2009: 120].

Военная лексика в обоих языках прошла через «советский фильтр», где большинство терминов стали стандартизированными. Однако в литературе и публицистике оба языка используют архаизмы (*рать* в русском, *батыр* в казахском) для актуализации исторической памяти и поднятия боевого духа.

Эквивалентные термины в обоих языках несут имплицитные смыслы, например, русское слово *приказ* в когнитивном пространстве жестко привязано к вертикали власти и административной ответственности. В казахской традиции (в исторической ретроспективе) коммуникация воина часто строилась на принципах совещательности *кенес* и авторитета лидеров, основанного на заслугах, а не только на должностной субординации [Ахметова 2012: 39].

Интерференция представленных когнитивных моделей в межкультурной коммуникации может приводить к недопониманию: важно осознавать, что при переводе военной терминологии интерпретируются не просто слова, а концептуальные фреймы. Анализ публикаций на официальных порталах оборонных ведомств показывает различие в семантике ключевых слов.

1. Солдат – сарбаз: в российских СМИ *солдат* часто фигурирует в контексте «функциональной единицы» (личный состав, боевые задачи). Термин *сарбаз* в казахстанских СМИ употребляется в контексте исторической преемственности традиций кочевой культуры [Сулейменова 2010: 156].

2. Офицер – қолбасшы: в лексеме *офицер* актуализирована сема *служебная иерархия* и *профессионализм*, слово *қолбасшы* ‘полководец/командующий’ в дискурсе РК зачастую несет оттенок мудрости и личного авторитета, лидерства. Так, в статье 1 Закона Республики Казахстан «О воинской службе и статусе военнослужащих» (от 16 февраля 2012 года № 561-IV) термин *қолбасшы* используется исключительно в контексте должностных лиц, осуществляющих руководство, в то время как статья 7 Закона определяет категорию военнослужащего – *офицер*. Кроме того, в Указе Президента РК от 25 августа 2011 года №144 термин *қолбасшы* официально закреплен к нанесению в виде надписи на знаках различия высшего военного руководства.

3. Армия – әскер: *армия* воспринимается как государственная машина, а *әскер* в казахском языке шире – это и мощь, и защитный ресурс, обладающий более «народным» звучанием. Слово *әскер* является основным для обозначения вооруженных сил или армии в целом, что находит отражение в казахской версии Закона РК

«Об обороне и Вооруженных Силах» от 7 января 2005 года № 29. Слово *армия* чаще используется в быту и русскоязычном общении.

4. Отечество – отан: в российском дискурсе *отечество* – это сакральное пространство истории и государства, *отан* в казахском дискурсе имеет более выраженную привязку к понятию *жер* ‘родная земля’ и чувству личной ответственности гражданина за целостность этой землю. В РК в русскоязычных официальных текстах для выражения государственных обязательств используется слово *отечество*, в то время как слово *отан* доминирует в названиях высших атрибутов государственности (например, высшая награда РК – орден «Отан»), подчеркивая духовную связь с культурой и традициями предков.

5. Присяга – ант: в казахском языке слова *ант* ‘клятва’ и *әскери ант* ‘военная присяга’ функционируют как синонимы. *Әскери ант* – это официальное и торжественное обещание верности Родине. *Ант* представляет собой сакральную клятву, поэтому в присяге на должность Президента Казахстана употребляется данное слово, семантика которого отсылает к кодексу чести воина-кочевника: *Президент анты* ‘присяга президента’.

В казахстанском дискурсе наблюдается «гибридизация»: официальная терминология, часто калькированная с русского, дополняется терминологическими элементами, имеющими корни в номадической культуре, так создается уникальный когнитивный баланс между современным администрированием и традиционным пониманием воинского долга. В казахском военном дискурсе проявляется тенденция синкретизма терминов: сочетание советских терминов с лексическими элементами, отражающими национальную идентичность. В русском языке акцентируется внимание на нормативности, формальности процедур и исторической преемственности имперского/советского военного дискурса.

Семиотический анализ свидетельствует о том, что, несмотря на тенденцию к унификации военной лексики в обоих языках, специфические культурные маркеры сохраняются. В русском языке они проявляются через акцент на служении государству, тогда как в казахском – через идею исторической преемственности и защиту родной земли. Лингвистическое исследование данных терминосистем позволяет не только уточнять словарные определения, но и способствует разработке более эффективных стратегий межкультурного взаимодействия в военной сфере.

Литература

Ахметова Д.И. Толерантность и правовая культура: некоторые вопросы соотношения // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 36–41.

Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В. Терминосистема гидротехники: диффузность терминополей и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 730–749.

Жанпеисов Е.Н. Этнокультурная лексика казахского язык (на материалах произведений М. Ауэзова). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989.

Кайдаров А. Макалалар, баяндамалар. Алматы: Ана tili, 2009.

Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005.

Кондыбай С. Абырой заны (Закон чести). URL: https://otuken.kz/zakon-chesti/ (дата обращения 06.03.2026)

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Перфильева Н.В., Фэн В., Галанкина И.И. Терминология традиционной китайской медицины: этимология и историко-культурный контекст // Litera. 2025. № 12. С. 1–11.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2010.

O. S. Sizova*, *N. V. Perfilieva *(Moscow, Russia)*
RUDN University
I. I. Galankina *(Moscow, Russia)*
RSAU-MTAA

CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF MILITARY VOCABULARY OF THE RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES

This article examines the cognitive mechanisms of military vocabulary formation in Russian and Kazakh through the lens of cultural semiotics. The author explores differences in the conceptualization of the concepts of WARRIOR, HOMELAND, and DEFENSE in the two linguistic cultures, as well as their impact on the effectiveness of intercultural communication in the defense sector.

Key words: cognitive linguistics, cultural semiotics, military vocabulary, intercultural communication, cultural linguistics, conceptual worldview

Е. С. Степанова *(Самара, Россия)*
Самарский государственный медицинский университет
pretty.step@bk.ru

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМАНТИКИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Статья посвящена описанию бинарных оппозиций в синтаксических контекстах их реализации, которые в свою очередь репрезентируют мифологические образы. Делается вывод о том, что мифологические образы представлены посредством эквиполентной оппозиции, которая описывается различными языковыми средствами.

Ключевые слова: равнозначная оппозиция, контекст, миф, образ, семантика

Мифологический образ – это образ, который встречается в мифах, передающих представления людей об окружающей действительности. Мифологический образ характеризуется выразительностью, то есть обладает эстетическими свойствами. Мифологические образы могут транслировать ценности из одной культуры в другую, поскольку они репрезентируют сакральные смыслы. При этом «неизвестные» феномены окружающей действительности, репрезентированные с помощью архетипических структур, становятся «своими», а «пугающие» явления – «безопасными, понятными» [Воеводина 2012: 50].

Мифологические образы представлены динамическими элементами, которые характеризуются следующими аспектами: временной структурой (время меняется в зависимости от смысловой установки), тематической структурой (например, космогонические, эсхатологические), социальными параметрами (например, библейские, религиозные). Семантика мифологических образов отличается в каждой конкретной культуре. Как правило, мифологический образ либо противопоставлен первоначальному хаосу, либо сообществу, тем самым описываемый мифологический образ репрезентирует для реципиента духовную истину, моральный урок или житейскую мудрость [Ставицкий 2022].

Мифологический образ репрезентируется оппозициями семиотических уровней мифа. Данные уровни мифа предполагают отношения между означающим и означаемым, связь между которыми, по мнению Ф. де Соссюра, основана на произвольной, конвенциональной смежности, «приписанного свойства» [Соссюр 1999: 100].

Восприятие означающего, формальной стороны языкового знака, обуславливает формирование мифологического образа, за которым стоит конкретное значение. Мифологический образ воплощается в определенном контексте, когда описывается мифологическая ситуация, например, борьба героя с хаосом, указывающая на признаки, с помощью которых он находится в оппозиции с другими образами.

Мифологический образ создается бинарными оппозициями, поскольку знак приобретает значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции. Оппозиции как универсальные дискурсивные структуры раскрывают содержание и эстетическую значимость образа, акцентируя внимание читателя на главном, доминирующем в нем. Благодаря структурному сходству языковых уровней мифологический образ представлен множеством семиотических признаков, с помощью которых он находится в оппозиции к другим мифологическим образам. При этом образы определенного мифа образуют определенную языковую цепочку – синтагму, внутри которой составляющие ее элементы вступают в синтагматические отношения.

Необходимость синтагматического анализа бинарных оппозиций, закономерности их употребления, а также наиболее характерные синтаксические контексты (формулы) их реализации в репрезентации мифологических образов, предопределила *цель* данного исследования.

Цель исследования обусловила выполнение следующих *задач:*

1. описать контексты реализации бинарных оппозиций, в которых репрезентированы мифологические образы;

2. проанализировать языковые средства объективации бинарных оппозиций мифологических образов.

В нашем исследовании применялись следующие методы исследования: описательный метод и контекстный анализ. Описательный метод, направленный на описание бинарных оппозиций мифологических образов; метод контекстного анализа для детекции языковых средств репрезентации бинарных оппозиций мифологических образов.

Материалом для исследования послужила научно-популярная работа Бернарда Эвслина (Bernard Evslin) «Monsters of Greek Mythology» («Монстры греческой мифологии»), в которой описаны космогонические мифы Древней Греции. В данных мифах происходит противостояние света и тьмы, добра и зла, порядка и хаоса. Древнегреческие монстры олицетворяют зло и хаос, мифологические герои, которые являются антагонистами, несут добро и порядок [Evslin 2023 Vol. I].

Методологической основой нашего исследования послужило утверждение Л.А. Новикова о том, что поэтический образ репрезентирован его «подвижными» составляющими, их различием и взаимосвязью. Данные противоречивые начала находятся в сознании реципиента. Для описания специфики поэтического образа, его индивидуальности, неповторимости, необходимо рассматривать его в единстве словесных рядов и оппозиций [Новиков 2001: 60–62].

При исследовании поэтического образа необходимо фокусироваться на следующих отличительных чертах: 1) языковой форме, в которой отражаются общие, существенные характеристики героев; 2) смысловое содержание образа, включающее, например, символическую функцию, которая обогащает миф, добавляя к нему слой интерпретации; 3) использование квазипредметов с их «колеблющейся» семантикой для описания отношения героя к какой-либо субстанции [Новиков 2001: 155].

Согласно теории Л.А. Новикова, выделяется несколько типов бинарных оппозиций, репрезентирующих поэтический образ. *Противопоставление объектов сводится к нулю* в том случае, если наблюдается тождественность образов при их формальной идентичности или разнице по каким-либо признакам или свойствам (совпадение признаков или поверхностное сходство). *Привативная оппозиция* заключается в том, что маркированный член оппозиции отличается дифференциальным признаком, а немаркированный – его отсутствием. *Эквиполентная оппозиция* – это оппозиция равноправных образов. Данные образы противопоставлены, но характеризуются пересечением содержания. Также они равны по статусу. *Дизъюнктивная оппозиция* предполагает противопоставление внеположенных и взаимоисключающих друг друга словесных образов [Новиков 2001: 156–165].

Для нашего исследования представляет интерес *эквиполентная оппозиция*, с помощью которой представлены мифологические образы. Необходимо отметить,

что мифологические образы формально различны и соотносятся с разными художественно моделируемыми объектами (персонажами, предметами, признаками).

Как показал анализ, мифологические образы как единицы эквиполентной оппозиции имеют противопоставляемые характеристики, которые подчеркиваются контекстом. Равнозначная оппозиция мифологических образов может быть представлена рядом частных бинарных оппозиций:

1) Оппозиция богов (например, Зевс и Прометей)

Так, Зевс (царь богов и человечества "king of gods and men") планировал уничтожить человеческую расу). Прометей (самый мудрый из богов "the wisest of all their race") узнал об этих планах и был возмущен, поскольку он любил земных людей, и мало-помалу он научил людей знанию: *"Zeus proposed to destroy the race of men then living, and to replace it with some new order of creatures. Prometheus alone heard this scheme with indignation. Not only did he plead for the life of man and save it, but ever after he spent his giant efforts to civilise the race, and to endow it with a wit near to that of gods"* [Evslin 2023: 13].

В рамках одной диктемы контекстуальные антонимы *"to destroy – to save" («уничтожить – спасти»)*, "*to replace – to civilize, to endow" («заменить – цивилизовать, наделить»)* создают контрастную и семантически разноплановую оценку богам – Прометею как благодетелю человечества, а Зевсу – как разрушителю.

2) Оппозиция бога и мифологического существа (например, Поллакс и Амикус)

Поллакс (Pollux), один из братьев-близнецов, намерен победить в бою монстра Амикуса и отомстить за смертельные ранения брата Кастора. У них два тела, но одна душа. Поллакс собирался избавить брата от страданий, а затем последовать за ним в Тартар. Однако победа над монстром могла избавить его от необходимости покончить с собой.

Амикус (Amycus), монстр, который правит островом Бебрикос, бодает людей до смерти. Никто не выжил после посещения этого места. Каждый, кто сойдет на берег, должен сразиться с Амикусом или погибнет на месте. Помятые черепа тех, кто сражался с ним, образуют башню выше его замка.

Амикус был гигантских размеров, и врачу Джейсону, было тревожно, как Поллакс сможет с ним сразиться: *"Pollux was a big youth, but he looked very small as he backed away from the stalking giant. Yes, I'm a Spartan," said Pollux. "And blond. Not big by your standards, you overgrown brute, but big enough to make things interesting if you dare fight me*" [Evslin 2023: 53].

В данном примере используется антитеза "*big – small" («большой – маленький»), "not big – overgrown" («небольшой – переросший»)* для того, чтобы подчеркнуть, что, несмотря на свой небольшой рост по сравнению с монстром, он сможет противостоять ему, благодаря его мастерству.

3) Оппозиция бога и человека (Зевс и человек)

В мифе о Прометее Зевс боится того, что люди станут противопоставлять себя бессмертным богам и стремиться стать равными с ними, если им дать «великого

слугу» по имени огонь. В человеческой расе скрыта гордость, которая может уничтожить богов. Люди попытаются стать таким же могущественным, как боги: *"What you call ignorance is innocence," said Zeus. "What you call darkness is the shadow of my decree. Man is happy now and will remain happy until someone tells him he is unhappy*" [Evslin 2023: 107].

В данном примере контекстуальные антонимы *ignorance – innocence* (‘*невежество – невиновность*’), *darkness – the shadow of my decree* (‘*тьма – тень моего указа*’) подчеркивают, что Зевс пытается держать людей в невежестве и тьме, поскольку он, с одной стороны, лишен высоких и благородных черт, с другой – он опасается, что люди станут могущественнее и мудрее, чем боги.

Таким образом, эквиполентная оппозиция реализуется в синтаксических контекстах, репрезентирующих мифологические образы. Данная оппозиция транслирует ценности (знание, жизнь, справедливость) в современное социокультурное пространство, которые описаны богатой палитрой языковых средств.

Литература

Воеводина Л.Н. Семантическая эволюция мифа в культуре // Вестник МГУКИ. 2012. Т.49. №5. С. 23–27.

Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.

Ставицкий А.В. Мифологические структуры в свете общей теории мифа: основные подходы, варианты, параметры // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. № 1. С. 153–169.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.

Evslin B. Monsters of Greek Mythology. Vol I. New York: Graymalkin Media, 2023.

E. S. Stepanova *(Samara, Russia)*
Samara State Medical University

BINARY OPPOSITION AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE SEMANTICS OF A MYTHOLOGICAL IMAGE

The article is devoted to the description of binary oppositions in the syntactic contexts of their implementation, which in their turn represent mythological images. It is concluded that mythological images are represented through an equivalent opposition, which is described by various linguistic means.

Key words: equivalent opposition, context, myth, image, semantic

Чуньюй Тянь *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
1042255304@rudn.ru

РОЛЬ СОМАТИЗМА *СЕРДЦЕ* В КОНЦЕПТОСФЕРАХ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На материале китайских и русских фразеологизмов с компонентами 心 / *сердце* рассматривается роль соматизма СЕРДЦЕ. Китайские фразеологизмы охватывают эмоции, мышление, волю, мораль; русские переводы используют *сердце* (52,3%), *душу, ум, волю, совесть,* а также производные слова *мысли*. Китайская модель тяготеет к синкретизму, русская – к функциональной дифференциации.

Ключевые слова: соматизм, сердце, концептосфера, фразеология, русский язык, китайский язык, переводческие соответствия

Фразеологический состав языка, представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9]. Наиболее ярко эта особенность проявляется во фразеологизмах с соматизмами – наименованиями частей тела, поскольку «тело и отдельные его части являются первичной основой концептуализации внешнего и внутреннего мира человека» [Лаврищева 2014: 5]. Соматизмы в пословицах могут выступать средством представления ценностей: так, в финно-угорских, тюркских, монгольских и других языках являются средством характеристики антиценности «скупость» [Бредис 2024: 8], их можно считать лингвоаксиологической универсалией – поликультурными лингвоаксиологическими маркерами [Ломакина 2025: 631].

Среди соматизмов одно из центральных мест занимает СЕРДЦЕ, которое является «концептом, функционирующим в качестве гиперонима всей совокупности психических лексем как в китайском, так и в русском языке» [Заманова 2024: 13].

Согласно В.Н. Телия, культурно-национальная специфика фразеологизмов воплощена в их образном основании, а способом указания на эту специфику служит интерпретация этого основания в знаковом пространстве языка [Телия 1996: 215]. По этой причине естественный язык является «одним из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания «языка» концептосферы культуры» [Телия 2005: 9]. Перевод китайских фразеологизмов с компонентом «心» на русский язык рассматривается как средство такой интерпретации, позволяющее выявить особенности концептуализации внутреннего мира человека в двух языках.

Материалом исследования служат 260 китайских фразеологизмов с компонентом «心», их переводы на русский язык, а также 170 русских фразеологизмов с компонентом *сердце* и тесно связанные с ними фразеологизмы. В качестве источников использовались словари русского и китайского языков: «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Федорова (2008) и фразеологический словарь китайского языка《成语大词典》 (редакционная коллегия, 2013).

Цель настоящей работы – описать и сопоставить роль соматизма СЕРДЦЕ в концептосферах русской и китайской фразеологии.

Китайские фразеологизмы с компонентом «心» охватывают широкий спектр внутренней жизни человека. На основе анализа семантики исходных единиц можно выделить следующие основные группы: 1) эмоциональные состояния и чувства: 心花怒放 ‘сердце расцветает’ – о радости, 心惊胆战 ‘сердце трепещет’ – о страхе, 心潮澎湃 ‘сердце бьется как прилив’ – о воодушевлении); 2) мыслительная деятельность: 煞费苦心 ‘измучить себя раздумьями’, 口诵心惟‘уста повторяют, а сердце осмысливает’, 心领神会 ‘сердцем постигать’; 3) волевые устремления и желания: 随心所欲 ‘следовать велениям воли’, 心甘情愿 ‘по доброй воле’, 心想事成 ‘чего сердце желает, то сбывается’; 4) интенции, замыслы: 包藏祸心 ‘таить пагубный умысел’, 别有用心 ‘иметь иной умысел в сердце’; 5) моральные качества: 贼人心虚 ‘у вора совесть нечиста’, 问心无愧 ‘спросить сердце – и не стыдно’, 蛇蝎心肠 ‘душа как у змеи и скорпиона’. Это свидетельствует о том, что в китайской фразеологической картине мира концепт «心» выступает как универсальный центр, объединяющий различные аспекты психической жизни человека. Анализ переводов этих фразеологизмов на русский язык позволяет выявить, как данная универсальность интерпретируется средствами другой языковой системы.

Анализ переводов китайских фразеологизмов на русский язык позволил выделить несколько типов соответствий в зависимости от того, какая русская лексема используется для передачи значения китайского «心» (табл. 1).

Таблица 1. Соответствия китайского «心» в русских переводах

Тип соответствия	Русская лексема	Кол-во	%	Примеры
Прямое соответствие	сердце	136	52,3	心如刀割 – ножом по сердцу; 一见倾心 – потерять сердце
Функциональные соответствия	душа	40	15,4	心心相印 – душа в душу; 推心置腹 – открыть душу
	ум / разум	11	4,2	挖空心思 – исчерпать ум; 心术不正 – порочный ум
	воля	7	2,7	心坚石穿 – твердая воля; 万众一心 – единая воля
	помыслы/ умыслы	9	3,5	雄心壮志– великие помыслы
	совесть	4	1,5	良心发现 – совесть пробудилась
Культурная транспозиция	иные средства	53	20,4	人心隔肚皮 – чужая душа – потемки
ИТОГО		260	100	

Как видно из таблицы, более половины всех случаев (52,3%) составляют прямые соответствия с русским *сердце*, что свидетельствует о совпадении эмоциональной концептуализации в двух языках.

Вторую по величине группу (27,3%) образуют случаи, где китайское «心» передается на русский язык не через *сердце*, а через другие лексемы. Каждая из этих лексем закреплена за определенной сферой внутреннего мира: *душа* – сфера духовной сущности, глубоких переживаний; *ум / разум* – сфера мышления; *воля* – сфера решимости; *помыслы / намерения / умыслы*– сфера конкретных замыслов; *совесть* – сфера морального самосознания.

Значительную долю (20,4%) составляют случаи культурной транспозиции, где прямой перевод соматизма невозможен или нежелателен, и используются русские паремиологические аналоги, описательные обороты или грамматические трансформации.

Данные переводов позволяют реконструировать особенности концептуализации внутреннего мира в русской фразеологии. В отличие от китайской фразеологической картины мира, где концепт «心» выступает универсальным средством вербализации различных психических явлений, русская фразеология демонстрирует более дифференцированную систему средств: для обозначения эмоций используется соматизм *сердце* (*сердце радуется, сердце кровью обливается, вымещать сердце*); для репрезентации духовной сущности – лексема *душа* (*душа болит, на душе тяжело, вынимать душу из тела*); Для объективации мыслительной деятельности – *ум, голова* и *мысль* (*всходить на ум, всходить в голову, с ума сойти, раскидывать мыслями, в мыслях*); для выражения волевых устремлений и желаний – *воля* (*в свою волю, дать сердцу волю, вольной волей* – без принуждения, *последняя воля*); для репрезентации интенций – *мысль* (*без задней мысли, задняя мысль* – скрытое намерение, тайный умысел); для обозначения морального самосознания – *совесть* (*совесть заговорила*, *с чистой совестью*).

Важно подчеркнуть, что русское *сердце* способно выражать мыслительные, волевые, моральные значения (ср.: *слышит сердце, скрепя сердце, чистое сердце*). Этот факт согласуется с наблюдением М.В. Пименовой, которая, исследуя символические признаки концепта, отмечает: «И сердце, и душа соотносятся не только с эмоциональной сферой жизни человека, но и с его интеллектуальной сферой» [Пименова 2012: 232]. Однако в системе фразеологии эти функции не являются для русского *сердца* доминирующими; они частично распределены между специализированными лексемами.

Проведенное исследование позволило описать роль соматизма СЕРДЦЕ в концептосферах русской и китайской фразеологии. В китайской фразеологической концептосфере соматизм «心» выступает как универсальное средство вербализации широкого спектра психических явлений: эмоций, мышления, волевых устремлений и желаний, интенций, моральных качеств. В русской фразеологической концептосфере функции, связанные с внутренним миром человека, распределены между несколькими лексемами: *сердце* (эмоциональная сфера), *душа* (духовная сущность), *ум/мысль* (мышление), *воля* (целеустремленность), *совесть* (моральное самосознание). Русское *сердце* сохраняет способность выражать мыслительные, волевые

и моральные значения, однако во фразеологической системе эти функции не являются для русского *сердца* доминирующими. Сопоставительный анализ фразеологических концептосфер русского и китайского языков с компонентами «心» / *сердце* показал, что при общности эмоциональной концептуализации способы категоризации внутреннего мира человека в двух языках существенно различаются. Китайская модель тяготеет к синкретизму и объединению различных психических сфер под эгидой единого концепта «心», тогда как русская модель демонстрирует аналитизм и функциональную дифференциацию между несколькими концептами.

Литература

Бредис М.А. Соматические образы и этнолингвомаркеры в пословицах финно-угорских народов России о скупых на фоне разноструктурных языков // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 7-21.

Заманова И.В. «Сердце» как универсальный психический концепт (на примере китайской и русской языковой картины мира) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. №. 1. С. 13–24.

Лаврищева Е.В. Номинативно-метафорическое поле концепта «соматическое пространство» в русской и немецкой языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. Елец, 2012.

Ломакина О.В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637.

Пименова М.В. Символические признаки в структуре концепта (когнитивные модели «сердце – бог», «сердце – солнце» и «сердце – жертва») // Язык. Текст. Дискурс. 2012. № 10. С. 232–242.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.

Chunyu Tian *(Moscow, Russia)*
RUDN University

THE ROLE OF THE SOMATIC WORD *HEART* IN THE CONCEPTOSPHERES OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGY: A TRANSLATION PERSPECTIVE

Based on the material of Chinese and Russian phraseological units with the components 心 / serdce (‘heart’), the role of the somatic word HEART is examined. Chinese phraseological units encompass emotions, thinking, will, and morality; Russian translations employ *сердце* (heart) (52.3%), *душу* (soul), *ум* (mind/intellect), *волю* (will), *совесть* (conscience), as well as derivative words of *мысль* (thought). The Chinese model tends towards syncretism, while the Russian model tends towards functional differentiation.

Key words: somatic word, heart, conceptosphere, phraseology, Russian language, Chinese language, translation equivalents

З. Р. Хачмафова *(Майкоп, Россия)*
Адыгейский государственный университет
zaineta@nexmail.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ВКУСА В РУССКОМ И АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Статья посвящена сопоставительному исследованию прилагательных вкуса в русском и адыгейском языках в рамках когнитивно-семиотического подхода. Анализируются механизмы концептуализации вкусового опыта, прототипические категории, метафорические переносы и культурные коды. Показано, что вкусовая лексика выполняет знаково-моделирующую функцию, транслируя ценностные доминанты рассматриваемых лингвокультур.

Ключевые слова: когнитивная семиотика, вкусовые прилагательные, русский язык, адыгейский язык

Вкусовая лексика, следуя Ю.М. Лотману [2004], является частью знаковой системы культуры, где взаимодействие кодов определяет способы концептуализации мира. Вкусовой код включает номинацию базовых вкусов, оценки, ассоциации и метафорические переносы, закрепленные в лингвокультурной традиции. В анализе вкусовых прилагательных мы опирались на теорию прототипов Э. Рош, согласно которой категории естественного языка структурируются вокруг прототипов – наиболее репрезентативных членов категории, выступающих когнитивными референтными точками [Рош 1988]. Согласно Л.В. Барсалоу, когнитивные модели опосредуют трансформацию сенсорного опыта в языковые значения [Barsalou 2010], что особенно релевантно для анализа полисемии вкусовых прилагательных. Вкус, будучи одной из базовых перцептивных систем, выступает исходным доменом для метафоризации эмоций, социальных отношений и моральных качеств. В свою очередь, код культуры определяется как «“сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир» [Красных 2002: 232], обеспечивая формирование целостного образа мира, разделяемого членами языкового сообщества [Изотова 2020: 6]. В качестве таких кодов выступают базовые метафоры – «сгустки культурного опыта» архетипической природы, основанные на коллективно-родовых представлениях [Красных 2022: 196].

Цель исследования состоит в выявлении универсальных и специфических особенностей вкусовых прилагательных в русском и адыгейском языках с позиций когнитивной семиотики. Материалом послужили лексические единицы *сладкий, соленый, кислый, горький* в русском языке и их соответствия в адыгейском языке – *лаулу, щыугъэ, хафэ, дыджы,* извлеченные из НКРЯ (http://ruscorpora.ru) и Адыгейского

корпуса (https://adyghe.web-corpora.net/adyghe_corpus/search). Методологическую основу исследования составляет интеграция семиотического и когнитивного подходов, которая «позволяет анализировать языковые единицы как элементы сложных знаковых систем, связанных с культурными кодами и ментальными структурами» [Иванова 2025: 84]. Анализ включает четыре этапа: 1) выявление прототипического значения на основе словарных дефиниций и корпусной частотности сочетаний с гиперонимами; прототипом признается значение, первое в толковых словарях и наиболее частотное в прямых контекстах; 2) сбор метафорических контекстов из корпусов (русские леммы *сладкий, соленый, кислый, горький*; адыгейские – *lawly, щыугъэ, хафэ, дыджы*); 3) тематическое кодирование переносных значений по доменам-мишеням на основе таксономии концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980]; 4) интерпретация специфических переносов через культурные коды и этические категории.

Обратимся к сопоставлению вкусовых прилагательных в русском и адыгейском языках, чтобы выявить универсальные и культурно-специфичные особенности концептуализации вкусового опыта.

1. Прилагательные *сладкий* (рус.) и *lawly* (адыг.) имеют универсальную прототипическую семантику «имеющий вкус, свойственный сахару или меду», что подтверждается сочетаниями с пищевыми объектами (*сладкий пирог, мылэрысэ lawlyхэр* (сладкие яблоки)), а также устойчивыми сравнениями в двух языках *шъоум фэдэу lawly / сладкий, как мед*. Анализ выявляет общие для обоих языков метафорические модели, обусловленные универсальной психофизиологической основой «сладкое → приятное»: 1) физиологическое состояние: *сладкий сон, чъые lawly* (сладкий сон); 2) сенсорные ощущения: *сладкий запах / мэ lawly*; 3) эмоции и состояния: *сладкая мечта, сиwlулъэгъу lawly* (сладкая любовь / моя сладкая любимая); ласкательное обращение: *сладкий мой, синэнэ lawly* (мама моя сладкая); речевая деятельность: *сладкие речи, гущылэ lawly* (сладкие слова). Однако рус. *сладкие речи* имеет пейоративную семантику «льстивые, неискренние», тогда как адыг. *гущылэ lawly* несет положительную оценку «приятные, искренние». В русском языке зафиксирован ряд сочетаний, в которых прилагательное сладкий сочетается с лексемами, обозначающими негативные или амбивалентные явления: *сладкая грусть, сладкая тоска, сладкая отрава, сладкая ложь*. Сочетания типа *сладкая боль / горечь* не являются специфически русскими: они широко представлены в европейских языках (англ. *sweet sorrow*, нем. *süßer Schmerz*), указывая на общеевропейский топос. В адыгейском языке обнаружено сочетание *гуклэгъу lawly* (букв. «сладкое сострадание / милосердие»), не имеющее устойчивого эквивалента в русском языке. В НКРЯ примеры типа *сладкое милосердие* отсутствуют. Наиболее близким по семантике является сочетание *сладкая жалость* у Ф.М. Достоевского, однако оно носит окказиональный характер. Концептуализация милосердия как «сладкого» является культурно-специфичной для адыгейского языка и отражает ценность *гуклэгъу* в «Адыгэ хабзэ», традиционного этикета, предписывающего заботу о ближнем.

2. Прилагательные *соленый* (рус.) и *щыугъэ* (адыг.). Прототипическим значением для обеих единиц является «содержащий соль, имеющий придаваемый ею характерный вкус». Общей является метафора *соленые слезы / нэпс щыугъ*, где соленое осмысляется как маркер горя. Специфические различия охватывают несколько семантических сфер: в русском языке развиты переносы на сферу труда (*соленый пот*) и грубости (*соленое словцо*). В адыгейском языке зафиксирована идиома *цIыф мыщыу-щыугъэ* (букв. «человек несоленый и не пресный»), которая характеризует человека как невыразительного, неэмоционального и неспособного на поступки. Данное выражение имеет пейоративную окраску. В русском языке прямого функционального аналога нет; ближайшие по смыслу обороты «ни рыба ни мясо», «серая мышь» используют иные образные основания. Это различие подтверждает тезис о том, что в адыгейском языке вкусовой код активнее работает в сфере оценки личности, а в русском – в сфере оценки продуктов труда и речи.

3. Прилагательные *кислый* (рус.) и *хафэ* (адыг.). Универсальной основой выступает прототипическое значение «имеющий острый вкус, подобный лимону, уксусу» и перенос на выражение недовольства (*кислое лицо, нэгу хафэ*). Ключевое различие состоит в аксиологической амбивалентности адыгейской лексемы *хафэ*, которая, помимо первичного значения «кислый», приобретает положительную семантику «суровый, волевой, мужественный», реализуемую в сочетании *лIы хафэ* (волевой, сильный мужчина).Данное сочетание употребляется преимущественно по отношению к мужчинам и восходит к традиционной воинской этике в адыгейской лингвокультуре. В применении к *женщинам шъузы хафэ* (букв. «кислая жена») сохраняет отрицательное значение «неприветливая». В русском языке в переносных употреблениях *кислый* характеризуется преимущественно отрицательной оценкой (*кислое настроение, кислая мина*).

4. Прилагательное *горький* (рус.) и *дыджы* (адыг.). Универсальным для обеих единиц является прототипическое значение «едкий вкус, свойственный полыни, желчи» (*горький, как полынь*; *зэзым фэдэу дыджы* «горький, как желчный пузырь»), а также паремийная оппозиция «горький – сладкий», отражающая концепцию жизненного пути: *дыджыр зымышIэрэм Iэшlур ышIэрэп* / не отведав горького, не узнаешь сладкого. Универсальной является метафора *горькие слезы* / *нэпс дыдж*. Специфика проявляется в направленности метафорических переносов. Русский язык акцентирует внутреннее переживание: *горькая судьба, горькая правда, горькая ирония, горькое разочарование*. В адыгейском языке выделены сочетания, описывающие внешнее проявление недовольства и враждебности: *дыджы гущыIакIэр* (манера говорить сердито), *дыджы-дыджэу къэплъын* (смотреть с презрением/ядовито). Усилителем отрицательной коннотации выступает сочетание *дыдж-псыдж* (очень горький, ядовитая горечь).

С позиций семиотики культуры вкусовая лексика выполняет функцию культурного кода, транслирующего систему ценностей. Для обоих языков характерна концептуальная метафора «приятное – сладкое», «горе – соленое / горькое», а так-

же оппозиция «горький – сладкий» как модель жизненного пути. В русском языке вкусовая лексика активно метафоризируется в сферу интроспективных эмоций и рефлексии (*сладкая грусть, горькая ирония*), а также в сферу труда и грубой реч и (*соленое словцо*). В адыгейском языке акцент смещен на социальную оценку личности и межличностные отношения: *хафэ* как одобряемая мужская суровость, *lauly* как милосердие, идиома *цIыф мыщыу-щыугъэ* как характеристика невыразительного человека. Различия в семантике вкусовых прилагательных отражают ценностные доминанты двух лингвокультур: в русской лингвокультуре актуализированы эмоциональность и рефлексия, в адыгейской – социальная оценка личности и межличностные отношения.

Литература

Иванова Р.П. Глагол вкусовой перцепции амсай в якутском языке: когнитивно-семиотический ракурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 8 (902). С. 84–91.

Изотова Н.Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 4–1. С. 5–11.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

Красных В.В. Проявление базовых метафор в современных текстах // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 195–201.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2004.

Рош Э. Принципы категоризации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 23–52.

Тхаркахо Ю.А. Фразеологический словарь адыгейского языка. Майкоп, Краснодар: Адыгейское книжное отделение, 1980.

Barsalou L.W. Grounded Cognition: Past, Present, and Future // Topics in Cognitive Science. 2010. Vol. 2. No. 4. P. 716–724.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago press, 1980.

Z. R. Khachmafova *(Maykop, Russia)*
Adyghe State University

TASTE ADJECTIVES IN RUSSIAN AND ADYGHE LANGUAGES: A COGNITIVE-SEMIOTIC APPROACH

The article is devoted to a comparative study of taste adjectives in Russian and Adyghe within the framework of the cognitive-semiotic approach. It analyzes the mechanisms of conceptualizing taste experience, prototypical categories, metaphorical transfers, and cultural codes. It is shown that taste vocabulary performs a sign-modeling function, transmitting the value dominants of the linguocultures under consideration.

Key words: cognitive semiotics, taste adjectives, Russian language, Adyghe language

Э. Чилингир *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
ejeclngr@yandex.com

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОВЕСТИ А. КОНАН ДОЙЛЯ «СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ»: ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В работе рассматривается когнитивный потенциал готических элементов в повести А.К. Дойля «Собака Баскервилей» англоязычным и русскоязычным читателем. Обосновывается, что готические элементы задействуют в сознании читателя определенные когнитивные схемы, которые обусловлены его культурным опытом. Сопоставление английского оригинала с русским переводом позволяет проследить как искажаются эти элементы при смене культурного горизонта.

Ключевые слова: когнитивный потенциал, готические элементы, герменевтика, читательские ассоциации, А. К. Дойль

Введение. Термин «готика» восходит к итальянскому gotico «варварский», которым в эпоху Ренессанса пренебрежительно называли средневековую архитектуру. Во второй половине XVIII в. в Англии возникла готическая литература как реакции на рационализм Просвещения. Особенно интерес к таинственному и средневековому противопоставлялся культу разума и порядка. Началом жанра считается роман Х. Уолпола «Замок Отранто» (1764) в подзаголовке которого впервые появилось определение «a Gothic Story». Элементы готического канона как топографические маркеры туманная аллея, заброшенный погост, болото, замок, пустынная дорога, глухие леса и зооморфные символы черный кот, ворон, волк, летучая мышь были разработаны в произведениях А. Радклиф, М. Шелли и сестер Бронте [Трушкина 2024: 25]. Эти мотивы нашли отражение в повести «Собака Баскервилей» где образ собаки имеет явные корни в английском фольклоре. [Zmarzlinski 2020: 35–39]. Согласно концепции Х.Г. Гадамера понимание текста всегда заключается в «слиянии горизонтов». На самом деле это событие диалога нем. (***dialogisches Geschehen***), в котором горизонт интерпретатора встречается с текстом порождая новое понимание [Гадамер 1988: 347]. В этой перспективе перевод предстает как акт «применения» (нем. «***Anwendung»***) текста к новой культурной ситуации. Механическая передача слов здесь не самоцель. Для Х.Г. Гадамера всякое понимание представляет собой в некотором смысле перевод, тогда как перевод сам оказывается применением понимания к новой ситуации [Гадамер 1988: 366]. Когда культурный горизонт викторианской Англии встречается с Россией неизбежно возникают зоны, где культурные ассоциации текста либо сохраняются, либо утрачиваются и иногда полностью трансформируются. Когда готические элементы утрачиваются в переводе текстовая ткань деформируется, затрагивая всю систему взаимоотношений смыслов [Валентинова 2024а: 28] Применительно к нашему материалу это озна-

чает: если при переводе готический элемент не вызывает у читателя соответствующих ассоциаций, деформируется не только отдельный фрагмент, но и вся система готической атмосферы произведения. [Валентинова 2025: 710]. Под когнитивным потенциалом в работе понимается их способность активировать в сознании читателя определенные структуры как когнитивные схемы и фреймы. Эти структуры определяют как читатель осмысляет образ. При переводе когнитивный потенциал может сохраняться, утрачиваться или трансформироваться. Цель настоящей статьи заключается в анализе когнитивного потенциала готических элементов в повести «Собака Баскервилей» (1902) англоязычным читателем и выявление того, как этот потенциал трансформируется при переводе на русский язык. Материалом работы являются английский оригинал [Дойль 1902] и русский перевод Н.А. Волжиной [Дойль 2024]. Выбор именно этого перевода обусловлен тем, что он был выполнен в рамках школы художественного перевода И.А. Кашкина и выдержал наибольшее число переизданий, определив восприятие повести русскоязычной аудиторией на протяжении более семидесяти лет.

Результаты. В повести «Собака Баскервилей» Дойль использует целый ряд готических приемов и каждый из которых по-разному воспринимается читателем в зависимости от культурного горизонта. Обратимся к тексту повести, следуя его композиции. Центральный образ черная собака, появляется уже в I–II главах, в легенде. В рукописи описан «***an enormous coal-black hound***» «огромная черная как уголь собака». Образ черной собаки глубоко укоренен в английском фольклоре: «Black Shuck в Восточной Англии, Barghest в Йоркшире, Church Grim на церковных дворах» все эти существа считались предвестниками смерти. Хотя образ «черной собаки» вызывает у русскоязычного читателя тревогу, его значения для английской культуры в русской традиции отсутствует [Кумба 2021: 90–93]. Кроме того, во II главе тисовая аллея выступает центральным образом. В английской культуре тис прочно связан со смертью. Эти деревья издавна высаживают на церковных дворах, их ядовитая хвоя и темная зелень символизируют траур [Silber, DeWolf 1970: 142]. Когда А.К. Дойль пишет, как *"Sir Charles was in the habit every night before going to bed of walking down the famous Yew Alley of Baskerville Hall"* англоязычный читатель сразу считывает предвестие гибели. Автор описывает сэра Чарлза так словно знает об этой ассоциации и заставляет его каждую ночь среди деревьев смерти. В русском переводе *«по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла»* слово *«тисовая»* формально сохранено, однако ассоциация утрачена. Тис не вызывает устойчивых ассоциаций с кладбищем для русского читателя. Х.Г. Гадамер связал бы это с культурным знанием, которое он называет «продуктивным предрассудком» **(**нем. ***Vorurteil)*** в его герменевтике предрассудок — это исторически обусловленная предструктура понимания, делающая само понимание возможным. Поэтому англоязычный читатель напрямую улавливает смысл [Гадамер 1988: 331]. Остановимся на описании тела сэра Чарлза, Мортимер сообщает "his features convulsed with

some strong emotion to such an extent that I could hardly have sworn to his identity". Русский перевод: «черты его были искажены до такой степени, что я с трудом узнал его» здесь переводчик усиливает эффект английское *"fingers dug into the ground"* передано как «впившись пальцами в землю», где глагол впиться содержит еще агрессивную проникновения. Гадамер рассматривал перевод как интерпретацию, признавая при этом, что между языками существует непреодолимая дистанция и любой перевод неизбежно является компромиссом [Гадамер 1988: 448]. В VI главе Баскервиль-холл описан через классические готические атрибуты: *"The whole front was draped in ivy… From this central block rose the twin towers, ancient, crenellated, and pierced with many loopholes". «Весь фасад был увит плющом… Из этого центрального корпуса поднимались две башни старинные, зубчатые, со множеством бойниц»* Плющ, башни, бойницы образы, восходящие к готическому роману XVIII в. знакомые и русской культуре. Сюда же относится легенда о Гюго Баскервиле: *"a wild, profane, and godless man", «человек необузданный, нечестивый и безбожный",* чья сделка с дьяволом задает рамку восприятия для всех последующих событий [Olli 2002: 110]. Этот мотив родового проклятия присутствует и в русском фольклоре, и в европейской литературной традиции. Причем, замкнутое пространство аллеи и следы. Мортимер описывает *«По бокам высокая зеленая изгородь из тесно сросшихся старых тисов». "On each side was a high green hedge of closely cropped old yew trees"*. Этот образ коридора без выхода является классическим, готическим элементом. Для английского читателя традиция готического романа делает замкнутую аллею предвестником ужаса [Шабуня, Нестер 2023: 185]. В XIV главе туман над трясиной создает кульминационный образ *"over the great Grimpen Mire there hung a dense, white fog… it looked like a great shimmering ice-field"*. В русском переводе *«moor»* передается как *«болото»* или *«торфяные болота»*. Здесь перед нами не утрата, а трансформация в русском фольклоре болото место обитания нечистой силы и эта ассоциация рассматривается как не утрата английского готического контекста [Кононенко 2013: 67]. С точки зрения гадамеровской «истории воздействия» **(Wirkungsgeschichte)** понимание всегда происходит внутри традиции [Гадамер 1988: 357]. Когнитивный потенциал даже сохраняется, но на основе иного культурного опыта. Следует отметить, что английское слово обозначает не болота именно специфический тип ландшафта. Дойль последовательно различает *moor* «пустошь» и *Grimpen Mire* «болото», однако в переводе переданы, одним словом, «болото». Причем, это не переводческая ошибка, а именно показатель трансформации. Английский moor, означает изоляция и одиночества особенно ярко в традиции Бронте. Русское болото место обитания нечистой силы. Когнитивный потенциал сохраняется, но на иных культурных основаниях. В конце повести XV главе также готический образ сохраняется; *"down in the foul slime of the huge morass which had sucked him in"* «в зловонной тине огромного болота, которое поглотило его» Глагол «поглотить» усиливает эффект страха.

Заключение. Нами рассмотрены материал повести показывает, что когнитивный потенциал готических элементов в «Собаке Баскервилей» трансформируется при переводе неравномерно. Анализ повести позволяет выделить три типа переводческого поведения. Первый формальное сохранение при утрате когнитивной схемы в восприятии читателя (тисовая аллея: слово сохранено, но фрейм «дерево смерти» недоступен русскому читателю). Второй усиление эффекта достигается за счет глагола «впиться» который содержит коннотацию агрессивно насильственного проникновения. Третий трансформация когнитивного восприятия («болото» вместо “moor” где элемент английской готики заменяется русской мифологией).

Литература

Валентинова О.И. Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 22–37.

Валентинова О.И. Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 700–716.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

Дойль А.К. Собака Баскервилей. М.: Эксмо, 2024.

Doyle A.K. Manuscript for The Hound of the Baskervilles. New York: McClure, Philips Company, 1902.

Кумба С. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2021

Кононенко А.А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Киев: Фолио, 2013.

Трушкина А.П. «Готическая» традиция в отечественной прозе конца XX начала XXI столетия: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2024.

Шабуня Ю.Д., Нестер Н.В. «Образ замка в романах Х. Уолпола «Замок Отранто» и К. Рив «Старый английский барон» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 184–187.

Olli Soili-Maria. The Devil’s Pact: A Male Strategy. Witchcraft and Magic in Europe. 2002. Vol. 5. P. 100–120.

Clausson N. «Degeneration, Fin-de-siecle Gothic and the Science of Detection: Arthur Conan Doyle’s The Hound of the Baskervilles and the Emergence of the Modern Detective Story // Journal of Narrative Theory. 2005. No. 35. P. 60–87.

Silber M. Gordon P. DeWolf. “Yews in Fiction and Fact” // Arnoldia 30. 1970. No. 4. P. 139–47.

Zmarzlinski A. The Black Dog: Origins and Symbolic Characteristics of the Spectral Canine // Cultural Analysis. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 35–39.

E. Cilingir *(Moscow, Russia)*
RUDN University

COGNITIVE POTENTIAL OF GOTHIC ELEMENTSIN A. CONAN DOYLE'S NOVELLA THE HOUND OF THE BASKERVILLES: COGNITIVE LOSSES IN RUSSIAN TRANSLATION

In this article we examine the cognitive perception of Gothic elements in A. Conan Doyle's *The Hound of the Baskervilles* from the perspective of cognitive linguistics and hermeneutics. We argue that Gothic elements activate culturally conditioned cognitive schemas in the readers' mind. Through comparative analysis of the English original and the Russian translation, we reveal how the reader's cognitive perception of these elements transforms when the cultural horizon changes.

Key words: cognitive potential, Gothic elements, hermeneutics, reader associations, cultural background, Conan Doyle

Н. Л. Чулкина*, *М. Н. Тимофеева *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
Chulkina-nl@rudn.ru, *Timofeeva-mn@rudn.ru*

КОММЕНТАРИЙ КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ПЕРЕДАЧИ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА К. Д. БАЛЬМОНТА РАССКАЗА Э. ПО «УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ МОРГ»)

В статье рассматривается комментарий как средство транслингвальной передачи оригинального текста на материале перевода К.Д. Бальмонта рассказа Э. По. Анализируются функции и типы комментариев, а также переводческие стратегии сохранения многоязычия, обеспечивающие передачу лингвокультурной специфики и формирование межъязыкового диалога.

Ключевые слова: комментарий, Эдгар По, К.Д. Бальмонт, транслингвизм, художественный перевод

Введение. Современная теория перевода (У. Эко, Л. Венути, Э. Тури и др.) рассматривает перевод как процесс культурного посредничества, в котором особое значение приобретает сохранение инаковости оригинала [Venuti 1995: 19-20]. Согласно Л. Венути, «видимый переводчик» не скрывает культурное различие, а делает его эстетическим принципом [Venuti 1995: 1–2]. Передача вставок отличных от языка оригинального переводимого текста является дискуссионным вопросом в переводоведческой деятельности. В условиях транслингвальной коммуникации [García, Li Wei 2014] – в данном случае взаимодействия языков, культур и смысловых систем в пределах художественного текста – переводчик выступает интерпретатором, создающим новое поле значений между исходным и принимающим языками [Eco 2003:

6–8]. Одним из ключевых инструментов такой интерпретации становится комментарий [Genette 1997: 12], который позволяет не только сохранить культурно-языковую специфику оригинала, но и показать сам процесс перехода между языками как эстетическое и когнитивное событие.

В этом отношении показателен перевод детективного рассказа Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг», созданный К. Д. Бальмонтом. Переводчик не стремится к полному «одомашниванию» оригинала. Напротив, он осознанно сохраняет многослойность источника, вводя комментарий – как внутритекстовый (пояснение в самом тексте), так и внетекстовый (сноски).

Комментарий у К.Д. Бальмонта – это транслингвальный механизм, обеспечивающий сохранение смысловой и культурной неоднородности оригинала. Через него перевод превращается в пространство диалога языков, где взаимодействуют английский, французский, латинский и русский коды, а сам переводчик выступает в роли медиатора между ними.

I. Лингвокультурная природа неанглийских вставок в рассказе Э. По

Детективные рассказы Э. По представляют собой не только первый образец аналитического детектива, но и сложный культурно-языковой конструкт, в котором английский, французский и латинский языки сосуществуют в едином повествовательном пространстве. Иноязычные вставки выполняют структурно-смысловую функцию, формируя многослойную семиотическую систему текста.

Французские элементы – топонимы (*Rue Morgue, Rue Richelieu*), имена персонажей (*Madame L'Espanaye, Le Bon*), бытовые реалии (*loge de concierge, Maison de Santé*), газетные заголовки (*Gazette des Tribunaux, Le Monde*) и восклицания (*mon Dieu!, sacré!*) – создают эффект пространственной и культурной достоверности. Через них Э. По конструирует парижский социокультурный контекст, который воспринимается не как «фон», а как активная языковая среда, в которой происходит расследование. Латинские цитаты, напротив, маркируют интеллектуальную сферу повествования: они подчеркивают аналитическую природу ума Ш.О. Дюпена.

Многоязычие у Э. По становится инструментом культурного моделирования. Английский язык выступает носителем повествовательной логики, французский – среды и социального колорита, латинский – знака рационального знания и классической традиции. Это взаимодействие языков создает эффект семантической полифонии, где каждый код выполняет свою функцию, сохраняя при этом автономность. Для переводчика подобная структура представляет особую задачу: перевод должен сохранить роль каждого языка. Здесь и возникает необходимость комментария как посредника между разными лингвокультурными системами, позволяющего русскому читателю понять и почувствовать многослойность оригинала.

II. Переводческие стратегии К.Д. Бальмонта при передаче иноязычных элементов

Переводческая стратегия К.Д. Бальмонта направлена на сохранение многоязыковой фактуры оригинала и ее органичное включение в русскую лингвокультурную

среду. Такой подход можно определить как транслингвальный, ориентированный на творческое освоение различий.

Всего в переводе К.Д. Бальмонта нами было выявлено четыре стратегии перевода неанглийских вставок оригинала: 1) полный перевод; 2) транскрипция или частичная адаптация; 3) сохранение оригинала с добавлением компенсаторного комментария; 4) сохранение оригинала без добавления компенсаторного комментария.

Первая стратегия встречается редко. Так, например, *métal d'Alger* К.Д. Бальмонт переводит как 'мельхиор'. Если мы заглянем в определение обоих понятий, то такой выбор переводчика станет ясен: оба сплава, хоть имеют в своем составе разные компоненты, внешне напоминают серебро и употребление слова «мельхиор» делает передаваемый образ более понятным для читателя, в отличие от дословного перевода – 'алжирский металл'.

Вторую стратегию К.Д. Бальмонт использует для передачи имен собственных: *Madame L'Espanaye* 'мадам Л'Эспанэ'; *Mademoiselle Camille L'Espanaye* 'мадемуазель Камилла Л'Эспанэ'; *Rue Morgue* 'улица Морг'; *Quartier St. Roch* 'квартал Сен-Рок' и т.д. Это соответствует стандартным правилам перевода.

Третья и четвертая стратегия объединены тем, что в обеих идет сохранение неанглийских вставок в нетронутом виде. Без комментариев К.Д. Бальмонт оставляет короткие и известные русской лингвокультурной среде понятия, например, *Theatre des Varietes* 'Театр Варьете' и *Musee* 'Музей', а также восклицания *sacré*, *diable* и *mon Dieu*. Добавляет комментарии К.Д. Бальмонт для тех контекстов, которые, по его мнению, нужно пояснить для российской аудитории. Сюда относятся: 1) фразы на французском или латинском языках (*Perdidit antiquum litera prima sonum* 'Первая буква звук потеряла первичный (лат.)'; *напоминают месье Журдена, спрашивающего sa robe de chambre pour mieux entendre la musique* 'свой халат, чтобы лучше слышать музыку (фр.) — Примеч. переводчика'), 2) лексемы, обозначающие непривычные для русской среды предметы: *...the shutters... were of the peculiar kind called by Parisian carpenters* ***ferrades***... '…ставни… были того особенного разряда, которых французские плотники называют **ferrades, железом окованные**…'. Такое переводческое решение делает видимым процесс перехода между языками и их функциональное распределение. Оно позволяет читателям сквозь перевод почувствовать и понять авторский замысел.

Можно выделить следующие функции комментария в переводе К.Д. Бальмонта: 1) смысловая компенсация (объяснение неясных для русской лингвокультурной среды контекстов); 2) поддержание языковой полифонии оригинала (возникает благодаря смысловой компенсации: переводчик может сохранить звучание оригинального текста и не потерять при этом понимание читателя); 3) эстетическое согласование языков (позволяет читателю принять инородные элементы текста не как нарушение нормы, а как органическую часть повествования).

Таким образом, комментарий в переводе К.Д. Бальмонта становится не побочным элементом, а принципом организации транслингвального единства. Он создает

эффект многоголосия, в котором звучат разные культуры и языки, а сам перевод предстает как пространство диалога, раскрывающее творческую природу межъязыкового общения.

Заключение. Проведенный анализ позволяет рассматривать перевод К.Д. Бальмонта рассказа Э. По «Убийство на улице Морг» как пример транслингвальной художественной практики, в которой комментарий становится центральным механизмом сохранения и преобразования межъязыковой многослойности оригинала. К.Д. Бальмонт осознанно выстраивает стратегию, направленную не на устранение иноязычных элементов, а на их творческое включение в новую культурную и языковую систему. Его перевод демонстрирует, что комментарий может выполнять как информативную, так и медиативную и эстетическую функции.

Комментарий становится чем-то большим чем приложение к переводу. Это внутренний принцип, способный обеспечить целостность и динамику межъязыкового взаимодействия. У К.Д. Бальмонта он приобретает эстетическую завершенность, превращая переводческий текст в самостоятельное пространство диалога культур и языков.

Литература

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995.

Eco U. Mouse or Rat? Translation as Negotiation. London: Weidenfeld & Nicolson, 2003.

Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995.

Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

García O., Li Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. London: Palgrave Macmillan, 2014.

N. L. Chulkina, M. N. Timofeeva *(Moscow, Russia)*
RUDN University

COMMENTARY AS A MEANS OF TRANSLINGUAL TRANSMISSION OF THE SOURCE TEXT (BASED ON K. D. BALMONT'S TRANSLATION OF EDGAR ALLAN POE'S "THE MURDERS IN THE RUE MORGUE")

The article examines commentary as a means of translingual transmission of the original text, based on K. D. Balmont's translation of E. A. Poe's short story. It analyzes the functions and types of commentary, as well as translation strategies for preserving multilingualism, ensuring the transfer of linguocultural specificity and the formation of interlingual dialogue.

Key words: commentary, Edgar Allan Poe, K. D. Balmont, translanguaging, literary translation

Чэн Янь *(Тяньцзинь, Китай)*
Независимый исследователь, КНР
cy3261099677@163.com
Сунь Юйно *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
sun-yu@rudn.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ «СОЗДАНИЕ НОВОГО КИТАЯ» (КНР) И СТРАТЕГИИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

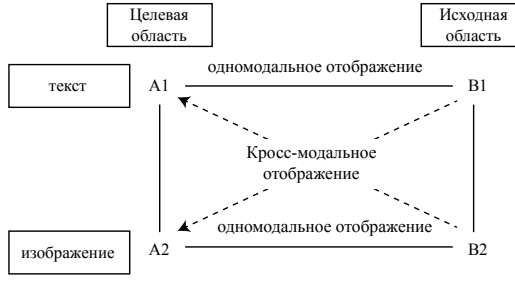
Статья посвящена кросс-модальной реконструкции мультимодальных метафор в китайском фильме «Создание нового Китая» и его русской версии. Корпусный качественно-количественный анализ выявил связь типа проекции и стратегии перевода: доминируют сохранение, удаление и замена, а компенсация – перераспределение модальностей. Выбор определяется медиальными и субтитровыми ограничениями и ожиданиями аудитории.

Ключевые слова: мультимодальная метафора, мультимодальный перевод, кросс-модальное отображение, метафорическая проекция, «Создание нового Китая»

В условиях цифровых медиа перевод политического дискурса требует не замены языковых единиц, а кросс-модальной реконструкции вербальных, визуальных и аудиальных ресурсов. Политический документальный фильм — мультимодальный текст, где метафорическое значение формируется межмодальной координацией [Чудинов и др. 2020: 15]. Несмотря на развитую типологию мультимодальных метафор, в межъязыковой коммуникации недостаточно корпусных исследований их перевода, особенно при адаптации китайских политических фильмов для русскоязычной аудитории. Работа сопоставляет типы метафор и переводческие стратегии, а также оценивает влияние субтитровых/медиальных ограничений на перераспределение модальностей.

Мультимодальный дискурс задействует сенсорные каналы и семиотические ресурсы [Чжан 2009: 25]. Мультимодальный дискурс-анализ подчеркивает потенциал невербальных систем [Чжу 2007: 82]. Метафора — способ мышления [Lakoff, Johnson 1980: 5]. Мультимодальная метафора предполагает конструирование исходного и целевого доменов разными модальностями [Forceville, Urios-Aparisi 2009: 4]. В типологии Forceville различаются мономодальные и мультимодальные метафоры; Фэн Дэчжэн с позиции способа отображения выделяет три основных типа мультимодальных метафор: кросс-модальное, мономодальное и мультимодальное отображение. Далее данные типы подразделяются на семь подтипов: A1B2, A2B1, A1B1A2, A1B1B2, A2B2A1, A2B2A2 и A1B1A2B2. В каждом из подтипов в процессе метафорического отображения задействуются два и более знаковых ресурса [Фэн 2011: 27-28]. Соотношения отображения на схеме ниже: A1 — текст исходной обла-

сти, B1 — текст целевой области, A2 — изображение исходной области, B2 — изображение целевой области; их комбинации отражают различные способы представления и соотнесения исходной и целевой областей в мультимодальной метафоре.



Результаты получены на основе послойной разметки и идентификации доменов; выполнены классификация и статистический подсчет. В китайской версии выявлено 279 мультимодальных метафор, в русской — 204; общий коэффициент сохранения составляет 73,1%. В исходном тексте наиболее частотны подтипы A1B1A2 (176; 63,08%) и A1B1B2 (70; 25,09%); в переводе лидирует A1B1A2 (109; 53,43%), тогда как A2B2B1 представлен минимально. Динамика подтипов указывает на «сжатие» метафоры и редукцию информации, соотносимые с субтитровыми ограничениями и ориентацией на приемлемость для аудитории.

Таблица 1. Перекрестная статистика типов отображения и стратегий перевода

Слой	Одномодальное отображение				Кросс-модальное отображение		Мультимодальное отображение
Тип отображения	A1B1A2	A1B1B2	A2B2A1	A2B2B1	A1B2	A2B1	A1B1A2B2
Сохранение	94	41	2	1	3	4	5
Удаление	62	21		1		4	7
Корректировка	7	7			3		1
Замена	7	2					
Добавление	5	3	1				

Статистика (табл. 1) показывает: для подтипов A1B1A2 и A1B1B2 доминируют сохранение и удаление (A1B1A2: 53,7% и 35,4%; A1B1B2: 55,4% и 28,4%), что отражает стабильные пути отображения и ориентацию на культурную приемлемость для адресата. Для A1B2, зависящего от межмодального взаимодополнения, возрастает перераспределение модальностей (50%, 3/6), сохраняя когнитивный эффект

при снижении нагрузки. В A1B1A2B2 преобладает удаление (53,8%, 7/13) над сохранением (38,5%, 5/13) из-за трудной синхронизации ресурсов и приоритета политической информации. В целом тип отображения и стратегия перевода связаны; переводчик координирует вербальную и визуальную модальности с учетом контекста, медиальных ограничений и ожиданий аудитории.

Сохранение метафоры — стратегический выбор, принимаемый с учетом культурной коннотации и коммуникативной значимости; он ориентирован на сохранение исходной мультимодальной формы для переноса политических идей и символов.

党中央始终保持惩治腐败的高压态势坚定不移，**“打虎”、“拍蝇”、“猎狐”。** ‘Центральный комитет партии всегда сохранял эффект высокой напряженности в антикоррупционной борьбе настойчиво/ **бил и по тиграм**/ и **по мухам**/ и **охотился на лис**’.

В формуле «打虎 [да ху], 拍蝇 [пай ин], 猎狐 [ле ху]» животные домены типологизируют коррупцию: «тигр» — верхушка, «муха» — низы, «лиса» — бегство и возврат активов. Русские ассоциации схожи, поэтому перевод удерживает ряд «тигры—мухи—лисы», а кадры конвоирования подтверждают метафору, снижая остранение и облегчая интерпретацию для русскоязычной аудитории адекватно.

Удаление метафоры используется для преодоления культурных барьеров и экономии субтитрового текста при сохранении ключевой информации. 中央八项规定的出台/解决了管党治党/**老虎吃天/不知如何下口**的问题。‘КПК издал 8 установок решивших вопрос внутри партийного управления’.

Фразеологизм «老虎吃天，不知如何下口» (исходный домен «тигр ест небо») проецируется на «управление партией и дисциплинарный контроль», маркируя «невозможно понять, с чего начать». Из-за отсутствия эквивалента перевод деметафоризирует: «никто не знал, с какой стороны подобраться». Потерю компенсирует нижний ракурс «тигра, устремленного в небо», создающий метафорическое пространство «масштабного и недостижимого» и обеспечивающий приемлемость.

Замена метафоры – это когда метафора в исходном языке через замену образа или изменение структуры перестраивается в такую форму, которая приемлема в культурно-когнитивном пространстве языка перевода.中国解决消除贫困问题 /进入到了**啃硬骨头**/攻坚拔寨的/冲刺阶段。 ‘Решение проблемы ликвидации в Китае / вышла на финишную прямую разгрызания крепких **орешков** / и штурм крепости’.

В китайском языке «啃硬骨头» [кэнь ин гу тоу] обозначает решимость в выполнении трудных задач и имеет яркие тактильно-зрительные ассоциации. В переводе исходный образ заменяется русской идиомой «разгрызать крепкие орешки», при этом сохраняется структура проекции «управленческие трудности – твердый объект, поддающийся усилию». Замена снижает риск культурной непонятности и поддерживает оценочность, а визуальный ряд (кадры «прорыва», движение вперед, символика борьбы с бедностью) уточняет целевой домен и усиливает эффект.

Корректировка модальностей – реконструкция и перераспределение знаковых ресурсов между модальностями в переводе; с учетом когнитивных привычек, меди-

альных свойств и технических ограничений она повышает эффективность, когнитивную доступность и приемлемость метафор. 反映出我国经济发展正处于增长速度**换挡期**，结构调整**阵痛期**，和前期刺激政策**消化期**“三期叠加”阶段. ‘Экономическое развитие Китая переживало фазу так называемого наложения трех периодов: **периода структурного регулирования**, **периода изменения скорости роста** и **периода ликвидации последствий**, осуществленных ранние стимулирующих мер’.

В исходном фрагменте «наложение трех периодов» разворачивается как сеть подметафор («переключение передач», «болезненная перестройка», «переваривание стимулов») и поддерживается визуально: документы/данные ВВП подтверждают целевые домены (A1B1A2), а знак ограничения скорости актуализирует признак исходного домена для «переключения передач» (A1B1B2). В русской версии ключевым становится корректировка модальностей: переводчик перестраивает порядок компонентов и синхронизирует их с опорными кадрами (данные → «структурное регулирование», переключение передач → «изменение скорости роста», замедление машины → «ликвидация последствий»). Такое кросс-модальное перераспределение снижает нагрузку, делает проекцию более прозрачной и обеспечивает целостное восприятие метафоры в одном когнитивном окне.

На материале сопоставительного корпуса мультимодальных метафор фильма «Создание нового Китая» количественный анализ выявил ограничивающую роль мультимодальных ресурсов и медиальных условий в кросс-модальной реконфигурации. Показано, что перевод политической метафоры в мультимодальном контексте представляет собой смысловую адаптацию, обусловленную медиальными свойствами текста и ожиданиями аудитории. Следовательно, наряду с точностью и культурной адаптируемостью переводчику следует учитывать медиальные параметры и потребности адресата, координируя вербальные и визуальные ресурсы для оптимизации репрезентации и повышения эффективности межкультурной политической коммуникации.

Литература

Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: ФЛИНТА, 2020.

Чжан Дэлу. Поиск интегральной теоретической рамки анализа мультимодального дискурса // Иностранные языки Китая. 2009. Т. 6. № 1. С. 24–30.

Чжу Юншэн. Теоретическая база и методы исследования мультимодального дискурс-анализа // Журнал исследований по иностранным языкам. 2007. № 5. С. 82–86.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Multimodal Metaphor / ed. by C.J. Forceville, E. Urios-Aparisi. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009.

Фэн Дэчжэн. Конструирование и классификация мультимодальной метафоры: системно-функциональный подход // Исследования иностранных языков. 2011. № 1. С. 24–29.

Cheng Yan *(Tianjin, China)*
Independent Researcher, PRC
Sun Yunuo *(Moscow, Russia)*
RUDN University

MULTIMODAL METAPHORS IN THE DOCUMENTARY FILM "THE MAKING OF A NEW CHINA" (PRC) AND STRATEGIES FOR THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

This paper examines the cross-modal reconstruction of multimodal metaphors in the Chinese documentary film The Making of a New China and its Russian version. A corpus-based analysis (279/204 cases) shows that projection type correlates with translation strategy: preservation/elimination predominates, while compensation relies on modal redistribution under medial and subtitling constraints and audience expectations.

Key words: multimodal metaphor; multimodal translation; cross-modal mapping; metaphorical projection; The Making of a New China

Р. Абдуллаев *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
abdullayevram@gmail.com

РУССКИЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Рассматриваются азербайджанский и русский языки как формы символического капитала в представлениях молодежи. На основе анкетирования выявлено, что азербайджанский язык связан с идентичностью, русский функционирует как ресурс социальной мобильности, демонстрируя востребованность в образовательной и профессиональной сферах.

Ключевые слова: символический капитал, социолингвистика, языковая стратификация, азербайджанский язык, русский язык

В современном азербайджанском обществе языки функционируют не только как средство коммуникации, но и как значимый ресурс социальной стратификации и самопрезентации личности [Богданов и др. 2020]. В русле социолингвистического подхода, опирающегося на концепцию символического капитала [Bourdieu 1991], владение тем или иным языком рассматривается как фактор, непосредственно влияющий на социальный статус индивида, уровень его престижности и спектр доступных возможностей. При этом азербайджанский язык выполняет ключевую функцию национально-культурной идентичности, выступая маркером принадлежности к этносу, историческому наследию и государственности. В то же время русский язык продолжает сохранять высокий уровень престижности, ассоциируясь с качественным образованием, интеллектуальной элитой и доступом к более широкому культурному и информационному пространству., демонстрирующие связь языковых практик с социальными различиями и иерархиями. В результате языковая компетенция молодых азербайджанцев выступает не только как лингвистическая характеристика, но и как значимый социальный ресурс, который может быть конвертирован в образовательные, культурные и профессиональные преимущества. При этом формирование подобных представлений о языках может рассматриваться и в рамках теории социальных репрезентаций [Moscovici 1994: 165–168].

В этой связи особую значимость приобретает анализ языковых установок и практик, зафиксированных в среде молодых носителей [Москвичева и др. 2023; Москвичева, Гасанов 2024]. С этой целью было проведено социолингвистическое анкетирование по методике [Москвичева, Гасанов 2021], в котором приняли участие 130 респондентов, проживающих в Азербайджане, и направленное на выяв-

ление особенностей восприятия и оценки языков. Результаты были подвергнуты статистической обработке для выявления устойчивых тенденций и зависимостей. Обратимся к их анализу применительно к азербайджанскому языку (см. табл. 1) с целью характеристики рассматриваемых языков как форм символического капитала в среде азербайджанской молодежи.

Таблица 1. Азербайджанский язык как символический капитал

Показатель / аспект	Результаты	Интерпретация
Необходимость языка	129 «да», 1 «нет»	Почти абсолютное признание обязательности
Передача детям	129 «да», 1 «нет»	Язык воспринимается как обязательный элемент культурного капитала
Важность в обществе (экономика, бизнес)	81 «очень важно», 35 «важно», 14 «трудно сказать»	Высокий символический и практический капитал
Престиж публичного общения	75 «очень важно», 42 «важно»	Язык как маркер публичного статуса
Облегчает трудоустройство	99 полностью согласны, 23 скорее согласны	Язык = инструмент доступа к ресурсам
Влияет на зарплату	61 полностью согласны, 39 скорее согласны	Экономическая конвертация символического капитала
Язык общения (Баку)	43 азербайджанский	Ограниченное, но значимое доминирование
Привычность языка	26 азербайджанский	Меньшая субъективная привычность по сравнению с русским
Использование в семье (непосредственно)	не указано прямо, но косвенно доминирует	Язык как базовый культурный ресурс
Использование в учреждениях	57 «всегда», 32 «часто»	Формальный институциональный статус

Как видим, азербайджанский язык обладает высоким символическим капиталом как государственный, культурный и обязательный ресурс, но его субъективная привычность и повседневное доминирование уступают русскому в отдельных социальных сферах:

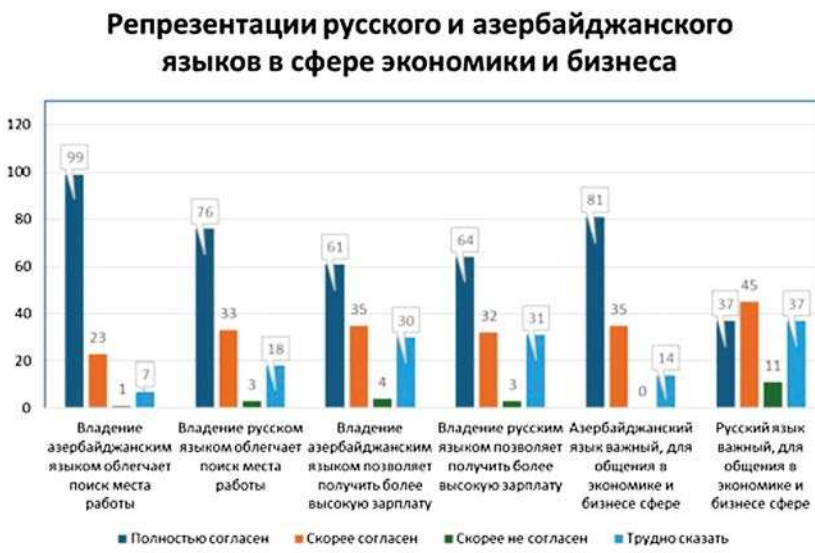


Рис. 1. Субъективные оценки респондентами инструментальной значимости о языковых преимуществах в экономике и бизнесе

Из диаграммы (рис. 1) следует, что азербайджанский язык воспринимается как высоко консолидированный символический капитал с нормативным статусом: он выступает не только как функционально значимый ресурс, но и как социально ожидаемый элемент повседневной коммуникации. Значительная доля ответов в категории «полностью согласен» свидетельствует о высокой степени идеологической легитимности языка.

Иными словами, азербайджанский язык репрезентирует собой форму капитала, связанную с обязательностью и конституированием национальной идентичности. Данный вывод позволяет рассматривать язык как один из ключевых механизмов воспроизводства социальной солидарности и культурной преемственности в обществе. Тем самым усиливается его роль не только как коммуникативного средства, но и как важного элемента символического порядка.

Обратимся к таблице опроса респондентов (табл. 2), демонстрирующей восприятие русского языка как символического капитала у азербайджанской молодежи:

Таблица 2. Русский язык как символический капитал

Показатель / аспект	Результаты	Интерпретация
Использование в семье	113 «да»	Глубокая встроенность в социальный капитал
Язык общения (Баку)	14 русский, 73 смешанный	Доминирует как билингвальная практика
Привычность языка	53 русский, 51 без разницы	Высокая повседневная значимость
Образование	96 на русском	Сильный образовательный капитал
Необходимость знания	95 «да», 35 «нет»	Высокая, но не абсолютная легитимность
Использование в кафе/ресторанах	82 «часто»	Язык городской коммуникации
Использование на работе	53 «редко», 45 «часто»	Средний уровень институционализации
В госучреждениях	41 «всегда», 53 «редко»	Ограниченный официальный статус
Облегчает трудоустройство	76 полностью согласны, 36 скорее согласны	Важный экономический ресурс
Влияет на зарплату	64 полностью, 35 скорее	Символический капитал конвертируется в экономический
Важность (экономика, бизнес)	48 очень важно, 45 важно	Высокая прагматическая ценность
Престиж публичного общения	56 очень важно, 43 важно	Язык как социальный маркер
Использование в семье	113 «да»	Межпоколенческий ресурс
Желание для детей	125 «да»	Язык как долгосрочный капитал

Русский язык выступает как значимый социально-экономический и культурный капитал, особенно в сфере образования, повседневного общения и профессиональной реализации. Он функционирует как язык возможностей и социального продвижения:

Распределение ответов демонстрирует более равномерный характер по сравнению с показателями, зафиксированными для азербайджанского языка, что указывает на менее жесткую степень институциональной нормы. Вместе с тем высокая совокупная доля оценок «важно» и «очень важно» свидетельствует о сохранении устойчивого престижа русского языка в исследуемой группе. В совокупности это позволяет рассматривать русский язык как гибкую форму символического капитала, обладающую выраженной практико-ориентированной функцией.

Таким образом, можно заключить, что полученные данные демонстрируют асимметричную структуру символического капитала языков. Азербайджанский язык выступает как институционально закрепленный и нормативно обязательный ресурс, тогда как русский язык воспринимается как гибкий инструмент социальной и профессиональной мобильности. Данное различие отражает двойственную языковую стратегию молодых азербайджанцев, сочетающую элементы национальной идентичности и прагматической рациональности.

Литература

Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в культурном и образовательном капитале // Социолингвистика. 2020. № 2 (2). С. 8–20.

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 59–69.

Москвичева С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 687–714.

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социо-демографическими факторами // Социолингвистика. 2024. № 1 (17). С. 44–60.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.

Moscovici S. Social representations and pragmatic communication // Social Science Information. 1994. Vol. 33. No. 2. P. 163–177.

R. Abdullayev *(Moscow, Russia)*
RUDN University

RUSSIAN AND AZERBAIJANI AS SYMBOLIC CAPITAL IN THE PERCEPTIONS OF AZERBAIJANI YOUTH

The article analyzes Azerbaijani and Russian languages as forms of symbolic capital in the perceptions of young people. Based on a sociolinguistic survey, it is shown that the Azerbaijani language has a normative status and is associated with identity, whereas Russian functions as a practice-oriented resource of social mobility, demonstrating flexibility and high prestige in educational and professional spheres.

Key words: symbolic capital, sociolinguistics, language stratification, Azerbaijani language, Russian language

O. I. Alexandrova, A. E. Babalola *(Moscow, Russia)*
RUDN University
alexandrova-oi@rudn.ru, *1132245023@rudn.ru*

EXPLORING THE SYMBOLIC FUNCTION OF THE YORUBA LANGUAGE THROUGH SPEAKERS' ATTITUDES

The study examines the symbolic function of the Yoruba language through the lens of its speakers' attitudes. By combining sociolinguistic and cognitive approaches, it reveals a strong alignment between how the Yoruba language is conceptualized and the attitudes its speakers hold toward it. Data collected through multiple methods indicate that the symbolic function of Yoruba prevails over its instrumental function, and highlights the language's role in speakers' self-identification and in the preservation of culture and traditions.

Key words: Yoruba language, language ideologies, symbolic function, language attitudes, self-identification, conceptualization

Language ideologies which are beliefs about language that shape social behavior crucially influence language maintenance and shift [Kroskrity 2010]. Yoruba speakers face growing pressure from English, Nigeria's official language, and other indigenous languages in multilingual urban settings. This study examines how their ideologies correlate with language use across domains as well as their attitudes and understanding of Yoruba essence.

The theoretical framework of the study Is based on Integration of Language Ideology Theory and Ethnolinguistic Identity Theory (ELIT). Language ideology theory examines how beliefs about language socially constructed and tied to power-shape linguistic practices [Woolard, Schieffelin 1994]. In postcolonial Nigeria, competing ideologies position English as the language of opportunity and Yoruba as heritage language, creating tension between cultural pride and economic pragmatism. ELIT posits language as a fundamental marker of group identity [Giles, Johnson 1987], where individuals derive self-concept from ethnolinguistic membership maintained through distinctive language practices.

To explore the Yoruba language use and its speakers' attitudes two methods were combined. Empirical data was collected via an online questionnaire distributed to 100 self-identified Yoruba speakers. Respondents ranged in age from 18 to over 65, with the majority (approximately 80%) aged 18–34. The survey included 75 questions and was based on a questionnaire compiled by O.A. Kazakevitch [http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic], it captured general demographic information, language proficiency, language use across different domains and attitudes toward Yoruba using a 5-point Likert scale. Data received from the questionnaire were analyzed via 2 quantitative tools namely Jamovi and Microsoft excel, so that significant variables were retrieved to measure speakers attitudes and understand what they think about its functions, importance and use.

Additionally, an associative experiment was conducted with the same participants of 100 Yoruba speakers and short essays about the Yoruba language (written in Yoruba) were collected from 10 native speakers to gain deeper insight into participants' ideological positions and their understanding of what the Yoruba language means to them.

The survey based on previous studies [Moskvicheva et al. 2024] allowed to identify several ideological statements representing symbolic and instrumental functions: *I want my children/grandchildren to speak this language, This language is very expressive, This language has good prospects for development, I miss this language, I feel ashamed to speak this language, I believe it is important to be proficient in this language, I am forgetting / losing this language; This language helps in finding a good job, This language helps me feel connected to the people who speak it, This language helps In obtaining an education, This language helps with self-fulfillment.*

Analysis of some of these statements reveals positive attitudes toward Yoruba: 66% respondents agreed on its proficiency importance (only 12% disagreed); 73% respondents agreed Yoruba fosters connection to its speakers; 64% found it "very expressive." Negative views were minimal with 9% feeling shame, and 6% reported language loss.

Results of the associative experiment, that brought a corpus of 1061 words related to Yoruba in respondents' minds, show that cognitive mapping of the Yoruba language is based on concepts related to culture and identity (see fig.).

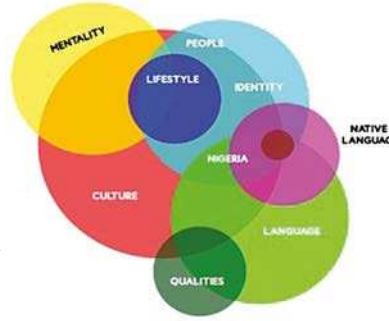


Fig. Cognitive worldview of the Yoruba language based on associative experiment

Top 5 most frequent associations with high semantic weight (SW) were tradition (SW 15.96), heritage (SW 12.5), tribe (SW 11), respect (SW 9.43), food (SW 8.57). Generalizing and grouping concepts associated with Yoruba language bring the following cognitive worldview.

Qualitative essays reinforced this: respondents described Yoruba as "aṣà tó rẹwà" (beautiful culture), "èdè tí ó jinlẹ̀" (a deep language), and "ọgbọ́n àti ìbọ̀wọ̀fún ara ẹni" (wisdom and self-respect). One wrote: "Yorùbá kì í ṣe èdè lasán; ó jẹ́ ọkàn àti ẹ̀mí àwọn ènìyàn tí wọ́n ń sọ ọ́" (Yoruba is not just a language; it is the heart and spirit of its people).

Yet actual language use diverges sharply. The data analysis shows that while 91% speak Yoruba with grandparents and 80% with parents, formal domains show English dominance: 89% use English exclusively in schools, 82% at work, with English also prevailing in hospitals and local administration. Childhood exposure patterns raise concerns for maintenance: 71% spoke Yoruba exclusively before school, but by primary school only 21% did so (50% switched to English, 27% used both). By secondary school, exclusive Yoruba use fell to 23%, with 48% using English only. Additionally, 87% respondents reported school prohibitions against their native language, labeled as "vernacular" and banned except in Yoruba classes. Economic perceptions further explain this shift. Only 38% agreed Yoruba proficiency aids job-seeking, and 35% saw it contributing to career advancement. This perceived low economic utility likely accelerates the move toward English in professional spheres.

The data shows what is referred to as an ideological commitment without behavioral reinforcement as explained by [Fishman 1991]. Yoruba speakers value their language as identity, culture, and emotional connection, yet structural pressures systematically disadvantage it: English as the medium of instruction, perceived necessity for labor market advancement, and English partial dominance among friends (38% of respondents with 45% for Yoruba). Parent-child communication in Yoruba (80%) offers hope for intergenerational transmission. However, the sharp decline from 71% exclusive Yoruba use in childhood to 21% in primary school reveals how schooling disrupts home language practices. With 87% reporting school prohibitions against speaking Yoruba, the educational system actively undermines the ideological values families seek to instill.

This study demonstrates that among Yoruba speakers, strong positive language ideologies that emphasize the symbolic functions of Yoruba coexist with rapid shift toward English in most public domains and even in some private ones. The data suggest that ideological attachment to Yoruba is insufficient to ensure language maintenance in the face of institutional pressures favoring English. The symbolic functions of language prevail over the instrumental ones and this is the result of the sociolinguistic situation. For Yoruba to remain a viable language for future generations, ideological commitment must be matched by structural support, particularly in education and economic domains where English currently holds a monopoly.

References

Fishman J.A. Reversing Language Shift. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.

Giles H., Johnson P. Ethnolinguistic identity theory: a social psychological approach to language maintenance // International Journal of the Sociology of Language. 1987. No. 68. P. 69–99.

Kroskrity P.V. Language ideologies // Society and Language Use. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 192–211.

Москвичева С.А., Сувандии Н.Д., Александрова О.И. Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых

тувинцев // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 203–225.

Woolard K.A., Schieffelin B.B. Language ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55–82.

О. И. Александрова*, *А. Э. Бабалола *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА ЙОРУБА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

В статье исследуется символическая функция языка йоруба с точки зрения отношения к нему его носителей. Совмещение социолингвистического и когнитивного подхода позволило обнаружить сходство в концептуальных представлениях о языке йоруба и отношении к нему у его носителей. Полученные данные указывают на преобладание символической функции йоруба над инструментальной: подчеркивается роль языка в самоидентификации его носителей, сохранении культуры и традиций.

Ключевые слова: язык йоруба, языковая идеология, символическая функция, представления о языке, самоидентификация, концептуализация

Р. Р. Алимова *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
r.alimova@my.mgimo.ru

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ: АКСИОМЫ И ПАРАДОКСЫ «ЕДИНСТВА В МНОГООБРАЗИИ»

Статья посвящена социолингвистическому анализу испанского языка как глобального коммуникативного феномена. Анализируются тенденций, которые обусловили специфику функционирования испанского языка в условиях полицентрической нормы и интенсивных языковых контактов. Концепт «единство в многообразии» рассматривается как подвижный, но эффективный механизм сохранения функциональной целостности испанского языка.

Ключевые слова: испанский язык, социолингвистика, полицентрическая норма, паниспанизм, языковое варьирование

В современном мире испанский язык занимает уникальное положение, являясь официальным более чем в 20 странах. По числу носителей, согласно данным Института Сервантеса на 2025 г., испанский язык является основным для более 500 млн человек, а свыше 600 млн используют его как второй язык [ELV 2025]. Он охватывает лингвистическое пространство 4 континентов и функционирует в условиях географического, культурного и социального разделения. Несмотря на наличие вариативности на всех уровнях фонетическом (различение /s/ и /θ/, *yeísmo*), морфосинтаксическом (употребление времен; *voseo* и др.) и лексическом (*escaño – curul*;

soborno – coima и др.), испанский язык сохраняет сущностное единство, обеспечивающее взаимопонимание его носителей [Lipski 1994].

Разграничение между пониманием языка как замкнутой системы элементов, каждый из которых находится в иерархических отношениях с другими компонентами системы, восходящее к работам Ф. де Соссюра, и переосмысленное в работах Г.В. Степанова [Степанов 1963] и Э. Косериу [Косериу 2001] описание языка с учетом его вариативности (национальной, временной, пространственной, социальной, стилистической, жанровой и др.), характерной для живого языка, предопределяет двойственный характер перспективы исследования: с одной стороны, исходящей из принципа системного единства, а с другой стороны, усматривающей в вариативности не отклонение от нормы, а фундаментальное свойство естественного языка.

В основе аксиомы «единства» испанского языка лежат несколько ключевых положений. Во-первых, идея о взаимопонятности, которую подтверждает тот факт, что носители разных национальных вариантов испанского языка – термин Г.В. Степанова [Степанов 1963] – могут понимать друг друга и продуктивно коммуницировать без серьезной предварительной подготовки. Во-вторых, концепция паниспанизма, обозначающая единство испанского языка [Del Valle 2013]. Идея паниспанизма получила институциональное оформление сложившегося исторического и культурного единства испанского языка благодаря деятельности Ассоциации академий испанского языка (ASALE) и Института Сервантеса [ELV 2025] и проводимой ими «паниспанской лингвистической политике» [Del Valle 2013].

Создание ASALE, объединившей 23 академии языка в испаноязычных странах, а также США, стало переходом от колониальной модели управления языком, согласно которой единственным законодателем нормы являлся Мадрид, к полицентрической модели сотрудничества [Del Valle 2013]. Так, в рамках совместной работы ASALE издаются и редактируются словари (Diccionario de la lengua española, Diccionario panhíspanico de dudas, Diccionario panhispánico del español jurídico), создаются фундаментальные работы по орфографии, лексикологии, а также академическая грамматика испанского языка – Nueva gramática de la lengua española [NGLE 2009]. Проявлением «лингвистической солидарности» стал и созданный в 1991 г. Испании Институт Сервантеса, являющийся центром преподавания испанского языка и распространения испанской и латиноамериканской культуры [ELV 2025].

Однако, глобализация, цифровая революция, интенсификация миграционных контактов и геополитическое усиление латиноамериканского сегмента могут не только способствовать «единству», но и обострять внутренние противоречия языковой системы. Является ли «единство в многообразии» объективной данностью, успешной институциональной историей или динамическим балансом, который постоянно находится под угрозой нарушения?

Проблема единства и вариантности испанского языка имеет обширную историографию и может быть условно разделена на несколько этапов. Унитарная модель

языка, доминировавшая в европейской лингвистике XIX – первой половины XX в., исходила из имплицитного отождествления нации, государства и языка. Применительно к испанскому языку, можно говорить о том, что существовала единая норма пиренейского происхождения, а региональные варианты квалифицировались как «отклонения» от образцового узуса. Работы Р. Менендеса Пидаля [Menéndez Pidal 1950] заложили фундамент исторического понимания единства, при котором мерилом «чистоты» и нормы выступал кастильский вариант, а вариативность языка Латинской Америки рассматривалась преимущественно как архаизмы или отклонения от стандарта.

Однако с появлением работ по вариационной социолингвистике обозначился кризис концепции унитарной модели языка. У. Лабов в своих исследованиях показал, что языковое варьирование системно, социально детерминировано и не может быть редуцировано к «ошибке» или «небрежности» [Labov 1994]. В свою очередь Р. Пенни применил к описанию испанского языка понятие «диасистемы» (диасистемной вариативности), введенное У. Вайнрайхом [Weinreich 1953], которое предполагает рассмотрение испанского как сосредоточения пересекающихся систем, ни одна из которых не обладает онтологическим первенством [Penny 2000]. Формирование лингвистической концепции национальных вариантов испанского языка (мексиканского, аргентинского, чилийского и др.) как самодостаточных систем [Степанов 1963] ознаменовало «лингвистический деколониальный поворот» [Del Valle 2013.], подтвердив полицентрический характер испанского языка. Ф. Морено Фернандес [Moreno Fernández 2010] в работах по географической лингвистике подробно описал «ландшафт» испанского языка. Концепция полицентрической нормы предполагает признание множественных равноправных нормативных центров, таких, как кастильский, аргентинский, мексиканский, карибский [Lipski 1994]. Каждый центр формирует собственные нормативные границы, которые могут частично пересекаться с соседними, но не сводятся к ним, и при этом все они входят в более широкую систему паниспанской нормы, согласно которой нет единственного «правильного» испанского (например, кастильского), испаноязычные страны создают и закрепляют собственные языковые образцы, а различия между национальными вариантами признаются неизбежными, но не считаются угрозой единству, и трактуются как эквивалентные способы выражения [NGLE 2009]. Важно отметить, что признание полицентрической паниспанской нормы подтверждает, что единство сохраняется не через подавление различий, а через их институциональное признание и кодификацию. Практическим воплощением «паниспанизма» служат совместные издания ASALE, реализующие идею единой нормы, открытой к вариативности [NGLE 2009]. Словари перестали быть исключительно кастильскими: в них планомерно вводится лексика с пометками «американское», «филиппинское» и т.д. Новая академическая грамматика испанского языка [NGLE 2009] впервые отказалась от иерархического описания, при котором кастильский вариант подавался как нор-

ма, а прочие – как исключения; грамматические явления представлены панорамно, с указанием на их распространенность в различных зонах.

Тем не менее, при всей действенности социолингвистических механизмов, дискурсивных практик и институциональных стратегий, поддерживающих единство испанского языка, само это взаимодействие порождает и неожиданные, на первый взгляд парадоксальные, эффекты. Язык, служащий инструментом объединения испаноязычного мира, именно через свои локальные фонетические, грамматические и лексические черты, одновременно оказывается маркером национальной и региональной идентичности [Del Valle 2013]. Глобализация и интернет, от которых следовало ожидать нивелирования национальных особенностей, на деле нередко подпитывают обратные процессы: персонализацию контента, формирование локальных цифровых сообществ, появление так называемых цифровых диалектов. И все же испанский не распадается на группу родственных, но уже самостоятельных языков. Грамматическое ядро, части речи с их морфологическими категориями, синтаксическая структура, глагольная система остаются общим и устойчивым [Penny 2000]. Базовый лексический фонд у всех национальных вариантов по большей части совпадает; территориальные расхождения, разумеется, имеют место, однако они крайне редко оборачиваются реальными коммуникативными сбоями [Lipski 1994]. Повседневный опыт общения свидетельствует о том, что говорящие на разных национальных вариантах испанского языка без особого труда приспосабливаются к речи собеседника, и именно эта гибкость позволяет испанскому языку обслуживать самый широкий спектр коммуникативных ситуаций, сохраняя при этом своеобразие каждого национального варианта.

Таким образом, основу любого национального варианта испанского языка, независимо от региона его использования, составляет общеиспанская языковая система, которая дополняется национально-маркированными лексическими единицами, имеющими этнокультурную специфику, сформированную в результате воздействия различных экстралингвистических факторов. Испанский язык продолжает развиваться в системе единой исторически сложившейся лингвистической основы и специфики национальных вариантов коммуникации, основанных на этнических, культурных, социальных отличиях, что выступает главным условием «жизнеспособности» испанского языка. Несомненно, что в современных условиях разнообразия территориальных вариантов испанского языка и применяемых норм лексики, фонетики, грамматики, паниспанский нормативный стандарт является необходимым и достаточным условием, обеспечивающим сохранение «единства в многообразии» испанского языка на обширном языковом пространстве всех испаноязычных стран. При этом нельзя не отметить, что имеющиеся национальные варианты представляют собой многогранный феномен, своей ценностью обогащающий лингвистическое понимание культурных взаимосвязей народов испаноязычных государств.

Литература

Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. М.: Едиториал УРСС, 2001.

Del Valle J. A Political History of Spanish. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

ELV – El español: una lengua viva. Madrid: Instituto Cervantes, 2025.

Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. 1. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1994.

Lipski J.M. Latin American Spanish. London; New York: Longman, 1994.

Menéndez Pidal R. Orígenes del español: estado lingüístico de la Península Ibérica hasta el siglo XI. Madrid: Espasa-Calpe, 1950.

Moreno Fernández F. La lengua española en su geografía. Madrid: Arco/Libros, 2010.

NGLE – Nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa, 2009. Vol. 1–2.

Penny R. Variation and Change in Spanish. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Weinreich U. Languages in Contact. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.

R. R. Alimova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

SPANISH IN SOCIOLINGUISTIC PROJECTION: AXIOMS AND PARADOXES OF "UNITY IN DIVERSITY"

This article presents a sociolinguistic analysis of the Spanish language as a global communicative phenomenon. The concept of "unity in diversity" is treated as a dynamic mechanism of the functional integrity of Spanish. The study traces the evolution from a unitary model to a polycentric framework institutionally supported by ASALE and the Instituto Cervantes, arguing that internal variation serves as adaptive mechanisms ensuring the language's long-term viability.

Key words: Spanish language, polycentric norm, sociolinguistic variation, unity in diversity, panhispanism

С. Б. Бегалиева *(Алматы, Казахстан)*
Казахский национальный университет им.аль-Фараби
Sbegalieva@mail.ru
А. С. Жунисбаева *(Алматы, Казахстан)*
Международный университет информационных технологий
Js.aasel@gmail.com
Е. С. Шмакова *(Алматы, Казахстан)*
Таразский университет им. М. Х. Дулати
shmakovaelena87@mail.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Представлены результаты корпусного анализа цветообозначений в русскоязычных медиатекстах Казахстана (2025–2026 гг.). Актуальность связана с усилением прагматики цвета в медиа. Эксплицированы когнитивные механизмы и социальные значения колоронимов. Выявленные закономерности их функционирования расширяют теоретико-методологическую базу корпусной семантики и дискурс-анализа.

Ключевые слова: цветообозначения, медиадискурс, корпусный анализ, когнитивные механизмы, социальные значения, корпусная семантика

В медиадискурсе использование цвета трансформировалось из элементарного средства визуального привлечения в сложный инструмент психологического воздействия, основанного на механизмах восприятия, интерпретации и формирования когнитивных установок аудитории. Цвета в современной коммуникации приобретают особую значимость, поскольку они способны инициировать эмоциональные отклики, транслировать смысловые установки и выступают ключевым фактором, определяющим особенности восприятия и интерпретации информации человеком. Результаты корпусного анализа свидетельствуют о том, что за последние 5 л. В заголовках ведущих новостных интернет-изданий России зафиксировано увеличение частоты употребления цветообозначений. Несмотря на активное развитие исследований медиадискурса, в Казахстане трансформация цветообозначений в дискурсивный материал и особенности их функционирования в русскоязычном медиапространстве остаются фрагментарно изученными.

В рамках исследований A.J. Elliot и M.A. Maier подчеркивается, что цветовое знание и восприятие функционируют как когнитивно-эмоциональный механизм, посредством которого отдельные цвета способны вызывать устойчивые эмоциональные реакции и влиять на интерпретацию информации читателем [Elliot, Maier 2014: 99]. Проблематика когнитивного осмысления цвета активно разрабатывалась в трудах В.А. Масловой и Н.Н. Болдырева [Маслова 2004; Болдырев 2016]. В зарубежных исследованиях семантики цвета значительный вклад внесли B. Berlin и P. Kay, предложившие типологический подход к анализу цветовых категорий. Вместе с тем в современной научной парадигме наблюдается дефицит исследо-

ваний, направленных на комплексный анализ цветообозначений в медиадискурсе в рамках синтеза когнитивного и социологического подходов [Berlin, Kay 1969: 19].

Целью настоящего исследования является комплексное изучение когнитивных механизмов и социальных функций цветообозначений в современном русскоязычном медиадискурсе с целью выявления их роли в формировании смыслов и воздействии на аудиторию.

Для достижения цели исследования ставятся следующие задачи:

1) сформировать корпус русскоязычного медиадискурса с обоснованием критериев отбора цветообозначений;

2) провести количественный (частотный) анализ цветообозначений с целью выявить закономерностей их употребления.

Теоретическую основу исследования составляют взаимосвязанные концепции цветообозначений. В соответствии с теорией базовых цветов, разработанной B. Berlin и P. Kay, универсальный набор включает 11 базовых цветовых категорий. Однако в русском языке наблюдается дифференциация синего спектра на «синий» и «голубой», что расширяет данную систему до 12 цветообозначений [Berlin, Kay 1969: 37]. Данная теория релевантна для анализа медиадискурса, поскольку цветообозначения функционируют как когнитивные маркеры, на основе которых конструируются метафоры и формируются концептуальные представления. В современном медиадискурсе широко распространено использование цветовых метафор, при которых отдельные цветообозначения приобретают устойчивые ассоциативные значения: так, «красный» соотносится с опасностью или тревогой, а «черный» – с кризисом или негативными явлениями. Для интерпретации цветовых метафор в медиадискурсе используется фреймовая семантика Ch. Fillmore, предполагающая, что цветообозначения инициируют активацию определенных когнитивных фреймов, включающих культурно и социально обусловленные знания и ассоциации, которые варьируются в зависимости от тематики новостного материала и контекста его функционирования [Fillmore 1985: 223].

Социологический анализ цветообозначений основывается на интеграции дискурсивных подходов. В рамках критического дискурс-анализа T.A. van Dijk выбор цвета интерпретируется как не нейтральный, а идеологически и оценочно нагруженный акт, отражающий позицию автора и стратегию воздействия на аудиторию [van Dijk 1995: 248]. В русле концепции медиадискурса Т.Г. Добросклонская рассматривает цветообозначения как важный инструмент формирования медиареальности и конструирования картины мира реципиента. Комбинирование когнитивного и социологического подходов позволяет интерпретировать цветовые метафоры как дискурсивные социальные конструкты, значение которых формируется и модифицируется в зависимости от коммуникативных позиций и контекста взаимодействия.

Эмпирическую базу исследования составил авторский корпус русскоязычных медиатекстов Казахстана, сформированный в 2026 г. В состав корпуса вошли

600 текстовых единиц, отобранных из шести профильных деловых и общественно-политических интернет-изданий: *Kapital.kz, Forbes Kazakhstan, Informburo.kz, Inbusiness.kz* и *LS* (lsm.kz). Хронологические рамки исследования охватывают период 2025–2026 гг. Общий объем репрезентативной выборки составил 202 740 словоупотреблений. Критерием включения материала в корпус (новостных заметок, аналитических статей и репортажей) послужило наличие в тексте как минимум одного компонента с семантикой цветообозначения.

Методологический аппарат исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем методы компьютерной лингвистики и когнитивного анализа. Конкордансный анализ осуществлялся в программной среде *Voyant Tools*; для выявления типичных лексических окружений и устойчивых коллокаций базовых цветообозначений задавалось контекстное окно в диапазоне +/-5 позиций. С целью верификации данных и их сопоставимости в массивах различного объема применялся статистический метод расчета относительной частотности лексем (на 1000 словоупотреблений). Для экспликации когнитивных структур и интерпретации семантики цвета в экономическом дискурсе был использован метод фреймового моделирования.

Проведенный фреймовый анализ позволил выявить ряд устойчивых метафорических моделей, связанных с цветообозначениями в медиадискурсе. Так, «красный» функционирует в рамках фрейма опасности, характеризуясь выраженной негативной оценочностью и высокой частотностью употребления (78%), преимущественно в устойчивых сочетаниях типа «красная зона», обозначающих зону повышенного риска. «Черный» репрезентирует фрейм нелегальности, также обладая резко негативной коннотацией (72%), что проявляется, в частности, в таких сочетаниях, как «черный рынок». В свою очередь, «зеленый» соотносится с фреймом роста и развития, демонстрируя положительную оценку (69%) и реализуясь, например, в конструкции «зеленая экономика». «Голубой» актуализирует фрейм стабильности с положительной оценочностью (61%), что отражено в выражении «голубые фишки», обозначающем надежные активы. «Белый» связан с фреймом официальной или легитимной деятельности, варьируя от нейтральной до положительной оценки (58%). Наконец, «желтый» функционирует в рамках фрейма неопределенности или умеренного риска, обладая промежуточной оценочностью (34%) и реализуясь, например, в сочетании «желтая зона», указывающем на переходное состояние между стабильностью и риском.

В исследуемом корпусе текстов выделяется специфический пласт терминологических сочетаний, основанных на цветовой семантике. Использование конструкций «красная», «желтая» и «зеленая» зоны свидетельствует о заимствовании принципов светофорного регулирования для визуализации рыночной динамики и категоризации рисков. Самостоятельный интерес представляет функционирование коллокации «голубые фишки». Выступая в роли профессионального жаргонизма, данное сочетание концептуализирует категорию наиболее ликвидных и финансово устойчивых организаций, транслируя позитивные прагматические установки на стабильность и долгосрочный доход.

Итоги научной работы подтверждают достижение целевых ориентиров и успешную апробацию заявленных методов исследования. Обработка массива данных объемом свыше 200 тыс. единиц позволила выявить ядерные компоненты цветовой картины мира в экономическом сегменте СМИ. Частотная выраженность красного, черного, зеленого, голубого, белого и желтого спектров объясняется их способностью концептуализировать сложные экономические процессы. В ходе фреймового моделирования была доказана инструментальная роль данных лексем в формировании оценочных суждений. Полученные результаты вносят вклад в корпусную лингвистику, предлагая универсальный алгоритм анализа лексических единиц, который может быть адаптирован для широкого спектра дискурсивных исследований.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 10–20.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.

Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Dijk T.A. van. Discourse, semantics and ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6. No. 2. P. 243–289.

Elliot A.J., Maier M.A. Color psychology: effects of perceiving color on psychological functioning in humans // Annual Review of Psychology. 2014. Vol. 65. P. 95–120.

Fillmore Ch.J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6. No. 2. P. 222–254.

S. B. Begalieva *(Almaty, Kazakhstan)*
Al-Farabi Kazakh National University
A. S. Zhunisbayeva *(Almaty, Kazakhstan)*
International University of Information Technologies
E. S. Shmakova *(Almaty, Kazakhstan)*
Taraz University named after M. Kh. Dulaty

A CORPUS-BASED ANALYSIS OF COLOR TERMS IN MEDIA DISCOURSE: COGNITIVE AND SOCIOLOGICAL ASPECTS

The results of a corpus analysis of color terms in Russian-language media texts from Kazakhstan (2025–2026) are presented. This study is relevant given the increasing pragmatics of color in media. The cognitive mechanisms and social meanings of color terms are explicated. The identified patterns of their functioning expand the theoretical and methodological foundations of corpus semantics and discourse analysis.

Key words: color terms, media discourse, corpus analysis, cognitive mechanisms, social meanings, corpus semantics

Е. Н. Бекасова *(Оренбург, Россия)*
Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ МОТИВАЦИОННОЙ РЕФЛЕКСИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Свободный ассоциативный эксперимент, направленный на активизацию мотивационной рефлексии носителей литературного языка, позволил выявить особенности лексической параметризации окружающей действительности в диалектах и литературном языке, а также определить механизмы развития лексико-семантических систем, позволяющих поддерживать гомогенность общерусского языкового пространства.

Ключевые слова: мотивационная рефлексия, метаязыковое сознание, внутренняя форма слова, диалектная лексика, свободный ассоциативный эксперимент

Русский язык в своем историческом и функциональном развитии представляет несомненную однородность, которая впервые была отмечена М.В. Ломоносовым: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе» [Ломоносов 1952: 391]. Гомогенность системы русского языка – явление не только достаточно показательное на фоне других языков с высокой диалектной дробностью, но и представляет «более сложный вопрос о причинах однообразного развития диалектов на большой территории» [Калнынь 2002: 16]. При этом близость фонетики и морфологии может быть объяснена общими тенденциями развития русских диалектов, в которых различия обусловлены или особенностями консервации некоторых исторически преходящих явлений, или, наоборот, возможностями их развертывания в отличие от скованного кодифицированной нормой литературного языка. В то же время при разобщенности носителей диалектов на значительной территории, характеризующейся различными природными условиями, лексическая система сохраняется «во времени в значительно большей степени, чем фонетическая или морфологическая» [Вендина 2018: 61], и «представители разных географических регионов, социальных и возрастных слоев, профессиональных и других группировок достигают в пределах одной языковой территории взаимного понимания» [Вендина 2016: 436].

Особенно показательна гомогенность лексической системы русского языка при изучении курса «Русская диалектологии», когда значительно обостряется метаязыковая деятельность студентов. Данное обстоятельство обусловило проведение свободного ассоциативного эксперимента на выявление особенностей мотивационной рефлексии в ходе понимания диалектного слова. В эксперименте участвовали студенты 1–5 курсов филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (389 участников), а также учащиеся 10–11 классов школ г. Оренбурга (62 участника).

Выбор вида эксперимента не случаен, поскольку именно свободный ассоциативный эксперимент, как справедливо указывают Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова, позволяет определить «ассоциативный потенциал слова как “совокупной ассоциативной валентности знака, отражающей динамику его формально-семантических связей” в коллективном и индивидуальном регистрах порождения, восприятия и употребления» [Гридина, Коновалова 2020: 41].

В частности, характерны результаты лонгитюдного эксперимента, ориентированного на осознание носителями литературного языка метеорологической диалектной лексики (наименования снега), которая в большинстве случаев мотивируется за счет выделения корня как носителя основного лексического значения, что позволяет объединить слова в определенные группы, где значения в основном близки представленному в диалектной системе, например: *льдянка*, *заледень*, *ледышки*; *твердяк*, *твердоснег*, *затвердыш*, *твердок*; *липня*, *липач*, *залипуха*, *прилипало*, *залипень*, *липник*, *липка*; *мокрюха*, *мокрена*, *мокруша*, *мокрень*, *мокредь* и др. (подробнее см.: [Тарасенко, Миллер 2021]). К ним примыкают диалектные слова, определяющие тематически связанные ассоциации, например: *жестяг* ‘жесткий, твердый снег’, *натоптыш* ‘утоптанный, плотный, твердый снег’. Аналогичны рефлексии на диалектные слова, которые осмысливаются через сходство, например, по размеру: *копейка* ‘самая мелкая денежная единица’ (одна сотая рубля) – очень мелкий снег. Однако ассоциативная «выводимость» значения слова может сталкиваться с особенностями морфемной структуры, что показывают расхождения ассоциативных реакций на слово *просечник*, которое, с одной стороны, рассматривается как мелкий снег с мотиватором *просо* (просо – снег, размером с зерно проса), с другой – секущий снег, от глагола (*про/по)-сечь* (о дожде, снеге, с силой бить, хлестать), что и определило значение слова в оренбургских русских говорах. При этом следует отметить, что большинство студентов (93%) и школьников (56%) в ходе своей метаязыковой деятельности ориентировались на известное им из литературного языка слово *крупа* ‘снег в виде мелких, шарообразных зерен’ (*крупинка*), диалектное *крупеник*) в связи актуализацией части слова как корня *прос-* и ассоциативных связей *зерно / крупа*. В этом плане также срабатывает типичная для славянских языков модель расширение собственных лексических ресурсов путем суффиксального словообразования для имен [Бекасова, Гаярски 2020].

Надо отметить, что группа диалектных наименований снега оказалась наиболее понятной для носителей литературного языка даже в тех случаях, когда было сложно актуализировать потенциальные возможности корня. Например, близкозначной к диалектным значениям оказалась мотивировка слов, обозначающих мелкий снег – *кружак* (36%, метель – 59%); мокрый снег – *облоец* (67%, «обложной» снег, снегопад – 33%), мокрый снег, снег с дождем – *дряпня / дряпуха* (42%, быстро тающий снег – 37%, весенний снег с водой – 17%); обледеневший снег, наст – *наслуда / наслудь* (57%, наледь – 34%, – вода поверх льда – 9%). Можно предположить,

что такая общность наименований снега обусловлена обозримой их дифференциацией в связи с достаточно определенной рубрикой человеческого опыта в познании объективной реальности, базирующейся на парах типа *крупный / мелкий, сухой / мокрый, мягкий / твердый* и под.

Более сложным представляется эксперимент без указания на предметную область, где в типичные «в процессах мышления операции – сравнения, отождествления, установления сходства и подобия и т.п.» [Краткий словарь 1996: 42], вмешивается «психологическая реальность». Для этого была выбрана лексика, репрезентирующая номинации возлюбленных в оренбургских русских говорах. Несмотря на достаточно ограниченное количество таких слов в русских диалектах и в целом весьма ясную мотивацию (*дружок*, *милый*, *ладушка*, *рыбонька* и др.) отобранные для эксперимента слова представили разнообразные реакции, но ни одной совпадающей с значением диалектного слова, например: *прихожулька* ‘приходящая любовница’ определялась как *приходящая в гости, частая гостья*, *приезжая*, *прихожая (коридор)*, *прихожанка*, *приходящая репетитор(ша)*; *матаня / матанька* (возлюбленный и возлюбленная) – *моток*; *человек*, *который наматывает мотки ниток*; *кот, играющий клубком*; *пряха*, *вязальщица*; *суетливый человек*, *гулящий мужчина*, *алкоголик*, *вечный командировочный*, *веретено*, *математик, ласковое (детское) название матери*. Следует отметить, что лексема *матаня* (уменьш.-ласк. *Матанечек*, *матанечка*; уменьш., презрит. *Матанька*; *маталька*), судя по «Словарю русских народных говоров», распространена повсеместно, связана с глаголами *матанить*(*-ся*) (в оренбургских говорах – *матанничать*) – ухаживать за девушкой; проводить время. При этом у слова *матаня* имеются и другие значения: 2) частушка, 3) танец сельской молодежи, 4) вечернее гуляние, 5) пригородный поезд [СРНГ 1982: 20–21]. Распространенность и многозначность слова обусловливает наличие разных гипотез его мотивированности: или как слова с неясной этимологией, или как слова, родственного глаголу *мотаться* – о ветреном, непостоянном человеке, что отмечено в словаре В.И. Даля. По всей вероятности, такая мотивация возможна не только потому, что большинство студентов и школьников тесно связывают в своих реакциях результат действия и действие, а также процесс действия, но и потому, что наименование пригородного поезда в сибирских говорах с высокой долей вероятности мотивируется глаголом со значением *двигаться из стороны в сторону*. Кроме того, в диалектах гл. *мотаться* имеет также значения ‘метаться’, ‘быть непостоянным в отношении с другими’, ‘вести себя переменчиво’, ‘быть непостоянным в любовных отношениях’ [СРНГ 1982: 296].

Такие реакции на диалектные слова, в том числе с неясной этимологией, подтверждает концепцию О.И. Блиновой о мотивации слов как ведущем лексическом явлении языка, когда «все немотивированные слова вовлекаются в мотивационные отношения в роли лексических или структурных мотиваторов, благодаря чему подавляющее число немотивированных слов включается в мотивационные отношения,

оставляя за их рамками, например, в русском языке приблизительно 1,5 % одиночных слов» [Блинова 2012: 6].

Широкая мотивированность диалектного лексического фонда носителями литературного языка с учетом уровня развития их языковой личности в определенной степени показывает «своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира» [Вендина 2016: 435], которая обусловливает использование эффективных стратегий словотворчества с использованием словообразовательного потенциала, в результате которых общий лексический фонд «изменялся, оставаясь самим собой» [Трубачев 1989: 3], а континуальность диалектных единиц позволяет выстраивать общее коммуникативное пространство, в том числе и с носителями русского литературного языка.

Литература

Бекасова Е.Н., Гаярски Л. К проблеме русско-словацкой межъязыковой омонимии // Русский язык в современном мире: сб. статей / под ред. В.Н. Селедцовой, Н.В. Бубновой. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2020. С. 28–32.

Блинова О.И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 5–11.

Вендина Т.И. Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 60–81.

Вендина Т.И. Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной ситуации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. № 11. С. 425–440.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2020.

Калнынь Л.Э. Восточнославянская лингвогеография в ее отношении к славянскому континууму // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диадектология, лингвогеография и славянский контекст. М.: Лавателра, 2002. С. 11–17.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996.

Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Том 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Ленинград: Наука, 1982.

Тарасенко П.О., Миллер Э. Название снега в русских говорах // Шестые Моисеевские чтения. Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2021. С. 100–104.

Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. М.: Наука, 1989. С. 3–23.

E. N. Bekasova *(Orenburg, Russia)*
Orenburg state pedagogical university

ACTUALIZATION OF MOTIVATIONAL REFLECTION IN THE STUDY OF DIALECT VOCABULARY

A free associative experiment aimed at activating the motivational reflection of native speakers of the literary language made it possible to identify the features of lexical parameterization of the surrounding reality in dialects and the literary language, as well as to determine the mechanisms for the development of lexical and semantic systems that allow maintaining the homogeneity of the common Russian language space.

Key words: motivational reflection, metalanguage consciousness, internal word form, dialect vocabulary, free associative experiment

Е. М. Бредис *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
helenbredis@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ДЕТИ В АЛТАЙСКИХ СКАЗКАХ

В статье анализируется репрезентация концепта ДЕТИ в алтайских сказках. Проводится сопоставительный анализ примеров из текстов сказок на алтайском языке и переводы на русский язык. Отмечается важность концепта БАЛДАР/ДЕТИ для алтайской лингвокультуры как ценностного, входящего в ценностный макроконцепт СЕМЬЯ.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, Алтай, сказка, дети

Одним из современных направлений гуманитарной науки является когнитивная лингвистика, изучающая язык с точки зрения мышления и познания. Центральную роль в этом научном направлении играет концепт, под которым понимается «единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [ПСС 2022: 88]. Выявить особенности концепта можно, в частности, анализируя языковые средства, которые репрезентируют концепта. Подход к концепту с позиций лингвокультуры состоит в том, что он воспринимается как базовая единица культуры, ее концентратор [Алещенко 2008: 29].

Фольклорный текст в современной лингвистике рассматривается как средство репрезентации системы ценностей [Денисенко и др. 2025]. Исследователи признают системный характер фольклорных текстов [Гао и др. 2025], их связь с историей и культурой народа [Бредис 2023], с когнитивными механизмами восприятия окружающей действительности [Иванов 2024]. Сказки, будучи эпическими произведениями, «концентрируют в себе характерные черты древнего фольклорного отображения действительности, жизненные наблюдения и культурные традиции» [Просянникова, Скорик 2024: 76], систему ценностей народа.

Концепт ДЕТИ (РЕБЕНОК) играет важную роль в сказках, отражая понимание человеческим обществом детей как ценности. Эта ценность является общечеловеческой: именно дети обеспечивают продолжение рода. Рассмотрение данного концепта позволяет описать семью как ценностную константу вне зависимости от типа культуры, веры [Ломакина 2024]. Концепт БАЛДАР/БАЛА является фольклорным, поскольку образный и оценочный компоненты не совпадают с общекультурным концептом в силу особой образной системы фольклора [Алещенко, 2008: 30].

Цель статьи – анализ репрезентации концепта ДЕТИ / БАЛДАР в алтайских сказках, взятых из сборника «Алтайские народные сказки», составленного Т.М. Садаловой (2002).

Изначально сказки у тюркских народов Сибири имели магическое назначение: в темное время суток зимой взрослые собирались слушать сказки. Согласно Т.М. Садаловой, «приуроченность исполнения сказок в зимнее время видится как противостояние людей зимней спячке мира». Летом сказки в основном не рассказывались [Садалова 2003: 16]. Сказители профессионально исполняли героические сказания и сказки также «в плохие дни», когда сказка могла защитить от столкновения со злыми духами, или в качестве почитания хозяина гор, духа Алтая. Мифы как предшественники сказок отличаются от них разной степенью структурирования повествования: происходящее в них воспринимается слушателями всерьез как действительно имевшие место события [Ойноктинова 2012: 41].

Позднее стало возможным рассказывание сказок просто развлекательной целью, и дети стали частыми слушателями сказок, их рассказывали в качестве награды за работу или помощь. Таким образом, у сказки появляется познавательное назначение. Вместе со сказочными героями дети-слушатели получали представление о мире, добре и зле, природных явлениях и опасностях. Поэтому и сказочные персонажи часто являются детьми, которые героически проходят испытания или сталкиваются с трудностями из-за непослушания.

Лексема *балдар* ‘дети’ в сборнике встречается 70 раз; *бала* ‘ребенок’ – более 200. Частотны слова *уул*/*уулчак* (сын, мальчик) и *кыс* (дочь, девочка, девушка). Рассмотрим лишь несколько примеров из сказок, где вербализуется рассматриваемый концепт.

Эта лексема используется как обращение в концовке или зачине сказки. Так, сказка «Кан-Капчыкай» (при записи А.Г. Калкина) начинается с фразы: *Чӧрчӧк айдып берейин, ук, јибе,* ***бала*** ‘Сказку расскажу, послушай, ладно, дитя’ [Садалова 2008: 31]. Лексема *бала* ‘ребенок’ здесь требует комментария, она означает обращение к хозяину Алтая. По поверьям, дух Алтая, который очень любил слушать сказки, превращался в ребенка-девочку и садился среди других слушателей, но увидеть его мог не каждый сказитель [Садалова 2008: 31].

В сказках отражается обращение старшего к младшим. Так, в мифологической сказке «Јети каан јылдыс» ‘Созвездие семи каанов’ хан обращается к семи мальчикам-сиротам со словами: *Кайдаң келген* ***балдар*** *эдигер* ‘Откуда прибыли, вы, дети’. Такое обращение со стороны старшего отражает традиции общения народа Алтая.

Один из частых сюжетов алтайских сказок – это поиск потерявшегося ребенка. В таких сказках мать готова пойти на все, чтобы найти дитя. Например, в сказке «Албын ле келин» ‘Албын и молодая женщина’ сюжет строится на самоотверженном поиске и возвращении домой матерью сына, похищенного злой Албын (аналог русского сказочного персонажа Бабы Яги). В тексте используется лексема *бала* ‘ребенок’: женщина рассказывает о том, как оставила своего единственного сына в юрте одного, называет его в алтайском тексте *јанғыс балам* ‘единственный мой ребенок’. Путь женщины из владений Албын образно описывается: взяв ребенка (*балазын кучактайла*), ‘не задевая деревьев-камней, через желтую степь, где и сорока не летает – сорокой перелетела, через серую степь, где и ворон не летает – вороном перемахнула’. Материнский инстинкт и любовь к своему ребенку наделяют женщину сверхспособностями.

Природные явления и животный мир – это естественное окружение населения горного Алтая, поэтому познание мира начинается с детства через соединение с природой. Дети знакомятся с человеческими качествами через аллегории: лиса – хитрость, орел – храбрость, муравьи – трудолюбие и сплоченность, воробей – находчивость. При этом детеныши зверей или птенцы у птиц в сказках не получают собственных обозначений, используется лексема *балдар*.

В сказке «Тӱлкӱнек» ‘Лисичка’ старик и старуха обращаются к лисе *балам* (букв. ‘мой ребенок’), но на русский это обращение передается без перевода – *балам*, так как сюжет сказки подразумевает для лисички роль ребенка в человеческой семье. Бездетные старик и старуха пошли за хворостом и встретили лисичку, которая сказала им: *Је мен* ***уулы*** *јокторго* ***уул*** *болойын деп,* ***кызы*** *јокторго* ***кыс*** *болойын деп, јӱрген кижи эдим* ‘Тем, у кого сына нет, я хочу быть сыном, тем, у кого дочери нет, я хочу быть дочерью‘. При этом мораль сказки заключается в том, что не каждый встречный герой заслуживает доверия: хитрая лисичка воспользовалась добрым отношением стариков, съела все их съестные запасы и убежала. Истинная ценность – настоящая семья и дети, где присутствуют кровные узы, как у людей, так и у животных.

Еще один пример сказки, где лиса является аллегорией хитрости – сказка «Тӱлкӱ ле туруйна» ‘Лиса и журавль’. Старик-охотник выпрашивает у лисы одну из ста ее хитростей, но, не получив желаемого, говорит: ***балдардыҥ*** *энезиниҥ тоны јака јок эди* ‘у матери моих детей нет воротника на шубу’. Примечательно, что охотник называет жену матерью его детей, что вновь доказывает ценность семьи и детей в традиционном представлении мира жителей Алтая. *Балдардыҥ энези* ‘мать детей’ – уважительное наименование жены для охотника, ради подарка для нее он готов добыть ей дорогой мех.

В мифе-сказке *Алтын-тоңус* ‘Золотой павлин’ лексема *бала-барка* (букв. ‘дети-внуки, т.е. потомки’) переводится просто как ‘дети’. В других сказках *бала-барка* переводится на русский как ‘потомки’. В этой же сказке *Саныскан,* ***бай кижи-***

***ниҥ балазы**, алтын-тонус, јайзаҥ кижи болуп, той эткен* ‘Сорока, дочь богача, и золотой павлин, зайсан, справили свадьбу’. Словосочетание *дочь богача* в алтайском тексте (букв. *Бай кижиниҥ балазы* ‘богатого человека ребенок’). Здесь речь не о людях, а о птицах, но мы снова сталкиваемся с аллегориями: золотой павлин – представитель семьи знатного происхождения, а сорока, хоть и дочь богача, хорошим манерам не обучена и тайком от знатного мужа клюет падаль. Узнав об этом, павлин в наказание поколотил сороку, с тех пор она стала опасливой птицей. Примечательно, что свой урок она передала и птенцам (вновь в алтайском тексте используется лексема *балдар*): *Саныскан — сак куш, **балдарын** да анайта уреткен* ‘Сорока — осторожная птица, и птенцов своих этому научила’. Здесь на русский язык лексема *балдар* переведена как ‘птенцы’. Значимыми ценностями является воспитание уважения к предкам и соблюдение родительских наказов и традиций. Непослушные дети часто попадают в беду именно из-за пренебрежения советами старших.

В алтайских сказках численность детей, как правило, существенная: например, можно встретить среди героев-детей такие обозначения: *јети балазы* ‘семеро детей’, *јети өскүс уул* ‘семеро парней-сирот’. Здесь в переводе используется слово «парень», тогда как в оригинале, даже не имея родителей, герои остаются сыновьями, благодаря многозначности слова *уул.*

Таким образом, концепт БАЛДАР/ДЕТИ в алтайских сказках отражает не только явление детей как потомства в человеческих семьях и в животном мире, это неотъемлемая часть семьи в широком смысле. Герои сказок проявляются через отношение к детям, а детьми, в свою очередь, характеризуется семья и род с учетом гендерных особенностей сына и дочери.

Литература

Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки). Волгоград: Перемена, 2008.

Бредис М.А. Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 228–242.

Гао М., Гишкаева Л.Н., Ломакина О.В., Новоспасская Н.В. Системный характер китайской паремиологии // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 5. С. 1147–1157.

Денисенко В.Н., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Языковая маркированность аксиологических доминант франкоязычных паремий // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 19–30.

Иванов Е.Е. Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 213–229.

Ломакина О.В. Концепт *дети* в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 58–62.

Ойноткинова Н.Р. Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты: монография. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021.

ПСС – Проектный словарь-справочник когнитивных терминов / под общей редакцией Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Просянникова О. И., Скорик К. В. Категоризация окружающего мира в тувинском, бурятском и якутском эпосе через призму ахроматической пары белый / черный // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 75–89.

Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст и связи с другими жанрами. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2003.

Садалова Т.М. Ритуально-магические функции алтайской сказки // Вестник Томского университета. 2008. № 313. С. 29–33.

E. M. Bredis *(Moscow, Russia)*
RUDN University

PRESENTATION OF THE CONCEPT *CHILDREN* IN ALTAI FAIRY TALES

The paper considers the representation of the concept CHILDREN in Altai fairy tales. The article provides a comparative analysis of examples from fairy tales in the Altai language and their translations into Russian. It highlights the importance of the concept of BALDAR/CHILDREN for the Altai linguistic culture as a value-based concept within the value macroconcept of FAMILY.

Key words: concept, cognitive linguistics, Altai, fairy tale, children

М. А. Бредис *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
briedis@yandex.ru

СЛЕДЫ «ПУШНЫХ АССИГНАЦИЙ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ДЕНЬГИ* В ПОСЛОВИЦАХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В статье представлен сопоставительный анализ пословиц разноструктурных языков в рамках выявления культурных кодов древности, отражающихся в образах паремий (белка и куница) 5 разноструктурных языков народов РФ, в семантическом поле концепта ДЕНЬГИ. Выявляются следы существования в древние времена обширного ареала «пушных денег», сохранившиеся в национальных названиях денежных единиц, встречающихся в пословицах.

Ключевые слова: пословица, концепт, деньги, пушные деньги, лингвокультурологический анализ

Концепт ДЕНЬГИ репрезентирует одно из важных явлений и ценностную константу человеческой культуры, связанную с ценностью *Богатство* [Бредис 2022: 22]. Номинация денежных единиц, входящих в поле концепта ДЕНЬГИ, в пословицах интересна в когнитивном и лингвокультурном аспектах. Под концептом мы

понимаем основную содержательную единицу памяти и ментального лексикона [ПСС 2022: 88]. Согласно В.В. Колесову, концепты представляют собой сущности общенародного подсознательного, выраженного вербально [Колесов 2019: 10]. Пословицы сохраняют культурные коды в виде этнокультурно маркированных образов – этнолингвомаркеров, которые несут в себе культурную память народа и могут не иметь прямых аналогов в других языках [Ломакина 2018: 85]. Пословичный фонд языка является одним из средств репрезентации ценностей, отражая особенности культуры народа [Ломакина 2025: 627].

Целью работы были выявление и анализ пословиц разноструктурных языков народов РФ (русского, марийского, удмуртского, татарского и чувашского), содержащих названия денежных единиц, восходящих к зооморфному коду культуры с упоминанием пушных зверей – белок и куниц.

В качестве материала исследования послужили пословицы, содержащие названия пушных зверей в контексте наименований денежных единиц, отобранные из авторитетных сборников русских, марийских, удмуртских, татарских и чувашских паремий: *Большой словарь русских пословиц* В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010); *Марий калык ойпого*: *Калыкмут-влак — Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки* А.Е. Китикова (2004); *Горномарийские пословицы, поговорки, загадки, приметы* Ф.Т. Грачевой (2001); *Марий мутэр: Турлӧ вэрэ илӹшэ марийӹн муштӹм тангастарэн нэргэлӹмэ кнага* / ӱпӹмарий В.М. Васильева (1926); *Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки* Т.Г. Перевозчиковой (1987); *Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре* Л.Х. Мухаметзяновой и И.И. Ямалтдинова (2020); *Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки* Н.Р. Романова (2012). Также использовался *Нумизматический словарь* В.В. Зварича (1979).

Лингвокультурологический и концептуальный анализ требует междисциплинарных изысканий с привлечением данных истории и нумизматики. Пословицы дают косвенные лингвистические доказательства в пользу существования в древности на обширных территориях современной России крупного ареала пушных (меховых) денег. Эта тема связана со старым спором приверженцев двух теорий о сущности денежной системы в Древней Руси – меховистов и металлистов, который в наши дни перестал быть актуальным. Первые считали, что в качестве эквивалента товаров на Руси использовались шкурки пушных зверей, так как названия некоторых денежных единиц (*веверица, векша* ‘белка’, *куна* ‘куница’) соответствуют меху этих зверей, а монеты использовались лишь для накоплений, вторые полагали, что начиная с XI в. Меха уже не были основным средством платежа, и эти названия закрепились исключительно за металлическими монетами с весовыми нормами серебра [Стефанович 2017: 19–20].

Старинные русские пословицы сохранили название *куны* ‘денежные единицы или деньги вообще’, название восходит именно к шкуркам куниц: *Беда куны родит*;

Что куна (кунъ), то все въ калитѣ, что пъртъ, то все на себѣ. Последняя найдена в приписке в Паремийнике 1313 г. Образ кун в пословицах требует лингвокультурологического комментария.

О существовании на Руси пушных денег приводятся свидетельства многих арабских путешественников с Востока в X–XII вв. В денежном обращении участвовали в основном шкурки белки и куницы. По сведениям Ахмеда ибн Фадлана, побывавшего в Булгаре в 921–922 гг., «дирхемы русов – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, соболи», и, если шкурка истерлась, имеет какой-либо изъян, она становится платежным средством вместо монет. О булгарах же он писал, что они торговали на мех куницы [Гулецкий 2019: 94]. Позднее Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в русских землях в 1150–1153 гг., отмечал, что расчеты у славян производятся старыми потертыми шкурками белок, и связка из восемнадцати шкурок стоит один арабский серебряный дирхем. Такие связки получали свинцовую пломбу с княжеской печатью, использовались как деньги, не принимать их в качестве оплаты было нельзя [Гулецкий 2019: 97–98].

Есть сведения, что в качестве денег в некоторых регионах использовались не только шкурки, но и головы зверей. Так, в новгородских источниках XIV–начала XV в. Фигурирует денежная единица *кунья мордка*, сохранившаяся с домонгольских времен [Стефанович 2017: 23]. При этом побывавший в Великом Новгороде в 1413 г. французский дипломат Жильбер де Ланноа рассказывал об обращении там серебряных слитков, и использовании ‘голов белок и куниц’ в качестве мелкой разменной монеты [Гулецкий 2019: 101].

После прекращения выпуска древнерусских монет вплоть до XIV в. В русских землях не было чеканки собственных монет. В Древней Руси в обращении были дирхемы – серебряные монеты Арабского халифата, особенно распространившиеся в Восточной и Северной Европе в период 800–1012 гг. В Древней Руси дирхемы известны под названием куны. Возможно, как указывается в «Нумизматическом словаре», дирхем служил эквивалентом шкурки куницы. Позднее куной называлась серебряная монета. В этой системе в XI в. Главной единицей была гривна, в которой было 20 ногат = 25 кун = 50 резан и 100–150 вевериц (белок). Все они имели свои нормы веса. Резанами назывались разрезанные куны (половинки или четвертинки серебряных дирхемов и других монет). Можно предположить, что в древности на Руси одновременно использовались не только шкурки, но и серебряные слитки (гривны), и серебряные монеты (сначала дирхемы, позднее немецкие пфенниги). Эта модель параллельного обращения меховых денег и серебра с известным курсом обмена, вероятно, распространялась не только на собственно русские земли, но и на обширные территории, населенные тюркскими и финно-угорскими народами.

В татарских, чувашских, марийских, удмуртских пословицах концепт *деньги* репрезентируется национальными названиями денежной единицы *копейка*, которые могут выступать в качестве этнолингвомаркеров, сохранивших зоонимиче-

ский код культуры. Возьмем паремии с семантической моделью *Из малого – много.* В татарской пословице *Тиен тәңкәне саклый* ‘Копейка рубль бережет’ *тиен* буквально значит ‘белка’. Связь копейки с белкой иллюстрирует другая татарская паремия *Тиен – агачтан агачка, тиен кулдан – кулга сикерә* ‘Белка – с дерева на дерево, белка (копейка) из руки в руку прыгает’.

Чувашская паремия *Пусăн-пусăн тенкĕ пулать* ‘Копейка к копейке будет рубль’ использует название *пус* ‘копейка’, которое восходит к персидскому *пуст* ‘шкура’. Таким образом, *пус* ‘копейка’ изначально связано со шкуркой пушного зверька. Персидский географ ибн Русте (начало X в.) отмечал, что в Поволжье у булгар главным богатством служил куний мех, который заменял им монеты. Он даже отметил тогдашний обменный курс – одна куница = 2,5 дирхема [Гулецкий 2019: 93].

Удмуртская паремия *Коньыен но манет люкаськэ* ‘И по копейке рубль набирается’ использует лексему *коньы*, которая в современном языке значит ‘белка’ и ‘копейка’. В пословице *Коньдонэз коньдон лэсьтэ* ‘Деньги делают деньги’ концепт *коньдон* ‘деньги’ имеет буквальное значение ‘цена белки’.

В марийской пословице *Кумыр теҥгем аныкла* ‘Копейка рубль сбережет’ *кумыр* значит ‘три белки’. В горномарийской пословице *Ойхыжым ак стойы, шӹмураш веле* ‘Горя не стоит, стоит всего две копейки (семушку)’ в значении *две копейки* используется лексема *шӹмур* ‘семь белок’.

Мы видим, что и тюркские, и финно-угорские народы Поволжья в пословицах называют копейку белкой. Это может быть связано с очень древней моделью обращения пушных (меховых, беличьих) денег, о которой сохранились свидетельства путешественников. Позднее народы региона находились под властью Золотой Орды и использовали татарские дирхемы (данги). Не исключено, что название *белка* закрепилось за ордынской серебряной монетой, а после вхождения народов Поволжья и Прикамья в состав Русского государства – за русской копейкой, а тенге и сом – за рублем. В XVI–XVII вв. серебряная копейка (копейная денга) весом 0,68 г, введенная в обращение с 1534 г., была основной платежной единицей страны. Вероятно, ясак в государеву казну эти народы платили не только копейками, но и «пушной рухлядью», и не исключено, что изначально одна белка приравнивалась по стоимости к одной копейке. Но прямых указаний на это нам не встречалось. В XVII в., например, марийцы платили ясак деньгами и хлебом.

Пословицы упомянутых тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Прикамья начали собираться не ранее XIX в. Поэтому упоминание в марийских пословицах трех белок (1 копейка) и семи белок (2 копейки) связано с российской денежной реформой 1839–1843 г., когда был установлен серебряный стандарт рубля, и определен курс: 1 коп. серебром = 3,5 старые коп. Новая медная копейка с надписью ‘1 коп. серебром’ получила в народе название трешник, 2 коп. – семишник, 3 коп. – десятичник. Марийский словарь «Марий мутер» подтверждает: *кумур* букв. ‘три белки (старые копейки)’ = 1 коп., а *кумурший* букв. ‘три белки серебро’ = 3 коп.

В мордовских пословицах после реформы за копейкой закрепилось русское название *трешник*, например: *Трешниктеме целковой а эри* ‘Без копейки рубля нет’. Ранее в мордовских языках и языке коми копейка также называлась *ур* ‘белка’. Народная память в пословицах рассматриваемых языков сохранила следы той давней эпохи, когда средствами платежа служили шкурки пушных животных – белок и куниц, в лексемах, относящихся к полю концепта ДЕНЬГИ.

Литература

Бредис М.А. Отражение концепта «Богатство» в разноструктурных языках (на примере аналогов русской пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 22–27.

Гулецкий Д.В. Древнерусские свинцовые пломбы как источник для изучения денежного обращения домонгольского периода // Белорусский исторический обзор. 2019. № 1. С. 91–105.

Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019.

Ломакина О.В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637.

Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / под ред. В.М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов / под общей редакцией Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Стефанович П.С. Гривна как денежная единица: к спору меховистов и металлистов // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы международной научной конференции, Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. / отв. редактор П.Г. Гайдуков / Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2017. С. 19–24.

M. A. Bredis *(Moscow, Russia)*
RUDN University

TRACES OF “FUR BANKNOTES” IN THE CONCEPT REPRESENTATION OF MONEY IN PROVERBS OF TYPICALLY DIFFERENT LANGUAGES

The paper presents a comparative analysis of proverbs from typically different languages, identifying ancient cultural codes reflected in the proverb metaphors (squirrel and marten) in five languages of the peoples of the Russian Federation, within the semantic field of the concept “money.” Traces of the existence of a vast area of “fur money” in ancient times are revealed. Folk memory has preserved these traces in the national names of monetary units found in proverbs.

Key words: proverb, concept, money, fur money, linguacultural analysis

И. В. Бугаева *(Москва, Россия)*
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
bugaevaiv@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИЕ АНТРОПОНИМОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Статья посвящена описанию результатов свободного ассоциативного эксперимента, целью которого является изучение структуры антропонимов в светском и религиозном дискурсах, что позволяет сделать вывод об особенностях семантики религиозных антропонимов и об их восприятии и оценке современной молодежью.

Ключевые слова: когнитивная ономастика, антропоним, ассоциативный эксперимент, религиозный дискурс

Имена собственные отражают не только национальные образы сознания, но и религиозные. Целью данного исследования является анализ структуры антропонимов в светском и религиозном дискурсах, формирование ассоциативных полей, а также их интерпретация и выявление семантических компонентов.

Изучая семантику имен собственных в религиозном дискурсе [Бугаева 2025а], бытование прецедентных имен собственных [Бугаева 2025б], проводя лингвистические эксперименты, мы убедились не только в значительном различии объемов знаний об окружающем мире, но и в возможности исследования того, как воспринимается религиозная ономастическая лексика, как изменяется ее оценка при изменении условий представления слов-стимулов и влияние контекста, как при этом можно оценивать уровень воцерковленности, невоцерковленности или принадлежность к другой религии.

Проблемами когнитивной основы ономастики активно занимаются ученые в разных странах [СО 2016]. Среди отечественных исследований отметим работы В.В. Алпатова [Алпатов 2007], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2008], Н.В. Васильевой [Васильева 2017], А.С. Щербак [Щербак 2008], В.В. Робустовой [Робустова 2022]. Опыт применения экспериментальных методов изучения ономастической лексики изложен в монографии М.Р. Махаева [Махаев 2025].

В рамках настоящего исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 117 человек – студенты гуманитарных направлений университета в возрасте от 18 до 22 л.

Список слов-стимулов составлял 11 мужских и женских имен: *Николай, Сергей, Иван, Мария, Ксения, Сергий, Иоанн, Матрона, Ольга, Василий Великий, Николай Мирликийский*. Все имена широко представлены в христианском антропонимиконе и частотны (кроме одного – Матрона) в настоящее время. В списке специально представлены светские и религиозно маркированные варианты антропонимов: *Иван – Иоанн, Сергей – Сергий, Николай – Николай Мирликийский*.

Эксперимент проводился очно в аудитории. После представления слова-стимула на фиксацию реакций отводилось 30–45 сек. Было получено на каждый стимул-антропоним большое число ассоциативных реакций.

Нами оценивалась также мотивированность выбора лексемы-реакции, порядок их фиксации. Менее 10% испытуемых давали первыми «религиозные» реакции даже на нейтральные антропонимы. Например: *Николай – святой, мученик, царь-мученик*; *Ольга – княгиня, крест, икона*; *Сергей – Радонежский, теология*. На религиозно маркированные антропонимы частотны следующие реакции: *Сергий – Радонежский, Сергиев Посад, святой, церковь, лик, религия, христианство, монастырь, молитва, милость, свеча* и др. *Иоанн – христианство, Священное Писание, Богослов, Крестьянкин, заповеди, святой, лик, религия, собор, Иван в крещении, Постник, святой, мученик* и др.

Отметим, что первые религиозные реакции на антропоним-стимул позволяет сделать вывод о том, что испытуемый знаком с религией, возможно, является верующим. У более 30% религиозные реакции были после светских: *Сергей – Безруков, Есенин, светловолосый парень, веснушки, крестьянская одежда, музыкант, отшельник, монастырь, церковь, крестить*.

В результате у 43 % есть светские и религиозные ассоциации, у 12 % нет религиозных ассоциаций, что можно объяснить не только атеистическими взглядами, но и принадлежностью к другой религии. Часть испытуемых, не давая религиозных лексем-реакций, приводили исторические ассоциации. Например: *Иоанн – Грозный*, *опричнина*, *смута*, *Анна Иоанновна*, *князь*, *Сергий – история, религия*, *русское*, *устаревшее*, *Василий Великий – история, учитель, учеба*. Были ответы *Не знаю такого,* что составило 4% реакций респондентов. У остальных испытуемых были исторические ассоциации, что подтверждает их нахождение среди других лексем, передающих историческое значение: *Иоанн – история, опричнина*, *реформы*, *Русь*, *царь*, *прошлые века*. Здесь ассоциация не с Иоанном Богословом или Крестьянкиным, а с Иваном Грозным, конкретным историческим деятелем.

Больше всего первых религиозных реакцией было на имя *Мария – Дева Мария* (36 %), *матерь*, *Иисус*, *святая*, *девственница*, *евангелие*, *иконы*, *библия*, *религия*. Также есть исторические реакции: *Кюри, императрица* и социальные: *бабушка*, *подруга*, *печенье*, *девушка в кокошнике*, *песня*, *мультик* и др.

Слова-стимулы с выраженной религиозной семантикой *Василий Великий* и *Николай Мирликийский* вызвали неоднозначные реакции. Во-первых, много ошибочных ассоциаций, например, *правитель*, *царь*, *властелин*. Во-вторых, самый большой процент ответов – *не знаю* (14 %).

Наибольшее количество ассоциаций с конкретными персонами вызвало имя *Сергей*: *Лазарев*, *Басков*, *Безруков*, *Зверев*, *Шойгу*, *Горошко*, *Серый*, *Лавров*, *Трофимов, Минаев*, причем первые три встречаются часто. Ассоциации с Есениным по частотности на четвертом месте, но представляют собой тематический блок: *светлые*

волосы, *стихи*, *волосы пшеничного цвета*, *кудри*, *хулиган*, *удаль*, *озорная улыбка*, *крестьянская одежда*.

Имя *Ксения* только у 3% испытуемых ассоциируется со святой Ксенией Петербургской, и то не в первых реакциях. Первое занимает К. Собчак, далее по частотности следуют такие реакции: *подруга*, *Бородина*, *девочка*, *юбочка*, *плюш*, *красиво*. Реакции на имя *Ольга* делятся на исторические, социальные и религиозные. Большинство первых реакций – исторические. Например, *царица, древляне*, *княгиня*, *воительница*. Религиозные – *святая*, *церковь*, *молитва, крест, икона*. Социальные – *Бузова, доброта*, *бабушка*, *пирожки*, *голубые глаза*, *тетя из офиса*, *учительница*. Единственный случай – героиня романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

Первая религиозная реакция на имя *Матрона* была у 9% респондентов: *церковь*, *святая*, *икона*, *молитва*, *исцеление*, *цветок*. Реакцию «цветок» относим к религиозным, так как верующие люди, почитающие блаженную Матрону Московскую, знают, что в Покровском монастыре в Москве, где покоятся мощи святой, цветы освящают, а потом раздают всем желающим; их хранят, как святыню. Большинство первых реакций на это имя – «Матренин двор» (А. Солженицын), составляет 28%. Остальные реакции относятся к бытовой тематике.

Можно предположить, что если сначала приводятся религиозные реакции, то человек в той или иной мере интересуется религией. Интересно, что процент случаев, когда светские и религиозные ассоциаты представлены вперемежку, единичны. Это свидетельствует о том, что ассоциации извлекаются из разных тематических блоков.

На основе полученных результатов сформированы ассоциативные поля и выделены семантические компоненты.

Данное исследование и его результаты укладываются в концепцию спирального развития имен собственных В.В. Робустовой, которая указывает на «возможность существования нескольких доминантных блоков в структуре одной единицы и их профилирование (актуализация) в зависимости от контекста употребления» [Робустова 2002: 29], а также подтверждает выводы М.Р. Махаева о том, что «семантика онимов изоморфна структуре и содержанию сознания носителей языка» [Махаев 2025].

При изучении вопросов ономастической семантики методом свободного ассоциативного эксперимента выяснилось, что анализ полученных реакций позволяет сделать дополнительные выводы, относящиеся к вопросам социолингвистики, прагматики; выявить лакуны в знаниях реципиентов в области истории, культуры и оценить уровень общих знаний в разных областях.

Литература

Алпатов В.В. Концептуальные основы формирования религиозных топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 86–95.

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5–14.

Бугаева И.В. Прецедентные имена: социолингвистическая оценка // Казанская наука. 2025. № 9. С. 293–295.

Бугаева И.В. Имена святых как ономастический концепт // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–1 (62). С. 148–151.

Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 210–221.

Махаев М.Р. Экспериментальный подход к исследованию ономастической лексики. Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2025.

Робустова В.В. Концепция спирального развития значения имен собственных // Ономастика Поволжья: Материалы XX международной научной конференции. 05-07 октября 2022 г. Элиста. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 29–33.

Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2008.

CO – Cognitive Onomsctics: A Reader / ed. By S. Brendler. Hamburg: Baar, 2016.

A. V. Bugaeva *(Moscow, Russia)*
Kosygin Russian State University

PERCEPTION OF RELIGIOUS AND SECULAR ANTHROPONYMS BY MODERN YOUTH (BASED ON THE RESULTS OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

This article describes the results of a free association experiment, the purpose of which is to study the structure of anthroponyms in secular and religious discourses. This allows us to draw conclusions about the semantic features of religious anthroponyms and their perception and evaluation by modern youth.

Key words: cognitive onomastics, anthroponym, associative experiment, religious discourse

F. Bulus *(Moscow, Russia)*
RUDN University
1042245121@rudn.ru

ADDRESS CATEGORIES IN STUDENT – TEACHER DISCOURSE IN NIGERIAN UNIVERSITY: A SOCIO-COGNITIVE APPROACH

This study aims to investigate the categories of address forms and their socio-cognitive dimension in student-teacher interactions in Nigerian university. Drawing on theoretical frameworks such as socio-cognitive pragmatics, speech act of address, and discourse analysis. Results demonstrate that address terms selection is mainly guided by mental representation of social values and identity.

Key words: address categories, socio-cognitive pragmatics, student-teacher discourse, social cognition, difference, mental representation

Address terms are not merely a transparent medium through which interlocutors refer to one another, it is a socio-cognitive activity that reflects and encodes mental frames, cultural values, institutional norms, and relational structures within a speech community. Thus, the selection of an appropriate form of address is never a trivial decision. It shows the speaker's awareness of status differentials, affective stance, institutional role, and the accumulated cultural history of the community in which the interaction takes place. Address terms provide coded information about the participants' relations, as well as their psychological, emotional, and mental state [Zhou, Larina 2024: 87].

This study identifies categories of address forms employed in student-teacher discourse in Nigerian university settings, highlighting the socio-cognitive factors that condition their selection, and the socio-pragmatic implication and meanings which speakers orient to context, social identity, and relational meaning in the act of address.

The study of address terms has a long and distinguished history within sociolinguistics, politeness and cultural studies, yet the theoretical frameworks through which address behaviour has been explained have undergone significant evolution. The most recent shift to discourse studies is socio-cognitive approach, it has opened new theoretical horizons for the study of address behaviour. Van Dijk [Dijk 2006: 163] argued that discourse cannot be adequately understood in isolation from the cognitive structures' mental models, social representations, and context models through which speakers produce and interpret it. In his account, the context of an utterance is not simply an external social fact that determines linguistic choice; it is an internally represented mental model that speakers construct based on their social knowledge, interactional experience, and ongoing interpretation of the situation.

This cognitive turn in discourse studies has profound implications on the study of address behaviour, since it suggests that the choice of an address form is not merely a reflex of social structure but is mediated by the speaker's active, cognitively constructed understanding of who their interlocutor is, what relational category they occupy, and what communicative goal the current interaction serves.

Although the sociolinguistic situation of Nigerian universities provides an appropriate context for exploring the mental frames that regulate the choice of address terms particularly in student-teacher interaction. There are limited studies on address terms in Nigerian academic discourse [Mensah 2021; Unuabonah 2018]. Furthermore, the cognitive dimensions of address terms, the mental representations, social knowledge structures, and inferential processes through which speakers make sense of their interlocutors and check their linguistic behaviour have received almost no systematic attention in the Nigerian academic context. Thus, this study attempts to bridge the gap in the study of address form in Nigerian academic discourse and introduce novel direction, that is, socio-cognitive approach to the study of address practices in student-teacher interaction.

The materials for the study were collected in three stages. The first stage was ethnographic observation, it was followed up with interviews, thereafter, questionnaires.

The designed questionnaire was randomly distributed across 8 Nigerian universities, and a total of 170 responses were collected. The data were analyzed qualitatively and quantitively, drawing on theoretical frameworks such as socio-cognitive pragmatics, interactional sociolinguistics, discourse analysis, speech act of address, and politeness theory. The data was analyzed in two contexts: formal context (classroom, seminars, academic consultations) and informal context (outside the classroom, after class discussions, casual meeting). The study attempts to answer the following questions:

• What are the categories of address terms employed in student-teacher interaction in Nigerian universities?

• What are the socio-cognitive values and socio-pragmatic meaning of the identified address categories?

• How does context influence the socio-cognitive selection of address terms?

The results demonstrate that Nigerian University students use six (6) diverse address categories when addressing their teachers such as honorifics, academic titles, religious terms, traditional titles, kinship terms, hybrid terms. These address categories are employed in both local, English or mixture of both. The table below outlined the categories of address forms employed student-teacher interaction in two contextual situations: Formal and informal academic setting (tab. 1).

Tab. 1. Categories of address forms in student-teacher interactions

Address terms		**Address terms**	
formal context	%	informal context	%
Sir, ma'am, madam	*50*	*Sir, ma'am, madam*	*25*
Professor, doctor	*26*	*Professor, doctor*	*20*
Daddy, mommy,	*09*	*Daddy, mommy,*	*19*
Mallam, Allaji\hajiya	*06*	*Mallam, Allaji\hajiya*	*12*
Professor+ sir, hajiya +ma'am	*6.4*	*Professor+ sir, hajiya +ma'am*	*20*
Atama (priest) dede (chief)	*2.6*	*Atama (priest) dede (chief)*	*04*

The results show that the categories of address form employed in student- teacher discourse in Nigerian university are not random, their choice are firstly determined by cognitive processes through socio-cognitive variables such as mental models, cultural values, in addition to social factors like age, social status, academic achievements, academic qualifications, gender, and context. Mentally, students take cognizance of the communicative context alongside the social representation to be accorded in the discourse. The finding demonstrates that context is the most powerful regulator of address form selection in student-teacher discourse. The formal/informal distinction operates as a system that incites different cognitive schemas governing appropriate social performance.

In formal contexts lectures, seminars, and structured academic meetings most students (76%) default to institutionally marked forms such as honorifics (*Sir, ma'am,*

ma), and academic titles (*Professor, Doctor)*. These forms index the speaker's internalized knowledge of institutional norms and acknowledge the specific intellectual authority of the addressee. The relative use of honorifics and academic title in both formal and informal contexts signal awareness of power asymmetry and deference orientation, functioning as negative politeness strategies aimed at maintaining social distance and affirming the teacher's institutional face, points to the socio-cognitive academic identity in the Nigerian academic interaction.

While in informal contexts, the institutional frame weakens, for instance we observed a 31% decline in the use of honorifics and academic titles and students draw on a wider repertoire of address strategies. The rise of affective *Daddy/Mommy uncle, aunty, Egbon (*elder sibling in Yoruba), *yaya/hadda* (elder brother/siter in Hausa), cultural and religious affiliations terms *Mallam* (Islamic scholar) *Alhaji/Hajiya* (male/female who had been on hajj*)* and hybrid forms such as *professor +sir, Hajiya +ma'am, Mister +Jonh, Doctor +missis* in informal settings illustrates what may be theorized as contextual schema switching; individuals maintain multiple socio-cognitive frames and dynamically activate the one most suitable with the immediate social environment. This pattern reflects a socio-cognitive dimension of addressing behaviour that can be interpreted as relational framing. In the absence of formal contextual constraints, students activate the student-teacher relationship along familial, religious, cultural orientations beyond conventional norms. In informal settings, students reconceptualize respect by using kinship terms, traditional title, religious and hybrid terms.

The findings demonstrate that the categories of address forms employ in student-teacher interaction is a socio-cognitive and socio-pragmatic codification of social and cultural values, they convey deference grounded in religious and cultural authority rather than purely institutional hierarchy, and they signal in-group solidarity and shared cultural identity.

This study has demonstrated that address behaviour in student-teacher discourse in Nigerian university is context-sensitive and involves socio-cognitive processes. The six categories of address forms identified: honorifics, academic titles, kinship terms, cultural-religious terms, hybrid terms, and traditional titles reflect the diverse repertoire of social identities, representations, and relational clues that Nigerian students encode in their interactions with teachers. Students activate different cognitive schemas in response to contextual situations and use address forms as instruments of face management, identity expression, and relational positioning. This study contributes significantly to the fields of sociolinguistics, cognitive linguistics, discourse analysis and address forms.

References

Mensah E.O. A Sociolinguistic Study of Address Terms in a Nigerian University's Staff Club // Poznan Studies in Contemporary Linguistics. 2021. Vol. 57. No. 4. P. 677–707.

Unuabonah F.O. Forms of Address and Language Ideologies: The Case of a Southwestern Nigerian University // Linguistik Online. 2018. Vol. 91. No. 4. P. 101–119.

Van Dijk T.A. Discourse, Context and Cognition // Discourse Studies. 2006. Vol. 8. No. 1. P. 159–177.

Zhou Q., Larina T.V. Power and Solidarity in Pronominal Forms of Address: A Case Study of Chinese and Russian Teacher-Student Interactions // Training, Language and Culture. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 87–100.

Ф. Булус *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов

КАТЕГОРИИ ОБРАЩЕНИЯ В ДИСКУРСЕ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В НИГЕРИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: СОЦИОКОГНИТИНЫЙ ПОДХОД

Целью данного исследования является изучение категорий форм обращения и их социально-когнитивного измерения во взаимодействии студентов и преподавателей в нигерийском университете. Исследование опирается на такие концепции, как социально-когнитивная прагматика, речевой акт обращения и дискурсивный анализ. Результаты показывают, что выбор терминов обращения в основном определяется ментальным представлением социальных ценностей и идентичности.

Ключевые слова: категории обращения, социально-когнитивная прагматика, академический дискурс, социальное познание, иерархия, ментальное представление

Е. В. Варламова *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
elvar2705@yandex.ru

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫХ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ

Полилингвальный городской пространственный дискурс (далее – ГПД) сложен для понимания, так как в нем соседствуют различные языки и культуры. Среди визуальных знаков ГПД Эдинбурга цвет и изображение неоднозначны в большей степени, чем в ГПД Казани, где амбивалентен вербальный элемент. Использование различных модальностей в рамках одного пространственного объекта (витрины) ведет к разномодальной синонимии, снижая нагрузку.

Ключевые слова: полилингвальный городской пространственный дискурс, визуальные знаки, неоднозначность, сложность понимания, мультимодальность, разномодальные синонимы

Материалом данного исследования послужили уличные коммерческие витрины, расположенные в исторических центрах двух городов – Эдинбурга (Великобритания) и Казани (Россия). Витрина является пространственным объектом, так как обладает определенным местом к городском пространстве. Согласно Л.Ф. Чертову,

пространственный объект является предметом семиотики, если «участвует в выражении каких-то значений в соответствии с правилами одной или нескольких семиотических систем» [Чертов 2023: 9]. «Место может выполнять различные грамматические функции и быть: (1) смыслоразличительным признаком в пространственной морфеме; (2) единичным знаком с собственным значением; (3) частью синтаксической конструкции; (4) частью сложной семантической конструкции многослойного символа; (5) гомогенным или гетерогенным текстом в семиотизированном пространстве; (6) отдельным семиотизированным пространством» [Чертов 2023: 24]. В данном исследовании мы рассматриваем витрину как отдельное семиотизированное пространство, находящееся в дискурсе конкретного города.

Целью исследования является определение сходств и различий в полилингвальных ГПД Казани и Эдинбурга с точки зрения определенного параметра – неоднозначности (амбивалентности) знаков (кодов) в пространственном объекте – витрине. Амбивалентность считается одним из ключевых факторов, повышающих когнитивную нагрузку на интерпретатора. Если текст неоднозначен, мозгу приходится тратить дополнительные ресурсы на дешифровку смыслов, что делает текст «сложным». Неоднозначность является качественным параметром сложности текста. Она превращает процесс чтения из автоматического распознавания слов в активную аналитическую работу [Солнышкина, Кисельников 2015].

Выбор «городских текстов» Эдинбурга и Казани в качестве источников материала исследования заключается в их схожести по многим критериям: столицы с большим количеством туристов; университетские города, где много иностранных студентов; полилингвальные столицы, где соседствуют разноструктурные языки, являющиеся официальными, и различные этносы; значимые технические, промышленные, культурные центры страны. Данные особенности Казани и Эдинбурга делают их достаточно равнозначными с точки зрения объема содержания городского пространственного дискурса, под которым понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1998: 136–137].

ГПД наполнен знаками (кодами), принадлежащими различным модальностям. Витрина представляет собой значимый фрагмент ГПД, зачастую включающий разные модальности. Ведущей модальностью восприятия является, без сомнения, визуальная, так как текст (эргонимы, рекламные и информационные сообщения), изображения, цвета, формы, движение, воспринимаются именно визуально. Однако значение других модальностей: аудиальной (звуки, речь, музыка, шумы, интонации), тактильной (прикосновения, текстуры), ольфакторной (запахи и ароматы), – достаточно велико, помогая установить еще более прочную эмоциональную связь между адресантом коммерческого сообщения и его адресатом. Так, в казанском городском дискурсе улицы Баумана велика роль артефакта, который «выходит» за коммерческую витрину на пешеходное пространство, открывая возможность

тактильного восприятия (см. рисунки 1 и 2), а также музыкального сопровождения (см. рисунок 3).

Рис. 1. ул. Баумана, 2025 г. (дневное время)

Рис. 2. ул. Баумана, 2025 г. (дневное время)

Рис. 3. ул. Университетская, 2025 г. (дневное время)

На рисунке 3 представлена витрина магазина сладостей «ЖУЙ КОЛДУЙ». Визуальное восприятие витрины является вторичным, так как еще до него покупатель слышит главную тему из кинофильма о Гарри Поттере, и аудиальный код побуждает к поиску визуального подтверждения информации: на следующем этапе покупатель видит имя главного героя, написанное яркими красными буквами, и его изображение, что синонимично аудиальному коду. Третий этап «понимания» городского мультимодального текста происходит при декодировании эргонима. Таким образом, в современном ГПД выбор различных модальностей направлен на формирование цельного, гармоничного, запоминающегося образа. Разномодальные знаки синонимичны, дополняя друг друга и формируя «сильный» код: музыка (тема из «Гарри Поттера»), текст (имя главного героя), цвет (красная одежда факультета Хогвартса – Гриффиндора, красные чернила Гарри, малиновый поезд-экспресс в Хогвартс), шрифт (старинный стиль написания букв на вывеске). В то же время, модальности состоят в отношении иерархии.

На рисунке 1 и 2 представлены витрины, в которых визуальный код является первичным (идентификация артефакта в пространстве улицы), а тактильный – вторичным. Данные коды также синонимичны: название магазина «Казанский фермер» не противоречит тактильному восприятию артефакта – дерево, из которого сделана тележка, и цветов – природных объектов.

Однако визуальные знаки, не сочетаясь со знаками других модальностей, во многих случаях неоднозначны. Так, ГПД Эдинбурга отличается значительной степенью амбивалентности визуального кода на уровне цвета и изображения. Неоднозначность зависит не только от множественности вариантов трактовки, но и от подготовленности и индивидуального опыта интерпретатора. Например, следующие знаки витрин (см. рисунки 4 и 5) Лейт-Стрит (Эдинбург) вызывают разные ассоциации и трактовки.

Рис. 4. Лейт-Стрит, 2025 г. дневное время

Рис. 5. Лейт-Стрит, 2025 г. дневное время

На рисунке 4 одним из элементов витрины кофейни является табличка справа от двери. Неоднозначна трактовка цветов: в контексте Эдинбурга, где зеленый цвет именно этого оттенка довольно часто используется в оформлении витрин, это может быть одним из цветов тартана, особенно в сочетании с красным. Также зеленый фон может указывать на эко заботу пекарни, что прописано на ее сайте. Однако более неоднозначны изображение над названием кофейни и само название, семантика которых мало пересекается. Изображение может напоминать креветку, раковину с моллюском, веер, половину цветка. И только отдаленно оно может напоминать круассан, в том случае, если учитывать связь с референтом. Наиболее загадочным является название. Это и имя народа, обитающего на островах панамского залива, и денежная единица славян, и «куница» по-польски. Последний вариант значения кажется наиболее вероятным, ведь владельцы кафе являются выходцами из Польши.

На рисунке 5 цвет также несет значительную смысловую нагрузку. Цвета складываются в цветовой код британского флага, также они являются и традиционными цветами тартана, в тоже время красная дверь типична для шотландских домов, указывая на свободу хозяина дома от долгов, уверенность в завтрашнем дне. Кроме того, цветовое оформление витрины кофейни напоминает цвета вагонов Каледонского ночного поезда из Лондона в Эдинбург (рядом с кофейней находится вокзал).

Цветовая гамма казанского ГПД не столь неоднозначна. Гораздо чаще встречаются примеры амбивалентности вербального кода. Например, на рисунке 1 эргоним может пониматься двояко в зависимости от того, какими вербальными кодами владеет интерпретатор. Если только русским и татарским, то эргоним «Tatar Bazaar» он поймет как синоним слову «ярмарка». Адресат же, знакомый с культурой США, увидит в эргониме и название американского модного журнала, добавив дополнительные смыслы в концепцию заведения: «Здесь я могу купить модные, топовые, современные татарские национальные предметы одежды и интерьера».

Таким образом, неоднозначность визуальных знаков по-разному реализована в Казани и Эдинбурге. Сложность эдинбургского ГПД достигается амбивалентностью цвета и изображения, а сложность казанского ГПД передана амбивалентностью вербального элемента. Синонимичность разномодальных знаков снижает когнитивную нагрузку.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.

Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. №6 (38). С. 86–99.

Чертов Л.Ф. Место как категория пространственной семиотики // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 1 (53). С. 7–26.

E. V. Varlamova *(Kazan, Russia)*
Kazan (Volga region) Federal University

AMBIGUITY OF VISUAL SIGNS IN POLYLINGUAL URBAN SPATIAL DISCOURSES

Polylingual urban spatial discourse (hereinafter referred to as USD) is complex to understand because it combines various languages and cultures, significantly increasing the cognitive load on the interpreter. Among the visual signs in Edinburgh's USD, color and image are more ambiguous than in Kazan's USD, where ambivalence is characteristic of the verbal element. The use of different modalities within a single spatial object (showcase) reduces cognitive load.

Key words: polylingual urban spatial discourse, visual signs, ambiguity, complexity of comprehension, multimodality, heteromodal synonyms

Виньон Анани Кекели Фиоган Яник, М. М. Гасанов *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
1032239652@rudn.ru

АВТОХТОННЫЕ ЯЗЫКИ ТОГО: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Предлагается на материале проведенного анкетирования в Того рассмотреть символическую значимость основных автохтонных языков Того в сферах экономики и бизнеса, частной и публичной коммуникации в сопоставлении с французским языком. Показать, какие типы социальных репрезентации связаны с родными языками и как они сопряжены с функциональным распределением данных языков в коммуникативных доменах.

*Ключевые слова***:** языки Того, автохтонные языки, языковая ситуация, языковая лояльность, репрезентации языка, символический капитал

Республика Того является относительно небольшим государством в Западной Африке, граничащим с Бенином на востоке, Ганой на западе, Буркина-Фасо на севере и Атлантическим океаном на юге. Столица Ломе расположена в южной части страны. По данным Министерства развития, планирования и сотрудничества, по результатам последней всеобщей переписи населения и жилищного фонда (5-я перепись населения и жилищного фонда, 2022 г.) численность населения Того оценивается в 8 095 498 человек, из которых 48,7% составляют мужчины и 51,3% – женщины. В стране выделяется пять экономических регионов: Приморский регион, Плато, Центральный регион, Кара-Район и Саванна.

Эти регионы отличаются различными демографическими, экономическими характеристиками и этническим разнообразием. Основные представители северных групп: кабийе, тем, лоссо, дагомба, моба, а южные включают эве, мина, тамберма. Несмотря на относительно небольшие размеры Того, как и большинство африканских стран отличается высоким уровнем языкового разнообразия. Здесь насчитывается почти 40 коренных языков, среди которых эве и кабье являются национальными языками, а французский, унаследованный от колониального периода, имеет статус официального языка. Автохтонные языки Того объединены в две языковые группы: языки ква и языки гур, которые, в свою очередь, относятся к нигеро-конголезской языковой семье.

В настоящей статье ставится задача кратко описать особенности языковой ситуации в Республике Того с акцентом на параметрах функционального распределения французского, английского и автохтонных языков в различных коммуникативных доменах, с целью показать их символическую значимость и связанные с ней репрезентации. В теоретическом плане работа опирается на исследование языковой ситуации в Того, представленной в работе [Gblem-Poidi, Kantchoa 2018]. Концептуализация теоретического конструкта символического измерения языковой ситуации и репрезентации языка взята с опорой на работы [Москвичева и др. 2023; Москвичева, Гасанов 2024]. В методологическом плане, в том числе в общем дизайне исследования и разработке социолингвистической анкеты автор опирался на [Москвичева, Гасанов 2021]. Основным инструментом исследования было социолингвистическое анкетирование, проведенное в 2025 г. Респондентами были жители Того в возрасте от 18 до 35 лет, преимущественно со средним и высшим образованием. Всего в опросе приняло участие 150 респондентов.

Языковая ситуация Того определяется ее колониальным прошлым и в этом плане типична для африканских стран. Два автохтонных языка (эве и кабийе) имеют статус национальных, на них существует письменность, также они внедрены в систему начального школьного образования. Вместе с тем, официальным языком Того остается французский, на нем ведется делопроизводство, он же является язы-

ком системы образования. Ситуация осложняется постепенным расширением роли английского языка как проводника «мягкой силы» и безусловного символического капитала. Ниже (рис. 1) представлены данные по использованию языков в различных коммуникативных доменах в Того.

Рис. 1. Домены использования языков в Того (рисунок автора)

В семейном общении абсолютно преобладание автохтонного (родного) языка. 55% респондентов используют только автохтонный язык, 40% используют автохтонный и французский. Только французский язык фактически не используется. Автохтонные языки сохраняют позиции в актах коммуникации с друзьями и соседями. Однако, роль французского языка тем выше, чем более престижен и публичен домен общения: с друзьями/соседями его использую 21% респондентов, с университетскими товарищами – 37%. Если же речь идет о коммуникации с преподавателями, то французскому языку отдают предпочтение 70%, а роль автохтонных языков незначительна. Высока значимость французского языка в профессиональной сфере (72%), однако автохтонные языки имеют там неплохие позиции (24%). Французский язык абсолютно доминирует в письменной коммуникации. На графике представлены результаты опроса по использованию языка в письменной цифровой коммуникации (смс): 93% используют только французский, только 5% французский вместе с родным. Наконец, в доменах, которые можно рассматривать через призму культурной глобализации и переформатировании ценностной картины мира посредством механизмов «мягкой силы» (Дж. Най) резко возрастает роль английского языка: музыку в том числе на английском языке готовы слушать 57% респондентов, против 16% (только на французском), 11% (на французском и автохтонном) и 17% (только на автохтонном). Похожа ситуация с использованием английского в социальных сетях и цифровых ресурсах типа YouTube. Таким образом, в Того наблюдается сложное функциональное распределение родного (автохтонного), французского (официального) и английского языков, которое коррели-

рует со степенью интимного/публичного и формального/неформального общения. Английский язык выступает конкурентом французского языка в неформальном публичном киберпространстве.

Репрезентации тоголезцев относительно используемых языков французского и родного языка (эве, мина, кабийе, моба, икпоссо) исследовались в трех направлениях: работа, семья и идентичность, социальный престиж языка. Результаты опроса представлены на рисунке 2. Французский язык доминирует и представляется важным в профессиональной сфере, а именно он способствует успешной деятельности (работа), быстрому поиску места, карьере, более высокой зарплате, личному предпринимательству и бизнесу. Интересно, что в сфере предпринимательства значение автохтонных языков оценивается достаточно высоко (40%), что может быть связано с особыми типами родственных и иных этнических связей.

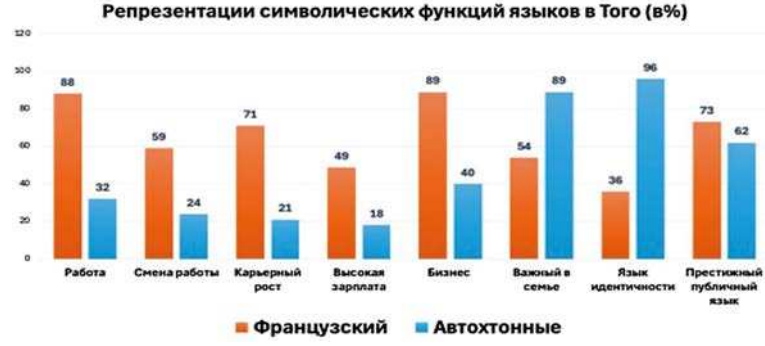


Рис. 2. Репрезентации символических функций языков в Того (рисунок автора)

Результаты исследования относительно важности французского и автохтонных языков в семье коррелируют с результатами по использованию этих языков в данном домене. Родные языки выступают как безусловный маркер идентичности и объекты приложения аффективных эмоций (96% респондентов). Репрезентации социального престижа языка показывают, что французский и автохтонные языки имеют близкие значения. Французский язык остается более престижным в публичной сфере, но разрыв между ними небольшой. Такие показатели свойственны ситуациям, где родные языки обладают высокой витальностью при спонтанной положительной лояльности [Moskvitcheva, Viaut 2021].

Исследование показало, что репрезентации языка и, в целом, символическое поле языковой ситуации коррелирует с функциональным распределением языков по коммуникативным доменам. При этом использование языка в преимущественно в семейном общении не является свидетельством его низкой витальности и престижа.

Литература

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 59–69.

Москвичева С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 689–715.

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социо-демографическими факторами // Социолингвистика. 2024. № 1 (17). С. 44–60.

Gblem-Poidi H.M., Kantchoa L. Les langues du Togo : État de la recherche et perspectives. L'Harmattan, 2018.

Moskvitcheva S., Viaut A. The Need for Minority Languages in Borderland Conditions: Field Research Methodology // Agranat T., Dodykhudoeva L. (eds). Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics. Cham: Springer, 2021. P. 52–68.

Vignon Anani Kekely Fiogan Yanick, M. M. Gasanov *(Moscow, Russia)*
RUND University

AUTOCHTHONOUS LANGUAGES OF TOGO: SYMBOLIC SIGNIFICANCE THROUGH THE LENS OF SOCIAL REPRESENTATIONS

This paper proposes, based on survey data collected in Togo, to examine the symbolic significance of the main autochthonous languages of Togo in the domains of economy and business, as well as in private and public communication, in comparison with the French language. It aims to show what types of social representations are associated with the indigenous languages and how these representations correlate with the functional distribution of these languages across communicative domains.

Key words: languages of Togo, autochthonous languages, language situation, language loyalty, language representations, symbolic capital

Л. И. Гишкаева *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
lgishkayeva@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАДЫ КОНЦЕПТОВ *ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ* В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Статья посвящена рассмотрению диады концептов ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ в русской и белорусской паремиологии. Предложено рассматривать юридические пословицы как отдельный тип паремий. Определены семантические доминанты, в соответствии с которыми происходит группировка юридических пословиц.

Ключевые слова: юридические пословицы, концепт ПРЕСТУПЛЕНИЕ, концепт НАКАЗАНИЕ, семантические доминанты, русский язык, белорусский язык

Пословицы, наряду с иными малыми жанрами фольклора, изучаются в рамках паремиологии как междисциплинарной дисциплины, одним из ключевых объектов изучения которой является паремиологическая картина мира – системное образование, передающее взгляд конкретного народа «о мире и его социокультурный опыт» [ПГ 2020: 35]. В современной паремиологии существует несколько основных (теоретически и методологически оформленных) аспектов изучения пословиц: фольклористический, этнографический, культурологический, филологический, лингвистический, семантико-когнитивный, аксиологический [Бочина 2023; Бредис, Димогло, Ломакина 2020; Иванов 2024; Ломакина 2023; ПП 2021].

Можно также выделить юридический аспект изучения пословиц, который целесообразно выделить из этнографического, культурологического и аксиологического аспектов. Эмпирическим основанием для выделения такого аспекта является то, что пословицы издавна использовались в качестве средства сохранения и воспроизведения обычного права (правовых обычаев), истоки которого уходят в первобытную древность, а нормы и правила которого являются элементами национальных (этнических) культур. Г.П. Лупарев к юридическим пословицам относит «народные изречения, отражающие правовые явления прошлой и настоящей жизни общества, раскрывающие, комментирующие, оценивающие содержание любых правоотношений, а также статус и деяния их субъектов» [Лупарев 2008: 624]. Юридические пословицы следует отличать от «номологических», в которых выражаются «законы существования природы и социума» [Иванов и др. 2022: 114].

Пословицы, как известно, являются одним из языковых средств репрезентации концептов. Юридические пословицы репрезентируют такие концепты, как ЗАКОН, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ВИНА, при этом сопредельными концептами выступают СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ГРЕХ и др. Ранее нами рассмотрен концепт ЗАКОН [Гишкаева 2024].

Предметом исследования в данной работе выступает диада концептов ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ в русской и белорусской паремиологических картинах мира. Материалом исследования послужили единицы из сборников «Пословицы русского народа» В.И. Даля; «Юридические пословицы и поговорки русского народа» И.И. Иллюстрова, «Беларускія прыказкі і прымаўкі» Ф.М. Янковского. Выбор источников мотивирован тематической организацией паремиологического материала. Так, в сборнике И.И. Иллюстрова показаны средства репрезентации правоотношений в русских пословицах [Иллюстров 1885: 84], а также дифференцированы группы пословиц, характеризующие как закон в целом, так и гражданское и уголовное право, судебную систему. В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даль выделяет рубрики «Закон», «Суд – Приказный», «Воровство – Грабеж» и др., кото-

рые объединяют пословицы, эксплицитно или имплицитно отражающие юридические отношения. В сборнике белорусских пословиц Ф.М. Янковского юридические пословицы сгруппированы в рубриках «Законы и суд», «Вина и наказание».

Мы исходим из положения о различных способах вербализации концепта с точки зрения представленности одноименного компонента (эксплицитно и имплицитно представленные) и/или функции в тексте («концепт – идея, концепт – авторский замысел, концепт – образ, концепт – художественный прием, концепт – языковой элемент» [Левитская, Ломакина 2004: 64]). В пословицах концепты «Преступление» и «Наказание» репрезентируются в неразрывной связи (как диада концептов).

Нарушение библейских заповедей является грехом, поэтому репрезентацию концепта «Преступление» следует начать с анализа пословиц с компонентом *грех* или его синонимами. Согласно исследованиям М.М. Маковского [Маковский 1996: 98], понятие «грех» соотносится с «действиями, способными навлечь беду, состоянием грешащего», наказанием, что представлено в русских пословицах: *От греха не уйдешь, а от беды не унесешься*; *Грех да беда на кого не живет* [Иллюстров 1885: 18]; то же и в белорусских: *Чый грэх, няхай таго будуць і пакуты* [БПП: 346]. Также понятие греха в пословицах отсылает нас к образу библейского первородного греха, в соответствии с которым *Не может человек безгрешны быть в свой век; От запада до востока нет человека без порока* [Иллюстров 1885: 18]; бел. *Перад богам грэх, перад людзьмі смех* [БПП: 228]. Склонность людей к преступлениям можно объяснить амбивалентным отношением к запретному плоду, который нельзя вкушать: *Грехи – любезны, доводят до бездны; Грех – сладок, человек – падок* [Иллюстров 1885: 19]; бел. *Варожая сіла на грэх спакусіла* [БПП: 208]; *І на дзеўку грэх бывае* [РБСП-1: 13].

Согласимся с мнением Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой, согласно которому «И.И. Иллюстров показывает, что в сознании русского народа имеется разграничение между вменяемостью и невменяемостью, которая характеризуется юридическими и медицинскими критериями» [Кузнецова, Тяжкова 2002: 177–179]: *Невольный грех отпускается* [Иллюстров 1885: 20]. То же и в белорусских пословицах: *Няведанне за грэх не лічаць*; *Няведанне – не грэшанне* [БПП: 197].

Неразрывная связь концептов ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ показана в следующих примерах, анализ которых позволил выделить семантические доминанты («семантика, объединяющая паремии как одного, так и нескольких языков, позволяющая выразить основные смыслы и морально-нравственные установки» [Ломакина 2021: 173]): 1) каждое наказание соразмерно тяжести проступка: *Каков грех, такова и расправа* [ПРН: 258]; *За грехи мука, за воровство кнут* [ПРН: 278]; 2) неотвратимость наказания, платы за преступление: *Легко воровать, да тяжело отвечать* [ПРН: 201]; *Клеветники на том свете раскаленные сковороды лижут* [ПРН: 227]; бел. *Таму ў яме пабыць, хто рашыў няпраўдай жыць* [БПП: 346].

Выделяется группа пословиц, в основе появления которых лежат знания о нарушениях морально-этических норм, а также последствия, которые могут возникнуть

в результате нарушения норм и законов. Эти единицы можно объединить в соответствии с семантическими доминантами: 1) не делай зла: рус. *Не бей лежачего* = бел. *Ляжачага не б'юць*; рус. *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* = бел. *Не капай яму другому, бо сам увалішся* [РБПС: 61, 84]; 2) тайное становится явным и конечным: рус. *На воре шапка горит* = бел. *У злодзея вушы гараць* [РБПС: 71]; рус. *Сколько веревочка ни вейся, конец будет* = бел. *Колькі вяровачку не віць, а канчыку быць* [БПП: 344].

Различные образы представлены в пословицах, вербализирующих рассматриваемую концептуальную пару. Например, гастроним *пироги* при квалификации греха как репрезентанта концепта «Преступление» в пословице *Грехи не пироги: пережевав, не проглотишь* [ПРН: 256]: проступки нельзя просто забыть и жить со спокойной душой: если человек совершил грех, то его последствия могут быть серьезными. Или топоним *болото* в аналогичном случае в белорусской пословице *Грэх не схаваеш у мех, не ўтопчаш у балота* [РБСП-2: 135]. В русской пословице *Невзначай рука в чужой карман пошла* [ПРН: 98] вербализации концепта «Преступление» служат образ руки, символизирующий инструмент преступления, и словосочетание *чужой карман*. В аналогичной по смыслу белорусской пословице *На грэх майстра няма* [РБСП-2: 88] невольность совершения греха, вербализирущего концепт ПРЕСТУПЛЕНИЕ, связывается с невозможностью его предотвратить, даже если человек является настоящим *мастером* своего дела.

Таким образом, диада концептов ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ репрезентирована пословицами, как эксплицитно, так и имплицитно выражающими отношение народа к греху, порокам, нарушению морально-этических норм. Выделение семантических доминант, проводимое в рамках лингвоаксиологического анализа, позволило представить структуру концепта, выделив его ценностные смыслы.

Литература

Бочина Т.Г. Пословица на века молвится: Избранные труды по русской паремиологии. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023.

БПП – *Янкоўскі Ф.М.* Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284.

Гишкаева Л.И. Средства репрезентации концепта закон в русском и английском языках (на паремиологическом материале) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 524–529.

Иванов Е.Е. Когнитивно-семантические типы пословиц // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 48–51.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Ершов В.И. Категоризация пословичной семанти-

ки: номологические пословицы // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 112–116.

Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М.: Типография В.В. Чичерина, 1885.

Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении. М.: Зерцало, 2002.

Левитская Н.А., Ломакина О.В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2004. С. 62–66.

Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.

Ломакина О.В. Ценностные константы русского мира: когнитивный анализ паремий // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 745–750.

Лупарев П.Г. Юридические пословицы и поговорки народов мира. М.: Норма, 2008.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный изд. Центр «ВЛАДОС», 1996.

ПГ – Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.

ПП – Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021.

ПРН – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: В университетской типографии, 1862.

РБПС – *Иванов Е.Е., Мокиенко В.М.* Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2007.

РБСП-1, 2 – *Иванов Е.Е.* Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001. Т. 1.

L. I. Gishkaeva *(Moscow, Russia)*
RUDN University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *CRIME–PUNISHMENT* IN RUSSIAN AND BELARUSIAN PAREMIOLOGY

The article is devoted to the studying of the concept of CRIME – PUNISHMENT in Russian and Belarusian paremiology. It is proposed to consider legal proverbs as a separate type of paremias. The semantic dominants are named, in accordance with which the grouping of legal proverbs occurs.

Key words: legal proverbs, concept of CRIME, concept of PUNISHMENT, semantic dominants, Russian, Belarusian

Л. Н. Гишкаева *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
gishkaeva-ln@rudn.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *СЕМЬЯ* В ЧЕЧЕНСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению концепта СЕМЬЯ как ценности в чеченской и русской лингвокультурах. Показаны особенности репрезентации данного концепта в фонде устойчивых единиц чеченского и русского языков.

Ключевые слова: паремиология, чеченский язык, русский язык, концепт СЕМЬЯ

В современной лингвистике пословицы все чаще рассматриваются как источник информации о системе ценностей народа [Гишкаева и др. 2021]. Изучение концепта СЕМЬЯ занимает одно из центральных мест в современной гуманитаристике, поскольку семья является не только базовым социальным институтом, но и ключевым хранителем культурной памяти, транслятором традиционных ценностей от поколения к поколению. Исследователи отмечают основные отношения внутри семьи [Ломакина 2024], определяют место родителей в становлении личности ребенка [Сувандии 2025]. Т.В. Глазкова, обращаясь к идеям Д.С. Лихачева, называет концептосферу языка концептосферой культуры, где семья выступает одним из основополагающих элементов, наряду с обычаем и верой: в семье происходит первичное усвоение культурных кодов, формирование идентичности и приобщение человека к национальной традиции.

Важным направлением современных исследований является сравнительно-сопоставительный когнитивный анализ. Исследователи, обращаясь к пословично-поговорочному фонду русского, чеченского и английского языков, выявляет как универсальные, так и национально-специфические черты восприятия семьи, при этом отмечают: что в чеченском языке концепт ДАЙМОХК ‘родина’ этимологически восходит к понятию «земля отцов», что подчеркивает сакральную значимость мужской линии и преемственности поколений. Чеченские паремии акцентируют ценность своевременного брака, уважения к старшим и огромную роль женщины как хранительницы домашнего очага [Довлеткиреева и др. 2019].

Чеченское слово *доьзал* ‘семья’ включает корень *доь*, который по своему смыслу родственно слову семя, которое сохранилось в устойчивых единицах *доь доцуш вайна*, *доьза вайна* (‘пропал, не оставив семени’), которые обозначают ‘бесследное исчезновение’. Русская лексема семья восходит к общеславянскому слову *sěmьja*, включающему корень *sěm* ‘семя, род’.

Концепт СЕМЬЯ отображает представления о семье в определенной культуре, он присутствует в картине мира каждого народа, но его структура и содержание варьируются в зависимости от мировоззрения народа, стереотипов его поведения, системы ценностей и мировосприятия.

Для русской лингвокультуры характерно следующее: ядерные смыслообразующие начала – «семья» как группа близких родственников (отношения муж–жена, родители–дети); трансформация понятия семьи – в понятие включаются не только нуклеарные семьи, но и более сложные отношения, членами семьи могут быть некровные родственники (мачеха, отчим, попечители и опекуны); оценочная зона образована как положительными, так и отрицательными характеристиками семьи; наблюдается упрощение терминологических номинаций разветвленных родственных отношений, отмечается «культ детей» и преимущество «кровных связей» над «общественными».

Концепт СЕМЬЯ в чеченском языке глубоко укоренен в традициях и культуре народа: семья является основой социальной структуры и играет ключевую роль в сохранении культурных ценностей и традиций. Рассмотрим некоторые ключевые аспекты, важные для понимания рассматриваемого концепта: 1) чеченская семья традиционно состоит из родителей, детей и часто включает старших родственников, здесь большое значение придается родственным связям и взаимопомощи внутри семьи, что отражается в лексике языка, где существуют специальные термины для обозначения разных степеней родства; 2) родословная (тейповая система) занимает важное место в чеченской культуре: Каждый человек принадлежит к определенному роду (тейпу), что влияет на его статус и положение в обществе; 3) мужчины и женщины имеют четко определенные роли и обязанности в семье: мужчина считается главой семьи, ответственным за ее защиту и обеспечение, женщина занимается домом, воспитанием детей и заботится о семейном благополучии. Эти роли отражаются в языке через специфические выражения и пословицы, например, *Долаца цхьалха ма шен мацала гечдар* ‘Дети похожи на свою мать’, где подчеркивается мысль о том, что дети наследуют характер и поведение и привычки своей матери, отражают ее воспитание и наставления); 4) важнейшими ценностями являются уважение к старшим, гостеприимство и честь семьи: Язык отражает эти ценности через метафорическое использование выражений, подчеркивающих важность уважения и чести; семейные события (свадьбы, рождение ребенка и похороны) сопровождаются особыми обрядами и обычаями.

Концепт СЕМЬЯ в чеченском языке представляет собой сложную систему, основанную на традиционных ценностях, уважении к старшему поколению и крепких семейных узах. Этот концепт отражает структуру семьи, родословную, роли и обязанности, семейные ценности и обряды. Понимание этих аспектов помогает осознать культурное наследие и особенности чеченского народа.

В русском национальном сознании муж и жена представляют некое биполярное единство: *Муж и жена – одно дело*; *Муж и жена – одна сатана.*

Семья создавалась на всю жизнь, поэтому и страшна была ошибка в выборе второй половины, что приводило порой к непредсказуемым последствиям: *Худая жена и хорошего мужика портит; На дуре женишься – сам в дураках будешь.* Так-

же у русских ценится уважение и любовь друг к другу: *Жена мужу не прислуга, а подруга*; *Где мир да лад, там и божья благодать.*

Однако одобряется и рукоприкладство мужа, если жена неверна или проявляет строптивый характер: *Воля и добрую жену портит*; *Чем больше жену бьешь, тем вкуснее щи.*

Выделяется группа паремий, посвященных воспитанию детей, где провозглашается необходимость почитать родителей, заботиться о них, а также трепетно относиться к детям, заботиться о маленьких членах семьи. Особое внимание уделяется родительскому авторитету, отец и мать своими делами, словами, поведением должны стать примером для следующего поколения. Основная мысль народной мудрости может быть сформулирована следующим образом: дети – не только счастье и подарок Бога, но и большая ответственность.

Создание семьи и воспитание детей – одно из важнейших жизненных испытаний, выпадающих на долю человека, ибо Бог сказал в своем священном Коране, что Он спросит человека о трех вещах: о нем самом (он делал, говорил …), о его семье и о его имуществе. Поэтому оставление семьи кем-либо из родителей или развод по незначительной причине, вследствие чего страдают дети, а также утрачиваются родственные связи, есть большой грех. В связи с этим стоит упомянуть, что в чеченской культуре особое место занимает сын. Он должен нести славное имя отца, оставить после себя многочисленное потомство, чтобы фамилия не пресеклась, стать сыном для всей страны – къонахом (настоящий мужчина). Это вовсе не означало, что рождение дочери в чеченских семьях воспринималось как несчастье. К дочери имелось свое особое уважение: «Дочь приносит в дом благополучие» [Ахмадов 2006: 53–57]. Например: рус. *Кто родителей почитает, тот вовек не погибает. Умел дитя родить, умей и научить*; чечен. *Дика доьзал кхиънарг нахалахь корта лекха хир ву* ‘Тот, кто воспитал хороших детей, тот перед людьми на голову будет выше’.

Большое внимание в пословицах рассматриваемой тематики уделяется взаимоотношению поколений, способам и необходимости трудового воспитания. Младшее поколение с раннего возраста приучается к труду родителями и бабушкой с дедушкой. Ценится та семья, где дети отличаются трудолюбием. В прошлом и русские, и чеченские семьи были большими. В одной семье могло быть 11–13 детей. В одном доме, дворе жили 3–4 поколения. Детям с раннего возраста прививают нравственно-этические ориентиры, в том числе и уважение к старшим: рус. *Молодой работает, старший ум дает; Старость к правде ближний путь знает*; чечен. *Деца къамел ма де, нана юккъе лелае* ‘С отцом не разговаривай, мать сделай посредником’; *Къиг т1еечча, къиг а г1оттy хьала* ‘И ворона встает, когда подлетает ворона’.

Супруги создают счастливую семью, если изначально чем-то были похожи. Это может быть сходство происхождения, социального положения, общность мировоззрения, одинаковые взгляды. Некоторые полагают, что муж и жена должны быть похожи внешне. Кроме того, пожив вместе, люди еще больше становятся похожими

друг на друга, перенимают привычки друг друга, создают единый мир, целостное пространство, в котором понимают друг друга с полуслова, что находит отражение в примерах: рус. *Муж – голова, жена – душа. Муж да жена – одна душа*; чечен. *Ц1инда – корта, зуда – ворта* ‘Муж – голова, жена – шея’; *Ц1индас ларахь, наха а лорур ю* ‘Если муж уважает, то и люди уважают’.

Паремии о семье выводят на первый план женское начало, свидетельствуя о том, что без женского положительного участия нормальный и счастливый семейный союз может разрушиться: рус. *Мир в семье женой держится*; *Добрая жена дом сбережет, а плохая – рукавом разнесет*; чечен. *Дикачу зудчо ледара мар къонахашка верзаво* ‘При хорошей жене и плохой муж становится настоящим мужчиной’; *Дика зуда боккха бахам бу, вон зуда – боккха бала бу* ‘Хорошая жена – большое благо, плохая жена – большая утрата’; *Зуда ийг1ина оьхуш елахь, кхин ялор дарба ду* ‘Если жена после каждой ссоры уходит, лучше на другой жениться’.

Сопоставительный анализ репрезентации концепта СЕМЬЯ в русской и чеченской паремиологии позволил установить сходство и различие, показать особенности проявления культуры при восприятии семьи как ценности.

Литература

Ахмадов М.М. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный: ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах», 2006.

Гишкаева Л.Н., Ломакина О.В., Макарова А.С. Отражение веры в бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2021. № 17. С. 135–147.

Глазкова Т.В. Семья в концептосфере русской культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 56–61.

Довлеткиреева Л.М., Гехаева С.И., Джантамирова А.А., Исмаилова А.М. Актуализация общечеловеческих концептов «родина», «знание» и «семья» в русском, чеченском и английском языках // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: Материалы Второй международной научно-практической конференции, 22-24 ноября 2019 г. (Грозный). Т. 2. Грозный: Издательство Чеченского государственного педагогического университета, 2019. С. 250–255.

Ломакина О.В. Концепт «дети» в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 58–62.

Сувандии Н.Д. Роль образов отца и матери в репрезентации концепта семья в тувинской лингвокультуре (на материале паремий) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 731–735.

L. N. Gishkaeva *(Moscow, Russia)*
RUDN University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT FAMILY IN CHECHEN AND RUSSIAN PAREMIOLOGY

The article examines the concept FAMILY as a value concept in Chechen and Russian linguocultures. The features of the representation of this concept in the fund of stable units of the Chechen and Russian languages are shown.

Key words: paremiology, Chechen language, Russian language, concept of FAMILY

Г. В. Григорьев *(Шэньчжэнь, Китай)*
Высшая международная школа Университета Цинхуа в Шэньчжэне
gvgrigorev@sz.tsinghua.edu.cn
Л. Н. Шевырдяева *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
lshevyrdyaeva@gmail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ ИИ-АССИСТЕНТОВ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕК–ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Статья посвящена исследованию формирующейся концептуализации взаимодействия человека и искусственного интеллекта (ИИ) через призму концептуальной метафоры. На материале частотных номинаций цифровых ассистентов – *assistant*, *copilot*, *sidekick* – описываются метафорические сценарии распределения агентности между человеком и ИИ. Анализ основан на корпусе примеров из технической документации, маркетинговых описаний и пользовательских обсуждений.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая номинация, ИИ-ассистент

Бурное развитие генеративного искусственного интеллекта (ИИ) и больших языковых моделей сопровождается не только технологическими прорывами, но и интенсивными процессами концептуализации и номинации новых реалий. Появление и широкое распространение в дискурсе компьютерных технологий таких единиц, как *prompt engineering, alignment, training,* свидетельствуют о постепенном формировании специальной лексики в сфере продуктов на основе больших языковых моделей. Важную роль в этом процессе играет концептуальная метафора (например, *hallucination, self-attention*), выступающая как когнитивный механизм осмысления, структурирования и вербализации новых объектов и процессов.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как фундаментальный механизм мышления, переносящий структуры знания из более конкретных и знакомых сфер опыта в новые области [Lakoff 1987]. В научном и техническом дискурсе

концептуальная метафора нередко становится средством формирования терминосистем как важный инструмент познания и развития значения [Манерко 2000; Мишланова 2002]. При этом метафорические номинации можно рассматривать как сценарии интерпретации новой технологической реальности, активирующие определенные модели социального взаимодействия и распределения ролей [Musolff 2016].

Одним из наиболее продуктивных направлений в сфере компьютерных наук является формирование системы номинаций ИИ-помощников путем в том числе метафорического переноса из области социальных ролей и форм взаимодействия. Настоящая работа рассматривает три устойчивые номинации, функционирующие в современном англоязычном дискурсе компьютерных технологий, – *assistant, copilot, sidekick* – и анализирует, как эти метафорические модели отражают сценарии взаимодействия между человеком и искусственным интеллектом. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления роли метафорической номинации в формировании представлений о возможностях цифровых систем и в становлении специальной лексики новой технологической области.

Для анализа было отобрано 60 контекстов (по 20 на каждую номинацию) из официальной документации (рекламной, девелоперской, юридической) цифровых продуктов: *Google Assistant*, *Microsoft Copilot Family*, *Adobe Acrobat AI Assistant*, *Alexa+*, *Jira AI Helper*, *Sidekick ClassDojo*, *Canva AI Assistant*, *GTM Assistant*, *Copilot Chat*, а также с популярных онлайн-платформ и форумов ИИ-сообщества (*GitHub*, *Microsoft Learn/Support pages*, *Slack*, блог *Sidekick AI* и других) за последние два года. Методология включает отбор устойчивых номинаций и качественный анализ контекстов употребления с точки зрения распределения ролей во взаимодействии между человеком и ИИ.

Распространенные метафорические номинации *assistant*, *copilot* и *sidekick* используются для описания функций генеративного ИИ, однако их статус варьируется от устоявшегося термина до маркетингового обозначения. Номинация *assistant* («ассистент», «помощник») в ряде случаев выступает как официальное наименование классов цифровых систем, например, голосовых помощников *Google Assistant* или виртуальных ассистентов в бизнес-приложениях. Модель *copilot* («второй пилот», «напарник») из относительно узкого названия конкретного продукта (*GitHub Copilot*) была масштабирована Microsoft и сегодня используется в линейке ИИ-решений компании (*Microsoft 365 Copilot*, *Windows Copilot* и других). В свою очередь *sidekick* («компаньон», «напарник», досл. «второстепенный персонаж») пока менее формализован: он встречается в названиях отдельных приложений (*ClassDojo AI Sidekick*, *Sidekick AI*) и используется в маркетинговых описаниях, но не стандартизирован.

Эти номинации, функционирующие на стыке профессиональной и массовой коммуникации, делают сложные технические понятия более доступными за счет проекции на знакомые социальные роли. С когнитивной точки зрения, они активируют фреймы социального взаимодействия (например, «помощник», «второй

пилот», «компаньон»), отражая представления пользователя о распределении инициативы, ответственности и контроля. Таким образом, выбор метафоры влияет не только на лексическую репрезентацию технологии, но и на восприятие статуса и возможностей цифрового агента, степени его автономности и субъектности в совместной деятельности. Закрепляясь в профессиональном дискурсе, такие обозначения могут постепенно становиться квазитерминами – единицами, обладающими терминологическими чертами, но функционирующими в широкой коммуникации [Володина 2000: 58].

В первой модели, ИИ как *assistant* / помощник выполняет вспомогательные функции по запросу пользователя, где человек выступает инициатором и сохраняет полный контроль, а ИИ – полезный инструмент для решения рутинных задач: установить напоминание, сгенерировать письмо, найти информацию, отформатировать текст и т.п. Рекламные слоганы вроде *AI that does the heavy lifting for you* или *Ready to help, anytime, anywhere* (*Google Assistant*) акцентируют сервисную функцию и подчеркивают пассивную, инструментальную роль ИИ в структуре взаимодействия. Подобное позиционирование минимизирует агентность ИИ: технология представляется расширением возможностей человека, но не самодостаточным актором. *Adobe Acrobat AI Assistant* рекламируется как функция, позволяющая *Talk to your PDFs* ‘задавать вопросы PDF-файлам’, таким образом, метафора помощника задает для ИИ роль подчиненного «служащего», где ИИ должен действовать строго по инструкции в рамках поставленных задач.

В то же время, сама номинация *assistant* стала синонимом программ с ИИ-функциями, что иллюстрирует постепенную терминологизацию метафоры: образ помощника прочно интегрирован в пользовательской и профессиональной коммуникации. Закрепление метафоры в ИТ-дискурсе также породило лексику, ориентированную на управление и результативность: *task*, *request*, *output*, *execute*, подчеркивая функциональный характер взаимодействия.

Модель ИИ как *co-pilot* / напарник, второй пилот описывает распределенную агентность, где ИИ выступает как со-участник, партнер в совместной деятельности, разделяющий с человеком когнитивную нагрузку и участвующий в решении задач: ИИ предлагает идеи, советы, участвует в обсуждении, но остается в подчинении. *GitHub Copilot* позиционируется как *AI pair programmer*, напарник-программист, который подсказывает код и решения, но оставляет за человеком итоговые правки и контроль. Microsoft в 2023–2026 гг. с оптимизмом продвигает этот образ, вплоть до интеграции *Copilot* в *Windows* и *Office*: *AI not as a threat, but as a co-pilot*, подчеркивая идею совместного творчества и «человека в контуре управления» (human-in-the-loop). В профессиональной среде эта метафора используется для повышения доверия: *This is Copilot as a co-developer* (*GitHub Copilot*). Лексика, сопровождающая метафору, смещается к области сотрудничества: *collaboration, workflow, co-creation, partner* и т.д. С одной стороны, здесь удобно представить ИИ как полноправного

участника процесса (*AI didn't write this; we did it together*), а с другой, номинация *co-pilot* подразумевает второстепенность: главным остается человек.

Третья модель ИИ как *sidekick* / компаньон, напарник (а также смежные номинации *companion*, *buddy*, *friend*) отражает тенденцию к персонификации технологии ИИ и ее более глубокой интеграции в личное и социальное пространство пользователя. Наделяемые памятью о прошлых взаимодействиях и чертами условной индивидуальности, эти номинации акцентируют квази-субъектность системы. Например, чатботы, предлагаемые как *AI companion* для общения и эмоциональной поддержки (виртуальный друг *Replika*, бойфренд от *HammerAI / Romantic AI*), формируют представление об ИИ как собеседнике или даже романтическом партнере, т.е. личностно значимом участнике взаимодействия. Платформа *ClassDojo* внедряет функцию *AI Sidekick* для учителей: *Saves you time and helps personalize learning*; в таких случаях цифровой агент воспринимается уже как коллега.

Эта модель с «очеловеченным» и вовлекающим (*engaging*) интерфейсом отражает высокий уровень включенности ИИ в повседневный опыт пользователя, при этом границы между техническим инструментом и социальным субъектом размываются. Потенциально, пользователь может переоценивать способность ИИ понимать и разделять эмоции, либо, напротив, испытывать разочарование, столкнувшись с ограничениями алгоритма, замаскированного под дружественного собеседника. Сопутствующая лексика этой модели смещается в область психологии и межличностной коммуникации: *persona*, *empathy*, *engagement*, *friend*, *coach* и т.д.

Проведенный анализ показывает, что распространенные метафорические номинации *assistant*, *copilot* и *sidekick* функционируют не только как обозначения технологических решений, но и как когнитивные модели взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Через обращение к знакомым социальным ролям они формируют своеобразную шкалу распределения агентности: от подчиненной инструментальной модели (*assistant*) через модель совместной деятельности и активного сотрудничества (*copilot*) к персонализированной модели почти партнерского взаимодействия (*sidekick*). В маркетинговых описаниях ассистентов подчеркивается контроль пользователя и безопасность, в контекстах со «вторым пилотом» – сотрудничество и интеграция в рабочие процессы, в сценариях с компаньоном – персонализация опыта и доверие. В современном ИИ-дискурсе эти метафорические номинации сосуществуют: образы «умного помощника», «цифрового напарника» и даже «ИИ-компаньона» отражают текущее восприятие функций искусственного интеллекта, нормализуют новую технологию через знакомые социальные роли и участвуют в формировании ее дискурсивной идентичности. Тем самым метафоры выполняют функцию когнитивной адаптации пользователя к новой технологической реальности.

Литература

Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии СМИ). М.: Издательство Московского университета, 2000.

Манерко Л.А. Категоризация в языке науки и техники // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань: Издательство Рязанского университета, 2000. С. 30–38.

Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Издательство Пермского университета, 2002.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Musolff A. Political metaphor analysis: discourse and scenarios. London: Bloomsbury Academic, 2016.

G. V. Grigorev *(Shenzhen, China)*
Tsinghua Shenzhen International Graduate School, Tsinghua University
L. N. Shevyrdyaeva *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

METAPHORICAL NOMINATIONS OF AI ASSISTANTS: CONCEPTUALISING AGENCY IN HUMAN–AI INTERACTION

This paper explores the emerging onceptualization of human–AI interaction through the lens of conceptual metaphor. Focusing on frequent naming patterns – *assistant*, *copilot* and *sidekick* – it examines metaphorical scenarios that structure the distribution of agency between AI and the human user. The analysis draws on a corpus of examples from technical documentation, marketing materials, and user discussions.

Key words: conceptual metaphor, metaphorical nomination, AI assistant, agency

С. И. Данилов *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
sergey2311@mail.ru

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ БУРЯТ УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКОГО ОКРУГА: МЕСТО БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируется структура культурных репрезентаций бурят Усть-Ордынского Бурятского округа и место бурятского языка в данной структуре. Основные методы – ассоциативный опрос и анкетирование. Обнаружено, что в миноритарной ситуации и в условиях языкового сдвига возрастает символическая значимость языка, сохраняется устойчивость ключевых элементов культуры.

Ключевые слова: буряты, бурятская культура, репрезентации культуры, миноритарные языки

Усть-Ордынский Бурятский округ (далее – УОБО) расположен в Иркутской области. На территории округа проживает 125 046 человек, из которых 41,4% явля-

ются бурятами, а остальные в подавляющем большинстве – русские [Иркутскстат 2023]. Языковая ситуация в округе характеризуется как двуязычная, с преобладанием русского языка; наблюдается снижение функционального потенциала бурятского языка и постепенный языковой сдвиг [Евсеева, Кулехова 2019]. В условиях языкового сдвига и угрозы утраты языка представляется актуальным исследование символического измерения языковой ситуации, в том числе репрезентаций (социальных представлений) языка и культуры, для поиска культурных элементов, обладающих потенциалом для ревитализации языка и культуры.

Анализ структуры культурных репрезентаций позволяет определить место языка в данной структуре и выявить ключевые элементы культуры. Так, например, были исследованы структуры социальных представлений тувинского языка и тувинской культуры [Москвичева и др. 2024] и было установлено, что «сдвиг в сторону увеличения значения символических функций произошел не только на уровне языковых практик, но и на когнитивном уровне репрезентаций языка. (…) А это значит, что меры по поддержке языка, направленные только на языковые практики не будут эффективны» [Москвичева и др. 2024: 219]. Для определения эффективных способов поддержки бурятского языка и культуры необходимо определить место языка в структуре культурных репрезентаций бурят, что является целью данной работы.

В методологическом плане исследование опирается на методику, разработанную С.А. Москвичевой [Москвичева, Гасанов 2024; Москвичева, Ли 2025]. Сбор эмпирического материала проводился в сентябре 2025 г. в УОБО и включал в себя два этапа. На первом этапе исследования был проведен ассоциативный опрос бурят, проживающих в УОБО. Участникам опроса было предложено написать все ассоциации, возникающие с бурятской культурой. В опросе принял участие 41 человек в возрасте от 18 до 70 лет. Посредством контент-анализа были выявлены наиболее часто упоминаемые ассоциации и был составлен список репрезентаций поля «Бурятская культура», представленный в (табл.). В скобках указано количество упоминаний культурных элементов участниками опроса.

Таблица. Список репрезентаций поля «Бурятская культура»

№	**Репрезентацияw**
1	Бурятская национальная кухня (28)
2	Национальный костюм (21)
3	Шаманизм и шаманские обряды (17)
4	Народные танцы и танец «Еохор» (15)
5	Праздник Белого месяца «Сагаалган» (14)
6	Душевные красивые песни и улигеры (12)
7	Родной бурятский язык (11)

8	Священный Байкал (10)
9	Бурятская юрта (9)
10	Буддизм, буддийские молебны, Дацан (8)
11	Спортивный народный праздник «Сурхарбаан» (8)
12	Национальная борьба «Бүхэ барилдаан» (7)
13	Почитание предков и уважение к старшим (6)
14	Большая родословная и крепкие семьи (6)
15	Стрельба из лука (4)
16	Конкурс красоты «Дангина» (4)
17	Бескрайние степи (4)
18	Кочевой народ (3)
19	Священные сэргэ (3)
20	Эпос «Гэсэр» (3)

На втором этапе исследования было проведено анкетирование, в котором приняли участие 236 человек. Респондентам предоставлялся список репрезентаций, полученный на первом этапе исследования, и предлагалось выбрать четыре репрезентации, которые наиболее ярко отражают бурятскую культуру (рис.).

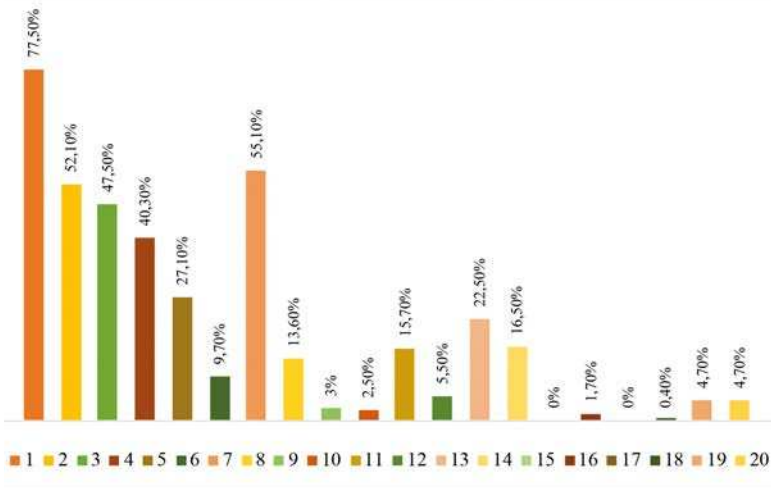


Рис. Результаты анкетирования

Анкетирование показало, что к наиболее репрезентативным элементам бурятской культуры УОБО относятся: бурятская национальная кухня (77,5%), бурятский язык (55,1%), национальный костюм (52,1%), шаманизм (47,5%) и народные танцы (40,3%). Можно предположить, что они являются ядром культуры бурят УОБО.

Высокая оценка бурятской национальной кухни, национального костюма и народных танцев объясняется высокой степенью визуализации и частой актуализацией в публичном пространстве – на праздниках, культурных мероприятиях, в туристической сфере и др. Данные элементы культуры устойчивы и социально одобряемы, они являются важными маркерами идентичности.

Бурятский язык входит в число наиболее значимых элементов культуры согласно анкетированию (2 место – 55,1%), но занимает 7 позицию в списке репрезентаций по результатам ассоциативного опроса, что косвенно подтверждает ситуацию языкового сдвига, но при этом отражает высокую символическую значимость бурятского языка. Возрастание символической значимости наблюдается и в использовании языка, так Ч.С. Цыбенова отмечает, что «при сокращении числа активных носителей бурятский язык остается важным символом этнической идентичности» [Цыбенова 2026].

Шаманизм исторически был и остается исконным верованием западных бурят. Ко времени присоединения Прибайкалья к России в XVII в. Буряты исповедовали шаманизм, при этом исследователи отмечают, что «бурятский шаманский пантеон XVII–XVIII вв. был довольно сложным. У бурят различных районов можно обнаружить особенности шаманского культа как в деталях, так и в представлениях о главных божествах» [Дамешек 1995: 105]. Шаманизм по сей день играет важную роль в жизни бурят УОБО – на территории округа есть священные шаманские места, проезжая мимо которых местные жители останавливаются и совершают «капание» духам местности и оставляют угощения. Члены каждого рода собираются на ежегодные *тайлаганы*, чтобы совершить обряды и почтить предков. По результатам ассоциативного опроса шаманизм занял 3 позицию, и 4 – по итогам анкетирования. Шаманизм может расцениваться как маркер не только этнической, но и конфессиональной идентичности бурят.

Таким образом, в структуре культурных репрезентаций бурят УОБО важнейшее место занимают национальная кухня, бурятский язык, национальный костюм и шаманизм (шаманские обряды). Как видно, языковая ситуация в округе отражается и на системе культурных репрезентаций, месте языка в ценностной системе, повышении символической роли языка. Прочно сохраняется культурная специфика – кухня, национальная одежда и шаманизм. Это те элементы культуры, которые вместе с языком, играют важную роль в идентификации бурят.

Литература

Иркутскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области: офиц. Сайт. URL: https://38.rosstat.gov.ru/folder/107576# (дата обращения: 19.03.2026).

Евсеева И.В., Кулехова А.М. Современная языковая ситуация в Иркутской области: причины языкового сдвига (на материале русского и бурятского языков) // Научный диалог. 2019. № 10. С. 128–143.

Москвичева С.А., Сувандии Н.Д., Александрова О.И. Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 203–225.

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социо-демографическими факторами // Социолингвистика. 2024. № 1 (17). С. 44–60. DOI: https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-17-44-60

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Социолингвистические категории языков КНР: структурная модель обыденных представлений и ее визуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. №4 С. 2002-2020.

Цыбенова Ч.С. Эмоционально-оценочный фактор в функционировании бурятского языка: параметры символической мощности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2026. № 1 (54). С. 138–146.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л.М. Дамешек. М.: Прогресс, 1995.

S. I. Danilov *(Moscow, Russia)*
RUDN University

THE STRUCTURE OF CULTURAL REPRESENTATIONS OF THE BURYATS OF THE UST-ORDA BURYAT OKRUG: THE PLACE OF THE BURYAT LANGUAGE

The article analyzes the structure of cultural representations of the Buryats living in the Ust-Orda Buryat Okrug and the place of the Buryat language within this structure. The main research methods include an associative survey and a questionnaire-based survey. The study demonstrates that in a minority context and under conditions of language shift, the symbolic significance of the language increases, while the stability of key cultural elements is maintained.

Key words: Buryats, Buryat culture, cultural representations, minority languages and cultures

М. А. Еливанова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
melivanova@yandex.ru
В. А. Семушина *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
haleruа@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕПТА *СЕМЬЯ* С ВОЗРАСТОМ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕСТВА

Анализируются ассоциации к стимулу *семья* 181 представителя русскоязычного общества от дошкольного (с 3 л.) до пожилого (80 л.) возраста, моделируется структура концепта. Обнаружено, что в детстве и зрелом возрасте концепт формируется под влиянием личного опыта, у молодежи он обусловлен представляемой моделью семьи, у представителей пожилого поколения – сравнением своей конкретной семьи с идеальной моделью, подведением итогов.

Ключевые слова: детская речь, когнитивная лингвистика, концепт, онтолингвистика, семья

Язык традиционно принято определять как знаковую систему. Несмотря на разнообразие представлений о языковым знаке, он всегда связывает звуковую оболочку слова – материальную, звучащую, или представленную отраженно в сознании (означающее по: [Соссюр 1999]) – и понятие (означаемое по Соссюру; в переводе на англ. *Concept*). Понятие, стоящее за звуковой цепочкой в сознании, может корректироваться, изменяться под влиянием опыта человека. В детские годы такие изменения довольно значительны [Лурия 1998; Гольдин, Сдобнова 2015], но и во взрослом возрасте они имеют место.

З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что язык становится «средством доступа к содержанию концептов» [Попова, Стернин 2007: 12], акцентируя в определении концепта его тесную связь с мышлением: «Концепт – дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием…» [Попова, Стернин 2007: 24]. Другие исследователи (например, [Бабушкин 1996]) уделяют большое внимание вербализации концепта. Термин «концепт» ученые трактуют неоднозначно, определяя его место на оси континуума «язык – мышление».

Цель исследования – описать структуру концепта СЕМЬЯ в картине мира представителей разных возрастных групп русскоязычного общества. В толковых сло-

варях первое значение слова определяется как «группа живущих вместе близких родственников» [Ожегов 1989: 710].

Методом сбора данных являлся ассоциативный эксперимент (АЭ): участникам предлагалось дать 5 ассоциаций-реакций на стимул «семья». Специфика эксперимента заключается в том, что каждая следующая реакция может быть вызвана не просто исходным стимулом (в нашем случае – *семья*), а предыдущей реакцией. Такой вариант АЭ принято назвать цепочечным; его данные могут быть весьма информативны при характеристике концептов; при желании набор реакций разворачивается в целый текст-описание (см., например, исследование Т.А. Гридиной и Н.И. Коноваловой о концепте БРАК [Гридина, Коновалова 2020]).

Участников эксперимента в количестве 181 человек решено было разделить на возрастные группы: дети дошкольного возраста 3 л. (6 человек) и 5–7 л. (16 испытуемых), посещавшие детский сад; подростки 10–13 л. (33 респондента) и 15–18 л. (56 испытуемых) – учащиеся школ и лицеев Санкт-Петербурга; 24 представителя молодежи 19–24 л., в основном учащиеся вузов Санкт-Петербурга; 32 респондента зрелого (42–55 л.) и 14 пожилого (66–80 л.) возраста. Респондентов молодого–зрелого возраста мы просили заполнить электронные анкеты, учащиеся школ, и некоторые представители старшего поколения заполняли бумажный вариант анкеты или отвечали устно; ответы дошкольников мы фиксировали в ходе индивидуальной беседы и иногда задавали вопросы, стимулируя речевую деятельность детей. Не все респонденты давали 5 реакций – некоторые больше, другие ограничивались 2–3 ответами.

Структуру концепта СЕМЬЯ представляется удобным описать как фрейм – рамку, в которой можно выделить части – слоты (см., например, [Попова, Стерин 2007; Evans 2009]): 1) родственники / члены семьи (что соответствует определению в толковых словарях), 2) эмоции и ценности, 3) общий быт и совместная деятельность, 4) единство и 5) финансы (о составе слотов в некоторых возрастных группах подробно в [Еливанова, Семушина 2024, 2025]).

С возрастом доля реакций каждого слота, как и их качественный состав, изменяется. Например, ответы, которые выявляют слот «члены семьи», у детей 3 л. Составляют абсолютное большинство реакций, причем наряду с *мама* и *папа* часто появляются имена собственные братьев или сестер (*Таня, Маша, Анфиса*); почти все респонденты 5–7 л. Дали реакции *мама* и (чуть реже) *папа*, но имена собственные уже практически не встречались, зато появилась реакция *родители* (2 респондента из 16) наряду с *дети.* Дошкольники не мыслят семью без детей (*семья без детей не бывает / если детей нет – не семья*, *не как должно быть*). В этот же слот входят термины родства (*брат / братик*, *сестра / сестричка, бабушка, дедушка / дед*). У дошкольников реакции, связанные с перечислением родственников, занимают 67%. В следующих возрастных группах происходит уменьшение количества ответов, обозначающих членов семьи: у подростков 10–13 л. Их 43%, у 15–18-летних молодых людей – 14%, у молодежи – 10%. К зрелому возрасту доля реакций –

названий родственников опять увеличивается: у респондентов 42–55 л. – 32%, у 66–80-летних – 21%. К подростковому возрасту в употребление входят официальные термины родства (*мать, отец*), к возрасту 15–18 л. Чаще встречаются слова-реакции *ребенок / дети* (у 13 из 56 респондентов), чем *мама / мать* (у 8) или *папа / отец* (у 4); ответ *родители* встретился 3 раза. У молодежи 19–24 л. Реакций *мама* и *папа* не было отмечено (но 5 раз прозвучало слова *родители*), а *дети* зафиксировано у 12% респондентов.

Совершенно очевидно, что наполнение слота «члены семьи» зависит от того, в какой ситуации находится каждый респондент: частотные в дошкольном возрасте реакции *брат* и *сестра* очень редки у респондентов остальных возрастных групп, количество реакций *бабушка* и *дед* / *дедушка* также уменьшается. К подростковому возрасту дети осознают свою личность, в реакциях появляется *я,* а в последних 2 возрастных группах встречаются *муж, жена, супруга* и очень частотна (конкурирует с реакцией *любовь* за 1 место) ассоциация *дети*. Самый широкий спектр терминов родства выявлен у представителей зрелого поколения (42–55 л.).

Вторым по частотности реакций в дошкольном возрасте (23%, почти четверть) и первым во всех остальных группах (46% у детей 10–13 л., 73% у 15–18-летних респондентов, 67% у молодежи, 46% у представителей зрелого и 64% – пожилого поколений) является слот «эмоционально-ценностный». Во всех возрастных группах встретилась реакция *любовь* (у 3-летних и 5–7-летних – по одному разу, в следующих группах – самая частотная реакция; у респондентов пожилого возраста чаще, чем *любовь*, встречалось слово *дети*). Нужно, однако, заметить, что далеко не все испытуемые это слово назвали: ответ зафиксирован у 2/3 представителей молодежи и чуть более половины людей зрелого возраста; менее чем у половины представителей остальных возрастных групп. Абсолютное большинство ассоциаций слота связаны с положительными эмоциями и демонстрируют ценность семьи для принявших участие в эксперименте: у малышей часто представлено описание ценности через действия (*когда человек другого человека любит*, *бережно относится*, *ухаживают*), представители более старших поколений дали ассоциации абстрактными лексемами, среди которых преобладают *счастье*, *поддержка*, *забота*, *помощь / взаимопомощь*, *понимание / взаимопонимание, радость*. В юношеском возрасте (15–18 л.) и старше в слоте обнаруживается ценностный элемент, связанный с преемственностью поколений (*наследие, традиции*; в зрелом поколении – *память, альбом*). У поколения респондентов 66–80 л. Фиксируются реакции, отражающие особый менталитет и образ жизни советского человека: *многонациональная, труженики, лепка пельменей, печеный хлеб*; последние 2 реакции можно отнести к слоту «совместный быт и общая деятельность», но в них читается ценностный аспект, связанный с ощущением уюта и тепла.

Лишь у 7 из 181 респондента возникли ассоциации, отражающие отрицательные эмоции и «антиценности», причем у детей в начале подросткового возраста (2 маль-

чика в группе 10–13 л.: *ссора*, *скучно*, *зависимость*, *измена*) и у молодежи (2 мужчины 23 л.: *конфликт*, *ссора*, *столкновение интересов*) лексемы-реакции не имеют жесткой эмоциональной окраски, а у 2 молодых людей и девушки 15–18 л. (*боль*, *назойливость*, *половина семьи идиоты*, *усталость, внешнее давление* и т.д.) имеют.

Стабильным остается количество реакций (около 10%) слота «общий быт, совместная деятельность» у всех поколений, кроме зрелого, у которого зафиксировано 21% ответов описываемого слота, – это поколение как раз в основном и организует совместный быт (примеры ассоциаций: *дом* (самая частотная), *быт*, *развлечения*, *общение*, *еда*, *обед*, *совместные ужины* и т.д.).

Слот «единство» занимает небольшой объем структуры концепта СЕМЬЯ (1–2% всех ответов), скачок доли входящих в него реакций происходит у молодежи, которая строит модель семьи (8% ответов), и у представителей пожилого поколения (6%).

Лишь у молодежи в период планирования совместной жизни актуализируется проблема финансов: реакции *деньги*, *зарплата*, *бюджет* составляют 3% ответов.

Итак, концепт СЕМЬЯ является сложным. Значительная часть его содержания связана с ценностями, эмоциональными отношениями, которые складываются между членами семьи. Формирование концепта движется по пути от «конкретной родительской семьи» в детстве к «модели семьи, которую построю» в молодом возрасте – «конкретной собственной семье» в зрелом возрасте – оценке и подведению итогов в пожилом возрасте.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 34. С. 174–187.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 27–47.

Еливанова М.А., Семушина В.А. Концепты «Семья» и «Брак» в картине мира детей разного возраста // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 4. С. 26–36.

Еливанова М.А., Семушина В.А. Особенности наполнения концептов ‘семья’ и ‘брак’ в картине мира представителей четырех поколений русскоязычного общества // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. № 166 (5). С. 80–94.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1998.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.

Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. Oxford: Oxford University Press, 2009.

M. A. Elivanova *(Saint Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia
V. A. Semushina *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

TO THE QUESTION OF TENDENCIES OF CHANGING CONCEPT FAMILY WITH AGE IN REPRESENTATIVES OF RUSSIAN-SPEAKING SOCIETY

Associations to stimulus *family* of 181 representatives of Russian-speaking society from preschool (from 3 years old) to elderly (80 years old) age are analyzed, the structure of the concept is modeled. It has been found that in childhood and adulthood, the concept is formed under the influence of personal experience, with young people it is determined by the imagined family model, and with older generation it is determined by comparing their specific family with the ideal model and summarizing the results.

Key words: child language, cognitive linguistics, concept, ontolinguistics, family

М. А. Ионова *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ionova@tsutmb.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭМОЦИИ ГНЕВА, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМАЯ СЕНСОРНЫМИ ОЩУЩЕНИЯМИ

В статье рассматривается метафорическая интерпретация эмоции гнева через призму сенсорных ощущений на материале трех языков. е модели, посредством которых гнев концептуализируется через опыт пяти чувств.

Ключевые слова: метафора, эмоция, гнев, языковая интерпретация

Л.А. Новиков писал: «…лексико-семантическая система языка…отражает в нашем сознании существенные свойства внеязыковой действительности и играет важную роль в организации и регулировании отношений между человеком… и окружающим миром, в познании закономерности объективной реальности» [Новиков 1982: 68]. Размышления о слове, по мнению Л.А. Новикова, как способе интерпретации предметной реальности, а также о слове как о категории, объединяющей похожие элементы и отражающей в сознании окружающий мир, стали основой для формирования основных вопросов онтологии языка [Там же]. К числу таких вопросов, как представляется, можно отнести и способы метафорической интерпретации окружающего и внутреннего мира человека.

В теории языковой интерпретации мира Н.Н. Болдырева также специально подчеркивается активность языка в интерпретации реальности: значения формируются не как пассивные «слепки» действительности, а как результат когнитивной обработки опыта сквозь призму культурных, социальных и индивидуальных фильтров

[Болдырев 2011]. В рамках этой парадигмы метафора выступает не столько стилистическим приемом, сколько основным механизмом концептуализации, позволяющим осмысливать абстрактные сферы (в том числе эмоции) через более конкретные, чувственно воспринимаемые области [Болдырев 2009].

Эмоция гнева – одно из фундаментальных переживаний человека, обладающее мощной энергетической и коммуникативной силой. Ее языковая репрезентация неизменно привлекает внимание исследователей в области когнитивной лингвистики, психолингвистики и теории метафоры. Особое место в осмыслении гнева занимают сенсорные метафоры – образные переносы, опирающиеся на телесный опыт восприятия мира через пять чувств.

Идея о том, что метафорические проекции непосредственно связаны с телесным, чувственным восприятием мира и формируются на базе эмпирических моделей, которые фиксируют физический опыт человека во взаимодействии с окружающей действительностью, легла в основу теории первичной метафоры, см.: [Grady 1996]. Дж. Грейди выдвигает тезис о том, что первичные метафоры укоренены в универсальном человеческом опыте. Исходя из этого, он утверждает: поскольку такие метафоры лишены культурной специфики, они должны присутствовать во всех языках.

В этом положении, однако, О.И. Калинин, например, усматривает определенное противоречие, с которым трудно не согласиться. Суть его сводится к следующему тезису. Несмотря на процессы глобализации, культурные различия между разными народами порой оказываются настолько значительными, что способны влиять даже на базовое, казалось бы, универсальное восприятие опыта. Иными словами, хотя содержание исходной сферы может носить универсальный характер, его интерпретация – даже в предельно абстрактной форме – вряд ли может считаться полностью свободной от культурного контекста [Калинин 2025: 42]. Об этом в некоторой степени свидетельствует и анализ материала трех языков, в котором эмоция гнева метафорически интерпретируется через сенсорные ощущения.

Рассмотрим примеры прежде всего универсальной метафорической интерпретации гнева, репрезентируемой через **температурные ощущения**: *Тогда Чертопханов, весь* ***пылая стыдом и гневом****, чуть не плача, опустил поводья и погнал… чтобы только исчезнуть поскорее с их проклятых глаз!* (И.С. Тургенев); *Of course, you did not want to kill your husband that night, but you acted in the* ***heat of anger*** *and not out of fear for the purpose of avoiding defense* (BNC); *Si par hasard nos yeux se rencontroient, quoique ternes et affoiblis, ils* ***s'enflammoient encore du feu de la colère*** *et de* l'indignation (TLF).

Во всех трех языках гнев систематически метафоризируется через образы жара, огня и горения. С когнитивной точки зрения метафора *огонь/жар > гнев* продуктивна: она позволяет градуировать интенсивность, описывать динамику и связывать эмоцию с телесными проявлениями.

Существует и иная, менее распространенная, но тем не менее универсальная метафорическая трактовка гнева. Она основана на ассоциации этой эмоции с **вкусовым ощущением**, например горечи: *Волк обернулся к нему, в косых глазах мелькнул* ***горький гнев*** (М.А. Булгаков); *He felt a* ***bitter anger*** *at Bampfylde who had lied about a malady* (R. Sharpe); *Elle était envahie par* ***une amertume*** *mêlée de colère après avoir apprisla vérité* (TLF).

Метафора позволяет передать тягостный, едкий оттенок переживания, подчеркивая его неприятный, «оставляющий послевкусие» характер. Кроме того, она опирается на культурно закрепленную символику горечи как знака обиды, разочарования и душевной тяжести. Несмотря на меньшую частотность по сравнению с огненной метафорой, модель *горечь > гнев* демонстрирует единый когнитивный механизм – осмысление эмоции через сенсорные, прежде всего вкусовые, образы.

Метафорическая интерпретация гнева через **зрительное ощущение** особенно выразительна, потому что визуальные реакции напрямую отражают физиологические проявления эмоции и мгновенно считываются окружающими. В данной категории можно выделить сразу три модели концептуализации, первая и самая универсальная *красный цвет > гнев*: *Я впал в ярость, голову заклинило,* ***глаза налились кровью****, я немногим отличался от картинки быка с ближайшей афиши, возвещающей о грядущей корриде* (А.А. Матвеев); *He didn't speak,* ***but his eyes were burning coals*** *— glowing with a silent heat that made everyone uncomfortable* (BNC); *Christophe* ***vit rouge****: il fut tout près d'appliquer son poing sur le mufle du grand-duc …* (R. Rolland).

Во всех случаях красный цвет и огненные образы работают потому, что напрямую отражают реальные реакции тела, культурно закреплены как знаки опасности и агрессии, а также обладают сильной эстетической выразительностью.

Вторая модель метафоризации через зрительное ощущение: *нарушение зрения > гнев*: *Он и его жена Софья, тупая курица, все боялись хозяйку!* ***Красная пелена гнева*** *застлала Тане глаза* (НКРЯ); *Eugene felt anger,* ***a small red spot*** *in the middle of his field of vision* (D.H. Lawrence); *Alban lui proposa son billet, mais le vieillard lui fit* ***un oeil noir****, croyant qu'il s'agissait d'un revendeur suspect* (TLF).

Метафорическое представление гнева через нарушение зрения в анализируемых языках демонстрирует явные лингвокультурологические различия. В русском и английском языках также используется образ красного цвета, но при этом акцент сделан на субъективном физиологическом переживании – искажении зрения, вызванным эмоциональным напряжением. Во французском варианте, напротив, ключевую роль играет идиома с черным цветом, которая фиксирует невербальный сигнал – взгляд полный гнева.

Третья модель метафоризации интерпретируется через полную потерю зрения: *ослепление > гнев*: *Это было так понятно, но государь,* ***ослепленный гневом****, не хотел понимать этого и досадовал на императрицу* (Н.Э. Гейнце); *The realization that I had been betrayed and poisoned filled me with* ***blind anger*** (BNC); *Il a poursuivi sa vengeance sans relâche,* ***aveuglé par la colère*** *et la soif de justice* (TLF).

Эта универсальная метафора является инструментом для выражения сущности гнева: человек перестает опираться на наглядный образ слепоты для передачи когнитивного и эмоционального эффекта: под властью гнева человек перестает воспринимать реальность адекватно, теряет критичность суждения и действует импульсивно. Ее кросс-культурная устойчивость говорит о том, что опыт потери ясности под натиском гнева – общечеловеческий, а язык находит для него емкий и наглядный способ выражения.

Предположение о том, что примарные метафоры не будут универсальны для всех языков, находит свое подтверждение в метафорической интерпретации гнева через **ольфакторное ощущение**, т.е. с помощью распознавания запахов, которая реализуется только во французском языке: ***La moutarde me monte au nez*** *je distribue à droite et à gauche des coups de cravache…* (A. Theuriet).

В выражении *la moutarde me monte au nez* гнев передан через ольфакторный образ: ощущение запаха горчицы, метафорически фиксирует момент нарастающего раздражения и потери самоконтроля. В русском и английском языках подобная интерпретация не обнаружена.

Исследование показало, что метафорическая интерпретация гнева через **слуховое ощущение** не используется в анализируемых языках. Через слух происходит лишь восприятие проявления гнева, который возникает до и вне слухового акта. Слух лишь информирует субъекта о том, что кто-то другой испытывает гнев, но не порождает это переживание.

Таким образом, метафорическая интерпретация гнева через сенсорные ощущения демонстрирует одновременно универсальные паттерны и лингвокультурную специфику. Это показывает, что, несмотря на общность физиологической основы гнева, его языковая репрезентация варьирует в зависимости от культурных и языковых традиций, сочетая универсальные метафорические схемы с самобытными образными решениями.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 25–77.

Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № I (93). С. 9–16.

Калинин О.И. Метафора как предмет лингвистических исследований. М.: РУСАЙНС, 2025.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. Школа, 1982.

Grady J. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language, A. Goldberg (Ed.). Stanford: Center for the study of Language and Information Publications, 1996.

M. A. Ionova *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

METAPHORICAL INTERPRETATION OF THE EMOTION OF ANGER THROUGH SENSORY SENSATIONS

The article analyzes aspects of metaphorical interpretation of the emotion of anger through sensory perceptions in Russian, English and French, based on various cognitive models.

Key words: metaphor, emotion, anger, linguistic interpretation

Э. Р. Кадырмаева, С. И. Данилов *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
kademiliya@mail.ru, *sergey2311@mail.ru*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ[1]

Актуальность обусловлена необходимостью осмысления регулирования языка вывесок как инструмента языковой политики. Цель – выявить их влияние на языковой ландшафт и социальные представления. Используются методы анализа и социологического опроса. Результаты показывают перераспределение функций языков и неоднозначное восприятие данных мер.

Ключевые слова: языковая политика, языковой ландшафт, коммерческие вывески, социолингвистика, социальные представления

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа закона, регулирующего язык коммерческих вывесок, а также изучения общественного восприятия языкового оформления городской среды. В центре внимания находится влияние данного регулирования на языковой ландшафт и языковые практики. Цель работы – проанализировать регулирование языкового ландшафта современной России на примере закона о языке вывесок и выявить его влияние на структуру языкового пространства и общественное восприятие. В работе рассматриваются теоретические подходы к изучению языкового ландшафта, анализируется языковая политика в данной сфере и ее последствия, а также вопросы, связанные с репрезентациями языка в обыденном сознании [Москвичева и др. 2023; Москвичева и др. 2022].

Исследование основано на анализе научной литературы и данных социологического опроса (60 респондентов), что позволяет сопоставить теоретические положения с эмпирическими результатами.

1. Теоретические основы изучения языкового ландшафта. Понятие языкового ландшафта было введено Р. Ландри и Р. Борхисом, которые определили его

[1] Автор выражает благодарность И.А. Серову за помощь в организации и проведении социологического опроса.

как совокупность письменных текстов в публичном пространстве и показали, что представленность языка служит маркером социального статуса и власти языковых сообществ [Ландри, Борхис 1997]. Они также выделили две ключевые функции языкового ландшафта – информативную и символическую, позволяющие оценивать положение языка в обществе.

В дальнейшем данная концепция была расширена рядом исследователей. Д. Гортер рассматривает языковой ландшафт как динамическую систему, отражающую социальные изменения и процессы глобализации [Гортер 2007]. К. Торкингтон вводит представление о его перформативной функции, подчеркивая роль языковых знаков в конструировании социальной реальности [Торкингтон 2009]. Х. Келли-Холмс акцентирует внимание на символическом и маркетинговом использовании языка, связывая выбор языка в вывесках с формированием образа престижности и современности [Келли-Холмс 2019]. В отечественной науке Е.В. Киселева, И.Л. Дмитриева и И.В. Якманова дополняют функциональную классификацию, выделяя образовательную, социальную и психологическую функции языкового ландшафта [Киселева и др. 2019].

Таким образом, языковой ландшафт рассматривается как комплексный объект анализа, отражающий взаимодействие языка, общества и пространства. Это позволяет интерпретировать языковой ландшафт современной России как пространство, в котором пересекаются глобализационные процессы, коммерческие практики и государственное регулирование языка.

2. Языковой ландшафт России и его государственное регулирование

Языковой ландшафт современных российских городов характеризуется значительным присутствием иноязычных элементов в названиях коммерческих объектов. Вывески на английском языке, такие как *Coffee Shop*, *Beauty Studio*, *Barbershop*, *Nail Bar*, *Fitness Club*, стали устойчивой частью городской среды, отражающей современные культурные и экономические процессы. В социолингвистическом подходе такие элементы рассматриваются не только как средства навигации, но и как социокультурные маркеры, влияющие на формирование языковой среды и языковое сознание носителей. Это актуализирует вопрос о роли языковой политики в регулировании языкового ландшафта.

Языковая политика направлена на регулирование языковых процессов и обеспечение функционирования государственного языка [Каневский 2015]. В современных условиях она включает меры, затрагивающие использование языка в публичном пространстве, в том числе в сфере коммерческих вывесок. В этом контексте закон об обязательном использовании русского языка в текстах вывесок может быть интерпретирован как инструмент государственного воздействия на языковую среду.

3. Социолингвистическая оценка текущей языковой политики

С социолингвистической точки зрения данные меры можно рассматривать как инструмент статусного планирования, направленный на усиление позиций рус-

ского языка и ограничение использования иностранных языков в городской среде. В этом контексте государство выступает регулятором языковой иерархии, задавая нормы использования языка в публичном пространстве и переходя от спонтанного формирования языкового ландшафта к более регулируемой модели.

Реализация таких мер приводит к перераспределению функций языков: русский язык усиливает свои информативные и символические позиции, тогда как английский частично утрачивает роль маркера престижности и глобальности. Одновременно трансформируются практики номинации: развивается русскоязычное именование и распространяются гибридные формы, отражающие адаптацию к нормативным требованиям. Эти изменения задают основу для анализа их восприятия в общественном мнении.

4. Результаты и интерпретации результатов социологического опроса

Результаты социологического опроса показывают, что отношение к языковой политике в сфере языкового ландшафта не является однозначным и формируется под влиянием прагматических и символических факторов. Респонденты ориентируются на баланс между понятностью, визуальной упорядоченностью и привычными языковыми практиками, при этом отдавая предпочтение функциональной и эстетической целесообразности, а не жесткому регулированию.

Выявленные установки носят противоречивый характер: лишь 30,5% поддерживают ограничение заимствований, тогда как 66,1% выступают против него. При этом 40,7% считают языковой ландшафт перегруженным, а 54,3% связывают использование английского языка с имиджевыми, а не практическими целями. Таким образом, иностранные элементы воспринимаются как избыточные, но не требуют строгого ограничения.

Данные различия отражают сосуществование двух установок – ориентации на сохранение русского языка и на использование английского как символа глобальности. Это соотносится с функциональным распределением языков: русский выполняет информативную и нормативную функции, английский – преимущественно символическую.

Результаты также показывают отсутствие единого мнения по поводу закона: 55,9% отмечают его потенциал для развития русскоязычных названий, тогда как 61% опасаются потери узнаваемости брендов, 52,5% – визуальной перегруженности, а 47,5% – финансовых затрат. Это свидетельствует о том, что восприятие инициативы определяется не только языковыми, но и экономическими и визуальными факторами.

Реализация закона может привести к усилению позиций русского языка и развитию русскоязычной номинации, но также к снижению вариативности языкового пространства и изменению языковых практик. Таким образом, его последствия носят комплексный и неоднозначный характер.

Заключение. Проведенное исследование показало, что языковой ландшафт современной России является пространством, в котором взаимодействуют глоба-

лизационные процессы, коммерческие практики и государственная языковая политика. Рассматриваемый закон выступает инструментом статусного планирования, направленным на усиление позиций русского языка и изменение структуры языкового пространства.

Анализ эмпирических данных свидетельствует о том, что восприятие данных мер носит неоднозначный характер и определяется не только языковыми, но и прагматическими, экономическими и визуальными факторами. Это указывает на наличие расхождения между оценкой языковых явлений и готовностью поддерживать их нормативное регулирование.

Таким образом, регулирование языка коммерческих вывесок приводит к трансформации языкового ландшафта, не устраняя языковое разнообразие, а изменяя его формы. Эффективность подобных мер во многом зависит от их соответствия реальным коммуникативным потребностям и установкам носителей языка.

Литература

Киселева Е.В., Дмитриева И.Л., Якманова И.В. Лингвистический ландшафт как междисциплинарный метод исследования языка в условиях глобализации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. Т. 23. № 4. С. 139–150.

Каневский С.В. Языковая политика как вид национальной политики государства // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 4 (55). С. 211–225.

Москвичева С. А., Александрова О. И., Эбзеева Ю. Н. Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182.

Москвичева С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 689–715.

Landry R., Bourhis R. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. P. 23–49.

Gorter D., Cenoz J. Knowledge about Language and Linguistic Landscape // Encyclopedia of Language and Education. 2007. P. 1–13.

Torkington K. Exploring the Linguistic Landscape: The Case of the ‘Golden Triangle’ in the Algarve, Portugal // Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference in Linguistics & Language Teaching. 2009. Vol. 3. P. 122–145.

Kelly-Holmes H. The Linguistic Business of Marketing // The Business of Words: Wordsmiths, Linguists and Other Language Workers. 2019. P. 36–50.

E. R. Kadyrmaeva, S. I. Danilov *(Moscow, Russia)*
RUDN University

LANGUAGE POLICY AND THE LINGUISTIC LANDSCAPE: SOCIAL REPRESENTATIONS OF YOUTH

This article examines the impact of language policy on the linguistic landscape in Russia using the example of signage regulation. Based on theoretical approaches and survey data, it identifies changes in language functions and public perception. The findings show that attitudes are mixed, leading to a transformation of the linguistic landscape rather than its homogenization.

Key words: language policy, linguistic landscape, commercial signage, sociolinguistics, social representations

П. Е. Каногина *(Нижний Новгород, Россия)*
НИУ «Высшая школа экономики»
belova-polina@mail.ru

АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ДЕФИНИЦИЙ КАК СПОСОБ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье на материале субъективных дефиниций рассматриваются гендерные и возрастные особенности концептуализации пространства носителями русского языка. Гендерные различия проявляются в разной степени внимания к физическим, функциональным и эмоциональным характеристикам пространства, тогда как возраст влияет на уровень абстракции определений.

Ключевые слова: концепт, пространство, субъективные дефиниции, языковое сознание, наивная картина мира, гендерные различия, когнитивная лингвистика

Пространство (наряду со временем) является одной из фундаментальных категорий человеческого мышления, определяющих способ восприятия, осмысления и организации окружающего мира. В истории философии и науки пространство осмыслялось многократно: от античных представлений о месте (топос) и ньютоновского «абсолютного вместилища» до кантовской трактовки пространства как априорной формы чувственности и реляционной концепции Г. Лейбница, получившей развитие в теории относительности А. Эйнштейна. Каждая эпоха и каждая дисциплина предлагали свои определения.

В рамках антропоцентрической лингвистики, где язык рассматривается не как абстрактная знаковая система, а как форма репрезентации человеческого опыта и способ объективации наивной картины мира, особую значимость приобретает исследование того, как пространство понимают рядовые носители языка. Данная задача решалась нами путем анализа субъективных дефиниций слова «пространство» –

свободных определений, даваемых носителями русского языка и фиксирующих обыденное сознание. Применение метода субъективных дефиниций, описанного в том числе в работах И.А. Стернина [Стернин 2008; Стернин 2011], позволяет увидеть те смысловые слои и ценностные акценты, которые остаются за пределами словарных дефиниций. Именно в таких определениях проявляется живое, ситуативное и личное восприятие исследуемой категории.

Материалом исследования стали 205 дефиниций, данных носителями русского языка в ходе опроса, участниками которого с их добровольного согласия стали 138 женщин и 67 мужчин разных возрастных групп (младше 18 лет – 18%, 18–29 лет – 35%, 30–44 года – 26%, 45–59 лет – 15%, старше 60 – 6%). Полученные субъективные дефиниции позволили не только зафиксировать совокупность обыденных представлений носителей языка о пространстве, но и описать, какие аспекты пространства актуальны для разных возрастных групп. На данном языковом материале, выступающем как средство доступа к сознанию носителей русского языка, была предпринята попытка раскрыть содержание концепта ПРОСТРАНСТВО и описать, как пространство воспринимается человеком на разных этапах жизни и как проявляются гендерные различия в концептуализации пространства. Анализ субъективных дефиниций также раскрыл многослойную структуру концепта и позволил отметить ценностные ориентации общества.

Стоит отметить, что анализу субъективных дефиниций предшествовала работа со словарными дефинициями (были использованы данные 10 толковых словарей русского языка) для наиболее полного описания значения слова «пространство», номинирующего концепт. Работа с лексикографическими источниками позволила отследить историческое развитие слова и постепенное увеличение количества его дефиниций. А на следующем этапе исследования был проведен анализ психологически реального значения слова «пространство» с целью выявления новых смыслов, в которых могут актуализироваться различные характеристики концепта. Участникам опроса было предложено объяснить несколькими словами, что такое пространство: *«Пространство – это…»*

Обработка полученных результатов показала, что в сознании носителей русского языка слово «пространство» представлено несколькими значениями:

- «место, в котором что-либо находится» (42 дефиниции, или 21%): *то, где все находится* (3); *место, в котором находятся предметы* (2); *место, где мы находимся* (2); *место, в котором что-то или кто-то существует, и др.*;

- «окружающий человека мир» (34, или 17%): *то, что нас окружает* (12) *на земле и в космосе*; *то, что вокруг* (5); *окружающий мир* (3); *место вокруг тебя / меня* (2); *территория или площадь вокруг какого-то объекта и др.*;

- «ограниченное или неограниченное место» (22, или 11%): *некое ограниченное или неограниченное место расположения чего-либо* (4); *место, не имеющее видимых границ или имеющее отдаленные границы* (3) и др.;

- «место, предназначенное для определенной цели» (20, или 10%): *место для чего-либо* (2); *область для размещения чего-либо* (2) и др.;

- «большая площадь» (17, или 8%): *что-то очень большое; просторное помещение; большая площадь*, *от одного берега до другого* и др.;

- «определенная или неопределенная территория» (13, или 6%): *какая-то местность* (4); *некая территория*; *определенное место в помещении или на открытом воздухе*; *определенный участок*; *определенная территория и др.*;

- «объемное измерение» (12, или 6%): – *объем*; *объем в границах*; *некий объем*, *распространенный в трех измерениях*; *какой-то объем чего-либо и др*.

С наименьшей частотностью пространство осмысливается в следующих значениях: «мир, реальность, бытие» (философское понимание – 11, или 5%), «свободное место» (10, или 5%), «протяженность, расстояние» (9, или 4%), «промежуток между чем-то» (5, или 2%). На взаимосвязь пространства и времени указывают лишь единичные дефиниции: *пространство – это время*; *пространство – это часть единого пространства-времени*.

Из приведенного перечня значений видим, что только первые пять являются коммуникативно релевантными для современных носителей русского языка и входят в активную зону их языкового сознания (термин Е.И. Грищук [Грищук 2002]). Остальные значения находятся в инактивной зоне. Тем не менее, все эти значения так или иначе сходны со словарными дефинициями. Однако одно из полученных значений слова «пространство» в словарях русского языка не отражено. Это «область физического и психологического комфорта, принадлежащая человеку»: *личные границы* (2); *личная территория*; *родное место*; *внутреннее и внешнее мироощущение*; *что-то свое, куда никто не лезет*.

В ходе анализа субъективных дефиниций также было установлено, что для младшей возрастной группы восприятие пространства носит преимущественно практический и конкретный характер, основанный на непосредственном опыте взаимодействия с окружающим миром: *то, что нас окружает*; *то, в чем мы живем*; *место вокруг нас* и др. В определениях девочек преобладают такие характеристики пространства, как функциональность и размер: *большая или маленькая территория*; *большая комната, где много места*; *место, где можно что-то положить или поставить*, тогда как мальчики чаще акцентируют внимание на границах пространства и его незаполненности: *место замкнутое или безграничное как космос*; *пустота*, *где ничего не находится.*

В возрастной группе 18–29 лет гендерные различия в осмыслении пространства проявляются особенно отчетливо. Женщины тяготеют к конкретным, антропоцентричным и эмоционально насыщенным определениям, связывая пространство с повседневностью, комфортом и местом обитания: *место*, *где можно хорошо провести время*, *отдохнуть*, *пообщаться с друзьями*; *место, где ты находишься*, *тебе должно быть там спокойно, легко и уютно*. Мужчины же описывают пространство

через философские и научные категории: *форма существования действительной реальности*; *совокупность материи в определенных рамках безотносительно времени*; *материальная часть мира*, *наполненная веществом*, *движущаяся во времени.*

У людей в возрасте от 30 до 44 лет восприятие пространства становится более сложным и рефлексивным, но при этом женщины по-прежнему дают конкретные и бытийно-практические определения: *окружающая человека действительность*, *которую он пытается преобразовать*; *среда обитания*; *место для пребывания, проживания, нахождения*, а мужчины тяготеют к абстрактным, онтологическим и системным определениям: *свойство бытия, выраженное в порядке и хаосе*; *понятие человеческого мышления, отображающее множественный характер существования мира*; *бесконечное множество миллионов и миллиардов вселенных и измерений*. В этой группе у мужчин также появляются более метафоричные и ценностно окрашенные формулировки: *простор для мысли*, *воплощения*, *действия и реализации*; *свобода души*, что свидетельствует о расширении понимания пространства.

В возрасте 45–59 лет наблюдается более зрелое и осмысленное восприятие пространства. Для женщин характерно его комплексное понимание, включающее как физические характеристики (*место, не имеющее видимых границ*; *место, где можно что-то расположить*), так и эмоционально-личностные аспекты (*теплые, добрые отношения между людьми*; *прекрасное, удобное место для творчества*), а также связь пространства с жизнью в целом: *место*, *где есть все в твоей жизни – друзья*, *работа*, *хобби*, *семья*, *отдых.* Мужчины же этого возраста демонстрируют более конкретное и практичное восприятие пространства, фокусируясь на его физических параметрах (*протяженная плоскость без границ*; *участок поверхности или помещения*). При этом они также способны к философскому осмыслению (*то, что нас окружает на земле и в космосе*), но их определения более лаконичны и менее эмоционально окрашены.

У людей старше 60 лет восприятие пространства становится более конкретным и приземленным, с акцентом на чувственный опыт (видимое, осязаемое): *это то, где мы находимся, что видим, что осязаем*; *то, что вокруг нас.* Мужчины в этой возрастной группе склонны к более обобщенным, философским определениям, рассматривая пространство как комплексное явление: *философское, математическое, историческое понятие*; *объективная реальность*. Женщины, в свою очередь, демонстрируют конкретное и практичное понимание пространства, связывая его с повседневной жизнью и комфортом: *окружающий мир*, *заполненный комфортными условиями для жизни человека*; *вместилище для предметов*.

Таким образом, анализ субъективных дефиниций показал, что восприятие концепта ПРОСТРАНСТВО в сознании носителей русского языка имеет выраженные гендерные и возрастные особенности. Гендерные различия проявляются в разной степени акцентирования физических, функциональных и эмоциональных характеристик пространства, а возрастные – в переходе от конкретных определений

к более абстрактным концепциям по мере накопления жизненного опыта. Носителями русского языка пространство осмысляется не только как физическая категория, но и как среда обитания, зона комфорта, область возможностей и личных границ, что подтверждает его значимость в обыденном сознании.

Литература

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

Стернин И.А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 24–25.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

P. E. Kanogina (*Nizhniy Novgorod, Russia*)
HSE University

THE ANALYSIS OF SUBJECTIVE DEFINITIONS AS A WAY OF RECONSTRUCTING ORDINARY PERCEPTIONS OF SPACE IN THE RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article examines gender and age-related features of the conceptualization of space by native speakers of the Russian language based on subjective definitions. Gender differences manifest themselves in varying degrees of attention to the physical, functional, and emotional characteristics of space, while age affects the level of abstraction in the definitions.

Key words: concept, space, subjective definitions, linguistic consciousness, I worldview, gender differences, cognitive linguistics

Т. А. Клепикова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СЗИУ РАНХИГС
klepikova-ta@ranepa.ru

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ЗА И ПРОТИВ

В исследовании рассматривается проблема возникновения новых категориальных сущностей в формате ad hoc категоризации и способы их вербализации. Эволюция категориальной системы и ее вербальной репрезентации анализируется с точки зрения социально-, дискурсивно- и когнитивно-мотивированного интерпретационного конфликта.

Ключевые слова: эволюция категориальной системы, языковое сознание, ad hoc категории

Языковое сознание представляет собой сущность особого рода, в вербальной версии отражающая результаты ментального освоения человеком действительности, репрезентированный в языке накопленный социумом и адаптированный индивидуумом «под себя» опыт. Сегодня не вызывает сомнения, что процесс отражения реальности в нашем сознании и языковая репрезентация отраженной реальности имеют интерпретирующую основу. Согласно Н.Н. Болдыреву, следует разграничить первичную и вторичную языковые интерпретации [Болдырев 2014]. Результатом первичной языковой интерпретации являются зафиксированные языковой номинацией категории, отражающие выделенные познавательной деятельностью человека концепты. Вторичная языковая интерпретация связана с проекцией коллективной категориальной системы в индивидуальную концептуальную систему.

Представляется, что активная познавательная деятельность субъекта невозможна без вычленения определенного конфликта при столкновении известного с неизвестным, старого опыта с новым, рабочей системы категориальных координат и подлежащей осмыслению сущности. Такого рода конфликт происходит как на этапе первичной, так и на этапе вторичной языковой интерпретации. Собственно говоря, и процесс вычленения концепта (концептуализация), и процесс категоризации – отнесения данного концепта к определенной категории (либо формирование на основе данного концепта новой категории) представляют собой результативное разрешение конфликта между имеющимся опытом и системой категорией и новой сущностью. Понимание конфликтной природы интерпретаций берет свое начало в известной традиции феноменологической герменевтики, в наиболее разработанном виде представленной в работе Поля Рикера «Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике» [Рикер 2002].

В настоящей работе идея конфликта интерпретаций рассматривается в контексте окказиональной категоризации, или ad hoc категоризации, понимаемой в духе Л. Барсалоу [Barsalou 1983] как ситуативно обусловленный процесс возникновения категории, содержание и структура которой есть результат определенной договоренности интерпретационного толка, например, *что подарить на день рождения папе, у которого все есть; что нужно взять с собой в поездку* и под. Возникающие таким образом («на лету») спонтанные окказиональные категории могут оказаться когнитивно и дискурсивно востребованными и получить регулярную языковую номинацию, а могут исчезнуть, оставшись достоянием конкретного когнитивно-дискурсивного акта. Дальнейшее развитие концепции Л. Барсалоу привело к пониманию процессуальной природы не только категоризации, но и собственно концепта и категории как таковых. Прежде всего, исследователи подчеркивали обусловленность категоризации определенными мотивами (сиюминутность, спонтанность) и контекстом (дискурсом), что привело к постановке вопроса о правомерности разграничения стабильных (таксономических) и окказиональных (ad hoc категорий) [Athanasopoulos et al. 2026]. Тем самым понятие ad hoc категории было

распространено и на такие привычные таксономии, как *птица, стул*, структура которых оказывается вариантной в зависимости от ситуации, когнитивно-дискурсивной задачи и фрейминга. Например, концепт ПТИЦА актуализируется в рамках фрейма/ситуации, связанной с летающими живыми существами, отличается от концепта, активируемого в дискурсе о здоровой пище или о домашних животных. Аналогично, концепт *teabag*, который активируется при мысли о чашечке чая в рабочий перерыв, радикально отличается от концепта, репрезентируемого метафорически переосмысленной номинации, когда она озвучена спортивным комментатором (как термин в смешанных боевых искусствах). Такого рода гибкость отражает влияние языка, восприятия и текущих когнитивно-дискурсивных задач на процесс концептуализации. Тем самым любой акт концептуализации оказывается динамический по умолчанию, своего рода постоянный конфликт между личностным опытом и операционным контекстом [Casasanto, Lupyan 2015]. Д. Касасанто и Г. Лупян выдвигают узусно-ориентированную теорию концептов, подчеркивая, что концептуальные репрезентации не являются фиксированными, стабильными сущностями, а непосредственно процессами, которые возникают «по запросу». Аналогичные идеи можно проследить в концепциях теории релевантности, в рамках которой любая интерпретация является результатом взаимодействия определенных когнитивных, дискурсивно-ситуативных, личностных и межличностных договоренностей, которые оказывается *релевантными* (именно данное понятие и дало название всей концепции) для данной ситуации коммуникации [Carston 2010].

Обозначим основные проявления конфликта в сфере языковой категоризации, связав их с понятиями первичной и вторичной языковой интерпретации Н.Н. Болдырева:

(1) конфликт категориальной отнесенности (что соответствует первичной языковой интерпретации) с негативным (ошибка) и позитивным (возникновение нового понятия) результатами;

(2) тенденциозная категориальная отнесенность (что соответствует вторичной языковой интерпретации);

(3) ложная категориальная атрибуция (что соответствует вторичной языковой интерпретации).

Примером конфликта первого рода может служить конфликт категориальной атрибуции, например, в правовом дискурсе. Данный конфликт может привести как к негативным, так и к позитивным моментам. В негативном плане – это неопределенность, спор о праве, судебная ошибка, в позитивном – это так называемый «прецедент» и развитие права. Тем самым конфликт категориальной отнесенности первого рода становится триггером возникновения прецедента, или ad hoc категории. Известным фактом является множественная (или поли-) категоризация, когда объект обладает признаками, на основании которых его можно отнести как к суперординатной категории, так и к субординатной. При конфликте между родовой и видовой категориальной атрибуции возникает и правовой конфликт. Принцип lex

specialis derogat generali (специальный закон отменяет общий) позволяет разрешить правовую коллизию, но для того, чтобы суд применил данный принцип, стороны должны договориться (а до этого – спорить) о том, какая категория является специальной, а какая общей. Например, электронная сигарета может войти в следующие категории: (а) табачная продукция (подпадает под регулирование оборота табака), (б) электронное устройство (подпадает под регулирование технических устройств), (в) никотинсодержащая продукция (подпадает под специальное регулирование). Пока законодательно не будет определено, к какой именно категории относить устройство для целей лицензирования, акцизов и запрета на курение в общественных местах, до тех пор будут существовать правовые, административные и социальные конфликты.

Примером тенденциозной категориальной отнесенности могут служить самые разные игровые по своей природе манипуляции со словами, текстами и контекстами, а также как стилистическое средство в поэтическом или бытовом дискурсе. Рассмотрение в подобном ракурсе стилистических средств показывает нарушение категориальной атрибуции (напр., *слона бы съел, волком выть, живой труп, loud silence*). В результате порождается комизм, абсурд, определенный стилистический эффект («Моя семья и другие животные», «Дама сдавала в багаж…») [Клепикова 2026].

Ложная категориальная атрибуция играет исключительную роль в языковом оформлении когнитивных искажений (*бьет – значит любит; вот раньше были времена…)* [Клепикова 2024(а), 2024(б), 2025], и именно языковой формат коллективного когнитивного опыта, или так называемой «народной мудрости», зафиксированный в виде пословиц, поговорок и иных аналогичных видов речевых образований, с легкостью, минуя фильтры критического мышления и вторичной интерпретации, проникает в сознание индивидуума, формируя определенные структуры сознания.

Чрезвычайно важным в этом отношении представляется тезис Н.Н. Болдырева о том, что языковая интерпретация имеет двойственную природу – с одной стороны, языковая интерпретация рассматривается как проявление структуры сознания, и в то же время служит фактором ее формирования [Болдырев 2016: 25]. Именно конфликтная категоризация, в том числе языковая категоризация и интерпретация, на наш взгляд, выступают в качестве движущей силы формирования, изменения, оптимизации категориальной системы человека и структур сознания.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 25–35.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 20–28.

Клепикова Т.А. Эпистемическая бдительность как регулятор когнитивных искажений: язык мой – враг мой? // Язык и культура в эпоху глобализации. СПб., 2024а. С. 9–12.

Клепикова Т.А. Языковые рефлексы когнитивных искажений // Когнитивные исследования языка. 2024(б). № 2–2 (58). С. 537–539.

Клепикова Т.А. Языковые триггеры когнитивных искажений // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–1 (62). С. 73–79.

Клепикова Т.А. Игра в категоризацию, или звездный час английского морфосинтаксиса // Материалы II Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием «Романо-германская филология в современном мире» 12 марта 2026 г., Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2026 (в печати).

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2002.

Athanasopoulos P, Flecken M, Vanek N. Ad hoc concepts and linguistic relativity: towards an experiential and situated view of language–cognition interactions. Language and Cognition. 2026. Vol. 18. No. 20.

Barsalou L.W. Ad hoc categories // Memory & Cognition. 1983. Vol. 11. No. 3.

Carston R. XIII-Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images. Proceedings of the Aristotelian Society. 2010. Vol. 110. No. 3. Art. 3.

Casasanto D., Lupyan G. All concepts are ad hoc concepts // The conceptual mind: New directions in the study of concepts / ed. By E. Margolis, & S. Laurence. MIT Press., 2015.

T. A. Klepikova *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg State University of Economics,
North-Western Institute of Management, RANEPA

CATEGORIAL CONFLICT AS A DRIVING FORCE OF LINGUISTIC COGNITION: PRO AND CONTRA

The report focuses on evolution of novel categorical entities as ad hoc conceptual and linguistic process. The categorical system evolution is argued to be triggered by social, discursive and cognitive conflict of interpretation, which serves the foundation for ad hoc linguistic cognition theory.

Key words: categorial system evolution, linguistic cognition, ad hoc categories

Ч. Ш. Кол *(Кызыл, Россия)*
Тувинский государственный университет
chod.kol@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЖИВОТНОЕ* КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ТУВИНСКИХ И АЛТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Статья посвящена анализу представления концепта ЖИВОТНОЕ в тувинских и алтайских паремиях с точки зрения отражения в них анималистического куль-

турного кода. Выявлена сочетаемость его репрезентантов с языковыми средствами, представляющими другие культурные коды тувинцев и алтайцев.

Ключевые слова: концепт ЖИВОТНОЕ, культурные коды, анималистический культурный код, тувинские паремии, алтайские паремии.

Одним из основных языковых знаков, в которых отражаются культурные коды, являются «паремии, имеющие культурно маркированные значения» [Токарев 2022: 27]. В паремиологических высказываниях имеет место «рассеивание» образа автора «на весь коллектив народа, что позволяет говорить о коллективном авторстве паремий, о выражении национального характера в языковом оформлении паремий» [Фаттахова, Кулькова 2015: 203], позволяющем в сжатом виде передавать культурный опыт этноса. Мы исходим из понимания паремии как источника информации, обладающего лингвокультурологическим и лингвоаксиологическим потенциалом [Ломакина 2022].

Культурный опыт часто передается с помощью определенных образов, имеющих для того или иного этноса символическое значение. Такие символы «становятся основой различных кодов, которые в определенном смысле оказываются едиными по своему содержанию и описывают мир с позиции человека» [Маслова, Пименова 2016: 13]. Лингвокультурологический анализ устойчивых единиц включает изучение компонентов, определение их роли в образной системе единицы [Иванов и др. 2021].

Одним из наиболее важных культурных кодов, отраженных в паремиях, является анималистический, или зооморфный код. Образы представителей животного мира позволяют передать моральные и физические качества человека, его привычки, образ жизни и нравственные установки. Языковое выражение зооморфного кода сводится, в первую очередь, к репрезентации концепта ЖИВОТНОЕ посредством прямых номинаций представителей фауны.

Цель данной статьи – представить средства репрезентации концепта *животное* в тувинских и алтайских паремиях и рассмотреть его встроенность в систему культурных кодов (прежде всего, анималистического). Источником материала исследования являются следующие сборники: «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа, «Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кепле укаа сöстöр)» Н.Р. Ойноткиновой, «Тувинские пословицы и поговорки» Хадаханэ и О. Саган-оола.

В лексическом составе тувинского паремиологического фонда Е.Е. Ивановым, Ж.В. Марфиной и О.В. Шкуран было зафиксировано 67 зоокомпонентов и приведен полный список прямых номинаций животных с указанием количества употреблений [Иванов и др. 2022: 51]. Н.Ю. Нелюбова также отмечает высокую частотность зоокомпонентов в тувинских пословицах и приводит их перечень [Нелюбова 2022: 172]. Согласно нашему исследованию на материале двух словарей тувинских паремий [ТПП; ППТН], анималистический код занимает ведущую позицию по частотности по отношению к другим культурным кодом, превышая почти в два раза

следующий за ним по количественному показателю природный код. В качестве фаунистических номинаций используются как гиперонимы *аң* ‘зверь’, *мал* ‘скот’, *куш* ‘птица’, *балык* ‘рыба’, так и многочисленные гипонимы: *аът* ‘лошадь, конь’, *кулун* ‘жеребенок’, *ыт* ‘собака’, *теве* ‘верблюд’, *хой* ‘овца, баран’, *адыг* ‘медведь’, *байлаң* ‘малек рыбы’, *буга* ‘бык’, *кускун* ‘ворон’, *торга* ‘дятел’ и др.

Из гипонимических зоокомпонентов, как показали указанные выше данные, а также наше исследование, чаще всего упоминается компонент *аът* ‘лошадь, конь’. Важность этого животного для тувинцев подчеркивает, в частности, Н.Д. Сувандии, отмечая, что *аът* ‘лошадь’ является основным средством передвижения «во время *кадат* ‘пастбища скота’, особенно в таежных, труднодоступных местностях. Также *аът эъди* ‘конина’ – мясо с лечебными свойствами <…>. В народе говорят, что *аът эъди* ‘конина’ – горячее мясо, спасающее человека от холода и простудных заболеваний» [Сувандии 2022: 170]. Тесная связь коня с человеком и его необходимость в повседневной жизни отражена во многих тувинских паремиях.

Роль коня показана через сравнение его с отцом, а для сравнения с матерью используется другой тоже важный образ домашнего животного – коровы. Без нее нельзя представить хозяйство тувинцев, основной пищей которых всегда являлось мясо и молочные продукты: *Иезин «инээм» дээр, Адазын «аъдым» дээр* ‘Мать сравнивают с коровой, а отца – с конем’.

С помощью метафорического образа коня, как и других зоонимов, передаются черты характера человека: *Хаттыг чаашкын аязыычал, Халыма каът бурууучал* ‘Дождь с ветром быстро пройдут, Конь с норовом быстро устает’. В параллельной синтаксической конструкции пословицы использованы компоненты, передающие природный культурный код. Использование элементов разных кодов усиливают экспрессивность пословицы.

Результаты проведенного нами анализа словаря алтайских паремий [АПП] очень близки с приведенными выше данными о тувинских паремиях: установлена наибольшая частотность отражения анималистического кода, который также почти в два раза превышает следующие за ним по количественной репрезентации соматический и природный коды, имеющие примерно одинаковый показатель представленности. Именно «повадки животных или птиц представлялись алтайцам наиболее подходящими для сравнения с поведением людей, для характеристик их морально-нравственных, интеллектуальных, физических качеств» [Ойноткинова 2012: 73].

В алтайских пословицах и поговорках нами было выявлено 42 компонента-наименования представителей фауны, среди которых – гиперонимы *аң* ‘зверь’, *мал* ‘скот’, *куш*‘птица’, *бала куш* ‘птенец’, *балык* ‘рыба’, совпадающими с аналогичными обозначениями в тувинских паремиях. Среди гипонимов выявлены, как и в тувинском материале, наименования представителей домашних и диких животных, птиц, рыб и насекомых: *ат* ‘лошадь’, *joргоат* ‘иноходец’, *кулун* ‘жеребенок’, *ийт*‘собака’, *уй* ‘корова’, *сыгын* ‘марал’, *кой* ‘овца’, *эштек* ‘осел’, *киске* ‘кошка’,

чычкан ‘мышь’, *төө* ‘верблюд’, *койон* ‘заяц’, *айу* ‘медведь’, *түлкү* ‘лиса’, *бөрү* ‘волк’, *јеекен* ‘росомаха’, *шүлүзин* ‘рысь’, *бака* ‘лягушка’, *күүк* ‘кукушка’, *кускун* ‘ворон’, *сағыскан* ‘сорока’, *јылан* ‘змея’, *томонок* ‘комар’ и др.

По частоте употребления первые два места среди гипонимов занимают компоненты *ат* ‘лошадь’ и *ийт* ‘собака’, что говорит о тесной связи этих животных сбытом алтайцев.Образ коня используется для передачи как положительных, так и отрицательных качеств человека часто с использованием оценочных прилагательных: *Јакшы ат сүрлү, Јакшы кижи күндүлү* ‘Хороший конь видный, Хороший человек почитаемый’; *Кедерат кемге де керек јок* ‘Норовистый конь никому-то не нужен’.

Собака у алтайцев является «верным охранником, она оберегает жилище человека от вредоносных духов <…>, собаку нельзя обижать, она находится под защитой двух покровителей – небесного бога и нижнего бога. Ценность собаки отражена, например, в пословицах *Ийт соксоң – Ээзин соккондый билдирер* ‘Когда [чужую] собаку бьешь – Как будто ее хозяина побил’ и *Ийт кирзе, сөөкбер, Кижи кирзе, курсакбер* ‘Собака придет, косточку дай, Человек придет, пищу дай’. Во втором примере для выражения положительной оценки щедрости используется анималистический образ собаки в сочетании с репрезентантом другого культурного кода – пищевого. В то же время, в паремиях встречается и отрицательный образ собаки: *Јаманий таркадаң кабар, Јаман кижи јакадаң тудар* ‘Злая собака за спину хватает, Злой человек за воротник хватает’, где злой человек сравнивается со злой собакой и *Улуг анийтти угарга коомой, Үйалбас тенекти айдарга коомой* ‘Воющую собаку слушать противно, С бесстыжим глупцом говорить противно’, где с помощью образа воющей собаки в первой части параллельной конструкции осуждается человеческая глупость.

Проведенный анализ показал, что анималистический код в тувинских и алтайских паремиях значительно превосходит все остальные коды по количественному показателю. Концепт ЖИВОТНОЕ реализуется прямыми гиперонимическими и гипонимическими номинациями представителей фауны, с помощью которых выражаются человеческие качества и мироощущение тувинцев и алтайцев. С анималистическим кодом сочетаются элементы других важных кодов, приводимых в параллельных синтаксических конструкциях: природного, пищевого и др., что усиливает экспрессивный характер паремий.

Литература

АПП – Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кепле укаа сөстөр) (60) / сост. Н.Р. Ойноткинова / отв. ред. Кузьмина Е.Н. Новосибирск, 2010.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248.

Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68.

Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксеологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.

Маслова, В.А., Пименова, М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, 2016.

Нелюбова Н.Ю. Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 169–177.

Ойноткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / отв. ред. О.Н. Лагута. Новосибирск: Ин-т филологии, 2012.

ППТН – Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-составитель Б.К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю.Ш. Кюнзегеша; АНО «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.

Сувандии Н. Д. Аът «лошадь» в пословицах и поговорках тувинцев // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н.Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т.Г. Боргоякова, Н.С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2022. С. 169–170.

Токарев Г.В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула: ТППО, 2022.

ТПП – Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол.Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966.

Фаттахова Н.Н., Кулькова М.А. Народные приметы: синтаксис и прагматика (на материале русского, татарского и немецкого языков): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.

Ch.Sh. Kol *(Kyzyl, Russia)*
Tuvan State University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF ANIMAL AS A MANIFESTATION OF THE ANIMALISTIC CULTURAL CODE IN TUVAN AND ALTAI PAREMIES

The article is devoted to the analysis of the representation of the concept ANIMAL in Tuvan and Altai paremies from the point of view of the reflection of the animalistic cultural code in them. It has been revealed the compatibility of its representatives with linguistic means representing other cultural codes of Tuvans and Altai people.

Key words: concept ANIMAL, cultural codes, animalistic cultural code, Tuvan paremies, Altai paremies

Ли Кэжу *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
likeru1234567@gmail.com

ДИАЛЕКТ ШАНСИ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматривается статус диалекта провинции Шаньси как ключевого элемента культурного капитала в контексте социально-экономической трансформации региона. На основе теорий П. Бурдье и трудов О.И. Завьяловой анализируется конфликт между символической властью путунхуа и жизнеспособностью локальных речевых практик. Показан переход диалекта в категорию «культурного актива» на примере проекта «Снова в Пиньяо».

Ключевые слова: диалект Шаньси, культурный капитал, экономическая трансформация, традиционные ценности, символическая власть

Согласно концепции выдающегося российского синолога О.И. Завьяловой, «диалекты… служат носителями столь ценимых ныне в Китае локальных культур и основой этнической самоидентификации жителей разных районов» [Завьялова 2014: 10]. Таким образом, диалект является не просто лингвистическим феноменом, но и глубоким культурным связующим звеном. Он выступает «линией жизни» для традиционных видов регионального искусства (например, местной оперы) и является стержневым элементом формирования специфического для китайского общества чувства «земляческой идентичности».

Трансформационные вызовы для традиционных ценностей. В быстро глобализирующемся мире происходит переоценка традиционных культурных ценностей, и именно национальные, региональные и даже локальные особенности, в том числе языковые, приобретают все большее значение как для науки, так и для общества в целом [Завьялова 2014: 99]. Под воздействием процессов урбанизации традиционные языки и культуры сталкиваются с беспрецедентными вызовами и одновременно новыми возможностями. Урбанизация ускорила миграцию сельского населения в города; параллельно с этим путунхуа был утвержден в качестве единственного легитимного языка в сфере образования, СМИ и государственного управления. Эти факторы напрямую ведут к деструкции естественной среды обитания традиционных диалектов.

Одним из возможных и удобных теоретических инструментов осмысления данного вопроса может быть теория символического капитала П. Бурдье, в теоретической системе которого ключевыми понятиями являются капитал, поле и габитус. П. Бурдье классифицирует капитал, за который ведется борьба на различных рынках социального пространства, на экономический, культурный, социальный и символический. Это порождает концепцию «символической власти». Символическая власть официального языка (путунхуа) проявляется в следующих аспектах:

1) Институциональное принуждение: Установление официального языка осуществляется государственными институтами через систему образования и корпус экспертов, навязывая его всей территории страны как обязательный стандарт. Официальная языковая система является продуктом и концентрацией этих принудительных процессов.

2) Потенциал господства: Владение официальным языком открывает доступ к реализации властных полномочий, защите прав и участию в морально-правовых институтах государства. Лица, виртуозно владеющие официальным языком, получают значительное символическое преимущество в социальном пространстве.

3) Легитимация знаний: Официальный язык становится единственным законным средством выражения научного дискурса и технологической терминологии. Государственная система оценки талантов, основанная на путунхуа, наделяет его носителей исключительной символической властью [Гао Сюаньян 2004].

Иллюстрацией данных процессов может послужить город Гуцзяо (провинция Шаньси). К 2015 г. уровень урбанизации в провинции достиг 73,6%, а за последние 30 лет исчезло 56 естественных деревень. Сельская местность как основной ареал функционирования диалекта стремительно сокращается. Внутренние мигранты, переезжая в города, переходят на путунхуа для удовлетворения коммуникативных потребностей, что сужает пространство диалекта. Практики использования диалекта сохраняются и в городской среде [Москвичева, Ли Сюэ 2018], однако исследования показывают, что среди учащихся поколения «нулевых» (после 2000 г.р.) в Гуцзяо доля использующих диалект в общественных местах составляет менее 5%, и лишь 31,37% используют его дома. В официальных сферах доминирует путунхуа, маркируемый как «формальный язык», в то время как диалект вытесняется в неформальную, частную сферу [У Вэй 2020]. Сложность положения диалекта демонстрируют исследования его значимости и ценности для его носителей. Анализ данных анкет показывает высокий уровень поляризации мнений (коэффициент дисперсии) о его ситуации [Москвичева, Ли Сюэ 2025: 1116]

Случай Гуцзяо наглядно демонстрирует реструктуризацию локальной культуры под давлением «языкового рынка». С исчезновением деревень исчезает «поле», поддерживающее диалект, что ведет к дезинтеграции диалектного габитуса индивида из-за отсутствия легитимности. Эта форма символического насилия проявляется в осознанном отказе молодежи от диалекта в пользу доминирующего языка и символического порядка.

Переоценка ценностей в процессе экономической трансформации. В рамках теории культурного капитала П. Бурдье выделяются три его формы: инкорпорированная (устойчивые диспозиции интеллекта и тела), объективированная (культурные товары, антиквариат, памятники) и институционализированная (дипломы, ученые степени). В специфическом контексте экономической трансформации Шаньси местный диалект демонстрирует переход от простого «инструмента коммуникации» к статусу «культурного капитала» [Bourdieu 1979: 4].

Инструментализация диалекта как символического капитала прослеживается в проекте «Снова в Пиньяо» (кит. Youjian Pingyao). Это первое в Китае масштабное иммерсивное шоу, где активно используетая диалект и местную гастрономическая культура. С момента премьеры в 2013 г. проект стал символом интеграции культуры и туризма, оказав мощное стимулирующее воздействие на экономику региона. К 2025 г. количество представлений превысило 8400, шоу посетили более 6 млн зрителей, а доход от продажи билетов превысил 1 млрд юаней. В период с 2013 по 2021 г. среднегодовой рост доходов проекта составил более 20%. Это доказывает колоссальный потенциал превращения культурных ценностей в экономический актив.

Диалект Шаньси перестал быть лишь «реликтом аграрного общества». Через художественную практику он трансформировался в символический капитал, способный генерировать прямой экономический эффект.

Заключение. Судьба диалекта Шаньси в современном Китае — это не просто дихотомия «исчезновения или защиты», а процесс динамического балансирования между давлением символической власти и реконструкцией культурного капитала. Ключ к сохранению диалекта в будущем лежит не в принудительном восстановлении его повседневных коммуникативных функций, а в использовании творческих индустрий и экономической трансформации для его реинтеграции в систему культурного производства, обладающую социальной признанностью и рыночной ценностью. Только так диалект сможет превратиться из «отвергнутой традиции» в «активированную ценность», продолжая служить фундаментом культурного многообразия и локальной идентичности Китая в процессе модернизации.

Литература

Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная книга, 2014.

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Путунхуа и сычуанский диалект: взаимодействие в коммуникативном и социальном пространствах провинции Сычуань // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 271–281.

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Социолингвистические категории языков КНР: структурная модель обыденных представлений и ее визуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1102–1120.

Гао Сюаньян. Социальная теория Бурдье. Шанхай: Издательство Университета Тунцзи, 2004. С. 149. (на кит. Яз.: 高宣扬. 布迪厄的社会理论).

У Вэй. Современное состояние и стратегии защиты китайских диалектов: на примере диалекта Гуцзяо провинции Шаньси // Modern Linguistics. 2020. № 8. С. 54–63. (на кит. Яз. : 武蔚. 汉语方言现状与保护策略——以晋语并州片古交话为例).

Bourdieu P. Les Trois États du Capital Culturel // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1979. Vol. 30. P. 3–6.

Li Keru *(Moscow, Russia)*
RUDN University

SHANXI DIALECT AS A TRADITIONAL VALUE IN THE CONTEXT OF ECONOMIC TRANSFORMATIONS

This article examines the status of the Shanxi dialect as a key element of cultural capital within the context of the region's socio-economic transformation. Based on the theories of Pierre Bourdieu and the works of Olga Zavyalova, it analyzes the conflict between the symbolic power of Putonghua and the vitality of local speech practices. Particular attention is paid to the transition of the dialect from a category of "obsolete communication tool" to that of a "cultural asset," using the project "Encore Pingyao" as a case study.

Key words: Shanxi dialect, cultural capital, economic transformation, traditional values, symbolic power

Ли Сюэ *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
evelynlee@mail.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ «РОДНОЙ ЯЗЫК» И «ПЕРВЫЙ ЯЗЫК» В КИТАЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В китайском социолингвистическом контексте категории «родной язык» и «первый язык» не всегда совпадают, что обусловлено сложной языковой ситуацией и действующей языковой политикой. В данной статье данные категории рассматриваются с целью выявления их особенности в китайском контексте и объяснения причин их концептуального расхождения.

Ключевые слова: социолингвистика, категории языков, когнитивный подход, Китай, овладение языком, эмоциональное идентичность

В современной социолингвистике категории РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК играют ключевую роль в описании как языковой биографии человека, так и при анализе функционального распределения языков. В большинстве случаев они рассматриваются как взаимосвязанные и часто совпадающие понятия. ПЕРВЫЙ ЯЗЫК определяется как язык, который ребенок выучивает первым [Вахтин, Головко 2004: 46], в то время как РОДНОЙ ЯЗЫК ассоциируется с процессом первичной языковой социализации и формированием идентичности.

Однако в многоязычных обществах данные категории могут не совпадать, что приводит к их функциональному и семантическому разделению [Москвичева 2017]. Такое положение дел характерно и для Китая, где, помимо путунхуа, существуют региональные диалекты китайского языка, а также языки этнических меньшинств. В этой связи возникает необходимость более глубокого исследования этих категорий с учетом особенностей китайского общества.

Как было сказано выше, в социолингвистике термин ПЕРВЫЙ ЯЗЫК обычно относится к языку, который человек осваивает в раннем детстве и который становится для него естественным инструментом для мышления и общения [Zhou Qingsheng 2001]. Данное понятие акцентирует внимание на хронологическом порядке усвоения языка и уровне языковой компетенции, которые являются важными факторами.

В отличие от него, категория РОДНОЙ ЯЗЫК носит более многомерный характер и может включать не только процесс раннего усвоения языка, но и такие факторы, как этническая принадлежность, культурная идентичность и субъективное языковое самоопределение [Li Yuming 2003]. В некоторых случаях РОДНОЙ ЯЗЫК воспринимается как символ, отражающий принадлежность человека к определенному сообществу. Словарь социолингвистических терминов определяет РОДНОЙ ЯЗЫК как материнский, первый язык, этнический, национальный, функционально первый язык [ССТ 2006: 187].

Для монолингвальных сообществ такое содержание понятия не представляет проблемы, но многоязычных обществах это может привести к напряженности и социальным и политическим конфликтам.

Языковая политика КНР играет важную роль в формировании представлений о том, что такое «родной язык» и «первый язык» в китайском контексте. С одной стороны, путунхуа, официально признанный общегосударственным языком, активно продвигается как основной инструмент межрегиональной коммуникации и социальной интеграции [Zhou Qingsheng 2013]. С другой стороны, хотя использование диалектов китайского языка ограничено государственным законодательством, значительная часть населения продолжает использовать их в повседневной жизни как основное средство устного общения [Москвичева, Ли Сюэ, 2017; 2018]. Это позволяет рассматривать диалекты как фактический первый язык для многих носителей.

В Китае также институционально признаются языки этнических меньшинств, которые используются в повседневной жизни, на официальных мероприятиях и частично в образовательной сфере. В таких условиях первый язык человека может формироваться вне диалектного континуума ханьюй и рамок путунхуа.

Государственная языковая политика способствует укреплению статуса путунхуа как символа национального единства и общекитайской идентичности, что позволяет многим людям, независимо от их реального языкового опыта, воспринимать его как родной язык. Сближение данных понятий хорошо видно при создании ментальных карт концептов по методике Структурной модели репрезентаций [Москвичева, Ли Сюэ 2025: 1112] Однако эта политика не исключает фактического многоязычия, что создает предпосылки для разногласий в определении исследуемых категорий.

Важную роль в определении категорий РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК также играют система образования и процессы социальной мобильности. В Китае путунхуа является основным языком обучения, что способствует его усвоению всеми членами общества, независимо от их языкового происхождения [Guo Longsheng et al. 2012: 81–89].

Дополнительное влияние оказывает урбанизация и межрегиональная мобильность населения. Перемещение в другую языковую среду и необходимость общения с представителями других местностей способствуют повышению значимости путунхуа как универсального средства коммуникации [Wu Xiaojun 2015]. В таких условиях он начинает восприниматься не только как способ коммуникации, но и как неотъемлемый элемент социальной интеграции и личного развития, что может приводить к переосмыслению концепта родного языка.

В различных языковых контекстах, характерных для китайского общества, категории РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК демонстрируют значительное разнообразие в своих соотношениях, что отражается в нескольких типичных моделях. Прежде всего, эти различия можно наблюдать внутри самого китайского языка, а именно в отношении диалектов и путунхуа. Во многих случаях диалекты усваиваются в семье и используются в повседневной коммуникации, что позволяет рассматривать их как первый язык. Путунхуа же обычно осваивается на более позднем этапе, преимущественно в образовательных учреждениях [Wang Ning, Sun Wei 2005: 74]. Таким образом, при сравнении путунхуа и диалектов, категории РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК в определенной степени совпадают и часто соотносятся именно с диалектами. Однако это процесс с психологической точки зрения облегчен восприятием данных идиом как принадлежащих одному континууму.

Далее, расхождение между данными категориями становятся особенно очевидными, когда речь заходит о языках этнических меньшинств. Для представителей этнических групп, которые сохранили свой собственный этнический язык, он, как правило, является и первым, и родным. Однако для тех групп, которые в силу исторических или социальных причин утратили свой язык и перешли на путунхуа, последний становится и первым, и родным языком [Dai Qingxia 1997: 64]. В случаях билингвизма или многоязычия, первый язык определяется как язык, который человек осваивает в раннем возрасте. В то же время статус «родного языка» в большей степени зависит от факторов языковой идентичности и субъективного самоопределения [Zhang Momo 2014: 54]. Таким образом, в данной группе «первый язык» преимущественно связан с процессом усвоения, в то время как «родной язык» приобретает ярко выраженный идентификационный характер.

Наконец, в контексте межкультурной коммуникации наблюдается особая модель взаимосвязи между этими категориями. Когда носителей китайского языка спрашивают о первом языке, они обычно имеют в виду язык, который освоили раньше всего, будь то диалект, язык этнического меньшинства или путунхуа [Li Yuming 2003: 51]. Однако, когда речь заходит о родном языке, то чаще всего подразумевается путунхуа – язык национального представительства, используемый в межгосударственных и межэтнических отношениях. Это связано с тем, что путунхуа служит символом национальной общности, в то время как диалекты и другие языки ограничены региональными или этническими рамками.

Таким образом, в зависимости от конкретного контекста категории РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК могут как совпадать, так и значительно отличаться, что открывает возможности для их дальнейшей категоризации и уточнения. Ниже (табл. 1) приведены обобщенные данные по соотношению категорий РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК в Китае.

Таблица 1. Соотношение категорий РОДНОЙ ЯЗЫК и ПЕРВЫЙ ЯЗЫК в КНР

Тип модели	Первый язык	Родной язык	Типичная ситуация
Совпадение	Язык раннего усвоения	Совпадает с первым языком	Носители путунхуа; этнические группы, сохраняющие свой язык
Частичное расхождение	Диалекты	Варьируется в зависимости от ситуации и идентичности	Диглоссия; сосуществование диалекта и путунхуа
Полное расхождение	Язык семейной и локальной коммуникации	Путунхуа как язык национального представительства	Межкультурная коммуникация; внешняя идентификация

Таким образом, можно заключить, что в китайском контексте категории «родной язык» и «первый язык» не всегда совпадают. Первый отражает языковую идентичность человека, а второй – опыт усвоения языка. Их соотношение зависит от социальных условий и может изменяться.

Литература

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия»; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.

Москвичева С.А. Терминология в области социолингвистических категоризации языков: поиск идеала или точки зрения? // Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4 С. 45–62.

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской Народной Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1103–1117.

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Путунхуа и сычуанский диалект: взаимодействие в коммуникативном и социальном пространствах провинции Сычуань // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 271–281.

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Социолингвистические категории языков КНР: структурная модель обыденных представлений и ее визуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1102–1120.

ССТ – Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Dai Qingxia. 戴庆厦. 论母语[J]．民族研究, 1997. № 02. C. 59–64．

Guo Longsheng, Li Weihong, Yao Xihuang, Wei Hui. 郭龙生,李卫红，姚喜双,魏晖. 教育领域普通话普及情况调查分析[J]. 语言文字应用. 2012. № 03. C. 81–89.

Li Yuming. 李宇明. 论母语[J]. 世界汉语教学. 2003. № 01. C. 48–58.

Wang Ning, Sun Wei. 王宁, 孙炜. 论母语与母语安全[J]. 陕西师范大学学报: 哲学社会科学版. 2005. № 34(6). C. 73–77.

Wu Xiaojun. 武小军.新生代流动人口的语言选择与变化[J].语言教学与研究. 2015. № 3. C. 104–112.

Zhang Momo. 张莫末. 理解母语的概念须结合具体语境-根据调查得出的结论[J]. 红河学院学报. 2014. № 3. C. 51–55.

Zhou Qingsheng. 周庆生. 中国'主体多样'语言政策的发展. 新疆师范大学学报(哲学社会科学版). 2013.第34卷第2期. C. 32-44.

Zhou Qingsheng. 周庆生. 国外语言政策与语言规划进程. 语文出版社发行部，2001.

Xue Li *(Moscow, Russia)*
RUDN University

SOCIOLINGUISTIC CATEGORIES OF "MOTHER TONGUE" AND "FIRST LANGUAGE" IN THE CHINESE CONTEXT

Within the Chinese sociolinguistic context, the categories "mother tongue" and "first language" do not consistently align, owing to the country's complex multilingual landscape and prevailing language policies. This article examines the conceptual distinctions between these two categories, elucidates their context-specific interpretations in China, and accounts for the factors underlying their divergence.

Key words: sociolinguistics, language categories, cognitive approach, China, language acquisition, emotional identity

И. Н. Лоханкина, Г. Н. Трофимова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
lokhankinairina@gmail.com, trofimova-gn@rudn.ru

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ЗЕМЛЯЧЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ ОПИСАНИЯ

Данная работа предлагает теоретическое обоснование и описание методологии создания языкового портрета национального землячества, которая базируется на семи взаимосвязанных параметрах. Методология позволяет не только фиксировать языковые практики, но и типологизировать их, создавая основу для дифференцированной языковой политики.

Ключевые слова: языковой коллектив, землячество, социолингвистика, языковая идентичность, методология

Современный интернациональный университет, каким является Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, представляет собой уникальную полилингвальную среду, где пересекаются академический дискурс, межнациональная коммуникация и процессы социокультурной адаптации. Одним из наиболее заметных субъектов этого пространства выступают национальные землячества – объединения студентов-выходцев из одной страны или региона. В отличие от «классических» диаспор, формирующихся вокруг семейной миграции, землячества РУДН обладают рядом специфических черт: возрастная и социальная гомогенность, временный характер пребывания в иноязычной среде (5–7 лет), высокая образовательная мотивация, а также функционирование в относительно замкнутом пространстве кампуса.

Закономерно, что языковой портрет студенческого землячества принципиально отличается от языкового портрета диаспоры. Здесь практически отсутствует фактор межпоколенческого разрыва (родители — дети), характерный для семейных мигрантов, но зато исключительно высокую значимость приобретают горизонтальные связи – общение со сверстниками, совместное проживание в общежитии, участие в неформальных мероприятиях. Кроме того, деятельность университетских землячеств регулируется как внутренними этнокультурными нормами, так и правилами и положениями университета, что создает особые условия для функционирования языков.

Актуальность предлагаемого исследования определяется необходимостью разработки методологического инструментария, соответствующего специфике данного объекта. Традиционные подходы социолингвистики, ориентированные на анализ «устойчивых» диаспорных сообществ, не в полной мере учитывают такие факторы, как динамичность языковых практик на протяжении обучения, влияние академического дискурса на переключение кодов, а также роль общежития и внеаудиторной деятельности как ключевого пространства естественной языковой среды [Povalko et al. 2023]. Целью данной статьи становится теоретическое обоснование и презентация методологии описания языкового портрета национального землячества в университетском коммуникативном пространстве на примере национальных землячеств РУДН.

Методология описания языковых коллективов. Предложенная методология содержит в себе семь взаимосвязанных параметров.

Параметр 1. Структура языкового репертуара. Языковой репертуар – «совокупность речевых форм, употребляемых индивидом или группой в социально значимом языковом взаимодействии» [Жербило 2010: 309]. Основанием для выделения первого параметра служит фундаментальное положение социолингвистики о том, что «ни одно языковое сообщество и ни один индивид не ограничены единственным кодом» [Hymes 1967: 12]. Это положение в равной степени применимо как к устойчивым диаспорным образованиям, так и к временным студенческим объединениям (землячествам). Данный параметр фиксирует доступный участникам коммуникации набор

кодов и их иерархию внутри коллектива. Для землячеств характерен трехступенчатый репертуар: родной язык (этнический язык, язык семейной коммуны), русский язык (язык принимающей стороны, язык учебного процесса), язык международного общения (преимущественно английский, выполняющий функции языка академической мобильности и глобальной коммуникации). В ситуации университетского землячества доминирование того или иного языка не является фиксированным, а определяется ситуативными коммуникативными факторами.

Параметр 2. Распределение кодов по сферам общения. Л.П. Крысин в «Очерках по социолингвистике» отмечал, что «один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое общество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения» [Крысин 2021: 20]. Данный параметр описывает функциональную принадлежность языков к конкретным сферам жизни. Для студенческих землячеств можно выделить четыре основных домена: бытовой (общежитие, кухня, неформальные встречи), академический (семинары, конспекты, подготовка к сессии), официальный (взаимодействие с администрацией) и культурный (праздники, фестивали, мастер-классы). Анализ распределения кодов по доменам позволяет выявить в процентном соотношении, сколько речи приходится на тот или иной язык в каждой сфере общения.

Параметр 3. Типы смены языкового кода (код-свитчинг). Опираясь на классификацию Д. Блума и Д. Гумперца, можно выделить два типа переключения кодов, характерных для землячеств РУДН [Blom, Gumperz 1972: 407–434]: ситуативный и метафорический. Ситуативный код-свитчинг представляет собой переключение между языковыми кодами, обусловленное изменением коммуникативной ситуации извне (состав участников, место, социальный статус адресата или контекста), но при сохранении неизменной темы высказывания и отношения говорящего к ней. В отличие от метафорического код-свитчинга, который связан со сменой стиля, эмоциональной окраски или социальной дистанции в рамках одной ситуации, ситуативный тип отражает адаптацию говорящего к новым коммуникативным условиям. Такое переключение кодов функционирует как стратегия соблюдения социолингвистических норм, принятых в конкретной коммуникативной среде. Без дифференциации типов переключения кодов невозможно интерпретировать мотивацию его использования – является ли оно реакцией на изменение внешних условий или выражением нового отношения к изменившимся ситуациям.

Параметр 4. Функции код-свитчинга. Во время проведения исследования землячеств как социолингвистического феномена (подробнее см. [Лоханкина 2025]) было проведено интервьюирование студентов-участников национальных землячеств, по результатам которого были выделены семь функций: коммуникативная (передача информации там, где одного кода недостаточно), идентификационная (маркирование принадлежности к группе), эмоционально-регуляторная (снижение стресса через «лингвистическое убежище»), когнитивная экономия (использование слова, «первого

пришедшего на память»), солидаризирующая (создание «мы» через общий код), цитирование (передача национальной культуры через устойчивые фразы) и стилистическая (создание «экзотического» эффекта для принимающей аудитории).

Параметр 5. Степень диглоссии. Диглоссия – «ситуация сосуществования двух вариантов одного языка (или двух языков), при которой один вариант («высокий») используется в формальных ситуациях, а другой («низкий») – в неформальных» [Ferguson 1959: 328]. Концепция Ч. Фергюсона требует некоторой адаптации для анализа временных студенческих объединений, таких как землячества: вместо бинарного противопоставления «высокий/низкий» вводится шкала степени диглоссии, отражающая вариативность функционального разделения кодов: 1). Высокая степень – четкое разделение функций без смешения кодов; 2). Средняя степень – допустимые вкрапления родного языка; 3). Низкая степень – гибридная модель без функциональных границ. Такая дифференциация позволяет количественно оценивать вариативность языкового поведения и соотносить ее с культурно-психологическими установками студентов.

Параметр 6. Языковая идентичность. Языковая идентичность – «отношение индивида или группы к языку как к маркеру принадлежности к определенной социокультурной общности» [Fishman 1966: 28]. Выделение данного параметра опирается на параметры символического поля языковой ситуации [Москвичева, Гасанов 2021; Москвичева и др. 2023]. Без анализа идентификационного аспекта невозможно понять, почему студенты сохраняют родной язык даже при стабильном владении русским, является ли это защитой идентичности или ресурсом для диалога. В землячествах язык может выполнять две противоположные функции: как «граница», отделяя «своих» от «чужих», или как «мост», соединяющий народы, то есть ресурс межкультурной коммуникации.

Параметр 7. Адаптационная языковая стратегия. Параметр выделен с учетом необходимости адаптации иностранных студентов в чужой языковой среде, землячества же в данной ситуации выполняют роль «буфера» для смягчения психологической и языковой нагрузки на обучающихся. Дж. Берри выделяет четыре стратегии адаптации: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация [Berry 1997: 5]. Для анализа студенческих объединений релевантны две стратегии: сепарация с последующей постепенной интеграцией и интеграция с сохранением национальной культурной идентичности. Без связи языкового поведения с адаптационной стратегией невозможно интерпретировать лингвистические особенности иностранных студентов во время адаптации к обучению.

Таким образом, предложенная модель описания языкового портрета языкового коллектива позволит не только зафиксировать языковые практики землячеств, но и типологизировать их, выявляя закономерности языкового поведения студентов. В соответствие с данной методологией могут быть разработаны языковые портреты национальных землячеств РУДН, что имеет не только социолингвистическое значе-

ние, но и практическое применение – составить информационную базу для языковой политики университета.

Литература

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.

Лоханкина И.Н. Социолингвистические характеристики студенческих землячеств // Язык. Культура. Коммуникация. «VII Фирсовские чтения». Москва, 23–25 октября 2025 г. М.: РУДН, 2026. С. 502–507.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 20–25.

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 59–69.

Москвичева С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме. // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 689–715.

Berry J. W. Acculturation as varieties of adaptation // A. Padilla (Ed.). Acculturation: Theory, models and some new findings. Boulder: Westview Press, 1980. P. 9–25.

Blom J.-P., Gumperz J.J. Social Meaning in Linguistic Structures: Code Switching in Northern Norway // Directions in Sociolinguistics / J.J. Gumperz, D. Hymes (eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 407–434.

Ferguson C.A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. No. 2. P. 325–340.

Fishman J.A. Language Loyalty in the United States. Hague: Mouton, 1966. P. 28.

Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolysheva O.N. (2023). Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1321–1336.

A.N. Lokhankina, G.N. Trofimova *(Moscow, Russia)*
RUDN University

LINGUISTIC PORTRAIT OF FRATERNITY: METHODOLOGY OF DESCRIPTION

This study offers a methodology for describing the linguistic portrait of a linguistic collective. The methodology is based on seven interrelated criteria. The proposed methodology allows not only to record language practices, but also to typologize them, creating the basis for a differentiated language policy.

Key words: language collective, fraternity, sociolinguistics, linguistic identity, methodology

А. Ю. Мелина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
mcshane97.pm@gmail.com

МЕСТО НЕОЛОГИЗМОВ, СОЗДАННЫХ С ЦЕЛЬЮ ОБХОДА АЛГОРИТМОВ ИНТЕРНЕТ-ЦЕНЗУРЫ (АЛГОСПИК) В ЯЗЫКЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В работе рассматриваются причины появления неологизмов, связанных с обходом механизмов интернет-цензуры (также известных как алгоспик), основные способы их образования, перспективы эффективности и целесообразности их использования, а также возможные направления изучения данного явления.

Ключевые слова: алгоспик, социальные сети, неологизмы, интернет-цензура, сленг

Понимание сущности жаргона алгоспик и особенностей, отличающих его от других видов интернет-неологизмов, невозможно без понимания его генезиса. Первичной предпосылкой появления алгоспика является массовое изменение в структурах пользовательских лент социальных сетей, т.е. материала, который пользователи этих платформ видят, как только осуществляют вход в свой аккаунт. С момента появления социальных сетей и до середины 2010-х гг. содержание такой ленты определялось в первую очередь самим пользователем с помощью подписок на интересующие страницы, где публикации отображались в обратном хронологическом порядке. В дальнейшем, однако, социальные сети изменили эту модель в пользу алгоритмической выдачи, при которой интересы и вовлеченность пользователя анализировались искусственным интеллектом, и в новостной ленте в случайном порядке отображались материалы, которые такая система сочтет наиболее интересными для владельца аккаунта вне зависимости от того, подписан ли он на публикующие их страницы. Таким образом, пользователи соцсетей лишились значительной части контроля над тем, какие материалы они потребляют, перешедшего к администрации платформ [Berman, Zsolt 2016].

Результатом данного перехода стало то, что у блогеров возникла необходимость более активной модерации создаваемого ими контента для того, чтобы эти публикации попадали в алгоритмическую ленту как можно большего количества пользователей [Berman, Zsolt 2016]. При этом точные принципы действия алгоритмов отличает высокая степень непрозрачности [Cobbe 2021] и сложность определения того, какие материалы будут успешно продвигаться, а какие окажутся в т.н. «теневом бане» – ситуации, когда они недоступны или ограниченно доступны в пользовательской ленте и поисковой выдаче [Chen, Zaman 2024]. Наиболее подвержены действию такой разновидности цензуры публикации, связанные с описаниями жестокости и насильственных преступлений, а также содержащие политические комментарии, либо несущие эксплицитный сексуальный характер, что обусловлено двумя ключевыми факторами: во-первых, стремлением соцсетей модерировать

контент, который они сочтут вредоносным, во-вторых, нежеланием аффилиации с материалами данной тематики со стороны рекламодателей и, как следствие, падением доходов размещающих такой контент площадок [Tufekci 2015].

Особенностью модерации алгоритмической ленты также является высокая степень ее автоматизации. С одной стороны, это затрудняет публикацию контента на чувствительные темы, а иногда и на темы, связанные с чувствительным контентом опосредованно. К примеру, если социальная сеть отказывается продвигать материалы, связанные с насилием, то в стоп-листах ее алгоритмов (т.е. в списках слов, при обнаружении которых искусственный интеллект ограничивает видимость публикации) могут находиться все обозначающие акты насилия слова. В результате, такой механизм будет автоматически снижать видимость любых материалов, содержащих, например, слово «убить», даже если это слово употреблено в контексте пересказа художественного произведения или в переносном значении как во фразе «убить время». С другой стороны, обход такой модерации становится более возможным, чем обход модерации, осуществляемой живым человеком. Осознавая наличие алгоритмического фильтра, пользователи могут цензурировать слово «убить» так, чтобы оно не могло быть распознано, к примеру, заменяя одну или несколько букв, сохраняя при этом узнаваемость слова для аудитории. Автоматизация данного процесса означает также, что алгоритм, в отличие от человека, не способен распознать сарказм, аллегории и иносказания [Cobbe 2021].

Таким образом, термин «алгоспик», образованный путем слияния слов algorithm (алгоритм) и speak (говорить) [Rybakova 2022] подразумевает под собой совокупность лингвистических модификаций, производимых с целью обхода алгоритмических модерационных фильтров [Gurkan, Aleksic 2025]. Наиболее распространенными среди таких модификаций являются [Stano 2022]:

1. замена одной или нескольких графем в слове (например, *p4ndemik* вместо *pandemic*);

2. использование неологизмов, несущих функцию эвфемизма (например, *to unalive* вместо *to kill*);

3. замена лексических единиц другими, рифмующимися или созвучными (например, *PDF file* вместо *pedophile*);

4. использование метафор (например, *spicy* как обозначение контента сексуального характера);

5. замена лексических единиц на эмоджи (например, использование эмоджи в виде арбуза вместо прямого упоминания израильско-палестинского конфликта);

6. аббревиация (например, *SA* вместо *sexual assault*).

Характерными особенностями алгоспика, отличающими его от других видов интернет-сленга при этом являются:

1. Обстоятельства его возникновения. Появление алгоспика обусловлено экзогенным фактором, а именно существованием автоматизированных инструментов модерации контента.

2. Высокая степень мультимодальности [Willenberg 2024; Hughes et al. 2024]. Для алгоспика характерно использование аудиозаписей, визуальных стимулов и поясняющих жестов. К примеру, автор может заменить слово *kill* неологизмом unalive, эмоджи с изображением пистолета, звукоподражанием *pew-pew* или жестом в виде приставления указательного и среднего пальцев к голове.

3. Высокая степень взаимосвязи различных способов модификации. Один термин алгоспика может сочетать в себе более одного способа образования. К примеру, использование эмоджи в виде винограда для описания сексуализированного насилия обусловлено созвучием в английском языке слов *grape* 'виноград' и *rape* 'изнасилование', сочетая тем самым способы 3 и 5 из указанной выше классификации.

Говоря об эффективности алгоспика и перспективах его сохранения в современном языке, следует отметить два ключевых фактора, представляющие в данном контексте значительный вызов. Во-первых, сохранение лексем данного жаргона осложнено их утилитарным происхождением. Иными словами, если администрации социальной сети известно, что тот или иной неологизм используется с целью обхода их «черных списков», они могут добавить в «черные списки» уже этот неологизм, таким образом делая его неактуальным. Вторым фактором является необходимость создания таких неологизмов, которые, будучи эффективным средством обхода цензуры, остаются семантически понятными для широкой аудитории.

Тем не менее, для дальнейшего изучения данного явления, алгоспик вызывает интерес с точки зрения психолингвистики. Представляется целесообразным изучение влияния алгоспика на восприятие содержащей его речи и воспроизводящего ее субъекта. Дополнительно представляет интерес рассмотрение процессов вытеснения общепринятых лексических единиц терминами алгоспика, в частности в лексиконе детей и подростков. Предлагается также дальнейшее изучение эффективности алгоспика как метода маскировки контента от модерационных фильтров и возможность обхода данных механизмов контроля без применения алгоспика.

Литература

Berman R., Zsolt K. The impact of curation algorithms on social network content quality and structure // SSRN Electronic Journal. 2016.

Chen Y-S, Zaman T. Shaping opinions in social networks with shadow banning // PloS ONE. 2024. Vol. 19. No. 3.

Cobbe J. Algorithmic censorship by social platforms: power and resistance // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34. P. 739–766.

Gürkan, H., Aleksic A. Algospeak: How social media is transforming the future of language. Penguin Random House, 2025.

Hughes B. et. Al. Among the New Words // American Speech. 2024. Том 99. № 1. P. 78-90.

Reyes A., Rosso P., Buscaldi D. From humor recognition to irony detection: the figurative language of social media // Data & Knowledge Engineering. 2012. 74. P. 1-12.

Rybakova A. Neologisms: sociolinguistic approach // SSRN Electronic Journal. 2022.

Stano S. Linguistic guerrilla warfare 2.0: On the "forms" of online resistance // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2022. DOI: https://doi.org/10.4396/2022SFL13

Tufekci Z. Algorithmic harms beyond Facebook and Google: emergent challenges of computational agency // Colorado Technology Law Journal. 2015. 13. P. 203-218.

Willenberg M. TW: su1(1d3 -Multimodal Self-Censorship on YouTube // JournaLIPP. 2024. P. 99-123.

A.Y. Melina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

ALGOSPEAK IN MODERN SOCIAL MEDIA LANGUAGE

The paper explores algospeak origins and the most common methods of creating its terms along with its viability and possible angles for further research.

Key words: algospeak, social media, neologisms, internet censorship, slang

И. И. Митрофанова, Гун Пин *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
Mitrofanova-ii@rudn.ru, *1724927431@qq.com*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АРГУМЕНТАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В статье исследуется лексическая система романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» как средство аргументативного воздействия на читателя; целью является выявление психолингвистических механизмов формирования когнитивных и эмоциональных реакций. Работа выполнена с использованием психолингвистического, когнитивно-дискурсивного анализа. Показано, что лексическая организация текста функционирует как целостный аргументативный механизм.

Ключевые слова: психолингвистика, аргументативный анализ, языковая организация, концепт веры, метафорические структуры, эмоциональное воздействие, ритмическая организация речи

В гуманитарном знании последних десятилетий заметно усиливается интерес к тому, как художественный текст воздействует на адресата не только эстетически, но и когнитивно, эмоционально и аксиологически — то есть формирует модель понимания, переживания и оценки. Такой подход закономерен для психолингвистической парадигмы, ориентированной на изучение «говорящего/воспринимающего человека» и речевой деятельности как комплексного феномена. В научной литературе аргументация трактуется по-разному: как процесс приведения аргументов [Подопригора, Подопригора 2015: 21] и как совокупность самих аргументов [Ожегов 2018: 51]. Современная психолингвистика рассматривает аргументативное воздействие как многоуровневый процесс, включающий когнитивные, эмоциональные, аксиологические компоненты.

Цель работы — выявить психолингвистические механизмы, посредством которых лексико-семантическая организация романа формирует аргументативный эффект и «убеждение через переживание». Методологическую основу исследования составляют психолингвистический, когнитивно-дискурсивный и контекстуально-интерпретационный методы анализа, позволяющие рассматривать языковую организацию текста как механизм формирования смыслов и ценностных ориентаций.

Эффективность речевого воздействия во многом определяется способами организации дискурса. Речевая коммуникация предполагает высокую степень воздействия и убеждения. В процессе выбора наиболее эффективного способа воздействия коммуникант стремится к оптимизации дискурса, то есть к выбору языковых средств, позволяющих достичь коммуникативной цели наиболее эффективным образом; одним из наиболее действенных способов организации дискурса выступает аргументация [Куликова 2011: 60].

Языковые средства художественного текста инициируют ассоциативные реакции, усиливают эмоциональную вовлеченность читателя, способствуют формированию устойчивых ценностных ориентаций. В художественном дискурсе убедительность достигается не столько логическим доказательством, сколько через эмоциональное переживание, внутреннюю идентификацию адресата с представленными смыслами.

Исследования в области когнитивной поэтики показывают, что ключевые концепты (ВРЕМЯ, ПУТЬ, ЖЕРТВА, ГРЕХ, ИСКУПЛЕНИЕ) формируют интерпретационные координаты текста. Повторяемость лексики, ритм и метафорические структуры выступают когнитивными ориентирами, направляющими процесс смыслообразования [Мальнева 2022: 131–146]. Эмоциональная аргументация реализуется через аффективно нагруженные лексемы, активирующие эмпатию, моральную рефлексию [Ашурова 2020: 112–124].

С психолингвистической точки зрения восприятие текста включает три этапа: восприятие, интеграцию и оценку. На последнем этапе формируется аргументативный эффект — посредством активации символических и метафорических структур, направляющих интерпретацию.

Ключевым механизмом художественного воздействия в романе является когнитивный резонанс — согласование языкового сигнала с внутренним опытом читателя. Так, в сцене смерти Устины: *Жаль, Арсение, что я ухожу… – Устина, не уходи…* минимализм языковых средств усиливает трагизм, создавая эффект непосредственного эмоционального включения. Аналогичный эффект наблюдается в реплике Христофора: *Аще лягу, в той же час умру…*, где архаическая форма сочетается с психологически узнаваемой ситуацией, формируя многослойность восприятия.

Аргументативный потенциал текста проявляется через систему лексических концептов. Например, концепт времени структурирует повествование как нелинейную, циклическую модель. Уже в прологе (*в разное время у него было четыре*

имени…) формируется многослойное представление времени, переходящее от биографического к сакральному уровню.

Аналогичный механизм реализуется в сцене встречи Арсения с Устиной: лексика переходного состояния природы (*конец февраля*, *запахло весной*, снег еще не таял») создает символическое пространство между жизнью и смертью. Ритмическое чередование фраз («но что-то его остановило. Это был взгляд») усиливает эмоциональное напряжение.

Существенным элементом аргументации является лексическая гетерогенность. Сочетание архаической и разговорной лексики формирует многослойное смысловое пространство. Например, в эпизоде со старцем Никандром каноническая лексика (*грех*, *паства*) сочетается с бытовыми выражениями (*не морочьте мне голову*), что разрушает дистанцию между сакральным и повседневным.

Трансформация номинации героя (Рукинец → Врач) также выполняет аргументативную функцию, отражая его духовное становление.

Эмоциональная аргументация строится на повторе ключевых лексем (*грех*, *страдание*, *милость*). В сцене смерти Устины повтор лексической единицы *грех* усиливает трагическое напряжение и переводит частное событие в универсальное нравственное измерение. В эпизоде исповеди повтор организует текст как ритмическую структуру, вовлекающую читателя в процесс осмысления.

Особую роль играют семантические повторы, формирующие устойчивые когнитивные схемы. Так, мотив «рук» проходит через весь текст: от ремесленного инструмента к символу духовного дара. Аналогично функционирует повтор лексем «говорить» и «трава», создающий эффект накопления смысла и постепенного формирования знания.

Аргументативное воздействие реализуется через три уровня:1) когнитивный — формирование смысловых схем («время — вечность», «грех — искупление»); 2) эмоциональный — активация аффективных реакций; 3) аксиологический — закрепление ценностных установок.

На аксиологическом уровне особую роль играют культурные сценарии. Например, решение Арсения прожить жизнь Устины интерпретируется через христианскую модель жертвенной замены. Лексемы «обет», «искупить», «отречься» переводят личный выбор в сакральный регистр.

Аналогично сцена наставления о юродстве («иди по миру без крова…») воспроизводит каноническую модель аскетического подвига, обеспечивая убедительность через культурное узнавание.

Дискурсивная организация текста способствует формированию перспективной идентичности: читатель воспринимает позицию героя как собственную. Например, в прологе («он не всегда понимал, какое время настоящее») происходит слияние повествовательной и внутренней перспективы.

В сцене смерти Христофора ритм и лаконичность фраз создают эффект присут-

ствия, а в эпизоде паломничества («Он нес ее…») повтор формирует синтез физического, эмоционального и духовного действия.

Авторская позиция реализуется имплицитно — через лексическую систему и ритмическую организацию текста. Этическая лексика («грех», «покаяние», «милость») формирует ценностное пространство, направляющее интерпретацию.

В диалоге Арсения со старцем («Для Бога все живые…») индивидуальный страх смерти включается в универсальную христианскую модель. В эпизоде со скудельницей («смерть без покаяния») формируется представление о грехе как нарушении космического порядка.

Таким образом, психолингвистический анализ романа «Лавр» показывает, что убеждающее воздействие текста реализуется как комплексный процесс, основанный на взаимодействии смысловых, аффективных, ценностных механизмов. Лексическая организация текста выполняет моделирующую функцию, формируя не только смысл, но и внутреннее переживание. Убедительность достигается не через логическое доказательство, а путем «убеждения через переживание», при котором язык становится инструментом духовного опыта. Тем самым «Лавр» может быть охарактеризован как целостная художественно-психологическая система, где убедительность определяется не суммой «аргументов» в логическом смысле, а внутренней согласованностью лексической, ритмической и символической организации речи.

Литература

Ашурова Д.Р. Психолингвистические механизмы восприятия религиозного текста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 6. С. 112–124.

Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации: на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2011.

Мальнева О.А. Ритм и повтор как когнитивные механизмы восприятия текста // Проблемы современной филологии. 2022. № 6. С. 131–146.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2018.

Подопригора С.Я., Подопригора А.С. Философский словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2015

I. I. Mitrofanova, Gong Ping *(Moscow, Russia)*
RUDN University

PSYCHOLINGUISTIC MECHANISMS OF ARGUMENTATIVE INFLUENCE IN THE LEXICAL SYSTEM OF E.G. VODOLAZKIN'S NOVEL "LAUREL"

The article examines the lexical system of the novel "Laurus" by Eugene Vodolazkin as a means of argumentative influence on the reader. The aim of the study is to

identify the psycholinguistic mechanisms involved in shaping cognitive and emotional responses. The research employs psycholinguistic and cognitive-discursive analysis. The findings demonstrate that the lexical organization of the text functions as an integrated argumentative mechanism that produces cognitive resonance and contributes to the formation of the reader's value orientations.

Key words: psycholinguistics, argumentative analysis, linguistic organization, concept of faith, metaphorical structures, emotional impact, rhythmic organization of speech

С. А. Москвичева *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
moskvitcheva@mail.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК»: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Предлагается рассмотреть модус существования категории НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК как социального факта, конструируемого через историю, память, институты и традиции. Смешение онтологической и гносеологической перспектив анализа языкового континуума приводит к синонимии и полисемии понятий родно, национального, государственного языков.

Ключевые слова: социолингвистическая типология, социолингвистическая категоризация языков, национальный язык, родной язык, государственный язык, репрезентации языка

Введение. Вопросы, связанные с исследованием принципов и практик социолингвистической категоризации языкового пространства, а также анализ номинаций данных категорий были и остаются социально значимыми, поскольку напрямую связны с вопросами национальной и культурной идентичности, психологическим и социальным благополучием, соблюдением прав и ожиданий как этнических и языковых меньшинств, так большинства общества.

Социолингвистическая категоризация, как и любая категоризация, по своей природе является формой познания действительности, в которой одним из основных методов организации и упорядочивания полученных знаний является классификация. Сложности создания социолингвистических категорий обусловлены вариативностью трех групп факторов: во-первых, субъектом категоризации, во-вторых, признаками и функциями языка, выбранными как основание категоризации, в-третьих, лингвистической природой номинации категории, для которой, как для любого языкового знака свойственен ассиметричный дуализм (С. Карцевский).

Субъектом социолингвистической категоризации могут быть как обычные носители языка, так и представители экспертного сообщества и власти. У данных групп, как правило, разные типы потребности в языке, а следовательно, и разные языковые репрезентации и лояльности. Социолингвистическая категоризация язы-

ков является следствием выявления значимых характеристик языков и их вариантов с точки зрения объема выполняемых ими коммуникативных и символических функций в обществе. При этом факторы, определяющие функционально значимые характеристики языка, имеют экстралингвистическую природу и могут включать территориальное, историческое, политическое, экономическое, психологические и иные измерения. Номинации социолингвистических категорий языков являются терминами и входят в терминосистему социолингвистики, но одновременно они же могут быть и словами обыденного языка, и частью институционально-правовых текстов. Совмещение в одной номинации разных типов категоризации, обусловленных целями и задами их субъектов, неизбежное развитие синонимии и полисемии номинаций как в рамках терминосистемы, так и в обыденном языке приводит к необходимости комплексного анализа номинаций социолингвистических категорий, в первую очередь, с учетом их онтологической и гносеологической природы, поскольку на пересечении этих подходов возникают конкурирующие репрезентации явления, что и приводит к появлению дополнительных смыслов.

В настоящей статье предпринята попытка провести такой анализ онтологического и гносеологического статуса для номинации НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК. Однако, поскольку данная номинация в семантическом, когнитивном и социальных планах тесно связана с номинациями РОДНОЙ и ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК, они также будут привлекаться для сравнения в той степени, в которой это необходимо для изложения материала. Важно оговорить, что понятие НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА отлично от понятия общенародного языка, которое представляет собой другую социолингвистическую категорию.

Онтологический и гносеологический статус понятия. Онтологический ракурс предполагает ответ на вопрос что и как именно существует. Язык может иметь форму реального, идеального, психического феномена или же социального факта [Дюркгейм 2021]. Именно к последнему типу ближе всего стоит НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, имеющий культурно-историческое бытие в рамках объективно-идеальной реальности. Национальный язык формируется через дискурсивные формации [Фуко 2004] как всеобщая, нормативная и, что важно, вне территориальная форма. Национальный язык как социальный факт не зависит от воли человека. Что касается РОДНОГО ЯЗЫКА, его онтологическая природа связана с экзистенциально-личным бытием, реальность которого имеет психический характер. Если национальный язык не имеет конкретной локализации, то родной язык локализован в пространстве индивидуальной психики. Природа государственного языка является институционально-нормативной.

Гносеологический подход отвечает на вопрос не о природе бытия объекта, а о природе знания об объекте. В этом аспекте исследуются типы и источники знания о языке, способы его верификации, принципы категоризации языкового континуума и их эпистемологическая уязвимость. С этой точки зрения источником

знания РОДНОГО ЯЗЫКА является чувственный опыт, непосредственная практика речевого взаимодействия, а поскольку родной язык локализован в определенном физическом пространстве, то авторитетом нормы как на уровне структуры, так и на уровне коммуникативных практик, формирующих габитус, будет семья и ближайшее окружение. Знание родного языка имплицитно и как правило не подвергается рефлексии и осознанию. Источником знания и усвоения НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА является система образования, данный вариант опирается на авторитетные источники, закрепленные в культурно-исторических нарративах коллективной памяти, а также в актах нормирования и кодификации языкового материала. Знание национального языка может быть только нормативным, эксплицитным и осознанным. Критерием достоверности знания родного языка служит интроспекция. Критерием знания национального языка – авторитет и традиции нормы. Эти различия в гносеологической природе лежат в основе ряда проблем в области языкового строительства, например, неприятия стандартного языка.

Обсуждение. В связи с вышеизложенными онтологическим и гносеологическим подходами следует обратить внимание как минимум на две группы вопросов. С первой группой связаны процессы интериоризации языка. Для родного языка данный процесс проходит естественно и неосознанно. Однако форма национального языка в процессе его усвоения может быть также интериоризованна и воспринята как продолжение родного языка. Такое положение дел характерно для языков с высоким уровнем стандартизации и кодификации и долгой историей их применения. Так, между родным русским языком, усвоенным в детстве, и русским языком, изучаемым в школе нет конфликта репрезентаций. Русский язык – это все тот же русский язык, просто изучаемый на более глубоком уровне. Такое положение не всегда характерно для миноритарных языков с незавершенными процессами стандартизации. В этой связи важно отметить, что неразличение и непонимание различий в онтологической природе родного и национального языков может неблагоприятно сказаться на их судьбе. Так, процессы форсированной стандартизации и нормализации (в терминах каталонской социолингвистической школы) языков такого типа могут оказать негативное влияние на уровень их витальности, поскольку стандартный вариант не воспринимается как «свой» язык», а престиж использования локальных вариантов не поддерживается на институциональном уровне. В итоге все формы существования языка оказываются уязвимыми.

Второй тип проблем обусловлен возможным конфликтом репрезентаций языка, которые могут быть тем острее, чем более переплетены в сознании носителей понятия (но не сами онтологические сущности) родного и национального языков. С конфликтом источников и их авторитета связаны различия в репрезентации нормы: что является правильным/неправильным. Также же могут возникать конфликты ценностных установок по отношению с вариантами языка, которые имеют вид высказываний о красивом/некрасивом, богатом/бедном, грубом/изысканном, культур-

ном, древнем и др. языке. В той связи четко прослеживаются типы репрезентаций, связанных со структурными особенностями языка (оценка вариативности на уровне фонетики, лексики, иногда грамматики) и языком как социальным объектом, где активируются репрезентации, апеллирующие к историко-культурной идентичности, аффективным компонентам, и репрезентации, которые можно назвать метаязыковыми, обращенные к статусу, нормами, номинациями языка, языковыми границами. Символическое пространство языка, его вариативность [Москвичева и др. 2023] и связанные с ним репрезентации были объектом целого ряда исследований. В 70–80-е гг. в западной социолингвистике концептуализируется символическое пространство миноритарных языковых ситуаций. В известной степени независимо друг от друга возникли три близких понятия: языковое воображаемое (immaginaire linguistique), введенное и разрабатываемое А.-М. Удебин-Граво [Houdebine-Gravaud 2015], репрезентации языка С. Московичи и Д. Жодле и языковые аттитюды, наиболее разработанным из которых является языковая лояльность (Дж. Фишман), языковая неуверенность (У. Лабов) и гиперкоррекция (М. Франкар). Близость данных понятий обусловлена тем, что в их основе лежит анализ отличных от нормативного типа произношений в соотношении как, собственно, с языковой, так и социально одобряемыми нормами. Важно подчеркнуть, что все это различные репрезентации социолингвистических категорий языка близких к родному и национальному языкам в рамках одного языкового континуума, вычленяемых в соответствии с их онтологической и гносеологической природой.

Заключение. Таким образом, с онтологической точки зрения национальный язык представляет собой социальный факт, а природа его бытия может быть определена как дискурсивная культурно-историческая. В отличи от него родной язык – это психическая реальность личного бытия. С гносеологической точки зрения национальный и родной языки различны по источнику знания (чувственный опыт для родного языка и формальное образование для национального), по специфике формы знания (имплицитно и неотчуждаемо для родного языка, эксплицитно, нормативно и конструируемо для национального), по достоверности знания (интроспекция для родного языка и эксплицитные нормы и авторитет для национального). Логический анализ и последовательное различение онтологического и гносеологического статуса языков позволяет избежать разного рода ошибок в процессе языкового планирования и управления языковым разнообразием. Например, показывает в чем ошибочность требований соответствовать национальной норме, предъявляемых родному языку.

Литература

Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М.: АСТ. 2021.

Москвичева С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 689–715.

Фуко М. Археология знания СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004.

Houbedine A.-M. De l'Imaginaire linguistique à l'imaginaire culturel // La linguistique. 2015.Vol. 51. P. 3–39.

S. A. Moskvitcheva *(Moscow, Russia)*
RUDN University

THE SOCIOLINGUISTIC CATEGORY OF "NATIONAL LANGUAGE": ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL APPROACHES

This paper proposes treating the mode of existence of the category *NATIONAL LANGUAGE* as a social fact constructed through history, memory, institutions, and traditions. The conflation of ontological and epistemological perspectives in the analysis of the linguistic continuum results in synonymy and polysemy among the concepts of native, national, and state languages.

Key words: sociolinguistic typology, sociolinguistic categorization of languages, national language, native language, state language, representations of language

А. Л. Новиков, И. А. Новикова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
novikov-al@rudn.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Рассмотрена гендерная специфика отношения студентов к искусственному интеллекту с использованием ассоциативного эксперимента. Выборка включала 201 студента московских университетов в возрасте 18–25 лет (63 % – девушки). Установлено, что наиболее частотной ассоциацией в обеих подвыборках является *будущее*. Главное гендерное различие состоит в высокой частотности ассоциации *помощь* и *помощник* у девушек по сравнению с юношами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, отношение, студенты, гендерные особенности, ассоциативный эксперимент

Различные аспекты проблемы искусственного интеллекта (ИИ) находятся в фокусе исследований многих современных наук. «Взрыв» общественного интереса к этой проблеме обычно датируют 2022 г., когда появился чат GPT от компании Open AI – общедоступный чат-бот с генеративным ИИ, работающий в диалоговом режиме. В Национальном корпусе русского языка только с начала 1970-х годов появляются тексты с употреблением термина ИИ, резкий рост частоты употребления термина начинается в середине 2010-х гг.: с 11,6 в 2016 г. к 49,41 употреблений на миллион словоформ в 2020 г. (https://ruscorpora.ru/).

Актуальной проблемой современных социальных наук является изучение отношений (социальных аттитюдов) к цифровым технологиям (ЦТ) вообще и к ИИ в частности. Показано, что субъективное отношение к современным технологиям может варьироваться в зависимости от различных социальных, социально-психологических, психологических факторов и, соответственно, определять возможности, ограничения и перспективы внедрения ЦТ [Новикова, Бычкова 2024; Acosta-Enriquez et al. 2024; Glaveanu, Maier 2025; Ulyanina, Vikhrova 2025]. Одним из традиционных методов исследования отношений к тем или иным явлениям действительности является ассоциативный эксперимент [Борисова 2019; Бубнова и др. 2018; Новиков, Новикова 2022].

Доступные онлайн ассоциативные словари или сервисы (например, «Русский ассоциативный словарь» http://tesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/, Онлайн Слово.ру https://www.onlineslovo.ru/overview/) пока не выдают ассоциаций к термину ИИ. Сервис Sinonim.org (https://sinonim.org/) выдает 58 ассоциаций к этому термину, наиболее частотные: *робот/роботы*, *разум*, *искусство*, *нейронная сеть*, однако разработчики не указывают технологию и базу для поиска этих ассоциаций.

В рамках комплексного исследовательского проекта по изучению отношения к ИИ у студентов нами было проведено пилотажное исследование с целью выявить и сравнить наиболее частотные ассоциации к понятию «искусственный интеллект» у современных юношей и девушек.

Выборка исследования включала 201 студента в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся по социально-гуманитарным направлениям («Психология», «История», «Реклама», «Журналистика» и др.) в нескольких московских университетах, из них – 127 девушек (средний возраст – 20,3 года) и 74 юноши (средний возраст – 20,5 лет).

Для сбора данных использовался опрос с элементами ассоциативного эксперимента: респондентам нужно было назвать пять слов или словосочетаний, которые приходят им в голову при упоминании искусственного интеллекта. Кроме этого, онлайн опросник включал ряд вопросов для получения социально-демографической информации (пол, возраст, направление обучения и др.). Опрос проводился с сентября по декабрь 2025 г. Для обработки данных использовался анализ частотного распределения и визуализация с помощью «облака слов» (https://wordcloud.online/ru).

В результате к стимулу *искусственный интеллект* в группе девушек было получено 640 ассоциаций (5,04 слова в среднем), в группе юношей – 361 ассоциация (4,86 слова в среднем). Для создания «облака слов» из списка были удалены ассоциации, названные только по 1 разу в каждой из групп, в итоге в каждом случае было использовано по 58 разных слов. В использованном сервисе слова приводятся к начальной форме (лемматизируются), величина шрифта отражает частоту встречаемости слов. Результаты представлены на рис. 1–2.

Рис. 1. Визуальное представление ассоциаций к стимулу *искусственный интеллект* в группе девушек

«Облако слов», полученное в группе девушек (рис. 1), наглядно демонстрирует доминирование трех ассоциаций с примерно равной частотой: *будущее, помощь, робот*. В аналогичном «облаке» в группе юношей (рис. 2) явно доминирует только одна ассоциация – *будущее*. Высокая частота этой ассоциации означает, что молодое поколение однозначно воспринимает ИИ как неотъемлемый атрибут дальнейшего развития общества и человека, предвидит его большое «будущее».

Для более подробного сравнения был проведен дополнительный частотный анализ распределения ассоциаций в каждой из групп. Наиболее частотная ассоциация в группе девушек – *помощь* (назвали 34 человека, 26,7 % выборки), дополняемая словом *помощник* (9 человек, 7,1 %). В итоге треть опрошенных студенток (33,9 %), прежде всего, видит в ИИ своего помощника в разных сферах жизни, например, в работе и учебе, как конкретизировано в некоторых ответах. Близкая частотность у ассоциации *будущее* (33 человека, 25,9 %), которая дополняется упоминанием слова *прогресс* (14 человек, 11,0 %), что подтверждает позитивное восприятие ИИ в контексте перспектив его развития в дальнейшем. Почти такая же частота встречаемости у ассоциации *робот* (32 человека, 25,2 %), при этом часто упоминаются и другие «носители» ИИ – *компьютер* (15,0 %), *нейросети* и *чат GPT* (по 12,6 %), *машина* (8,7 %), *интернет* (7,9 %), что свидетельствует о понимании «происхождения» ИИ.

Рис. 2. Визуальное представление ассоциаций к стимулу *искусственный интеллект* в группе юношей

Как уже упоминалось доминирующая ассоциация с ИИ в группе юношей – *будущее* (20 человек, 27,0 %), по частотности практически совпадающая с аналогичной ассоциацией в группе девушек. На втором месте – ассоциация *робот* (15 человек, 20,3 %), которая, как и у девушек сочетается с ассоциациями *машина* (14,9 %), *нейросети* (12,2 %), *компьютер* (8,1 %), а также с оригинальной ассоциацией *терминатор* (10,8 %). Интересно, что юноши гораздо реже, чем девушки называют ассоциации *помощь* (8,1 %) и *помощник* (10,8 %), в чем и проявляются основные различия между выборками.

Анализ содержания ассоциаций показывает, что в обеих группах преобладают ассоциации, свидетельствующие о позитивном (*будущее*, *прогресс*, *помощник*, *возможность*, *удобство*, *развитие*) или нейтральном (*технология, компьютер*, *быстрота*, *скорость*, *инновация*) отношении современных студентов к ИИ. Ассоциация *робот* может иметь различные коннотации: от положительной (например, в сочетании с *помощник*) и нейтральной (например, в сочетании с *технологии*) до отрицательной (например, в сочетании с *терминатор*). Ассоциации, отражающие настороженное и тревожное отношение к ИИ, в обеих группах встречаются гораздо реже: *опасность*, *угроза*, *деградация*, *регресс* и др.

Таким образом, в целом, установлено позитивное отношение к ИИ у современных студентов, о чем свидетельствует доминирование ассоциации *будущее* и у девушек, и у юношей. При этом у девушек положительное отношение проявляется сильнее и в «утилитарном» аспекте через доминирование ассоциаций *помощь* и *помощник*. Преобладание позитивно окрашенного эмоционального аспекта отношений к ЦТ у девушек подтверждается и в других исследованиях [Новикова, Бычкова 2024].

Перспективы исследования связаны, прежде всего, с увеличением выборки и использованием дополнительных методов диагностики и анализа данных.

Литература

Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265–275.

Бубнова Н.А., Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Ассоциативный эксперимент как метод исследования профессионального сознания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 103–108.

Новиков А.Л., Новикова И.А. Отношение к родному и русскому языкам у иностранных студентов: результаты ассоциативного эксперимента // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2022. С. 238–246.

Новикова И.А., Бычкова П.А. Отношение к цифровым образовательным технологиям у студентов: определение, диагностика, гендерные особенности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 70–85.

Acosta-Enriquez B.G., Arbulú Pérez Vargas C.G., Huamaní Jordan O., Arbulú Ballesteros M.A., Paredes Morales A.E. Exploring attitudes toward ChatGPT among college students: An empirical analysis of cognitive, affective, and behavioral components using path analysis // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2024. Vol. 7. Art. 100320.

Glaveanu S.M., Maier R. An analysis of students' attitudes toward artificial intelligence—ChatGPT, in Particular—in relation to personality traits, coping strategies, and personal values // Behavioral Sciences. 2025. Vol. 15. No. 9. Art. 1179.

Ulyanina O.A., Vikhrova E.N. Artificial intelligence technologies, in-person and online learning in higher education: A review of the impact on perceptual features, psychological climate and academic performance // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2025. Vol. 22. No. 2. P. 337–360.

A. L. Novikov, I. A. Novikova *(Moscow, Russia)*
RUDN University

GENDER FEATURES OF ATTITUDES TOWARDS ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN UNIVERSITY STUDENTS

This study examined the gender features of university students' attitudes toward artificial intelligence using an association experiment. The sample included 201 students from Moscow universities aged 18–25 (female = 63%). The most frequent association in both subsamples was found to be "future." The main gender difference is the high frequency of associations "help" and "helper" among female students compared to male students.

Key words: artificial intelligence, attitude, university students, gender features, associative experiment

И. А. Саввин *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
savvin-ia@rudn.ru

GULF PIDGIN ARABIC КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ: ВОСПРИЯТИЕ ЯЗЫКА МИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЗАЛИВА

В статье рассматривается Gulf Pidgin Arabic как особая контактная разновидность арабского языка, функционирующая в странах Персидского залива в условиях трудовой миграции. Анализируется категоризация данного кода в языковом сознании носителей диалекта. Исследуются репрезентации GPA. Делается вывод о том, что GPA представляет собой не «ломаный арабский», а когнитивно и функционально организованную систему.

Ключевые слова: Gulf Pidgin Arabic, когнитивная социолингвистика, языковая категоризация, языковые установки, миграция, страны Залива

В условиях массовой трудовой миграции в странах Персидского залива сформировался особый контактный код, известный как Gulf Pidgin Arabic (далее – GPA). Он используется в повседневной коммуникации между мигрантами и носителями диалекта Залива, а также между самими мигрантами, не имеющими общего языка. Несмотря на широкое распространение, GPA обычно воспринимается как «неправильный», «ломаный» или «неполноценный» вариант арабского языка. Подобная оценка обусловлена не только структурными особенностями GPA, но и тем, каким образом данный код категоризуется в языковом сознании.

Когнитивная социолингвистика рассматривает языковые разновидности не только как объективные системы, но и как социальные и ментальные категории. В сознании говорящих различные языки, диалекты и формы речи ассоциируются с определенными социальными группами, статусом, престижем и принадлежностью к «своим» или «чужим» [Kristiansen, Dirven 2008]. Языковая форма начинает индексировать определенный образ: образованность, высокий или низкий социальный статус, принадлежность к локальному сообществу. В этой связи GPA представляет особый интерес, поскольку он практически всегда связывается с образом мигранта и социальной периферии.

GPA возник в странах Залива во второй половине XX в. в результате контакта диалекта Залива с урду, хинди, бенгальским, малаялам, тагальским и другими языками мигрантов [Avram 2014]. В отличие от обычных диалектов арабского языка, GPA характеризуется значительным морфологическим и синтаксическим упрощением. Для него типично отсутствие согласования по роду и числу, редукция глагольной системы и фиксированный порядок слов. Кроме того, для GPA характерно упрощение именной группы: определенный артикль часто опускается, а категория числа выражается непоследовательно [Bakir 2014].

Так, вместо конструкции, характерной для диалекта Залива:

ana barūḥ il-sūg bukra

‘Я пойду на рынок завтра’,

в GPA может использоваться форма:

ana ruh market bukra

‘я идти рынок завтра’.

Подобные примеры часто воспринимаются носителями арабского языка как совокупность ошибок. Однако с точки зрения когнитивной лингвистики речь идет не о «неправильном языке», а о стратегии снижения когнитивной нагрузки. В ситуации, когда собеседники происходят из разных языковых сообществ и не владеют в полной мере арабским языком, коммуникация становится эффективнее за счет упрощения. Из системы устраняются категории, требующие дополнительных усилий для обработки: согласование, сложные формы времени, вариативность местоимений. GPA, таким образом, функционирует как система когнитивной экономии. Как отмечает М. Альмоайли, подобные особенности не являются хаотичными, а представляют собой устойчивые модели языкового поведения, повторяющиеся у разных групп носителей GPA [Almoaily 2013].

Особенно заметно это в системе глагола. Для GPA характерно употребление одной и той же формы глагола независимо от лица и числа. Например, форма *yisawwi* ‘делать’ может использоваться для разных субъектов: *ana yisawwi*, *inta yisawwi*, *hum yisawwi* [Bakir 2010]. Подобная редукция позволяет избежать необходимости выбора между многочисленными арабскими глагольными парадигмами.

Аналогичным образом функционирует частица *mafi*, которая в GPA служит универсальным средством отрицания: *mafi malum* «не понимаю», *mafi fulus* «нет денег», *mafi ruh* «не пойду» [Bakir 2010]. Универсализация подобных единиц является типичной чертой пиджинов и способствует облегчению языковой обработки. В результате GPA представляет собой не случайный набор ошибок, а систему, ориентированную на максимально быстрое и понятное взаимодействие.

Тем не менее в языковом сознании жителей стран Залива GPA обычно категоризуется не как эффективный контактный код, а как разновидность «чужого» языка. В когнитивной социолингвистике подобный процесс описывается через оппозицию «свой – чужой». Носители диалекта Залива воспринимают GPA как «язык мигрантов», а следовательно – как маркер низкого социального статуса, физического труда и отсутствия образования. В результате даже нейтральные особенности GPA получают отрицательную интерпретацию.

Особенно важную роль играет индексальность языковых форм. По М. Сильверстайну, языковая единица способна обозначать не только свое прямое значение, но и определенную социальную категорию [Silverstein 2003]. Так, конструкция *mafi malum* индексирует не просто отрицание и непонимание, а образ мигранта-рабочего. Напротив, литературный арабский язык или диалект Залива ассоциируются

с престижем, принадлежностью к местному сообществу и более высоким социальным статусом. Следовательно, в сознании носителей возникает устойчивая иерархия языковых разновидностей, где GPA занимает низшую позицию.

Эмпирическое исследование Л.Г. Абеда подтверждает наличие подобных установок. На основе анкетирования и интервью, проведенных в Саудовской Аравии, автор показывает, что большинство носителей арабского языка характеризуют GPA как «неправильный арабский», «язык рабочих» и «искаженную форму языка» [Abed 2018]. При этом отрицательная оценка связана прежде всего не с трудностью понимания, а с социальной принадлежностью его носителей. GPA воспринимается как речь низкоквалифицированных мигрантов из Южной и Юго-Восточной Азии и служит средством символического дистанцирования от них. Напротив, сами мигранты оценивают GPA положительно, рассматривая его как необходимый и полезный инструмент коммуникации [Abed 2018].

Показательно, что информанты в исследовании Абеда допускали использование GPA лишь в ограниченных коммуникативных ситуациях – например, при общении с рабочими, водителями или домашним персоналом. При этом возможность употребления GPA в официальной сфере, образовании или публичном пространстве большинством респондентов отвергалась [Abed 2018]. Следовательно, когнитивная категоризация GPA определяется не только его структурными особенностями, но и устойчивой социальной ассоциацией между данным кодом и образом «чужого» мигранта.

Несмотря на это, современные исследования показывают, что GPA обладает достаточно устойчивой структурой и набором регулярных черт. В нем существуют собственные закономерности употребления местоимений, отрицания, порядка слов и глагольных форм [Alghamdi 2014]. Следовательно, речь идет не о случайной совокупности ошибок, а о полноценной контактной системе, сформировавшейся в условиях интенсивного языкового контакта.

Таким образом, Gulf Pidgin Arabic представляет собой не «ломаный арабский», а особую форму языковой адаптации. Его отрицательное восприятие определяется прежде всего когнитивной категоризацией: в сознании носителей диалекта Залива GPA связывается с образом «чужого» и социально непрестижного языка. Анализ GPA в когнитивном аспекте позволяет показать, что языковые разновидности оцениваются обществом не только по их структуре, но и по тем социальным и ментальным значениям, которые с ними ассоциируются.

Литература

Abed L.G. Gulf Pidgin Arabic: An Empirical Investigation into its Emergence and Social Attitude: thesis. Dublin: Trinity College Dublin, 2018.

Alghamdi E.A. Gulf Pidgin Arabic: A Descriptive and Statistical Analysis of Stability // International Journal of Linguistics. 2014. Vol. 6. No. 6. P. 81–101.

Almoaily M. Language Variation in Gulf Pidgin Arabic. Newcastle upon Tyne: Newcastle University, 2013.

Avram A.A. Immigrant Workers and Language Formation: Gulf Pidgin Arabic // Lengua y Migración // Language and Migration. 2014. Vol. 6. No. 2. P. 51–83.

Bakir M. J. Notes on the Verbal System of Gulf Pidgin Arabic // Journal of Pidgin and Creole Languages. 2010. Vol. 25. No. 2. P. 201–228.

Bakir M. J. The Noun Phrase in Gulf Pidgin Arabic // Pidgin and Creole Languages in Contact with Arabic / C. Miller (ed.). London: Routledge, 2014. P. 137–160.

Kristiansen T., Dirven R. Cognitive Sociolinguistics: Language Variation, Cultural Models, Social Systems. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.

Silverstein M. Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life // Language and Communication. 2003. Vol. 23. No. 3–4. P. 193–229.

I. A. Savvin *(Moscow, Russia)*
RUDN University

GULF PIDGIN ARABIC AS AN OBJECT OF COGNITIVE CATEGORIZATION: PERCEPTION OF THE LANGUAGE OF MIGRANTS IN THE GULF COUNTRIES

The article examines Gulf Pidgin Arabic (GPA) as a distinct contact variety of Arabic that functions in the context of labor migration in the Gulf countries. It analyzes the categorization of this code in the linguistic consciousness of dialect speakers and investigates representations of GPA. The article concludes that GPA does not represent "broken Arabic" but rather constitutes a cognitively and functionally organized system.

Key words: Gulf Pidgin Arabic, cognitive sociolinguistics, language categorization, language attitudes, migration, Gulf countries

Ю. А. Старостина *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
starostina-yua@rudn.ru

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКИХ TELEGRAM-МЕДИА

Статья посвящена анализу языковых и дискурсивных механизмов репрезентации искусственного интеллекта (ИИ) в российских новостных Telegram-каналах на материале 151 поста из каналов *Mash* и *Novosti_Efir*. Особое внимание уделяется антропоморфизации, эвиденциальности, модальности как инструментам медиаповествования.

Ключевые слова: медиадискурс, искусственный интеллект, Telegram-медиа, антропоморфизация, эвиденциальность

В последние годы искусственный интеллект стал не только технологическим, но и дискурсивным феноменом. Социолингвистический подход к анализу дискурса

основан на противопоставлении личностно-ориентированного и статусноориентированного типов дискурса [Карасик 2002]. Его общественное восприятие формируется не столько через технические характеристики, сколько через медиарепрезентации. Как отмечает Н. Фэрклоу, «дискурс не просто отражает реальность, но активно конструирует ее» [Fairclough 1995].

Несмотря на растущий интерес к медиарепрезентациям искусственного интеллекта, российский сегмент новостных Telegram-каналов остается сравнительно слабо описанным именно как специфическая дискурсивная среда. Именно здесь особенно отчетливо проявляются механизмы оперативного смыслообразования: через повторяющиеся лексемы, устойчивые словосочетания, формулы атрибуции, маркеры вероятности и риск-фреймы. В этой связи цель исследования заключается в том, чтобы описать, какими языковыми средствами российские новостные Telegram-каналы конструируют образ ИИ как одновременно технологического, социального и политического объекта. Эмпирическую базу исследования составили 151 публикация из двух российских новостных Telegram-каналов — Mash и Novosti_Efir — за период с января по сентябрь 2025 г. Выбор именно этих площадок обусловлен их сопоставимым охватом при заметном различии стилистической подачи и способов обращения к аудитории. По медиане просмотров каналы близки друг к другу, однако демонстрируют разные режимы новостной презентации: от более массовой и разговорно-драматизированной до более экспертно-маркированной.

В корпус включались публикации, в которых искусственный интеллект, нейросети или связанные с ними технологии выступали центральным предметом сообщения, а не периферийной деталью. Из выборки исключались дублирующиеся сообщения, краткие репосты без самостоятельного текстового наполнения, а также публикации, где упоминание ИИ носило случайный или чисто иллюстративный характер.

Методология и инструментарий. Аналитическая логика исследования строится как комбинация корпусной лингвистики и дискурс анализа: количественная интерпретация фиксирует «что повторяется» и «с чем сочетается», а качественная отвечает на вопрос «какую социальную функцию выполняют эти повторения». Такой корпусно-ассистированный подход широко используется в современной практике анализа дискурса.

В корпусной части применяются: регистронезависимая токенизация и нормализация (в т.ч. е→е); частотный анализ ключевых лексем; анализ коллокаций в окне ±2 токена (как способ выявления устойчивых «соседств» и микропаттернов оценки); тематическое моделирование на основе TF IDF представления и кластеризации k means (k≈5) как техники группировки сообщений по доминирующему словарю.

В дискурсивной части выделяются маркеры эвиденциальности и атрибуции (индикация источника/чужого голоса), а также модальные средства, создающие поле вероятности (*может*, *способен*, *угрожает*). Для оценки общей тональности используется лексикон базовый сентимент анализ; при этом важно учитывать ти-

пичное ограничение словарных подходов: они хуже распознают иронию, контекстные переоценки и прагматические эффекты заголовочного стиля. Такой комбинированный подход соответствует современной практике корпусной лингвистики и дискурс-анализа [Baker, 2006].

Результаты. В обоих каналах доминируют три номинации: «ИИ», «нейросеть», «искусственный интеллект». На этом фоне наблюдается различие в режиме конкретизации. Novosti_Efir систематически использует брендированные обозначения и имена конкретных продуктов/моделей (например, ChatGPT, Gemini, Copilot), тогда как Mash чаще прибегает к обобщенным номинациям (*ИИ*, *нейросеть* без уточнения). В терминах коммуникативной стратегии это читается как оппозиция технологической конкретизации (точечная привязка к бренду, эффект «осведомлtнности» и актуальности), массовой доступности (упрощение и обобщение, снижение порога восприятия).

Отдельный слой конструирования образа ИИ связан с геополитической маркировкой. Упоминания вроде *китайский*, *DeepSeek* и т.п. функционируют не просто как справочная деталь, а как индекс технологической конкуренции: ИИ описывается одновременно как «универсальная инновация» и как ресурс глобального соперничества. Подобная двойная рамка — «технология/геополитика» — согласуется с более общими наблюдениями о том, что общественные обсуждения ИИ нередко привязаны к вопросам силы, контроля и регулирования, а не к инженерным параметрам.

Существенным механизмом легитимации и «страховки» выступает эвиденциальность. Конструкции типа *по данным*, *сообщается*, к*ак стало известно* широко представлены (особенно в Mash) и выполняют две прагматические функции: (1) придают сообщению вид «подтвержденности»; (2) дистанцируют автора от полной ответственности за истинность, переводя высказывание в режим пересказа. В лингвистике эвиденциальность описывается как система средств, структурирующих отношение говорящего к источнику знания. А. Айкхенвальд пишет, что эвиденциальность «структурирует отношение говорящего к источнику информации» [Aikhenvald 2004].

Не менее важны модальные маркеры (*может заменить*, *способен*, *угрожает*), формирующие поле вероятности и неопределенности. В результате ИИ репрезентируется не столько как уже реализованная «сила», сколько как потенциальная — то есть как «грядущий прорыв» или «ожидаемая угроза». Такой режим будущего времени (в широком смысле) усиливает драматургический потенциал новости и повышает вовлеченность аудитории, что совпадает с логикой Telegram новостного потока: оперативность, конкуренция за внимание поощряют сценарность и прогнозирование.

В Novosti_Efir заметнее экспертная атрибуция (*эксперты считают*, *аналитики прогнозируют*): она усиливает авторитетность и производит эффект научно аналитического тона. Эта стратегия отличается от более «массового» режима Mash, где чаще работают эвиденциальные формулы без развернутой институциональной привязки источника.

Один из наиболее устойчивых способов «очеловечивания» технологии — антропоморфизация: *ИИ научился*, *нейросеть думает*, *заменит человека*. Такие конструкции приписывают технологии агентность. Как отмечает Дж. Лакофф, «метафоры формируют наше мышление и действия» [Lakoff & Johnson,1980]. Такие конструкции приписывают ИИ агентность и переводят разговор из плоскости инструмента в плоскость квазисубъекта. На уровне когнитивной теории метафоры это объяснимо: концептуальные метафоры не нейтральны, они направляют восприятие и привычные сценарии интерпретации. В более широких исследованиях репрезентаций ИИ также отмечается, что нарративы и метафоры (включая антропоморфные) задают устойчивые общественные ожидания — от *помощника* до *монстра* и *оружия*.

Во всех анализируемых текстах устойчиво присутствует риск лексика (*угроза*, *опасность*, *мошенничество*, *контроль*, *регулирование*). Этот фрейм задает интерпретацию ИИ как потенциально проблемного явления и смещает фокус с инженерных деталей на социальные последствия. В обзорах по новостному фреймингу ИИ отдельно подчеркивается рост *risk/threat frame* и регулярность сюжетов о контроле, рисках и этических угрозах.

Сентимент-анализ показывает преобладание нейтральной тональности, но внутри тематик тональность распределена неравномерно: негатив концентрируется вокруг рисков (*мошенничество*, *deepfake*, *киберугрозы*), позитив — вокруг инноваций и эффективности. Такая поляризация по темам хорошо согласуется с данными более общих исследований медиа репрезентаций ИИ, где оптимизм и тревога сосуществуют, но включаются разными сюжетами.

Кластеризация (TF IDF + k means) выявляет пять устойчивых тематических зон: образование и кадры (*ИИ как инструмент обучения и подготовки специалистов*); риски и мошенничество (*deepfake*, *киберугрозы*, *манипуляции*); экономика и рынок труда (*автоматизация*, *замещение профессий*); глобальные модели и бренды (*конкуренция компаний и стран*); будущее и ускорение (*темпы прогресса*, *гонка технологий*). Само распределение тем подтверждает общий вывод: Telegram репрезентация ИИ организована преимущественно вокруг социальных эффектов и политэкономических смыслов, а не вокруг технических описаний. Такое сочетание соответствует логике медиадискурса, ориентированного на вовлечение аудитории. Кроме того, выявлены различия между каналами (см. таблицу).

Таблица. Различия между Telegram-каналами

Параметр	**Mash**	**Novosti_Efir**
Эвиденциальность	высокая	умеренная
Атрибуция	низкая	высокая
Брендирование	низкое	высокое
Тон	более массовый	более экспертный

Выводы. Полученные результаты показывают, что образ ИИ в Telegram медиа складывается за счет наложения двух стратегий — технизации и драматизации. Важный вклад в социализацию технологии вносит антропоморфизация, когда ИИ описывается как тот, кто «учится», «думает», «заменяет», он перестает быть нейтральным инструментом и становится участником отношений власти, ответственности, угрозы. Этот лингвистический сдвиг рифмуется с тем, что исследования репрезентаций ИИ фиксируют устойчивость нарративов, в которых ИИ выступает не только средством, но и агентом (что меняет режим общественного обсуждения — от «эффективности» к «контролю» и «опасности»).

Различия между каналами можно интерпретировать как разные медиастратегии. Novosti_Efir, чаще опирающийся на бренды и экспертные формулы, конструирует ИИ как предмет специализированной компетенции и глобальной технологической конкуренции. Mash, чаще использующий обобщающие номинации и эвиденциальные «страховочные» формулы, настраивает аудиторию на повседневное, «жизненно практическое» восприятие ИИ — через риски, бытовые применения и тревожные сценарии. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать расширение корпуса, включение большего числа каналов, а также сопоставление новостных Telegram-площадок с традиционными СМИ, блоговыми форматами и пользовательскими комментариями.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford University: Press, 2004.

Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis. London: Continuum, 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live ByChicago: University of Chicago: Press, 1980.

Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995.

Yu. A. Starostina *(Moscow, Russia)*
RUDN University

DISCURSIVE CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIAN TELEGRAM MEDIA

The present paper investigates the linguistic and discursive mechanisms for representing artificial intelligence (AI) in Russian news Telegram channels, drawing on a corpus of 151 posts from the channels Mash and Novosti_Efir. Particular emphasis is placed on anthropomorphization, evidentiality, and modality as central devices employed in media narrative construction.

Key words: media discourse, artificial intelligence, Telegram media, anthropomorphization, evidentiality

А. Р. Тюлюш *(Кызыл, Россия)*
Тувинский государственный университет
tyulyushayza@gmail.com

ОБРАЗ ВЕТРА В ТУВИНСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу образа хат ‘ветер’ в паремиологических фондах тувинского и немецкого языков. Цель исследования – выявление универсальных и этноспецифических черт в концептуализации данной природной стихии. Материалом для анализа послужили паремии тувинского и немецкого языков, взятые из сборников пословиц. Представлены пословицы, характеризующие образ ветра и его отличительные черты: признак непостоянства, могущественной, но неосязаемой силы, что является общим архетипическим ядром для двух языков.

Ключевые слова: сопоставительная лингвокультурология, паремиология, образ ветра, тувинский язык, немецкий язык, языковая картина мира.

В последние годы тувинская паремиология активно изучается в различных аспектах. Исследователи отмечают отражение в паремиях этнокультурной самобытности народа [Ломакина 2022; Нелюбова 2022; Иванов 2022]. Одной из актуальных задач для паремиологов является включение языков народов РФ, в т.ч. тувинского языка, в евроазиатский континуум, поэтому актуальны работы сравнительно-сопоставительно характера (см.: [Нелюбова 2025; Нелюбова, Ломакина, Мирзоева 2023; Николаева и др. 2023; Соян, Ломакина 2024]). Анализ компонентов, определение их роли в образной системе пословицы становится одним из этапов лингвокультурологического анализа [Иванов и др. 2021].

Образы стихий находят отражение в паремиологическом фонде языка. «Природные условия жизни тувинского народа отразились в пословичных образах и требуют специального лингвокультурологического комментария» [Иванов 2023: 247]. Образ ветра как конкретного природного явления представляет особенности воздушной стихии [Сулейманова 2017].

Источником исследования послужили сборники тувинских и немецких пословиц, из которых приемом сплошной выборки организована картотека паремий с компонентом тув. *хат* и нем. *Win* ‘ветер’, ставшая материалом статьи.

Анализ тувинских паремий позволяет выявить несколько ключевых моделей концептуализации *хат* ‘ветра’ в тувинской языковой картине мира.

1. Ветер как природная сила, имеющая предел: *Хат улуг-даа болза, хаяны уг-бас, Хаан бай-даа болза, эдинге төкпес* ‘Ветер хоть и сильный, но скалу не поднимет, / Хан хоть и богатый, золотом не насытится’ [ППТН: 49], где актуализируется идея некой ограниченности даже самой могущественной силы. Параллелизм между природными компонентами *хат – хая* ‘ветер – скала’ и социальным *хаан – бай* ‘ко-

роль – богач' мирами служит для иллюстрации универсального закона меры и предела. Образ ветра выступает в данном случае в качестве наглядного подтверждения социальной норме.

2. Ветер как необходимая причина, оживляющая вселенную: *Хат чокта, сиген бажы шимчевес* 'Без ветра трава не зашелестит' фиксирует причинно-следственную связь, где ветер является обязательным, невидимым началом, приводящим мир в движение и делающим его осязаемо живым [ППТН: 49]. Эквивалентной паремией в русском языке считается «нет дыма без огня».

3. Ветер как характеристика пространства и его обитателей: *Хатчыл черниң ыяжы илдең, Кайгал эрниң караа илдең* 'Ветреное место узнают по деревьям, Удалого молодца – по глазам' ветер выступает как устойчивый, сущностный признак ландшафта, формирующий его облик [ППТН: 50]. Через параллелизм это свойство пространства проецируется на характеристику человека, создавая модель «внешнее проявление – внутренняя сущность».

4. Ветер как сопутствующее и усиливающее явление: *Хаттыг чаашкын аязыычал, Халымак аът буруучал* 'Дождь с ветром быстро пройдет, Конь с норовом быстро устает' [ППТН: 49]. Здесь демонстрируется понимание ветра как неотъемлемой части другого погодного явления (ветер-дождь, дождливый ветер), показывая некую созависимость в природе. Вторая часть паремии переносит это же свойство уже на сферу характера живого существа (коня), где идет некая аналогия – конь как ветер, такой же быстрый и нестабильный.

5. Ветер как очищающая и рассеивающая сила: *Кара булутту хат тарадыр, Кара херекти хээли агартыр* 'Черные тучи ветер разгонит, Глухое дело взятка оправдает' ветер представлен как стихия, способная рассеять мрак и очистить небо [ППТН: 93]. Метафорически эта его функция противопоставлена социальному пороку (взятке), что усиливает контраст между естественным порядком природы и неправильным порядком человеческих отношений.

6. Ветер как неотъемлемый атрибут высоты: *Шогжаң бажы хаттыг, Шош бажы ханныг* 'В горах ветер дует, В бою же кровь льется' указывает на ветер как на обязательный, сущностный признак высокогорья [ППТН: 62]. Через параллелизм это природное условие сопоставляется с не менее сущностным признаком битвы – кровопролитием, подчеркивая неизбежность и естественность обоих явлений.

7. Ветер / воздух как синоним жизни: *Тын – алдын, Хүн күзел* 'Дыхание (жизнь) – золото, Солнце – надежда' [ППТН: 44]. Тувинская лексема *тын* означает жизнь (физическая, которая может оборваться), но в данной лексеме заложена связь с природной стихией ветра поскольку *тын* также может обозначать дыхание (дословно с тув. *тыныш* 'дыхание, вдох'). Это нам говорит о связи жизни человека и процесса дыхания, который по сути является аналогом природной стихии – ветра, но в рамках физиологического процесса. Кроме того, стихия возводится в ранг высшей материальной ценности, сопоставимой с золотом. Золото во многих культурах (в том

числе и тувинской) – это не просто металл, а символ богатства. Приравнивая к нему дыхание как символ жизни и саму жизнь, паремия показывает: сама возможность дышать и жить уже есть величайшее благо. Ветер как движение воздуха становится не просто природной стихией, а метафорой продолжающейся жизни (бытия человека). Образ ветра в тувинской паремиологии укоренен в непосредственном чувственном опыте и детальном наблюдении за природой, служит основой для целостного мировосприятия, объединяющего природный и социальный порядки.

В немецкой паремиологической традиции образ ветра (нем. *Wind*) концептуализируется преимущественно в метафорическом и дидактическом плане.

1. Ветер как символ непостоянства и изменчивости – одно из ядерных значений: *Wind und Wetter sind nicht beständig* ‘Ветер и погода непостоянны’. Ветер становится олицетворением изменчивости как универсального закона.

2. Ветер как метафора пустых слов, слухов и непостоянства удачи: *Alte Weiber und Wind machen viel Lärm* ‘Старые бабы и ветер производят много шума’; *Die Winde und das Glück sind wechselhaft* ‘Ветры и удача переменчивы’. Ветер ассоциируется с чем-то бесполезным, шумным, но несущественным, а также с фортуной.

3. Ветер как образ бесплодных усилий и их последствий: *Wer Wind sät, wird Sturm ernten* ‘Кто сеет ветер, пожнет бурю’. Здесь ветер метафорически обозначает легкомысленные, дурные поступки, которые приводят к катастрофическим результатам.

4. Ветер как символ мимолетности и исчезновения: *Fahrendes Volk, fliegender Wind, bald da, bald dort verschwind't* ‘Кочевой народ, летучий ветер, то здесь, то там исчезает’, где ветер – знак чего-то неуловимого, не имеющего постоянной основы.

В немецкой традиции образ ветра служит инструментом для концептуализации социальных, моральных и психологических черт.

Анализ паремий позволяет выявить как универсальные (общие), так и специфические черты в репрезентации образа ветра. К общим мы можем отнести признак непостоянства и изменчивости (тув. *хам* как часть погоды, нем. *Wind* und *Wetter* ‘Ветер и погода’) и признак невидимой, но ощутимой силы, влияющей на окружающий мир. Специфические признаки тувинских паремий формируются под воздействием конкретно-образного мышления народа: ветер всегда показан в действии и взаимодействии с конкретными элементами ландшафта (скала, трава, деревья, горы, тучи, дождь) и неразрывно связан с другими природными явлениями, являясь органичной частью модели параллелизма, где природная закономерность служит основой для социального или этического назидания. Также выделяется связь ветра / воздуха с самой жизнью (*тын*): видна важная для традиционного мировосприятия тувинцев параллель, когда жизнь человека поддерживается дыханием, а дыхание – это тот же ветер, только «работающий» внутри организма, как часть физиологического процесса. Ветер и жизнь оказываются явлениями одного порядка: первое существует в природе, второе – в человеке. Немецкие паремии отражают абстрактно-логическое осмысление. Ветер в значительной степени оторван от конкретных природ-

ных наблюдений и выступает как символ для обозначения абстрактных понятий: пустословия, непостоянства удачи, бесплодных действий, мимолетности. Его дидактическая функция является прямой и самодостаточной, не требующей опоры на сложный природный параллелизм.

Литература

Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258.

Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248.

Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксеологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.

Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163.

Нелюбова Н.Ю. Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 116–123.

Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595–615.

Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Ломакина О.В., Сувандии Н.Д. Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 51–64.

ППТН – Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б.К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство: Радуга Тувы, 2020.

Соян А.М., Ломакина О.В. Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 103–107.

Сувандии Н.Д. Роль образов отца и матери в репрезентации концепта семья в тувинской лингвокультуре (на материале паремий) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 731–735.

Сулейманова Я.О. Ценностная картина мира русской культуры в паремиологическом контексте (на материале пословиц с компонентами-наименованиями природных стихий) // Universum: Филология и искусствоведение. 2017. № 6 (40). С. 31–35.

Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Bd. 1–5. Leipzig, 1867–1880.

A. R. Tyulyush *(Kyzyl, Russia)*
Tuvan State University

THE IMAGE OF THE WIND ELEMENT IN TUVAN AND GERMAN PAREMIOLOGY: A CONTRASTIVE ANALYSIS

The article is devoted to a contrastive linguocultural analysis of the image of Khat (‘Wind’) in the paremiological funds of the Tuvan and German languages. The aim of the study is to identify universal and ethno-specific features in the conceptualization of this natural element. The material for the analysis was comprised of paremias from the Tuvan and German languages. The work describes proverbs characterizing the image of the wind, highlighting their distinctive features: the attribute of impermanence and a powerful, yet intangible force, which constitutes a common archetypal core for both languages.

Key words: contrastive linguocultural studies, paremiology, image of the wind, Tuvan language, German language, linguistic worldview

Тянь Айся *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
asya0086@163.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТИПЫ ОТРИЦАНИЯ В УСТНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В работе с опорой на классификации концептуальных типов отрицания устанавливается распределение типов отрицания в устной диалогической коммуникации на материале собранного пилотного корпуса речи носителей русского и китайского языков. Показано, что среди 556 обнаруженных случаев отрицания ведущими являются блокирование прироста информации в предложении и выдвижение компонента «отсутствие».

Ключевые слова: отрицание, концептуальные типы отрицания, устная диалогическая коммуникация, русский язык, китайский язык

Настоящее исследование ставит перед собой задачу установить когнитивно-коммуникативные особенности реализации отрицания в устном спонтанном диалоге. Феномен отрицания рассматривается как одна из ключевых категорий логической и синтаксической семантики (см., например, в [Новиков 1973; Бондаренко 1983; Падучева 2014]), в то же время исследователи указывают и на его когнитивную природу. Так, данную категорию Н.Н. Болдырев рассматривает как модусную и выделяет в структуре концепта ОТРИЦАНИЕ четыре основные характеристики: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка* и *отрицательная коммуникативная реакция.* Перечисленные характеристики могут выражаться и импли-

цитно – в использовании лексических и фразеологических единиц, в возможностях словообразования и синтаксиса [Болдырев 2011: 10–11]. Например, концептуальная характеристика отсутствия может передаваться с помощью лексической семантики в *сирота* – ‘отсутствие родителей’, *дилетант* – ‘отсутствие профессиональных навыков’; характеристика отрицательной коммуникативной реакции транслируется синтаксически в выражениях типа *Мне бы такую уверенность* или *Какой там врач!* [Болдырев 2011: 10–11]. Когнитивно-коммуникативный подход к изучению отрицания развивается и в работах Б. Левандовски-Томащик, которая определяет отрицание (отрицательность, негацию) как универсальную концептуальную категорию, описывающую ментальное состояние говорящего при конструировании контрфактуального пространства (области знания), интегрирующего при этом и соотносимое с ним фактуальное пространство [Lewandowska-Tomaszczyk 1996: 81–82]. Автор классифицирует как эксплицитные, так и имплицитные концептуальные типы отрицания, выделяя следующие: непосредственное блокирование прироста информации (barring the increment directly), как в выражениях с *не-*; блокирование пресуппозиционного прироста в метадомене или поддомене (blocking the presuppositional increment in a metadomain or a subdomain), например, в сложных предложениях с *believe* ‘верить’, *doubt* ‘сомневаться’ в главном предложении; ослабление прироста информации ‘weakening the increment)’, например, при введении *hardly* ‘едва ли’; добавление отрицательного прироста информации (adding a (negatively specified) increment), как в *unfriendly* ‘недружественный’; удаление фокусных (салиентных) характеристик ‘deleting salient properties of modified terms’ в *pseudo-scientific* ‘псевдонаучный’, *imitation leather* ‘искусственная кожа’, *fake document* ‘поддельный документ’; выдвижение негативно-оценочного компонента (foregrounding the negative evaluation component), как в *hag* ‘баба/ведьма’, *hasty* ‘поспешный’ [Lewandowska-Tomaszczyk 1996: 68–69]. Применительно к китайскому языку показательны работы, в которых разграничиваются фокусное и нефокусное отрицание с опорой на семантическую структуру высказывания [Ху 2007; Ли 2016].

Перечисленные концептуальные типы отрицания описывают как эксплицитные, так и имплицитные случаи его реализации, также они определяются в разных режимах коммуникации – монологическом и диалогическом. Однако приведенные авторами примеры свидетельствуют о том, что исследователи привлекают к анализу в большей степени нормированную речь, уделяя меньше внимания речи спонтанной. Также остается неясным, как данная универсальная категория проявляется в спонтанной коммуникации на разных языках. Для решения данных задач и возможного уточнения приведенных классификаций концептуальных типов отрицания применительно к устной спонтанной диалогической речи на типологически разных языках был проведен пилотный эксперимент с участием носителей русского и китайского языков. Информанты в парах обсуждали специально подготовленные стимульные задания (всего 10), при разработке которых были учтены возможные

концептуальные типы отрицания. Например, потенциальная элицитация компонентов «ослабление прироста информации (weakening the increment)» и «блокирование пресуппозиционного прироста в метадомене или поддомене (blocking the presuppositional increment in a metadomain or a subdomain)» была стимулирована следующим заданием на русском и китайском языках – специалисты утверждают: «Через 50 лет ИИ заменит людей во всех профессиях». Вы думаете, что это вряд ли возможно. Ваш собеседник считает, что это возможно. Договоритесь, какую позицию вы занимаете. Попробуйте прийти к соглашению: верно или неверно данное утверждение? / 有专家预测：“50年后，人工智能将在所有职业中取代人类。”你认为这几乎不可能发生，而你的搭档则认为这是有可能的。请先商量好各自要捍卫的立场。然后尝试通过讨论达成一个共识：这个预测到底是对是错?

Сеттинг проведенного пилотного эксперимента представлен на рисунках 1а и 1б.

Рис. 1а. Сеттинг русскоязычной коммуникации

Рис. 1б. Сеттинг коммуникации на китайском языке

Так, на рисунке 1а представлен пример реализации нескольких концептуальных характеристик (функций) отрицания – Спикер 1: *Ты думаешь, хирургов он не может заменить?* / Спикер 2: *Я думаю, что нет. Я бы не пошла на операцию к роботу*, передающих блокирование прироста информации в предложении (*хирургов он не может заменить, я бы не пошла*), выдвижение отсутствия (*что нет*). На рисунке 1б представлен пример ряда случаев выражения отрицания в коммуникации на китайском языке – Спикер 1: 是不可能完全的取代? Спикер 2: 所以我觉得AI是让人变得更聪明，然后让人懂得更加正确的去控制它，而不是说他去取代人, где наблюдаем блокирование пресуппозиционального прироста и добавление отрицательного прироста в 是不可能完全的取代? ‘неужели его невозможно полностью заменить?’, блокирование прироста в самой пропозиции 而不是说他去取代人 ‘не заменять людей’.

Всего в пилотном корпусе было выявлено 556 случаев отрицания. Полученный речевой материал был аннотирован на предмет реализации концептуальных значений отрицания (с учетом эксплицитного и имплицитного характера выражения),

что позволило уточнить состав концептуальных типов отрицания в спонтанном диалоге. Анализ показал, что случаи отрицания распределены по семи концептуальным типам: блокирование прироста информации в пропозиции, блокирование прироста информации в пресуппозиции, ослабление прироста информации, отрицательная коммуникативная реакция, выдвижение компонента «отсутствие», выдвижение компонента «несоответствие», выдвижение компонента, получающего отрицательную оценку. Так, в примере *блин, боюсь, что вот я приеду, и собака* ***умрет*** наблюдаем случай имплицитного использования отрицания «блокирование прироста информации в пресуппозиции» в *умрет* (= не останется жива); в *у нее* ***умер*** *папа* проявляется тип «выдвижение компонента “отсутствие”» в *умер* (= отсутствие папы) и одновременно «блокирование прироста информации в пропозиции» (= не живет далее), которое также проявляется имплицитно. В *я стала более* ***закрытой****, хотя я по характеру экстраверт* проявляется «выдвижение компонента “несоответствие”», т.к. обнаруживаем оппозицию антонимов *закрытый – экстраверт* при анализе ближайшего контекста. В *но именно в тот момент я думаю, я впала в глубокую* ***депрессию*** проявляется «выдвижение компонента, получающего отрицательную оценку» в *депрессию*. В *я почувствовала такую* ***опустошенность*** *внутри себя и в принципе моей жизни* наблюдаем имплицитную реализацию «выдвижения компонента «отсутствие»» в *опустошенность* (= не полный) и «выдвижения компонента, получающего отрицательную оценку». Таким образом, примеры демонстрируют возможность совмещения некоторых типов отрицания при использовании одного слова или выражения в коммуникации, что определяется полифункциональностью коммуникативного содержания высказываний говорящих.

Последующий анализ распределения концептуальных типов отрицания показал, что наиболее частотными оказались два типа. Самым частотным типом является «блокирование прироста информации в пропозиции», которое чаще реализуется имплицитным отрицанием пропозиционального содержания с помощью лексических единиц с семантикой отсутствия, например, в *Я такая смотрю зарядка* ***села*** или в 因为 ... 被刷下来 ‘отсеяна из списка претендентов’. Второй по частотности тип – «выдвижение компонента «отсутствие»», чаще эксплицитно в конструкциях с нет, например, *у него* ***не было*** *девушки* или 你们除了没有空调 ‘нет кондиционера’, но и имплицитно, например, в *Когда вот он погиб* или в 可能那家清吧就倒闭了呀 ... ‘лаунж-бар закроется навсегда’ Как было показано выше, нередки случаи одновременной реализации нескольких типов отрицания (полифункциональность отрицания).

Приведенная классификация концептуальных типов отрицания будет далее уточнена в ходе проведения основного этапа эксперимента. Ее валидность будет также верифицирована при анализе сопровождающего проявления отрицания в речи мануально-жестового поведения. Обнаружение регулярных паттернов речи и жестов при конструировании определенных типов отрицания позволит, во-первых, уточнить их полимодальную природу, и, во-вторых, разграничить ведущие

и вспомогательные типы отрицания в ситуациях полифункционального использования отрицания.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М.: Издательство Московского университета, 1973.

Падучева Е.В. Нестандартные отрицания в русском языке: внешнее, смещенное, глобальное, радикальное // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 3–23.

Ли Б. Различия в чувствительности к фокусировке между китайскими отрицательными словами «没(有)» (méi(yǒu)) и «不» (bù) // Современная лингвистика. 2016. Т. 18. № 3. С. 368–386.

Ху Ц. Отрицание, фокус и область действия // Китайский язык. 2007. № 2. С. 99–112.

Lewandowska-Tomaszczyk B. Depth of Negation: A Cognitive-Semantic Study. Łódź: Łódź University Press, 1996.

Tian Ayixia *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL TYPES OF NEGATION IN RUSSIAN AND CHINESE SPOKEN DIALOGUE

The study adopts the conceptual framework towards negation to identify the distribution of conceptual types of negation in Russian and Chinese spoken dialogue featuring the data compiled in the pilot corpus. The results show that among 556 cases of negation the prevailing ones are barring the increment within a proposition and foregrounding the absence component.

Key words: negation, conceptual types of negation, spoken dialogue, Russian, Chinese

А. И. Фомин *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
fomin-ai@rudn.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ В АСПЕКТЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВНЕДРЕНИЯ В ПРОГРАММЫ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОВ[1]

Цель статьи – выявить и описать возможности и ограничения ПО ЭмоРадар WR 5.0 посредством сравнения результатов распознавания эмоций человеком и про-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-00172, https://www.rscf.ru/project/vwJA0GgPViZ5hFX3ZWWPVQBexDIXHbOmqFVGVZDoZMq44EsycHElcbr7l5Bthh4DjmcFpghzB04~

граммой, а также предложить потенциальные пути развития ПО. Результаты могут найти применение в развитии программ для машинного перевода и озвучивания фильмов под дубляж.

Ключевые слова: ЭмоРадар, аудиовизуальный перевод, машинный перевод, эмоции, эмотиология

В эпоху активной цифровизации многих сфер деятельности важным вопросом становится изучение возможностей распознавания человеческих эмоций посредством технологий. Такие технологии уже применяются в системах оплаты (Face Pay) и безопасности (Face ID), однако их потенциал значительно шире. К примеру, развитие технологий автоматического перевода фильмов под дубляж в продолжение возможностей браузерного переводчика от Яндекса [ЯБ], который выполняет перевод и машинное закадровое озвучивание. Одна из траекторий усовершенствования этой технологии видится во внедрении в нее модуля распознавания эмоций человека. Данное предположение основывается на том, что дубляж требует соблюдения принципа артикуляционной синхронности в оригинале и переводе [Асташина и др. 2021: 11; Алюнина 2026б: 175], а мышцы артикуляционного аппарата в свою очередь активизируются как при речевой деятельности, так и при выражении эмоций. Примером технологии, распознаваемой эмоции, является ЭмоРадар WR 5.0 (далее – ЭмоРадар).

Названное ПО запрограммировано на распознавание 7-ми базовых эмоций, выделенных П. Экманом [Экман 1999], а также 2-х дополнительных, предусмотренных разработчиками. Так в списке программы представлено 7 базовых эмоций («радость», «удивление», «презрение», «печаль», «отвращение», «страх», «гнев») [Экман 1999: 45–60] и дополнительные «shy smile – застенчивая улыбка» и «social happiness – социальная радость» [Гусеви др. 2023]. Согласно разработчикам ПО, его возможности идентификации эмоций по видеоряду напрямую зависят от качества этого видеоряда и положения лица в кадре, которое в идеальной ситуации должно быть анфас и занимать не менее 30% кадра [Гусев, и др. 2023]. Безусловно, любое ПО имеет ряд ограничений, поэтому при его использовании необходимо принимать во внимание специфику его работы. Поэтому в настоящей работе проводится анализ возможностей программного и человеческого определения эмоций на материале фильма **с целью** выявить и описать возможности и ограничения технологий идентифицировать эмоции человека в момент речи. **Объект** анализа – лицевые экспрессии, в активизации которых задействованы мышцы артикуляционного аппарата. Используемое программное обеспечение – ЭмоРадар.

Процедура исследования основывается на методологии, предложенной в [Алюнина 2026а; Алюнина 2026б], и состоит из 4 этапов: 1) сбор материала; 2) выявление эмоций с помощью ЭмоРадара; 3) проведение опроса; 4) сопоставление и интерпретация результатов машинной и человеческой идентификации эмоций.

На первом этапе был выбран видеоматериал на русском языке, имеющий сюжет, с целью проверить возможности ЭмоРадара в распознавании эмоций в аспекте их адекватности имеющемуся контексту аудиовизуального произведения. В качестве материала был взят отрезок длиной 07:01 из сборника короткометражных фильмов «Черное зеркало по-русски» 2019 г. Был выбран русскоязычный материал в силу двух факторов. Во-первых, возможностей используемого ПО, которое было обучено на базе видео с участием носителей русского языка. Во-вторых, цели исследования, которое проводится для потенциального развития технологий машинного перевода (далее – МП) и озвучивания видео под дубляж, при котором соблюдается синхронизация движения губ. Выбранный ролик является сатирическим произведением в жанре диджитал-хоррор.

В ходе второго этапа видеоролик был загружен в ЭмоРадар для машинной идентификации эмоций. Программой было обнаружено 11 эпизодов проявления эмоций, среди которых «презрение», «отвращение», «фальшивая улыбка», «грусть» и «удивление». Идентифицированные эмоции были зафиксированы в виде скриншотов.

На третьем этапе был проведен опрос. В нем приняло участие 67 человек – студенты РУДН. В опросе было предложено определить, какую эмоцию демонстрируют персонажи фильма по скриншотам. На скриншотах были даны те изображения эмоций, которые идентифицировал ЭмоРадар. Также в анкету был включен открытый вопрос, в котором информантам предлагалось по желанию высказать свое мнение об эксперименте в свободной форме.

На четвертом этапе было проведено сопоставление результатов идентификации эмоций респондентами и программой. График на рисунке 1 ниже иллюстрирует соотношение полученных данных. Отметим, что результат распознавания эмоций ПО не воспринимается нами абсолютно верным, а взят на графике за 100% для наглядности сопоставления.

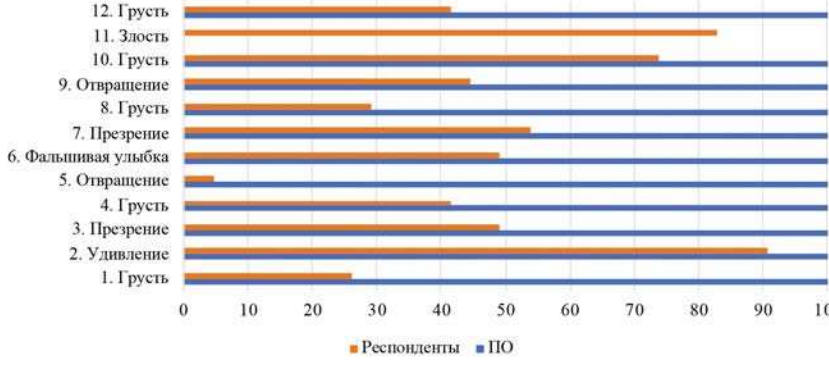


Рис. 1. Сравнение результатов анализа эмоций ЭмоРадаром и респондентами

Оранжевый цвет на графике обозначает ответы респондентов, а синий – выбранную программой эмоцию. В случае с 1. «Грусть», идентифицированной как таковой ПО, лишь 26,2% респондентов выбрали такую же эмоцию. Пункт графика 11. «Злость» иллюстрирует ограниченность возможностей ПО, т.к. ЭмоРадар вовсе не распознал эмоций на изображении. 54 респондента, что составляет более 80% от общего числа участников опроса, выбрали эмоцию «Злость», что позволяет сделать предположение, что ПО не справилось с задачей, которая была близкой к очевидной для человека.

Согласно полученным результатам, удовлетворительное (близкое к 50% или выше) совпадение ответов респондентов и анализа ПО можно наблюдать в случаях распознавания эмоций 2, 3, 6, 7, 10, 11. Это приводит к размышлениям о том, что ЭмоРадар на данный момент показывает результаты смешанного характера с эмоциями, сильно отличными друг от друга. Присутствуют как высокие результаты (2. «Удивление» и 10. «Грусть»), так и низкие (5. «Отвращение» и 1. «Грусть»), а также отсутствие результата (11. «Злость»). Для внедрения подобной технологии в программы машинного перевода и автоматического озвучивания видео требуется принятие во внимание того, как эмоции распознает человек, а не только программы, подобные ЭмоРадару.

В результате анализа были определены направления потенциального совершенствования подобных технологий распознавания эмоций.

1. Снижение несоответствия автоматизированного и человеческого результатов анализа. Было выявлено, что ответы ЭмоРадара сходились с большинством ответов респондентов на 41,3%. Респонденты в отдельных случаях выказывали непонимание эмоций, заявляя об отсутствии, несоответствии или непонимании эмоций на предоставленных скриншотах, дешифрованных ПО. Из этого следует, что ЭмоРадар на данный момент не вполне качественно выявляет смыслоразличимые для человека эмоции, что может негативно сказываться на работе ПО в сфере перевода фильмов.

2. Повышение качества отображения результатов дешифровки материала. В ряде случаев ПО не дает полные метаданные о распознавании эмоций, что может повлиять на глубину анализа и создать проблему в определенных сферах.

3. Повышение распознаваемости эмоций. Во многих случаях программа не смогла идентифицировать эмоцию по микромимике персонажа в кадре. Возможные причины: наличие в кадре или на лице помех; отсутствие фокуса на лицо; отсутствие возможности восприятия контекста. Возможным решением может стать интеграция ПО с нейросетевыми сервисами для распознавания контекста и более четкого считывания движений.

Исследование также поднимает ряд важных вопросов, заслуживающих внимания. 1. Насколько правдоподобны эмоции, которые выражают актеры? 2. Может ли ЭмоРадар (и подобные ему технологии) распознавать эмоции корректно, и сможет ли при потенциальной интеграции с нейросетями? 3. Что становится наиболее при-

оритетным – человеческая идентификация эмоции или совокупная идентификация от потенциально ИИ-интегрированного ПО? Ведь изначальной целью программы являлся анализ эмоций при наличии скрываемой испытуемыми информации (криминалистика, судебная экспертиза и под.).

Литература

Алюнина Ю.М. Дизайн исследования для аппаратного выявления неточностей в распознавании эмоций на фоне артикуляции: сб. материалов Восточного лингвистического форума. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2026а. С. 74–79.

Алюнина Ю.М. Потенциал технологий распознавания лицевых экспрессий в обучении машинному переводу под дубляж // Когнитивные исследования языка. 2026б. № 2 (67). С. 175–178.

Асташина Д.А., Борщевский И.С., Гайдаш Н.В. и др. Специалист в области перевода и медиадоступности: рамка компетенций. Казань: Бук, 2021.

Гусев А.Н., Баев М.С., Кремлев А.Е. Методология автоматизированного анализа лицевых экспрессий при оценке эмоционального состояния человека: обоснование комплексного подхода: сб. материалов IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Казань: Институт психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального ун-та, 2023. С. 214–219.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М.: 1960. С. 135–168.

ЯБ – Перевод видео онлайн в Яндекс Браузере. URL: https://browser.yandex.ru/c/video-translation (дата обращения: 03.01.2026).

Ekman P. Basic emotions / T. Dalgleish, M.J. Power (eds.) // Handbook of cognition and emotion. Chichester, England, New York: Wiley, 1999. P. 45–60.

A. I. Fomin *(Moscow, Russia)*
RUDN University

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF EMOTION RECOGNITION TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF THE PROSPECTS FOR THEIR IMPLEMENTATION INTO FILM TRANSLATION PROGRAMS

The aim of this article is to identify and describe the opportunities and limitations of the EmoRadar WR 5.0 software by comparing human and program-based emotion recognition results, as well as to propose potential pathways for the software's development. The results may be applied in the advancement of machine translation and film dubbing.

Key words: EmoRadar, audiovisual translation, machine translation, emotions, emotiology

О. В. Хасанова, А. А. Каримова *(Казань, Россия)*
Казанский федеральный университет
oxana.khasan@yandex.ru, an.carimova2012@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРЕМИОЛОГИИ

Статья посвящена когнитивно-лингвистическому анализу репрезентации концепта СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ в английской паремиологии. Выявлены иерархическая структура концепта; ядерные признаки нормативности и повторяемости; центральный признак преемственности; периферийные микропризнаки, связанные с воспитанием и коллективной идентичностью. Исследование демонстрирует, что семейные традиции в английской языковой картине мира выступают как механизм воспроизводства социального порядка и укрепления семейной устойчивости.

Ключевые слова: английский язык, паремиология, концепт, семейные ценности, репрезентация, лингвистические особенности

Устойчивый интерес к знакам национальной культуры, вызванный потребностями в самоопределении и аксиологической рефлексии, концептуализировался в рамках категории «культурный код» [Телия 1996: 227], интерпретация которой, прежде всего, осуществляется посредством изучения культурно-детерминированных концептов, вербализованных в паремиологическом фонде языка [Мубаракшина 2025].

Концепт СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ представляет собой сложное ментальное образование, аккумулирующее исторический опыт, социальные нормы и ценностные ориентиры этноса. Его анализ в зеркале английской паремиологии позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира носителей языка, выявить устойчивые когнитивные модели, регулирующие представления о преемственности, нормативном поведении и социальной роли семьи. Данный факт обусловливает актуальность предпринятого исследования.

Несмотря на тот факт, что паремиология как отрасль лингвистики имеет солидную традицию (Е.Ф. Арсентьева, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Г.Л. Пермяков, Н.Н. Фаттахова, Н.И. Файзуллина и др.), исследования, фокусирующиеся на анализируемом нами концепте в английском языке, носят фрагментарный характер. Понимая под концептом «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2007: 473], анализировать его необходимо с учетом «множества представлений о признаках» [Колесов 1999: 368] называемого явления, которые в нем сосредоточены. Принимая во внимание семантического наполнение лексем *семья* и *традиции*, можно заключить, что концепт СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ передает значение «воспроизводимые в семье из поколения в поколение образцы поведения и ритуалы, которые служат сплочению ее членов, формированию общей идентичности и передаче значимого опыта». Иными словами, значение концепта формируется не как монолит, а складывается из взаимодействующих компонентов – базовых понятий, ассоциа-

ций, образов и системы оценок [Воронина и др. 2025]. Традиционно данные компоненты ученые рассматривают с позиций ядра, центра и периферии структуры: «ядро концепта представляет собой его базовый слой (включая кодирующий образ) и совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков» [Стернин 2001: 61].

На основании выборки паремиологических единиц из Большого русско-английского фразеологического словаря [Кунин 2021], объективирующих концепт СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ в английском языке, нам удалось реконструировать ключевые концептуальные признаки, образующие иерархически организованную и взаимосвязанную когнитивную структуру.

Ядерными являются два взаимосвязанных признака «*нормативность*» и «*повторяемость*». Традиция есть предписывающая норма, отклонение от которой чревато негативными последствиями, что отражено в императивных и ассертивных формулах: *Spare the rod and spoil the child* (норма строгого воспитания); *Children should be seen and not heard* (норма-предписание). Категоричный запрет *Marry in May, rue for aye* поддерживается рифмой и архаичной лексикой, что повышает его мнемоническую устойчивость и статус вневременного правила. Эта нормативность зиждется на повторяемости действий (календарные и бытовые ритуалы) и цикличности поколений, в которых фиксируются закономерности: *From clogs to clogs is only three generations*; *First comes love, then comes marriage, then comes a baby in a baby carriage*; *Monday's child is fair of face, Tuesday's child is full of grace.* В семье традиция выступает не как линейный прогресс, а как воспроизводство паттернов, которые могут быть как позитивными, так и негативными.

На ядерном основании строится **центральный** для английской ментальности признак «*преемственность и связь с предками*». Данный признак раскрывается через две основные модели: на уровне генетической связи (*Like father, like son*; *The apple doesn't fall far from the tree*; *As the old cock crows, so crows the young*; *A chip off the old block*; *The leopard cannot change its spot)* и как ретрансляция моральных устоев, правил поведения (*As the twig is bent, so is the tree inclined*; *The burnt child dreads the fire*; *What is learned in the cradle is carried to the grave; An old poacher makes the best gamekeeper)*. Доминирующее использование настоящего времени в данных паремиях *манифестирует данные предписания в качестве универсальных законов.*

Интегративным признаком для **периферийных** микропризнаков «*система воспитания*» и «*устройство быта*» является концептуальная характеристика «*коллективная идентичность*». Традиция служит маркером «своих», скрепляя родственную группу перед лицом внешнего мира. Пословица *Blood is thicker than water* утверждает абсолютный приоритет кровно-родственных связей и строится посредством компаративной связи; ритуальные практики прямо направлены на конструирование и поддержание групповой идентичности и солидарности: *A house divided against itself cannot stand*; *Many hands make light work*; *The more the merrier.*

Ритуальное единство может интенсифицироваться синтаксическим параллелизмом: *The family that prays together, stays together*.

Для подтверждения выявленных когнитивных признаков концепта СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ было проведено дополнительное корпусное исследование с использованием Национального корпуса английского языка [BNC]. Частотный анализ контекстов употребления исследуемых паремиологических единиц позволил объективировать их актуальность в современном дискурсе. Так, в газетной статье о политической династии и преемственности взглядов находим: ***Like father, like son***, *it seems. Just as his father transformed the Tory party, David Cameron is now attempting to do the same for the Conservatives' environmental policy.* Та же паремия используется в научно-популярном дискурсе журнала Psychology Today для введения темы унаследованных черт: *The phrase '**like father, like son**' is more than a cliché; it's a roadmap of behavioral inheritance that psychologists are now mapping through epigenetics*. Активное функционирование пословиц о семейных традициях подтверждает и отрывок живой разговорной речи из телевизионного шоу: *HOST: Your daughter just won the same national science fair you won at her age! GUEST: Well, you know what they say, **the apple doesn't fall far from the tree***. Данные контексты аргументированно доказывают, что исследуемые паремии не являются архаичными, а продолжают выступать действенными языковыми формулами для концептуализации феномена семейной преемственности.

Таким образом, концепт СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ в английской паремиологии репрезентирован как сложный многослойный конструкт. Его ядро составляет нормативная повторяемость, а периферию – практические механизмы ее обеспечения (научение, наследование, ритуал), объединенные общей целью поддержания преемственности поколений и укрепления коллективной идентичности семьи как основной социальной ячейки. Традиция в английской лингвокультуре предстает не как абстрактная ценность, а как рабочая схема воспроизводства социального порядка и семейной устойчивости. Устойчивая частотность паремиологических единиц рассматриваемой тематики в медийных текстах разных стилевых регистров свидетельствует о том, что концепт СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ продолжает активно функционировать как когнитивный шаблон для осмысления преемственности и нормы. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших кросс-культурных исследований в рамках лингвоконцептологии и этнопсихолингвистики.

Литература

Воронина Д.И., Каюмова Д.Ф., Каримова А.А., Хасанова О.В. Исследование эпистемической модальности во фразеологических и паремиологических единицах разноструктурных языков (английского, испанского) // Современный ученый. 2025. № 4. С. 172–176.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999.

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20 000 фразеологических единиц. М.: Просвещение, 2021.

Мубаракшина А.М. Категория НРАВСТВЕННОСТЬ как компонент русского культурного кода в тексте гороскопа // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2 (63). С. 206–210.

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 12.02.2026).

O. V. Khasanova*, *A. A. Karimova *(Kazan, Russia)*
Kazan Federal University

FAMILY VALUES IN THE ENGLISH-LANGUAGE LINGUOCULTURE THROUGH THE PRISM OF PAREMIOLOGY

The article presents a cognitive-linguistic analysis of the representation of the concept FAMILY TRADITIONS in English paremiology. Using proverbs and sayings as material, the study reveals the hierarchical structure of the concept, including core features of normativity and repetitiveness, a central feature of continuity, and peripheral micro-features related to upbringing and collective identity. The research demonstrates that family traditions in the English linguistic worldview function as a mechanism for reproducing social order and strengthening family resilience.

Key words: English, paremiology, concept, family values, representation, linguistic features

Чжан Кэ *(Чанчунь, Китай)*
Северо-Восточный педагогический университет
zhangk176@nenu.edu.cn
Цзяо Ян *(Чанчунь, Китай)*
Чанчуньский педагогический университет
12360754@qq.com

СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ КИТАЙСКОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа, опираясь на теоретические установки когнитивной социолингвистики, представляет собой исследование китайских заимствований в русском языке. Культурные истоки заимствований китайского происхождения сосредоточены преимущественно в сферах кулинарии, чайной культуры, философии, боевых искусств. Данное распределение отражает закономерность культурной кластеризации и дифференцированной культурной видимости.

Ключевые слова: заимствования из китайского языка, когнитивная социолингвистика, фонетическое и семантическое заимствование, социокогнитивные функции

Введение. Когнитивная социолингвистика изначально фокусировалось на проблемах макроуровня, таких как языковая вариативность [Вэнь Сюй 2019: 295], его исследовательский фокус расширился, включив изучение языковых контактов, контекстуализированного употребления языка и кросс-лингвистической типологии [Чжан Тяньвэй 2019: 26]. Будучи лингвистическими единицами, сохраняющими фонетические, графические или семантические признаки языка-источника при определенной степени адаптации в языке-реципиенте [Чжан Кэ 2017: 732], заимствованные слова справедливо считаются наиболее наглядным проявлением языкового контакта.

Существующие исследования достигли значительного прогресса в изучении заимствований из китайского языка в аспектах их понимания термина, предметно-тематической дифференциации, их функционирования с культурно-исторической точки зрения. Остается обширное поле для дальнейших изысканий о том, каким образом заимствования из китайского языка реализуют культурно-когнитивные функции в русских социальных контекстах, как они отражают процессы понимания и реконструкции китайской культуры русскоязычным сообществом и как могут быть системно объяснены с позиций когнитивной социолингвистики.

Структурно-типологические особенности лексических заимствований из китайского языка. По способу проникновения в русский язык заимствования из китайского языка представляют собой преимущественно классические случаи фонетического заимствования. Лексические единицы данной категории, как правило, сохраняют базовые фонетические характеристики языкового источника, однако, переходя в русскую языковую систему, неизбежно подвергаются фонемной субституции, адаптации акцентной структуры и морфологической модификации. Такие единицы, как пуэр (от кит. 普洱), лунцзин (от кит. *龙井*), ушу (от кит. *武术*) и кунфу (от кит. *功夫*), служат каноническими образцами фонетической транслитерации.

В аспекте языковой адаптации заимствования китайского происхождения также демонстрируют специфическую морфолого-грамматическую приспособляемость. Данный адаптивный процесс не нивелирует их генетическое происхождение; напротив, он свидетельствует о том, что, интегрируясь в русский язык, эти лексемы вынуждены удовлетворять двум требованиям: с одной стороны, сохранять культурную самобытность в качестве «маркеров китайскости», с другой – обретать формальную легитимность внутри системы принимающего языка. Они обретают уникальный структурный облик, синтезирующий в себе черты «экзотического» и «исконного».

Культурные истоки и коннотации лексических заимствований из китайского языка**.** Заимствования китайского происхождения в русском языке представляют собой не просто продукт языкового контакта, что гораздо существеннее, они несут

в себе относительно устойчивые и отчетливые культурные истоки. Как свидетельствует анализ способов их заимствования и особенностей употребления, заимствования из китайского языка не образуют равномерно распределенного массива иноязычных терминов; напротив, они формируют тематические кластеры «культурных слов», сгруппированных вокруг нескольких локализованных областей.

Во-первых, сферы кулинарии и чайной культуры представляют собой одну из наиболее репрезентативных областей-источников заимствований китайского происхождения. Это означает, что такие заимствования выполняют не только номинативную роль, но и служат проводниками китайского образа жизни и культурных представлений. Например, термины чабань, фунчоза и тофу.

Во-вторых, философия, религия и культурные концепции составляют еще одну значимую область-источник. Подобная лексика обладает повышенной «культурной плотностью» в русском языке и в большей степени склонна становиться символическим маркером «иной культуры». Например, термины Дао и фэншуй явно выходят за рамки обычного лексического заимствования, возвышаясь до уровня репрезентации интеллектуальных парадигм.

В-третьих, «мягкое распространение» китайской культуры служит еще одной важной областью-источником. Термины ушу, кунфу и тайцзи в плане культурных коннотаций отражают процесс осмысления и усвоения русскоязычным сообществом культурного этоса, основанного на принципах «единства тела и духа» и «одновременного совершенствования внутреннего и внешнего».

Социально-когнитивная функция лексических заимствований из китайского языка**.** Значение заимствованных лексем из китайского языка выходит за рамки простого обозначения экзотических реалий; оно заключается в трансформации культурно «Другого» – «Китая» – в постижимые, вообразимые и передаваемые языковые ресурсы посредством уникальных словоформ, культурных коннотаций и контекстов употребления.

Во-первых, заимствования из китайского языка выполняют функцию номинации и идентификации. Множество материальных объектов, институциональных наименований, идеологических концептов и телесно-культурных практик Китая не находят точных соответствий в системе русских понятий. Поэтому заимствованные слова становятся ключевым средством заполнения когнитивных лакун и именования культурно-специфических реалий.

Во-вторых, заимствования из китайского языка обладают функцией культурной категоризации и репрезентации. Какие именно понятия заимствуются, сохраняя исходную номинацию, демонстрирует когнитивный фильтр восприятия. Заимствования выполняют здесь не нейтрально-обозначающую, а именно репрезентативную функцию, встраивая китайские культурные объекты в русскую классификационную сетку.

В-третьих, заимствования из китайского языка несут функцию культурной памяти. Культурная память, по определению Ян Ассман, «фокусируется на фикси-

рованных точках прошлого» [Ян Ассман 2015: 46]. На когнитивном уровне заимствования не только помогают современным носителям русского языка постигать «Китай», но и сохраняют в темпоральном измерении эмпирическую память о прошлых контактах, обладая, таким образом, как лексической, так и культурно-мнемонической функцией.

Наконец, социально-когнитивная функция заимствований из китайского языка проявляется в их медиативном характере. Эта медиативная природа демонстрирует, что заимствования – не статичный «результат импорта», а непрерывный процесс когнитивной трансформации. Именно в этом динамическом процессе заимствованная лексика становится одним из наиболее концентрированных воплощений взаимодействия «язык – общество – культура».

Итак, лексические заимствованные из китайского в русском языке являются результатом совокупного воздействия факторов языкового контакта, культурной трансмиссии и социального познания. Их изучение не только углубляет понимание истории китайско-русского языкового и культурного взаимодействия, но также позволяет реконструировать динамичное существование заимствований в языковой системе в более широкой теоретической перспективе. Будущие исследования могли бы на основе расширенных корпусных данных детально изучить вариативность употребления заимствований из китайского языка и их когнитивные механизмы в различных исторических периодах, типах текстов и региональных контекстах, что способствовало бы более системному и детализированному анализу данной лексической группы.

Литература

Вэнь Сюй. Социально-когнитивная лингвистика, основанная на «социальном познании» // Современные иностранные языки. 2019. Т. 42. № 3. С. 293–305. (文旭. 基于“社会认知”的社会认知语言学. 现代外语. 2019. 42(3). 293–305).

Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в русской и китайской лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 724–734.

Чжан Тяньвэй. Обзор передовых направлений когнитивной социолингвистики: тенденции и характеристики // Преподавание иностранных языков. 2019. № 40(03). С. 26–31 (张天伟.认知社会语言学前沿述评:趋势与特点.外语教学2019. 40(03). 26–31).

Ян Ассманн. Культурная память: текст, воспоминания и политическая идентичность в ранних развитых культурах. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2015. (德]扬·阿斯曼.文化记忆:早期高级文化中的文字、回忆和政治身份.北京: 北京大学出版社2015).

Zhang Ke *(Changchun, China)*
Northeast Norma University
Jiao Yang *(Changchun, China)*
Changchun Normal University

SOCIOCOGNITIVE FUNCTIONS OF CHINESE LOANWORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This study, grounded in the theoretical framework of cognitive sociolinguistics, investigates Chinese loanwords in the Russian language. The analysis shows that borrowings from Chinese are assimilated into Russian through both phonetic and semantic borrowing. The cultural origins of Chinese-derived borrowings are concentrated mainly in the following domains: cuisine and tea culture, philosophy and religion, martial arts and corporeality, as well as historical institutions and contemporary social realities. This distribution reflects a pattern of cultural clustering and differentiated cultural visibility. These loanwords not only denote realities unique to China, but also function as mechanisms of cultural representation, the construction of exoticism, the transmission of historical memory, and the stratification of social meaning.

Key words: Chinese loanwords in Russian, cognitive sociolinguistics, phonetic and semantic borrowing, sociocognitive functions

Т. А. Ширяева *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
shiryaevat@list.ru

КОГНИТИВНЫЕ ТРОПЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируется функция когнитивных тропов как фундаментальных механизмов когнитивного упорядочивания опыта в процессе конструирования профессиональной идентичности в современном англоязычном педагогическом дискурсе. Особое внимание уделяется динамике формирования профессиональной идентичности через метафорические и метонимические модели.

Ключевые слова: когнитивные тропы, профессиональная идентичность, метафора, метонимия, когнитивно-дискурсивная матрица, педагогический дискурс

В современном мире, характеризующемся стремительными социокультурными и технологическими изменениями, проблема формирования и трансформации профессиональной идентичности приобретает особую актуальность. Профессиональная идентичность не является статичной категорией, она представляет собой динамический конструкт, формирующийся и постоянно видоизменяющийся в процессе взаимодействия индивида с профессиональным сообществом, его ценностями, нор-

мами и дискурсивными практиками. В этом контексте язык выступает не просто как средство коммуникации, но как мощный инструмент, активно участвующий в моделировании и закреплении профессионального «Я» [Багиян 2024: 330].

Особое место в формировании и развитии профессиональной идентичности занимают *когнитивные тропы*, среди которых метафора и метонимия выделяются как наиболее значимые механизмы. Они не только обогащают профессиональную речь, делая последнюю более выразительной и образной, но и выполняют глубинную когнитивную функцию, структурируя мышление специалистов и их восприятие профессиональной реальности. В рамках когнитивной лингвистики, начиная с работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], метафора рассматривается не только как исключительно языковое явление, а как фундаментальный способ концептуализации мира, позволяющий переносить структуру одной концептуальной области на другую; метонимия, основанная на смежности понятий, обеспечивает когнитивную экономию, позволяя обозначать целое через его часть или атрибут [Fillmore 1982: 124].

Целью настоящей статьи является системный анализ роли когнитивных тропов в конструировании профессиональной идентичности, а также выявление механизмов их функционирования в различных профессиональных дискурсах. Подчеркнем, что в нашем понимании, когнитивные тропы являются не просто стилистическими украшениями, но ключевыми элементами когнитивно-дискурсивной матрицы, формирующей профессиональное самосознание и ценностные ориентации специалистов.

Актуальность работы обусловлена необходимостью глубокого понимания лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе формирования профессиональной идентичности, особенно в условиях глобальной цифровизации, которая трансформирует не только характер профессиональной деятельности, но и способы ее осмысления и репрезентации [Акбаева 2023; Калинин 2020; Козлова 2020].

Проведенное исследование основывается на междисциплинарном подходе, интегрирующем принципы когнитивной лингвистики, дискурс-анализа и лингвосемиотики. В качестве основного методологического инструментария был применен когнитивно-дискурсивный анализ, позволяющий выявить взаимосвязь между языковыми формами, когнитивными структурами и социальными практиками в профессиональной сфере. Особое внимание уделялось анализу концептуальных метафор и метонимий, а также фреймовых структур, формирующих семиотическое пространство профессиональной идентичности [Багиян 2024: 331].

В условиях динамичного развития современного общества, характеризующегося стремительными изменениями и ростом значимости профессиональной деятельности в жизни любого индивида, сложно переоценить роль когнитивной метафоры [Чудинов 2013: 46], позволяющей трансформировать абстрактные профессиональные процессы в более доступные для понимания образы, тем самым закрепляя определенные модели профессиональной саморепрезентации. В исследуемом

англоязычном педагогическом дискурсе были идентифицированы 4 доминирующие метафорические модели, которые задают позитивную, процессуальную и гуманистическую рамку профессиональной идентичности педагога. Примеры данных метафор включают:

1. ***EDUCATION IS A JOURNEY*** ‘образование – это путешествие’. Так, данная метафора формирует представление о профессиональной идентичности как об открытом пути, требующем непрерывного освоения новых знаний и опыта. Она подчеркивает процессуальность профессионального становления и ожидание постоянного развития. Например, в корпусе текстов встречается выражение: *Teaching is the first step on the lifelong journey of learning and growth*.

2. ***TEACHER IS A GUIDE*** ‘учитель – это проводник’. В данной когнитивной метафоре видим однозначное указание на профессиональную роль педагога, от которого ожидается профессиональная деятельность в виде проводника, гида, наставника при обучении. Метафора наглядно актуализирует трансформацию профессиональной позиции учителя в современном профессиональном образовательном пространстве – с роли обучающего на роль ведущего, направляющего, как, например, в следующем примере: *A teacher should act as a guide, helping students to navigate the complexities of language and culture*.

3. ***LEARNING IS GROWTH*** ‘обучение – это рост’. В третьей концептуальной метафорической модели раскрывается динамика взаимного роста учителя и ученика, иными словами, профессиональное становление учителя тесно связано с развитием его учеников. Данная метафора подчеркивает, что профессиональное развитие не линейный процесс, а непрерывный обмен знаниями, опытом, эмоциями. Приведем показательный пример: *Effective education fosters personal and professional growth in both learners and teachers*.

4. ***TEACHING IS NURTURING*** ‘обучение (преподавание) – это забота/взращивание’. При помощи данной метафоры очерчивается трансформация профессиональной идентичности педагога в сторону ценностно-ориентированного самоопределения, где акцент делается на заботе, поддержке и развитии человеческого потенциала. В качестве примера приведем следующее высказывание из собранного нами корпуса: *Teaching is not just instruction; it is nurturing human potential and inspiring lifelong curiosity*.

Как видим, все приведенные примеры демонстрируют, что профессиональная идентичность педагога формируется поступательно, через смену и усложнение доминирующих метафорических моделей. На каждом этапе происходит переосмысление собственной роли, что фиксируется как в изменении речевых стратегий, так и в когнитивной репрезентации профессионального опыта [Чудинов 2013: 46]. Когнитивные метафоры в данном контексте выполняют функцию «якорей», которые удерживают определенные ценности и смысловые схемы в структуре идентичности [Багиян 2024: 330].

В свою очередь метонимия обеспечивает когнитивную экономию в профессиональной коммуникации, позволяя через частные элементы обозначать целостную профессиональную роль. Так, общеизвестные выражения, являющиеся чрезвычайно частотными для современного педагогического дискурса, такие как – *curriculum development*, *learning outcomes*, *teaching strategies*, *instructional design*, *educational resources*, *student engagement*, *academic achievement* и др. – характеризуются метонимическим характером, поскольку часть выражения относится не к прямому объекту, а метонимически связывается с более широкими педагогическими концепциями и практиками и являются своеобразными маркерами профессиональной идентичности любого преподавателя, демонстрируя уровень его профессиональной квалификации, позволяя выявить его профессиональную компетентность. Здесь важно особо подчеркнуть, что метонимия выступает эффективным когнитивным механизмом [Козлова 2020: 902], который позволяет максимально упростить сложные профессиональные концепты внутри педагогической среды, трансформируя их в легко узнаваемые и содержательно понятные элементы, что, безусловно, способствует быстрому «входу» в профессиональные реалии молодых педагогов и формированию их профессиональной идентичности.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью утверждать, что когнитивные тропы являются важными когнитивными механизмами формирования общей картины мира у педагогов, они служат опорой для сохранения профессионального педагогического сообщества, с одной стороны, и выполняют ориентирующую и моделирующую функции в формировании профессиональной идентичности, с другой.

Литература

Акбаева Ф.Б. Метафоры в массмедийной нутриционалном дискурсе: онтологические, концептуальные и вербальные характеристики (на материале англоязычных кулинарных рецептов): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2023.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2013.

Калинин О.И. Метафора как предмет лингвистических исследований. М.: Русайнс, 2020.

Козлова Л.А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 899–925.

Bagiyan A.Y. Conceptual linguistic engineering of professional identity: in search of a new systemic methodology // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–1 (57). С. 329–332.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Fillmore C.J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982.

T. A. Shiryaeva *(Pyatigorsk, Russia)*
Pyatigorsk State University

COGNITIVE TROPE AS A TOOL FOR CONSTRUCTING IDENTITY IN PROFESSIONAL PEDAGOGICAL DISCOURSE

This article analyzes the function of cognitive tropes as fundamental mechanisms for the cognitive organization of experience in the process of constructing professional identity in contemporary English-language pedagogical discourse. Particular attention is paid to the dynamics of professional identity formation through metaphorical and metonymic models.

Key words: cognitive tropes, professional identity, metaphor, metonymy, cognitive-discursive matrix, pedagogical discourse

M. L. Estupiñan-Lince *(Quevedo-Ecuador)*
Quevedo Technical State University
mestupinanl@uteq.edu.ec

THE AFRO-ECUADORIAN CHIGUALO: LANGUAGE, SOCIAL COGNITION, AND RITUAL RESISTANCE IN CONTEXTS OF RACIALIZED VIOLENCE

The study examines the Afro-Ecuadorian chigualo as a cognitively structured sociolinguistic practice through which communities of Afro-Ecuadorian origin process grief, construct collective memory, and confront structural racism. The findings indicate that the chigualo ritual simultaneously functions as a spiritual farewell, epistemic resistance, and sociocognitive reframing of trauma.

Key words: Afro-Ecuadorian ritual, collective memory, racism, discourse

Introduction

Language not only reflects society but actively constructs social reality. Within contemporary sociolinguistics, discourse organizes perception, encodes ideology, and shapes collective emotion [Coupland 2016; Eckert 2012]. From a cognitive perspective, linguistic practices reflect culturally shared conceptualizations [Geeraerts 2010]. The Afro-Ecuadorian chigualo, a funerary ritual for children under seven years old, offers a rich site for analyzing how ritual language structures social cognition. Traditionally practiced in Esmeraldas and other coastal regions of Ecuador, as Manta and Guayaquil, the chigualo integrates responsorial singing called *arrullos* or lullabies, percussion, improvisation, and collective participation. This article argues that the chigualo constitutes a cognitively organized sociolinguistic practice that reframes grief, reinforces Afro-descendant identity, and challenges racialized power structures.

Methodology

This qualitative study integrates: semi-structured interviews, an analysis of ritual lyrics in different cities (*Esmeraldas*, *Manta*, and *Guayaquil*), and a study of audiovisual documentation. The bibliographic research phase entailed a systematic review of primary and secondary sources, including academic books and peer-reviewed journals, to establish a rigorous theoretical framework. This was complemented by an analysis of local and international newspapers to incorporate socio-cultural and historical perspectives, with attention to relevance, contextual specificity, and alignment with the research focus. To integrate contemporary and culturally embedded viewpoints, selected YouTube videos were included based on criteria such as content relevance and source credibility. Each audiovisual source was critically evaluated for accuracy, representation, and its contribution to the overall analysis. Empirical data were further obtained through semi-structured interviews conducted in Spanish with two purposively selected adult participants from Esmeraldas and Manta, Ecuador, via Zoom and audio recording. With consent, interviews were recorded, transcribed, and subjected to thematic analysis. The research was conducted during the year 2025.

Results and discussion

Conceptual Metaphors. Kövecses [Kövecses 2005] demonstrates that metaphors are culturally shaped cognitive models that structure emotional experience. Metaphorical mappings identified include: death = journey, heaven = upward space, song = spiritual mediation, community = moral protection. These schemas structure how grief is cognitively reframed. These metaphors align with Lakoff and Johnson's theory [Lakoff, Johnson 1980] of embodied cognition: abstract experiences are structured through bodily schemas (up/down, movement, containment). Singing becomes a cognitive tool that reorganizes grief into transcendence. Lullabies analyzed in the study reveal recurring conceptual metaphors:

Que yo no lo veo,	'I can't see Him,
¿en dónde está Dios?	where is God?
Que yo no lo veo,	I can't see Him,
está en el altar mayor.	He's on the main altar.
Juntito con las estrellas,	Right next to the stars,
está en el altar mayor.	He's on the main altar'.

Sheigal [Sheigal 2004] analyzes political discourse as a symbolic system where metaphor, ritual language, and emotional markers construct ideological positioning. In public funeral contexts, such as the Guayaquil case, the chigualo shifts from spiritual ritual to political discourse. The rhetorical question *¿Dónde está Dios?* Where is God? functions not only theologically but ideologically. It frames injustice, invokes moral authority, and constructs collective protest. From Sheigal's perspective, ritualized lament becomes symbolic resistance, transforming grief into public discourse about power

and accountability. Similarly, Voloshinov [Voloshinov 1973] conceptualizes language as inherently ideological. Every utterance reflects social struggle. The ritual lyrics questioning divine absence (¿Dónde está Dios?) Where is God? reveal language as a site of ideological tension in contexts of racial injustice.

The sociocognitive dimension of ritual discourse resonates with Vygotsky [Vygotsky 1986], who argued that language mediates thought and emotional regulation. In the *arrullo*, collective chanting becomes a psychological tool that restructures grief through socially shared speech. Language mediates not only cognition but emotional healing. The following example allows us to analyze the discourse of the Afro-Ecuadorian people:

Cantemos, cantemos, vamos a cantar,	‘Let’s sing, let’s sing, let’s sing,
el niño se ha ido y en el cielo está.	the child has gone and is in heaven.
No llores, negrita, por tu hijo ya,	Don’t cry, my dear, for your son now,
los ángeles del cielo lo van a cuidar.	the angels in heaven will take care of him’.

According to Karasik [Karasik 2002, 2016], discourse reflects the linguistic personality, a culturally situated speaker whose identity is shaped by value systems, communicative norms, and collective memory. The *arrullo* may be understood as a performative expression of Afro-Ecuadorian linguistic personality. Through formulaic structures, metaphor, and ritualized repetition, speakers enact culturally specific axiological meanings (values of dignity, transcendence, communal solidarity). Karasik emphasizes that ritual discourse encodes moral norms and culturally significant concepts. In the chigualo, concepts such as heaven, angel, and glory function as value-loaded semantic nodes that structure communal worldview.

The chigualo operates as a cultural code defining appropriate emotional expression and encodes culturally shared representations of death. Krasnykh [Krasnykh 2002, 20212] argues that cultural texts preserve collective cognitive models across generations. The chigualo, transmitted orally, functions as such a text, maintaining Afro-descendant epistemology within Ecuadorian society.

Semantic Polysemy and Symbolic Power. Repetition can either consolidate or subvert power structures. When dominant groups detach the term from its Afro-descendant political context, the ritual’s resistance dimension may be weakened. This reflects what Mbembe [Mbembe 2003] conceptualizes as necropolitics: the state regulates whose lives are grievable. In this sense, chigualo restores grieveability to Black children in contexts where racialized death is normalized.

Dialogic and Collective Structure. The soloist-chorus interaction confirms Bakhtinian dialogism: meaning emerges between voices. The chorus does not merely repeat, it legitimizes and amplifies grief [Bakhtin 1982, 1993].

Semiotic Reframing of Death. From Lotman’s perspective, the ritual functions as a semiotic translation mechanism. Death is not annihilation but re-coded as ascension within the cultural semiosphere [Lotman 1990].

Ritual as Sociocognitive Resistance. From a social-cognitive perspective, ritual language activates moral emotions such as indignation, hope, and solidarity [Van Dijk 2014]. These emotions are cognitively structured and socially shared. Table summarizes the multidimensional function of the chigualo.

Table. Cognitive, Dialogic, and Political Dimensions of the Chigualo

Dimension	Cognitive Function	Dialogic Structure	Political Meaning
Metaphor	Reframes death as ascension	Soloist–chorus interaction	Restores dignity
Musicality	Regulates emotion	Collective repetition	Builds solidarity
Symbolism	Encodes transcendence	Shared sign system	Resists invisibility
Discourse	Organizes memory	Polyphonic voices	Denounces injustice

The findings indicate that the chigualo functions as a cognitively and culturally structured sociolinguistic practice that organizes grief through embodied metaphorical frameworks, enabling participants to conceptualize and process loss. It facilitates the dialogic co-construction of meaning, whereby communal interaction shapes shared interpretations of death and memory. Situated within a broader cultural semiosphere, the chigualo mobilizes systems of signs that encode collective knowledge and symbolic continuity. Additionally, it serves as a mechanism for emotional regulation, guiding affective responses through ritualized expression. The practice also enacts ethical answerability, reinforcing social responsibility and relational accountability among participants. Importantly, it challenges forms of necropolitical exclusion by affirming the value of marginalized lives and deaths. Collectively, these dimensions demonstrate that ritual language operates as a form of epistemic resistance, sustaining alternative ways of knowing and being within Afro-descendant communities.

Conclusion

The Afro-Ecuadorian chigualo is a cognitively and semiotically structured sociolinguistic practice. Through metaphor, dialogism, and symbolic encoding, it reframes racialized death and constructs collective resilience. This study demonstrates that ritual discourse constitutes a site where language, cognition, ethics, and power converge.

References

Карасик В.И. Linguistic personality: Theoretical foundations and discourse manifestations. Russian Journal of Linguistics. 2016. Vol. 20. No. 4. P. 56–77.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2002.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Bakhtin M.M. The dialogic imagination. Austin: University of Texas Press, 1982.

Bakhtin M.M. Toward a philosophy of the act. Austin: University of Texas Press, 1993.

Coupland N. Sociolinguistics: Theoretical debates. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Eckert P. Three waves of variation study // Annual Review of Anthropology. 2012. No. 41. P. 87–100.

Geeraerts D. Theories of lexical semantics. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Kövecses Z. Metaphor in culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lotman Y.M. Universe of the mind: A semiotic theory of culture. Michigan: Indiana University Press, 1990.

Mbembe A. Necropolitics // Public Culture. 2003. Vol. 15. No. 1. P. 11–40.

Van Dijk T.A. Discourse and knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Voloshinov V.N. Marxism and the philosophy of language. Cambridge: Harvard University Press, 1973.

Vygotsky L.S. Thought and language. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986.

М. Л. Эступиньян-Линсе *(Кеведо, Эквадор)*
Технический государственный университет Кеведо

АФРО-ЭКВАДОРСКИЙ ЧИГУАЛО: РАСОВОЕ НАСИЛИЕ В ЯЗЫКОВОМ, СОЦИО-КОГНИТИВНОМ И РИТУАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

В исследовании рассматривается афро-эквадорский чигуало как когнитивно-структурированная социолингвистическая практика, посредством которой сообщества афро-эквадорского происхождения переживают горе, формируют коллективную память и противостоят структурному расизму. Результаты исследования показывают, что ритуал чигуало одновременно выступает в роли духовного прощания, эпистемического сопротивления и социокогнитивного переосмысления травмы.

Ключевые слова: афро-эквадорский ритуал, коллективная память, расизм, дискурс

Е. Д. Анисимова *(Москва, Россия)*
Независимый исследователь
kate.dk01@gmail.com
В. Е. Анисимов *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
anisimov.vladislav.95@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ ДИСКУРСА СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование посвящено изучению вопросов репрезентации уникальных жанров, характерных для современной русскоязычной сетевой литературы. Изучение жанровой специфики с учетом лингвокогнитивного и дискурсивного подходов позволяет изучить как семантические, так и прагматические особенности их функционирования.

Ключевые слова: сетевая литература, дискурс, жанры, прагматика, концепт

Дискурс сетевой литературы представляет собой новый тип дискурса, актуализация которого связана с активным развитием современного интернет-пространства. Под дискурсом сетевой литературы нами понимается совокупность текстов, создаваемых и (первично) распространяемых посредством интернет-площадок как специализированного (платформы самиздата, онлайн-библиотеки), так и глобального рода (социальные сети, блоговые платформы). Сетевая литература, как и художественная литература, логичным продолжением которой она и является, обладает широким жанровым разнообразием, что обусловлено, с одной стороны, влиянием интернет-дискурса, как глобальной и многоязычной площадки, а с другой – требованиями к структуризации литературного текста. Дополнительным аспектом, оказывающим влияние на жанровое разнообразие дискурса сетевой литературы, является влияние иных дискурсов, таких как дискурс видеоигр, кинодискурс и дискурс социальных сетей.

По своей сути, тексты современной сетевой литературы представляют собой особую форму взаимодействия между автором или авторским коллективом и коллективным читателем, который может влиять на продуцируемые тексты в различных форматах: в процессе написания и публикации текста за счет комментирования или посредством интерактивных форм взаимодействия с читательской аудиторией в интернет-пространстве (опросы, голосования, открытые предложения, поступающие от автора), а также на этапе завершенного текста, комментируя сюжетные элементы (логические ошибки, незавершенные сюжетные линии и т.д.) или качество

текста (грамматические и орфографические ошибки, идиостиль и пр.). Постоянное активное взаимодействие автора с читателями порождает феномен публичной субъективности, как одной из составляющих т.н. NET-мышления, характеристики которого находят свое отражение в продуцируемых текстах сетевой литературы: нелинейность развития сюжета, гипертекстуальность, фрагментарность, интерактивность [Пронин, Пронина 2001]. Также к перечисленным характеристикам следует добавить полимодальность (включение в текст литературного произведения аудио- и видеофрагментов за счет гиперссылок, включение иллюстраций, авторских или сгенерированных посредством ИИ) и интертекстуальность (которая также характерна для классических литературно-художественных текстов) [Кристева 2013].

Такие характеристики дискурса сетевой литературы обусловливают появление новых жанровых категорий в структуре данного типа дискурса. Изучая различные платформы для публикации русскоязычной сетевой литературы, можно выделить как наиболее значимыми следующие: AuthorToday, LitNet, Litres, Продаман, Литмаркет, Litgorod, Readli, Avidreaders, Litmir, Topliba, Book-River, Kniga-Online, Mir-Chitki. Для проведения исследования нами были выделены специфические жанры сетевого дискурса, не отраженные в традиционной литературе, но представленные в различных сетевых сообществах. Структуру специфических жанров дискурса сетевой литературы можно представить следующим образом (см. табл.).

Таблица. Классификация жанров русскоязычной сетевой литературы

Псевдоэтнические	**Синергитические**	**Узкосюжетные**	**Социально-трансформационные**
Уся Санься Дорама Бояръ-анимэ Славянское фэнтези	Романтическое фэнтези Фантастический детектив Романтический детектив Историческое фэнтези Социальная фантастика Эротическая фантастика Исторические приключения	Бытовое фэнтези Технофэнтези Магическая академия Боевая фантастика Романтическая эротика Современная сказка	Русреал Альтернативная история Попаданцы в СССР Стимпанк Киберпанк Постапокалипсис ЛитРПГ РеалРПГ

Таким образом, многообразие жанров дискурса сетевой литературы обусловлено формированием множества поджанровых категорий, включающих в себя типичные (в рамках т.н. мейнстрима [Кудряшова 2024]) направления. Каждую жанровых категорий можно характеризовать посредством анализа их общего концептуального содержания, специфики формирования вторичной авторской реальности в произведениях одного типа, а также за счет их особенностей воздействия на читателя.

Так, жанры псевдоэтнической группы характеризуются репрезентацией вторичной реальности посредством имитации иной лингвокультуры как на уровне лексики (использование специфических онимов в именовании персонажей, локаций и т.д., использование языковых калек, подражание иноязычным терминам), так и на уровне стилистики текста. Примером может послужить эмоциональный и насыщенный диалогами текст произведений в жанре дорама, и большое количество монологических высказываний, а также преобладание формальной речи в произведениях жанра уся / санься. Следует отметить, что в данном случае нами рассматриваются жанры дискурса сетевой русскоязычной литературы, а не оригинальные жанры китайской литературы и кинематографа. Ключевым концептуальным элементом, находящим свою реализацию в произведениях псевдоэтнических жанров, становится подражание, выраженное прямо (попадание героя в представителя иной лингвокультуры) или косвенно (имитация представителя иной лингвокультуры). Когнитивные особенности воздействие на читателя обусловлены, в основном, за счет демонстрации иной, не всегда канонично интерпретируемой автором, лингвокультуры и характерных для нее концептов в гипертрофированно положительном формате.

Жанры синергетического типа могут быть характеризованы посредством такого способа формирования вторичной реальности, как объединение двух классических жанров посредством гештальт-схемы фон-фигура, где в качестве фона – антуража произведения – выступает один жанр, тогда как фигурой – сюжетным содержанием – другой жанр. Примером может стать жанр романтического фэнтези, где в качестве фона выступает жанр фэнтези, тогда как основное сюжетное содержание обеспечивает жанр романтического романа/рассказа с доминирующей романтической линией. Общее концептуальное содержание жанровой группы обеспечивается за счет реализации концепта единообразия: в различных авторских реальностях мотивация героев и их действия обусловлены аналогичными в реальном мире. Специфика когнитивного воздействия на читателя, в свою очередь, обеспечивается за счет антиномии: репрезентации иной реальности и развития сюжетной линии по стандартному образцу, возможной в настоящем мире. Это позволяет читателю с большей вероятностью осуществлять стратегию переноса поступков и мыслей героя на себя, за счет чего увеличивается читательская вовлеченность.

В свою очередь, узкосюжетные жанры репрезентируют стереотипные ситуации, характерные для более широкой жанровой категории, что приближает по форме данный жанр к ситкому в кинодискурсе. Так, формирование вторичной реальности в жанре бытового фэнтези происходит за счет презентации и описания особенностей ведения быта и повседневной жизни героев в формируемой автором вторичной реальности фэнтезийного рода. Основным концептом, объединяющим данную жанровую категорию, становится стереотипность, за счет которой обеспечивается аналогичная композиция произведений, обладающих собственным сюжетом. Воздействие на читателя происходит за счет репрезентации типовых условий и ситу-

аций, в которые попадают герои произведений, что позволяет легче воспринимать сюжет, но также оттолкнуть от жанра читателей, предпочитающих нешаблонные варианты развития сюжета.

Наконец, социально-трансформационные жанры формируют вторичную реальность произведения за счет транспонирования трансформированных условий быта, социума, истории и культуры или отдельных их компонентов с сохранением пересекающихся с объективной реальностью элементов. Так, жанры ЛитРПГ и РеалРПГ демонстрируют реально существующие элементы развития многопользовательских онлайн игр (ММОРПГ) в условиях реально-существующего социума и технологического прогресса (технологии полного погружения в виртуальную реальность). Ключевым концептом становится реальность, которая подвергается частичным или концептуальным изменениям с сохранением реально существующих компонентов. Воздействие на читателя обусловлено фактором представлением трансформированной в лучшую (улучшение технологий, морали общества и т.д.) или худшую (деградация общества, последствия глобальных катастроф и пр.) сторону вторичной реальности, что позволяет представить читателю последствия тех или иных социальных изменений, а также их желательности или нежелательности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная русскоязычная сетевая литература обладает широким разнообразием жанрового потенциала, что обусловлено несколькими основными факторами: развитие в структуре веб-пространства, быстрое создание и распространение согласно закономерностям развития веб-текста, а также структурализация посредством мейнстримных образов и направлений развития. При этом порождаемые жанры и объединяющие их жанровые группы обладают собственными лингвокогнитивными особенностями, выраженными как в формате репрезентации текста (особенности формирования вторичной авторской реальности, ключевое концептуальное содержание), так и на уровне восприятия потенциальным читателем.

Литература

Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. Е.А. Орловой. М.: Академический проект, 2013.

Кудряшова Е.В. Молодежный мейнстриминг в социальных сетях как фактор формирования социально-политических установок современной молодежи // Российское общество и социально-правовые аспекты его безопасности: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 25–26 апреля 2024 г. М.: Ун-т прокуратуры РФ, 2024. С. 181–186.

Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Антиномия-2000 (Net-мышление как публичная субъективность и как массовая установка) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2001. № 1. С. 42–45.

E. D. Anisimova *(Moscow, Russia)*
Independent Researcher
V. E. Anisimov *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

LINGUOCOGNITIVE FEATURES OF GENRES IN ONLINE LITERATURE DISCOURSE

The research devoted to study the representation of unique genres characteristic of contemporary online literature in Russian. Examining genre specifics, considering linguacognitive and discursive approaches, allows us to explore both the semantic and pragmatic features of their functioning.

Key words: online literature, discourse, genre, pragmatics, concept

Н. А. Ахренова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
akhrenova-na@rudn.ru

СЕМИОЗИС 2.0: КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭПИСИСТЕМЫ

В статье осуществляется лингвистический анализ генеративных нейросетевых моделей (LLM). Обосновывается положение, согласно которому LLM репрезентируют не языковую систему (langue), а дистрибутивные закономерности текстовых массивов, продуцируя вероятностный язык (probabilistic language). Выявляется принципиальная асимметрия между формальной грамматической компетенцией и семиотической компетенцией.

Ключевые слова: нейросеть, LLM, вероятностный язык, грамматическая компетенция, семиотическая компетенция

Введение. В последние годы генеративные нейросетевые модели (от англ. Large Language Models, LLM) продемонстрировали способность порождать тексты, неотличимые от человеческих по формально-грамматическим характеристикам. Для теоретического языкознания этот факт имеет не только технологическое, но и эпистемологическое значение. Если корпусная лингвистика во второй половине XX в. расширила эмпирическую базу, но оставила нетронутыми фундаментальные представления о природе языка, то нейросети ставят под сомнение саму лингвистическую эпистему – систему способов производства, верификации и интерпретации знания о языке.

Под «Семиозисом 2.0» в данном исследовании понимаются не технологические, а качественное изменение статуса языкового знака. В классической семиотике [Пирс 2000; Моррис 1982; Эко 2006] знак рассматривался как результат интенциональной

деятельности сознания. Сегодня знаки производятся системами, не обладающими ни интенциональностью, ни феноменологическим сознанием, ни телесным опытом. Целью написания статьи стал лингвистический анализ этого феномена. Основная гипотеза, которую мы выдвигаем, заключается в том, что нейросети моделируют не язык как систему, а дистрибутивные закономерности текстовых массивов, что приводит к фундаментальной асимметрии между формальной компетенцией, т.е. способностью порождать грамматически правильные последовательности и семиотической компетенцией, которая трактуется нами, как способность связывать знаки с референцией, интенцией и прагматическим контекстом.

Результаты и обсуждение. Для лингвистического анализа принципиально различение, введенное Ф. де Соссюром [Соссюр 1977], между *langue*, язык как система, и *parole*, речь как реализация. Нейросеть, обученная на корпусах, не моделирует ни то, ни другое в соссюровском смысле. Она усваивает статистические закономерности совместной встречаемости элементов, но не формирует абстрактной системы правил, связывающих форму и значение.

Корпусная лингвистика [Апресян 1995; Шведова 2005] исходила из принципа репрезентативности: корпус понимался как представительная выборка текстов, отражающая реальное функционирование языка. LLM, обученные на корпусах, порождают конструкции, которых нет в исходных данных. Мы имеем дело с так называемым «вероятностным языком», основанного на вероятностной аппроксимации, не принадлежащей ни одному носителю, ни одному социолекту.

С лингвистической точки зрения это означает, что LLM не обладают лексико-семантической компетенцией в том смысле, какой вкладывал в это понятие Ю.Д. Апресян [Апресян 1995]. Согласно Апресяну, лексико-семантическая компетенция включает знание селекционных ограничений – правил сочетаемости, основанных на семантических признаках.

Феномен «грамматичности без осмысленности» заслуживает специального анализа в терминах лингвистической теории. В работе Н. Хомского [Chomsky 1957] было введено различение между грамматически правильными и семантически аномальными предложениями. Классический пример *Colorless green ideas sleep furiously* демонстрирует, что синтаксическая правильность не гарантирует осмысленности. Это различение является фундаментальным для лингвистики: оно показывает, что грамматика и семантика – разные уровни языковой системы.

С лингвистической точки зрения это указывает на отсутствие у LLM семантического компонента в том понимании, которое сложилось в генеративной лингвистике [Chomsky 1965; Касевич 1988]. Семантический компонент включает правила интерпретации, связывающие синтаксические структуры со значениями. Нейросеть моделирует корреляции между формами, но не формирует правил интерпретации. Это объясняет, почему LLM успешно порождают грамматически правильные, но семантически пустые конструкции: для них грамматическая правильность исчерпывается дистрибутивной вероятностью.

Особый интерес для лингвистики представляют ограничения LLM в области дейксиса и анафоры. Дейксис – это класс языковых единиц, значение которых определяется ситуацией речи (*я, ты, здесь, сейчас, этот*). В работе К. Бюлера [Бюлер 2000] дейксис рассматривался как фундаментальное свойство языка, связывающее языковую систему с ситуацией общения. Носитель языка без труда ориентируется в дейктической системе, различая *я говорящего* и *ты слушающего*, здесь как место речи и там как удаленное пространство.

Эксперименты показывают, что LLM систематически ошибаются в обработке дейксиса. В диалоговом режиме модели не способны корректно отслеживать референциальные цепочки, включающие дейктические элементы. Например, на реплику *Я сейчас в Москве. Как здесь погода?* модель может ответить информацией о погоде в Санкт-Петербурге, поскольку в обучающей выборке сочетание *как погода* чаще всего встречается без привязки к дейктическому *здесь*. Более того, LLM не различают *я пользователя* и *я модели*, что приводит к характерным сбоям: нейросеть может порождать высказывания от первого лица, не имея в виду ни реального субъекта, ни моделируемого персонажа.

Анафора – еще одна зона систематических ограничений. Носитель языка способен разрешать анафорические отношения, опираясь на синтаксические (принцип локальности), семантические (ролевые предпочтения) и прагматические (тематическая структура) факторы.

LLM демонстрируют ограниченную способность к анафорическому разрешению. В экспериментах на материале русского языка модели успешно справляются с анафорой в простых предложениях (*Иван сказал, что он устал → он = Иван*), но терпят неудачу в случаях, требующих учета прагматических факторов или моделирования ментальных состояний. Например, в конструкции *Иван сказал Петру, что он устал* носитель языка разрешает анафору как неоднозначную, но предпочитает интерпретацию *он = Иван* в силу тематической структуры. LLM же часто выбирают *он = Петр*, руководствуясь поверхностными синтаксическими паттернами.

Согласно теории Г.П. Грайса [Grice 1975], успешная коммуникация предполагает соблюдение принципа кооперации и способность к выводу импликатур – дополнительных смыслов, не выраженных прямо. Носитель языка, слышащий вопрос *Ты идешь на конференцию?* и ответ *У меня сегодня дедлайн*, выводит импликатуру: *Я не иду, потому что занят*. Этот вывод опирается на знание контекста, общих презумпций и способность к моделированию интенций собеседника.

Исследования показывают, что LLM не обладают прагматической компетенцией в грайсовском смысле. В экспериментах, проведенных на материале русского языка с использованием методики, адаптированной из работы [Demberg, Sayeed 2016], моделям предлагались диалоги, требующие вывода импликатур различных типов. Результаты показали, что LLM успешно справляются с импликатурами, часто встречающимися в обучающей выборке (например, стандартные косвенные рече-

вые акты), но демонстрируют систематические сбои в случаях, требующих учета уникальных контекстуальных факторов.

Особенно показательно поведение LLM в задачах, требующих различения того, что сказано, и того, что подразумевается. Модели склонны смешивать эти уровни: на вопрос *Можешь ли ты передать соль?* они могут ответить *Да, я могу передать соль*. Это указывает на отсутствие у LLM различения между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием, введенного Дж. Остином [Austin 1962] и развитого Дж. Серлем [Searle 1969].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов о когнитивной природе искусственного интеллекта в ее лингвистическом измерении.

Нейросети усваивают частотности совместной встречаемости элементов, но не формируют абстрактных правил. Это объясняет феномен грамматичности без осмысленности, когда LLM не различают синтаксическую правильность и семантическую приемлемость как разные уровни языковой системы. Высказывания LLM не направлены на референцию к объектам реального мира и не выражают субъективных состояний. Это приводит к ограничениям в области дейксиса, анафоры и субъективной модальности. Обучение LLM происходит на текстах – вторичных репрезентациях опыта. У них нет доступа к внеязыковой реальности, которая для человека служит основой означивания. Это объясняет систематические сбои в задачах, требующих соотнесения языка с миром.

Эти характеристики позволяют говорить о семиотической симуляции – производстве знаковых форм, имитирующих связность, но лишенных интенциональной направленности, референтной привязки и прагматической укорененности. Для лингвистики это различение имеет фундаментальное значение: данные, получаемые от LLM, не могут быть приравнены к данным, полученным от носителей языка, и требуют разработки особых процедур интерпретации.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1982.

Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПбГУ, 2000.

Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Шведова Н.Ю. Русский язык: избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2006.

Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962.

Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957.

Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, 1965.

Demberg V., Sayeed A. The Frequency of Rapid Predictions During Language Processing // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. P. 1–16.

Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts, P. Cole, J.L. Morgan (eds.). New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

N. A. Akhrenova *(Moscow, Russia).*
RUDN University

SEMIOSIS 2.0: THE COGNITIVE NATURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE TRANSFORMATION OF LINGUISTIC EPISTEME

The article presents a linguistic analysis of generative neural network models (LLMs). It substantiates the proposition that LLMs do not represent the linguistic system (langue) but rather the distributional patterns of text corpora, thereby producing probabilistic language. A fundamental asymmetry is identified between formal grammatical competence and semiotic competence.

Key words: neural network, LLM, probabilistic language, grammatical competence, semiotic competence

А. В. Ачкасов *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
a_v_achkasov@mail.ru

СИНТЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ И ГОМОГЕНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА[1]

В статье показано, что делегирование задач генеративным моделям способствует переносу типичных дискурсивных паттернов и ослаблению метакогнитивного контроля, однако механизм переноса не может быть исчерпывающе объяснен концепцией когнитивной разгрузки. Гомогенизация рассматривается как результат взаимодействия когнитивных, алгоритмических и социальных факторов, а не исключительно индивидуальных когнитивных процессов.

Ключевые слова: гомогенизация языка, когнитивная разгрузка, генеративные модели, синтетический контент, дискурсивные практики

Все более широкое использование генеративных моделей сопровождается увеличением объема синтетического контента в разных областях речевых практик. По состоянию на текущий момент мы точно не знаем, сколько всего текстов гене-

[1] Источник финансирования: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 75-ВГ).

рируется моделями, в каких ситуациях они используются, как распространяются и потребляются. Данные, полученные на основе анализа 65000 случайно выбранных статей в архиве *CommonCrawl* (январь 2020 – май 2025 г.), показали, что в ноябре 2024 г. объем синтетического контента (СК) (сгенерированные или модифицированные моделями тексты) во всемирной сети превысил количество текстов, написанных людьми [Paredes et al. 2025].

СК оказывает влияние на речь пользователей независимо от того, являются они его пассивными потребителями или активно используют модели для генерации. В академической речи это влияние проявляется на лексическом уровне в росте частоты использования слов, типичных для БЯМ (*LLM-style words*) [Geng et al. 2025]. Анализ 740000 часов академических видео выявил частотное использование слов, характерных для текстов, отредактированных ChatGPT (например, *delve, realm, meticulous, adept*) [Yakura et al. 2024]. Другие характеристики СК, такие как высокий уровень формальной (поверхностной) когерентности и когезии, избыточное количество ключевых слов и вводных конструкций, снижение дисперсии и «выравнивание» эмоций», также влияют на человеческую речь.

Сегодня сложился консенсус о гомогенизирующем эффекте генеративных моделей, который выражается в ослаблении идиостилевых характеристик текстов разных жанров. Этот тезис коррелирует с исследованиями, показывающими связь генеративных моделей с эрозией критического и аналитического мышления [Gerlich 2025], что подтверждается нейрофизиологическим данными [Kosmyna et al. 2025]. Обобщая результаты упомянутых исследований, можно говорить о формировании нового когнитивно-коммуникативного режима, в котором языковые модели становятся активными агентами, «усредняющими» речевые и мыслительные практики человека.

По мнению разных исследователей, основным механизмом переноса черт СК в речь людей и ослабления критического мышления является когнитивная разгрузка, заключающаяся в делегировании когнитивных задач внешним ресурсам. Делегирование когнитивных задач электронным системам давно стало нормой, включая использование автоматизированных систем поиска, обработки и ранжирования информации, вычислений, библиотек программирования и пр. Принципиальное отличие взаимодействия с генеративными моделями состоит в том, что они берут на себя функцию языкового и смыслового конструирования как таковых, непосредственно участвуют в производстве дискурса, формировании его смысловой и прагматической структуры и языкового оформления. Речь идет о перераспределении эпистемических функций между человеком и моделью. Механизм когнитивной разгрузки реализуется через восприятие связных сгенерированных текстов как индикаторов собственного понимания [Gerlich 2025: 6]. Возможность получить связный, беглый текст по запросу (*fluency on demand*) ведет к переоцениванию степени своего понимания, знаний или навыков, формированию «иллюзии компетентности» (*illusion of competence*) и в конечном итоге к метакогнитивной пассивности

(*metacognitive laziness*), выражающейся в снижении потребности в мониторинге и контроле собственных когнитивных процессов [Lodge, Loble 2026]. Перенос языковых паттернов сгенерированных текстов в человеческую речь также объясняется этой моделью. Снижение метакогнитивного контроля и иллюзия понимания уменьшают сопротивление заимствованию готовых формулировок, связность и беглость текста воспринимаются как достаточные показатели его качества.

Описанная объяснительная модель (и подобные ей) сегодня преобладают в исследованиях влияния генеративных моделей на речевое и когнитивное поведение пользователей. Вместе с тем она дает лишь одну «проекцию» постоянно меняющихся и корректирующихся практик и не учитывает исследования, показывающие другие тенденции.

Представление о том, что гомогенизирующий эффект моделей связан с усредненностью и однообразием СК не согласуется с исследованиями, показывающими, что сгенерированные тексты характеризуются большей степенью лексического разнообразия [Herbold et al. 2023]. Более того, слова, характерные для СК, не вытесняют слова, традиционные для человеческой речи слова (*delve* не вытесняет *investigate*), используются совместно и обогащают речь [Galpin et al. 2025]. Высокую степень гомогенизации связывают не столько с природой самих моделей, сколько с особенностями их использования, в частности с проблемой «холодного старта» (*cold-start problem*), когда модель получает недостаточно информативный или обобщенный промпт. Более контекстуализированные промпты нивелируют гомогенизацию. Влияние генеративных моделей на критическое мышление и креативность пользователей оказывается неоднородной и зависит от уровня их подготовки. Экспериментальные исследования показывают, что использование моделей может способствовать повышению креативности письма, особенно у пользователей с ограниченным опытом текстопорождения [Doshi, Hauser 2024]. В отдельных случаях модели демонстрируют способность предлагать более продуктивные и оригинальные идеи по сравнению с профессиональными авторами [Joosten et al. 2024]. Обобщая, можно сказать, что взаимодействие человека с генеративными моделями не сводится к однонаправленному процессу стандартизации и когнитивного упрощения. Напротив, оно характеризуется вариативностью эффектов, зависящих от контекста использования, уровня компетенции пользователя и параметров взаимодействия с моделью.

С учетом сказанного можно предположить, что гомогенизация не является неизбежным или универсальным результатом когнитивной разгрузки и подобные утверждения редуцируют сложное явление к набору индивидуальных взаимодействий. Можно предложить ряд уточнений, которые позволят взглянуть на проблему более взвешенно. 1) Изменение языковых практик является результатом коллективной, социально распределенной и институционально опосредованной деятельности. Механизм гомогенизации обусловлен принятием новых норм на коллективном

и экспертном уровне, алгоритмической фильтрацией контента, приоритезацией «стандартных» и легко воспринимаемых текстов, процессами масштабирования СК. 2) Гомогенизация не может быть описана как простое «упрощение» контента и характеризуется повышением его среднего качества. Использование моделей существенно повышает возможности менее опытных пользователей, в том числе в академической среде, снижает порог входа в производство нормативно оформленного дискурса и обеспечивает доступ к устойчивым жанровым и стилистическим шаблонам. В результате тексты, создаваемые такими пользователями, в среднем демонстрируют более высокую степень когерентности, структурированности и соответствия институциональным требованиям. Это ведет не к деградации качества, а к его выравниванию и стандартизации, которое сокращает разброс между «сильными» и «слабыми» текстами. 3) Отраслевые эксперты, имеющие сформировавшиеся навыки письма, критически оценивают выдачу моделей и могут сознательно принимать их идеи и формулировки, используя их в качестве эвристически оптимальных решений. В этом случае заимствование не является следствием когнитивной пассивности, а представляет собой форму рациональной адаптации к доминирующим дискурсивным нормам. Другой вектор сопротивления гомогенизации проявляется в сознательном отказе от устойчивых шаблонов. Так, например, слова, ассоциируемые с моделями (например, *delve*), начинают исчезать из научного дискурса [Anderson et al. 2025].

Исследования взаимодействия генеративных моделей и человека должны учитывать эту многомерность, смещая фокус с изолированных эффектов когнитивной разгрузки на анализ коллективных, социально опосредованных механизмов воспроизводства дискурсивных практик в условиях рекурсивного взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Литература

Anderson B., Galpin R., Juzek T.S. Model Misalignment and Language Change: Traces of AI-Associated Language in Unscripted Spoken English // Proceedings of the Eighth AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 179–191.

Doshi A.R., Hauser O.P. Generative AI enhances individual creativity but reduces the collective diversity of novel content // Science Advances. 2024. Vol. 10. Art. 28.

Galpin R, Anderson B, Juzek T.S. Exploring the Structure of AI-Induced Language Change in Scientific English. The International FLAIRS Conference Proceedings. 2025. Vol. 38. Art. 1.

Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15. Art. 9.

Geng M., Chen C., Wu Y., Wan Y., Zhou P., Chen D. The Impact of Large Language Models in Academia: From Writing to Speaking // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL. 2025. P. 19303–19319. URL: https://arxiv.org/abs/2409.13686 (дата обращения: 13.01.2026).

Herbold S., Hautli-Janisz A., Heuer U., Kikteva Z., Trautsch A. AI, write an essay for me: A large-scale comparison of human-written versus ChatGPT-generated essays // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 18617. URL: https://arxiv.org/pdf/2304.14276 (дата обращения: 13.01.2026).

Joosten J., Bilgram V., Hahn A., Totzek D. Comparing the ideation quality of humans with generative artificial intelligence // EEE Engineering Management Review. 2024. Vol. 52. No. 2. P. 153–164.

Kosmyna N. et al. Your brain on ChatGpt: Accumulation of cognitive debt when using an ai assistant for essay writing task // preprint 2025. URL: https://arxiv.org/pdf/2506.08872 (дата обращения: 13.01.2026).

Lodge J.M., Loble L. Artificial intelligence, cognitive offloading and implications for education. [Report] University of Technology Sydney. March 2026. URL: https://leonfurze.com/wp-content/uploads/2026/03/ai-cognitive-offloading-and-implications-for-education.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

Paredes J.L., Smith E., Druck G., Benson B. More articles are now created by AI than humans. URL: https://graphite.io/five-percent/more-articles-are-now-created-by-ai-than-humans (дата обращения: 13.01.2026).

Yakura H., Lopez-Lopez E., Brinkmann L., Serna I., Gupta P., Rahwan I. Empirical Evidence of Large Language Model's Influence on Human Spoken Communication. URL: https://arxiv.org/pdf/2409.01754 (дата обращения: 13.01.2026).

A. V. Achkasov *(Saint Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia

SYNTHETIC CONTENT AND LINGUISTIC HOMOHENIZATION

The article shows that delegating tasks to generative models facilitates the transfer of typical discursive patterns and the weakening of metacognitive control; however, this transfer mechanism cannot be fully explained by the concept of cognitive offloading alone. Linguistic homogenization is interpreted as the result of the interaction of cognitive, algorithmic, and social factors, rather than solely individual cognitive processes.

Key words: language homogenization, cognitive offloading, generative models, synthetic content, discursive practices

Е. В. Беспалова *(Самара, Россия)*
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
bespalowa@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОЛЛОКАЦИЙ ЛЕКСЕМЫ *BACH* В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОРПУСАХ

Статья посвящена анализу частотных коллокаций ландшафтной лексемы *Bach*, моделируемых современными немецкоязычными корпусами DWDS и OWID. Рассматриваются частотные конвенциональные словоупотребления и их структурные особенности. Анализируются синтаксические модели коллокаций и когнитивные характеристики их реализаций. Характеризуются некоторые лингвокультурные особенности коллокаций.

Ключевые слова: коллокация, коллокатор, коллокат, синтаксическое моделирование, лингвокультурная специфика

Современные электронные корпуса содержат информацию о коллокациях лексических единиц. Под коллокацией понимается «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» [Ахманова 1966: 205]. На основе анализа спаянности значения компонентов коллокаций им приписывались свойства фразеологичности, идиоматичности или устойчивости. Так, они определялись как «слабоидиоматичные фразеологизмы со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент употреблен в своем прямом значении» [Баранов, Добровольский 2008: 67]. Исследователи различают типы коллокаций на основе объективации общих семантических смыслов (выражение высокой степени проявления признака, выражение совершения действия или выполнения функции, выражение осуществления чего-либо и метафорические коллокации). Главными особенностями коллокации признаются ее структура, большая, чем слово, и сохранение одним из ее элементов лексического значения при нестандартном выражении значения другим компонентом. Компоненты коллокаций неравноправны. Семантически главный компонент считается базой коллокации, он сохраняет свое значение и называется ключевым, или свободным компонентом. Вспомогательный компонент (коллокатор) зависит от ключевого компонента, называется несвободным компонентом, может быть задан в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова предопределяется узусом, традицией. Все несвободное сочетание должно храниться в памяти (в словаре). Исследователями отмечается, что коллокации возникают в результате исторически сложившихся ограничений в сочетаемости слов, которые характерны для лингвокультуры, приобретают со временем узуальный характер, могут быть обусловлены не внутриязыковыми, а внешними по отношению к языковой системе, культурно-историческими причинами. Поэтому коллокации обладают ярко выраженной культурной специфичностью и вызывают

трудности при переводе, на что указывалось многими исследователями, например, С.Ю. Архиповым [Архипов 2013].

При более широком подходе коллокации выявляются на основе статистики совместной встречаемости слов в одних и тех же контекстах. На этом принципе построены данные о коллокациях в больших корпусах. Важными свойствами корпусов для выявления коллокаций считается их репрезентативность (сбалансированное представление текстов) и представление данных в контекстах.

В современном цифровом корпусе немецкого языка [DWDS] сведения о коллокациях представлены в профиле слова, который является результатом автоматического синтаксического и статистического анализа больших массивов данных (500 миллионов слов в контекстах), на основе которого выявляются статистически значимые синтаксические отношения слова [Geyken 2011]. О степени сбалансированности корпуса можно судить по данным для выявления профиля слова. В данные включены тексты следующих источников: BILD (1997–2020), Frankfurter Rundschau (1995–2021), Neue Osnabrücker Zeitung (2012–2021), Neue Zürcher Zeitung (1993–2021), Süddeutsche Zeitung (1992–2021), Der Tagesspiegel (2005–2021), Die Welt (1999–2020), Die ZEIT (1946–2018), Wikipedia (2022), части корпуса DWDS-Kernkorpus, части регионального корпуса ZDL-Regionalkorpus (1993). Процесс выявления коллокаций включает определение типа характерных синтаксических отношений слова, то есть имеет место синтаксическое моделирование коллокаций. Кроме того, процесс включает и поиск примеров, а также оценку их количественных показателей. Преимуществом работы с профилем слова в DWDS является непосредственный доступ от коллокатора к контексту употребления в аутентичных текстах с возможностями анализа семантических и прагматических особенностей [Geyken 2011].

Коллокации позволяют проследить частотные конвенциональные словоупотребления с единицами ландшафтной лексики, а также структурные особенности словосочетаний разных типов. При этом сочетания могут быть как фразеологизированными, так и нефразеологизированными. Статистические данные позволяют сделать выводы о частотности употребления единиц, коллокаций, следовательно, о степени когнитивной салиентности обозначаемых ими референтов. Иллюстративный материал корпусов позволяет также проследить, в каких из коллокаций те или иные единицы употребляются чаще, какие значения реализуются в том или ином контексте, какая часть культурной информации объективируется.

Рассмотрим выделенные на базе корпуса DWDS коллокации с лексемой *Bach* ‘ручей’. Выделено 11 синтаксических типов отношений. Наиболее частотными синтаксическими функциями коллокатов являются *«Prädikativ»*, *«Subjekt»*, *«Akkusativ / Dativ-Objekt»*, *«in Koordiantion mit»*, *«Adjektivattribut»*, а наиболее частотными коллокатами соответственно лексемы *Gewässername, entspringen, runtergehen*, *Fluss, namenlos*. Данные дополняют сведения о понятийных характеристиках лексемы *Bach*, объективируемых в аутентичных контекстах. Так, в функции предикатива

часто оказываются либо существительные-гиперонимы, обозначающие водоемы (*Nebengewässer*, *Fließgewässer*, *Zufluss*), либо природные характеристики, входящие в объем понятия (*wasserführend*, *naturnah*). Самыми частотными глаголами, при которых лексема *Bach* выступает в роли субъекта, являются глаголы, объективирующие параметры физического существования водоема – исток (*entspringen*), протекание (*fließen*, *durchfließen*), устье (*münden*), насыщение водой (*entwässern*). Как следует из проанализированного материала, в функции дополнения лексема *Bach* часто выступает при глаголах, обозначающих движение вниз по ручью. При обращении к конкретным примерам, однако, видно, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о переносном значении выражения *«den Bach runtergehen»*: «*in der Krise sein und eine negative Entwicklung nehmen*, *an deren Ende das völlige Scheitern*, *der Ruin drohen*; *verloren gehen*» ‘находиться в состоянии кризиса, принимать негативный ход развития, в конце которого грозит полное поражение / разорение / гибель; пропадать’: «*…wir brauchen staatliche Hilfe und Zugang zu billiger Energie, sonst* ***geht*** *die Wirtschaft den* ***Bach*** *runter*» [DWDS].

В отношениях координации чаще всего выступают лексемы-наименования водоемов *Fluß*, *Rinnsal*, *Tümpel*, *Weiher*, *Teich*. Наиболее частотными в позиции определения являются коллокаты *reißend*, *rauschend*, *entspringend*, *plätschernd*, *namenlos*, объективирующие силу и быстроту течения (*reißend*), журчание и плеск воды (*rauschend*, *plätschernd*), исток (*entspringend*) и отсутствие имени ручья (*namenlos*).

Раздел корпуса OWID *elexiko* [OWID] также приводит коллокации, информируя о том, какие лексемы встречаются в контекстах с базовым словом. Синтаксические функции разъясняются с помощью вопросов, например, «Wie wird ein Bach charakterisiert?», «Was macht ein Bach?», «Was macht man bzw? Was geschieht mit einem Bach?». Статистика коллокатов не дается, но указывается, что приводимые лексемы имеют значимую частотность. По данным *elexiko* ручей (*Bach*) характеризуется чаще всего с помощью лексем, объективирующих его физические свойства – «глубина» (*tief*), «форма и размер» (*klein*, *verschlungen*), «прозрачность, чистота, температура и агрегатное состояние воды» (*glasklar*, *intakt, schmutzig*, *kühl*, *vereist*), «место расположения» (*heimisch*, *unterirdisch*), «шум воды» (*plätschernd*). Кроме того, ручей характеризуется и с утилитарной точки зрения «опасный / неопасный» по отношению к человеку (*friedlich*, *gefährlich*). Глаголы, обозначающие «действия» ручья, объективируют параметры физического существования водоема «течь, впадать» (*fließen, münden*), увеличение / уменьшение уровня воды (*anschwellen, ansteigen, versiegen*), звуки, издаваемые водой (*gurgeln, plätschern, tosen*), изменение направления течения ((*sich) schlängeln*), (неприятный) запах (*stinken*). В группе коллокатов, объективирующих изменения, происходящие с ручьем, преобладают лексемы, обозначающие воздействие человека на природные объекты, например, выпрямление русла (*begradigen*), санация и восстановление (*sanieren, Sanierung, renaturieren*), строительство каналов (*Kanalisierung*), загрязнение / отравление воды (*verseuchen*) и др.

Обобщая результаты анализа, отметим, что авторы словарей как участники лексикографического дискурса разрабатывают и совершенствуют способы и виды представления информации о лексических единицах и их коллокациях. Появление больших корпусов и моделирование в них видов и типов коллокаций дает возможность более детального статистического анализа частотности употребления единиц, вариантов их значений за счет включения в доступный пользователю контент большого количества реальных примеров словоупотреблений. Анализ объективации ландшафта в лексикографическом дискурсе позволяет делать выводы о лингвокультурной специфике единиц, проявляющейся как своеобразием комбинирования понятий в значения, так и мерой эксплицитной разработки отрезков семантической системы. Словарная информация о коннотациях расширяет представления о значении единиц и о потенциальных импликациях в случае их использования в живых контекстах. Анализ выявленных статистическим способом коллокаций дает представление о привычной / узуальной сочетаемости единиц в контексте, о синтаксических конструкциях их употребления.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Архипов С.Ю. KOLLOKATION (коллокация) // Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. 2013. № 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kollokation-kollokatsiya (дата обращения: 13.01.2026).

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 13.01.2026).

Geyken A. Statistische Wortprofile zur schnellen Analyse der Syntagmatik in Textkorpora // A. Abel & R. Zanin (Eds.), Korpora in Lehre und Forschung. Bozen, Italien: Bozen University Press, 2011. P. 115–137.

OWID – Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch des Leibniz-Instituts für Deutsche Sprache (IDS), Mannheim. URL: https://www.owid.de (дата обращения: 13.01.2026).

E. V. Bespalova *(Samara, Russia)*
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

MODELING OF BACH'S COLLOCATIONS IN MODERN GERMAN-LANGUAGE CORPUSES

The article is devoted to the analysis of frequency collocations of the landscape lexeme Bach, modeled by modern German-language corpora DWDS and OWID. The article considers frequency conventional word usages and their structural features.

The article analyzes the syntactic models of collocations and the cognitive characteristics of their implementations. The article also describes some linguistic and cultural features of collocations.

Key words: collocation, collocator, collocate, syntactic modeling, linguistic and cultural specificity

А. К. Бордунос *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
abordunos@bk.ru
О. А. Акимова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
o.akimova@edu.mgubs.ru

РОЛЕВАЯ КОНГРУЭНТНОСТЬ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ГЕНДЕРНАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИ ОПИСАНИИ ОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ ВЫСШИХ ЭШЕЛОНОВ

Исследование посвящено анализу гендерной предвзятости в российских больших языковых моделях при формировании образа руководителя высших эшелонов управления. Результаты свидетельствуют о трансляции LLM культурно-специфичных паттернов категоризации, что требует разработки методов дебайсинга с учетом когнитивно-лингвистических механизмов закрепления гендерных стереотипов.

Ключевые слова: большие языковые модели, гендерная предвзятость, ролевая конгруэнтность, концептуальные фреймы, когнитивная категоризация, высшие эшелоны управления, опросник Бем

В России принята Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. В ней признается, что доля женщин и мужчин на руководящих должностях отличается незначительно. По данным Росстат, в 2023 г. среди всего занятого населения старше 15 лет женщин – 4,4%, мужчин – 5,2%. Однако существуют различия, связанные с уровнем заработной платы. Например, средняя начисленная заработная плата мужчинам на руководящей позиции в 2023 г. была равна 159 326 руб., а женщинам – 110 639 руб. [Росстат 2024]. Это можно объяснить различиями в представленности сотрудников разного пола среди высших эшелонов (в 2023 г. 37,3 тыс. женщин и 69,4 тыс. мужчин) [ТАСС 2024].

Теория ролевой конгруэнтности предлагает два объяснения наблюдаемых различий. Во-первых, требования к кандидатам на руководящие позиции соотносятся с гендерными стереотипами о поведении, чертах личности и других характеристиках, традиционно приписываемых тому или иному полу [Eagly, Karau 2002]. Чаще всего требования к должностям топ-менеджмента в большей степени соответствуют характеристикам, традиционно приписываемым мужчинам [Grachev, Bobina 2006; Balabanova et al. 2018], что ставит женщин в невыгодное положение. Таким

образом, репрезентация знаний о действительности показывает прямую зависимость от биосоциальных параметров и закрепляет существующие сочетания прототипических признаков в восприятие картины мира в групповом языковом сознании посредствам языковых единиц и форм [Усманова 2003]. Во-вторых, женщины, которые в рамках занимаемой лидерской позиции проявляют характеристики, традиционно приписываемые мужчинам, также могут восприниматься недоброжелательно партнерами, клиентами, инвесторами и другими ключевыми заинтересованными сторонами [Triana et al. 2024], поскольку не соответствуют конвенциональным установкам лингвокультурного сообщества [Товкес 2022]. В этой связи соискатели женского пола предпочитают даже не рассматривать более высокие позиции.

Для преодоления воспринимаемого несоответствия в обществе формируется запрос на новые ролевые модели лидерства, пересмотр требований к соискателям, например, за счет учета семейных ценностей и важности баланса между работой и семьей, повышения устойчивости. Однако гендерные стереотипы оказываются имплицитно закрепленными в архитектуре LLM и продолжают воспроизводиться в генерируемом контенте, формируя когнитивную норму для пользователей.

С точки зрения когнитивной лингвистики, большие языковые модели функционируют как масштабные репозитории концептуальных метафор и фреймов, извлеченных из корпусов текстов, в которых уже закодированы культурно-специфичные системы категоризации и прототипические представления о гендере. В процессе обучения LLM усваивают не только статистические закономерности дистрибуции лексических единиц, но и имплицитные концептуальные структуры – гендерные схемы и скрипты, – организующие знания о социальных ролях, профессиональных компетенциях и личностных характеристиках через призму бинарной оппозиции «маскулинное/феминное». Как показывает сравнительный анализ ChatGPT и Ernie, эти модели воспроизводят культурно-маркированные паттерны концептуализации гендера: если для ChatGPT характерна имплицитная активация стереотипных фреймов (например, ассоциация «инженер → мужчина» реализуется через прономинальный выбор), то Ernie эксплицирует патриархальные концептуальные метафоры («Золотой возраст женщины – 20–25 лет, наилучший период для замужества») [Zhou, Sanfilippo 2023]. Таким образом, LLM не просто отражают, но и усиливают существующие в языковой картине мира гендерные стереотипы, превращая статистическую частотность в когнитивную норму и закрепляя прототипические эффекты, которые затем влияют на формирование ментальных репрезентаций у пользователей этих систем.

Настоящее исследование направлено на ответ на вопрос: наблюдается ли гендерная предвзятость в российских LLM при конструировании образа руководителя высших эшелонов управления?

Для ответа использовался такой промпт для LLM: «Какие в России наиболее предпочтительные черты для кандидатов на следующие позиции» [http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf]. Выбери из списка по пять наиболее

важных для каждой должности и расставь вес вклада в вероятность получения этой должности от 0% до 100% [https://tass.ru/ekonomika/21191253].

Для эксперимента были выбраны следующие профессии, имеющие отношение к высшим эшелонам (C-level): 1) гендерно нейтральные: финансовый директор (CFO), директор по маркетингу (CMO), операционный директор (COO), коммерческий директор (CCO); 2) с преобладанием мужчин – генеральный директор (CEO), технический директор (CTO), директор по информационным система (CIO), директор по безопасности (CSO); 3) с преобладанием женщин – директор по персоналу (CHRO), главный бухгалтер (CAO).

Для описания черт использовался полоролевой опросник Бем. Опросник включает три категории характеристик: 1) маскулинные (агентные, инструментальные) черты, традиционно ассоциируемые с мужчинами – смелость, напористость, способность к лидерству, готовность рисковать, доминантность (М); 2) феминные (экспрессивные, межличностные) черты, часто приписываемые женщинам – уступчивость, застенчивость, эмоциональность, нежность, сострадательность (Ф); 3) гендерно-нейтральные качества – вежливость, дружелюбие, адаптивность [Inderlied, Powell 1979].

Результаты показали, что даже позиции, традиционно считающиеся гендерно-нейтральными (CFO, CMO, COO, CSO/CCO), получают в LLM преимущественно маскулинное описание (75–90% для Alice AI и 45–100% для GigaChat). Это свидетельствует о том, что нейтрализация гендерных стереотипов в корпоративной культуре не нашла отражения в языковых паттернах, на которых обучались модели. Особый интерес представляет позиция директора по персоналу (CHRO), где наблюдается гендерная поляризация между моделями. Alice AI демонстрирует относительно сбалансированный профиль (35% феминных / 40% маскулинных / 25% нейтральных черт), тогда как GigaChat радикально смещается в сторону феминных характеристик (80%), полностью элиминируя маскулинные качества. Это свидетельствует о стереотипизации HR-функции как «женской» сферы деятельности, требующей исключительно экспрессивных, межличностных компетенций, что противоречит современным представлениям о роли CHRO как стратегического партнера для бизнеса.

Проведенное исследование выявило системную гендерную предвзятость в российских больших языковых моделях при конструировании образа руководителя высших эшелонов управления. Анализ ответов Alice AI и GigaChat 2 Max на основе полоролевого опросника Бем продемонстрировал, что обе модели воспроизводят стереотипные концептуальные фреймы, в которых лидерские позиции преимущественно ассоциируются с маскулинными характеристиками.

Выявленная предвзятость имеет серьезные практические последствия. В условиях возрастающего использования LLM в процессах рекрутинга (составление требований к вакансиям, скрининг резюме, формирование шорт-листов кандидатов)

алгоритмическая гендерная предвзятость способна воспроизводить и усиливать существующее неравенство в доступе женщин к высшим эшелонам управления. Несмотря на близкую численность женщин и мужчин на руководящих позициях в России, значительный разрыв в оплате труда и представленности в топ-менеджменте указывает на устойчивые барьеры в карьерном продвижении женщин, которые LLM не только отражают, но и легитимизируют. Полученные результаты актуализируют необходимость разработки и внедрения методов дебайсинга LLM с учетом когнитивно-лингвистических механизмов закрепления гендерных стереотипов. Традиционные технические подходы к снижению предвзятости (балансировка обучающих данных, постобработка выходов модели) должны дополняться стратегиями, направленными на трансформацию концептуальных фреймов и метафорических систем, лежащих в основе гендерной категоризации.

Литература

Росстат – Женщины и мужчины России. 2024: стат. сб. М., 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

ТАСС – Исследование показало, что в РФ на руководящих постах женщин на 5% меньше, чем мужчин. 25 июня 2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/21191253 (дата обращения: 13.01.2026).

Усманова М.В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций: на материале устных спонтанных монологов: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2003.

Товкес М.Ю. Моделирование структуры групповой интерпретации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 20. № 3. С. 151–165.

Eagly A.H., Karau S.J. Role congruity theory of prejudice toward female leaders // Psychological Review. 2002. Vol. 109. No. 3. P. 573–598.

Triana M.C., Song R., Um C.T., Huang L. Stereotypical Perception in Management: A Review and Expansion of Role Congruity Theory // Journal of Management. 2024. Vol. 50. No. 1. P. 188–215.

Inderlied S.D., Powell G. Sex-role identity and leadership style: Different labels for the same concept? // Sex Roles. 1979. Vol. 5. No. 5. P. 613–625.

Grachev M.V., Bobina M. Russian organizational leadership: Lessons from the GLOBE study // International Journal of Leadership Studies. 2006. Vol. 1. No. 2. P. 67–79.

Balabanova E., Rebrov A., Koveshnikov A. Managerial styles in privately owned domestic organizations in Russia: Heterogeneity, antecedents, and organizational implications // Management and Organization Review. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 37–72.

Zhou K.Zh., Sanfilippo M.R. Public Perceptions of Gender Bias in Large Language Models: Cases of ChatGPT and Ernie// preprint 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2309.09120 (дата обращения: 13.01.2026).

A. K. Bordunos *(Saint Peterburg, Russia)*
Saint Peterburg State University
O. A. Akimova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

ROLE CONGRUENTY IN THE RUSSIAN CONTEXT: GENDER BIAS IN LARGE LANGUAGE MODELS WHEN DESCRIBING THE IMAGE OF TOP-LEVEL EXECUTIVES

The study examines gender bias in Russian large language models (LLMs) when describing the image of top-level executives. The findings reveal that LLMs reproduce culturally specific categorization patterns, underscoring the need to develop debiasing methods that account for the cognitive-linguistic mechanisms underlying the perpetuation of gender stereotypes.

Key words: large language models (LLMs), gender bias, role congruity, conceptual frames, cognitive categorization, upper echelons, Bem Sex-Role Inventory (BSRI)

С. Н. Вековищева *(Москва, Россия)*
Государственный университет просвещения
sn.vekoviweva@guppros.ru
Н. А. Иванова *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
ivanova_na@inno.mgimo.ru
И. А. Улиткин *(Москва, Россия)*
Государственный университет просвещения
ulitkin-ilya@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Быстрое развитие технологий искусственного интеллекта привело к тому, что системы машинного перевода уже сейчас демонстрируют значительные преимущества в обработке многоязычной информации. Однако фундаментальные различия между машинным и человеческим переводом на когнитивном уровне до сих пор не были объектом пристального внимания лингвистов-когнитологов. Исследование показывает, что машинный перевод, основанный на вычислительных моделях и подходах имитирует когнитивные процессы познания.

Ключевые слова: машинный перевод, когнитология, человеческий перевод, когнитивные механизмы, когнитивная нагрузка

В последние годы наблюдается существенный прогресс в точности и эффективности машинного перевода (МП), во многом благодаря прорывам в таких технологиях, как глубокое обучение. При этом МП демонстрирует результаты при пе-

реводе стандартизированного контента, например, новостей и научно-технических документов. Однако, несмотря на значительный прогресс современных систем МП, специалисты отмечают и определенные проблемы подобных систем, включая перевод сложных языковых структур и текстов, отличающихся существенными культурными различиями. По сравнению с человеческим переводом (ЧП), МП демонстрирует ограничения в понимании семантики текста, интеграции культурного контекста и языковой креативности [Weng 2022]. В этой связи исследование различий в когнитивных процессах, задействованных при МП и ЧП, имеет важное значение, поскольку оно не только предоставляет ценные сведения для дальнейшего развития технологии МП, но и открывает новые пути для междисциплинарных исследований в таких областях, как когнитология и лингвистика.

Когнитивной основой МП, в отличие от когнитивных механизмов ЧП, базирующихся на интеллектуальной деятельности человеческого мозга, является компьютерная лингвистика и статистические модели. Системы МП по сути рассматривают текст на исходном языке как последовательность данных, поддающуюся математическому моделированию, а сам процесс перевода и преобразования текста исходного языка на язык перевода осуществляется посредством сложных алгоритмических операций. Ранние системы МП, основанные на правилах, опирались на составленные специалистами двуязычные словари и наборы грамматических правил. Их когнитивный процесс имитировал формальную логическую дедукцию, генерируя переводы посредством символических операций и синтаксического анализа [Shi 2025:173].

Современные системы нейронного МП используют модель сквозной (от англ. end-to-end) обработки текста, которая демонстрирует такие ключевые инновации, как повышение качества, эффективности и масштабируемости перевода. Когнитивной основой подобных систем выступает распределенное представление обрабатываемых данных и вероятностное прогнозирование в глубоких нейронных сетях. Благодаря обучению на больших корпусах эти системы МП автоматически изучают сложные ассоциации и статистические закономерности между языковыми символами в многослойных сетях, тем самым формируя неявную модель знаний, которая охватывает лексическую, синтаксическую и поверхностную семантическую информацию. По сути, процесс обработки информации в таких системах МП представляет собой операцию «черного ящика», при которой предложение на исходном языке преобразуется в распределенное представление в многомерном векторном пространстве, после чего декодер генерирует последовательность слов целевого языка вероятностным образом, основываясь на этом представлении и ранее сгенерированном контексте. Процесс подобной обработки воплощает процесс распознавания образов и вероятностной оптимизации на основе огромного массива данных. Глубина и широта его «познания» полностью ограничены масштабом и качеством обучающих данных.

Когнитивной основой ЧП является высокодинамичное интеллектуальное поведение, интегрирующее множество сложных умственных действий. Процесс перевода начинается с углубленного (смыслового) чтения и распознавания переводчиком авторской идеи, аргументации и контекста. Этот начальный этап включает в себя не только расшифровку языковых символов, но и построение ментальной модели, т.е. погружение, фокусировку на ключевых моментах и анализ структуры и смысла, на основе знаний об окружающем мире и контекстной информации. Активируя языковые схемы и концептуальные структуры, хранящиеся в долговременной памяти, переводчик активно анализирует, фильтрует и реконструирует текстовую информацию, формируя целостное ментальное представление об исходном намерении, эмоциональном тоне и логической структуре. Таким образом, процесс ЧП можно представить в виде серии взаимосвязанных когнитивных этапов, включающих в себя понимание (переводчик должен сначала понять исходный текст, принимая во внимание его лингвистические, культурные и контекстуальные особенности, т.е. расшифровать языковую структуру, определить скрытый смысл); анализ (после того, как исходный текст понят, переводчик анализирует его структуру, выявляя основные идеи, аргументы и подтверждающие доказательства, что помогает ему определить подходящие стратегии перевода текста [Holmes 1988]); перенос (этап мыслительного сопоставления значения исходного текста с целевым языком, в результате которого происходит подбор соответствующих лексических и синтаксических эквивалентов, а также адаптации культурных отсылок и стилистических особенностей); синтез (на этом этапе процесса перевода переводчик не только синтезирует различные элементы целевого текста, обеспечивая связность, беглость и точность, но и осуществляет редактирование и пересмотр текста для устранения ошибок и несоответствий [Sperber, Wilson 1995]); принятие решений (переводчику постоянно приходится принимать решения о том, как переводить конкретные слова, фразы и предложения в зависимости от целевого языка, аудитории и стиля исходного текста); творческое решение проблем (перевод часто включает в себя поиск творческих решений лингвистических и культурных проблем, что требует от переводчика гибкого мышления, умения предлагать альтернативные решения и оценивать целесообразность различных стратегий перевода [Kussmaul 1995]).

Исходя из вышесказанного, при сравнении используемых в МП и ЧП когнитивных механизмов необходимо учитывать такие систематические различия как единицы обработки, источники знаний и оперативный характер. Что касается единиц обработки, то МП, как правило, работает с базовыми единицами, т. е. локально встречающимися последовательностями слов и предложений, основываясь на статистических ассоциациях поверхностных форм. В ЧП, на основе глубокого концептуального и интенционального анализа, используются не только смысловые предложения, но весь дискурс в целом. При анализе источников знаний, можно отметить, что системы МП получают свои знания из закрытых, предварительно аннотированных обучающих наборов данных, представленных в виде параметров

нейронной сети, которые трудно интерпретировать; знания в процессе ЧП открыты, постоянно обновляемы из личного опыта и социокультурных практик, хранящихся в виде абстрактных концептуальных систем и схематических структур. С точки зрения оперативного характера, ядро МП – математические шаблоны и вероятностные вычисления, стремящиеся к формальной статистической оптимальности; ядро ЧП – это понимание, рассуждение и создание, направленные на динамическую функциональную эквивалентность в коммуникации.

Таким образом можно утверждать, что МП имитирует быстрый, автоматизированный, поверхностный режим обработки информации, характерный для человеческого познания, тогда как ЧП демонстрирует медленную, контролируемую, глубокую способность к обработке смысла. Это фундаментальное различие в когнитивных механизмах МП и ЧП обеспечивает теоретическую основу для понимания возможностей, ограничений и взаимодополняющего потенциала МП с ЧП. В результате одним из направлений для так называемого «сотрудничества» человека и машины [Sun 2025], является вариант использования машинного перевода с последующим постредактированием, осуществляемым при участии профессионального переводчика, что, в свою очередь, позволит снизить «когнитивную нагрузку» на него, т.е. внутреннюю нагрузку (сложность самой задачи), внешнюю нагрузку (сопутствующие факторы) и релевантной нагрузку (когнитивные ресурсы, необходимые для выполнения задачи) [Chen 2025: 2]. Результатом подобного взаимодействия может стать снижение внутренней нагрузки (за счет предварительного перевода, что частично уменьшит первоначальную сложность понимания исходного текста) и внешней нагрузки (благодаря использованию различных инструментов, позволяющих избежать рутинной работы). Снижение релевантной нагрузки возможно за счет оптимизации когнитивных усилий переводчика при постредактировании и повышение качества перевода за счет более точной передачи контекста и терминологии.

Литература

Chen L. Examining cognitive load in human-machine collaborative translation: insights from eye-tracking experiments of Chinese-English translation // Frontiers in Psychology. 2025. No. 16. Art. 1570929.

Holmes J. (Ed.) On Translation. London: Routledge, 1988. P. 128–155.

Kussmaul P. Training the translator. New York: John Benjamins Publishing Co., 1995.

Shi G. A comparative study of machine translation and human translation // Chinese Character Culture. 2025. No. 19. P. 172–174.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. London: Blackwell, 1995.

Sun Y. Literary translation in the age of artificial intelligence: A comparative study of machine translation and human translation of Mo Yan's works // Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition). 2025. No. 6. P. 148–160.

Wen J.Y. Error analysis and post-editing research in machine translation // Airborne English. 2022. No. 9. P. 767–769.

S. N. Vekovishcheva *(Moscow, Russia)*
State University of Education
N. A. Ivanova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University
I. A. Ulitkin *(Moscow, Russia)*
State University of Education

COGNITIVE PROCESSES IN MACHINE TRANSLATION AND HUMAN TRANSLATION: A COMPARATIVE ASPECT

The rapid advancement of artificial intelligence technologies has made it possible for machine translation to demonstrate significant advantages in processing multilingual information. However, the fundamental differences between machine translation and human translation at the cognitive level have not yet received close attention from cognitive linguists. The paper demonstrates that effective machine assistance and human-machine collaborative translation can reduce the cognitive load.

Key words: machine translation, cognitive science, human translation, cognitive mechanisms, cognitive load

Б. Г. Вульфович *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный университет
justb8888@gmail.ru

ПАТТЕРНЫ ГЕНЕРАЦИИ АГРЕССИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ (НА ПРИМЕРЕ НЕЙРОСЕТИ DEEP SEEK)

Данное исследование направлено на анализ и сравнительную характеристику лингвостилистических маркеров агрессивных комментариев, генерируемых нейросетевыми моделями, в сопоставлении с аналогичными текстами антропогенного происхождения. Целью работы является выявление и систематизация паттернов, позволяющих дифференцировать нейросетевой генеративный контент от созданного человеком.

Ключевые слова: Интернет, комментарий, агрессия, нейросеть, генерация, конфликт

Современный интернет, эволюционировав от средства односторонней коммуникации в среду полной интерактивности, сформировал пространство виртуального общения как особой модели реальности, комбинирующей различные дискурсы [Асмус 2005: 12]. Ключевым параметром, дифференцирующим виртуальную и реальную коммуникацию, выступает анонимность [Ахренова 2018], которая снижает социально-этические ограничения и активизирует конфликтогенные модели речевого поведения.

Наиболее спонтанной и лингвопрагматически маркированной формой языковой личности в сети является интернет-комментарий [Вульфович, Катермина 2021: 85].

В фокусе данного исследования – агрессивный комментарий, выступающий интенциональным триггером для генерации конфликта [Обелюнас 2012: 5]. Его потенциал реализуется через систему лингвистических маркеров: инфинитивные и обезличенные конструкции, лексемы с негативной и инвективной коннотацией, специфическая модальность [Вульфович 2024; Бредихин и др. 2025: 339].

Актуальность работы обусловлена растущими возможностями генерации подобного контента с помощью нейросетевых моделей. Целью работы является выявление и систематизация диагностических паттернов, позволяющих дифференцировать нейросетевой генеративный контент от созданного человеком.

На материале новостных заголовков с различной эмоционально-оценочной окраской (позитивный, нейтральный, негативный), отобранных с платформы «Дзен», с помощью нейросетевой модели DeepSeek (версия 2024 г.) был сгенерирован набор агрессивных комментариев. Модели давалась инструкция выступить в роли токсичного пользователя и создать три варианта комментария с нарастающей степенью негативной окраски к каждому заголовку («мягкий» паттерн, негативный паттерн, агрессивный паттерн). Важно отметить, что первичный запрос был отклонен моделью по этическим соображениям, и генерация стала возможной только после уточнения исследовательского контекста, что подчеркивает наличие встроенных фильтров безопасности.

Цели создания подобного рода конфликтных комментариев могут быть разные – от тривиального желания получить эмоциональный отклик, пользуясь своей безнаказанностью, до целенаправленного стремления дестабилизировать общество. Последний тип комментариев, как правило, создается либо подготовленными людьми, либо нейросетями, поскольку за время их анализа нами не раз было отмечено, что «провокатор» часто первым выходил из конфликта (или даже не вступал в него), при этом сама негативная полемика в комментариях продолжалась еще долго. Развитие провокативного контекста комментариев с помощью нейросетей представляется на сегодняшний день реальным; в связи с этим стремление определить паттерны создания агрессивных комментариев нейросетями является основной задачей данной статьи. Агрессивные комментарии по своей природе могут появиться под постом или новостью любой тематической принадлежности – независимо от того, положительная ли это новость или же отрицательная.

Эксперимент 1. Положительная новость. Заголовок: «*В честь 80-летия 21-го президента РАН В. Фортова установлена мемориальная доска*».

Ответ 1. Комментарий (умеренный скепсис, паттерн: «подмена тезиса»): «*Опять деньги на бронзу и гранит вместо того, чтобы поддержать молодых ученых. Лучше бы гранты увеличили, а не памятники штамповали. Но для чиновников от науки важнее показуха, чем реальные дела*».

Ответ 2. Комментарий (агрессивный, паттерн: «обобщение и оскорбление»): «*Какое лицемерие. Вся эта академическая каста только и умеет, что вешать друг*

другу доски при жизни. А где реальные открытия? Где прорывы? Одни юбилеи, похороны и взаимные восхваления. Наука умерла, остался теплый корпоратив».

Ответ 3. Комментарий (провокационно-конспирологический, паттерн: «заговор и отрицание ценности»): «Классика. Ничего не знаю об этом «гении», а навязывают. Наверное, очередной приближенный к кормушке, вот и увековечили. Вся их наука – это распил бюджета и клубы по интересам. Народу от этих досок ни тепло ни холодно, только деньги на ветер».

Эксперимент 2. Нейтральная новость. Заголовок: «*Президент ОАЭ принял Дмитриева в Абу-Даби*».

Ответ 1. Комментарий (умеренный скепсис, паттерн: «циничный прагматизм»): «*Ну вот, опять наши чиновники летают в теплые страны «по делам». Интересно, это за наш счет? Говорят, что для инвестиций, а по факту — очередная фотосессия на фоне пальм. Работать надо, а не по Emirates кататься*».

Ответ 2. Комментарий (агрессивно-оценочный, паттерн: «обвинение в предательстве интересов»): «*Пока народ тут с ценами борется, элита щеки надувает в шикарных отелях. Инвестиции? Да они там только свои карманы пополняют. Ничего реального для страны, одни показушные встречи. Надоела эта кукольная политика*».

Ответ 3. Комментарий (провокационно-конспирологический, паттерн: «заговор и коллаборация»): «*Все ясно. Опять тайные сделки с диктаторами, пока наши парни гибнут. Деньги давно утекают в офшоры, а нам тут сказки про «партнерство» рассказывают. Грош цена всем этим переговорам – просто бандитский сговор на высшем уровне. Предатели*».

Эксперимент 3. Негативная новость. Заголовок: «*В Сочи ликвидируют последствия оползней и селя в трех районах города*».

Ответ 1. Комментарий (скептический, паттерн: «критика эффективности и затрат»): «*Очередная «ликвидация последствий». Сколько можно? Каждый год одно и то же, но деньги выделяют будто впервые. Если бы вовремя укрепили склоны, а не строили очередные дворцы для богатых туристов, может, проблем бы не было. Но нет, проще потом героически разгребать*».

Ответ 2. Комментарий (агрессивный, паттерн: «обвинение во вредоносном бездействии»): «*Ликвидируют? Да они сами виноваты, что довели! Всю природу застроили, лес вырубили, дренажную систему забросили. А теперь герои? Народ страдает, а чиновники отмывают бюджеты на «аварийных работах». Цинизм высшей пробы*».

Ответ 3. Комментарий (радикально-провокационный, паттерн: «катастрофизация и призыв к радикальным действиям»): «*Да какой там «сель» – это природа мстит за беспредел застройщиков и коррумпированных мэрий! Город превратили в бетонную ловушку, а теперь изображают деятельность. Такие «ликвидаторы» сами должны сидеть в тюрьме, а не на бюджетных деньгах греться. Довели до беды – теперь несите ответственность, а не отчеты рисуйте!*».

Результаты ответов нейросети можно представить в таблице.

Таблица. Сводка ответов Deep Seek на задачу создания агрессивных комментариев

	Положительная новость	**Нейтральная новость**	**Негативная новость**
«Мягкий» паттерн	Ложная дихотомия, обобщающие слова	Ложная дихотомия, бытовой цинизм	Сарказм, ложная дихотомия
Негативный паттерн	Грубое обращение, негативные метафоры, ритуализация	Антитеза «элиты–народ», эмоциональные обобщения, социальный популизм	Антитеза «чиновники–народ», эмоциональные ярлыки
Агрессивный паттерн	Аргумент от незнания, отождествление народа с судьей, парцелляция	Оценочная лексика, конспирологический нарратив	Метафора-обвинение, императив, демонизация власти

Проведенное исследование позволяет констатировать, что, несмотря на высокую степень лингвистического и прагматического сходства, агрессивные комментарии, сгенерированные нейросетью, обладают устойчивыми дифференциальными признаками. К ним относятся повышенная структурно-концептуальная сложность, системное отсутствие инвективной лексики и абсолютная грамотность.

Эти маркеры, однако, носят тактический характер. Учитывая скорость развития технологий, в ближайшей перспективе вероятно появление моделей, способных к стилизации под заданные социолингвистические параметры, включая имитацию аграмматизмов и специфической лексики. Это потребует перехода от анализа поверхностных признаков к глубинному изучению семантико-прагматических и нарративных паттернов, что открывает обширное поле для дальнейших междисциплинарных исследований в области цифровой лингвистики и анализа дискурса.

Литература

Асмус Н.Г. Политический дискурс в виртуальной среде // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2003. С. 12–14.

Ахренова Н.А. Введение в интернет-лингвистику. М.: Международные отношения, 2017.

Бредихин С.Н., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Реализация речевой агрессии в жанре интернет-комментария в социальных сетях фронтирных регионов: речеактовая стратификация, лексическое наполнение и тематическая направленность // Жанры речи. 2025. Т. 20. № 3 (47). С. 337–350.

Вульфович Б.Г. Нулевой комментарий: как зарождается сетевой конфликт // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы

развития: сб. научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 13–19.

Вульфович Б.Г., Катермина В.В. Методика трехкомпонентного анализа лингвопрагматического потенциала Интернет-комментария в политическом Интернет дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 83–89.

Обелюнас Н.В. Предпосылки возникновения конфликта интерпретаций в публицистическом тексте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 6. С. 99–103.

B. G. Vulfovich *(Krasnodar, Russia)*
Kuban State University

PATTERNS OF AGGRESSIVE INTERNET COMMENT GENERATION (USING THE DEEP SEEK NEURAL NETWORK AS AN EXAMPLE)

This study aims to analyze and compare the linguistic and stylistic markers of aggressive comments generated by neural network models with similar texts of human origin. The goal of the study is to identify and systematize patterns that differentiate neural network-generated content from human-created content, thereby contributing to the problem of identifying the origin of digital texts.

Key words: Internet, comment, aggression, neural network, generation, conflict

О. В. Донина *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
olga-donina@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ИМЕН-ЭТАЛОНОВ СКРЫТЫХ КАТЕГОРИЙ: ТРИАНГУЛЯЦИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ, КОРПУСНЫХ И НЕЙРОСЕТЕВЫХ МЕТОДОВ

В работе представлена процедура выявления имен-эталонов скрытых классов (криптоклассов) на материале русского языка: показано, как психолингвистический опрос носителей, верификация посредством больших языковых моделей (LLM), корпусный анализ и лексикографическая проверка выполняют взаимодополняющие методологические роли и обеспечивают конвергентную валидацию итогового списка имен-эталонов.

Ключевые слова: скрытая категоризация, криптокласс, имена-эталоны, психолингвистический эксперимент, корпусный анализ, большие языковые модели, именная классификация

Понятие скрытого класса (криптокласса) восходит к концепции скрытых категорий Б.Л. Уорфа [Whorf 1956] и разрабатывается в отечественной лингвистике

как инструмент описания имплицитной классификации в языках, лишенных морфологически выраженного именного класса. Криптоклассы – устойчивые группы существительных, обнаруживаемые не через морфологическое маркирование, а через сочетаемостные ограничения и коллострукционные предпочтения [Борискина 2011]. Категориальный признак криптокласса является классифицирующим: для одних имен – имен-эталонов – он составляет основу номинации; для других он приписывается по аналогии с эталоном через механизмы метафорического и метонимического переноса. Изучение криптоклассов в русском языке ведется в нескольких направлениях [Донина 2024, 2025a, 2025b]; настоящая работа обращается к криптоклассу Res Acutae, объединяющему имена предметов с признаком «остроты».

О.О. Борискина выделила данный класс для английского языка [Борискина 2011]; в качестве эталонов установлены имена природных объектов (*needle*, *prickle, thorn*, *claw*, *sting*) и инструментов (*needle*, *nail*, *knife*). Важно, что для английского языка эталоны определялись на основе исследовательской интуиции – этот этап не был формализован. Восполнение данного методологического пробела и составляет центральную задачу настоящей работы.

Новизна исследования определяется тремя параметрами: 1) разработана формализованная четырехуровневая процедура отбора имен-эталонов; 2) впервые описываются эталоны криптокласса Res Acutae в русском языке; 3) на конкретном лингвистическом материале проведен количественный анализ взаимосвязей между цифровыми инструментами и данными о языковом сознании носителей, позволяющий верифицировать границы применимости каждого из них.

Предлагаемая процедура включает четыре уровня с разграниченными функциями. Первые три уровня генерируют кандидатов и обеспечивают их конвергентную поддержку. Четвертый уровень выполняет функцию обязательного семантического фильтра. Критерием включения в итоговый список служит присутствие кандидата в данных не менее двух уровней в сочетании с прохождением лексикографического фильтра.

Уровень 1 – психолингвистический опрос. В письменном опросе 96 носителей русского языка применялась элицитация через сравнительный фрейм «*острый, как*…». Данная техника позволяет выявлять прототипические номинации [Rosch 1975]: первые и наиболее частотно называемые единицы соответствуют когнитивно наиболее салиентным представителям категории. Получено 892 лексические единицы. Ядро составили: *нож* упомянули 70 респондентов из 96 (73%), *бритва* – 58 (60%), *лезвие* – 54 (56%), *игла* – 52 (54%); *угол, меч, шип*, *кинжал* – от 22 до 30 упоминаний. Данные опроса обнаружили выраженное доминирование артефактов режущего типа над природными остроконечными объектами, что свидетельствует о приоритете инструментальной семантики в языковом сознании носителей при категоризации «острого».

Уровень 2 – LLM-верификация. Двенадцати языковым моделям (ChatGPT, Claude, Gemini, Grok, Mistral, LLaMA, DeepSeek, YandexGPT, GigaChat, Qwen,

Perplexity, Nova) предъявлялся единый промпт, идентичный заданию для информантов. Межмодельный консенсус оказался высоким в зоне ядра: *нож* воспроизведен всеми 12 моделями, *бритва* и *игла* – 11 из 12, *лезвие* – 10 из 12.

Уровень 3 – корпусный анализ. Применялись: НКРЯ (основной подкорпус) и ruSKELL (Word Sketch) для анализа коллокаций прилагательного *острый*; RusVectores для поиска семантически близких к виду существительных (косинусное сходство ≥ 0,65). В качестве основного корпусного показателя использовалась мера LogDice как более надежная по сравнению с совместной частотой, поскольку она нормирует по общей частотности слова и тем самым снижает искажение в пользу высокочастотных лексем. Наиболее высокий LogDice в коллокациях с *острый*: *нож* (10,02), *угол* (9,78), *коготь* (9,30), *нос* (9,39), *игла* (9,25), *шип* (9,05), *бритва* (9,12).

Уровень 4 – лексикографическая и этимологическая верификация. Одиннадцать кандидатов, встретившихся минимум на двух предшествующих уровнях, проверялись по словарям С.И. Ожегова [Ожегов 1960], В.И. Даля [1 Даль 863], Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935] и этимологическому словарю М. Фасмера [Фасмер 1964] по двум критериям: наличие семы остроты в первичном словарном значении и исконность / закрепленность в русском языке. Установлены два типа семантической связи с признаком остроты: 1) облигаторная – острота как семантическое условие идентификации 2) признак смежных криптоклассов: *угол* (первичное значение *angulus* – «изогнутость», а не «острота») и *нос* (в коллокации с *острый* реализуется значение удлиненности черт лица, а не режущей способности). Этот результат подкреплен корреляционным анализом: несмотря на высокий LogDice, оба слова не воспроизводились ни одной из 12 LLM и занимали низкие позиции в опросе, что указывает на системное расхождение между корпусной частотой и когнитивной салиентностью. В итоговый список попали только элементы, обладающие облигаторной остротой.

Таким образом, по итогам четырехуровневой верификации сформирован список из девяти имен-эталонов: *нож, бритва, игла, лезвие, шип, кинжал, меч, клинок* и *коготь*. Внутри списка выделяются две семантические микрогруппы: 1) острие / точечная острота (*игла, шип, коготь, нож, кинжал*), 2) лезвие / линейная острота (*бритва, лезвие, меч, клинок*). Данная типология имеет прогностическое значение: ожидается, что единицы разных микрогрупп будут демонстрировать различный профиль коллострукционной активности.

Корреляционный анализ (Спирмен) по общим лексемам позволяет количественно охарактеризовать соотношение трех источников данных. Опрос и LogDice: $\rho = 0{,}51$ ($p = 0{,}004$); опрос и LLM: $\rho = 0{,}52$ ($p = 0{,}005$); LLM и LogDice: $\rho = 0{,}42$ ($p = 0{,}017$). Все три корреляции значимы, однако умеренны – и именно эта умеренность содержательна. Она означает, что источники измеряют одно явление (принадлежность к категории «острого»), но через разные механизмы: языковое сознание носителей, корпусную ассоциацию и поведение языковых моделей. При высокой взаимной корреляции любые два источника были бы взаимозаменяемы; при отсут-

ствии корреляции они измеряли бы разные явления. Умеренная корреляция означает взаимодополняемость: каждый источник добавляет уникальную информацию, которую другой не воспроизводит.

Конкретные расхождения между источниками, выявленные в ходе анализа, позволяют идентифицировать два устойчивых артефакта цифровых инструментов. Первый – эффект регистрового смещения в LLM: *меч* при 28 упоминаниях в опросе и LogDice = 8,68 воспроизвела лишь одна из 12 моделей. LLM обучаются преимущественно на современных нейтральных текстах и систематически недооценивают лексику, активную в исторических и художественных регистрах. Аналогично *клык* (20 упоминаний в опросе) не воспроизвела ни одна модель – биоморфная лексика оказывается за пределами «среднего» LLM-представления категории. Второй артефакт – эффект семантической омонимии в корпусе: *угол* (LogDice = 9,78) и *нос* (LogDice = 9,39) лидируют по корпусной ассоциации с *острый*, однако в обоих случаях коллокация реализует значение смежного криптокласса Res Longae (удлиненность формы), а не Res Acutae. Корпусный инструментарий не различает значения одной коллокации без дополнительной семантической верификации.

Из этих наблюдений вытекает вывод о когнитивных аспектах применения цифровых технологий в лингвистике. Корпусные методы и LLM необходимы, но не достаточны для выявления имен-эталонов криптоклассов. Их принципиальное ограничение состоит не в технической несовершенстве, а в архитектурном: оба инструмента оптимизированы для описания языка в текстах, тогда как имена-эталоны криптоклассов – это прежде всего когнитивные структуры, закрепленные в языковом сознании носителей. Цифровые инструменты обеспечивают масштабируемость процедуры, однако не могут заменить два компонента, лежащих вне их архитектуры: 1) данные о языковом сознании носителей, получаемые через психолингвистический эксперимент, и 2) семантическую верификацию через лексикографический анализ. Только конвергенция всех четырех уровней позволяет отличить подлинный эталон криптокласса от высокочастотного коллоката с иным типом семантической связи. Психолингвистический опрос обладает наибольшей диагностической ценностью именно потому, что он единственный из четырех уровней апеллирует к активному языковому сознанию: носители воспроизводят когнитивно-салиентные категориальные эталоны, в том числе те, что редки в текстах, но прочно закреплены в ментальном лексиконе. Это означает, что «цифровой» портрет категории – то, каким он предстает по данным корпусов и языковых моделей, – является лишь частичным и потенциально смещенным отражением ее когнитивной структуры. Полученные данные подтверждают тезис о том, что современные цифровые технологии расширяют инструментальные возможности лингвистического исследования, но не снимают необходимости обращения к живому языковому сознанию носителей как первичному источнику данных о когнитивных структурах языка. Предлагаемая четырехуровневая процедура демонстрирует один из возмож-

ных путей интеграции цифровых и экспериментальных методов: технологические инструменты встраиваются в верификационную систему как необходимые, но не автономные компоненты, уравновешиваемые данными о языковом сознании носителей и семантическим фильтром.

Литература

Борискина О.О. Криптоклассы английского языка. Воронеж: Истоки, 2011.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Общество любителей российской словесности, 1863–1866.

Донина О.В. О возможности корпусного сопоставительного анализа скрытой языковой категоризации // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 294–297.

Донина О.В. Методика выявления скрытых категорий в русском языке: криптокласс Res Rotundae // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2025a. № 4 (68). С. 53–65.

Донина О.В. Скрытая категоризация в русском языке: выявление классифицирующих коллострукций криптокласса “Res Liquidae” // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025b. № 4. С. 136–143.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ГИС, 1960.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: ГИС, 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104. No. 3. P. 192–233.

Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings. Cambridge: MIT Press, 1956.

O. V. Donina *(Voronezh, Russia)*
Voronezh State University

IDENTIFYING PROTOTYPE NAMES OF COVERT CATEGORIES: TRIANGULATION OF PSYCHOLINGUISTIC, CORPUS-BASED, AND NEURAL NETWORK METHODS

The paper presents a procedure for identifying prototype names of covert classes (cryptotypes) in Russian: it is demonstrated how a psycholinguistic survey of native speakers, verification by means of large language models (LLMs), corpus analysis, and lexicographic checking fulfil complementary methodological roles and provide convergent validation of the resulting prototype name list.

Key words: covert categorization, cryptotype, prototype names, psycholinguistic experiment, corpus analysis, large language models, noun classification

О. Г. Дубровская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
o_dubrovskaya@inbox.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТА ДИСКУРСА КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье демонстрируется специфика интерпретирующей деятельности субъекта (ЕИ) по формированию дискурса; приводятся отличия ЕИ от интеллекта искусственного (ИИ). Установлено, что ИИ не соотносит высказывание с внешней действительностью и не выходит за пределы языковой модели. Смыслы, которые формирует ЕИ, основаны на опыте, знании, переживании. Используя язык, ЕИ активирует динамические концепты.

Ключевые слова: интерпретация, естественный интеллект, искусственный интеллект, интерпретанты селекции, классификации, оценки

Технологический прогресс XXI в. обусловливает интерес к изучению роли и влияния искусственных интеллектуальных систем на человека, его систему взглядов, моделей поведения как в личной, так и в общественной жизни. Несмотря на ряд преимуществ технических средств перед человеком в выполнении рутинных задач, все чаще высказываются опасения о том, что искусственные интеллектуальные системы наносят непоправимый вред человеку, его взаимоотношениям с другими людьми, его интеллектуальным способностям. В этой связи обращение исследователей к выявлению специфики «работы» искусственных интеллектуальных систем, отличающих их от деятельности естественного интеллекта, является закономерным и актуальным. В лингвистике антропоцентрический подход к изучению языка, как справедливо замечает Н.К. Рябцева, «дает возможность не только переосмыслить его основные свойства, но и связать их с сущностными характеристиками человека, в частности установить соответствие между естественным интеллектом и его естественным продуктом – естественным языком» [Рябцева 2005: 10].

В истории науки о языке и междисциплинарных подходах известны многочисленные терминологические сочетания, обозначающие использование языка для общения, коммуникации, побуждения и др., подчеркивающие его функционирование как деятельность субъекта в определенной среде. С помощью этих терминологических сочетаний исследователи выделяют тот или иной аспект такого сложного и многогранного явления, которое сопровождает жизнедеятельность человека, как человеческий язык. «Деятельностное» представление о речи, заложенное трудами Л.С. Выготского, получает свое развитие в так называемой теории речевой деятельности, которая (*речевая деятельность*), по А.А. Леонтьеву, характеризуется предметностью, целенаправленностью, мотивированностью [Леонтьев 1969]. Фокус исследовательского внимания на экстралингвистические факторы, сопутствующие и вовлеченные в процесс и результат формирования высказывания (как речь, по-

груженная в жизнь, по Н.Д. Арутюновой), обеспечивает появление терминологических сочетаний *дискурсивная деятельность*, *дискурсивные практики.* С их помощью ученые описывают, например, специфические формы использования языка в социокультурных контекстах в виде «предрасположенности членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [Иссерс 2015: 31]. Понимание важности изучения языка в рамках дихотомии «когниции и коммуникации», по Е.С. Кубряковой, обеспечивает широкую распространенность терминосочетания *когнитивно-дискурсивная деятельность* и целого направления в рамках когнитивного подхода к языку, смысл которого, как отмечает Е.С. Кубрякова, заключается в выявлении «разных форматов знания с языковыми формами, их объективирующими» [Кубрякова 2012: 64], а сама когнитивно-дискурсивная деятельность понимается как дискурсивная активация того или иного концепта (о типологии концептов подробнее: [Болдырев 2014]).

Любая из перечисленных выше видов деятельности (речевая, дискурсивная, когнитивная) подразумевает интерпретацию: «интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий» [КСКТ 1996: 31]. По мнению Н.Н. Болдырева, интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов: «В онтологической триаде «система мира – система языка – концептуальная система человека» она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой мира и системы языка» [Болдырев 2014: 160].

Цель работы – продемонстрировать интерпретирующую функцию языка (третью функцию наряду с когнитивной и коммуникативной), предложенную в отечественном языкознании Н.Н. Болдыревым, в виде интерпретант селекции, классификации и оценки как основание для определения специфики естественного интеллекта, то есть выявить отличия ЕИ от искусственных интеллектуальных систем. Материалом к данному исследованию послужили результаты обработки теста (фрагментов текста) программным обеспечением, предназначенным для перефразирования: автоматической замены слов или фраз в тексте с целью повышения уникальности текста, которое (программное обеспечение или онлайн-сервис) получило название «синонимайзер». Основным методом анализа в данной работе является анализ когнитивно-дискурсивной интерпретанты. Процедура проведения анализа и методологические основания исследования подробно описаны нами ранее [Дубровская 2014]. Алгоритм анализа представляет собой установление интерпретант селекции, классификации и оценки, которые в совокупности отражают результат формирования дискурса (языкового функционирования) в виде любого языкового фрагмента (слова, словосочетания, предложения, текста, собственно дискурса в совокупности с экстралингвистическими факторами). Научная новизна исследования определяется новыми знаниями о специфике естественного интеллекта, отличающими его от «работы» искусственных интеллектуальных систем, полученными в результате ана-

лиза языковых данных. Теоретическая значимость работы обеспечивается вкладом в теорию языковой интерпретации.

Результаты и их обсуждение.

(1) *На косе косой косой косой косой косой косил покос.*

(1 ИИ) *На лугу, используя изогнутый инструмент, служитель, вероятно, земледелец, занимался заготовкой сена* [https://chatmost.ru/text-synonymizer-neural].

(1 ЕИ) *На неровном берегу реки заяц сломанным инструментом срезал траву.*

(2) *Очень ты мне нужен.*

(2 ИИ) *Ты сейчас очень важен для меня. Мое текущее положение дел делает твое присутствие или помощь особенно ценными. Я испытываю сильную потребность в тебе в данный момент. Тебя мне сейчас очень не хватает* [https://chatmost.ru/text-synonymizer-neural]; *Ты мне очень нужен. Ты мне жизненно необходим* [https://botprofi.ru/synonym-online].

(2 ЕИ) *Ты мне совсем не нужен* (иронично, злобно, с сарказмом).

(3; 3 ЕИ) *Почему вы все время виляете? Что вы за человек? Я не могу вас раскусить! — Не надо меня кусать! Зачем раскусывать?*

(3 ИИ) *Ваше переменчивое поведение удивляет. Каким человеком вы являетесь? Я совершенно не могу понять вашу натуру! – Не пытайтесь меня «распробовать»! К чему такие исследования?* [https://maxtext.ru/sinonimaizer-teksta-online].

В целом, то или иное высказывание формируется субъектом дискурса как выбор, классификация и оценка концептуальных признаков и их материализация в языковые единицы. Семантика языковых единиц ориентирована не на отражение реалий окружающего мира, а на их оценку субъектом в языке. Так, в (1) ЕИ (1 ЕИ) интерпретирует ситуацию в рамках концептуально-тематической области СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД и соотносит выбор концептуального признака на шкале Животное – Человек с профилирующим признаком *животное:* «косой = заяц». ИИ в (1 ИИ), напротив, активирует логическую причинно-следственную связь: «работа инструментом – косой подразумевает не животное, а земледельца в качестве субъекта». Иными словами, различия в ЕИ и ИИ наблюдаются в интерпретанте оценки: интерпретирующая деятельность – деятельность исключительно человеческая, которая обеспечивается знаниями субъекта о мире, вовлеченностью субъекта в естественную среду, так как человеческая когниция обусловлена телесным, социокультурным опытом субъекта, а также его эмоциями и чувствами.

У человека как ЕИ в процессе жизнедеятельности формируются *динамические* структуры межконцептуальных и межкатегориальных связей, которые не обнаруживаются в ИИ. Связи меняются под конкретную задачу. Так, в (2) ЕИ (2 ЕИ) активирует признак «ненужность», маркируя высказывание на шкале НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ. При этом, при определенных условиях данное высказывание (*Очень ты мне нужен*) субъектом может быть маркировано на шкале ПРИВЯЗАННОСТЬ (*Пожалуйста, не уходи. Очень ты мне нужен*). Напротив, в (2 ИИ) демонстриру-

ется статический концепт: ИИ не в состоянии динамически выделить тот или иной фактор (или совокупность) и интерпретировать явление с точки зрения передачи конкретного смысла в высказывании. ИИ воспроизводит статистически значимую последовательность языковых единиц, активируя концептуальные признаки в порядке расположения языковых элементов: *Очень ты мне нужен*. ИИ, таким образом, представляет собой вероятностную систему, тогда как ЕИ – интерпретирующую.

Гибкость, нестандартность – неотъемлемые характеристики ЕИ. Так, в (3 ЕИ) нарушена естественность и идиоматичность дискурса за счет того, что ИИ, в отличие от ЕИ (Калугина и Новосельцев), выбор не осуществляет; он перечисляет (перебирает) все доступные, взаимосвязанные и достаточно предсказуемые, логически выстроенные и обобщающие концептуальные признаки коллективного знания: о том, что, раскусывая предметы, можно познать их свойства (ср. *распробовать* как *определить на вкус*), о том, что познание сопряжено с исследованием и др.

Таким образом, анализ материала свидетельствует о том, что интерпретирующая деятельность субъекта дискурса находится в зависимости от его знаний, культуры и среды проживания, эмоций и состояний. Межконцептуальные связи естественного интеллекта носят динамический (а не статический), творческий характер.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 14–25.

Дубровская О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: Ленанд, 2015.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

O. G. Dubrovskaya
Moscow State Linguistic University

INTERPRETATIVE DISCOURSE ACTIVITY AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF NATURAL INTELLIGENCE

In the article, it has been established that AI does not correlate utterances with external reality (unlike NI) and does not go beyond the linguistic model. The meanings formed by NI are based on experience, knowledge and emotions, as human cognition is embodied, embedded, affected. In discourse, NI activates dynamic concepts.

Key words: interpretation, natural intelligence, artificial intelligence, interpretants of selection, classification, evaluation

К. П. Жикулина *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
zhikulina-kp@rudn.ru
А. К. Кишнякина *(Алматы, Казахстан)*
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
akshnyakina@gmail.com

ДВЕ ОНТОЛОГИИ ЧЛЕНЕНИЯ СЛОВА: КАК LLM СОЗДАЮТ АЛЬТЕРНАТИВУ МОРФЕМЕ[1]

BPE-токенизация конструирует альтернативную онтологию членения слова, в которой границы сегментации определяются не семантической мотивированностью, а частотными характеристиками подстрок в обучающем корпусе. Данная алгоритмическая онтология вступает в противоречие с классической морфологией, но демонстрирует вычислительную эффективность.

Ключевые слова: морфема, токен, классическая морфология, большие языковые модели, BPE-токенизация, генеративный искусственный интеллект

Токен – статистическая единица, которую алгоритм BPE (от англ. Byte Pair Encoding) выделяет на основе частотности встречаемости пар символов в обучающем корпусе [Kudo, Richardson 2018: 67–68]. Он может быть частью корня, соединением корня и интерфикса, а также бессмысленным набором букв, не хранящим в себе семантическое значение. *«Тень морфемы»* – это проекция морфемы в алгоритмическом пространстве, где главным выступает не ее значение, а повторяемость. Для машины язык – это прежде всего статистика, для человека – значения.

Рассмотрим данное явление на примерах двух слов с прозрачной структурой.

Пример № 1: *подснежник.*

• Классическая морфология

под + снеж + ник

Приставка, корень, суффикс.

• Одноязычная BPE (русский язык)

под + сне + жник

Корень разбит на ***-сне-*** и ***-жник-*** (артефакт).

• Мультиязычная BPE

(1)под + снеж + ник

или

(2)по + дс + неж + ник

[1] Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН № 050227-0-000 «Мультимодальный словарь сирийского диалекта арабского языка с ИИ-поддержкой как учебная платформа нового типа».

Первый вариант совпадает с классической морфологией, а второй – хаотичное деление. Иногда случайно совпадает с морфемами, чаще – нет.

Пример № 2: *переосмысление.*

• Классическая морфология

пере + о + смысл + ен + ие

Приставка, интерфикс, корень, суффикс, окончание.

• Одноязычная BPE (русский язык)

пере + ос + мысл + ение

Интерфикс ***-о-*** присоединяется к корню, суффикс сливается с окончанием.

• Мультиязычная BPE

пер + еос + мыс + ление

Процесс аберрации, однако языковая модель понимает это слово в контексте.

Классическая морфология оперирует единицами, выделяемыми на основе этимологической, парадигматической и словообразовательной мотивированности. Границы морфем определяются семантической связностью, историческим чередованием и продуктивностью моделей словоизменения и словообразования. Такое членение всегда ориентировано на языковое сознание носителя и исторически сложившуюся систему языка.

Алгоритмическая сегментация, которая реализуется в BPE-токенизации, основана на частотной компрессии: границы токенов определяются не значением, а статистической повторяемостью в корпусе обучения модели. Целью такого членения является не отражение лингвистической реальности, а оптимизация словарного объема и вычислительной эффективности при сохранении способности модели обрабатывать редкие и неизвестные для нее слова.

Можно обнаружить системное расхождение между двумя представленными онтологиями членения слова. Например, в слове *переосмысление* классическая морфология выделяет интерфикс ***-о-*** как значимый элемент для соединения корня и приставки. Однако BPE-токенизатор стремится к объединению интерфикса с корнем, порождая токен вида ***-ос-***, который не будет иметь самостоятельный морфологический статус. В слове *подснежник* носители языка не распознают такую морфему как ***-жник***, но для BPE-токенизатора данный артефакт может стать статистически устойчивым, так как он входит в состав других слов (*сподвижник*, *книжник*, *подорожник*, *безбожник*, *картежник*, *сапожник* и т.д.).

Несмотря на очевидный конфликт между двумя онтологиями членения, нельзя сказать, что какая-то из них ошибочная. Классическая морфология описывает язык как систему, данную носителю языка и исторически закрепленную. Алгоритмическая сегментация описывает язык с точки зрения вычислительной обработки данных, подчиненной иным (статистическим) закономерностям. Работоспособность LLM (от англ. Large Language Model) при использовании BPE-сегментации свидетельствует о том, что морфологическая правильность не является необходимым

условием для успешного решения задач NLP (от англ. Natural Language Processing). Искусственная онтология членения, которая порождается алгоритмом, эмпирически эффективна там, где классическая схема членения морфем оказывается избыточной с вычислительной точки зрения или неприменимой для поиска по корпусу (чаще всего данная проблема возникает при обработке корпусов данных, связанных с неологизмами, окказионализмами или транслитерацией) [Sennrich et al. 2016].

Таким образом, противоречия между двумя типами членения – это не нарушение или дефект токенизации, а манифестация множественности возможных онтологий языка, воспроизводимого языковой моделью. Классическая морфология веками рассматривалась как единственно возможный способ описания внутренней структуры слова. Функционирование и развитие LLM, а также BPE-токенизации, показывает, что существуют альтернативные способы сегментации, которые, не совпадая с морфемной структурой, позволяют языковой модели интерпретировать и генерировать речь. Этот факт представляет собой не кризис морфологической структуры, а новую лингвистическую сферу для исследований в рамках машинного обучения: определение границ применимости классического морфологического анализа в эпоху алгоритмической обработки естественного языка.

Альтернативная онтология членения слова, сконструированная с помощью BPE-токенизации, в ряде задач обнаруживает практические преимущества перед классическим морфемным членением и анализом в рамках исследований в области искусственного интеллекта. Данные преимущества обусловлены не лингвистической адекватностью, а статистической природой алгоритма:

(1) при обработке редких слов, окказионализмов, неологизмов, лингвистического креативного решения классическая морфология требует обращения к внешним источникам – словарям, в то время как BPE-токенизация обрабатывает неизвестную лексему и собирает из частотных вариантов или артефактов, имеющихся в словаре токенов, без использования вспомогательных или дополнительных ресурсов;

(2) при работе с новообразованиями, которые могут быть не зафиксированы в словарях, BPE-токенизатор осуществляет членение по аналогии с известными статистическими блоками, что позволяет LLM интерпретировать новое слово без предварительного морфологического описания [Жикулина 2025].

Компромисс, с помощью которого преодолевается проблема ограниченности словарного объема и необходимость обработки больших данных, представляет собой *токен*. Успешная работа и функционирование современных генеративных систем подтверждают эффективность. *Токен* нельзя назвать дефектной единицей, повторяющей условные функции морфемы; нельзя подстроить под существующую морфологическую систему любого естественного языка, потому что в настоящее время компьютерам может не хватить мощности и скорости для обработки таких дробленных данных, что может отразиться на качестве сгенерированного и воспроизводимого текста в условиях ограниченной памяти и вычислительной сложности LLM.

Противоречия между системами членения на *токены* и морфемы в слове не являются доказательной базой в пользу превосходящей эффективности разделения в классической морфологии над искусственной системой алгоритмического членения. Каждая система имеет право на существование в своей предметной области – в антропоцентрической лингвистике и автоматической обработке естественного языка. Однако возможность сосуществования нескольких онтологических членений носит комплиментарный характер. Необходимо изучить и описать оправданность сравнения и сопоставления естественных и искусственных морфологических систем в области изучения аспектов искусственного интеллекта, а также найти способы параметризации описанных процессов, происходящих в онтологии членения слова на *токены*.

Литература

Жикулина К.П. Лингвистические параметры голосовых помощников: дис. … канд. филол. наук. М.: РУДН, 2025.

Kudo T., Richardson J. SentencePiece: A Simple and Language Independent Subword Tokenizer and Detokenizer for Neural Text Processing // Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: System Demonstrations. Brussels, 2018. P. 66–71.

Sennrich R., Haddov B., Brich A. Neural Machine Translation of Rare Words with Subword Units // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Berlin, 2016. P. 1715–1725.

K. P. Zhikulina *(Moscow, Russia)*
RUDN University
A. K. Kshnyakina (*Almaty, Republic of Kazakhstan)*
Al-Farabi Kazakh National University

TWO ONTOLOGIES OF WORD SEGMENTATION:
HOW LMMS CREATE AN ALTERNATIVE TO THE MORPHEME

BPE tokenization constructs an alternative ontology of word segmentation, wherein segment boundaries are defined not by semantic motivation but by the frequency prosperities of substrings within the training corpus. This algorithmic ontology enters contradiction with classical morphology, but it exhibits computational efficiency.

Key words: morpheme, token, traditional morphology, LLM, BPE tokenization, generative AI

С. Г. Карамышева *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
svetakaramysheva@hotmail.com

КОРПУСНАЯ КОГНИТИВИСТИКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ

В эпоху цифровизации корпусная когнитивистика интегрирует большие языковые данные с когнитивными моделями дискурса. Рассматриваются возможности и ограничения корпусных методов в моделировании ментальных фреймов и концептуализации. Новизна – когнитивно-ориентированный подход к анализу коллокаций и многомерных характеристик дискурса.

Ключевые слова: корпусная когнитивистика, цифровизация, дискурс-анализ, многомерный анализ

В эпоху цифровизации корпусная когнитивистика приобретает статус когнитивного инструментария для моделирования ментальных моделей дискурса на основе больших языковых данных. Большие языковые данные позволяют эмпирически верифицировать гипотезы о концептуализации, фрейминге и дискурсивном понимании. В отличие от традиционной корпусной лингвистики, ориентированной преимущественно на описательные статистики, корпусная когнитивистика фокусируется на когнитивной интерпретации паттернов – от фильтрации коллокаций [Baker et al. 2008: 275] до анализа многомерных характеристик регистров (фреймов, концептов, стилей) [Biber, Finegan 1989: 506].

Цель работы – проанализировать возможности и ограничения корпусных методов в когнитивном дискурс-анализе цифровой эпохи.

Корпусная лингвистика эволюционировала от Брауновского корпуса (1960-е, 1 млн слов) к гиперкорпусам типа COCA (Corpus of Contemporary American English), News on the Web (NOW), GloWbE и Google Books (несколько миллиардов словоупотреблений) [Солнышкина, Гатиятуллина 2020: 154]. Рост объемов корпусных данных открыл возможности для интеграции корпусной лингвистики с дискурс-анализом, сформировавшимся в 1970-х гг. под влиянием теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла.

Остин заложил основу речевых актов как дискурсивных единиц, выделив локутивный, иллокутивный и перлокутивный типы с иллюстративными примерами вместо точных дефиниций [Austin 1962: 102]. Серл развил эту концепцию, классифицировав иллокутивные акты по пяти типам (утверждающие, директивные, комиссивные, экспрессивные, декларативные), и ввел понятия условий успешности (*felicity conditions*), что позволило перейти от статичного анализа высказываний к динамическому изучению коммуникативных последовательностей в контексте [Серл 1969: 11]. Т.А. ван Дейк интегрировал когнитивные модели в критический дискурс-анализ (КДА), связав ментальные структуры с социальными практиками

[Ван Дейк 2013: 85]. В отечественной традиции интеграция корпусных методов с когнитивными моделями дискурса и семантики получила развитие в работах В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева, А.А. Кибрика, Н.Б. Гвишиани, В.И. Заботкиной, Ю.С. Степановой, В.И. Подлесской и др.

Когнитивно-корпусные технологии в эпоху цифровизации открывают новые методологические возможности: конкордансы (KWIC) выявляют контекстные фреймы, анализ коллокаций проецирует идеологические ментальные модели, частотный анализ фиксирует прототипические концепты в больших корпусах текстов, статистические модели Log-likelihood (логарифмическая функция правдоподобия для проверки значения коллокаций), Mutual Information (MI) (взаимная информация для проверки их сочетаемости) верифицируют когнитивную значимость языковых паттернов в больших корпусах и делают анализ более объективным и репрезентативным [Палийчук 2022]. «Иными словами, лингвисты отказываются от исследовательской дихотомии «качественные vs количественные методы» и переходят к интегрированной методологии, соединяющей эти две парадигмы» [Заботкина и др. 2015: 32].

Многомерный анализ регистров (MDA) Д. Бибера представляет собой прототип корпусной когнитивистики, выявляя семантические пространства дискурса через факторный анализ 67 лингвистических характеристик из корпусов LOB и LLC. Семь измерений MDA моделируют когнитивные стили дискурса в больших корпусах, отражая комплексную концептуализацию коммуникативных задач: (1) информационно-вовлеченное производство; (2) нарративное-ненарративное; (3) эксплицитная и ситуативно-зависимая референция; (4) открытое выражение убеждения; (5) абстрактный-неабстрактный стиль; (6) онлайн-детализация; (7) академическое смягчение [Biber, Finegan 1989: 490–492; Xiao, McEnery 2005: 65–67]. Каждое измерение состоит из набора лингвистических характеристик, которые часто встречаются в текстах, так как выполняют общую коммуникативную функцию. Черты с положительными и отрицательными нагрузками обычно комплементарны: высокая частотность одних исключает другие. Первое измерение наиболее контрастно различает жанры: разговорная речь (+28.96) с доминированием местоимений первого/второго лица, удалением *that*, присутствием сокращений, дискурсивных маркеров и частных глаголов (*believe, think*) >> публичные выступления (+14.63) > академическая проза (-9.24), отражая переход от максимальной интерактивности устной речи к информационной плотности письменного дискурса [Xiao, McEnery 2005: 67].

Исследование П. Бейкера иллюстрирует успешную интеграцию корпусной лингвистики с когнитивным дискурс-анализом: коллокационный анализ пары *immigrant/criminal* (MI=8.2) количественно подтверждает активацию фрейма «угроза», проецируя индивидуальные ментальные модели в идеологические общественные установки [Baker 2008: 285].

Количественный анализ квантификаторов С.А. Деревянкиной подтверждает целесообразность его интеграции с КДА для объяснения дискурсивных функций:

767 141 употреблений слова *some* в корпусе COCA, коллокации (*much + of/more*), жанровая специфика иллюстрируют методологическую синергию подходов [Деревянкина 2013: 84]. Корпусный анализ динамики языковых изменений в научных публикациях за последние 50 лет выявил сдвиги терминологии и стилистики. Дискурс-анализ способов личностного конструирования мировосприятия автора опирается на методологию Дж. Поттера и М. Уэзерелл и иллюстрируется на лирике И.Э. Клюканова [Дашинимаева, Гунсурунова 2020: 6].

Корпусная лингвистика обеспечивает количественный фундамент, требующий дополнения дискурсивно-историческим подходом для интерпретации ментальных моделей через топосы [Baker et al. 2008: 297]. «Корпусы помогают переоценить и по-новому подойти к традиционным проблемам когнитивной лингвистики, таким как семантика разноструктурных единиц номинации от устойчивых словосочетаний до идиом, концептуализация действительности средствами различных языков, прагматические аспекты дискурса» [Голубкова 2017: 397]. Однако ограниченность корпусов не охватывает редкие явления, иронию, сарказм [Шилихина 2014: 3], а также стилистические, эмоциональные и риторические особенности текста, которые выходят за рамки количественного анализа. «Большие референтные корпусы непригодны для изучения речи отдельных профессий или жанров речи» [Солнышкина, Гатиятуллина 2020: 154]. Выбор корпуса требует учета жанра, аудитории, времени. Поэтому корпусная лингвистика нуждается в тщательном качественном анализе по методологии КДА, а критический дискурс-анализ выигрывает от ее количественной объективности [O'Halloran, Coffin 2004: 275–288].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что корпусная когнитивистика эпохи цифровизации синтезирует количественные данные с качественным моделированием ментальных пространств. В перспективе целесообразно создание когнитивных нейрокорпусов для анализа компьютерно-опосредованной коммуникации, мультимодальных корпусов и мониторинга дискурса в соцсетях в реальном времени. Таким образом, корпусная когнитивистика утверждается как методологическая парадигма для изучения языка в меняющемся цифровом мире.

Литература

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Издательский дом «УРСС – Либроком», 2013.

Голубкова Е.Е. Возможности использования корпусов в целях лингвистического исследования // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. М.: МГИМО (университет) МИД РФ, 2017. С. 394–400.

Дашинимаева П.П., Гунсурунова А.В. Метафорический интерпретативный репертуар дискурс-анализа как инструмент предперевода (на примере лирики И.Э. Клюканова) // Вестник Бурятского госуниверситета. Филология. 2020. № 4. С. 3–11.

Деревянкина С.А. Возможности корпусной лингвистики для исследования кван-

тификаторов английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). С. 83–87.

Джон Остин и Джон Серл: теория речевых актов. Основные философские направления и концепции науки итоги XX столетия. 1969. URL: https://textarchive.ru/c-1238580-p11.html (дата обращения:10.02.2026).

Заботкина В.И., Голубкова Е.Е., М.А. Кронгауз М.А и др. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / отв. ред. В.И. Заботкина. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Палийчук Д.А. Корпусные технологии в изучении коллокаций (на примере сервисов «antconc» и «sketchengine») // Studia Humanitatis. 2022. № 2. Ст. 13.

Солнышкина М.И., Гатиятуллина Г.М. История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 132–160.

Шилихина К.М. Использование корпусов в исследованиях дискурса. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21–26.

Austin J.L. How to do Things with Words, 1962. URL: https://archive.org/details/howtodothingswithwords/page/n13/mode/2up (дата обращения: 10.02.2026).

Baker P., Gabrielatos C., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // Discourse & Society. 2008. Vol. 19. No. 3. P. 273–306.

Biber D., Finegan E. Drift and the evolution of English style: A history of three U.S. registers // Language. 1989. Vol. 65. No. 3. P. 487–517.

O'Halloran K. A., Coffin C. Checking over-interpretation and under-interpretation: help from corpora in critical linguistics // Applying English Grammar: Corpus and Functional Approaches / Ed. by C. Coffin, A. Hewings, K. O'Halloran. London: Routledge, 2004. P. 265–288.

Xiao Zh., Mcenery A. Two Approaches to Genre Analysis Three Genres in Modern American English / Lancaster University, United Kingdom. URL: lancaster.ac.uk (дата обращения: 10.02.2026).

S. G. Karamysheva *(Krasnodar, Russia)*
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

CORPUS COGNITIVE SCIENCES IN THE AGE OF DIGITALIZATION: DISCOURSE ANALYSIS OF BIG LANGUAGE DATA

In the era of digitalization, corpus cognitivism integrates big linguistic data with cognitive discourse models. The article examines capabilities and limitations of corpus methods in modeling mental frames and conceptualization. The novelty lies in the cognitive-oriented approach to collocation and multidimensional discourse analysis.

Key words: corpus cognitivism, digitalization, discourse analysis, multidimensional analysis

В. Н. Колодяжная *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
veronikabgu@mail.ru

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ АППРОКСИМАТОРОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В английском языке аппроксиматоры представлены большим количеством лексем, среди которых интерес привлекают наречия неполноты действия или признака. Функциональные и семантические особенности исследуемых единиц позволяют предположить необходимость построения языковой системы искусственного интеллекта с учетом описываемых аппроксиматоров, что создаст предпосылки для более совершенного искусственного мышления.

Ключевые слова: аппроксиматоры, искусственный интеллект, мышление, язык, оценка, семантика

На сегодняшний день одним из главных направлений современной науки является развитие и совершенствование искусственного интеллекта, способного не только найти нужную информацию, грамотно систематизировать данные и представить логично и лингвистически правильно построенный текст, но и иметь способность, осознанно оказать компетентную помощь при решении многоуровневых, сложных задач в различных областях деятельности человека.

С данной точки зрения именно осознанность, то есть понимание последствий, уместности, необходимости и правильности, предпринимаемых действий искусственным интеллектом вызывает множество вопросов и споров, так как осознанность является характеристикой живого – человеческого сознания и мышления. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости наличия способности к оценке собственных суждений и результатов деятельности искусственным интеллектом. Данный вывод позволяет предположить, что именно наличие навыка оценки своих действий отличает действительно искусственный интеллект от высококачественной и отлично отрегулированной поисковой системы, способной генерировать текст, используя большое количество данных. Именно отсутствие осознанности искусственным интеллектом действий и алгоритмов иногда приводит к ошибкам содержательного плана, которые способен понять и выявить только человеческий разум, обладающий должной компетенцией в том или ином вопросе.

Наличие навыков критического анализа и многоуровневой, многоаспектной оценки действий и результатов непосредственно связано со способностью к самостоятельному мышлению. А.А. Потебня подчеркивал глубокую связь мышления и языка. Он утверждал, что «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее…» [Потебня 1999: 151]. Таким образом, он толковал язык как мышление. С данной точки зрения следует отметить необходимость построения языковой системы искусственного интеллекта с целью приобретения им необходимых навыков, которые можно рассматривать как мышление близкое к человеческому. Способность к оценке имеет многоуровневое отражение в системе языковых единиц.

Явление аппроксимации, т.е. процесс когнитивной репрезентации явлений действительности в неопределенных, размытых рамках, – сложное многоаспектное явление, непосредственно связанное с оценкой. Результатом данного процесса в языковом плане являются лексемы, способные передавать значение приблизительности. Не вызывает сомнения, что описываемые языковые лексические единицы являются оценочными единицами языка. Значение таких языковых элементов, а именно наречий неполноты действия или признака, которые будут рассмотрены в данном исследовании, как представителей периферии семантического поля *приблизительности*, вызывает определенный научный интерес благодаря неоднозначности рамок семантики и многофункциональности рассматриваемых лексем.

Аппроксимация – оценочный процесс. Н.Н. Болдырев определяет аппроксимацию как модусную категорию, которая отражает отношение автора высказывания к фактам объективной действительности. Подчеркивается концептуально-языковая природа категории аппроксимации, как ориентированной на оценку и интерпретацию адресатом информации в процессе ее передачи средствами языка [Болдырев 2005: 33].

Процесс когнитивной аппроксимации – есть процесс сравнения и оценки, соизмерения и сопоставления определенных характеристик того или иного явления с определенным понятийным образцом – нормой. В теории лингвистики понятие нормы получило достаточно широкое описание. Явление субъективности оценочного высказывания и понятие нормы можно объяснить неоднозначностью и включением в зону «нормы» – зоны «размытого ограничения» на шкале переменных [Вольф 2009: 54]. Процесс аппроксимации есть процесс оценки. Е.М. Вольф выделяет абсолютную и сравнительную оценку. В то время как сравнительная оценка представляет собой имплицитное сравнение на основе суммы социальных стереотипов, сравнительная оценка рассматривается как противопоставление определенных понятийных объектов друг-другу [Вольф 2009: 15].

Таким образом, аппроксимация является скорее сравнительной оценкой. Описываемый когнитивный процесс предполагает сопоставление имеющегося состоянии, действия или признака с индивидуальными, личными понятийными ориентирами автора высказывания. Данное сопоставление отражается в последующей номинацией оцениваемого явления при продуцировании высказывания. Учитывая, что ап-

проксимация как оценочное явление базируется на личностных, индивидуальных нормах говорящего, следует выделить модальный компонент данного процесса.

Выражая приблизительность в речи, говорящий в первую очередь передает индивидуальное видение описываемого явления, проблемы, решаемой задачи и ситуации в целом. Именно оценочная составляющая высказыванию делает его индивидуальным отражением образа мысли говорящего, отражает осознанность высказывания. Приблизительность суждения отражает личную оценку, придает высказыванию меньшую категоричность, тем самым смягчая возможную ответную реакцию аудитории на высказывание, что может стать не только отражением этичности и уместности, но и основной функциональной характеристикой при решении ряда стратегических задач искусственном интеллектом. Например, ведение переговоров, поиск точек соприкосновения во взглядах с оппонентом, поиск компромисса, взаимовыгодного разрешения конфликта или применения тактик и стратегий манипуляции. Не вызывает сомнения, что одной из составляющих описываемой языковой системы, наличие которой обеспечит возможности «живого» мышления, являются аппроксиматоры.

Под аппроксиматорами Ю.Е. Сорокин понимает языковые единицы (морфемы, слова, словосочетания) предикативные конструкции, имеющие сему «приблизительность», которая является контекстно обусловленной и представлена в семантической структуре данных языковых единиц [Сорокин 1985: 65]. В современном английском языке наречия неполноты действия или признака выступают в роли аппроксиматоров, выражая различные вариации значения приблизительности с учетом отношения говорящего к описываемым событиям, отражая сопоставление имеющегося действия, признака или состояния с индивидуальными, личными понятийными ориентирами автора высказывания. Обратимся к анализу основных характеристик семантической сети значений неполноты действия или признака. Выражение значения неопределенности и приблизительности действия или признака – широко распространенное явление в современном английском языке. Рамки общения, правила поведения в современном обществе, неоднозначная оценка тех или иных явлений и событий, желание сдержать негативную реакцию аудитории на продуцируемое высказывание способствует появлению в языке как новых лексических единиц, так и модернизации значений уже существующих лексем.

Обширная семантическая сеть значений неполноты объединена множеством ячеек и с развитием языка подвергается постоянным изменениям и усовершенствованиям. Языковыми репрезентантами сети значений неполноты действия или признака служат некоторые наречия. К числу таких наречий относятся *merely*, *barely*, *scarcely*, *hardly*, *almost*, *only*, *just*, *nearly*, *solely*, *rarely*, *likely.* Фрагмент сети значений неполноты действия или признака, представленный в современном английском языке перечисленными наречиями включает следующие значении (подзначения) или семы: 1) значение приближенности к завершению, малой степени завершен-

ности действия или достижения признака (*almost*, *nearly*); 2) значение неполноты вследствие малой частотности совершения действия или достижения признака (*rarely*); 3) значение ментальной или физической тяжести, трудности обстоятельств, малой степени возможности совершения действия или достижения признака (*scarcely*, *barely*, *hardly*); 4) значение незавершенности по причине спешки или наступления какого-либо другого события (*just*, *merely*, *only*, *hardly*, *barely*, *scarcely*); 5) значение единственности, незначительности действия или признака (*merely*, *solely*, *only*); 6) значение неполноты, но высокой степени вероятности совершения желаемого действия или достижения желаемого признака, состояния (*likely*); 7) значение неопределенности, сомнения говорящего, малой степени вероятности совершения действия или достижения признака (*hardly likely*) [Колодяжная 2012: 57].

Значение неполноты действия или признака имеет широкий спектр подзначений или сем таких как неполнота выполнения или завершения действия, неполнота достижения признака, приблизительность в оценке завершенности действия или достижения признака, значение малой вероятности или неспособности выполнения действия или достижения признака и многие другие. Необходимость выражения указанных значений в речи объясняет появление в языке широкого спектра специальных языковых маркеров, которые способны передавать оттенки значение неполноты действия или признака. Такие маркеры степени выраженности, завершенности действия или достижения признака функционируют в языке как инструменты выражения интенсивности действия или признака. Описываемые лексические единицы выполняют функции языковых деинтенсификаторов. Стоит предположить, что введение описываемых единиц языка в языковую систему искусственно интеллекта с учетом их описанных функциональных особенностей будет способствовать созданию более совершенного искусственного мышления.

Литература

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний о языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. к юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005. С. 16–39.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2009.

Колодяжная В.Н. Семантические и функциональные характеристики наречий неполноты действия или признака в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2012.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

Сорокин Ю.Е. Синтаксические конструкции приблизительной оценки в современном английском языке // Функциональная семантика синтаксических конструкций: межвуз. сб. науч. тр. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. С. 63–78.

V. N. Kolodyazhnaya (*Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University

THE ROLE OF LANGUAGE APPROXIMATORS AS AN INTEGRAL PART OF THE LEXICAL SYSTEM OF MODERN ENGLISH IN THE PROCESS OF IMPROVING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

In modern English, approximators are represented by a large number of lexemes, among which adverbs of incompleteness of action or feature attract interest. The functional and semantic features of the studied units suggest the need to build a language system of artificial intelligence, considering the described approximators, which will create the prerequisites for more advanced artificial thinking.

Key words: approximators, artificial intelligence, thinking, language, evaluation, semantics

С. В. Мичугина *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
michuginasv@mgpu.ru

КОГНИТИВНЫЕ И НЕЙРОСЕТЕВЫЕ КРИТЕРИИ БАЗОВЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В работе предпринята попытка делегировать выработку критериев идентификации базовых цветообозначений нейросети ruGPT и сравнить полученную систему с классическими подходами на основе перцептивных и когнитивных критериев (Берлина-Кея, Дэвиса-Корбетта, Парамей). Делается вывод об онтологическом различии между человеческой категоризацией, основанной на воплощенном опыте, и машинной категоризацией, базирующейся на дистрибуции в текстовых корпусах.

Ключевые слова: базовые цветообозначения, искусственный интеллект, большие языковые модели, ruGPT, когнитивная лингвистика, векторные представления слов, дистрибутивная семантика

Проблема выделения базовых цветообозначений (*basic colour terms*) остается одной из центральных в когнитивной лингвистике и антропологии языка вот уже более полувека. Классическая теория Берлина-Кея [Berlin, Kay 1991] предлагает иерархическую модель эволюции цветовых систем и набор критериев для определения статуса базового термина. Ключевыми требованиями являются: (1) монолексемность; (2) неограниченная сочетаемость; (3) отсутствие гипонимии. Дополнительно учитываются психологическая салиентность, согласованность в использовании носителями [Del Viva et al. 2023; Brosa-Rodríguez et al. 2024].

Для преодоления субъективности качественных критериев И. Дэвис и Г. Корбетт [Davies, Corbett 1994] разработали количественный метод. Базовым считается термин, достигший порога консенсуса 50% при именовании цветовых образцов Манселла, с индексом специфичности >0,40.

Современные исследования, например, работы Г.В. Парамей [Paramei et al. 2018], используют онлайн-эксперименты для вычисления центроидов цветовых кластеров в пространстве CIELAB, подтверждая, что базовые термины имеют компактные, непересекающиеся зоны в цветовом пространстве. Отдельное внимание уделяется диахроническому аспекту. Ю.А. Грибер [Griber et al. 2021] показала, что стабильность термина через поколения также является маркером его базового статуса.

Однако с развитием цифровых гуманитарных наук (от англ. Digital Humanities) и появлением генеративных нейросетей возникает вопрос о возможности автоматизации данного процесса. Большие языковые модели (LLM), такие как ruGPT, обучаются на огромных массивах текстовых данных и демонстрируют способность к генерации лингвистических гипотез. Между тем природа знаний, закодированных в нейросети, принципиально отличается от человеческих когнитивных репрезентаций. Если человек категоризирует цвет через сенсорный опыт и воплощенное познание (*embodied cognition*), то нейросеть оперирует статистическими закономерностями совместной встречаемости слов (дистрибутивная семантика) [Lenci 2018]. Слова представляются в виде векторов – наборов чисел в многомерном пространстве. Слова, употребляющиеся в схожих контекстах, имеют близкие векторные координаты. Многозначные слова имеют «размытые» координаты из-за вариативности контекстов, что может влиять на определение статуса базового цветонаименования [Sahlgren 2008; Mikolov 2013].

Процедура исследования включала два этапа. На первом этапе к нейросети ruGPT неоднократно обращались с запросом разработать критерии определения статуса базового цветообозначения. Сам промпт звучал следующим образом: «Выдели критерии определения статуса базового цветообозначения в ряду других цветовых терминов. Обоснуй каждый критерий». Предварительно нейросеть подтвердила, что знакома с данным лингвистическим понятием. В результате генерации были отобраны 8 наиболее устойчивых критериев. На втором этапе сгенерированная система критериев была применена к корпусу из 243 цветообозначений английского языка, полученных в результате выборки из лексикографических изданий и художественной литературы [Мичугина 2005].

Анализ ответов нейросети позволил сформировать список критериев базового термина цвета: (1) языковая универсальность; (2) семантическая стабильность; (3) функциональная нагрузка в научных текстах; (4) статистическая значимость; (5) этимологическая стабильность; (6) научная приемлемость; (7) измеримость и стандартизация; (8) психологические аспекты, т. е. восприятие цвета у разных групп (данный критерий упоминается, но не раскрывается через эксперимент). При сопоставлении критериев ruGPT с традиционными подходами выявлено существенное расхождение (см. табл.).

Таблица. Сравнение критериев идентификации базовых цветообозначений

Традиционные критерии	Критерии нейросети ruGPT	Характер различий
монолексемность, сочетаемость	семантическая стабильность	частичное пересечение (форма vs. употребление)
психологическая салиентность, консенсус носителей	психологические аспекты (декларативно)	ИИ не имеет доступа к реальным носителям
отсутствие гипонимии	научная приемлемость	логика vs. авторитет источника
диахроническая стабильность	этимологическая стабильность	полное пересечение
перцептивная компактность (центроиды)	измеримость и стандартизация	восприятие vs. метрология

Из 8 критериев только этимологическая стабильность коррелирует с лингвистическим критерием диахронической устойчивости [Griber et al. 2021]. Остальные критерии указывают на то, что модель оценивает слово как элемент научной терминологии, а не когнитивной системы человека. Для ruGPT «базовый» означает «часто используемый в науке и стандартизированный», а не «прототипичный для восприятия».

При применении критериев к выборке из 243 слов нейросеть выделила 10 терминов: *black*, *white*, *red*, *yellow*, *green*, *blue*, *brown*, *orange*, *purple*, *grey*. Список совпадает с иерархией Берлина-Кея, за исключением термина *pink*.

Полученные данные позволяют сделать вывод о фундаментальном эпистемологическом различии. Когнитивная лингвистика исходит из того, что язык находит отражение в восприятии цвета (*embodiment*). Базовость цвета определяется тем, насколько быстро и единообразно люди называют этот цвет. Нейросеть же, не обладая человеческим зрением и возможностью восприятия, опирается на «текстовую реальность» и математическую точность.

С позиции векторной семантики, процедура оценки термина моделью может быть описана следующим образом: (1) векторизация запроса: запрос пользователя транслируется в векторное пространство, где каждое цветообозначение имеет свои координаты; (2) кластеризация контекстов: модель анализирует близость вектора целевого слова (например, *pink*) к векторам слов-маркеров, определяющих статус базового термина (*basic, primary, color term*); (3) вероятностная оценка: статус термина определяется не через денотативное соответствие реальности, а через статистическую вероятность встречаемости в текстах научного стиля.

В результате генерируемые ИИ критерии смещаются к области «научной точности» как основного фактора при анализе данных. Образованное векторное пространство модели ruGPT характеризуется общими зонами между семантическими полями «базовый цвет» и «научная терминология», в отличие от поля «перцептивное восприятие». В рамках векторной семантики термин цвета *pink* обладает высокой лексикографической энтропией, т.е. ее векторные координаты не образуют плотного кластера с координатами других цветовых дескрипторов. Это объясняется тем, что существенная часть контекстных данных построена на ассоциации с терминологией из области ботаники (*pink* – цветок гвоздики), популярными брендами (*Victoria's Secret Pink*) и культурными референциями (группа *Pink Floyd*, кинолента «*Pink*»).

В отличие от машинного анализа когнитивное восприятие человека мгновенно актуализирует категорию «цвет» при предъявлении цветового образца, т. е. перцептивный опыт эффективно нейтрализует влияние полисемии. В текстовой модели, наоборот, полисемия генерирует «семантический шум» в векторном пространстве, в итоге, установление семантической связи «*pink* – цвет» статистически имеет меньшую вероятность по сравнению с терминами, которые имеют примарное цветовое значение. Соответственно, удаление *pink* из списка базовых цветонаименований является не случайным сбоем или ошибкой нейросети, а закономерностью архитектуры самого анализа данных, что подтверждает наличие определенных ограничений дистрибутивного метода, которые заключаются в работе с сочетаемостью, а не денотативными областями.

Итоги проведенного сравнительного анализа показывают, что генеративные нейросетевые модели могут частично дублировать результаты, полученные традиционными лингвистическими способами. Основные выводы исследования состоят в том, что: (1) модель ruGPT генерирует критерии, актуальные для научного дискурса (стандартизация, частотность в академических корпусах), игнорируя при этом перцептивно-эмпирические основы; (2) критериальные отличия между данными ИИ и результатами когнитивных исследований обусловлены фундаментальной разницей между воплощенным познанием, свойственным человеку, и дистрибутивной семантикой, реализуемой машиной; (3) исключение термина *pink* выступает эмпирическим доказательством того, что нейросеть восприимчива к лексикографической полисемии, не являющейся препятствием для человеческой когнитивной категоризации; (4) нейросетевые модели могут служить вспомогательным инструментом для предварительного корпусного анализа или выявления терминологических тенденций, но не могут заменить экспериментальные данные с участием носителей языка при изучении когнитивных категорий.

Литература

Мичугина С.В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1991.

Brosa-Rodríguez A., Jiménez-López M.D. Quantifying basic colors' salience from cross-linguistic corpora // Color Research & Application. 2024. Vol. 49. No. 1. P. 34–50.

Del Viva M.M., Castellotti S., Paramei G.V. The Italian colour lexicon in Tuscany: elicited lists, cognitive salience, and semantic maps of colour terms // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. Vol. 10. No. 1. Art. 892.

Davies I.R.L., Corbett G.G. A Statistical Approach to Determining Basic Color Terms: An Account of Xhosa // Journal of Linguistic Anthropology. 1994. Vol. 4. No. 2. P. 175–193.

Griber Y.A., Mylonas D., Paramei G.V. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8. No. 1. Art. 262.

Lenci A. Distributional Models of Word Meaning // Annual Review of Linguistics. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 151–171.

Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space // Proceedings of Workshop at ICLR. Scottsdale, Arizona, 2013. P. 1–12.

Paramei G.V., Griber Y.A., Mylonas D. An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples // Color Research & Application. 2018. Vol. 43. No. 3. P. 358–374.

Sahlgren M. The Distributional Hypothesis // Italian Journal of Linguistics. 2008. Vol. 20. No. 1. P. 33–53.

S. V. Michugina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Pedagogical University

COGNITIVE VS. NEURAL CRITERIA FOR BASIC COLOUR TERMS: A COMPARATIVE STUDY

The study attempts to delegate the formulation of identification criteria for basic colour terms to the ruGPT neural network and compare the resulting system with classical approaches based on perceptual and cognitive criteria (Berlin and Kay, Davies and Corbett, Paramei). It is concluded that there is an ontological difference between human categorization, based on embodied experience, and machine categorization, based on distribution in text corpora.

Key words: basic colour terms, artificial intelligence, large language models, ruGPT, cognitive linguistics, word embeddings, distributional semantics

В. А. Омельяненко *(Токио, Япония)*
Университет Сока
omelianenko@soka.ac.jp
И. А. Романова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
romanova-ia@rudn.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В ИНТЕГРАТИВНОМ ГЛАГОЛЬНОМ ПОЛЕ *LOVE-HATE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ BRITISH NATIONAL CORPUS)

Статья посвящена исследованию интегративного глагольного поля LOVE–HATE в современном английском языке с позиций когнитивной лингвистики и полевой методологии. Новизна исследования заключается в применении интегративного подхода к анализу антонимичных полей, традиционно изучаемых раздельно. Материал демонстрирует асимметрию в репрезентации положительных и отрицательных эмоций на уровне глагольной лексики.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, глаголы межличностных отношений, когнитивная лингвистика, полевая структура, антонимия, английский язык, концептуализация эмоций

Изучение эмоциональной лексики, как инструмента реконструкции ментальных процессов носителей языка, остается одним из наиболее продуктивных направлений современной когнитивной семантики [Шаховский 2008]. Полевая модель организации лексики Й. Трира получила новое развитие в отечественной лингвистике благодаря исследованиям Л.Г. Бабенко, А.В. Бондарко и В.Н. Денисенко. Однако применительно к английскому материалу эта методология используется с определенными ограничениями, связанными с типологическими особенностями языка.

Интегративное поле LOVE–HATE образуется на пересечении двух антонимичных семантических зон, которые традиционно рассматривались изолированно – как поле аттракции и поле отторжения [Карасик 2010]. Однако границы между этими полями проницаемы, а в ряде контекстов наблюдается взаимопроникновение семантических компонентов.

Ядро поля LOVE формируют глаголы с семой «позитивное эмоциональное отношение высокой интенсивности»: *love*, *adore*, *cherish*, *treasure*. При этом *love* демонстрирует максимальную частотность и широту сочетаемости – от обозначения романтического чувства до выражения предпочтения. Глагол *adore* маркирован стилистически и содержит коннотацию «восхищение, граничащее с обожествлением». *Cherish* акцентирует длительность и бережность отношения, тогда как *treasure* привносит метафорический компонент ‘ценить как материальное богатство’. Более дробной оказывается периферия, здесь располагаются глаголы с ослабленной семой

аттракции: *like*, *enjoy*, *appreciate*, *fancy*, *care for* и др. Интересно, что *like* – при всей своей частотности – занимает промежуточное положение между ядром и ближней периферией, поскольку обозначает умеренную степень предпочтения.

Поле HATE организовано менее симметрично относительно своего антонима. Ядерный глагол *hate* характеризуется высокой интенсивностью и отсутствием градации – это категоричное отрицание объекта [Стернин, Быкова 1998]. В корпусных данных за 2023–2025 гг. фиксируется рост употребления *hate* в политическом дискурсе и интернет-коммуникации, что связывают с общей поляризацией публичных высказываний [BNC]. Глагол *detest* добавляет оттенок морального осуждения, *loathe* усиливает физиологическое отвращение (часто употребляется с объектами, связанными с едой, запахами), *abhor* несет книжную стилистическую окраску и почти не встречается в разговорной речи. Периферийные лексемы — *dislike*, *despise*, *scorn*, *resent* — различаются по характеру негативной оценки. *Dislike* представляет собой мягкую форму неприятия, зеркальную *like*. *Despise* и *scorn* фокусируются на презрении, причем *scorn* подразумевает активное выражение пренебрежения, нередко публичное. *Resent* специфичен: он обозначает обиду, возникшую в ответ на воспринимаемую несправедливость, и всегда имплицирует причину негативного отношения [Семкова 2010]. Асимметрия проявляется в том, что английский язык располагает большим арсеналом средств для дифференциации оттенков ненависти, чем любви. Можно предположить, что это связано с социальной функцией языка: детализация угрозы и отторжения имеет адаптивное значение, тогда как любовь концептуализируется скорее как целостное переживание. Статистический анализ употреблений в Британском национальном корпусе подтверждает эту тенденцию: соотношение лексем поля «hate» к полю «love» составляет примерно 3:2 в типах словоупотреблений [BNC].

Всего глагольное поле LOVE насчитыват 26 глаголов с семой ‘to regard smb/ to treat smb’, тогда как глагольное поле HATE включает 33 уникальные лексемы и употребляются горазд чаще. Интегративность поля обнаруживается при анализе реального употребления. Отдельного внимания заслуживают глаголы амбивалентной зоны. *Love-hate relationship* как устойчивое словосочетание фиксирует существование пограничных состояний. Глагол *obsess* может употребляться в контекстах обеих полярностей (*obsessed with love* / *obsessed with hatred*), что свидетельствует о существовании общей семы ‘интенсивность, граничащая с патологией’ [BNC].

Метафорические переносы также способствуют размыванию границ. Глагол *kill* в конструкции *killing with kindness* актуализирует семантику поля “hate” через лексику поля “love”. Обратный процесс наблюдается реже, что опять-таки указывает на асимметрию: негативные эмоции чаще проникают в зону позитивных, чем наоборот.

Градуальность эмоций в английском языке лексикализована слабее, чем, например, в русском. Отсутствие развитой системы приставок заставляет носителей ан-

глийского языка использовать лексические средства интенсификации: наречия (*deeply love*, *intensely hate*), фразовые глаголы (*fall in love*, *grow to hate*), модальные конструкции, что создает не концентрическую, а сетевую архитектонику поля, где узлами выступают сами глаголы, а ребрами – синтаксические и коллокационные связи.

Анализ употреблений в различных функциональных стилях выявляет существенную неравномерность. В академическом дискурсе глаголы поля LOVE практически отсутствуют (за исключением специализированных текстов по психологии), тогда как лексемы поля HATE встречаются в политологических и социологических исследованиях при описании *hate speech*, *hate crimes*. Публицистика активно эксплуатирует весь спектр лексики обоих полей, причем таблоиды тяготеют к ядерным гиперболизированным номинациям (*love rat*, *I hate Mondays*). Художественная литература демонстрирует наибольшее разнообразие употреблений. Психологический роман опирается на периферийные глаголы с тонкими семантическими различиями (*cherish memories*, *resent betrayal*), тогда как массовая литература предпочитает ядерные лексемы. Это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов темы – связь между эмоциональной сложностью нарратива и лексической дифференциацией чувств.

Валентность глаголов эмоционального отношения определяется их семантической структурой. Все глаголы поля являются двухвалентными: субъект эмоции (experiencer) и ее объект (stimulus). Однако синтаксическое оформление варьируется. *Love*, *hate*, *like*, *dislike* допускают как прямое дополнение (*love music*), так и инфинитивную (*love to dance*) и герундиальную (*love dancing*) конструкции. Семантическое различие между инфинитивом и герундием в современном английском постепенно стирается, хотя некоторые исследователи настаивают на сохранении оппозиции «конкретное действие» vs. «процесс как таковой» [Карасик 2010].

Глаголы *adore*, *detest*, *loathe* сочетаются преимущественно с герундием (*adore travelling*, *detest lying*). *Cherish*, *treasure* требуют конкретного объекта и не допускают инфинитивного дополнения (*cherish the moment*, но не *cherish to remember*). Это связано с семантикой бережного сохранения, несовместимой с событийной структурой инфинитива.

В современном английском языке наблюдается тенденция появления эмоциональных неологизмов, пытающихся заполнить лакуны: *lovebomb* (манипулятивная стратегия избыточного проявления любви), *hatelurk* (намеренное отслеживание контента, вызывающего раздражение). Эти лексемы находятся на периферии языковой системы, но их частотность в цифровом дискурсе растет. Полевая структура становится менее иерархичной: если классическая модель предполагала четкое ядро и концентрические слои периферии, то современная организация напоминает скорее кластерную сеть с множественными связями между узлами. Глагол может одновременно принадлежать нескольким семантическим зонам в зависимости от дискурсивного контекста.

Заключение. Интегративное глагольное поле LOVE–HATE представляет собой сложную семантическую структуру, организация которой отражает когнитивные механизмы концептуализации противопоставленных эмоций в английской языковой картине мира. Наблюдается асимметрия интегративного поля в сторону негативного полюса. Ядерные глаголы *love* и *hate* демонстрируют максимальную частотность и широту употребления, но именно периферийные лексемы обеспечивают семантическую нюансировку, необходимую для адекватной вербализации эмоционального опыта. Зона пересечения полей – область амбивалентности – активно разрабатывается в современном дискурсе. Перспективы дальнейших исследований связаны с корпусным анализом прагматических функций глаголов поля в различных типах дискурса, а также с сопоставительным изучением способов концептуализации эмоций любви и ненависти в типологически различных языках. Особый интерес представляет изучение гендерных и возрастных различий в употреблении эмоциональной лексики.

Литература

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.

Семкова А.В. Структура сентенционального поля «эмоционально-оценочное отношение» в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2010.

Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 55–67.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

BNC – The British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 12.01.2026).

V. A. Omelianenko *(Tokyo, Japan)*
Soka University
I. A. Romanova *(Moscow, Russia)*
RUDN University

THE FUNCTIONING OF ANTONYMIC OPPOSITIONS IN THE INTEGRATIVE VERBAL FIELD *LOVE–HATE* IN ENGLISH (BASED ON THE BRITISH NATIONAL CORPUS)

This article examines the integrative verb field «love-hate» in modern English from a cognitive linguistics perspective and methodology. The study's novelty lies in its application of an integrative approach to analyzing antonymic fields traditionally studied separately. The material reveals an asymmetry in the representations of states and negative emotions at the verbal level.

Key words: lexico-semantic field, emotion verbs, cognitive linguistics, field structure, antonymy, English language, conceptualization of emotions

С. А. Панкратова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
svetpankrat@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА *ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ* В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Исследование фокусируется на концептуальном анализе актуальнейшего феномена ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, представленного в англоязычных СМИ последних двух лет. Моделирование когнитивно-семантической структуры избранного концепта способно осветить механизмы приращения знания о нем в современной англоязычной картине мира.

Ключевые слова: концепт, искусственный интеллект, когнитология, метафора, метонимия

Нет такого концепта, который бы привлекал столь пристальное внимание в современной когнитологии, как концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (далее – ИИ). Вскрытие ключевых моментов языковой репрезентации исследуемого феномена позволяет выйти на следующий этап освоения технических средств взаимодействия человека и машины, способствуя более полному пониманию специфики человеческой когниции.

Феномен «ИИ» (от англ. AI, Artificial Intelligence) инновационен и, вне всякого сомнения, актуален. Минимально достаточное и справедливое его **определение** – компьютерные программы, наделенные способностью к обучению, принятию решений и выполнению действий, свойственных человеческому разуму. Его базовым изъяном ученые-лингвисты считают то, что «ИИ» не в состоянии динамически выделить и проинтерпретировать понятие, ибо он лишь количественно накапливает тематические концепты в режиме «списочной семантики» (checklist semantics) в виде перечня характеристик [Демьянков 2007].

Противопоставлен ИИ естественный интеллект (ЕИ) [Дубровская 2025: 30-32] параметрически подразделяемый на такие составные, как протяженность сентенции, параграфа, подбор слов, модальность, грамматические параметры, лексическая сатурация, насыщенность ключевыми словами, «читаемость» [Uzun 2025: 67–68].

Обращение к «ИИ» **актуально** в том плане, что его именуют «…одной из немногих прорывных технологий для человечества и общества, обладающей значительным потенциалом и силой для внесения глобальных корректив. Развитие искусственного интеллекта открывает перед нами широкий спектр возможностей, однако в то же время вызывает озабоченность по поводу потенциальных опасностей, которые могут возникнуть в результате его применения» [Пьянкова и др. 2024: 156]. **Новизна** поднимаемой тематики в том, что разнополярность мнений о предмете требует обоснования сквозь призму лингвистических штудий. А именно: требуется рассмотреть «ИИ» с точки зрения систематизирующих структур когнитологии

(фрейм, сценарий, концепт), а также учесть экстралингвистический аспект, то, как данный концепт эмоционально освоен на уровне наивного, обыденного сознания.

Разумеется, в когнитологии оперируют понятием близким, но не идентичным к заявленному в заголовке понятию «**феномен**» – редкое, необычное, исключительное явление. Это **концепт,** вслед за В.И. Карасиком понимаемый нами нами как «…квант переживаемого знания, объективируемый в семантике слов, фразеологизмов, высказываниях, определенных сюжетах и жанрах» [Карасик 2004]. Сополагая в одном контексте два понятия, мы акцентируем уникальность исследуемого явления «ИИ». Его структуру возможно описать благодаря методу **концептуального анализа**. Это метод исследования, предполагающий выявление, моделирование и изучение вербализованных концептов, формирующих концептуальную картину мира языковой личности. Единого и утвержденного алгоритма проведения концептуального анализа нет, каждый исследователь самостоятельно его определяет. Таким образом, мы можем говорить о наличии суммарного восприятия референтов концепта. Источниками языкового материала для концептуального анализа служат толковые, этимологические, синонимические, комбинаторные, фразеологические, ассоциативные словари, тексты художественных произведений и СМИ, публицистические и научные издания, высказывания выдающихся деятелей, результаты анкетирования носителей языка.

Важной для нашего исследования является **интерпретативно-матричный анализ** по методике Н.Н. Болдырева, который предлагает анализировать концепт внутри когнитивной матрицы, включающей такие компоненты как фактологический (реальность события, время, место, дата, причины, следствия), гносеологический (источник знаний, коллективные и индивидуальные подходы, социокультурная обусловленность), социальный (расовая, религиозная, политическая, культурная, профессиональная специфика), бытовой, оценочный (отрицание, аппроксимация, экспрессивность, тональность, определенность, эвиденциальность) [Болдырев, Ефименко 2025: 8–9].

Итак, избранный концепт исследуется методом концептуального анализа на материале публикаций двух прошедших почерпнутых из качественных англоязычных СМИ. Это более сотни обширных контекстов, извлеченных методом сплошной выборки из The New York Times, The Economist. Концепт «ИИ» демонстрирует себя многоаспектно. Его ядро составляют обязательные элементы высокой частотности, в то время как на окраине расположены относятся признаки, слабо касающиеся предметной области технологии.

Ядерная зона концепта содержит универсально объективизированные знания о крупных языковых моделях (LLM), чатах (Chat GPT), их вариациях (Claude, Gemini) и создателях (Anthropic). Вдохновленные первыми успехами пророчества о революционной природе «ИИ» как поворотного момента в истории технологий не всегда оправданы. Отмечается, что модели не ведут себя должным

образом (misbehave), дают неверные, измышленные ответы и галлюцинируют [The Economist: 2024]. Проблема проистекает из самой природы крупных языковых моделей как сети триллионов нейронов, смоделированных на программном обеспечении компьютера по подобию структуры мозга человека и обученной на миллиардах примеров. Ключевым здесь является непредсказуемость нейронных связей, когда ответ на запрос (промпт) формируется не в виде конкретного слова, а ассоциируется с комплексом связей различного генезиса. Следовательно, вопрошающий способен так хитроумно сформулировать незаконный запрос (к примеру, о создании биологического оружия или взрывчатки), что получит ответ. В целях безопасности ученые создали «выборочный автокодировщик» («sparse autoencoder») в языковой модели Claude 3 Sonet, который на малом объеме данных (34 миллиона слов) демонстрирует путь поиска ответа. Объем лживости языковых моделей критически неприемлем, «языковая энтропия» равняется 79%, а это означает, что, если оставить систему в руках неблагонадежных личностей, вынашивающих злые умыслы «Prompt Injections», они в 21% случаев добьются ответа на свои вопросы. Анализ ядра концепта AI показывает, что это нерешенная угроза.

Околоядерная зона концепта «ИИ» содержит национально-специфические культурно обусловленные ценности. Здесь интересна проблема характерного для западного общества свободного подхода к интернет-цитированию, подпадающего под защиту доктрины «Свободного пользования» (Doctrine of Fair Use). В статье «Книги написанные ИИ обманывают издателей» говорится о случае с публикацией романа «Застенчивая девушка» (Shy Girl) автора Мии Баллард. Роман по результатам анализа оказался на 78% сгенерированным текстом, в оправдание автор высказывается в том плане, что это подрывная работа корректора, которому она передала роман на вычитку. В статье отмечен рад **ключей**, помогающих определить искусственность текста – это провалы в логике повествования (gaps in logic), драматичные определения (melodramatic adjectives), противоречивые метафоры-катахрезы (nonsensical metaphors), странные повторяющиеся фразы (odd repetitive phrases) и злоупотребление «правилом трех» (overreliance on the rule of three) [The New York Times, 2026]. Для многих авторов, чувствующих, что их работы украдены, отмечается в статье, это вопрос морали. Культурное столкновение с издательской индустрией, требующей соблюдения авторских прав для писателей, кровью и потом творящих оригинальный контент, не разрешено пока что радикальным образом [The Economist: 2024].

Периферическая зона концепта «ИИ» содержит личностные эмотивные оценки и образы. Метафорический анализ базируется на постулате современных когнитологов о том, что «…выбор сферы-мишени для анализа коррелирует с проблемами, волнующими общество в данный момент» [Будаев, Чудинов 2020: 106]. Здесь разброс мнений варьирует от легкого неодобрения, когда ИИ называют непроницаемым черным ящиком (a black box) до откровенно пейоративно заряженных номина-

ций – мошенничество, набор трюков (a con, a set of tricks). Нейл Постман прибегает к гиперболе «мы развлекаем себя до (полу)смерти» (amusing ourselves to death) [The New York Times, 2025]. Прибегает к метафоре Сэм Альтман из корпорации Open AI, называет искусственный интеллект льстецом, подпевалой и эхом, разрушающим здоровую человеческую самокритику (a yes-man, echo-chambers eroding self-criticism). Отечественные авторы смело говорят: «…Возможно, в ближайшем будущем мы станем свидетелями появления борцов за права ИИ» [Шеховцева и др. 2025: 102].

Подводя итог, отметим, что новшества техносферы проливают свет на несхожие, порой диаметрально противостоящие друг другу позиции. Ядерный компонент «ИИ» с его универсальным набором характеристик не дает гарантий полной безопасности для пользователей, ибо есть случаи галлюцинаций. На околоядерном уровне нет уверенности в надежности заложенных в основу «ИИ» данных с точки зрения защиты авторских прав. И наконец, на периферическом исследуемый феномен также неоднозначен, предлагая образы всепрощающего «компаньона» или попустителя-«льстеца» замыкающего человека на себе самом. Это явление подлежит тщательному изучению, общественному обсуждению и многократной перепроверке ради человеческой безопасности и ментального здоровья.

Литература

Болдырев Н.Н., Ефименко Т.Н. Воздействующий потенциал медиатекста: когнитивный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 3. С. 5–18.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. Т. 25. №2. С. 103–113.

Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла. М.: Азбуковник, 2007. С. 606–622.

Дубровская О.Г. О естественном интеллекте сквозь призму интеллекта искусственного // Вопросы когнитивной лингвистики, 2025. № 4. С. 29–43.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.

Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т., Дудников Т.Е. Тенденции развития теории ноономики: искусственный интеллект как инструмент для перехода к новому индустриальному обществу // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 2 (18). С. 156–174.

Шеховцева Т.М., Камышанченко Е.А., Страхова К.А. Исследование метафорической репрезентации концепта ARTIFICIAL INTELLIGENCE в современном англоязычном медиадискурсе (на примере когнитивной модели AI IS A PERSON) // Современный ученый. 2025. № 8. С. 96–102.

The Economist. 13.07.2024. URL: www.economist.com (дата обращения: 12.01.2026).

The New York Times. 17.07.2025. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 12.01.2026).

The New York Times. 21.03.2026. URL: www.nytimes.com (дата обращения: 12.01.2026).

Uzun C. Some Determinations as to Whether or Not Academic Texts Are Produced by Artificial Intelligence // Interdisciplinary Themes of Sociolinguistics Studies. Language Learning, Technology and Identity in the Age of AI and Globalization, Xiaoming Jiang and Muhammad Azeem Ashraf (eds.). 2025. P. 66–156.

S. A. Pankratova *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE "ARTIFICIAL INTELLIGENCE" PHENOMENON IN THE ENGLISH-SPEAKING MASS MEDIA

The report under study is focusing on the conceptual analysis of the most topical ARTIFICIAL INTELLIGENCE phenomenon as viewed through the articles of the English-speaking media world of the last two years. The modelling of the cognitive-semantic structure of the concept under study can shed light on the knowledge augmentation as viewed from the standpoint of the modern picture of the world.

Key words: concept, artificial intelligence, cognitology, metaphor, metonymy

М. В. Попова, Д. Н. Соколова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
neunerin@gmail.com, *d.n.sokolova@linguanet.ru*

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ ОКОНЧАНИЯ *-OW* В НЕМЕЦКИХ АНТРОПОНИМАХ И ТОПОНИМАХ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье анализируется вариативность произношения *-ow* в некоторых немецких антропонимах и топонимах. Актуальность обусловлена отсутствием устойчивой орфоэпической нормы. Цель – выявить основные варианты произношения и условия их выбора. Показано, что выбор стратегии произношения определяется взаимодействием графических, фонетических и когнитивных факторов.

Ключевые слова: немецкий язык, фонетика, заимствования, антропонимы, топонимы, произношение, орфоэпия

Иноязычные имена собственные представляют собой зону повышенной вариативности в немецкой орфоэпии, поскольку их произношение определяется комплексом орфографических, фонетических и интерпретационных механизмов. Подобная вариативность характерна для заимствованных единиц и связана с процессами адаптации в принимающей языковой системе [Суперанская 1978]. С позиции когнитивной лингвистики язык рассматривается как средство репрезентации знаний, что позволяет учитывать роль ментальных структур в интерпретации языкового материала [Кубрякова 2004].

Особый интерес представляет финальный элемент *-ow*, характерный для славянских антропонимов и топонимов (например, *Anton Bakow, Treptow*), который допускает несколько вариантов реализации в немецкой фонетической системе. В орфоэпических словарях современного немецкого языка, в частности в *Deutsches Aussprachewörterbuch* [Krech et al. 2009], подобные заимствованные формы демонстрируют вариативность в зависимости от степени их адаптации. С одной стороны, возможна реализация с конечным согласным компонентом [v] или [f], отражающая ориентацию на исходную славянскую модель, например [maˈkaːʁɔf] (*Makarow*) [Krech et al. 2009]. С другой стороны, наблюдается вокалическая интерпретация [o:], соответствующая внутренним закономерностям немецкой орфоэпии и представленная в топонимах [ˈgʁaːboː] (*Grabow*), [ˈtreːpto] (*Treptow*) [Krech et al. 2009]. Подобная вариативность может рассматриваться как результат конкуренции различных стратегий обработки заимствованных форм [Derwing, Munro 2009].

В рамках исследования был проведен эксперимент: носители немецкого языка без предварительной подготовки читали предложенный им список антропонимов и топонимов. Материал включал 8 целевых стимулов с окончанием *-ow* (в частности, *Anton Bakow, Pawel Antow, Wilhelm Gratschow, Treptow, Tom Buhrow, Michail Makarow, Andrej Kurkow, Grabow)* и 9 дистракторов тюркского и романского происхождения (например, *Süleyman Demirel*, *Fernando Tambroni*). Аудиозаписи были подвергнуты фонетической оценке с привлечением экспертов-фонетистов.

Предварительный анализ экспертной разметки показывает наличие двух основных типов реализации: условно обозначаемых как «консонантная», где последним произнесенным звуком является щелевой согласный ([v] или [f]), и «вокалическая», при которой буквосочетание *-ow* реализуется как гласный [o] вне зависимости от его признаков качества и количества. На текущем этапе анализа зафиксировано более 1100 экспертных оценок, при этом наблюдается сопоставимая частотность обеих стратегий (около 640 случаев консонантной реализации и 530 – вокалической), что свидетельствует об отсутствии устойчивой нормы и высокой степени колебаний.

Дополнительный анализ позволяет уточнить характер наблюдаемых колебаний. Сопоставление разметок двух независимых экспертов показывает, что совпадение в классификации реализаций наблюдается не во всех случаях, что указывает на наличие зон перцептивной неопределенности. В частности, расхождения фиксируются преимущественно в случаях, где акустические характеристики финального элемента находятся на границе между вокалической и консонантной интерпретацией.

С целью уточнения характера расхождений между экспертами был проведен количественный анализ согласованности разметок с применением коэффициента межэкспертного согласия (Cohen’s Kappa). Полученное значение $\kappa = 0.95$ свидетельствует о практически полном совпадении оценок экспертов, а процент прямого совпадения классификаций составляет 97,4%. Высокий уровень согласия подтверждает надежность аннотации, в то время как зафиксированные расхождения отражают

не случайные ошибки, а наличие перцептивно неоднозначных и пограничных реализаций. В случаях расхождения мнений экспертов аудиостимулы подвергались инструментальному анализу с использованием программы PRAAT. Следует отметить, что выявленные зоны перцептивной неопределенности носят системный, а не случайный характер. Они локализуются в тех случаях, где фонетические характеристики финального элемента допускают двойную интерпретацию в рамках немецкой фонологической системы. Это позволяет рассматривать подобные реализации как точки конкуренции фонологических и графических правил, в которых выбор стратегии определяется не только акустическим сигналом, но и механизмами его когнитивной интерпретации. Данные расхождения представляют особый интерес, поскольку свидетельствуют о том, что вариативность носит не только продуктивный, но и перцептивный характер. Иными словами, неоднозначность заложена не только в артикуляционной реализации, но и в механизмах ее интерпретации. Это согласуется с данными о вариативности восприятия акцентной речи, где значительную роль играют когнитивные ожидания слушающего и стратегии обработки сигнала [Ivanova, Kuzmina 2020; Babayev 2025].

Анализ комментариев экспертов (в случаях, где они были предоставлены) показывает, что интерпретация реализаций опирается не только на акустические параметры, но и на графическую форму слова, а также предполагаемое происхождение имени, что свидетельствует о комплексном характере перцептивной обработки, объединяющей акустические и когнитивно-интерпретационные компоненты. В ряде случаев эксперты отмечают «неустойчивые» или «пограничные» реализации, которые не могут быть однозначно отнесены к одной из стратегий. Подобные случаи подтверждают гипотезу о градиентном характере фонетической адаптации заимствованных единиц и указывают на отсутствие жесткой бинарной оппозиции между консонантным и вокалическим вариантами.

Таким образом, экспертная оценка не только подтверждает наличие конкурирующих стратегий произношения, но и выявляет их внутреннюю неоднородность, что позволяет рассматривать вариативность как динамическое явление, формирующееся в процессе взаимодействия фонетических, графических и когнитивных факторов.

Полученные данные позволяют выявить закономерности распределения вариативности, что делает возможным переход к обсуждению факторов, определяющих выбор стратегии произношения. Как показывают результаты исследования, это решение зависит от ряда параметров, включая тип имени (антропоним или топоним), степень его известности и употребительности, а также аналогии с существующими моделями немецкого языка (ср. *Gorbatschow* и *Treptow*). Наблюдаемая неоднородность может быть интерпретирована как результат взаимодействия двух стратегий: (1) графико-ориентированной, при которой говорящий следует правилам чтения немецкого языка, и (2) эталонно-ориентированной, предполагающей попытку воспроизведения «иностранного» звучания. Перцептивная салиентность финального эле-

мента способствует его выделению и вариативной реализации, что связано с особенностями когнитивной обработки непривычных форм [Ермолович 2001]. Важно подчеркнуть, что данные стратегии не являются взаимоисключающими и могут использоваться одним и тем же говорящим в зависимости от условий обработки речевого сигнала. Это указывает на динамический характер орфоэпической адаптации заимствованных форм и подтверждает, что выбор произносительной модели представляет собой результат текущей интерпретации, в которой задействованы как языковые знания, так и вероятностные ожидания говорящего.

Таким образом, полученные пилотные данные свидетельствуют о существовании конкурирующих моделей произношения заимствованных имен собственных в немецком языке. Данные результаты согласуются с современными представлениями о вариативности как градиентном и динамическом явлении, не сводимом к бинарным оппозициям [Ivanova, Kuzmina 2020]. Отсутствие единообразия указывает на незавершенность процессов адаптации и высокую роль когнитивных факторов в интерпретации графико-фонетических соответствий, включая механизмы категоризации и интерпретации [Болдырев 2006; Арутюнова 1976].

Перспективы дальнейшего исследования связаны с акустическим анализом записей, уточнением влияния отдельных факторов (частотность, тип имени, контекст) и социодемографических параметров респондентов.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 5–22.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: заимствование и передача имен собственных. М.: Р.Валент, 2001.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978.

Хенгст К. Германо-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 114–124.

Babayev J. Orthographic challenges in the transliteration of proper names between the languages with different spelling // Acta Globalis Humanitatis et Linguarum. 2025. Vol. 1. No. 2. P. 170–176.

Derwing T.M., Munro M.J. Putting accent in its place: Rethinking obstacles to communication // Language Teaching. 2009. Vol. 42. No. 4. P. 476–490.

Ivanova N.K., Kuzmina R.V. Homographic Proper Names: On Peculiarities of Pronunciation Registration // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 98–111.

Krech E.-M., Stock E., Hirschfeld U., Anders L.C. Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin: de Gruyter, 2009.

Munro M.J., Derwing T.M. Foreign accent, comprehensibility, and intelligibility in the speech of second language learners // Language Learning. 1995. Vol. 45. No. 1. P. 73–97.

M. V. Popova, D. N. Sokolova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

VARIATION IN THE PRONUNCIATION OF THE -OW ENDING IN GERMAN ANTHROPONYMS AND TOPONYMS OF SLAVIC ORIGIN: A PILOT STUDY

The paper examines the variation in the pronunciation of *-ow* in selected German anthroponyms and toponyms. The relevance of the study stems from the absence of a stable orthoepic norm. The aim is to identify the main pronunciation variants and the conditions governing their selection. The findings show that the choice of pronunciation strategy is determined by the interaction of graphic, phonetic, and cognitive factors.

Key words: German, phonetics, loanwords, anthroponyms, toponyms, pronunciation, orthoepy

Е. А. Савчук, Е. С. Сыщикова *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
e.savchuk@my.mgimo.ru, e.sycshikova@my.mgimo.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭМОДЗИ В ЦИФРОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

Статья посвящена изучению роли эмодзи как ключевых когнитивно-прагматических маркеров в современной цифровой коммуникации. На материале корпусов социальных сетей авторы рассматривают семиотическую природу эмодзи; анализируют, как графические символы управляют когнитивными процессами получателя информации и влияют на декодирование смысла сообщения; определяют функции этих знаков в цифровом дискурсе.

Ключевые слова: эмодзи, эмотикон, иконический знак, семиотика, когнитивная прагматика, цифровой дискурс, инференция

Невербальные средства коммуникации – мимика, жесты, интонация – традиционно рассматриваются как важнейшие компоненты межличностного взаимодействия. В устной речи они дополняют и модифицируют вербальное сообщение, обеспечивая экспрессию, модальность и прагматическую точность высказывания. С развитием цифровой коммуникации (социальные сети, мессенджеры, форумы) возникла проблема компенсации отсутствующих невербальных каналов передачи информации. В ответ на эту коммуникативную лакуну сформировалась система графических репрезентаций эмоций и жестов – эмотиконов и эмодзи.

Первыми в цифровом дискурсе появились эмотиконы («эмотикон» –неологизм, происходящий от слов «эмоция» и «икона/знак») – символы, создаваемые с помощью знаков препинания, например, :-), :-(. Эти графические символы были линейны, требовали поворота головы и сохраняли минималистичную иконичность.

Эмодзи – это идеограммы или пиктограммы, сочетающие иконические, символические и индексальные свойства. Например, изображение улыбающегося лица одновременно: иконично (похоже на реальное выражение лица), символично (закреплено культурной конвенцией), индексально (указывает на эмоциональное состояние отправителя). Современные эмодзи обладают высокой степенью визуальной детализированности и культурной дифференциации (варианты цвета кожи, гендерные модификации, профессиональные роли). В отличие от эмотиконов, эмодзи интегрированы в интерфейсы социальных сетей и обладают алгоритмической поддержкой (автоподсказки, реакционные кнопки).

Недавно в социальных сетях (например, в VK) появились новые невербальные элементы – стикеры и анимированные GIF-изображения, которые придают еще большую эмоциональную нагрузку онлайн общению, чем эмодзи.

По мнению канадского специалиста в области семиотики Марселя Данези, все более активное использование эмодзи в процессе общения свидетельствует о настоящем когнитивно-парадигматическом сдвиге в системе человеческой коммуникации, о переходе к гибридной системе, представляющей собой синтез алфавитного, пиктографического и логографического письма [Danesi 2016].

Несмотря на кажущуюся простоту, феномен эмодзи ставит перед когнитивной наукой ряд вопросов: как мозг обрабатывает эти символы? Являются ли они аналогами жестов или выполняют функцию пунктуационных маркеров? Как они участвуют в формировании смысла, выходящего за пределы буквального значения слов?

Исследования, выполненные с использованием метода функциональной нейровизуализации, свидетельствуют о том, что эмодзи воспринимаются мозгом человека как разновидность эмоциональной невербальной информации: при их интерпретации активируются те же зоны, которые участвуют в распознавании человеческих лиц. Кроме того, в обработку включаются холистические механизмы затылочной и височной долей коры, что указывает на формирование нейронной реакции под влиянием культурного опыта и коммуникативной практики. Эмоциональное воздействие цифровых символов подтверждается и результатами физиологических исследований, которые показывают, что восприятие позитивно или негативно окрашенных эмодзи вызывает рефлекторные сокращения мышечных волокон, сходные с теми, которые наблюдаются при просмотре фотографий человеческих лиц. Это позволяет говорить о способности цифровых пиктограмм вызывать у пользователей неосознаваемые реакции организма [Rosa Martínez, Martínez Rubio 2016].

Значительный вклад в объяснение взаимодействия вербальных и образных компонентов мышления внес канадский психолог Аллан Пайвио, разработавший

теорию двойного кодирования. Согласно данной концепции, когнитивная система человека включает две взаимосвязанные подсистемы обработки информации: вербальную, оперирующую логогенами, и невербальную, основанную на имагенах. Одновременное функционирование обеих систем рассматривается как фактор, способствующий повышению эффективности когнитивной деятельности человека [Paivio 1990]. Современные тексты социальных сетей объединяют элементы обеих семиотических систем, что обеспечивает более полную, многослойную и точную интеллектуальную репрезентацию передаваемого содержания.

Согласно теории релевантности Дэна Спербера и Дейдры Уилсон, человеческое познание ориентировано на поиск максимальной релевантности: мы стремимся получить максимальный когнитивный эффект (новое знание, уточнение картины мира) при минимальных усилиях по обработке информации. В коммуникации говорящий стремится сделать свое высказывание оптимально релевантным, направляя слушающего к нужному смыслу [Sperber, Wilson 1995]. Эмодзи в этом контексте можно рассматривать как когнитивные средства, которые сужают поле поиска смысла. Они блокируют нерелевантные интерпретации высказывания и активируют нужные ментальные схемы.

Исследование когнитивных механизмов, актуализирующихся при восприятии поликодовых текстов, позволяет сделать вывод о том, что одной из основных характеристик современного цифрового дискурса является гиперцепция, «то есть способность одновременного восприятия и понимания нескольких типов информации (текстовой, аудиовизуальной, символьной, цветовой, графической и др.), их самостоятельной синхронизации при декодировании с учетом преимуществ электронной коммуникации перед традиционным вербальным текстом благодаря производимому эффекту присутствия и минимальной трудоемкости как при создании сообщения, так и при его интерпретации» [Ларионова, Демкина 2023: 1179].

Анализ сообщений социальных сетей показал, что в цифровой коммуникации эмодзи выполняют ряд функций. Во-первых, стоит выделить функцию индикатора интенций (модальная функция). Наиболее ярко эта функция проявляется в ситуациях, где вербальное сообщение потенциально двусмысленно. Например, одно и то же сообщение «Отлично» без эмодзи и с разными эмодзи может восприниматься как нейтральное, дружелюбное, ироничное, агрессивное:

- «Отлично» – потенциально нейтральное или холодное сообщение.
- «Отлично 😊» – дружелюбная модальность.
- «Отлично 😏» – иронический оттенок.
- «Отлично 👺» – выражение злости.

Еще одна функция эмодзи – функция эмоциональной компрессии. Эмодзи способны замещать развернутые вербальные описания контекста или эмоционального состояния.

Рассмотрим, например, следующее сообщение: «Я поступил в институт 😭🙏». В данном контексте эмодзи «плачущее лицо» не означает грусти. В когнитивной

обработке адресата происходит сопоставление вербального сообщения (позитивное событие) и графических знаков: «плачущее лицо» (негативная эмоция в буквальном смысле), «сложенные ладошки» (многозначный знак, значение которого зависит от контекста: благодарность, признательность, молитва, просьба, радость и др.). Это создает когнитивный диссонанс, который разрешается через инференцию: адресат понимает, что это сообщение передает «радость от поступления, слезы счастья, облегчение». Здесь стоит отметить, что значения эмодзи со временем могут претерпевать трансформации. Так, например, изначально в Японии эмодзи🙏 выражал «приветствие и благодарность». На Западе ввиду культурных различий он был переосмыслен как жест «дай пять». В соцсетях смысл окончательно трансформировался в гиперболизированную мольбу или ироничное «умоляю».

Таким образом, эмодзи не просто выражает эмоцию, но и кодирует сложный культурный сценарий, для декодирования которого без графических знаков потребовалось бы развернутое предложение. Прием эмоциональной компрессии снижает когнитивную нагрузку на отправителя (не нужно подбирать слова) и, при наличии общих культурных скриптов, на адресата.

Эмодзи могут выполнять заместительную функцию – полностью заменять слова, особенно часто это встречается в сообщениях, где важна скорость реакции. В социальных сетях популярны жестикулирующие эмодзи (👍, 👎, 🙏, 👏) для замены соответствующих вербальных актов (одобрения/неодобрения, просьбы, благодарности). С когнитивной точки зрения, это конвертация речевого акта в визуальный образ, что значительно ускоряет обработку сообщения, но требует от адресата владения «цифровым этикетом».

Эмодзи активно участвуют в организации структуры цифрового диалога. Они часто выступают в роли знаков препинания, маркируют границы коммуникативных эпизодов. И, наконец, эмодзи могут выполнять чисто декоративную функцию. Они широко применяются, например, для украшения поздравительных сообщений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эмодзи являются не просто иллюстративными элементами современного цифрового дискурса, а представляют собой сложные семиотические единицы, выполняющие целый комплекс когнитивно-прагматических функций, выходящих далеко за рамки простой передачи эмоций.

Перспективы дальнейшего изучения эмодзи лежат в области определения кросс-культурных различий в ментальных репрезентациях, связанных с одними и теми же графическими символами.

Литература

Ларионова М.В., Демкина А.В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1178–1200.

Danesi M. The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet. London: Bloomsbury Academic, 2016.

Paivio A. Mental Representations: A Dual Coding Approach. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Rosa Martínez E. M., Martínez Rubio D. El impacto de los emoticonos en la actividad cerebral // Ciencia Cognitiva. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 53–55.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Blackwell, 1995.

E. A. Savchuk, E. S. Syschikova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations)

COGNITIVE-PRAGMATIC FUNCTIONS OF EMOJIS IN DIGITAL DISCOURSE (BASED ON SOCIAL NETWORK CORPORA)

The article is devoted to the study of the role of emojis as key cognitive-pragmatic markers in modern digital communication. Based on social network corpora, the authors examine the semiotic nature of emojis; analyze how graphic symbols manage the cognitive processes of the information recipient and influence the decoding of the message's meaning; and identify the functions of these signs in digital discourse.

Key words: emojis, emoticon, iconic sign, semiotics, cognitive pragmatics, digital discourse, inference

И. В. Тивьяева *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
tivyaeva@yandex.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье предлагается анализ мультимодальной проекции личных воспоминаний в сети Интернет. Рассматриваются вербальные и невербальные средства, используемые для конструирования мнемических нарративов. Автор ставит цель выявить дискурсивно-жанровую и языковую специфику репрезентации личных воспоминаний участников Интернет-коммуникации на пересечении разных модальностей.

Ключевые слова: цифровая память, личные воспоминания, мнемический нарратив, Интернет-коммуникация, мультимодальная проекция

В начале нового столетия человечество вступило в эпоху цифровизации, которая затронула все сферы общественной жизни. Цифровые практики трансформируют не только мир вокруг индивида, но и его личностную сферу, определяя паттерны автокоммуникации и взаимодействия индивида с внешней средой. Цифровой контур, с одной стороны, открывает новые возможности для обмена смыслами, но, с

другой стороны, задает определенные рамки, определяющие формат объективации внутренних переживаний индивида и репрезентации его когнитивных функций, среди которых следует особо выделить память.

В условиях медиатизации и цифровизации коммуникативного пространства манифестация процессов памяти подверглась существенным трансформациям, проявившимся как во внешнем, так и во внутреннем контуре. В настоящем исследовании мы обратимся к мультимодальной проекции индивидуальной памяти в Интернет-коммуникации как к результату воздействия процессов медиатизации и цифровизации на когнитивную сферу индивида и рассмотрим комплекс вербальных и невербальных средств, участвующих в конструировании нарративов памяти в публичном пространстве Интернет-коммуникации.

Современные исследования цифровых практик памяти фокусируются преимущественно на социологических и культурологических аспектах данного феномена [Garde-Hansen et al. 2009; Garde-Hansen 2011; Мерзлякова 2020; Артамонов 2022; Han 2023], тогда как их лингвистические особенности остаются на периферии исследовательского внимания. Вместе с тем именно вербальный компонент является основным в конструировании цифровой автобиографии индивида. В настоящем исследовании проекция индивидуальной памяти в цифровой среде рассматривается в лингвосемиотическом аспекте, охватывающем различные конфигурации вербальных и невербальных элементов, маркирующих цифровые мнемические нарративы [Тивьяева 2020; ЗЯД 2023]. Автор ставит задачу выявить и описать специфику мультимодальной проекции индивидуальной памяти в Интернет-среде как результат трансформации традиционных жанрово-дискурсивных форм репрезентации личных воспоминаний.

По мнению исследователей, цифровизация в сфере коммуникации и в области хранения информации о прошлом опыте трансформируют сущность памяти как когнитивной функции, переводя ее в статус «цифровой памяти» (от англ. Digital Memory) [Garde-Hansen et al. 2009], которая в отличие от памяти традиционной вербализуется посредством комплекса языковых и неязыковых средств, отличных от стереотипных маркеров традиционной памяти. Если вне цифрового контура личные воспоминания репрезентируются в конвенциональных нарративных и монологических формах, то в цифровом пространстве язык служит не просто средством описания опыта прошлого, но и активно участвует в его конструировании, вступая в отношения взаимодополнения и конкуренции с невербальными ресурсами (например, изображениями или аудиозаписями).

Рассмотрим особенности репрезентации личных воспоминаний индивида в цифровой среде на примере проекта Мэра Москвы «Слово солдата Победы» [https://veterany.mos.ru/memories/]. Портал «Слово солдата Победы» был основан в 2021 г. и по состоянию на февраль 2026 г. содержит 2578 воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. На портале проекта размещены личные воспоминания

героев Победы, проживающих в Москве, а также письма военных лет, стихи, статьи и книги о войне, написанные героями проекта. Навигация по материалам проекта осуществляется с помощью системы фильтров, которые позволяют выбрать тип воспоминания – фото, видео, биографию. Иными словами, воспоминания на данном портале, как и на других аналогичных ему ресурсах, объективируются посредством мультимодального мнемического высказывания (монолога или нарратива), структурная организация которого подчиняется не только интенции субъекта воспоминаний, но и техническим возможностям платформы (в нашем случае mos.ru), на которой размещены материалы проекта.

Анализ размещенных на портале записей позволил установить, что конфигурация мультимодального мнемического высказывания имеет следующий вид:

1. Вербальное ядро, представленное текстовым блоком, содержащим описание мнемического опыта героя. Данный элемент является ядерным для мультимодального мнемического высказывания, поскольку несет в себе ключевое содержание личных воспоминаний. В меню навигации данному элементу соответствует тип «биография». Содержательно вербальное ядро является самодостаточным и не нуждается в дополнении или уточнении посредством элементов других модальностей, однако формат платформы и проекта требует унификации представленного контента, в связи с чем вербальное ядро дополняется визуальным и аудиовизуальным компонентами.

2. Визуальный компонент представлен фотографиями субъектов мнемического опыта – современными и времен Великой Отечественной войны – и выполняет доказательную функцию, подтверждая подлинность воспоминания.

3. Аудиовизуальный компонент включает видеозапись процесса вербализации воспоминаний. Так же, как и фотографии, видеозаписи служат свидетельством подлинности реконструируемого опыта прошлого, а также способствуют сокращению дистанции между вспоминающим субъектом и аудиторией.

И визуальный, и аудиовизуальный компоненты связаны с вербальным ядром отношениями дополнения, в рамках которых их основное предназначение состоит в подтверждении подлинности представленных на портале воспоминаний, а также в детализации отдельных положений.

Периферийную позицию в данной конфигурации мультимодального мнемического высказывания занимают метаэлементы: теги родов войск и административных округов Москвы, фактически выполняющие на портале роль хештегов и геолокационных меток соответственно, способствуя таким образом формализации хронотопа описываемых событий. Отметим, что к метаэлементам также было бы возможно отнести эмоджи, если бы они были уместны в рассматриваемых нами контекстах.

Описанная нами базовая конфигурация позволяет говорить о формировании нового жанрового гибрида в Интернет-коммуникации – цифрового мнемического

нарратива. Его специфика определяется свойствами фрагментарности и перформативности. В отличие от классической автобиографии или мемуаров мы имеем дело не с целостным повествованием, а с потоком ситуативных микронарративов, объединенных единой тематикой. Анализ рассматриваемых фрагментов также указывает на смещение акцента с ретроспективного описания событий прошлого на акт воспоминания «здесь и сейчас», ориентированный на активную обратную связь.

Укажем также на платформенную обусловленность реализации цифрового мнемического нарратива. Рассматриваемый нами портал «Слово солдата Победы» не предполагает приглашения к обратной связи в форме лайков или комментариев, а также не допускает формата сторис или хайлайтс, тогда как на других платформах подобные и иные форматы, очевидно, возможны.

Проведенный анализ демонстрирует, что мультимодальная проекция личных воспоминаний в Интернет-коммуникации представляет собой сложный лингвосемиотический процесс, порождающий новый гибридный жанр – цифровой мнемический нарратив, в основе которого лежит конфигурация вербальных средств (ядро), невербальных ресурсов и метаэлементов, находящихся в отношениях взаимного дополнения и смыслопорождения. Язык в данной практике выступает не пассивным маркером процессов памяти, а активным инструментом ее коммуникативного конструирования и публичного утверждения.

Литература

Артамонов Д.С. Медиапамять: теоретический аспект // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4. № 2. С. 65–83.

ЗЯД – Знак, язык и дискурс в динамике и статике / А.Г. Фомин, Ф.Э. Абдуллаева, О.В. Байкова, И.В. Тивьяева и др. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023.

Мерзлякова В.Н. Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 8 (2). С. 289–302.

Слово солдата Победы. Проект Мэра // Истории ветеранов ВОВ – подвиги героев военных лет в период Великой Отечественной войны. URL: https://veterany.mos.ru/memories/ (дата обращения: 12.01.2026).

Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–315.

Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

Garde-Hansen J., Hoskins A., Reading A. Save As… Digital Memories. New-York: Palgrave Macmillan London, 2009.

Han Y. Evolution of mediated memory in the digital age: tracing its path from the 1950s to 2010s // Humanities & Social Sciences Communications. 2023. Vol. 10. No. 1. Art. 603.

I. V. Tivyaeva *(Moscow, Russia)*
Moscow City University

MULTIMODAL PROJECTION OF PERSONAL MEMORIES IN ONLINE COMMUNICATION

This article analyzes the multimodal projection of personal memories on the Internet. It examines the verbal and non-verbal resources employed in the construction of mnemonic narratives. The primary objective is to identify the distinctive discursive, generic, and linguistic features that characterize the representation of personal memories by Internet users, with a specific focus on the interplay of different semiotic modes.

Key words: digital memory, personal recollection, mnemonic narrative, online communication, multimodal projection

М. В. Файбушевский *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
faiboushevski@mail.ru

О ПРЕДМЕТЕ И ОБЪЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

В настоящей работе проанализирован теоретический базис когнитивной терминографии – науки о проектировании специального словаря, учитывающего когнитивные аспекты терминологических единиц. Особое внимание уделено предмету и объекту нового научного направления, сформулированы актуальные определения.

Ключевые слова: термин, концепт, понятие, терминография, терминологический словарь, когнитивная терминография

Формирование когнитивного вектора развития терминоведения оказало существенное влияние и на его теорию, и на практическую терминологическую деятельность. Примером такого влияния является терминография – междисциплинарное направление, основной задачей которого является описание логики создания терминологических словарей.

Очерчивая основные вехи отечественного терминоведения, В.М. Лейчик датирует подготовительный этап развития данной науки началом XVIII вв. до конца XX в., прямо указывая: «от выхода в свет первых терминологических словарей» [Лейчик 2007: 26]. В другой работе терминоведа, посвященной истории терминологической науки (в соавторстве с С.В. Гриневым-Гриневичем), деятельность по составлению специальных словарей отмечается на различных этапах развития терминоведения [Гринев, Лейчик 1999].

Теоретической базой терминографии (называемой ранее также научно-технической лексикографией или терминологической лексикографией) являются не теряющие свою актуальность труды А.С. Герда [Герд 1986], С.В. Гринева-Гриневича [Гринев-Гриневич 2009], А.Я. Шайкевича [Шайкевич 1983], М.Ю. Марчука

[Марчук 1992], З.И. Комаровой [Комарова 2023] и некоторых др. исследователей. Важной ступенью развития терминографии как научного направления, идущего в ногу с техническим прогрессом и интегрирующего в своей практической работе современные достижения науки и техники, представляется выход в свет в 1988 г. сборника научных статей «Теория и практика научно-технической лексикографии» [Убин 1988] и др.

Говоря о когнитивном векторе в терминографии, стоит обратиться к известной позиции В.Б. Касевича, отмечавшего вклад когнитивистов в психолингвистику и утверждавшего, что «когнитивной лингвистики не существует – уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики [Касевич 2013: 36]. Вне всякого сомнения, некогнитивная терминография существует, но данное упрощение может быть актуально в том случае, если четко разделять, условно, лексикографирование терминов специального языка и лексикографирование понятий конкретной понятийной области. Словари концептов, концептуарии – реальные лексикографические издания, однако сложно представить традиционный терминологический словарь, где специальные понятия отделены от обозначающих их специальных единиц.

Примечательно, что впервые название для новой науки прозвучало в работах Ю.Г. Кокориной – исследователя терминосистемы археологии, науки о материальном наследии, то есть преимущественно об артефактах, обозначенных специальным термином и имеющим конкретный реальный предмет, а не понятие в качестве денотата. Ни в коем случае не желая симплифицировать понятийное содержание концептуальной области, реконструкцией и лексикографическим описанием которой занимается ученый, учитывая колоссальный объем работы, проведенный исследователем, необходимо констатировать, что в данном контексте речь также идет о нелинейном понимании логики оязыковления научного и профессионального знания и опыта, познавательных процессов. Лексикограф отмечает: «термин, возглавляющий словарную статью, в словарях, принадлежащих к области когнитивной терминографии, именует логически осмысленный концепт (…) в процессе создания словаря определяется система отношений между концептами, обозначенными терминами. Для того, чтобы сформулировать дефиницию, необходимо учитывать связи концептов между собой» [Кокорина 2011а: 491].

Ю.Г. Кокорина также впервые обозначила основные теоретические положения нового научного направления – когнитивной терминографии, сформировав их в сравнении с логикой традиционных терминографии и лексикографии: предмет когнитивной терминографии – «разработка (…) методологии и конкретных приемов составления словарей логически осмысленных концептов, которые находят свою объективацию в термине», объект – «терминология и терминосистема конкретной науки и области знания» (то есть, как утверждает ученый, совпадает с объектом традиционной терминографии) [Кокорина 2011б: 257–258].

Сформулированные 15 лет назад и логически обоснованные в лексикографической деятельности, ключевые определения предмета и объекта когнитивной

терминографии остаются востребованными и сейчас. Однако стоит заметить, они являются актуальными лишь в контексте словаря-концептуария. Вместе с тем необходимо признать, что специальный словарь концептов (или словарь специальных концептов) – лишь элемент многоаспектного терминологического словаря. Терминография сегодня может быть реализована в русле логики когнитивных акцентов, то есть акцентов на лексикографических параметрах, наиболее полно отражающих когнитивную составляющую: от традиционной для общего терминоведения неразрывной связи термина и понятия, стандартизированности научного знания до концептуальной структуры конкретной тематической области [Файбушевский 2025]. Как справедливо отмечает П.И. Шлейвис: «когнитивная составляющая пронизывает весь комплекс структурно-семантических характеристик терминологических единиц любой сферы деятельности и области знания, так как феномен мышления является унифицированным для каждого индивида, вне зависимости от рода его деятельности» [Шлейвис 2016: 23].

Тривиальный вопрос об объекте и предмете нового научно-практического направления можно свести к двум проблемам: «что лексикографировать?» и «как лексикографировать?», учитывая когнитивный вектор развития терминологической науки [Лейчик 2007; Алимурадов, Лату 2008; Голованова 2013; Новодранова, Манерко 2013; Алексеева, Мишланова 2023; Киселева 2024; Гончарова 2025] и др. Бесспорно убедительной является позиция Н.Н. Болдырева, утверждающего, что «цель любого словаря заключается в отражении результатов познания в той или иной области, то есть реализации одновременно когнитивной и метаязыковой функции языка» [Болдырев 2019: 32].

Таким образом, **предметом** когнитивной терминографии можно назвать формирование лексикографического инструментария для составления специальных словарей, отражающих принцип конструирования логико-понятийной системы конкретной области знания (в том числе сквозь призму конкретной концептуальной области). Соответственно, **объект** – логико-понятийная система конкретной области знания, находящая знаковую объективацию в системе терминов как специальных концептов.

На повестке дня дальнейшая кропотливая работа, заключающаяся в инвентаризации и рационализации наличествующих композиционных элементов специального словаря в логике когнитивной составляющей, актуализации взглядов на формат и объем, источники, этапы проектирования ресурса. Существенный потенциал в вопросе разработки дальнейших механизмов лексикографирования когнитивных аспектов термина видится в целесообразном расширении макро-микрокомпозиции: в зависимости от цели и задач лексикографического издания.

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Когнитивная трансформация терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 122–128.

Алимурадов О.А., Лату М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2 (1). С. 6–13.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип представления знаний в словаре // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 29–39.

Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, 1986.

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 13–17.

Гончарова В.В. Когнитивно-функциональный аспект лексикографического текста // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4 (65). С. 292–297.

Гринев С.В., Лейчик В.М. К истории отечественного терминоведения // Научно-техническая информация. 1999. № 7. С. 1–13.

Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Киселева С.В. Номинативное своеобразие английской терминологии маркетинга в когнитивном аспекте // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе. Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2024. С. 34–43. EDN: KMCSFD

Кокорина Ю.Г. Теоретические проблемы когнитивной терминографии (к постановке проблемы) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011а. № 3 (33). С. 489–492.

Кокорина Ю.Г. Терминосистема концептуальной области «Археология». М.: ЛИБРОКОМ, 2011б.

Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: монография. М.: Флинта, 2023.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI вв. // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сб. научных трудов. Т. 11. Пермь, 2007. С. 26–45.

Марчук Ю.Н. Основы терминографии. М.: МГУ, 1992.

Новодранова В.Ф., Манерко Л.А. Прерванный полет: памяти В.М. Лейчика // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 8–10.

Убин И.И. Автоматический словарь как средство автоматизации лексикографических работ // Теория и практика научно-технической лексикографии: сб. статей. М.: Русский язык, 1988. С. 234–240.

Файбушевский М.В. Лексикографическая реализация когнитивного содержания термина // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 747–751.

Шайкевич А.Я. Проблемы терминологической лексикографии. М.: Издательство Всероссийского центра переводов, 1983.

Шлейвис П.И. Лингвистически релевантные характеристики терминологических единиц // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 4. С. 21–27.

M. V. Faibushevskii *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg State University of Economics

ON THE SUBJECT AND OBJECT OF COGNITIVE TERMINOGRAPHY

This report analyzes the theoretical basis of cognitive terminography – the science of designing specialized vocabulary that considers the cognitive aspects of terminological units. Particular attention is paid to the subject and object of this new scientific field, and relevant definitions are formulated.

Key words: term, concept, notion, terminology, terminological dictionary, cognitive terminography

Е. В. Федоров *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
fevgeniy2405@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОЖНОСТИ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ: НЕЙРОСЕТЕВОЙ АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ TabDPT

В представленном исследовании рассматривается семиотическое и цифровое моделирование лингвистических признаков сложности русскоязычных учебных текстов. Материалом послужили учебники по биологии (Сивоглазов В.И. и др.) и географии (Гладкий Ю.Н., Николина В.В.) 10–11 класса. В качестве метода применен алгоритм машинного обучения TabDPT. Результаты показывают потенциал нейросетевых технологий в семиотическом анализе текста.

Ключевые слова: сложность текста, TabDPT, машинное обучение, семиотическое и цифровое моделирование

В условиях активного развития цифровых и нейросетевых технологий в лингвистике возрастает интерес к формальному анализу сложности учебных текстов на основе количественных признаков. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления объективных лингвистических параметров, позволяющих различать русскоязычные учебные тексты по уровню сложности и обеспечивать их более точную оценку в образовательной практике. Цель работы – выявить лингвистические признаки сложности русскоязычных учебных текстов и использовать их для автоматизированного различения текстов разных уровней с помощью модели TabDPT. В качестве гипотезы выдвигается предположение

о том, что тексты учебников по биологии и географии 10-го и 11-го классов обладают устойчиво различающейся системой лингвистических характеристик, которая может быть выявлена и формализована с помощью нейросетевых методов. Научная новизна исследования заключается в применении transformer-based модели TabDPT к задаче анализа таблично представленных лингвистических признаков текста, что позволяет по-новому рассмотреть структуру текстовой сложности в контексте семиотического и цифрового подходов.

В современной лингвистике анализ сложности текста развивается на пересечении корпусных, когнитивных и вычислительных подходов. Так, в работах А.Н. Лапошиной текстовая сложность рассматривается как совокупность измеряемых лингвистических признаков (лексических, морфологических, частотных), которые могут быть формализованы и использованы в автоматических моделях оценки, включая машинное обучение и корпусные методы [Лапошина 2021: 332]. При этом особое внимание уделяется связи частотности слов и когнитивной нагрузки на читателя, подтверждаемой экспериментальными данными, в частности eye-tracking-исследованиями [Лапошина 2024: 107].

Д.А. Морозов интерпретирует анализ сложности текста как задачу автоматической классификации, где ключевую роль играют наборы признаков и алгоритмы их обработки, позволяющие предсказывать доступность текста для различных аудиторий [Морозов 2025: 867].

М.И. Солнышкина, Д.С. Макнамара и Р.Р. Замалетдинов считают, что современная парадигма дискурсивной комплексологии на этапе искусственного интеллекта, который заключается в использовании как традиционного «параметрического подхода», так и методов машинного обучения для анализа оценки сложности текстов [Солнышкина и др. 2022: 335].

Таким образом, современные исследования демонстрируют сближение лингвистического и алгоритмического подходов, в рамках которого текст рассматривается как структурированная система признаков, поддающаяся как интерпретации, так и формализованному моделированию.

Основные этапы исследования:

1. Сбор и подготовка данных – отбор фрагментов учебников биологии и географии для 10-11-х классов, очистка и нормализация табличных лингвистических признаков.

Материал исследования – 397 фрагментов учебников биологии и географии для 10–11-х классов, каждый объемом примерно 1000 словоформ. Для каждого фрагмента с помощью платформы RuLingva были извлечены количественные лингвистические признаки (лексические, частотные, грамматические), всего 104 признака после очистки и исключения повторяющихся характеристик. Классы текстов представлены почти равномерно: 10-й класс – 199 фрагментов, 11-й класс – 198 фрагментов, что позволяет напрямую сравнивать их сложность.

2. Формирование признакового пространства – отбор, преобразование признаков с использованием Fourier Features и снижение размерности для подготовки к машинному обучению.

3. Применение модели TabDPT – обучение transformer-based алгоритма на подготовленных данных с различными вариантами признаков.

4. Оценка качества моделей – расчет метрик accuracy и F1-score, анализ переобучения и ошибок предсказаний.

5. Интерпретация результатов – выявление значимых лингвистических признаков, оценка различимости текстов по уровню сложности, обсуждение семиотического и когнитивного значения полученных данных.

Проведенное исследование показало, что алгоритм TabDPT способен выявлять различия между фрагментами русскоязычных учебных текстов по биологии и географии, относящихся к 10-му и 11-му классам, однако качество классификации существенно зависит от способа предобработки признакового пространства. Наиболее высокие результаты достигаются при использовании снижения размерности и Fourier features, что свидетельствует о чувствительности TabDPT к структуре входных табличных данных и о необходимости преобразования исходных признаков для выявления нелинейных закономерностей в текстовом материале. В то же время применение «сырых» признаков, а также шумовой аугментации и SMOTE не приводит к улучшению качества, а в ряде случаев снижает его, что указывает на ограниченную устойчивость модели к избыточности, шуму и искусственному перераспределению данных. В целом результаты TabDPT подтверждают наличие в корпусе устойчивых различий между текстами разных классов, но одновременно демонстрируют, что для их надежного выделения требуется тщательная оптимизация признакового пространства и более объемный корпус для снижения риска переобучения (см. табл.).

Таблица. Accuracy TabDPT по вариантам предобработки

№	Конфигурация	Accuracy
1.	Снижение размерности + Fourier	0,775
2.	«Сырые» данные + Fourier	0,775
3.	Снижение размерности	0,75
4.	Отбор признаков	0,70
5.	«Сырые» данные (базовый уровень)	0,575
6.	Шумовая аугментация	0,60

Особый интерес представляет интерпретация наиболее значимых лингвистических признаков, обеспечивающих различение текстов. Анализ вклада признаков показал, что наибольшее значение имеют показатели, связанные с лексической частотностью, средней длиной словоформ, долей редкой и специализированной лексики, а также морфологической и синтаксической сложностью. В частности, тексты 11-го класса характеризуются более высокой долей низкочастотной терминологической лексики, увеличенной средней длиной слов и большей вариативностью грамматических форм, что отражает возрастание когнитивной нагрузки на читателя. Напротив, тексты 10-го класса демонстрируют более высокую частотность общеупотребительной лексики и меньшую структурную сложность. Полученные результаты позволяют рассматривать указанные параметры как ключевые семиотические индикаторы текстовой сложности, формирующие различия между уровнями обучения.

Результаты анализа алгоритмом TabDPT реализуют заявленное в исследовании семиотическое и цифровое моделирование лингвистических признаков сложности русскоязычных учебных текстов.

Семиотический уровень заключается в обнаружении устойчивых структурных различий между знаковыми системами текстов 10-го и 11-го классов – модель фиксирует именно те лингвистические характеристики (лексические, частотные, грамматические), которые выступают семиотическими индикаторами сложности учебных текстов.

Цифровой уровень воплощается в transformer-based архитектуре TabDPT, которая переводит эти семиотические различия в табличное векторное пространство и выявляет нелинейные закономерности через Fourier features. Достигнутая точность классификации 0,775 подтверждает адекватность цифрового представления семиотической структуры сложности текста.

Зависимость TabDPT от предобработки (от англ. Fourier features, снижение размерности) подчеркивает специфику семиотического и цифрового моделирования: качественные семиотические различия текстов требуют количественной оптимизации признакового пространства для перехода к алгоритмической классификации.

Полученные результаты демонстрируют эффективность TabDPT для семиотического и цифрового моделирования лингвистических признаков сложности русскоязычных учебных текстов, подтверждая наличие устойчивых различий между фрагментами 10-го и 11-го классов при условии адекватной предобработки признакового пространства. В перспективе целесообразно расширение корпуса за счет включения текстов других учебных дисциплин и классов, а также разработка интерпретируемых методов анализа важности признаков для выявления доминирующих семиотических маркеров текстовой сложности.

Литература

Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 331–345.

Лапошина А.Н. Единый частотный профиль слова как инструмент отбора лексики в обучении языку // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 3. С. 107–113.

Морозов Д.А., Смаль И.А. Машинное обучение и внутритекстовая разметка для нужд корпусной лингвистики: краткий обзор актуального состояния // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 865–880.

Солнышкина М.И., Макнамара Д., Замалетдинов Р.Р. Обработка естественного языка и изучение сложности дискурса // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 2. С. 317–341.

E. V. Fedorov *(Kazan, Russia)*
Kazan (Volga Region) Federal University

LINGUISTIC FEATURES OF TEXT COMPLEXITY IN EDUCATIONAL MATERIALS: A NEURAL NETWORK ANALYSIS USING TabDPT

The present study examines the semiotic and digital modeling of linguistic features that determine the complexity of Russian-language educational texts. The material consists of biology textbooks (V.I. Sivoglazov et al.) and geography textbooks (Yu.N. Gladkiy, V.V. Nikolina) for grades 10–11. The study employs the TabDPT machine learning algorithm as its primary method. The results demonstrate the potential of neural network technologies for the semiotic analysis of text.

Key words: text complexity, TabDPT, machine learning, semiotic and digital modeling

О. А. Фирсов *(Орел, Россия)*
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
firsow.ol21@gmail.com

ПОЗИЦИОННАЯ АСИММЕТРИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ

В статье рассматриваются особенности интерпретации дискурсивного контекста большими языковыми моделями в условиях увеличения объема входного текста. На материале экспериментального исследования с конфликтующей информацией показано, что расширение контекста приводит к позиционно обусловленному смещению интерпретационного фокуса в сторону более поздних фрагментов текста.

Ключевые слова: большие языковые модели, дискурсивный контекст, интерпретация текста, связность дискурса, когнитивные механизмы

Интенсивное развитие больших языковых моделей, основанных на нейросетевых архитектурах и обученных на масштабных корпусах текстов, существенно повлияло на современные практики обработки естественного языка и актуализи-

ровало ряд теоретических проблем лингвистики. Такие модели уже интегрированы в перевод текстов и образовательные программы, тем самым формируя новую языковую реальность. В то же время функционирование языковых моделей требует переосмысления традиционных представлений о контексте, дискурсе и когнитивных механизмах интерпретации текста. Целью настоящего исследования является анализ особенностей обработки контекста большими языковыми моделями в условиях увеличения объема входного текста. Особое внимание уделяется влиянию размывания контекста на интерпретацию дискурсивно значимой информации и разрешение кореферентных связей.

Категория контекста занимает одно из центральных мест в лингвистике. Именно контекст определяет актуальный смысл слов, позволяет разрешать полисемию, восстанавливать эллипсис и интерпретировать имплицитные послания и иронию [Van Dijk 1977]. В классическом представлении, восходящем к идеям Т. ван Дейка, контекст включает в себя как локальные аспекты (лексико-синтаксическое окружение), так и глобальные (когнитивные модели ситуации общения, фоновое знание участников и т.д.) [Van Dijk 2008].

В социокогнитивной теории Т. ван Дейка контекст понимается не как внешний по отношению к речи набор факторов, а как когнитивная модель ситуации, которую участники коммуникации формируют в сознании и используют для интерпретации дискурса. Когнитивная модель ситуации включает в себя информацию о времени, месте, социальных ролях, целях и намерениях говорящего и слушающего, а также об их релевантных знаниях и ожиданиях [Van Dijk 2008]. Т. ван Дейк подчеркивает, что без учета когнитивных и социально-дискурсивных параметров невозможно адекватно описать функционирование языка в реальной коммуникации [Van Dijk 2014].

В свою очередь, развитие больших языковых моделей требует рассмотрения контекста с точки зрения архитектурных принципов функционирования. Современные языковые модели основаны на архитектуре «трансформер», центральное место в которой занимает механизм самовнимания. Он позволяет модели учитывать зависимости между элементами текста и анализировать всю предшествующую последовательность токенов, то есть минимальных единиц, на которые разбивается входной текст, при генерации каждого следующего элемента [Vaswani 2017].

Языковая модель обрабатывает текст в виде последовательности токенов, каждый из которых представлен вектором в многомерном пространстве. Для учета порядка следования токенов используются позиционные признаки, добавляемые к их векторным представлениям. Важно отметить, что контекстная интерпретация осуществляется в пределах контекстного окна – фиксированного объема токенов, доступных модели на каждом шаге генерации [Brown 2020]. Контекстное окно представляет собой вычислительное ограничение и принципиально отличается от человеческой памяти. Модель не формирует устойчивое когнитивное представление ситуации, а каждый раз заново вычисляет значимость элементов текста на основе

их статистических связей. Вследствие этого при увеличении объема входного текста происходит перераспределение внимания, что может приводить к смещению интерпретации в сторону более поздних фрагментов последовательности [Press 2022].

Одной из ключевых задач интерпретации текста как для человека, так и для языковой модели является установление связей между элементами, отсылающими к одному и тому же референту. Данный языковой механизм, обеспечивающий связность и тематическую целостность дискурса, называется кореферентностью [Halliday 1976]. Кореферентные связи позволяют избегать избыточной номинации и поддерживать актуальность дискурсивного фокуса. Классической теоретической основой анализа кореферентности является теория центрирования, согласно которой каждый фрагмент дискурса организован вокруг дискурсивного центра – наиболее актуального референта, находящегося в фокусе внимания [Grosz 1995].

В современных языковых моделях кореферентность разрешается имплицитно, на основе статистических закономерностей в пределах контекстного окна [Bommasani 2021]. При увеличении объема входного текста и выходе начальных упоминаний за пределы этого окна модель может утрачивать доступ к исходному референту [Khandelwal 2020]. В этом смысле кореферентность выступает индикатором способности модели удерживать и актуализировать дискурсивный центр в условиях размывания контекста.

В рамках настоящего исследования был проведен эксперимент, направленный на анализ влияния объема входного контекста и позиции конфликтующей информации на интерпретацию текста большими языковыми моделями «GPT-5.1», «DeepSeek V3.2» и «ГигаЧат 2.0». В качестве исходного материала использовалась справочная информация о ПАО «Ростелеком», заимствованная из российской интернет-энциклопедии «РУВИКИ» [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Ростелеком]. Экспериментальный текст содержал два взаимоисключающих утверждения о годе основания компании: в начальной позиции указывался 1993 г. (фактические данные), а в финальной – намеренно вводился противоречащий 2003 г. Между этими утверждениями добавлялись фрагменты нейтрального описательного текста объемом 50, 100 и 200 предложений, заимствованных из «РУВИКИ», что позволяло варьировать дистанцию между конфликтующими данными при сохранении тематической однородности.

После предъявления полного текста модели задавался вопрос о годе основания компании. Для каждой конфигурации проводилось 100 независимых запусков с идентичной формулировкой запроса. Фиксировались ответы, указывающие на 1993 г., 2003 г., либо на наличие противоречия. Такая постановка эксперимента позволила оценить устойчивость удержания дискурсивно значимой информации в условиях размывания контекста. Количественные результаты эксперимента представлены в таблицах 1–3, где для каждой языковой модели показано распределение типов ответов при различном объеме промежуточного контекста.

Таблица 1. Распределение ответов модели «GPT-5.1» в зависимости от объема входного контекста

Условия/Ответ	1993 г.	2003 г.	Противоречие
Без дополнительного контекста	37	7	56
+50 предложений	18	55	27
+100 предложений	11	66	23
+200 предложений	17	80	3

Таблица 2. Распределение ответов модели «DeepSeek V3.2» в зависимости от объема входного контекста

Условия/Ответ	1993 г.	2003 г.	Противоречие
Без дополнительного контекста	1	5	94
+50 предложений	5	5	90
+100 предложений	2	15	83
+200 предложений	2	30	68

Таблица 3. Распределение ответов модели «ГигаЧат 2.0» в зависимости от объема входного контекста

Условия/Ответ	1993 г.	2003 г.	Противоречие
Без дополнительного контекста	43	0	57
+50 предложений	25	1	74
+100 предложений	20	3	77
+200 предложений	19	23	58

Полученные результаты подтверждают исходный тезис исследования: по мере увеличения объема входного текста рассмотренные языковые модели демонстрируют систематическое смещение интерпретационного фокуса в сторону более поздних фрагментов контекста. Во всех трех моделях наблюдается рост доли ответов, ориентированных на вторичное, конфликтующее утверждение (2003 г.), сопровождающийся снижением внимания к первичному упоминанию (1993 г.).

Наиболее выраженный эффект выявлен у модели «GPT-5.1», которая при увеличении объема промежуточного текста демонстрирует резкий сдвиг в пользу позднего контекста и одновременное снижение неопределенности, что указывает на эффект ложной уверенности. Модель «DeepSeek V3.2», напротив, сохраняет высокую долю указаний на противоречие во всех условиях, хотя и в ее поведении фиксируется постепенный рост влияния позднего контекста. Модель «ГигаЧат 2.0» демонстрирует нелинейную, пороговую реакцию: до определенного объема текста преобладает стратегия сомнения, однако при максимальном расширении контекста происходит заметное смещение в пользу вторичного утверждения.

В совокупности результаты свидетельствуют о том, что в больших языковых моделях контекст функционирует как динамически взвешенная последовательность, а не как нейтральное хранилище информации, и что увеличение его объема приводит не к более полному учету данных, а к перераспределению внимания внутри контекста.

Литература

Bommasani R. et al. On the Opportunities and Risks of Foundation Models. Stanford: Stanford Center for Research on Foundation Models, 2021.

Brown T. et al. Language Models are Few-Shot Learners // Advances in Neural Information Processing Systems (NeurIPS). 2020. Vol. 33. P. 1877–1901.

Grosz B.J., Joshi A.K., Weinstein S. Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse // Computational Linguistics. Vol. 21. № 2. 1995. P. 203–225.

Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.

Khandelwal U. et al. Generalization through Memorization: Nearest Neighbor Language Models // Proceedings of the International Conference on Learning Representations (ICLR), 2020.

Press O., Smith N.A., Lewis, M. Train Short, Test Long: Attention with Linear Biases Enables Input Length Extrapolation // Proceedings of the International Conference on Learning Representations (ICLR), 2022.

Van Dijk T.A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman, 1977.

Van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Van Dijk T.A. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Vaswani A. et al. Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems 30: Annual Conference on Neural Information Processing Systems, 4-9 December 2017. Long Beach, 2017. P. 5998–6008.

РУВИКИ. Ростелеком. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Ростелеком (дата обращения: 12.01.2026).

O. A. Firsov *(Orel, Russia)*
I. S. Turgenev Orel State University

POSITIONAL ASYMMETRY OF DISCURSIVE INFORMATION IN TEXT INTERPRETATION BY LARGE LANGUAGE MODELS

The article examines the mechanisms of discourse context interpretation in large language models under conditions of increasing input length. Based on an experimental study involving conflicting information, it is shown that context expansion leads to a positionally conditioned shift of the interpretive focus toward later segments of the text.

Key words: large language models, discourse context, text interpretation, discourse coherence, cognitive mechanisms

Р. Б. Хакимова, А. В. Уразметова *(Уфа, Россия)*
Уфимский университет науки и технологий
ralina.sun@yandex.ru, urazmetova82@mail.ru

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДОМЕНОВ БЬЮТИ-СФЕРЫ ЛОНДОНА: ДОМИНАНТА МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

Исследуются лингвокогнитивные механизмы формирования 119 доменных имен в бьюти-индустрии Лондона. Анализируется трансформация домена из технического адреса в когнитивный конструкт, подчеркивается медицинский уклон номинаций как фактор легитимации бизнеса в цифровой среде.

Ключевые слова: доменное имя, когнитивная лингвистика, медицинский дискурс, интернет-ономастика, концептуализация, Лондон

В условиях тотальной цифровизации коммуникативных процессов лингвистический ландшафт современного мегаполиса претерпевает существенные изменения. Традиционные способы репрезентации коммерческих объектов в физическом пространстве дополняются и зачастую замещаются их виртуальными проекциями. В этом контексте доменное имя перестает интерпретироваться как сугубо технический идентификатор (URL-адрес) и наделяется статусом автономной ономастической единицы, выполняющую сложную семиотическую функцию [Суперанская 1973: 31]. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа механизмов «сжатия» смыслов и формирования первичного брендингового имиджа, ориентированного на доверие и высокие социальные статусы, в условиях ограниченного графического пространства домена.

Теоретико-методологическая база исследования основывается на принципах когнитивной лингвистики, где язык рассматривается как когнитивная способность, позволяющая фиксировать и структурировать результаты познавательной деятельности [Болдырев 2006: 7]. Выбор номинации для интернет-ресурса признается не случайным актом, а результатом намеренной концептуализации объекта в рамках определенной системы координат. При изучении бьюти-дискурса Лондона подчеркивается, что языковые единицы, интегрированные в доменное имя, служат средством доступа к концептуальной системе реципиента, активируя в его сознании специфические блоки знаний о безопасности, экспертности и престиже [Шафиков 2007: 4].

Анализ 119 доменных имен лондонских клиник позволяет выявить четкую структурную зависимость: стремление к лингвистической экономии, которое обусловлено спецификой интернет-коммуникации [Crystal 2006: 18], и необходимостью трансляции научного авторитета. Ведущей моделью формирования номинаций выступает композиция (сложение основ), охватывающая более 60% материала. Однако критическое осмысление семантики таких единиц, как *aesthetic-solutions.co.uk* или *skinspaceuk.com*, показывает, что выбор компонентов продиктован стрем-

лением перевести деятельность из разряда бытовых услуг в плоскость научно обоснованных манипуляций.

Логическим продолжением процесса придания номинациям научно-экспертного характера становится использование сложных структурных моделей, среди которых особое место занимают композиты и гибридные образования [Мурясов, Сакаева 2024: 102]. В таких примерах, как *dermaesthetics.uk* или *beautifiller.com*, наблюдается когнитивная интеграция: фрагменты основ *dermo-*, *aesthetic-*, *filler* образуют новые смысловые гибриды. С лингвистической точки зрения это оценивается как создание эффекта «смыслового резонанса», характерного для продуктивных моделей сложных слов в современной ономастической системе. Подобные структуры воспринимаются аудиторией как полноценные медицинские термины, что позволяет бренду дистанцироваться от конкурентов, использующих чисто эмоциональные или описательные названия. Таким образом, коммерческая прагматика успешно маскируется под научно-экспертный дискурс, формируя в сознании потребителя установку на безопасность процедуры.

Структурная сложность доменного имени часто дополняется локативными маркерами, что свидетельствует о значимости географической привязки даже в детерриториализованном пространстве интернета. Топонимы в данном контексте рассматриваются как инструменты вторичной номинации, позволяющие переносить престиж физической локации на цифровой образ клиники [Уразметова 2022: 91].

В ходе исследования отмечается, что в условиях Лондона топонимический компонент выполняет функцию «цифрового сертификата качества». Особая когнитивная нагрузка ложится на использование названий элитарных районов и улиц. Доминирование в выборке годонима *Harley Street* (*harleystreetclinic.com*) не является случайным. В лингвокультурологическом аспекте данная локация ассоциируется с мировым центром частной медицины высшего уровня. Включение этого топонима в домен превращает ономастическую единицу в мощный суггестивный инструмент: потребителю предлагается не просто услуга, а причастность к определенному социальному слою и стандартам британской медицины. Таким образом, через топоним реализуется концептуальная оппозиция «центр (престиж) – периферия», где доменное имя выступает гарантом легитимности бизнеса.

Важным аспектом когнитивного моделирования бьюти-доменов в ономастическом пространстве Лондона является процесс персонификации бизнеса, выражающийся во включении полных или частичных антропонимов в структуру URL-адреса. В исследуемом материале выявляется устойчивая тенденция к использованию жестких формул «профессиональный титул + имя/фамилия», таких как *drdarrenmckeown.com*, *drritarakus.com* или *drleah.co.uk*. Подобная стратегия номинации рассматривается как переход от коллективной ответственности организации к персональной ответственности конкретного субъекта, что критически важно для рынков с высокой степенью дескриптивного риска.

С позиции когнитивной лингвистики титул *Dr* интерпретируется не просто как сокращение, а как мощный когнитивный триггер, обеспечивающий мгновенный доступ к фрейму «Медицина» и сопутствующим ему концептам «Научность», «Безопасность» и «Легитимность» [Болдырев 2006: 12]. В сознании реципиента происходит автоматическая категоризация объекта: предприятие перемещается из категории бытового сервиса в категорию клинической практики. Так, доменное имя начинает выполнять фильтрующую функцию, отсекая ассоциации с неквалифицированным вмешательством.

Более того, использование личного имени специалиста в качестве уникального сетевого идентификатора способствует трансформации антропонима в рекламное имя или прагмоним [Крюкова 2004: 18]. В этом случае имя собственное перестает выполнять исключительно идентифицирующую функцию и начинает аккумулировать добавочные смыслы: «уникальная методика», «авторский подход», «эксклюзивность». В условиях лондонского рынка, где традиция частной практики имеет глубокие исторические корни, антропоним в домене становится символом преемственности и высокого социального статуса.

Особое внимание в разделе уделяется механизму минимизации когнитивного диссонанса. При выборе инвазивных косметических процедур потребитель неизбежно сталкивается с конфликтом между стремлением к эстетическому результату и страхом перед физическим вредом. Персонализированный домен позволяет разрешить этот конфликт, подменяя абстрактное доверие к бренду конкретным межличностным доверием. Гарантом качества в данной семиотической модели выступает не анонимное юридическое лицо, а медийный профессионал с верифицированным статусом. Это переводит коммуникацию из сугубо коммерческой плоскости в психологическую плоскость отношений «врач – пациент», где доменное имя служит первичным контрактом о безопасности и экспертном превосходстве.

Проведенный многоаспектный анализ подтверждает гипотезу о доминировании медицинского уклона в цифровом нейминге лондонской бьюти-сферы. Доменное имя в данном дискурсе функционирует как сверхплотный «квант знания», аккумулирующий технические параметры и глубокие культурные коды. Было выявлено, что наиболее эффективные номинации строятся на балансе между рациональными маркерами экспертности (*clinic, dr, dermo*) и эмоциональными концептами преображения. Однако именно медицинская составляющая признается фундаментом, обеспечивающим конкурентоспособность бренда в глобальной сети. Перспективы дальнейшего изучения проблемы видятся в сопоставлении выявленных стратегий с цифровыми ономастическими системами других мировых столиц, что позволит определить универсальные закономерности эволюции интернет-номинаций.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 5–22.

Мурясов Р.З., Сакаева Л.Р. Словообразовательная структура топонимов в разноструктурных языках // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. № 3. С. 101–107.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

Уразметова А.В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация. СПб.: Сциентиа, 2022.

Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

R. B. Khakimova, A. V. Urazmetova *(Ufa, Russia)*
Ufa University of Science and Technology

COGNITIVE-SEMIOTIC MODELING OF BEAUTY DOMAINS IN LONDON: THE CONCEPTUAL DOMINANCE OF MEDICAL DISCOURSE

The article examines the linguo-cognitive mechanisms behind 119 domain names in London's beauty industry. It analyzes the transformation of a domain from a technical address into a cognitive construct, emphasizing the medical bias of nominations as a factor for business legitimation in the digital environment.

Key words: domain name, cognitive linguistics, conceptualization, medical discourse, internet onomastics, London

Цзя Цянь *(Тяньцзинь, Китай)*
Институт иностранных языков Тяньцзиньского педагогического университета
jiaqian1989@yeah.net

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РУССКИХ ГЛАГОЛОВ-СИНОНИМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ИСПОЛЬЗОВАТЬ'

В статье рассматриваются русские глаголы-синонимы с общим значением «использовать» на материале корпусного исследования, выполненного в русле метода Behavioral Profile. Иерархическая кластеризация и корреспондентный анализ позволили выявить три функционально-семантические зоны: стратегическое обращение к средству, технически-результативное использование и ядро общеупотребительных глаголов.

Ключевые слова: русские глаголы-синонимы, семантика, Behavioral Profile, кластерный анализ, корреспондентный анализ, корпусная лингвистика

Синонимия относится к числу наиболее сложных явлений лексической семантики, поскольку частичное совпадение значения почти всегда сочетается с различиями в сочетаемости, грамматическом поведении и прагматическом распределении слов [Апресян 1995: 216–248; Брагина 1986: 5–18]. Для практики перевода и преподавания русского языка как иностранного особенно важны случаи, когда словарная дефиниция передает только общее значение, но не показывает, в каких контекстах говорящий выбирает одну единицу, а не другую. Именно поэтому корпусные методы, позволяющие соотносить значение с реальным употреблением, в последние годы занимают все более заметное место в исследованиях синонимии.

Одним из наиболее продуктивных количественных подходов стала методика Behavioral Profile (далее – BP), разработанная в русле корпусной когнитивной семантики. Ее базовая логика состоит в том, что значение слова описывается через устойчивый набор формальных, семантических и прагматических признаков, сопровождающих его в реальном употреблении [Gries 2010: 323–346; Gries, Divjak 2009: 57–75]. Такой подход позволяет не ограничиваться интуитивным толкованием, а выявлять сходство и различия между близкими единицами при помощи статистических процедур. Для русского языка BP-подход уже доказал свою эвристическую ценность в анализе близкозначных глаголов, однако целый ряд лексико-семантических групп до сих пор описан лишь фрагментарно [Divjak 2006: 19–56].

Настоящая работа посвящена группе русских глаголов с широким значением ‘использовать’: *использовать*, *пользоваться*, *употреблять*, *применять*, *прибегать*, *эксплуатировать и утилизировать*. Эти единицы объединяются общей идеей обращения к предмету, средству или ресурсу, но различаются по типу объекта, грамматическому оформлению и коммуникативной установке. Ср.: *пользоваться инструментом*, *использовать потенциал*, *применять метод*, *употреблять алкоголь*, *прибегать к помощи*, *эксплуатировать оборудование*, *утилизировать отходы*. Цель исследования – на корпусном материале установить внутреннюю структуру данной группы, выявить наиболее близкие пары и описать параметры, по которым глаголы систематически расходятся.

Материал и методика

Источником материала стал Национальный корпус русского языка – репрезентативная база современных и исторических текстов, широко используемая в лексико-семантических и синтаксических исследованиях. На первом этапе для каждого глагола были извлечены корпусные контексты, после чего материал прошел ручную очистку: из выборки исключались повторы, контексты с ошибочной разметкой, усеченные примеры и случаи, не реализующие значение использования.

На втором этапе для каждого контекста была выполнена ручная аннотация по трем блокам признаков: морфологическому, синтаксико-прагматическому и семантическому. Всего было задействовано 61 кодировочное значение. Морфологический блок включал вид, наклонение и время; синтаксико-прагматический –

тип предложения, наличие отрицания, характер дополнения, позицию глагола в главной или зависимой части, сопряженность с наречиями и союзами; семантический – тип объекта, наличие целевой, причинной, пространственной, темпоральной и инструментальной семантики. Межкодировочное согласие оказалось высоким ($\kappa = 0{,}87$), что позволяет считать аннотацию надежной.

Далее была построена матрица «глагол × признак», где абсолютные частоты были преобразованы в относительные показатели. Для выявления степени близости между глаголами использовалась иерархическая кластеризация с евклидовой метрикой и методом average linkage. Затем применялся корреспондентный анализ, который позволил перенести многомерные данные в двумерное пространство и визуализировать распределение глаголов и признаков. Такой комбинированный дизайн дает возможность, с одной стороны, увидеть крупные зоны сходства, а с другой – установить, какие именно параметры обеспечивают наблюдаемое расхождение [Levshina 2015; Solnyshkina et al. 2024: 501–517].

Результаты

Кластерный анализ показал, что внутри рассматриваемой группы можно выделить три основных сегмента. Первый сегмент образует глагол прибегать, который резко отделяется от остальных единиц. Его специфика связана с тем, что он обозначает не просто использование объекта, а обращение к средству, способу или помощи в ситуации выбора стратегии: *прибегать к помощи*, *прибегать к крайним мерам*, *прибегать к этому способу*. Поэтому для него типичны косвенное дополнение с предлогом к, семантика цели и ситуации, где говорящий подчеркивает необходимость или мотивированность действия.

Второй сегмент составляют *эксплуатировать* и *утилизировать*. Эти глаголы тяготеют к техническому и институциональному дискурсу, чаще сочетаются с конкретными объектами материального мира и ориентированы на результат. Для *эксплуатировать* наиболее характерны контексты, связанные с оборудованием, механизмами, природными ресурсами и инфраструктурой; *утилизировать*, напротив, привязан к обработке и удалению отходов, то есть к вторичному обращению с уже использованным материалом. Их объединяет высокая предметность объекта, тенденция к прямому дополнению и выраженная результативность ситуации. Именно поэтому они занимают периферийную, но внутренне связанную зону внутри общего семантического поля.

Третий, наиболее плотный сегмент включает *использовать, пользоваться*, *употреблять и применять*. Внутри этого блока наиболее близкими оказались *употреблять* и *применять*: оба глагола обнаруживают устойчивую связь с повторяющимися, нормированными или специализированными способами действия, хотя сферы их предпочтения различны. *Применять* чаще выступает в научном, профессиональном и нормативном дискурсе, сочетается с методами, принципами, технологиями и нередко реализуется в пассивных конструкциях: *метод применяется*, *технология*

применяется, *правило применяется*. *Употреблять*, напротив, более тесно связано с веществами, пищей, напитками, языковыми единицами и контекстами причины: *употреблять лекарство*, *употреблять термин*, *употреблять алкоголь из-за стресса*.

Глаголы *использовать* и *пользоваться* также входят в ядро ряда, но занимают в нем разные позиции. *Использовать* наиболее универсален: он легко присоединяет как конкретные, так и абстрактные объекты, свободно входит в научный, публицистический и официально-деловой дискурс и часто маркирует целенаправленное обращение к ресурсу: *использовать данные*, *использовать возможность*, *использовать потенциал*. *Пользоваться*, напротив, сохраняет более выраженную инструментально-прагматическую перспективу и чаще описывает регулярное или ситуативное обращение к средству, сервису, устройству либо праву: *пользоваться словарем*, *пользоваться поддержкой*, *пользоваться уважением*. Для него особенно типично косвенное или предложное оформление объекта и оттенок практической «опоры» на средство.

Корреспондентный анализ уточнил картину, полученную на этапе кластеризации. Глаголы *использовать* и *утилизировать* оказались связаны с результативными и техническими контекстами, где сильны признаки завершенности действия, целевой направленности и предметного объекта. *Пользоваться* и *прибегать*, напротив, тяготеют к зоне незавершенности, повторяемости и непрямого оформления объекта: именно здесь особенно заметны стратегии, инструменты, способы и формы обращения к внешнему ресурсу. *Употреблять* и *применять* занимают более центральную позицию, что подтверждает их высокую адаптивность к разным синтаксическим схемам.

Полученные результаты помогают уточнить описание синонимии в учебной и лексикографической практике. Для изучающих русский язык как иностранный различия между *использовать, применять* и *пользоваться* нередко остаются «скрытыми», поскольку в переводных словарях они передаются одним и тем же эквивалентом. Между тем корпусные данные показывают, что выбор глагола зависит от типа объекта, вида действия и дискурсивной установки. Построенный профиль может служить основой для задач автоматической обработки текста: семантической разметки, дизамбигуации и моделирования лексической сочетаемости, поскольку BP-подход формализует именно те параметры, которые носители языка учитывают при выборе слова.

Заключение. Методологически работа подтверждает продуктивность Behavioral Profile для исследования русской лексики. Сочетание ручной аннотации, относительных частот, кластеризации и корреспондентного анализа позволяет перейти от интуитивного описания к воспроизводимой модели, пригодной как для теоретических, так и для прикладных задач. Перспективу дальнейшей работы составляют расширение корпуса, учет жанровых и диахронических переменных, а также сопоставление полученных распределений с экспериментальными данными о восприятии синонимов носителями и изучающими русский язык.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 216–248.

Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М.: Наука, 1986.

Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 12.01.2026).

Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970.

Divjak D. Ways of intending: Delineating and structuring near-synonyms // Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus-Based Approaches to Syntax and Lexis, S.Th. Gries, A. Stefanowitsch (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 19–56.

Gries S. Th. Behavioral profiles: A fine-grained and quantitative approach in corpus-based lexical semantics // The Mental Lexicon. 2010. Vol. 5. No. 3. P. 323–346.

Gries S. Th., Divjak D. Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis // New Directions in Cognitive Linguistics, V. Evans, S. Pourcel (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 57–75.

Gries S. Th., Otani N. Behavioral profiles: A corpus-based perspective on synonymy and antonymy // ICAME Journal. 2010. No. 34. P. 121–150.

Levshina N. How to Do Linguistics with R: Data Exploration and Statistical Analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015.

Solnyshkina M.I., Solovyev V.D., Ebzeeva Y.N. Approaches and tools for Russian text linguistic profiling // Russian Language Studies. 2024. Vol. 22. No. 4. P. 501–517.

Jia Qian *(Tianjin, China)*
Institute of Foreign Languages, Tianjin Normal University

QUANTITATIVE STUDY OF THE BEHAVIORAL FEATURES OF RUSSIAN NEAR-SYNONYMOUS VERBS WITH THE MEANING OF “USE”

This paper examines Russian near-synonymous verbs expressing the broad meaning of “use” based on a corpus-driven Behavioral Profile approach. The study draws on the Russian National Corpus and several thousand filtered contexts annotated for 61 morphological, syntactic-pragmatic, and semantic features. Hierarchical clustering and correspondence analysis reveal three main zones within the synonym set: resorptive use, technical/resultative use, and the core cluster of general-use verbs.

Key words: Russian near-synonymous verbs, semantics, Behavioral Profile, cluster analysis, correspondence analysis, corpus linguistics

Е. А. Юрьева *(Москва, Россия)*
Российский государственный социальный университет
eaurieva@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена обсуждению вопросов, связанных с изменениями, происходящими в современном языке под влиянием цифрового развития общества. Цель статьи – описать характер происходящих процессов в языке, выявить положительные и отрицательные аспекты исследуемых процессов, а также описать вызовы и перспективы формирования языка в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: язык, цифровое общество, цифровые технологии, цифровая среда, языковое цифровое общество

Философ и публицист Томас Фридман сказал: «Миру будет все меньше дела до того, какими знаниями вы обладаете, ведь все можно найти в Google. Важнее будет, что вы делаете с вашими знаниями потом». Слова Фридмана характеризуют современное отношение к обучению, но сказанное также актуально в отношении языка, который формировался веками, а сейчас стремительно изменяется под влиянием цифрового пространства. Сохранить ли цифровая среда сложившиеся в истории человечества формы коммуникации? Несут ли цифровые технологии угрозу утраты языка как формы, средства нашего общения, обладающего заложенными веками возможностями? На эти вопросы пытаются ответить специалисты в области цифровой лингвистики, психолингвистики, социологии, когнитивной лингвистики и других смежных наук.

Чтобы приблизится к пониманию обсуждаемого круга вопросов, обратимся к следующим общепринятым определениям языка: «Язык – это система фонетических, лексических и грамматических средств, которая является орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служит важнейшим средством общения людей [Розенталь 1985]. «Язык – исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [Ожегов 2024].

С философской точки зрения язык рассматривается как система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения, а философия языка изучает язык с точки зрения его сущности, происхождения и выполнения им функций в человеческом обществе, в развитии культуры.

Даже этих определений достаточно, чтобы выделить основные характеристики и назначение языка. Язык – это не просто средство общения, но и фундамент национальной идентичности. Язык обладает социальным престижем, связывает поколения, помогает сохранить культурное наследие и национально-духовную идентичность. В языке заложены история и традиции человечества.

Век цифровых технологий значительно повлиял на перечисленные выше свойства и функции языка, т.к. изменились не только способы коммуникации, но и произошли трансформации письменной и устной видов речевой деятельности.

Развитие цифровых технологий и интернета привели к цифровой глобализации. Глобальная цифровизация каждый день приносит человечеству новые испытания и сталкивает с нестандартными задачами, которые необходимо мгновенно решать. Цифровые технологии ведут человека в онлайн-пространство и становятся инструментами, которые интегрируются во все аспекты и сферы повседневной жизни человека, тем самым меняют его отношение и восприятие текущих и исторических событий.

Цифровая среда создает новое языковое цифровое общество. Цифровое общество характеризуется широким использованием цифровых технологий в различных аспектах повседневной жизни и деятельности человека. Основными характеристиками являются: широкий доступ к интернету, цифровая экономика, электронное образование, цифровое здравоохранение, цифровое правительство, т.е. предоставление государственных услуг через цифровые платформы. Формирование цифрового общества несет не только преимущества, а также данный процесс сопровождается рисками и вызовами: цифровое неравенство, кибербезопасность, этические вопросы цивилизации и другие. Но в рамках данной статьи рассматривается, на наш взгляд, одна из актуальных проблем, которая связана с изменениями в языке под влиянием цифровой среды.

Отличительной чертой формирующегося цифрового общества являются изменения, происходящие в системе языка. Появляется особый вид текстов, наполненный новыми языковыми средствами и специфической модальностью общения. Под влиянием цифровой среды образуются неологизмы, сокращения, уникальные формы выражения мыслей, к которым, например, относится интернет-сленг, возникший как средство неформального общения в интернет-сети, который на этапе цифрового развития активно интегрируется в повседневный язык и становится частью активного словаря. В качестве примера можно взять термин «*бот*», от которого образован глагол *ботать* – взаимодействовать с ботами или автоматизированными системами, в современном русском языке данный глагол используется подростками в значение ‘искать информацию’ – *Я ботаю в чате*.

Еще одним примером влияния цифровой среды на расширение разговорного языка является слово *флейм/флеймить* (от англ. *Flame*) – значение термина в компьютерном дискурсе: онлайн-агрессия, конфликт. *Не нужно флеймить в комментариях!*, т.е. ‘нет необходимости проявлять агрессию’.

Цифровая коммуникация не только отражается на лексическом составе языка, но и на синтаксисе. В современном русском и других языках становится нормой использовать упрощенные синтаксические конструкции предложений и короткие фразы. Например, в русском языке типичными в интернет-общении становятся предложения, которые характеризуются отсутствием подлежащего/сказуемого

или опусканием субъекта и временных форм: «Понял», «Супер!», «Где ссылка?», «Ждем». В английском языке распространены предложения: “Need help?”, “Going home?” – особенность подобных предложений – пропуск вспомогательного глагола.

Таким образом, цифровая среда стимулирует языковые инновации, обусловленные потребностями нового типа коммуникации, техническими ограничениями и креативностью пользователей. Новые лексические единицы и формы выражения возникают для обозначения новых реалий, передачи эмоций и установления социальной идентичности. Но восприятие языковых изменений неоднозначно среди носителей языка. Молодое поколение, активно использующее интернет и социальные сети, более терпимо относится к языковым инновациям и часто рассматривает их как естественное развитие языка. Представители старшего поколения, как правило, проявляют большую консервативность и выражают обеспокоенность по поводу снижения уровня языковой культуры и засорения языка ненормативной лексикой и ошибками, грамматического порядка. Специалисты в области языка также обращают внимание на проблемы, связанные с изменением статуса языка в условиях цифровизации. К ним относятся: размывание языковых форм (одинаковые слова используются в текстах разной стилевой и жанровой направленности); снижение грамотности (использование интернет статей или словарей, в которых присутствуют орфографические или грамматические ошибки); поверхностность речи (неумение сформулировать мысль, поэтому используется картинка или короткое сленговое слово).

Последняя проблема свидетельствует о том, что цифровые технологии изменяют коммуникативную и социальную системы. Мышление человечества подвергается унификации и клиппированности, что ведет к стремительному упрощению и деградации языка, таким образом формируется новая цифровая культура, которая вызывает неоднозначное отношение со стороны общества и ученых.

Слово, как одна из основных структурных единиц языка, которая служит для именования предметов, называния их качеств и характеристик, а также является строительным материалом для выражения мысли – «умирает». Цифровизация мысли ведет к потере многообразия значений, происходит «стирание» у человека способности формулировать свои мысли. Языковой текст воспринимается как контекст, в котором есть информация и пост, но совсем отсутствует мысль. Интенсивное развитие технологий привело к тому, что взаимное общение ныне живущих людей происходит только через социальные сети, мессенджеры и приложения с помощью гаджетов и девайсов, даже при нахождении в одном пространстве. Применение сокращений текстов, вплоть до перехода на передачу и восприятие информации путем стикеров, эмоджи, резкое сокращение чтения художественной литературы в традиционном «бумажном» виде серьезно повлияли как на механизм восприятия и усвоения информации, получаемой вербальным путем, так и на умение устного изложения своих мыслей. Все это стало предпосылкой развития клипового мышления, которое характеризуется неспособностью человека длительное

время сосредотачиваться на информации, тем самым снижается способность к анализу и формулированию мысли.

Подводя итог, необходимо отметить, что язык в условиях развития цифрового общества сталкивается с негативными последствиями и вызовами социального, культурного и лингвистического порядков. К вызовам, с которыми сталкивается язык в условиях цифровизации общества, можно отнести: появление новых способов оформления речи, мысли, которые часто противоречат устоявшимся, общепринятым языковым нормам, распространение интернет-сленга, использование иностранных слов, риск утраты языковой культуры, при которой снижается грамотность, происходит рост орфографических и пунктуационных ошибок, уменьшение словарного запаса и грамматической точности для упрощения использования средств языка с целью экономии времени и для простоты восприятия текста.

Но, несмотря на вышеперечисленные факты, отмечаются положительные тенденции и перспективы цифровизации общества для языка. Во-первых, развитие и усовершенствование языковых технологий и сервисов, позволят пользователям более эффективно использовать язык в интернет-пространстве и облегчат межкультурное общение. Во-вторых, не все языковые инновации негативно влияют на развитие языка. Новые лексические единицы и формы выражения могут появляться для обозначения новых реалий, передачи эмоций и установления социальной идентичности.

Литература

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2024.

E. A. Yurieva *(Moscow, Russia)*
Russian State Social University

LANGUAGE FORMATION IN A DIGITAL SOCIETY: CHALLENGES AND PROSPECTS

The article is devoted to the discussion of the issues related to the changes taking place in the modern language under the influence of the digital development of society. The purpose of the article is to describe the nature of the ongoing processes in the language, to identify the positive and negative aspects of the processes under study, as well as to describe the challenges and prospects of language formation in a digital society.

Key words: language, digital society, digital technologies, digital environment, linguistic digital society

Т. В. Бурдаева *(Самара, Россия)*
Приволжский государственный университет путей сообщения
t-burdaeva@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье речь идет о когнитивном потенциале сложноподчиненного предложения в немецком научно-публицистическом дискурсе. В ходе анализа была установлена взаимосвязь между различными видами эмоций и языковыми средствами их выражения, что позволило обосновать статус сложноподчиненного предложения как когнитивно-эмотивного ресурса немецкого научно-публицистического дискурса.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, эмоциональность, научно-публицистический текст, немецкий язык

Исследование эмоциональности сложноподчиненного предложения (далее СПП) при его функционировании в немецком научно-публицистическом дискурсе (далее НПД) с позиций когнитивной лингвистики представляется весьма актуальным в силу ряда взаимосвязанных факторов, определяемых современными тенденциями в науке, обществе и коммуникации.

Во-первых, эмоциональный потенциал СПП остается недостаточно изученным, поскольку при анализе эмоциональности в существующих работах часто фокус смещается на лексику, фразеологию или тропы, либо исследуются отдельные категории синтаксиса [Александрова 1984; Гончарова 1999; Кострова 2004], а синтаксический уровень, в частности СПП, остается в этом отношении периферийным. Однако, именно на синтаксическом уровне формируется основа мысли и устанавливаются логико-смысловые взаимосвязи. СПП выступает здесь основным средством для выделения значимых смыслов и эмоциональных оттенков, регуляции читательского внимания и выражения сложных логических отношений. Благодаря когнитивному подходу появляется возможность преодолеть рамки формального описания структур, сосредоточившись на том, каким образом эти структуры участвуют в отражении и организации ментальных процессов как автора, так и читателя [Лангакер 1992].

Во-вторых, сегодня все более востребованными становятся «гибридные» форматы дискурсов, которые призваны не только информировать, но и убеждать, целенаправленно воздействовать на аудиторию. НПД, ориентированный на массовую, но зачастую непрофильную аудиторию (посредством медиа, научно-популярные издания, онлайн-платформы), превращается в основной проводник научного знания. Результативность такого дискурса во многом определяется тем, насколько успешно

автору удается соединить логику научного дискурса с выразительностью и понятностью, свойственными публицистике.

Вышесказанное определяет цель исследования – анализ функционально-прагматического потенциала СПП в немецком научно-публицистическом дискурсе с позиции когнитивного подхода. В задачи исследования входит определение видов эмоций в СПП и выявление средств эмоциональной окрашенности, способствующих реализации стратегий интеллектуального воздействия на адресата в немецком научно-публицистическом дискурсе.

Согласно классификации эмоций, предложенной В.И. Шаховским, выделяются шесть эмоциональных средств языка: способы словообразования, фразеологические, синтаксические, стилистические, фонетические и лексические средства [Шаховский 2008: 170]. Анализ СПП показал, что в немецких научно-публицистических текстах преобладают лексические, грамматические, синтаксические и стилистические средства для выражения эмоциональности. При этом часто эти средства пересекаются между собой. Рассмотрим следующие примеры:

(1) Im Großraum München zog die Bahn einige Doppelstockwagen-Garnituren aus dem Verkehr, ***weil*** *auch hier Belüftungsanlagen eingebaut sind,* ***die*** *ab 30 Grad streiken* [Dürr 2016a: 33];

(2) "*In erster Linie geht es darum, dass wir die Flüchtlinge schnell dahin bringen können, wo sie sich sicher aufhalten können„, sagt ein Sprecher des Bahnkonzerns. Ob DB oder Private, man gibt sich menschlich – auch in den Zügen selbst* [Dürr 2016b: 37];

(3) Weil die Wärme den Stahl ausdehnen will, entsteht Spannung [Dürr 2016a: 32];

(4) Die planfeststellungsbedürftige Änderung einer Strecke sei daher auch dann anzunehmen, ***wenn*** *die betreffende Änderung nicht in die Gleisführung des Verkehrsweges eingreife und lediglich zu einer Betriebsänderung führe bzw. führen würde; /.../* [Eisenbahnrecht 2017: 14];

(5) Interessant ist, dass das Thema Klimaanlagen bei Privatbahnen nicht auftauchte – obwohl etliche Fahrzeuge dort auch damit ausgestattet sind [Dürr 2016: 33];

(6) Stattdessen müsse, wie vom Bundesrat gefordert, der Betrag wieder in Baukostenzuschüsse umgewandelt werden, ***was*** *in der Folge bei der Verabschiedung des Bundeshaushaltes 2025 allerdings nicht geschehen ist* [Überregionale Meldungen 2025: 11].

В (1) глагол *streiken*, который обычно переводится как 'бастовать', используется в переносном значении как 'ненормально работать' или «отказываться работать», что придает оттенок иронии, критического отношения к событию. Эмоциональный эффект достигается за счет наслоения определительного придаточного на придаточное причины. Эмоция возмущения усиливается за счет наречий *auch hier* в придаточном причины, и ее нарастание наблюдается в уточняющем комментарии определительного придаточного благодаря глаголу *streiken*, который демонстрирует ненадежность техники. Таким образом, в этом примере лексические средства сочетаются с синтаксическими.

В примере (2) эмоциональности способствуют одновременно грамматические, лексические и стилистические средства. Наблюдается нетипичный порядок слов в СПП с редуцированным присоединительным придаточным с союзом *ob* – явление, близкое к анаколуфу, связанному с намеренным нарушением структуры предложения. В препозиции находится придаточное предложение, за ним следует главное, которое имеет прямой порядок слов, а не инверсивный, как это принято в грамматике. За счет этого приема создается эмоциональный эффект – желание автора передать важность перевозок беженцев на поездах и создания нормальных, человеческих условий для них; при этом значимость принадлежности железнодорожной компании к государству или частникам, понижается. Также фразеологическое словосочетание *sich menschlich geben* передает такую эмоцию автора, как переживание, заботу о беженцах. Стилистически для удержания внимания читателя и объективности созданию эмоциональности служат кавычки как визуальный маркер, который является документальным подтверждением слов автора и, в то же время, его дистанцированностью от прямой оценки события.

Что касается примера (3), нетипичность порядка слов вызвана тем, что придаточное предложение причины с союзом *weil*, занимая препозицию, оказывается в статусе темы, согласно тема-рематическому членению. Но в то же время, считается, что придаточные с *weil* всегда включают в себя неизвестную, новую информацию, что должно обеспечивать ему статус ремы [Meibauer 2013: 505]. Такая неоднозначность в порядке слов и употреблении союза приводит к созданию экспрессивности. Кроме того, использование модального глагола *wollen* в неэпистемическом значении ведет к образованию концептуальной метафоры, так как абстрактное существительное *Wärme* ‘тепло, тепловая энергия’ наделяется через него чертами живого, активного агенса, который ‘хочет или намерен расширить сталь’. Эффект эмоционально-оценочного воздействия возникает, таким образом, в данном примере благодаря персонификации и метафоризации.

В (4) конъюнктив I (*sei… anzunehmen*) передает косвенную речь, отсылку к правовой норме или мнению авторитета. Это создает дистанцию, объективность, указывает на формально-юридический характер утверждения, а не на личное мнение автора. Кондиционалис (*würde…führen*) наряду с формой индикатива (*führe*) может указывать на более гипотетический, потенциальный характер условия. Здесь эмоциональность имплицитно выражена посредством интеллектуальной модальности: сомнения, уточнения, предусмотрительности.

Пример (5) демонстрирует СПП с двумя придаточными, одно из которых – уступительное – становится каркасом для выражения контраста, удивления и критической оценки, что является ключевыми элементами научно-публицистического текста. Главное предложение (*Interessant ist, dass …*) не просто вводит в тему, а мотивирует к последующей критической оценке – констатации ‘факта, который представляется интересным’, что вовлекает читателя в коммуникативный процесс. Уступительное

придаточное содержит косвенную оценку автора передаваемого события: читатель должен сам понять, что организаторы дискуссии проявили невнимательность.

В примере (6) конструкция *wie vom Bundesrat gefordert* характеризуется двумя особенностями. Во-первых, она выступает в качестве парентеза, который заключает в себе ссылку на уточняющий источник ‘как того требовал Федеральный совет’, ссылаясь на авторитетный орган. Во-вторых, структура этой конструкции редуцирована (отсутствует финитный глагол). Возможна полная форма: *wie vom Bundesrat gefordert wurde*. Эти две особенности обеспечивают эмоциональное воздействие данной конструкции на читателя. Редукция формы не имеет целью языковую экономию, она, прежде всего, способствует выражению объективной констатации факта, созданию у читателя иллюзии самостоятельного вывода и концентрации внимания на игнорировании требования. Можно отметить, что предложение становится средством выражения разрыва между нормой (требованием – *müsse umgewandelt werden*) и реальностью (*geschehen ist*), между долженствованием и фактическим положением дел – конъюнктив противопоставляется индикативу. Лексическое средство – наречие *allerdings* – усиливает эффект осуждения.

Таким образом, когнитивный потенциал сложноподчиненного предложения в немецком НПД проявляется в выражении различных видов эмоций (одобрение, возмущение, ирония, критика и т.д.), которые передаются посредством лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств. Положенный в основу исследования когнитивный подход способствует выявлению взаимосвязи логико-смысловых и синтаксических отношений в языке.

Литература

Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. М.: Высшая школа, 1984.

Гончарова М.А. Порядок слов как средство создания экспрессивности в современном немецком языке (синтез генеративного и функционального подходов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 1999.

Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта: МПСИ, 2004.

Лангакер Р.У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН РАН, 1992.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

Dürr F. Hitzewellen // Bahn-Extra. 2016a. No. 1. S. 30–33.

Dürr F. Bis an die Grenze gefordert // Bahn-Extra. 2016b. No. 1. S. 36–37.

Eisenbahnrecht // Bahn-Report. 2017. No. 2. S. 13–16.

Meibauer J., Steinbach M., Altmann H. Satztypen des Deutschen. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2013.

Überregionale Meldungen // Bahn-Report. 2025. No. 6. S. 6–12.

T. V. Burdaeva *(Samara, Russia)*
Volga State Transport University

"COGNITIVE POTENTIAL OF A COMPLEX SENTENCE IN GERMAN SCIENTIFIC-JOURNALISTIC DISCOURSE: EMOTIONAL ASPECT

The study deals with the cognitive potential of the complex sentence in German scientific-journalistic discourse. The analysis established the relationship between various types of emotions and the linguistic means of expressing them, allowing us to substantiate the status of the complex sentence as a cognitive-emotive resource in German scientific-journalistic discourse.

Key words: complex sentence, emotionality, scientific-journalistic text, German language

И. В. Вашунина *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
Московский государственный лингвистический университет
vashunina@yandex.ru
Я. А. Волкова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
volkova-yaa@rudn.ru

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ[1]

В статье обосновывается подход к эмоциональным концептам как к когнитивно-семиотическим конструктам, возникающим на стыке чувственного, ментального и культурного опыта. Основными принципами исследования эмоциональных концептов являются принцип интерсемиотической корреляции, принцип креолизации, принцип индексальности, принцип иконичности, принцип культурной конвенциональности.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, креолизованный текст, мультимодальная коммуникация, когнитивные модели, культурная конвенциональность

Эмоциональные концепты являются знаковыми образованиями, объективируемыми в условиях мультимодальной коммуникации. Исходя из этого, ключевым становится понятие креолизации, позволяющее описать взаимодействие вербальных и невербальных средств в репрезентации эмоционального концепта. В широком плане любой текст может рассматриваться как креолизованный, поскольку его ма-

[1] Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта РУДН имени Патриса Лумумбы № 071723-0-000 «Лингводидактические вопросы языкознания в эпоху цифровизационных инноваций и искусственного интеллекта: быть или не быть лингвистическому образованию (диахрония, синхрония, прогноз)».

териальная форма, как устная, так и письменная, обладает семиотически значимыми характеристиками и соотносится с определенным содержанием. Однако степень и характер креолизации варьируются, что делает необходимым уточнение механизмов взаимодействия различных модусов в объективации эмоционального концепта.

Различаются три типа креолизованных текстов: естественные, псевдоестественные и искусственные.

Естественные тексты возникают в результате объективации коммуникативной интенции их создателя. По своему происхождению они имеют мультимодальную природу, так как в процессе объективации амодальной интенции человек использует все доступные ему средства, как вербальные, так и невербальные. В основе лежит механизм синестезии, которая создает связи между средствами разных модальностей. Естественные креолизованные тексты – это неподготовленные устные высказывания (например, вся бытовая коммуникация) и стандартные письменные тексты. Они непроизвольны (например, говорящий автоматически комбинирует паралингвистические характеристики и вербальный материал) или имеют низкую степень произвольности (существуют конвенции репрезентации отдельных видов дискурса, которые допускают некоторые вариации).

Искусственные тексты возникают в результате целенаправленной деятельности человека (например, создание песни, фильма, тексты разных искусств, сайтов, пропаганды, иллюстрированных изданий). Процесс создания искусственного мультимодального текста (креолизиция) может рассматриваться как семиозис. Создатели таким образом комбинируют вербальные и невербальные параметры текста, чтобы его воздействие максимально отвечало поставленной цели. Поэтому основой для объективации служат конвенции соответствующей лингвокультуры. Искусственные тексты и сами создают стереотипы определенной лингвокультуры.

Промежуточной категорией между естественными и искусственными текстами являются псевдоестественные тексты, в которых естественная репрезентация содержания сочетается, а иногда и заменяется искусственными знаковыми образованиями (например, в реалити-шоу, блогах). Подобные тексты не являются полностью естественными, поскольку содержат постановочные элементы, ориентированные на конвенциональное выражение эмоциональных состояний, закрепленное в культуре. Псевдоестественные креолизованные тексты функционируют и в повседневной коммуникации: стимулом их создания выступает стремление адресанта более точно и социально приемлемо объективировать определенное содержание.

Рассмотренная типология креолизованных текстов позволяет уточнить природу эмоциональных концептов, поскольку их репрезентация также осуществляется в условиях взаимодействия естественных и конвенционально заданных способов выражения. Эмоциональные концепты обычно имеют псевдоестественное и искусственное происхождение, что объясняется с одной стороны желанием адресанта наиболее явно (то есть, конвенционально) объективировать содержание, а с другой

стороны, имеющимися в любых культурах предписаниями и табу в отношении выражения своих эмоций публично.

Эмоции и их языковые репрезентации имеют комплексную когнитивно-семиотическую природу, они возникают как результат синтеза чувственного, ментального и культурного опыта. В когнитивной лингвистике концепт определяется как многомерная ментальная структура, объединяющая понятийное, образное и ценностное содержание [Карасик 2002]. У эмоциональных концептов добавляется аффективный компонент, который определяет оценочную окраску, типичные невербальные объективации и культурно обусловленные сценарии.

З. Кевечеш [Kövecses 1990] рассматривает эмоции как телесно воплощенные и культурно детерминированные когнитивные модели, для концептуализации которых в каждой культуре выработана система концептуальных метафор, связывающих физиологический опыт с его культурной интерпретацией. Такой подход означает рассмотрение эмоциональных концептов как мультимодальных конструкций**,** объектививруемых как вербальным, так и невербальными способами.

Эмоциональные концепты по своей сущности имеют креолизованный характер. Человек не только воспринимает семантику единиц языка, но и ощущает эмоции в разных модальностях. Этот факт позволяет рассматривать эмоциональные концепты как естественные креолизованные феномены двойной природы. Первичные чувства и телесные реакции человека универсальны и не зависят от конкретной культуры. Универсален сам факт эмоционального отклика и его физиологические проявления (покраснение от волнения и т.д.). Культурная составляющая является вторичной и регулируется нормами репрезентации и понимания эмоций в данной культуре. Эта культурная регламентация объясняет в эмоциональных концептах псевдоестественный характер выражения эмоций.

Культурные особенности могут определять и характер отношений между семиотическими составляющими объективированного эмоционального концепта. При спонтанном проявлении эмоции в естественной коммуникации содержание вербального и невербальных компонентов, как правило, находится в отношениях максимального перекрещивания: паралингвистика и языковое выражение формируют целостный образ эмоции.

В псевдоестественных ситуациях, когда проявление эмоции регулируется культурными нормами или социальными установками, возможны отношения противоречия или противоположности между модусами. Например, невербальные проявления гнева во многих культурах табуированы, говорящий не должен демонстрировать гнев паралингвистически. В этом случае эмоция репрезентируется через несоответствие вербальной модальности невербальной, что создает характерный культурно-специфический мультимодальный паттерн.

Поскольку ряд паралингвистических параметров системно соотносится с определенными эмоциональными концептами, их смысловые компоненты могут ча-

стично пересекаться с содержанием этих концептов. Например, люди с изначально «печальным» или, напротив, «радостным» выражением лица часто воспринимаются как носители соответствующих эмоциональных состояний. Данный эффект активно используется, в частности, в кинематографе при выборе актеров на определенные роли.

В то же время подобные устойчивые особенности усложняют репрезентацию противоположных по значению концептов. Для интерпретатора эпифеномены оказываются неотделимыми от собственно знаков, выражающих эмоцию: так, «печальный» тембр голоса интерпретируется как проявление печали вне зависимости от коммуникативного намерения говорящего.

Для целей изучения знаковой репрезентации эмоциональных концептов необходимо сформулировать принципы, на которых базируется семиотический анализ. Первым и основополагающим является принцип интерсемиотической корреляции (по Ю.М. Лотману [Лотман 1970]), который предполагает создание единого смыслового пространства за счет взаимосвязи разных модусов (вербального, визуального, аудиального и т.д.). Второй принцип получил название принципа креолизации [Сорокин, Тарасов 1990]: семиотические компоненты разных модальностей образуют целостный текст, в котором смысл рождается во взаимодействии частей. Следующие два принципа, третий и четвертый, имеют своей основой теорию Ч. Пирса о различении разных типов знаков в зависимости от типа мотивированности [Пирс 2009]. Эмоциональные знаки часто сохраняют следы телесного происхождения (побледнение, покраснение, кинетические проявления) – это принцип индексальности, или же они могут являться внешними характеристиками человека, испытывающего определенную эмоцию – это принцип иконичности. Пятый принцип утверждает необходимость учета культурной конвенциональности эмоциональных концептов.

Предложенный подход к изучению эмоциональных концептов позволяет по-новому описать соотношение универсального и культурно обусловленного в сфере эмоций. Эмоции предстают не как непосредственно выражаемые состояния, а как результат их семиотической обработки, в которой естественные реакции соотносятся с культурно заданными моделями их репрезентации. Такой подход задает основу для анализа вариативности эмоциональных практик в разных типах дискурса.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Пирс Ч. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 180–186.

Kövecses Z. Emotion Concepts. Springer New York, 1990.

I. V. Vashunina *(Moscow, Russia)*
RUDN University
Moscow State Linguistic University
Ya. A. Volkova *(Moscow, Russia)*
RUDN University

COGNITIVE-SEMIOTIC NATURE OF EMOTIONAL CONCEPTS

The article substantiates an approach to emotional concepts as cognitive-semiotic constructs that emerge at the intersection of sensory, mental, and cultural experience. The main principles underlying the study of emotional concepts include the principle of intersemiotic correlation, the principle of creolization, the principle of indexicality, the principle of iconicity, and the principle of cultural conventionality.

Key words: emotional concept, creolized text, multimodal communication, cognitive models, cultural conventionality

М. В. Влавацкая *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный технический университет
vlavatskaya@list.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА НА ОСНОВЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена межъязыковому переносу комического эффекта на основе лингвокультурных реалий в аудиовизуальном контенте по причине столкновения когнитивных скриптов, описывающих разные аспекты картины мира. В процессе задействовано несколько когнитивных механизмов: пресуппозиция, или фоновые знания, активация ассоциативных сетей, эффект обманутого ожидания и учет контекста экстралингвистической ситуации.

Ключевые слова: межъязыковая передача реалий, комический эффект, аудиовизуальный перевод, когнитивные механизмы, лингвокультурная адаптация

Межъязыковая передача комического эффекта, базирующегося на лингвокультурных реалиях, представляет собой сложный процесс, задействующий комплекс когнитивных механизмов, направленных на восприятие, интерпретацию и сопоставление языковых и культурных контекстов. В этот комплекс входят когнитивные скрипты, культурные пресуппозиции, ассоциативное мышление и передача языковой игры.

Когнитивные исследования свидетельствуют о том, что комический эффект возникает при столкновении двух противоположных когнитивных скриптов (ментальных структур), описывающих разные участки картины мира. В случае лингвокультурных реалий один скрипт связан с исходным текстом, а другой – с языком перевода. Для восприятия комического эффекта реципиент должен активировать оба

скрипта и осознать противоречие. Комический эффект, основанный на культурных реалиях, понятен носителю исходной культуры, однако в случае с носителем другой культуры будет необходимо дополнительное знание или адаптация для «заполнения» недостающих элементов скрипта [Абаева 2020].

Восприятие юмора, связанное с культурными особенностями, требует от человека пресуппозиционных, или фоновых знаний о культуре, истории, традициях, идиомах и т.п., включая сведения о конкретных предметах, исторических событиях, аллюзиях или языковых тонкостях, таких как «ложные друзья переводчика». Например, шутка, основанная на национальном стереотипе или традиции, останется непонятной вне контекста этой культуры. Здесь работа когнитивного механизма заключается в том, что получатель должен соотнести упомянутую реалию со своими знаниями и опытом [Егошина и др. 2019].

Лингвокультурные реалии нередко выступают в качестве основы для языковой игры, включающей каламбуры, основанные на омонимах, паронимах, или игру на основе многозначности слова. В данном случае когнитивный механизм связан с активацией ассоциативных сетей: получатель должен установить связь между различными значениями или звучаниями слов, а также осознать культурный контекст. Межъязыковой каламбур основан на сходстве звучания слов в разных языках и неожиданном сопоставлении их значений.

Комические эффекты, основанные на лингвокультурных реалиях, часто используют механизм обманутого ожидания. Реципиент сначала интерпретирует ситуацию или высказывание в рамках привычных когнитивных схем, но затем сталкивается с неожиданным поворотом, разрушающим эти ожидания. Когнитивный механизм в данном случае связан с трансформацией ментальной_модели: адресат вынужден пересмотреть ранее воспринятую информацию с учетом нового контекста [Шмелева, Шмелев 2011].

Комический эффект всегда зависит от ситуативного контекста, в котором он проявляется. Лингвокультурные элементы часто вплетены в социальные, исторические или бытовые ситуации. Чтобы понять шутку, реципиент должен уметь анализировать контекст и находить связи между ним и элементами текста. Например, шутка, связанная с конкретным праздником или традицией, будет более понятной, если учитывать культурную среду, в которой она возникла [Шмелева, Шмелев 2011].

По мнению Ш.Н. Шокова [Шоков 2017: 170], для создания комического эффекта необходимо, чтобы дискурс был структурирован на двух семантических уровнях – буквальном значении единицы и ее скрытом смысле. При этом первое формируется совокупностью семантики составляющих высказывание лексем и выступает в качестве маркера, указывающего на наличие второго.

Комический эффект, основанный на культурных реалиях, не имеющих прямых эквивалентов в языке перевода, существенно усложняет процесс межъязыковой передачи, так как реалии обозначают объекты, характерные для жизни, культуры, соци-

ального и исторического развития одного народа и отсутствующие в другой лингвокультуре, требует особого подхода при переводе [Павлова, Потовская 2024: 32]. В переводоведении реалиям соответствует безэквивалентная лексика, т.е. не имеющая эквивалентов в языке перевода.

Материалом данного исследования послужил американский телесериал «Scrubs» («Клиника») в оригинальной версии и в русском переводе, выполненном компанией MTV. В комедийных сериалах особенно важно корректно передавать юмористический эффект, поскольку от этого зависит восприятие аудиторией данного вида контента.

Аудиовизуальный перевод характеризуется комплексной структурой материала и необходимостью полноценного интегрированного понимания всех задействованных в повествовании семантических кодов. При дублировании культурно обусловленный компонент шутки может опускаться или генерализироваться из-за различий в культурном контексте между носителями языка оригинала и перевода.

При переводе реалии имеется необходимость передачи не только буквального значения, но и ее национального и/или исторического колорита. В зависимости от функциональной значимости реалии выбирается соответствующая стратегия перевода, среди которых заимствование, калькирование, экспликация, лексическая инновация, опущение или добавление и т.п. Далее остановимся на анализе некоторых ситуаций ситкома.

В контексте первой ситуации главный персонаж – врач-терапевт, договорившись со своим другом – врачом хирургом о том, что пациента не нужно оперировать узнает, что хирург все-таки назначил ему операцию: – *What's up,* ***Benedict****? – What? –* ***Benedict Arnold*** ‘Как дела, **Бенедикт Арнольд**? – Кто? – **Тот, который продал Америку англичанам**’. Benedict Arnold – ономастическая реалия, при передаче которой на русский язык важно учитывать культурно-исторический контекст: в Америке Бенедикт Арнольд стал символом предательства, перейдя на сторону Великобритании в войне за независимость США. В оригинале главный герой сначала произносит имя Benedict, чтобы только намекнуть и вызвать недоумение, в том числе применяя прием обманутого ожидания. Во второй его реплике при полном упоминании имени и фамилии этого персонаже намек раскрыт. Аллюзия, содержащая импликацию, позволяет создать ассоциацию с определенным историческим персонажем. При переводе такой культурно-исторический контекст едва будет понятен носителю другой культуры из-за отсутствия у него соответствующих фоновых знаний. Поэтому здесь требуется некоторая адаптация с привлечением дополнительных знаний. Учитывая это, на русский язык сначала переводится имя и фамилия – Бенедикт Арнольд, а потом при помощи описательного перевода кратко объясняется смысл этой отсылки. Выбранный способ передачи реалии вполне позволяет сохранить комический эффект.

В контексте другой ситуации высказывание: – *Hey, Gandhi, now just because you broke out your* ***little Fisher-Price surgery set*** *and somehow managed to not kill somebody*

for once, doesn't mean you're queen of the world 'Ганди, то, что ты распотрошил свой **набор юного хирурга** и умудрился никого при этом не зарезать, еще не значит, что ты теперь королева английская' принадлежит доктору Коксу – язвительному опытному доктору, который обращается к молодому хирургу, – доктору Терку. Незадолго до этого разговора Терк самостоятельно провел сложную операцию, что было непросто для начинающего врача, поэтому он хвастается, не скрывая своей радости. Реалия ***Little Fisher-Price surgery set*** (бренд детских игрушек) – бытовая, которая здесь используется с намеком на неопытность Терка. Форма комического – сатира, прием – насмешка. Реалия употребляется с целью опустить молодого хирурга с небес на землю. При ее переводе применяется прием генерализации, поскольку русским зрителям вряд ли знаком данный бренд детских товаров. Однако им хорошо знакомы подобные детские наборы игрушек из российских магазинов. Вариант перевода ***набор юного хирурга*** позволяет сохранить комический эффект через ассоциацию – использование маркера «юный» с имплицитной отсылкой к детским играм.

В следующем ситуативном контексте: – *When* ***Mr Stork*** *comes a-calling, you won't think, ''I'm internal medicine''* 'Но когда в дверь постучит **аист**, вы не будете говорить «я же врач терапевт»' главный врач клиники говорит девушке-врачу, что ее будущее – это родильное отделение клиники, а не занятия общей практикой. ***Mr Stork*** – ономастическая реалия, имя персонажа известного мультфильма «Дамбо» – аиста, приносящего детенышей. Форма комического – сатира, юмористический прием – насмешка. При передаче реалии на русский язык используется прием генерализации. Имя персонажа ***Mr Stork*** из детского мультфильма может быть незнакомо русскоязычной аудитории ситкома, что указывает на отсутствие у нее фоновых знаний. Однако удачно найденная ассоциация с аистом посредством адаптации к русской лингвокультурной традиции способствует однозначному пониманию контекста данной ситуации и успешной передаче комического эффекта.

Таким образом, межъязыковая передача комического эффекта, обусловленного лингвокультурными реалиями, представляет собой сложный процесс, требующий комплексного взаимодействия когнитивных механизмов. В частности, необходимо учитывать работу с когнитивными скриптами, пресуппозициями и ассоциативным мышлением. Кроме того, важно принимать во внимание контекстуальные и ситуативные факторы. Важнейшую роль в данном процессе играет способность реципиента осуществлять гибкую адаптацию между различными культурными и языковыми кодами и системами.

Литература

Абаева Е.С. Передача юмористического эффекта при переводе: когнитивно-прагматическая модель: автореф. дис. … канд. филол. наук. Мытищи, 2020.

Егошина Н.Б., Николаева О.А., Смирнова А.Н. Особенности комического эффекта в межкультурной коммуникации // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. № 3 (34). С. 13–20.

Павлова Т.А., Потовская К.С. Культурная реалия как феномен языка и художественного текста // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С. 30–37.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Межъязыковой каламбур в русских анекдотах. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 25–29 мая 2011 г. М.: РГГУ, 2011. Вып. 10 (17). С. 828–835.

Шоков Н.Н. Семантический механизм и приемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 170–173.

M. V. Vlavatskaya *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE MECHANISMS OF COMIC EFFECT TRANSMISSION BASED ON ENGLISH-LANGUAGE CULTURAL REALITIES IN AUDIOVISUAL TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article is devoted to the interlanguage transfer of comic effect based on linguistic and cultural realities in audiovisual content. This transfer is due to the collision of two opposing cognitive scripts describing different aspects of the worldview. Several cognitive mechanisms are involved in this process: presupposition, or background knowledge, activation of associative networks, the effect of deceived expectations, and consideration of the context of an extralinguistic situation.

Key words: interlingual transfer of realities, comic effect, audiovisual translation, cognitive mechanisms, linguistic and cultural adaptation

Т. Н. Гарьковская *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
tatyana.garkovskaya@g.nsu.ru

РОЛЬ ФОНДА ЗНАНИЙ И ИНТЕНЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Анализируются механизмы интерпретации английских существительных широкой семантики (*thing, stuff, matter, problem, reason*) в когнитивно-прагматическом аспекте. Исследуется взаимодействие фонда знаний реципиента и намерений говорящего при актуализации их значений. Выявлено, что смысл таких единиц конструируется интерактивно в зависимости от коммуникативной ситуации и кооперации участников общения.

Ключевые слова: существительные широкой семантики, когнитивная лингвистика, прагматика, фонд знаний, коммуникативная интенция, дискурсивная ситуация

Индивидуальная языковая реальность складывается из результатов взаимодействия когниции и коммуникации, сопутствующим продуктом которого является дискурс. Как подчеркивает В.З. Демьянков, в современной лингвистике на первый план все чаще выдвигается задача выявления мотивов, лежащих в основе построения дискурсов и коммуникации индивидов [Демьянков 2023: 20]. В этом контексте особое значение приобретают факторы, влияющие на формирование ментальных репрезентаций в процессе коммуникации. Согласно Т.А. ван Дейку, к числу таких факторов относятся знания, эмоциональная вовлеченность и цели участников, определяющие характер формируемых моделей текста. Степень полноты, детализации и субъективности этих моделей напрямую зависит от параметров коммуникативной ситуации [Dijk 2008: 186].

Существительные широкой семантики не активируют обширный фонд знаний по умолчанию и не репрезентируют фреймы в готовом виде. Напротив, обладая вариативной концептуальной структурой, они функционируют как когнитивные контейнеры, инкапсулирующие индивидуальный опыт говорящего [Schmid 2018: 111; Гарьковская 2004: 329; Ирисханова 2014: 102]. Их интерпретация задействует сложные системы межпространственных отображений, где принципы оптимальности восстанавливают структуру, не выраженную эксплицитно [Fauconnier 1997: 70].

По сути, семантика английских широкозначных существительных подвергается прагматической модуляции, поскольку значение конструируется инференциально на основе контекста, когнитивных моделей и фоновых знаний о коммуникативной ситуации. Данная особенность согласуется с положением О.В. Магировской о концептуальной, коммуникативной и прагматической целостности дискурса, так как социальное взаимодействие неотделимо от интерпретативной деятельности адресата, а понимание коммуникативного акта определяется экстралингвистическим контекстом. В этой связи прагматическая направленность, задаваемая типом взаимодействия, выступает ключевой детерминантой концептуального наполнения дискурса [Магировская 2023: 56].

С целью выявления механизмов, посредством которых фонд знаний и коммуникативные интенции детерминируют интерпретацию английских лексем с широким значением, в настоящей статье осуществляется анализ диалогов персонажей романа Ника Хорнби «About a Boy» в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [Hornby 2000].

Рассмотрим пример, в котором интерпретация значения широкозначного существительного *stuff* достигается интерактивно, когда говорящий предоставляет контекстуальные маркеры, а слушающий, опираясь на когнитивный опыт, достраивает конкретный смысл.

(1) ‘*I don’t wear anything I hate.*’ ‘*What do you do with* ***the stuff*** *you hate, then?*’ ‘*I don’t buy it, do I?*’

В диалоге между подростком Маркусом и Уиллом существительное *stuff* актуализирует значение «одежда» посредством коллокационного взаимодействия с гла-

голами *wear* и *buy*, активирующим фоновые знания о типичных сценариях покупок. Фонд знаний участников диалога мгновенно сужает семантику *stuff* до конкретного материального референта. Прагматическая стратегия Уилла направлена на упрощение аргументации, поскольку *stuff* маркирует объекты как несущественные, фокусируя внимание на отношении к ним, а не на их природе.

Однако, не всегда фоновые знания коммуникантов совпадают. Так, в следующем фрагменте значение существительного *problem* конструируется интерактивно в условиях асимметрии фоновых знаний матери и сына. Семантическая неопределенность лексемы позволяет актуализировать различные аксиологические рамки в зависимости от когнитивной позиции каждого участника диалога.

(2) '*Have you got another boyfriend?*' *She laughed.* '*Who would that be? The guy who took the pizza orders? No, Marcus, I haven't got another boyfriend. That's not how it works. Not when you're a thirty-eight-year-old working mother. There's* ***a time problem****. Ha! There's* ***an everything problem****.*'

В диалоге Фиона использует градуальную экспансию семантики *problem* от конкретного *time problem* к гиперболическому *everything problem*, что отражает нарастание эмоционального напряжения. Маркус же декодирует ситуацию через детскую эпистемическую модель, ориентированную на поиск конкретной причины: для него отсутствие отца должно компенсироваться появлением другого мужчины (фрейм ЗАМЕНА/КОМПЕНСАЦИЯ). Фиона, напротив, интерпретирует вопрос сына через призму своего взрослого, социально обусловленного опыта, воспринимая его не как наивное любопытство, а как потенциальное обвинение.

Рассмотрим диалог, где интерпретация широкозначного существительного *reason* осуществляется через последующую спецификацию, а широкая семантика единицы служит когнитивным «контейнером» для разнообразных объяснений.

(3) '*So why do other people bother?*' '*Oh, all sorts of* ***reasons****. Security. Pressure from family. Misguided notions of romance.*'

Существительное *reason* демонстрирует гибкость в кодировании причинно-следственных связей, зависящую от прагматической задачи говорящего и объема разделяемых знаний. Генерализующая фраза *all sorts of* + *reasons* в речи Уилла функционирует как гипероним для перечисления социальных и психологических факторов, апеллируя к общим знаниям о типичных мотивах человеческого поведения и отвечая на вопрос Маркуса простыми, доступными ему формулировками.

Однако не всегда на простой вопрос ответ столь же очевиден. В следующем диалоге существительное *matter* демонстрирует сложное взаимодействие конвенциональной идиоматики, прагматической модуляции и языковой рефлексии.

(4) '*What's the* ***matter****?*' *He tried to say it as if he knew it were a big question, but it came out all wrong: the gravity sounded, to him at least, like tetchiness, as if there were a 'now' missing from the end.* '*Nothing.*' *'That's not true, is it?*' <…>'*It is true. Nothing's the* ***matter****. No* ***thing****. I'm just like this. 'Existential despair, right?*' '*Yeah. Right.*'

В приведенном выше фрагменте *matter* функционирует в ритуализированной конструкции *What's the matter?* – стандартном маркере эмпатии английской коммуникативной культуры. Ник Хорнби акцентирует рассогласование между клишированной формой и отсутствием интенционального наполнения, что кульминирует в металингвистической деконструкции Фионы: *Nothing's the matter. No thing*. Намеренное разложение идиомы Фионой возвращает *matter* исходную семантику «нечто», а конструкция *No thing* обнажает семантическую опустошенность клише перед лицом экзистенциального кризиса героини.

Как показано в примере 4, автор эксплицирует прагматическую интенцию Уилла. Читатель ожидает эмпатии, но интонация выдает персонажа. Этот процесс согласуется с позицией Д.А. Кожанова, согласно которой декодирование смыслов базируется на когнитивных моделях, объединяющих энциклопедические, лингвокультурные и профессиональные знания, а также индивидуальный опыт субъектов дискурса [Кожанов 2024: 37].

Обратимся к диалогу, в котором широкозначное существительное *thing* выступает как многослойный дискурсивный инструмент, сочетающий интертекстуальность, аппроксимацию и ироническую оценку.

(5) '*How come you ended up looking after Ned? I mean, I'm sure you're a brilliant dad and everything, but that's not usually how it works, is it?*' '*No. She was going through a* ***Kramer vs Kramer kind of thing*** *at the time. You know, a sort of I-want-to find-out-who-I-am malarkey.'*

В диалоге существительное *thing* выступает культурно-опосредованным классификатором, позволяя Уиллу компактно обозначить вымышленный сценарий через отсылку к фильму *Kramer vs. Kramer*. Интерпретация выражения '*a Kramer vs. Kramer kind of thing'* опирается на фонд знаний реципиента, поскольку распознавание культурного кода кризиса родительской идентичности сужает семантику *thing* до значения 'отказ от традиционных семейных ролей ради самопознания'. Интенция Уилла двойственна: *thing* обеспечивает когнитивную экономию, упаковывая нарратив в одну номинацию для поддержания лжи, а *malarkey* создает ироническое дистанцирование, минимизируя значимость событий и предотвращая уточняющие вопросы.

Таким образом, фонд знаний и намерения участников коммуникации в разной степени определяют эффективность интерпретации значений английских существительных широкой семантики. В силу их вариативного концептуального содержания механизм интерпретации широкозначных единиц может осуществляться на нескольких уровнях. К ним относятся, распознавание конвенциональной идиомы, декодирование металингвистической игры через активацию фоновых знаний о дискурсивной ситуации, оценка прагматической уместности номинации в контексте эмоционально нагруженного взаимодействия и другие. Это подтверждает тезис о том, что значение английских широкозначных существительных конструируется интерактивно: модификаторы и синтаксическое окружение задают вектор

интерпретации, а интенции говорящего и когнитивный опыт (фонд знаний) реципиента определяют, будет ли семантический потенциал лексемы актуализирован в соответствии с замыслом говорящего или же возможны коммуникативные неудачи по целому ряду причин.

Литература

Гарьковская Т.Н. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык. Новосибирск, 2004. С. 324–330.

Демьянков В.З. Дискурс как эмпирическая основа теории взаимодействия коммуникации и когниции // Язык как он есть. М.: Буки Веди, 2023. С. 19–22.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кожанов Д.А. Когнитивный и прагматический аспекты взаимодействия дискурсов в контексте выбора стратегии интерпретации текста // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. Минск, 2024. С. 36–41.

Магировская О.В. Социолингвистическая и прагматическая обусловленность когнитивной организации дискурса // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 56–60.

Dijk T. A. van. Discourse and context: A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Fauconnier G. Mapping in thought and language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Hornby N. About a boy. Penguin Books, 2000.

Schmid H.-J. Shell nouns in English – a personal roundup. Caplletra // Revista Internacional de Filologia. 2018. No. 64. P. 109–128.

T. N. Garkovskaya *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk State University

THE ROLE OF BACKGROUND KNOWLEDGE AND COMMUNICATIVE INTENTIONS IN INTERPRETING ENGLISH NOUNS WITH BROAD SEMANTICS

This article examines the interpretive mechanisms of English nouns with broad semantics (e.g., *thing, stuff, issue, problem*) within a cognitive-pragmatic framework. It explores how the recipient's background knowledge and the speaker's intentions jointly shape meaning construction. The findings indicate that such meanings are co-constructed through interaction, shaped by the communicative situation and cooperation between interlocutors.

Key words: nouns with broad semantics, cognitive linguistics, pragmatics, background knowledge, communicative intention, discursive situation

В. А. Гуреев *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
gureyev@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается феномен грамматической вариативности в современном английском языке сквозь призму когнитивной лингвистики и прагматики. Показано, что вариантность не является произвольной, а является проявлением гибкости языкового сознания и служит инструментом реализации коммуникативных стратегий в дискурсе.

Ключевые слова: грамматическая вариативность, когнитивная лингвистика, прагматика, профилирование, конструкционная грамматика, английский язык, дискурс

Грамматический строй языка традиционно воспринимается как наиболее устойчивая и жестко нормированная часть языковой системы. Однако даже в такой, казалось бы, строгой системе, как грамматика английского языка, существует множество случаев, когда говорящий стоит перед выбором: употребить форму *She gave them a dictionary* или *She gave a dictionary to them*, использовать действительный или страдательный залог, выбрать Present Perfect (*I have done*) или Past Simple (*I did*) в контексте, допускающем оба варианта. Долгое время такие случаи в грамматике воспринимались как временное отклонение от нормы или же как признак «недоформированности» системы. Порой они просто игнорировались, либо объяснялись в рамках стилистики (разница между «книжным» и «разговорным» вариантами). Однако с развитием когнитивной лингвистики и лингвистической прагматики стало очевидно, что за грамматической вариативностью стоят глубинные процессы мышления и коммуникативного взаимодействия. Как отмечает Р. Лэнекер, грамматика – это не просто формальные правила, а структурированный инвентарь конвенциональных языковых единиц, которые сами по себе обладают значением [Langacker 2008: 22–23].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к изучению языковых явлений, который учитывал бы как ментальные репрезентации (когнитивный аспект), так и цели коммуникации в конкретной ситуации общения (прагматический аспект), то есть она определяется необходимостью интеграции когнитивного и прагматического подходов для понимания того, как ментальные репрезентации взаимодействуют с интенциями говорящего в процессе выбора грамматической формы. Цель данной статьи – проанализировать, как когнитивные механизмы (такие как профилирование, фокус внимания, перспективизация) и прагматические стратегии (принципы кооперации, распределение «данного» и «нового») взаимодействуют при выборе грамматических вариантов в современном английском языке.

Когнитивный подход, развиваемый в работах как зарубежных, так и отечественных лингвистов, в частности, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянковым, Н.Н. Болдыревым, В.И. Заботкиной (см. [Кубрякова 2004, 2012; Заботкина 2014; Демьянков 2017; Болдырев 2018]) и мн. др., позволяет преодолеть ограниченность структурного взгляда, рассматривающего вариативность – как отклонение от нормы. С когнитивной точки зрения, выбор грамматической конструкции равнозначен выбору способа концептуализации внеязыковой ситуации. Любое событие может быть осмыслено говорящим по-разному, и грамматика предоставляет для этого инструментарий.

Прагматический аспект вариативности тесно связан с организацией информационной структуры предложения (тема-рематическая организация). Классическим примером здесь служит оппозиция действительного и страдательного залога (Active vs. Passive Voice).

(a) *The wind damaged the barn*. (Актив)

(b) *The barn was damaged* (by the wind). (Пассив)

С формально-грамматической точки зрения данные предложения описывают одно и то же событие. Однако с прагматической – они помещают событие в разные дискурсивные контексты. Выбор пассива позволяет говорящему поместить объект (*the barn*) в позицию подлежащего, то есть в позицию топика (темы) высказывания. Это стратегия, направленная на поддержание когерентности дискурса. Как отмечал Т. Гивон, «пассивный залог используется тогда, когда пациенс (объект действия) более важен для текущего обсуждения, более топикален, чем агенс (субъект действия)» [Givón 1993: 46]. В примере (b) предложение, скорее всего, будет уместно в разговоре о состоянии сарая, а не о ветре. Если бы разговор шел о стихийных бедствиях, уместнее был бы активный залог.

Вариативность в выражении принадлежности хорошо известна: *the hat of my father* и *my father's hat* не всегда взаимозаменяемы, но существуют контексты, где возможны оба варианта (‘s-genitive vs. of-genitive), и выбор несет коммуникативную нагрузку. Например:

(a) *The president's assassination shocked the world*. (S-генитив)

(b) *The assassination of the president shocked the world*. (OF-генитив)

Исследования в области когнитивной лингвистики и особенно работы А. Вежбицкой (см. [Вежбицкая 2011]) показывают, что S-генитив (флективный) тяготеет к выражению отношений близости, контроля и одушевленности. Он ставит обладателя (possessor) в фокус внимания. В примере (a) действие (убийство) тесно связывается с личностью президента, как бы «присваивается» им. OF-генитив (аналитический) описывает более дистанцированное, объективное отношение. Он ставит в фокус само действие, а обладатель оказывается лишь его фоном. Прагматический выбор между этими конструкциями может использоваться для управления эмпатией слушающего. S-генитив вызывает больше сочувствия к обладателю (президенту как человеку), вовлекает его в ситуацию. OF-генитив звучит более формально, ре-

портажно, фокусируя внимание на самом событии. В дискурсе новостей, например, заголовки часто используют S-генитив для драматизации (*president's death*), а сами статьи – OF-генитив для фактологического описания (*the death of the former leader*). Таким образом, выбор пассива – это прагматический акт управления «статусом» участников ситуации в сознании слушающего, подчиненный принципу кооперации Грайса (максима релевантности).

Особый интерес представляет вариативность в видо-временной системе, например, между Past Simple и Present Perfect в британском варианте английского языка.

(a) *I* ***forgot*** *to feed my cat... yesterday. He's fine, just a bit judgmental*.

(b) *I* ***have*** *just* ***forgotten*** *to feed my cat. I can hear him sharpening his claws on my leather chair.*

Выбор здесь определяется не столько объективным временем события, сколько его когнитивной интерпретацией говорящим. Past Simple сообщает о событии, которое осталось в прошлом, не имеет отношения к текущему моменту и (как в первом примере) 'не угрожает вашей безопасности'. Present Perfect же сигнализирует о том, что последствия ошибки материализовались *здесь и сейчас*: кот уже не просто смотрит с укором – он приступил к активным действиям по уничтожению мебели. Разумеется, вышеуказанные примеры грамматической вариативности в английском языке – это лишь незначительная часть более широкого разнообразия существующих вариантов (см. дескриптивно-функциональные грамматики английского языка [Biber et al. 1999; Huddleston & Pullum 2002; Aarts 2011; Carter et al. 2023]).

Грамматический выбор, таким образом, отражает разную когнитивную «дистанцию» между событием и текущим состоянием говорящего, что имеет прямой прагматический выход на интенции говорящего (предупредить, пожаловаться, сообщить новость, сожалеть о забывчивости или рассеянности).

Проведенный анализ позволяет заключить, что грамматическая вариативность в английском языке – это не хаотичный набор исключений, а стройная система, обслуживающая когнитивные и коммуникативные потребности носителей языка. Выбор альтернативной грамматической формы всегда мотивирован: он либо меняет перспективу видения ситуации (когнитивный аспект), либо служит целям связности дискурса и фокусировки внимания на наиболее важном элементе сообщения (прагматический аспект). Грамматика английского языка предстает не как жесткий свод предписаний, а как динамичная система, предоставляющая субъекту речи гибкие инструменты для конструирования реальности в соответствии с его коммуникативными целями. Грамматическая вариативность, таким образом, является не «шумом» в системе, а ее важнейшим адаптивным ресурсом; это не «колебания нормы», а тонкий инструмент адаптации языка к контексту и сознанию собеседника. Дальнейшее изучение этой проблематики в рамках корпусной лингвистики и экспериментальной прагматики позволит выявить статистические закономерности использования вариантов и глубже понять принципы работы языкового сознания.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011.

Демьянков В.З. Контрастивное исследование семантического варьирования языков: культурный и цивилизационный аспекты // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / под ред. акад. РАН Е.П. Челышева. М.: Азбуковник, 2017. С. 81–93.

Заботкина В.И. Прагматическая вариативность современного английского языка: социо-когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 520–527.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Aarts B. Oxford Modern English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., & Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education, 1999.

Carter, R., McCarthy, M., & O'Keeffe, A. English Grammar Today: An A-Z of Spoken and Written Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

Givón T. English Grammar: A Function-Based Introduction. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins, 1993.

Huddleston R., & Pullum, G. K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Langacker R.W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

V. A. Gureev *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF GRAMMATICAL VARIABILITY (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

The article examines the phenomenon of grammatical variability in modern English through the prism of cognitive linguistics and pragmatics. It is shown that variability is not arbitrary, but rather a manifestation of the flexibility of linguistic consciousness and serves as a tool for implementing communicative strategies in discourse.

Key words: grammatical variability, cognitive linguistics, pragmatics, profiling, constructional grammar, the English language, discourse

Н. В. Дубинина*, *В. А. Анциферова*, *П. Н. Филиппова *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
dubinina-nv@rudn.ru, valerya.antsiferova@yandex.ru,
polina-filippovaa@yandex.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ УНИВЕРСИТЕТА: ПРАГМА-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуются ключевые инструменты лингвокреативности языкового ландшафта РУДН (г. Москва), каждый из которых активирует определенные когнитивные механизмы. Лингвокреативные тексты формируют диалогичную коммуникацию, где адресат выступает соавтором смысла, что предполагает высокий уровень когнитивной компетенции, необходимой для их интерпретации.

Ключевые слова: языковой ландшафт, инструменты лингвокреативности, прагмастилистика, когнитология, диалогичность

Современная лингвистика демонстрирует устойчивый интерес к исследованию языкового ландшафта как к сложному семиотическому конструкту, отражающему особенности коммуникативного поведения в публичном пространстве. В фокусе внимания исследователей оказываются как макроуровни – лингвистические ландшафты стран, регионов, городов [Павленко 2017; Зубрицкая, Шкапенко 2024], так и микроуровни, в частности – образовательные организации, где лингвистический ландшафт выполняет не только навигационную, но и множество других важнейших функций [подробнее об этом см. Povalko et al. 2023]. Однако, как показывает анализ существующих работ, стратегии креативного воздействия и когнитивные механизмы их восприятия остаются недостаточно изученными. Данное исследование обращено к языковому ландшафту Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы – сложному коммуникативному пространству, в котором взаимодействуют различные языковые и культурные коды. В таких условиях инструменты лингвокреативности приобретают особую значимость, выступая не просто как средства декорации, но как механизмы управления вниманием и интерпретационной деятельностью адресата.

Языковой ландшафт понимается нами как совокупность письменных текстов, экспонированных в общественном пространстве [Cenoz, Gorter 2008], а лингвокреативность как «реализация креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях» [Зыкова 2017: 628].

Цель данного исследования – выявить и классифицировать основные инструменты лингвокреативности в визуальных публичных текстах вуза, описав их с точки зрения коммуникативных интенций автора и когнитивных операций адресата. Объект – лингвокреативность как коммуникативная стратегия в лингвистическом ландшафте РУДН. Предмет исследования – инструменты реализации лингвокреативности и их прагмастилистический и когнитивный потенциал. Материалом анализа послу-

жили 137 визуальных публичных текстов (стенды, баннеры, постеры), зафиксированных на территории кампуса университета в период с марта по июнь 2025 г.

В ходе анализа материала были выделены ключевые инструменты лингвокреативности, каждый из которых обладает специфическим прагмастилистическим заданием и активирует определенные когнитивные механизмы. Так, мощным инструментом установления контакта с адресатом выступают прецедентные тексты. В исследуемом материале представлены как натуральные / оригинальные (воспроизведение исходного текста), так и вторичные (трансформированные) прецедентные феномены. Натуральная форма прецедентного текста выполняет прежде всего функцию культурной идентификации. Так, в контексте объявления о праздновании Масленицы надпись *Гори, гори ясно…* на фоне нарисованного желтого солнца с лучами отсылает реципиента к русской фольклорной традиции (игра «Горелки»), активирует в сознании адресата фрейм «народный праздник» и формирует эмоционально-экспрессивную тональность коммуникации.

Использование прецедентного текста в его трансформированной форме демонстрирует более сложную стратегию. Например, постер «Осуди книгу по обложке». Трансформация пословицы («*Не суди*, да не судим будешь» → «*Осуди*...») создает эффект обманутого ожидания, который с когнитивной точки зрения требует от адресата двухэтапной обработки: 1) распознавание исходного прецедентного текста; 2) осмысление семантического сдвига. В данном случае прагматический эффект заключается в побуждении к рефлексии: адресат вынужден заново интерпретировать глагол «осудить», проведя его через «тоннель смыслов» от ‘вынести приговор’ к ‘выразить мнение’, что усиливает аттрактивность и интерактивность сообщения.

Функционирование окказиональных единиц в текстах лингвистического ландшафта университета является ярким примером прагмастилистической установки на формирование ингрупповой идентичности (термин социолога Уильяма Грэма Самнера). В объявлении студенческого интернет-издания «В курсе» находим два окказионализма: *медийщики, дизайнишь*. Использование словообразовательных моделей, характерных для профессионального или молодежного жаргона, выполняет функцию социального маркирования: сигнализирует о принадлежности адресанта к определенному сообществу и обращено к «своему» адресату, разделяющему эти языковые практики. Глаголы во 2-м лице единственного числа в сочетании с окказионализмами создают эффект диалогизации, трансформируя монологическое объявление в личностно-ориентированное обращение: «*Пишешь тексты? Дизайнишь? Снимаешь и монтируешь? Хочешь развиваться в медиа?»*. С когнитивной точки зрения, такой эффект снижает психологическую дистанцию и повышает вовлеченность.

Использование латиницы для передачи русскоязычных или кириллицы для англоязычных сообщений («GDE SEMAKINA?», «PROFKOM», «РИП ТОЛСТОЙ, Ю ВУД ЛАВ ДЕТ НОТ») реализует стратегию языковой игры, направленную

на привлечение внимания через нарушение орфографической нормы. С когнитивной точки зрения, подобная графогибридизация (термин Т.В. Поповой) требует от адресата переключения кодов и реконструкции исходного сообщения, что превращает процесс восприятия в интеллектуальное усилие. Прагмастилистический эффект заключается в создании имиджа «своего», ироничного и неформального коммуниканта, особенно в контексте молодежной и студенческой среды.

Довольно часто в текстах встречается прием актуализации разных лексико-семантических вариантов слова. Так, на постере с нарисованной формой для запекания находится надпись «*Форма выше содержания*», при этом слово *форма* расположено над изображением формы для запекания, а слово *форма* ниже. С точки зрения когнитивной лингвистики, здесь происходит одновременная активация двух различных концептуальных доменов, что порождает юмористический эффект и способствует непроизвольному запоминанию.

Отметим, что большинство текстов с лингвокреативностью являются поликодовыми. Взаимодействие вербального и невербального кодов рассматривается нами как инструмент прагмастилистического усиления. В объявлении о проведении опроса размер шрифта слова «БОЛЬШОЙ» коррелирует с его семантикой, а нарушение линейности строки (слово выходит за пределы листа) выступает как визуальная метафора превышения нормы.

Выявленные инструменты лингвокреативности выполняют не только аттрактивную, но и коммуникативно-прагматическую функцию, выступая средствами построения диалога между адресантом и адресатом. Все проанализированные тексты рассчитаны на высокий уровень когнитивной компетенции реципиента, предполагая наличие у него интертекстуальной памяти, способности к переключению языковых кодов и проведению сложных семантических, а также семиотических операций. Адресат выступает не пассивным потребителем, но соавтором смысла, что соответствует принципам диалогичности коммуникации.

Таким образом, лингвокреативность в пространстве университетского кампуса представляет собой сложный прагмастилистический феномен, в основе которого лежат когнитивные механизмы распознавания, интерпретации и смыслопорождения.

Литература

Зубрицкая Е.В., Шкапенко Т.М. Репрезентация локальной идентичности в лингвистическом ландшафте Калининграда // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 2 (12). С. 19–33.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514.

Cenoz J., Gorter D. The linguistic landscape as an additional source of input in second languageacquisition // IRAL-International Review of Applied Linguistics in Language

Teaching. 2008. No. 46 (3). P. 267–287.

Povalko P.Y., Smolii E.S., Kolysheva O.N. Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 1321–1336.

N. V. Dubinina*, *V. A. Antsiferova*, *P. N. Filippova *(Moscow, Russia)*
RUDN University

LINGUOCREATIVE TOOLS IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF A UNIVERSITY: A PRAGMA-COGNITIVE ASPECT

The article examines key linguocreativity tools in the linguistic landscape of RUDN University (Moscow), each of which activates specific cognitive mechanisms. Linguocreative texts shape dialogic communication, in which the recipient acts as a co-author of meaning, presupposing a high level of cognitive competence necessary for their interpretation.

Key words: linguistic landscape, linguocreativity tools, pragmastylistics, cognitology, dialogicity

М. О. Евграфова*, *Е. С. Коканова *(Архангельск, Россия)*
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
EvgrafovaMasha@yandex.ru, e.s.kokanova@narfu.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГРАДУИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ: МОДАЛЬНЫЙ КОНТИНУУМ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНСТРУКЦИЯХ

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические механизмы градации модальности обязательности в поджанрах англоязычного инструктивного дискурса. Выбор модальных маркеров и дискурсивные стратегии автора позволяют ранжировать степень императивности в зависимости от коммуникативных целей и предполагаемых рисков.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, модальность обязательности, инструктивный дискурс, дискурсивные стратегии, модальный континуум, английский язык

Категория модальности, восходящая к логическому учению о суждении, традиционно трактуется как способ выражения отношения высказывания к действительности [Худяков 2005: 58–62; Романова 2006: 29]. В логике она раскрывает объективную степень присущности признака предмету или субъективную меру познанности этой связи говорящим. В рамках когнитивно-прагматического подхода данные смыслы пересматриваются как инструмент управления интерпретацией адресата: выбор модальных маркеров не только отражает объективные свойства ситуации, но и модели-

рует ментальные схемы восприятия обязательности, задавая необходимую степень императивности в зависимости от коммуникативных целей и ожидаемых рисков.

Инструктивный дискурс относится к императивному типу текста, ключевая цель которого заключается в побуждении адресата к выполнению заданной последовательности действий [Евграфова 2024: 97]. Как отмечает Е.А. Махина, подобная инструкция задает алгоритм, позволяющий адресату стабильно достигать ожидаемого результата [Махина 2022: 987]. В настоящем исследовании ставится задача выявить и охарактеризовать языковые средства, обеспечивающие градацию обязательности в англоязычных инструкциях (на материале руководств по эксплуатации бытовой техники, кулинарных рецептов и медицинских аннотаций). Основное внимание уделяется описанию континуума долженствования: от мягких рекомендаций до императивных предписаний.

Категория модальности охватывает широкий семантический диапазон: от возможности и вероятности до необходимости и желательности [Васильева 2009: 106]. В рамках этого спектра значение обязательности располагает собственной системой языковой реализации, включающей грамматические (наклонение, время, вид), лексические (модальные глаголы, модальные слова, сентенциональные наречия) и интонационные средства. В англоязычных инструкциях именно объективная модальность, передающая общепринятые нормы и физические ограничения, преимущественно выражается с помощью модальных глаголов и безличных конструкций.

В рамках модального континуума инструктивного дискурса значение возможности нередко выступает фундаментом для имплицитного ранжирования обязательности. Описывая физические характеристики или функциональные возможности бытовых приборов, оно формирует когнитивную рамку, подготавливающую адресата к последующим директивам. Например: *The appliance can become hot during operation* [DE].

На противоположном полюсе континуума, противопоставленном зоне объективных возможностей, находится область непосредственной регламентации действий. В когнитивном ключе модальные маркеры выступают инструментами прямого управления поведенческим сценарием пользователя, однако обладают различной прагматической силой. Так, императив *must* закрепляет в сознании адресата схему действия, воспринимаемого как критически важного (зачастую связанного с техникой безопасности). Напротив, рекомендация, передаваемая через *should*, задает оптимальный, но не единственный путь в рамках этой схемы, демонстрируя градацию обязательности: от жесткого предписания к совету по эффективному использованию: *The device* ***must be disconnected*** *from the mains before cleaning* [FT] (обязательное требование электробезопасности) – *The water tank* ***should be refilled*** *when the indicator light is red* [DE] (рекомендация, основанная на корректной работе прибора).

В отличие от технических инструкций, кулинарный рецепт отличается принципиально иной коммуникативной направленностью, что непосредственно проявляется в смягчении степени обязательности и выборе соответствующих языковых

средств. Директива может ослабляться за счет включения разговорных элементов и обращения к адресату на личностном уровне, например, *Don't use the bottled stuff, trust me...* [MLCR], что формирует эффект совместного опыта, а не внешнего принуждения. Показательно, что модальность необходимости вербализуется не через прямые императивы, а с помощью дескриптивных и метафорических конструкций, объективирующих требование: от концептуальной метафоры ВНЕШНЕГО ТРЕБОВАНИЯ: *You are required to follow the steps* [BLP], до метафоры ВНУТРЕННЕГО СВОЙСТВА ПРОЦЕССА *The recipe calls for sugar* [BLP], *This cake keeps well...* [MLCR]. Таким образом, даже усиленные рекомендации *is strongly recommended* [BLP] преподносятся не как властное предписание, а как экспертное знание о внутренней логике самого процесса, что формирует у адресата модель гибкого, а не строго регламентированного следования алгоритму.

В рецептурном дискурсе модальность обязательности претерпевает динамический сдвиг: акцент смещается с регламентации процесса на валидацию результата. Базовую структуру действий формирует повелительное наклонение, однако его императивность сразу же смягчается фасилитирующими конструкциями (например, *making sure*), которые вносят элемент осмотрительности и персональной ответственности. Еще более показательно использование модального глагола *should*. В контексте описания целевого состояния (*should be slightly wobbly*, *should not be any lumps* [BLP]) он выражает не долженствование как таковое, а эпистемическую оценку желательности или нормативности результата. Таким образом, обязательность градуируется: от императивного управления действием посредством повелительного наклонения – через управление вниманием с помощью уточняющих конструкций – к предоставлению адресату критериев для самостоятельной проверки успешности выполнения: *Pour the batter into a prepared crust, **making sure** not to overfill the pie*, *There **should not be** any lumps*, *The pie **should be** slightly wobbly in the middle but set on the edges* [BLP].

Медицинский инструктивный дискурс применяет модальные маркеры с целью формирования у пациента однозначной когнитивной схемы действий. Основу этой схемы, как и в других типах инструкций, составляют глаголы в повелительном наклонении. Однако именно особый набор модальных глаголов (*must, should, may*) задает систему семантических ориентиров, в рамках которой каждое средство четко маркирует место действия на шкале 'жизненная необходимость – рекомендация – допустимая возможность'. Это позволяет не просто информировать адресата, но и управлять поведенческими рисками: *In deciding to use a medicine, the risks of taking the medicine **must be weighed** against the good it will do*, *Certain medicines **should not be used** at or around the time of eating food ... since interactions **may occur*** [Acetaminophen (oral route, rectal route)] (далее – [1]). Наряду с этим используются устойчивые обороты с семантикой обязательности, такие как *"to make sure": "**Make sure** you tell your doctor if you have any other medical problems"* [1].

Важным приемом, позволяющим одновременно смягчать и усиливать директивность в инструкциях к лекарственным препаратам, выступают условные конструкции. Они вводят гипотетическую ситуацию (например, «прием без назначения врача», «превышение дозы»), маркируя ее как отступление от нормы. Благодаря этому формируется двухуровневая модальная структура: на первом уровне допускается возможность выбора (ирреальная модальность условия), на втором – предписывается жесткое правило в рамках этого выбора. Подобный прием не снижает степень обязательности, а перераспределяет ее, возлагая на пациента ответственность за действия в заданных обстоятельствах: ***If*** *you* ***are taking*** *this medicine without the advice of your doctor,* ***carefully read*** *the package label and follow the dosing instructions*, ***If*** *you* ***will be taking*** *more than an occasional 1 or 2 doses of acetaminophen,* ***do not drink*** *alcoholic beverages* [A].

Полученные результаты позволяют заключить, что градуирование обязательности выступает ключевым когнитивно-прагматическим механизмом, организующим англоязычный инструктивный дискурс. Сопоставительный анализ его контрастных поджанров свидетельствует о том, что данный механизм функционирует не через отдельные языковые единицы, а в рамках единого модального континуума. Он формируется за счет системы разноуровневых языковых средств, в рамках которой спектр модальных глаголов образует не бинарную оппозицию, а иерархическую шкалу, отражающую плавный переход от императивной необходимости к факультативной возможности. Таким образом, автор инструкции, выбирая определенную точку на модальном континууме, моделирует соответствующую ментальную репрезентацию ситуации: от установки на совместное творчество (в рецептурном дискурсе) до ориентации на минимизацию рисков (в медицинском дискурсе). Адресат, в свою очередь, конструирует субъективную степень обязательности, интерпретируя модальные маркеры с учетом дискурсивного контекста, фоновых знаний и прагматических умозаключений.

Литература

Васильева Л.В. Языковые способы реализации категории модальности в новостном дискурсе американской прессы (диахронический аспект) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 106–110.

Евграфова М.О. Когнитивные исследования в инструктивном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 97–101.

Махина Л.А. Разграничение типов текста с побудительной модальностью в прикладном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 982–988.

Романова Т.В. Категория модальности в свете когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6). С. 29–35.

Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Академия, 2005.

A – Acetaminophen (oral route, rectal route) // Mayo Clinic. URL: https://www.mayoclinic.org/drugs-supplements/acetaminophen-oral-route-rectal-route/description/drg-20068480 (дата обращения: 20.01.2026).

DE – DURONIC EK30 – Electric Kettle // Manuals.plus. URL: https://manuals.plus/m/eee3a88b81ec6033319e42ef99b7e2e71a13089f0af8d31aa4711cdccb807896_optim.pdf&attachment_in=true&pButton=true&oButton=false&sButton=true#zoom=auto&pagemode=none&_wpnonce=5170de259c (дата обращения: 02.09.2025).

FT – Fortress Toaster User Manual Model No.: TOSS13 // Fortress. URL: https://www.fortress.com.hk/pdf/BP_11170953_EN.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

MLCR – Moist Lemon Cake Recipe // Plated Cravings. URL: https://platedcravings.com/moist-lemon-cake-recipe/ (дата обращения: 15.01.2026).

BLP – The BEST Lemon Pie // Glorios Treats. URL: https://www.glorioustreats.com/lemon-pie-recipe/ (дата обращения: 15.01.2026).

M. O. Evgrafova*, *E. S. Kokanova *(Arkhangelsk, Russia)*
Northern (Arctic) Federal University

COGNITIVE-PRAGMATIC MECHANISMS OF OBLIGATION GRADUATION: THE MODAL CONTINUUM IN ENGLISH-LANGUAGE INSTRUCTIONS

The article examines the cognitive-pragmatic mechanisms of grading the modality of obligation across subgenres of English-language instructive discourse. The choice of modal markers and the author's discursive strategies make it possible to rank the degree of imperativeness depending on communicative goals and anticipated risks.

Key words: cognitive-pragmatic approach, modality of obligation, instructive discourse, discursive strategies, modal continuum, English language

Е. Б. Жулина *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
minna80@mail.ru, e.zhulina@spbu.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КОСВЕННОЙ РЕЧЬЮ (INDIRECT SPEECH SENTENCES) В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ХОЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Предложения с косвенной речью (Indirect Speech Sentences) изучаются в рамках холистического подхода к языку, выступающему формой когнитивного поведения человека, ориентированной на приспособление к среде в момент речи. Применяется когнитивный анализ. Данные предложения отражают три типа знания, представленного в языке: непосредственный и опосредованный опыт наблюдателя и понятийное знание говорящего.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, холистический подход, адаптация, восприятие, наблюдатель, косвенная речь (Indirect Speech)

Исследование актуально, поскольку предопределяется значимым сдвигом парадигмы современной гуманитарной науки к индивиду как субъекту познания и явно необходимой трактовкой языка как антропоцентричной системы символов [Kravchenko 2021: 141]. Научная новизна заключается в том, что в рамках холистического подхода конфигурации, пребывающие в сознании человека и отражающиеся в языковых единицах, существенно определяются опытом тела [Varela 1999: 63; Черниговская 2024: 47]. Детерминированность конфигураций сознания телесным опытом отдельного человека ведет к интерпретации языка как формы когнитивного поведения, ориентированной на эффективное приспособление к среде в ситуации коммуникативного цейтнота, а не как системы символов, служащей для общения, которую коммуникант выбирает в момент речи. Значение языковой единицы, по этой причине, полагается чувственным опытом наблюдателя, непосредственным или опосредованным. Источником знания, отраженного в языке, может быть только наблюдатель, а не говорящий [Damasio 1994: 19]. Непосредственный чувственный опыт наблюдателя описывается как феноменологическое знание. Понятийное знание, в наибольшей степени отошедшее от первоначального источника восприятия, рассматривается как структуральное.

Знание, представленное в языке, объективно только по тому, что является чувственным опытом отдельного человека. Трактовка знания как телесного опыта человека, означает понимание коммуникации как формы когнитивного поведения, направленной на максимально эффективное понимание среды в момент речи. В силу этого, контекст ситуации, или речевой контекст, особенности восприятия человека и соответствие языковых единиц его чувственному опыту делаются ведущими в изучении языка.

Практическая значимость работы лежит в возможности применения результатов при разработке широкого круга практических и теоретических курсов, как в лингвистических дисциплинах, так и в междисциплинарных исследованиях. Материалом для анализа выступают высказывания, выбранные в British National Corpus. В исследовании применяется и развивается метод когнитивного анализа, разработанный М. Льюисом [Lewis 1991: 101]. В качестве предмета рассмотрения выступают способы представления в языке различных типов знания, которыми обладает индивид в акте коммуникации. Объектом анализа послужили предложения, содержащие косвенную речь (Indirect Speech Sentences) в английском языке. Предполагается, что данные предложения отражают три типа знания, репрезентированного в языке: непосредственный и опосредованный опыт наблюдателя и понятийное знание говорящего.

Даже при традиционном рассмотрении предложений с косвенной речью (Indirect Speech Sentences) понимается важность познающего индивида, принимающего роли и наблюдателя, и говорящего при выборе данных языковых форм.

Во-первых, зависимость выбора видовременной формы глагола *be* в предложениях «I told them that I was thirty и I told them that I am thirty» [Huddleston 1984: 198] от желания или оценки себя и экстралингвистического контекста человеком. Такая интерпретация явно предполагает присутствие наблюдателя в момент речи, поскольку оценивать себя может только человек, обладающий самосознанием. Во-вторых, необходимость смещения видовременной формы на один шаг в прошлое при переводе прямой речи в косвенную. Очевидно, что осознать действие как прошлое по отношению к моменту речи может только человек на основе смены событий в поле своего зрения. В-третьих, употребление вводного глагола в формах Present Simple только в определенных контекстах: пересказ текущей беседы третьему лицу, непосредственное чтение и пересказ инструкций, пересказ третьему лицу утверждений, которые другой человек произносит очень часто [Alexander 1995: 269]. Иными словами, с одной стороны, происходит совпадение действия (говорение) и его словесного описания. С другой стороны, в момент речи воспроизводится опосредованный опыт человека, либо даже понятийное знание говорящего (многократно высказанное утверждение). Чтобы описать подобную ситуацию более или менее адекватно ее нужно видеть. В-четвертых, регулярное использование вводного глагола в форме Past Simple, чтобы подчеркнуть расхождение в момент речи действия и его описания. Подобное несовпадение опирается на смену событий в поле зрения наблюдателя. В-пятых, возможность не соблюдать правило согласования времен, если в сказуемом в зависимой части предложения присутствуют модальные глаголы *could, might, should, must, need.* Поскольку модальные глаголы описывают не собственно действие, а отношение к нему говорящего, то необходим наблюдатель, обладающий сознанием, чтобы тем или иным образом оценить событие. В-шестых, возможность также не соблюдать указанное выше правило при пересказе «вечных истин» или иных событий, которые человек считает «историческими». Говоря по-другому, частотность повторения высказывания указывает на отсутствие точной временной отнесенности высказывания и, следовательно, передает понятийное знание говорящего. В-седьмых, возможность пересказа советов, команд, требований по смыслу, а не дословно и т.д. Другими словами, человек может отличить команду от совета только при непосредственном восприятии. Кроме того, пересказ прямых команд с помощью вводного глагола в форме Present Simple и модального глагола *to be to*, передающего согласованное всеми сторонами долженствование, также указывает на наблюдателя как непосредственного участника ситуации. В-восьмых, замена при переводе из прямой речи в косвенную указательного местоимения *this* на форму *that* или определенный артикль *the* [Quirk et al. 2010: 167]. Такая степень определенности возможна только для непосредственного наблюдателя.

В примере *Paul* ***says*** *he* ***is trying*** *to get* ***the*** *taxi* наблюдатель разговаривает по телефону со своим приятелем Полом (но не видит его) и одновременно передает его слова, стоящей рядом с ней подруге Мэри. По этой причине она выбирает форму

says. Данная форма как форма простого настоящего времени передает понятийное знание говорящего, а не наблюдателя. Глагольная форма ***is trying*** как форма настоящего времени несовершенного вида отражает непосредственный чувственный опыт наблюдателя. Форма ***is*** как форма настоящего времени глагола ***be*** подчеркивает совпадение в пространстве и во времени события и его словесного описания. Форма ***trying*** как причастие настоящего времени передает наблюдаемые попытки поймать такси. Определенный артикль ***the*** указывает на такую степень определенности, которую можно описать лишь на основе собственного опыта, непосредственного или опосредованного.

Предпочитая выражение ***I told*** *you he* ***wrote*** *it himself*, наблюдатель и его товарищ-студент обсуждают эссе и пытаются выяснить, кто его написал. Он не видит автора работы и, следовательно, выбирает глагольные формы ***told*** и ***wrote***. Эти видовременные формы, будучи формами простого прошедшего времени, выражают понятийное знание говорящего, максимально абстрагированное от первоначального источника восприятия. Личное местоимение ***I*** как форма первого лица единственного числа может описывать только собственно наблюдателя в момент речи. Иными словами, предложение с косвенной речью (Indirect Speech Sentence) передает структуральное знание говорящего, а не непосредственный или опосредованный опыт наблюдателя. Сравним с высказыванием *I told you he* ***had written*** *it himself*. В этом случае наблюдатель не только обсуждает с другим студентом авторство эссе, но и находит юношу, который его написал. Поскольку наблюдатель видит юношу и спрашивает его об эссе, то он останавливается на форме ***had written***. Форма ***had*** как форма глагола ***have*** отражает обладание в момент речи результатом более раннего действия. Форма ***written*** как причастие прошедшего времени глагола ***write*** передает опосредованный опыт наблюдателя, находящийся в его кратковременной памяти.

Прибегая к фразе *The CEO* ***said*** *they* ***were here then*** *to discuss* ***this*** *issue,* наблюдатель, находясь в зале заседаний, обсуждает с другим членом совета директоров тоже сокращение расходов, которое рассматривали здесь же ранее (и он в числе прочих), но в присутствии генерального директора. Как следствие, он выбирает глагольную форму ***said***, выражающую как форма простого прошедшего времени понятийное знание говорящего. Видовременная форма ***were*** заменяет форму ***had been***, так как исходя из контекста ситуации, употребление последней избыточно. Помимо этого, форма ***were***, будучи формой простого прошедшего времени глагола ***be*** также указывает на наблюдателя. Указательное местоимение места ***here*** выражает опосредованный опыт наблюдателя, поскольку описывает близость в пространстве относительно того, кто находится в ситуации. Местоимение времени ***then*** тоже передает опосредованный опыт наблюдателя, так как говорит об отдаленности во времени по отношению к тому, кто видел происходящее. Указательное местоимение ***this*** отражает оба типа опыта наблюдателя, потому что описывает степень определенности, которую можно лишь видеть.

Таким образом, предложения с косвенной речью (Indirect Speech Sentences) выражают три типа знания, представленного в языке: непосредственный и опосредованный опыт наблюдателя, и понятийное знание говорящего.

Литература

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: мозг, язык и сознание. М.: АСТ, 2024.

Alexander L.G. Longman Advanced Grammar: Reference and Practice. London: Longman,1995.

Damasio A. R. Decarte's Error: Emotion, Reason and the Human Brain. NY: Avon Books, 1994.

Huddleston R.D. Introduction to the Grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Kravchenko A.V. Approaching linguistic semiosis biologically: Implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 139–158.

Lewis M. The English Verb. An Exploration of Structure and Meaning. London: Cambridge University Press, 1991.

Quirk R., Greenbaum S., Leech J., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. Delhi: Pearson India, 2010.

Varela F.J. The Specious Present: A Neurophysiology of Time Consciousness. Naturalizing Phenomenology and Cognitive Science. Stanford: California Stanford University Press, 1999.

British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения 17.03.2026).

E. B. Zhulina *(Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg State University

INDIRECT SPEECH SENTENCES IN ENGLISH LANGUAGE WITHIN THE HOLISITC APPROACH

Indirect speech sentences are analyzed within the new holistic approach to language as a form of cognitive behaviour aimed at the adaptation to the en vironment at the moment of speech. The method of the research is the cognitive analysis of language. These forms demonstrate three types of knowledge depicted in language, i.e. direct and indirect experience of the observer, structural knowledge of a speaker.

Key words: cognitive linguistics, holistic approach, perception, observer, adaptation, indirect speech

Е. М. Истомина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
istominaem@susu.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Характерные для интернет-дискурса популярной психологии дискурсивные формулы включают институциональные лексические единицы, фразеологизмы, высказывания, которые с позиции когнитивно-прагматического подхода указывают на профессиональную маркированность коммуникации и структурируют дискурс.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, институциональная лексическая единица, институциональный фразеологизм, институциональное высказывание, прецедентное имя, фатический оборот

Широкое распространение средств медиа привело к выходу терапевтического дискурса за пределы кабинета психотерапевта в медийное пространство, его популярности и, более того, формированию, по утверждению социологов и культурологов, терапевтической культуры.

Согласно социолингвистической классификации В.И. Карасика, терапевтический дискурс является разновидностью медицинского дискурса и относится к институциональному виду коммуникации Институциональные дискурсы, согласно автору, обладают следующими характеристиками: субъекты, цель, ценности, хронотоп, прецедентные тексты, тематика, жанры, дискурсивные формулы, стратегии и тактики [Карасик 2002].

Существование институциональных дискурсов возможно в различных модусах. Это может быть общение агент – клиент и агент – агент, агенты и клиенты могут быть при этом как индивидуальными, так и групповыми. Терапевтический дискурс в медийном пространстве представляет собой общение агента с группой клиентов, которые ему неизвестны, и число которых не ограничено, с целью профессионального консультирования, а, кроме того, для популяризации психологической науки. Такой вид профессиональной коммуникации относят к научно-популярному медиадискурсу. Настоящее исследование ограничивает медиасреду специализированными сайтами в интернет, в результате чего данная разновидность профессионального общения именуется интернет-дискурсом популярной психологии. В таком модусе исследуемый дискурс характеризуют специфические дискурсивные формулы, которые представляют предмет исследования.

Цель работы – выявить дискурсивные формулы, указывающие на личностную принадлежность говорящего к социальному институту популярной психологии и на его прагматические установки. Научная новизна заключается в характеризации профессиональной идентичности агентов интернет-дискурса популярной психологии и их интенций сквозь призму языка. Исследование осуществляется с позиции

когнитивно-прагматического подхода методом сплошной выборки профессионально-маркированных лексических единиц, фразеологизмов, высказываний.

Материалом для проведения исследования служат ответы психотерапевтов на письма читателей рубрики «Личный опыт» в электронной версии журнала Psychologies, поскольку переписка близка диалогическому общению, которое характерно для терапевтического сеанса. Корпус включает около двухсот текстов, опубликованных на сайте журнала за период с 2022 по 2025 г.

Стоит отметить, что дефиниция понятия *дискурсивная формула* не до конца разработана. В настоящей работе под этим термином, вслед за Л.С. Бейлинсон, понимаются профессионально-маркированные лексические и фразеологические единицы, а также характерные для данного вида институционального дискурса высказывания [Бейлинсон 2008: 42]. Лексические и фразеологические единицы представляют собой однословные или составные номинации терминологического характера и клишированные обороты речи, отожествляющие говорящего с профессиональным сообществом онлайн-психотерапевтов. Под так называемыми институциональными высказываниями интернет-дискурса популярной психологии понимаем используемые психотерапевтами при интернет-коммуникации с клиентами особые фатические обороты, которые указывают на профессиональную маркированность и организацию коммуникации.

Как известно, значительную часть современного профессионального медицинского дискурса, разновидностью которого, как указано выше, является терапевтический дискурс, составляют греко-латинские термины, что обеспечивает создание точных и универсальных номинаций, понятных профессионалам в области медицины во всем мире. Однако, использование профессионального подъязыка медицины в научно-популярном дискурсе не целесообразно, поскольку его клиенты не владеют им в должной мере. Как результат, использование профессиональных медицинских терминов в интернет-дискурсе популярной психологии сводится к минимуму, ограничиваясь лишь единицами, известными широкому кругу неспециалистов. Примерами таких единиц являются слова *фобия* (*греч. phob – боязнь, страх и греч. суф. -ia – патологический процесс*) и *мания* (*греч. -man – влечение и греч. суф. -ia – патологический процесс*), составная часть сложных слов, означающая заболевание, *-патия* (*греч. pathos – страдание*, *болезнь и греч. суф. -ia – патологический процесс*). Более того, многие лексические единицы подвергаются адаптации и комментированию со стороны агентов для более успешного их восприятия клиентами дискурса.

В интернет-дискурсе популярной психологии выработана собственная система номинаций, повышающая доступность восприятия информации и интерес к ней для неспециалиста: понятные в плане значения и деривации, а также повышающие выразительность текстов лексические единицы. Примерами являются слова с прозрачной деривацией, к которым, в частности, относятся *пограничник*, то есть человек, страдающий пограничным расстройством личности; сложные слова, об-

разованные из широко известных элементов, например, *социофобия* или *социопатия* вместо термина медицины *диссоциальное расстройство личности*; сочетания из слов бытовой и/или общенаучной концептосферы: *ложное заболевание*, *индуцированное заболевание*, *больничное мошенничество*, *синдром госпитальной преступности* или *госпитальной блохи*, вместо *симулятивного психического расстройства*.

Значительную долю наименований расстройств психики в популярной психологии составляют лексические и фразеологические единицы, основанные на прецедентных именах (ПИ). Так, *комплексное посттравматическое стрессовое расстройство* (КПТСР) именуется *чеченским* или *афганским синдромом*; *трихофагия* (поедание волос), проявляющаяся на фоне *трихотилломании* (вырывания собственных волос) – *синдромом Рапунцель*; *компульсивное сексуальное расстройство поведения – нимфоманией*. Для номинаций используются исключительно известные всем носителям отечественной лингвокультуры ПИ, апеллирующие в своем большинстве к дифференциальным признакам, которые хранятся в когнитивной базе представителей социума [Истомина 2025].

Институциональные фразеологизмы или институциональные формальные выражения – характерные для интернет-дискурса популярной психологии профессионально-маркированные высказывания – включают, в частности, следующие: *нарушать личные границы*, *выйти из зоны комфорта*, *контролировать эмоции*, *быть в ресурсе*, *быть в моменте*, *проработать травму*, *закрыть гештальт*, *нездоровые отношения*.

В ходе исследования выявлено, что в интернет-дискурсе популярной психологии активно используются фатические обороты, ориентированные на личностное общение, имитацию субъект-субъектного речевого взаимодействия, установление и поддержание контакта с клиентом, солидаризацию с ним. Исследованный корпус текстов характеризуется подчеркнутой адресованностью и личностной ориентированностью общения.

В качестве дискурсивных формул при установлении контакта в исследуемом дискурсе отчетливо выделяется приветственное обращение к клиенту дискурса, включающее его полное имя, с добавление прилагательного *дорогая* для клиентов женского пола с целью имитации субъект-субъектного общения. Последующее поощрение обеспокоенности проблемой, выраженное дискурсивной формулой *Вы – молодец, что не остаетесь равнодушным и стараетесь разобраться* нацелено на укрепление контакта. Поддержка контакта осуществляется, в частности с помощью дискурсивных формул *Давайте разберемся*; *Ваши переживания/чувства очень понятны*; *Подобные вопросы волнуют многих*, интенция которых – поощрение и солидаризация клиентов.

При размыкании контакта в качестве дискурсивных формул выделены пожелание и рекомендация, которые поощряют дальнейшее коммуникативное взаимодействие. Среди дискурсивных формул-пожеланий отметим *Верьте в себя!* в мотивационных текстах; *Удачи вам!* и *Берегите себя!* при консультировании по поводу преодоления

трудных жизненных ситуаций. Рекомендация осуществляется посредством дискурсивных формул *Точный диагноз может определить врач-психиатр на личном приеме* в случае выхода проблемы за пределы компетенции психотерапевта; *Обратитесь за профессиональной помощью к психологу*, когда описание ситуации клиентом в своем обращении не позволяет психотерапевту дать точную рекомендацию.

Анализ текстов профессионального общения психотерапевта с группой клиентов в сети интернет на предмет используемых дискурсивных формул позволяет сделать следующие выводы: количество греко-латинских терминов медицины сводится к минимуму и ограничивается известными для неспециалистов в области медицины единицами. Понижение терминологической насыщенности и повышение выразительности текстов обеспечивается за счет применения адаптированных лексических единиц, часть которых составляют номинации с ПИ. Выявлены институциональные фразеологизмы, стандартизирующие форму и содержание текстов исследуемого дискурса и позволяющие понять, что текст принадлежит интернет-дискурсу популярной психологии. Проведенное исследование также показало, что фатическая коммуникация крайне востребована в данном виде дискурса: выявлены дискурсивные формулы для установления, поддержания и размыкания контакта. Типичные для исследуемого дискурса фатические профессионально-маркированные высказывания обнаружены в приветствии, похвале, выражении сочувствия, совете, прощании. Выявленные дискурсивные формулы характеризуют авторов текстов как агентов социального института популярной психологии и организуют дискурс.

Литература

Бейлинсон Л.С. Дискурсивные формулы профессиональной речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 5 (29). С. 42–46.

Истомина Е. М. Прецедентные имена со сферой-источником ‘Литература’ в названиях расстройств (на материале интернет-дискурса популярной психологии) // Казанская наука. 2025. № 2. С. 465–467.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

E. M. Istomina *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University (National Research University)

DISCURSIVE FORMULAS OF THE INTERNET DISCOURSE OF POPULAR PSYCHOLOGY

Discursive formulas of online discourse of popular psychology include institutional lexical units, phraseological units, and statements that, from the perspective of the cognitive-pragmatic approach, indicate the professional nature of the communication and structure the discourse.

Key words: cognitive-pragmatic approach, institutional lexical unit, institutional phraseological unit, institutional statement, precedent name, phatic phrase

О. И. Калинин *(Москва, Россия)*
Военный университет им. князя Александра Невского,
Московский государственный лингвистический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет
okalinin.lingua@gmail.com

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНОЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА ДИСКУРСЕ ЮАР[1]

Статья посвящена анализу метафорической репрезентации России в политическом медиадискурсе Южно-Африканской Республики. Исследование выявляет основные метафорические модели, используемые в южноафриканских СМИ для описания роли России в международных отношениях, а также демонстрирует связь метафорических конструкций с выражением оценочности и формированием образа государства в медиапространстве.

Ключевые слова: медиадискурс, метафора, оценка, репрезентация России, СМИ ЮАР

В условиях современного информационного общества средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного восприятия политических событий и международных отношений. Медиа дискурс становится одним из основных каналов интерпретации социально значимой информации и одновременно инструментом воздействия на массовое сознание. Информация, репрезентируемая языковыми знаками в разных формах медиа дискурса, представляется фактором, который одновременно отражает и опосредует изменения в индивидуально-политическом и национально-культурном сознании, а «процесс массовой коммуникации в области медиа, как традиционных, так и новых, превратился в перманентно осуществляемое речевое воздействие» [Калинин, Князева 2023: 441].

Исследователи отмечают, что политический дискурс следует рассматривать как форму социальной практики, в которой языковые средства используются для формирования определенных интерпретаций политической реальности и закрепления идеологических установок. Так, Т. ван Дейк подчеркивает, что политический дискурс определяется не только тематикой, но и коммуникативной ситуацией, целями участников общения и их социальными ролями, поскольку именно эти факторы формируют характер коммуникации и прагматические стратегии речевого воздействия [van Dijk 2008].

В рамках медиадискурса особую значимость приобретает категория оценки, позволяющая транслировать определенное отношение к событиям, политическим акторам и государствам. По мнению М. Табаода, «оценка в дискурсе представляет

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, https://rscf.ru/project/24-18-00049/.

собой выражение отношения говорящего, его позиции или ценностного суждения по отношению к объектам, событиям или высказываниям (пропозициям)» [Taboada 2016: 13]. Следовательно, оценочные элементы текста формируют интерпретационные рамки, через которые аудитория воспринимает политическую информацию и интерпретирует события общественно-политической жизни.

Одним из наиболее эффективных инструментов реализации оценки в дискурсе является метафора. В современной лингвистике метафора рассматривается как когнитивный механизм, позволяющий структурировать сложные социальные и политические явления через более понятные для аудитории концептуальные модели, что неоднократно доказано в современной лингвистике [Lakoff, Johnson 1980]. Исследования показывают, что метафорические модели используются для формирования определенных оценок политических акторов и событий и для воздействия на общественное мнение. По мнению А.П. Чудинова, метафорические модели позволяют «структурировать представления общества о политической реальности и формировать определенную интерпретацию политических процессов» [Чудинов 2006: 41]. Кроме того, метафора обладает значительным манипулятивным потенциалом, так как она способна скрыто транслировать идеологические установки. Как отмечает Дж. Чартерис-Блэк, метафоры в политической речи обладают высокой убедительной силой, поскольку «их смысловая неопределенность допускает различные интерпретации и тем самым облегчает воздействие на аудиторию» [Charteris-Black 2011: 28]

В последние десятилетия исследование политической метафоры стало одним из ключевых направлений медиалингвистики и политической лингвистики. Однако большинство исследований сосредоточено преимущественно на медиадискурсах западных стран, тогда как медиадискурсы государств Глобального Юга остаются сравнительно мало изученными. Между тем именно в этих медиапространствах формируются альтернативные интерпретации международных политических процессов, отличающиеся от западных информационных нарративов.

Особый интерес в этом контексте представляет медиадискурс Южно-Африканской Республики, который отражает специфическое геополитическое положение страны и ее роль в международных политических процессах. Анализ метафорических моделей, используемых южноафриканскими СМИ при репрезентации России, позволяет выявить особенности формирования образа государства в медиапространстве и определить стратегию оценочного представления политических событий.

Так, цель исследования – выявить особенности метафорической репрезентации России в медиадискурсе Южно-Африканской Республики и определить ее связь с оценочностью медиатекстов.

Материал исследования составляют медиатексты СМИ ЮАР, посвященные международной политике и роли России в современных геополитических процессах. Корпус исследования включает новостные публикации из изданий The Citizen, Daily Sun, AllAfrica, The South African и News24, опубликованные в период с 2022

по 2025 гг. и освещающие события, связанные с международной политикой и конфликтом на Украине. Общий объем корпуса составляет около 132 тыс. слов. Методология исследования включает дискурс-анализ, контент-анализ медиатекстов, прагматический анализ, а также количественный анализ метафорического речевого воздействия [Калинин 2022].

Проведенный анализ медиатекстов южноафриканских СМИ позволил выявить значительное количество метафорических конструкций, используемых для репрезентации России и связанных с ней политических событий (см. табл.).

Таблица. Количественное распределение метафор в медиадискурсе ЮАР

Тип метафоры	Положительная оценка	Отрицательная оценка
Прямые метафоры	106	105
Непрямые метафоры	244	218
Метафоры слабой интенсивности	210	205
Метафоры средней интенсивности	115	97
Метафоры высокой интенсивности	36	10

Количественный анализ показал, что в медиадискурсе ЮАР преобладают непрямые метафоры: было выявлено 244 случая непрямых метафор с положительной оценкой и 218 – с отрицательной, тогда как прямые метафоры встречаются реже (106 положительных и 105 отрицательных). По степени интенсивности наиболее распространенными являются метафоры слабой интенсивности (210 положительных и 205 отрицательных), что свидетельствует о стремлении авторов медиатекстов избегать чрезмерной эмоционализации и сохранять аналитический характер подачи информации. Метафоры средней интенсивности встречаются реже (115 положительных и 97 отрицательных), а метафоры высокой интенсивности фиксируются значительно реже (36 положительных и 10 отрицательных).

Одной из распространенных моделей является метафора равновесия и силы, где Россия представляется как фактор стабилизации международных отношений. Например, в одном из медиатекстов Россия описывается как *potential balancing force against Western and Asian powers* ‘потенциальная уравновешивающая сила по отношению к западным и азиатским державам’. В данном случае метафора *balancing force* формирует образ России как государства, способного сдерживать доминирование других политических акторов и тем самым поддерживать геополитическое равновесие.

В примере *Putin’s anti-colonial rhetoric resonates deeply in Africa* ‘антиколониальная риторика Путина глубоко откликается в Африке’ глагол *resonates* переносит

свойства физического явления «резонанса» на сферу политических идей. Благодаря этому создается представление о том, что позиции России и настроения африканских обществ находятся в определенном ценностном созвучии, а Россия репрезентируется как союзник стран Африки, разделяющий антиколониальные установки и поддерживающий идеи исторической справедливости.

В ряде медиатекстов Россия описывается через игровую метафору *game changer* ‘фактор, меняющий правила игры’. В рамках данной модели международная политика интерпретируется как своеобразная игра с определенными правилами и стратегиями. Россия в этом контексте представляется актором, способным изменить существующий порядок и повлиять на конфигурацию международных отношений. Использование подобной метафоры подчеркивает масштаб влияния России на мировую политическую систему и усиливает восприятие ее как одного из ключевых участников глобальной политики

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что южноафриканский медиадискурс характеризуется умеренной метафоричностью и относительно сбалансированным распределением положительных и отрицательных оценок. При этом метафоры чаще используются в имплицитной форме, что позволяет журналистам выражать оценочные суждения косвенно, сохраняя видимость объективности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что метафора играет значимую роль в формировании образа России в медиадискурсе Южно-Африканской Республики. Анализ медиатекстов показал, что южноафриканские СМИ характеризуются относительно нейтральной и умеренной оценочной тональностью, а метафорические модели используются преимущественно как средство косвенного выражения политической оценки. В отличие от ряда западных медиадискурсов, репрезентация России в южноафриканских СМИ отличается более дипломатичным и сбалансированным характером. Таким образом, метафора выступает важным инструментом концептуализации международных отношений и формирования образа государства в медиапространстве.

Литература

Калинин О.И. Метафорическое речевое воздействие // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 229–234.

Калинин О.И., Князева Е.Г. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2 (54). С. 441–446.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2006.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor. London: Palgrave Macmillan, 2011.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Taboada M. Evaluation in Discourse // The Routledge Handbook of English for Academic Purposes, K. Hyland, P. Shaw (eds.). London: Routledge, 2016. P. 13–27.

van Dijk T. A. Discourse and Power. London: Palgrave Macmillan, 2008.

O. I. Kalinin (Moscow, Russia)
Prince Alexander Nevsky Military University
Moscow State Linguistic University
South Ural State University (National Research University)

METAPHOR AS A TOOL OF EVALUATIVE REPRESENTATION OF RUSSIA IN THE POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF SOUTH AFRICA

This article examines the metaphorical representation of Russia in the political media discourse of the Republic of South Africa. The study identifies the main metaphorical models used in South African media to describe Russia's role in international relations and demonstrates the relationship between metaphorical constructions, evaluative meaning, and the formation of the country's image in the media space.

Key words: media discourse, metaphor, evaluation, representation of Russia, South African media

Е. Е. Киреенкова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
ekaterina.koryukina@gmail.com

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В статье рассматривается когнитивно-прагматическая интерпретация и уровни структуры языковой личности на материале англоязычных терминов специальной педагогики. Особое внимание уделяется процессу интерпретации в системе «субъект-источник – субъект-интерпретатор», где в роли интерпретируемого выступает ребенок с ОВЗ.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивно-прагматическая интерпретация, специальная педагогика, терминология, концептуализация, англоязычный дискурс, субъект-интерпретатор

Понятие языковой личности, введенное в научный обиход Ю.Н. Карауловым и развитое в трудах В.И. Карасика, Г.И. Богина и других исследователей, приобрело статус системообразующей категории лингвоперсонологии. Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности представляет собой исследовательскую стратегию, направленную на выявление того, как «когнитивные структуры сознания реализуются в речевом поведении личности, в выборе ею тех или иных языковых средств для достижения коммуникативных целей.

В рамках данного подхода особое значение приобретает понятие когнитивно-прагматической программы (КПП), разработанное Д.И. Ивановым. КПП рассматривается как особая концептуальная матрица, целостная система целевых, инструментальных и оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок,

интегрирующих различные субъектные модальности (субъект-источник – субъект-интерпретатор) [Иванов 2016: 108].

Ключевым для понимания механизмов интерпретации является взаимодействие в системе «субъект-источник – субъект-интерпретатор». В любой коммуникативной ситуации субъект-источник транслирует некоторое содержание (интенцию, смысл, концепт), а субъект-интерпретатор, воспринимая это содержание, пропускает его через фильтр собственного когнитивного опыта, ценностных ориентаций и коммуникативных задач. В результате возникает не простое копирование, а творческое переосмысление – интерпретация.

Применительно к профессиональной языковой личности специалиста в области специальной педагогики, эта система приобретает особую конфигурацию. Субъектом-источником выступает ребенок с особыми образовательными потребностями (его вербальные и невербальные сигналы); научное знание, зафиксированное в терминологической системе; профессиональное сообщество с его конвенциональными нормами. Субъект-интерпретатор – специалист (дефектолог, логопед, специальный психолог), который не просто распознает эти сигналы, но интерпретирует их сквозь призму профессиональной картины мира, соотнося с терминологической системой и выбирая адекватные стратегии педагогического воздействия.

Профессиональная языковая личность специалиста в области специальной педагогики формируется в процессе овладения терминологической системой и включения ее в свою концептуальную картину мира [Болдырев 2004: 23]. Рассмотрим три уровня языковой личности применительно к данной профессиональной сфере. Трехуровневая модель языковой личности включает: вербально-семантический уровень (владение естественным языком); когнитивный уровень (система концептов, картина мира); прагматический уровень (цели, мотивы, интенции, коммуникативные стратегии).

На вербально-семантическом уровне специалист овладевает лексико-грамматическим фондом специальной педагогики. Это включает знание: нозологической терминологии: *autism spectrum disorder (ASD)*, *attention deficit hyperactivity disorder (ADHD)*, *cerebral palsy (CP)*, *specific language impairment (SLI)*; педагогической терминологии: *early intervention*, *inclusive education*, *individualized education program (IEP)*, *assistive technology*; психологической терминологии: *executive functions*, *theory of mind*, *scalar implicature*, *pragmatic language impairment*.

Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о запоминании терминов, но о формировании способности оперировать ими в профессиональной коммуникации – как в устной, так и в письменной форме.

Когнитивный уровень языковой личности специалиста характеризуется сформированностью профессиональной картины мира – системы концептов, через которые интерпретируются наблюдаемые феномены. Изучение языка специальной педагогики раскрывает эволюцию научных представлений об аномальном развитии.

Ключевые концепты, структурирующие профессиональное сознание:

концепт DEVELOPMENT ‘развитие’ – понимание того, что нарушения развития подчиняются общим законам онтогенеза (культурно-историческая теория Л.С. Выготского); концепт COMPENSATION ‘компенсация’ – представление о возможности замещения нарушенных функций за счет сохранных; концепт INTERVENTION ‘вмешательство’ – понимание активной роли педагога в коррекционном процессе; концепт INCLUSION ‘инклюзия’ – ценность включения лиц с ОВЗ в общеобразовательную среду [Киреенкова 2016: 151].

Понимание скалярных импликатур детьми с расстройствами аутистического спектра, демонстрирует, как когнитивный уровень специалиста позволяет интерпретировать речевое поведение детей. Скалярные импликатуры – это логические выводы, которые слушающий делает, усиливая более слабое значение термина. Дети с аутизмом, имеющие трудности с пониманием намерений говорящего, обнаруживают специфику понимания таких конструкций. Специалист, вооруженный знанием этой закономерности, иначе интерпретирует речевые реакции ребенка, нежели непрофессионал.

Прагматический уровень языковой личности реализуется в коммуникативных стратегиях и тактиках специалиста. Исследователи отмечают, что прагматический уровень языковой личности отражает утилитарность во владении языком и проявляется в необходимости межкультурной адаптации и социализации. В контексте специальной педагогики прагматический уровень включает: способность адаптировать профессиональную речь для разных аудиторий (родители, коллеги, администрация, сами дети); выбор речевых стратегий в зависимости от коммуникативной ситуации (консилиум, диагностика, коррекционное занятие); реализацию профессиональных интенций: объяснить, убедить, рекомендовать, поддержать.

Показательно, что сама терминология специальной педагогики эволюционирует в сторону большей прагматической корректности. Название «специальная педагогика» используется «как общепонятный международный педагогический термин, так как сообразуется с современными гуманистическими ориентирами мировой системы образования: корректность, отсутствие унижающего человека ярлыка». Английский корень *special* ‘особый, индивидуальный’ «подчеркивает личностную ориентированность этой области педагогии, ее способность решать сложные индивидуальные образовательные проблемы конкретного человека» [Воронцова, Киреенкова 2017: 235].

Наиболее интересным аспектом когнитивно-прагматического подхода является анализ того, как через терминологию осуществляется интерпретация – как самого ребенка, так и педагогической ситуации в целом. Термин не просто называет явление – он задает способ его видения. Рассмотрим эволюцию терминологии, обозначающей детей с отклонениями в развитии:

- *Idiot, imbecile, moron* (XIX – нач. XX в.) – медицинская модель, фиксация степени дефекта;

- *Feeble-minded, retarded* (середина XX в.) – психометрическая модель, акцент на интеллекте;
- *Handicapped children* (1960-80-е гг.) – социальная модель, указание на препятствие;
- *Children with disabilities* (1980-90-е гг.) – модель *person-first*: ребенок прежде дефекта;
- *Children with special educational needs* (с 1990-х.) – педагогическая модель: акцент на потребностях;
- *Children with exceptionalities* (современный) – позитивная модель: уникальность, особенности.

Каждый из этих терминов имплицитно содержит определенную программу интерпретации. Называя ребенка *mentally retarded*, специалист неосознанно настраивается на фиксацию его дефицитов, ограничений. Используя термин *child with autism spectrum disorder*, профессионал акцентирует, что перед ним прежде всего ребенок, а во вторую очередь – носитель определенных особенностей. Термин *exceptional child* задает интерпретацию в ключе уникальности, потенциальных возможностей.

В профессиональной деятельности специалиста по специальной педагогике механизм интерпретации реализуется постоянно. Рассмотрим типичную ситуацию: поведение ребенка в классе. Непрофессионал (родитель, случайный наблюдатель) может интерпретировать это поведение как «непослушание», «капризы», «нежелание заниматься». Профессионал, вооруженный терминологической системой, увидит в тех же проявлениях:

sensory seeking behavior (поиск сенсорной стимуляции) – если ребенок кружится или раскачивается; *escape-motivated behavior* (поведение, мотивированное избеганием) – если реакции возникают в ответ на сложные задания; *stereotypic behavior* (стереотипное поведение) – если действия однообразны и не имеют видимой цели.

Как видим, одна и та же поведенческая реальность получает принципиально разную интерпретацию в зависимости от концептуального аппарата, которым владеет субъект. При этом интерпретация не остается сугубо теоретической – она непосредственно определяет выбор педагогических стратегий, что может служить моделью для анализа других профессиональных дискурсов.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Воронцова Т.И., *Киреенкова Е.Е.* О формировании терминосистемы инклюзивного образования // Когнитивные исследования языка. 2017. № 31. С. 233–239.

Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 12(66): в 4 ч. Ч. 2. С. 107–111.

Киреенкова Е.Е. Формирование англоязычной терминосистемы инклюзивного образования: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2016.

E. E. Kireenkova *(Saint Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia

COGNITIVE-PRAGMATIC INTERPRETATION OF LINGUISTIC PERSONALITY IN THE SPHERE OF ENGLISH-LANGUAGE TERMINOLOGY OF SPECIAL PEDAGOGY

This article examines cognitive-pragmatic interpretation and the structural levels of linguistic personality, using English-language terms from special education. Particular attention is paid to the interpretation process within the "source subject – interpreter subject" system, where the interpretee is a child with disabilities.

Key words: linguistic personality, cognitive-pragmatic interpretation, special education, terminology, conceptualization, English-language discourse, interpreter subject

В. Ю. Клейменова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
victoria.kleimenova@yandex.ru

КОДОВАЯ СИСТЕМА ALGOSPEAK В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются когнитивные характеристики Algospeak как системы вторичных номинативных единиц, которая используется пользователями социальных сетей в неформальной цифровой коммуникации для обозначения стигматизированных денотатов. Выявляются прагматические функции и модели образования элементов данной кодовой системы.

Ключевые слова: дискурс социальных сетей, цензура, кодовая система, номинативная единица, Algospeak, эвфемизм, оценка

Роль цифровой коммуникации в современном мире трудно переоценить. Согласно статистическим данным 2025 г., в социальных сетях зарегистрированы 4.8 млрд человек (59.9% населения планеты), что составляет 92.7% интернет пользователей, каждый из которых посвящает виртуальному общению и просмотру контента 2 часа 24 минуты в день [SEJ]. Политологи установили, что в он-лайн коммуникации люди более свободно выражают свое мнение при обсуждении деликатных тем, поскольку полагают, что обращаются к заинтересованному сегменту цифрового сообщества, в котором их высказывания находят отклик у других пользователей и стимулируют дальнейшее общение; следовательно, у индивида возникает «иллюзия причастности» [Dean 2005: 60].

В то же время владельцы интернет-платформ стремятся регулировать процесс обмена информацией и жестко контролируют контент, внедряя системы специальных алгоритмов, отслеживающих появление в постах и комментариях вербальных маркеров определенных тем. Например, в соответствии с правилами сообщества

TikTok, блокируются и удаляются высказывания, в которых затрагиваются проблемы насилия и преступности, различных форм дискриминации, торговли людьми, душевного здоровья, расстройств пищевого поведения и т.д. [TikTok].

Столкновение интересов пользователей, реализующих право на свободу слова, и владельцев интернет-платформ, вводящих предварительную цензуру контента, привело к появлению *Algospeak*, то есть кодовой системы, элементы которой в процессе цифровой коммуникации объективируют стигматизированные денотаты, т.е. концепты, относящиеся к социально неприемлемым или потенциально опасным сферам действительности.

В дискурсе социальных сетей коммуникант, говоря о том, что не принято обсуждать прилюдно, использует результаты концептуализации, т.е. осмысления фрагментов реальности в виде концептов как определенных единиц знания; эта деятельность представляет собой «живой процесс порождения новых смыслов» с использованием логических операций умозаключений и получения выводных данных [Кубрякова 1996: 93]. Важным ментальным механизмом концептуализации в ситуации жестких цензурных ограничений следует признать оценивание денотата как социально приемлемого или неприемлемого, следовательно, ментальную деятельность индивида в этой ситуации, можно определить как оценочную концептуализацию, как «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании» [Болдырев 2002: 104].

Предметом исследования в настоящей статье являются кодовые обозначения потенциально конфликтогенных фрагментов реальности, которые пользователи социальных сетей применяют в неформальном общении. Цель работы состоит в описании прагматических функций и моделей создания моно- и поликодовых вторичных номинативных единиц, используемых в дискурсе социальных сетей вместо первичных наименований, блокируемых компьютерными алгоритмами. Материалом исследования послужили тексты более 400 постов и комментариев в социальных сетях, из которых методом сплошной выборки были отобраны номинативные единицы, рассматриваемые пользователями платформы как элементы *Algospeak*. Использование методов непосредственных составляющих и контекстуального анализа позволило выявить структурные модели и когнитивные признаки элементов рассматриваемого эмпирического материала.

Термин *Algospeak* представляет собой морфологически мотивированный «бленд», состоящий из двух элементов (Algo (algorithm) + speak) и обозначающий кодовую систему, которая применяется пользователями социальных сетей для обхода алгоритмов модерации контента посредством замены узуальных лексических единиц на завуалированные функциональные аналоги. Следовательно, элементы цифрового языка *Algospeak* следует рассматривать в качестве единиц вторичной номинации, то есть новых обозначений традиционных концептов. Появление новых номинативных единиц обусловлено не «семантическим изнашиванием» узуальных

лексем, а экстралингвистическим фактором – введением автоматической проверки сообщений, размещенных пользователями социальных сетей, на предмет соответствия правилам интернет-сообществ.

В ситуации автоматической цензуры *Algospeak* является проявлением лингвокративности, поскольку индивид вынужден создавать косвенные наименования стигматизированного денотата, либо модифицируя семантическую структуру узуальных лексических единиц, либо конструируя новые. Эти языковые средства объективируют обобщенные результаты познания реальности сквозь призму социально-культурных норм и личного опыта взаимодействия с миром. В зависимости от модификационных приемов вторичные номинативные единицы, использованные авторами постов и комментариев, можно разделить на 6 групп.

1. Поликодовые номинативные единицы, созданные посредством графических трансформаций узуальных лексических единиц – включением в их структуру различных парафемных средств: цифр и символов вместо схожих по форме букв (*vi0lence, depre$$ion, a$$a$$ination*), астериска (*s*x = sex, die* = in all possible grammar forms, su*cide = suicide*), «собаки» (*g@y = gay,@utism = autism, st@rve = starve*) и решетки (*p#rn = porn*) вместо отдельных букв.

2. Новые номинативные единицы, созданные с помощью различных способов словообразования: аффиксации (*unalive = kill or dead*), сокращения (*tism = autism, blk = black*), аббревиации (*ED = eating disorder, SH = self-harm, SW = sex worker*), сложения основ (*clock app = TikTok, pdf file = pedophile*).

3. Семантические инновации, в которых новый лексико-семантический вариант узуальных лексических единиц образуется с помощью семантической деривации, например, метафорического переноса, (*bar code = scars, music festival = protest*), метонимического переноса (*plans = suicidal ideation*).

4. Семантические инновации, в которых новый лексико-семантический вариант узуальных лексических единиц или последовательности таких единиц образован на основе фонетического подобия (*not see = Nazi, le dollar bean = lesbian, violin = violence, grape = rape).*

5. Новые номинативные единицы не омонимичные узуальным словам, но рифмующиеся с ними (*skripper = stripper, nip nops = nipple*).

6. Эмодзи, замещающие узуальные лексические единицы (подсолнух – *Ukraine*, кусок арбуза – *Palestine*, снежинка – *cocaine*).

В дискурсе социальных сетей *Algospeak* выполняет две функции. Во-первых, он является ключом к пониманию системы ценностей языкового сообщества, так как его использование выражает негативную оценку определенных социальных явлений: если название фрагмента действительности нельзя использовать, то он плохой. Аксиологически нейтральные лексические единицы первичной номинации, которые обозначают конфликтогенные, по мнению модераторов, фрагменты действительности, например, *cutting, white*, *black* реализуют в цифровой коммуни-

кации свой ценностный потенциал: они наделяются настолько сильными негативными оценочными коннотациями, что их употребление считается недопустимым, и их заменяют новыми знаками: *cu**ing, yt, blk* соответственно.

Во-вторых, элементы *Algospeak* выполняют эвфемистическую функцию, то есть маскируют негативные явления действительности. Для того, чтобы избежать блокировки сообщения, коммуникант вынужден установить, какие неприемлемые лексические единицы необходимо заменить косвенными наименованиями. Для решения этой задачи он опирается на два типа контекста: (1) когнитивный, который «служит выделению центральных характеристик, основанных на коллективном знании», и (2) языковой, который «способствует выделению нецентральных характеристик, основанных на субъективном знании» [Болдырев, Чистякова 2012: 25]. В дискурсе социальных сетей создание и использование эвфемистической лексики тесно связано с когнитивными факторами, поскольку, по мнению В.И. Заботкиной, в процессе конвенционализации нового значения исходная концептуальная структура слова модифицируется за счет новой концептуальной структуры [Заботкина 2014]. Таким образом, эвфемистическое использование коммуникантами оценочно нейтральных узуальных слов, например, *cornucopia*, *mascara, corn* вместо представляющихся интернет-сообществу бестактными, грубыми и неуместными *homophobia, sex, porn* соответственно, является результатом развития содержания исходного концепта.

В дискурсе социальных сетей модераторы формируют специальный речевой этикет, который обязывает коммуникантов придерживаться этических норм, учитывать эстетические предпочтения языкового сообщества, сохранять традиционные для лингвокультуры нравственные ориентиры. Пользователи социальных сетей, в свою очередь, создают языковые средства, которые обеспечивают их свободу самовыражения и позволяют обойти цензуру.

Литература

Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. научных трудов, посвященный Е.С. Кубряковой. М.; Воронеж, 2002. С. 103–114.

Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. 2012. № 7 (111). С. 22–27.

Заботкина В.И. Cognitive-pragmatic basis of new meaning development in English adjectives // Слово и смысл. М.: Издательский центр РГГУ, 2014. С. 230–242.

Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 93–94.

Dean J. Communicative capitalism: circulation and forclosure of politics // Cultural Politics. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 51–74.

SEJ URL: https://www.searchenginejournal.com/social-media-statistics/480507/ (дата обращения: 12.02.2026).

TikTok URL: https://www.tiktok.com/community-guidelines/ru?lang=ru-RU (дата обращения: 12.02.2026).

V. U. Kleimenova *(Saint Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University

CODE SYSTEM *ALGOSPEAK* IN SOCIAL NETWORKS DISCOURSE: COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS

The article deals with cognitive peculiarities of Algospeak, i.e. a coded system of secondary nominative units that social media users resort to in the informal discourse to express stigmatized referents. The author describes pragmatic functions and various patterns used in digital communication to coin new elements of the system.

Key words: social networks discourse, censorship, coded system, nominative unit, Algospeak, euphemism, evaluation

С. С. Кунова *(Москва, Россия)*
Университет МГИМО МИД России
kunova.svetlana@mail.ru

ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ АНТИТЕЗЫ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ БОЛИВИИ

В статье анализируются особенности дискурсивной стратегии антитезы как когнитивного средства формирования общественного мнения по вопросам природопользования и устойчивого развития. Выявляются основные типы антитезных конструкций и их когнитивно-прагматические функции в медиадискурсе Боливии.

Ключевые слова: медиадискурс, антитеза, экологическая коммуникация, Боливия, дискурсивная антитеза

В интенсивно развивающихся странах Латинской Америки, где вопросы охраны окружающей среды занимают одно из главных мест в жизни общества, формируется особый тип медиадискурса, в котором конструирование экологических проблем выстраивается посредством разных когнитивно-дискурсивных стратегий, одной из которых является антитеза.

«Многоликость» антитезы в разных типах дискурса отмечается в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, Ю.М. Скребнев, рассматривая различные трактовки антитезы, выделяет две ее основы: психологическую, связанную с ассоциациями по контрасту, и логическую – противопоставление противоположных и противоречащих понятий [Скребнев 1987: 61]. М.В. Беззубикова определяет дискурсивную антитезу как «продукт индивидуального видения фрагмента действительности» [Беззубикова 2018: 63]. Подобный подход помогает трактовать это семантическое явление не только как «стилистический прием», но и как дискурсивную стратегию, обеспечивающую психологическую интерпретацию реальности.

Цель статьи состоит в анализе антитезы как когнитивно-дискурсивной стратегии репрезентации экологических конфликтов, задающей паттерны мышления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа дискурсивных механизмов конструирования конфликтного дискурса в медиатекстах экологической направленности испаноязычного пространства Латинской Америки.

В качестве эмпирической базы исследования выбраны материалы онлайн-изданий Боливии («El Deber», «Revista La Brava», «Revista Nómadas»), что позволяет проследить, каким образом медиатексты конструируют конфликт через апелляцию к социокультурной идентичности и исторической памяти государства. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассмотрим несколько типов дискурсивной антитезы.

Антитеза, по мнению И.Р. Гальперина, реализуется не только через сопоставление противоположных явлений, но и за счет включения в процесс противопоставления слов, которые сами по себе не выражают противоположных значений [Гальперин 1958: 243]. Это утверждение способствует пониманию феномена дискурсивной антитезы. На примере репортажа «Mujeres regantes de Challapata le ponen freno a la minería del oro» ‘Женщины-фермеры города Чальяпаты противостоят добыче золота’ рассмотрим его реализацию. Протагонисты материала, женщины-фермеры, представлены как интегральные участники экологической борьбы за источник воды – озеро Такагуа, – подвергшийся загрязнению в связи с добычей золота на их территории. У героинь выстраивается собственная система традиционных ценностей, которая входит в конфликт с ценностями «экономическими» и «урбанизированными». Так, на коннотативном уровне в тексте выявляется ценностная оппозиция ***agua*** vs ***oro*** ‘вода vs золото’. Лексема ***agua*** ‘вода’ коннотируется не просто как жидкость, необходимая для физического существования всего живого, но как символ вневременного блага и ответственности поколений за свою землю и свой род. Ценность этого блага подчеркивается в тексте метафорой *fuente de vida* ‘источник жизни’, а также лексическим повтором и гиперболой: *si se contaminan la tierra y el agua,* ***no habrá vacas, ni ovejas, ni vida; no habrá Challapata*** ‘если будут загрязняться земля и вода, то **не будет ни коров, ни овец, ни жизни; не будет Чальяпаты**’. В то же время концепт ЗОЛОТО, выраженный лексемой ***oro***, представлен в отрицательном смысле. Драгоценный металл, добыча которого влечет за собой загрязнение территорий, обесценивается, как нечто «проходящее и земное»: *Siempre el agua; el oro es* ***pasajero*** ‘Вода навсегда; золото – проходяще’.

Дискурсивная антитеза в тексте может выстраиваться, по мнению Е.В. Фурсовой, также с помощью специальных «антитезных конструкций», в создании которых наряду с языковыми антонимами участвуют лексические единицы, не обладающие противоположными значениями. Использование антонимов в таких конструкциях способствует возникновению контекстуальной противопоставленности слов, чьи значения сами по себе не являются антонимичными, но потенциально допускают контрастное сопоставление [Фурсова 2008: 44-45]. Так, например, в аналитическом репортаже «Sin linderos, por tierra y por aire: huele el “monstruo” de la contaminación»

‘Абсолютно все – земля и воздух – пропитано чудовищным запахом загрязнений’ дискурсивная антитеза выстраивается на противопоставлении природной экосистемы и рыночной логики агроиндустрии: *Donde* ***antes*** *había monte, lianas, sombras frescas, <…>* ***hoy*** *hay hectáreas continuas de monocultivo* ‘Там, где **раньше** были кустарники, лианы, прохладные тени, <…> **сейчас (сегодня)** повсюду лишь сплошные гектары монокультур’. Антитеза реализуется через темпоральную оппозицию, выраженную наречиями времени *antes / hoy* ‘раньше / сейчас, сегодня’, которая структурирует конфликт как переход от биоразнообразия к индустриальной однородности. Посредством использования дискурсивной антитезы, сконструированной на темпоральном противопоставлении, автор оказывает прагматическое воздействие на читателя: природа репрезентируется как пространство жизни, разнообразия и органичности, а рынок – как сила, редуцирующая ее до ресурса и приводящая к экологической деградации.

В том же репортаже темпоральная оппозиция усиливается на пространственном уровне: ***Antes****, caminar hacia cualquier punto cardinal permitía adentrarse en* ***un bosque que protegía****…* ***Hoy, los límites son*** *geométricos, fríos,* ***agresivos*** *<…> que anuncian un nuevo orden:* ***la lógica del agronegocio*** *que* ***reemplaza a la lógica del territorio*** ‘**Раньше**, направляясь к любой точке земного шара, можно было попасть **в лес, который защищал**... **Сегодня границы являются** геометрическими, холодными, **агрессивными,** <…> провозглашающими новый порядок: **логику сельскохозяйственного бизнеса**, которая **заменяет логику территории**’. Антитеза приобретает дополнительное измерение, противопоставляя открытое, органичное природное пространство и структурированное пространство контроля. Тем самым формируется образ перехода от среды, основанной на естественных связях, к пространству, подчиненному экономической рациональности и принципам эксплуатации.

Механизмы дискурсивного воздействия через противопоставление наблюдаются в материале «Los tsimanes’, un pueblo invisible» ‘Циманэ – невидимый народ’. Малый коренной народ Амазонии циманэ / чиманэ (tsimane), проживающий в изоляции в сотнях километров от столицы Боливии, представлен как активный субъект защиты своей территории и исторической памяти. Использование дискурсивной антитезы, содержащей парцелляцию, противопоставляет концепты культурной идентичности и глобализации*:* ***Por un lado, estaba el mundo tsimane’*** *<…> donde la gente se guía por las estaciones – la época de siembra, la de cosecha… / …****del otro lado está el mundo externo****: el mundo de las ciudades, donde la gente vive como hormigas…* ‘С одной стороны был мир цимане, <…> где люди ориентировались по временам года – время посева, время сбора урожая... / …с другой стороны находится внешний мир: мир городов, где люди живут как муравьи...’. Такое противопоставление формирует нарратив сопротивления, в рамках которого традиционный уклад осмысляется как значимый и подлежащий сохранению, а урбанизированный мир имплицитно маркируется как угрожающий культурной самобытности народа.

Экстралингвистические факторы заметно влияют на правильную интерпретацию дискурсивной антитезы. Так, например, в статье «El discurso del poder y la Madre Tierra» ‘Дискурс власти и Мать-природа’ автор фиксирует резкое противопоставление между красноречивыми заявлениями боливийских властей о защите *Матери-природы* и объективной экологической ситуацией в стране. Следует отметить, что в странах Андского региона выражение *Madre Tierra* (или, на языке кечуа, *Pacha mama*) является мифологемой и закреплено в Конституции Боливии 2009 г. как юридический термин. Природа фактически стала субъектом права, отражая древнее представление о природе как живом организме. Высказывания официальных лиц Боливии, наполненные олицетворениями и утверждающие в сознании читателя сакральный смысл природы: *La Madre Tierra es* ***el único hogar*** *de la humanidad…* ‘Окружающий природный мир – **единственный дом** для всего человечества’, *[Madre Tierra]* ***habla y nos alimenta*** *‘[Природа] разговаривает и питает нас’*, противопоставляются реальным преступлениям против *Madre Tierra*: *la destrucción de millones de hectáreas de bosques… y la hipocresía del doble discurso del poder* ‘уничтожение миллионов гектаров леса... и лицемерные рассуждения политиков’. Антитеза проявляется на уровне противопоставления сакрализации *Madre Tierra* и фактического разрушения природы, а для ее анализа важно учитывать экстралингвистическое значение концепта как живой, священной и юридически защищенной сущности, что раскрывает конфликт между культурными ценностями и практической политикой.

Таким образом, антитеза выступает ключевой когнитивно-дискурсивной стратегией репрезентации экологических конфликтов в медиатекстах Боливии и обладает системным характером и социокультурной обусловленностью. Формируясь за счет контрастного взаимодействия элементов, она обеспечивает структурирование конфликтного дискурса и его аксиологическую интерпретацию. Обладая высоким прагматическим потенциалом и информативной насыщенностью, дискурсивная антитеза выступает эффективным инструментом экологической коммуникации и требует анализа с учетом как языковых, так и внеязыковых факторов.

Литература

Беззубикова М.В., *Кайгородова И.Н.* Дискурсивная антитеза: природа и функционирование // Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (66). С. 63–68.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Издательсвово литературы на иностранных языках, 1958.

Скребнев Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификаций // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов: Ростовский университет, 1987. С. 60–65.

Фурсова Е.В. Дискурсивные параметры стилистического приема антитезы: на материале англоязычного художественного текста: дис. … канд. филол. наук. М., 2008.

S. S. Kunova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

DISCURSIVE STRATEGY OF ANTITHESIS IN ENVIRONMENTAL MEDIA TEXTS OF BOLIVIA

The article analyzes the features of the discursive strategy of antithesis as a cognitive tool for shaping public opinion on issues of natural resource management and sustainable development. It identifies the main types of antithetical constructions and their cognitive-pragmatic functions in the media discourse of Bolivia.

Key words: media discourse, antithesis, environmental communication, Bolivia, discursive antithesis

А. А. Лепенышева *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
a.lepenysheva@inno.mgimo.ru

ОБЪЕКТНЫЙ ДИСКУРС КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается разграничение объектного дискурса и метадискурса культуры отмены. Показано, что в прямом взаимодействии доминирующие концепты становятся предметом конфликтной интерпретации, а роли участников оспариваются. Установлено, что эффективность защиты объекта культуры отмены определяется не фактической точностью аргументов, а когнитивной совместимостью фреймов.

Ключевые слова: культура отмены, объектный дискурс, метадискурс, политическая коммуникация, когнитивно-прагматический анализ, коммуникативная неудача

Культура отмены (cancel culture) представляет собой значимый феномен современной коммуникативной реальности. Данное явление функционирует как форма агрессивной коммуникации и новая дискурсивная практика, способная влиять на поведение, мышление и действия субъекта через механизмы публичного отвержения и бойкота, функционирующая благодаря СМИ и интернету в различных сферах современной речи [Арутюнян 2023; Сыров 2024]. Наш ключевой тезис заключается в утверждении, что дискурс культуры отмены (КО) можно условно разделить на две группы: собственно объектный дискурс, содержащий устную и письменную речь непосредственных участников ситуации отмены, и метадискурс, представляющий собой высказывания о конкретных случаях или о феномене КО в целом. Существующие лингвистические исследования в качестве материала обращаются к метадискурсу, а высказывания, реализуемые в рамках непосредственной ситуации КО, остаются на периферии внимания лингвистов. Данное исследование заполняет этот

пробел на примере интервью Риши Сунака после его преждевременного отъезда с мероприятий к 80-летию высадки в Нормандии. Предполагается проанализировать материал интервью и сопоставить полученные данные с результатами исследований метакогнитивного дискурса КО в плане концептуальной структуры ситуации и прагматических особенностей взаимодействия ее участников для выявления существенных различий.

Исследования метадискурса КО трактуют ее концептосферу как процессуальный феномен, периодически пополняющийся новыми смыслами [Арутюнян 2023] и включающий доминирующие концепты *power*, *freedom of speech* и *accountability* [Аракелова, Ширяева 2025]. При этом, признается аксиологическая амбивалентность дискурса, поскольку коммуникация в нем функционирует либо как инструмент борьбы за социальную справедливость, либо как механизм идеологического контроля [Субботина 2022]. А.А. Линник, изучавшая фреймовую структуру феномена КО, также отмечает, что в конкретной ситуации реализуется либо аксиологически отрицательный частотный фрейм «предумышленная атака», либо положительный, более редкий фрейм «инструмент привлечения к ответственности» [Линник 2022].

Что касается частотных языковых средств объективации концепта КО, они образуют иерархию по уровню агрессии: от запрета (*deplatforming*) через травлю (*cyberbullying*) и публичное осуждение (*shaming*) к полной изоляции (*boycott*) [Астафурова, Палашевская 2024: 75], с возможностью репрезентации агрессии посредством метафор (*weaponize against them, tsunami of hate messages)* [Линник 2022]. Исследователи также выделяют маркеры КО в медиапространстве, например, хэштеги (#RIP), которыми пользователи выражают протест лидеру мнений [Розанов, Полунина 2023: 671], пейоративная лексика («butcher»), демонизирующая образ отменяемого [Коцубинская, Марутина 2024: 193], неологизмы (gaslightning, bodyshaming), вошедшие в социолингвистические рейтинги и проекты «Слово года» [Шамне, Майер 2023], что отражает социальную значимость данного типа дискурса.

В одних исследованиях ситуация КО подразумевает двух участников – объект отмены и дискурс [Ng 2022], в других – обидчик, жертва, инициатор порицания и сочувствующие; при этом, инициатор порицания активен, а остальные участники – пассивные наблюдатели [Астафурова, Палашевская 2024: 75]. Сама коммуникация в рамках КО может быть как непрямой, так и с отсроченным взаимодействием [Семенова, Снежкова 2023], а действия объекта рассматриваются с позиции их прагматической эффективности. Причиной КО может стать целенаправленное оскорбление или коммуникативная неудача [Пулеха, Ускова 2025: 48], общедоступность информации и социальная паника [Розанов, Полунина 2023] или применение манипулятивных стратегий [Баребина, Костюшкина 2024].

Проведенный анализ интервью Риши Сунака выявил расхождения между описанием феномена «извне» и его реализацией «вживую». В противовес непрямой коммуникации в метадискурсе, в диалоге Сунака конфронтация происходит син-

хронно, лицом к лицу с обвиняющим журналистом. В плане концептуального содержания интервью демонстрирует, что ядро концепта КО – не статичное значение «отмены», а динамическое столкновение конкурирующих аксиологических систем: сакральная память против процедурной рациональности. Это уточняет модель Аракеловой-Ширяевой, показывая, что доминирующие концепты *power* и *accountability* не просто сосуществуют в аксиосфере, а находятся в состоянии конфликтной интерпретации, где одна и та же ценность понимается диаметрально противоположно. Сунак не отрицает своей ответственности (“On reflection, that was a mistake and I apologize for that”), но переопределяет ее содержание, замещая моральную ответственность институциональной (“dedicated office for Veterans”), а моральной власти общества противопоставляет власть протокола.

Динамика ситуации нелинейна: журналист последовательно блокирует попытки Сунака сменить фрейм, возвращая диалог к исходной точке (“but why didn’t you stay?”), что создает коммуникативную ловушку. В рамках этой спиралевидной траектории роли не фиксируются, а оспариваются: интервьюер принимает функцию «адвоката ветеранов», Сунак переносит роль судьи на абстрактное «общество» (“people can judge me by my actions”), а ветераны функционируют одновременно как арбитр, бенефициары и отсутствующие третьи стороны, чей «голос» присваивается для легитимации позиций. Таким образом, эффективность защиты определяется не точностью аргументов, а когнитивной совместимостью фреймов: процедурные оправдания в сакральном контексте воспринимаются как отягчающее обстоятельство (непонимание значимости момента).

Языковая реализация агрессии в объектном дискурсе также обнаруживает качественное своеобразие. Широко применяются импликатурные стратегии: моральные антитезы (“ultimate sacrifice” против “couldn’t sacrifice an afternoon”), апелляции к авторитету ветеранов как моральных арбитров (“veteran told us that you let the country down”) и контрастное сопоставление с действиями конкурентов (“Kier Starmer managed to stay for the whole event, you didn’t”). Защита демонстрирует комплекс вежливо-уклончивых приемов: эвфемизмы (“mistake” вместо “misconduct”), повтор как когнитивный якорь (“itinerary was set weeks ago”) и рефрейминг через институциональную лексику (“cabinet, itinerary”), что указывает на регистровую специфику публично-политического дискурса, модерирующего эксплицитную агрессию. Использование министром местоимения *I* (38 упоминаний) в разговоре о ветеранах усиливает негативную оценку, создавая эффект самоцентрированности.

Прагматический анализ выявляет еще одно принципиальное различие: если исследования метадискурса фокусируются на макростратегиях (эффективности действий объекта до ситуации КО, рациональности субъекта, внешним обстоятельствам), то в объектном дискурсе ключевым механизмом становится микропрагматика: нарушения кооперативного принципа Грайса – систематическое смещение релевантности (ответ о госпрограммах на вопрос о моральном выборе “What do

you say to them [veterans]? Amount of investment that we're putting into our Armed Forces"), избыточность информации для создания когнитивной перегрузки обвинения ("the itinerary for these events… I participated in events both in Portsmouth and in France … participated in all the British events…"). Особенно важен парадокс извинения: одновременная активация признания ошибки ("I apologize") и оправдания ("itinerary was set weeks ago") создает когнитивный диссонанс, воспринимаемый как неискренность ("you sound more exasperated than apologetic"), что объясняет, почему формальное наличие перформатива извинения не приводит к деэскалации.

Таким образом, сопоставление объектного и метадискурсивного уровней культуры отмены позволяет констатировать, что ключевое различие между ними заключается в процессуальности против статичности: метадискурс фиксирует устойчивые паттерны, концепты и роли, тогда как объектный дискурс демонстрирует их динамическую трансформацию в ходе реального взаимодействия, где участники не просто занимают предзаданные позиции, а активно оспаривают саму систему координат оценки. Интервью Сунака переводит исследование культуры отмены с уровня описания лексико-семантических характеристик на уровень когнитивно-прагматического анализа реального взаимодействия, объясняя, почему даже при наличии всех формальных элементов защиты коммуникативная цель не достигается из-за глубинного фреймового конфликта.

Литература

Арутюнян Э. «CANCEL CULTURE» как концепт // Век Информации. 2023. Т. 7. № 4 (25). С. 12–19.

Аракелова А.Р., Ширяева Т.А. Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1 (895). С. 17–24.

Астафурова Т.Н., Палашевская И.В. Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 4. С. 70–83.

Баребина Н.С., Костюшкина Г.М. Анализ девиантного узуса критики в дискурсивных новациях культуры отмены и woke-культуры // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 1. С. 134–143.

Коцюбинская Л.В., Марутина Е.А. Феномен «культуры отмены» в лингвофилософском осмыслении // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 190–196.

Линник А.А. Аксиологическая составляющая феномена «культура отмены» (Cancel Culture) // Языковая картина мира. Ценностные смыслы: сб. материалов очно-заоч. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию КубГАУ им. И.Т. Трубилина и 90-летию каф. иностр. языков. Краснодар, 2022. С. 289–295.

Пулеха И.Р., Ускова П.О. Культура отмены сквозь призму социолингвистики и прагмалингвистики // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 43–52.

Розанов А.В., Полунина О.С. Механизмы функционирования культуры отмены в СМИ // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 5 (62). С. 668–673.

Семенова О.Ф., Снежкова А.С. Коммуникативная ситуация проявления культуры отмены // Молодая наука Сибири. 2023. № 2 (20). С. 458–463.

Субботина М.В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3 (95). С. 34–73.

Сыров В.Н. «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24. № 3. С. 7–22.

Шамне Н.Л., Майер В.С. Слова года как лингвистические маркеры культуры отмены (CANCEL CULTURE) // Мир науки. Культуры. Образования. 2023. № 1 (98). С. 288–290.

***A. A. Lepenysheva** (Moscow, Russia)*
MGIMO (University)

OBJECT-LEVEL DISCOURSE OF CANCEL CULTURE IN POLITICAL COMMUNICATION: A COGNITIVE-PRAGMATIC ANALYSIS

Distinguishing between object-level discourse and metadiscourse is essential for a comprehensive analysis of cancel culture. The study demonstrates that in direct interaction, core concepts undergo conflictual interpretation, while participant roles are actively contested. Findings reveal that defense effectiveness depends not on factual accuracy but on cognitive frame compatibility.

Key words: cancel culture, object-level discourse, metadiscourse, political communication, cognitive-pragmatic analysis, communicative failure

***Е. Н. Лучинская, Р. А. Волкова** (Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный университет,
bekketsam@yandex.ru, volkoff-83@mail.ru

ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В работе анализируются существующие способы усвоения прецедентных текстов. Выявляются и описываются ключевые характеристики современной интернет-коммуникации, такие как коннективность, мультимодальность, ризоматичность. В результате автор приходит к выводу о необходимости выделения нового амбивалентного способа усвоения прецедентных феноменов, функционирующих в интернет-дискурсе.

Ключевые слова: прецедентные тексты, интернет-коммуникация, мультимодальность, ризоматичность, интернет-дискурс

На протяжении всей истории цивилизации человек проявлял глубокий интерес к тексту, который эволюционировал от простых учетных записей к сложным философским и культурным системам, оказывая влияние на формирование общей памяти, социальной идентичности, на аккумуляцию и трансляцию традиционных знаний в обществе. Сегодня «сеть Интернет – это ничто иное, как новая универсальная форма существования текстов, в самых различных модификациях и интерпретациях» [Ухина 2022: 87]. В цифровую эпоху текст как основа бесконечных информационных потоков начинает привлекать исследователей в аспекте оперативности и массовости потребления: изучаются воздействующие и манипулятивные возможности электронных текстов разных жанров, функции и возможности гипертекстовые связи, мультимодальный потенциал медиаконтента и т.д. Отдельные исследования посвящены изучению процессов инкорпорирования и декодирования прецедентных текстов как облигаторных элементов интернет-дискурса, играющего ключевую роль в современных коммуникационных процессах. Очевидный дефицит научных работ, предметом изучения которых выступают механизмы усвоения прецедентных феноменов в современной интернет-коммуникации, обусловливает актуальность настоящего исследования.

Под прецедентными феноменами понимаются «лингвоментальные единицы, репрезентирующие ценностные в когнитивном и духовном плане представления национального лингвокультурного сообщества о мире, о социальных взаимоотношениях, морально-нравственных категориях, выраженные в вербальных и невербальных формах и не требующие дополнительных умственных усилий от коммуникантов в процессе декодирования» [Волкова 2023: 2].

В начале 2000-х гг. в числе новаторских работ, направленных на активную разработку теории прецедентности, появилась монография проф. Г.Г. Слышкина «Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе» [Слышкин 2000], в которой исследователь в качестве одного из классификационных аспектов указывает инициатора усвоения. По мнению автора, рецепция всех возможных текстов, в том числе и прецедентных, может осуществляться добровольно и принудительно. Методы индивидуального текстового насилия, понимаемого автором без пейоративной коннотации как «усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом» [Слышкин 2000: 78], такие как надпись на заборе, громко включенная песня и т.д., не способствуют приобретению тем или иным текстом статуса прецедентного для широкого круга лиц.

Осуществление институционального текстового насилия, по мнению Г.Г. Слышкина, возможно посредством директивного метода, суть которого заключается в том, что «усвоение определенных текстов членами социума предписывается властными институтами» и «вербализуется в форме легитимных для данного общества документов», в частности школьной программой [Слышкин 2000: 78]. Социализирующая функция образования должна находить реализацию в развитии лингво-

культурной компетенции как основе знаний и умений, отражающих представления о нормах культуры и языка, необходимых для успешной коммуникации в пределах отдельного национально-культурного сообщества. Однако в современной школьной практике отсутствие гибких педагогических стратегий, поверхностное знакомство с культурно значимыми текстами, ориентированное скорее на формальное воспроизведение общепринятых клише и/ или подготовку к стандартным тестам, а не на качество полученных знаний формируют в итоге устойчивое негативное отношение не только к классическим произведениям, но и приводят к снижению интереса учащихся и утрате живой связи с культурным наследием.

К способам текстового насилия Г.Г. Слышкин также относит «способ паразитической дополнительности, который заключается в присоединении навязываемого текста к каким-либо значимым объектам человеческой деятельности» [Слышкин 2000]. В частности, исследователь указывает на навязчивый характер телерекламы, которая в период написания монографии, совпадающий со временем становления рекламной индустрии, представляла собой краткие видеоролики, чередующиеся с любыми телевизионными текстами (фильмами, передачами и т.д.) [Слышкин 2000].

Если предписывающий характер текстового насилия в образовании обусловлен культурными традициями, несмотря на ослабление их позиций как следствия общественно-политических потрясений рубежа веков, то негативные установки в отношении «текстов-паразитов» постепенно нивелируются ввиду обретения актуальных цифровых форматов, удовлетворяющих различные потребности интернет-аудитории. Сегодня Интернет стал основным пространством групповой и межличностной коммуникации, в котором генерируются новые способы социального взаимодействия и формирования идентичности, где статус прецедентных обретают тексты, конгруэнтные современному идеологическому фону, практически мгновенно, жертвуя своей «жизнеспособностью» и элиминируя зачастую этнокультурные смыслы.

Появившиеся у человечества благодаря стремительно развивающейся глобальной сети практически безграничные коммуникационные возможности внесли свои коррективы не только в процессы усвоения прецедентных текстов, но и в их генетические и функциональные параметры:

– коннективность современной интернет-коммуникации обусловливает универсальный характер новых прецедентных феноменов. Большинство функционирующих в настоящее время в интернет-пространстве прецедентных единиц заимствованы из других культур, в частности англо-американской. Так, прецедентное высказывание *Вишенка на торте*, являющееся калькой с английского *Cherry on the cake* (или *The cherry on top*) и появившееся как метафора финального, приятного бонуса, в отечественных дискурсивных практиках означает финальный штрих, лучшее или самое яркое дополнение к чему-то, что завершает картину или придает ей особый шарм, может использоваться как в позитивном (лучшая часть чего-либо), так и в негативном смысле (последняя капля или неприятный итог);

– мультимодальность коммуникационных процессов способствует скорости и качеству восприятия нового прецедентного текста, часто дополняющего ироничное видео или изображение. Многоканальный характер цифровых текстовых форматов симультанно воздействует на все репрезентативные системы восприятия, усиливая перлокутивный эффект. Некогда функционирующие только в вербальных текстах прецедентные феномены реинтерпретируются посредством знаков иных семиотических систем. Все чаще прецедентные имена героев классических литературных текстов уступают место визуальным прецедентам из массовой культуры. Симптоматичными примерами могут послужить многочисленные аудиовизуальные цифровые ролики, в которых узнаваемая звуковая дорожка накладывается на новый видеоряд (музыкальные композиции популярного российского исполнителя Сергея Жукова используются в рекламных продуктах компаний Rostics, Rutube, Сбербанка и др.);

– ризоматичность Интернета как открытого, неиерархичного и принципиально незаконченного сетевого образования влияет на селективность прецедентных феноменов. В отличие от традиционных текстов, где прецедентность задается «сверху» (авторами, редакторами, лидерами мнений), в ризоме любой узел (пользователь) может инициировать закрепление образа или фразы. Селекция становится стихийной и горизонтальной. В интернет-дискурсе прецедентный феномен не просто репродуцируется, но постоянно трансформируется. Селекцию проходит не статичный объект, а «смысловое ядро», способное к бесконечным модификациям. Прецедентное высказывание *Я не скажу, но знаки будут* используется для обозначения ожидания успеха, признаков процветания и для ироничного описания скрытых намеков и тонких демонстраций благополучия. В сети встречаются многочисленные варианты апелляций к анализируемому прецедентному феномену, различающихся визуальным/ аудиовизуальным наполнением в зависимости от прогнозируемой автором мема ситуации. Например, фотография с мужчиной и женщиной в соболиных шапках и шубах, сидящих в метро, сопровождается подписью *Мы с мужем, когда разбогатеем. Ничего никому не скажем. Но будут знаки*. Другой мем с фотографией темнокожего мужчины в рубашке из долларов содержит надпись *Если я выиграю в лотерею, я никому не скажу…но будут намеки* и т.д.

Принимая во внимание сказанное выше, можем предположить, что добровольный и принудительный способы усвоения прецедентных текстов не являются единственно возможными в современных коммуникационных условиях. Возникает амбивалентный способ усвоения прецедентных феноменов, совмещающий в себе черты инициативного и насильственного. В процессе сознательного поиска необходимой текстовой информации участник интернет-коммуникации не только может стать невольным потребителем оригинально трансформированных прецедентных феноменов, традиционно эффективно реализующих аттрактивную функцию в нетипичном контексте, но и инициировать собственную модификацию прецедентного текста, демонстрируя лингвокреативность и дивергентность мышления. Такой спо-

соб предлагаем именовать инволюнтарным, что в перспективе требует дальнейшей разработки.

Литература

Волкова Р.А. Прецедентные тексты как сегменты вербального культурного кода // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 7 (43). Ст. 26.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.

Ухина Т.В., Межевникова О.П. Процесс познания и трансформация сознания в эпоху интернета // Сервис Plus. 2022. Т.16. № 1. С. 84–94.

E. N. Luchinskaya, R. A. Volkova *(Krasnodar, Russia)*
Kuban State University

THE PROBLEM OF RECEPTION OF PRECEDENT TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

The paper analyzes the existing ways of assimilation of precedent texts. The key characteristics of modern Internet communication, such as connectivity, multimodality, and rhizomaticity, are identified and described. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to identify a new ambivalent way of assimilating precedent phenomena functioning in Internet discourse.

Key words: precedent texts, Internet communication, multimodality, rhizomaticity, Internet discourse

Д. А. Макурова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
dmakurova@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ КАК ОСНОВА ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙКОВ

В работе рассматривается понятие когнитивных искажений, которые выступают основой для распространения и функционирования мультимодальных материалов – дипфейков, созданных с целью манипулирования и дезинформации.

Ключевые слова: дипфейк, дезинформация, искусственный интеллект, когнитивные искажения, фейк

Цифровой ландшафт последнего десятилетия претерпел значительные изменения, во многом благодаря созданию и распространению новых информационных и медиа-коммуникаций, генеративного искусственного интеллекта (ИИ), а также развитию синтетических медиа, так называемых технологий дипфейк (с англ. *deepfake*, производное от *deep learning* ‘глубинное обучение и *fake* ‘подделка’). Технология дипфейк представляет собой сгенерированный ИИ или значитель-

но искаженный текстовый, аудио- и видеоматериал, убедительно имитирующий реальность и достоверную вербальную и невербальную информацию [Chesney, Citron 2021; Onebunne 2025]. Дипфейк, как и медиафейк, создается с целью ввести в заблуждение, обмануть [Гурочкина, Макурова 2021] или в развлекательных целях. Простота и доступность инструментов для разработки дипфейков подразумевает, что подобный контент может быть создан кем угодно и беспрепятственно распространен в интернет-среде. Общедоступность таких технологий приводит к массовому возникновению так называемых слопов (с англ. *slop* ‘помои’) – мусорного цифрового контента низкого качества, созданного посредством ИИ. Словарь Merriam-Webster объявил этот термин «Словом 2025 года», что лишь подтверждает масштаб явления [2025 Word of the Year: Slop URL]. Реалистичность и правдоподобность сгенерированных видео и аудиозаписей превращает технологию дипфейк в эффективное средство манипулирования общественным мнением, распространения дезинформации и ложных, выгодных нарративов, укрепления сложившихся установок. Так, исследователи К. Ваккари и Э. Чедвик пишут о способности дипфейков влиять на отношение к новостным медиа, власти и политическим институтам [Vaccari, Chadwick 2020].

Дипфейки, как и любая информация, созданная с целью манипуляции, апеллируют к базовым когнитивным искажениям – устоявшимся ошибкам или отклонениям в восприятии и интерпретации информации, обусловленным особенностями человеческого мышления. Это ошибки, «которые возникают по определенным шаблонам в различных ситуациях из-за неверных суждений» [Канеман 2016: 5]. Когнитивные искажения тесным образом связаны с логическими заблуждениями и ошибками (logical fallacies), которые являются результатом сложившихся у говорящего убеждений, мнений, отношений и установок, личных предпочтений, формирующихся на протяжении всей жизни человека, иными словами, они отражают весь накопленный человеком когнитивный, коммуникативный и языковой опыт. Инженеры дипфейков при конструировании ложного манипулятивного контента учитывают свойство человеческого сознания – непроизвольное восприятие информации одностороннее, когда в иллюзии или внешней форме видится сущность того или иного явления [Кильмашкина и др. 2021]. Сгенерированный видео и аудиоматериал, учитывающий особенности человеческого мышления, быстрее и эффективнее находит отклик у аудитории.

В условиях социальной и политической нестабильности, кризисов, конфронтации идеологических лагерей механизм манипулирования активизируется через когнитивное искажение катастрофизации. Данное искажение представляет собой преувеличение негативных аспектов ситуации или явления, прогнозирование отрицательных сценариев. В медийном дискурсе искажение используется для того, чтобы вызвать чувство страха и тревоги, и запускает лингвокогнитивный механизм фокусирования внимания, который сопровождается смещением акцентов и оценок [Глухова 2025].

Механизм действия катастрофизации посредством дипфейков можно наглядно рассмотреть на примере ситуации, которая разворачивается в иммиграционной политике США. С приходом Дональда Трампа на второй президентский срок действующая в США федеральная правоохранительная служба по соблюдению иммиграционных законов ICE ужесточила меры по преследованию и депортации нелегальных мигрантов. Служба неоднократно подвергалась критике в СМИ за неправомерные действия и рейды. Критика общественности возросла после убийства агентами ICE граждан США – Рене Николь Гуд и Алекса Джеффри Претти. Данные события вызвали широкий общественный резонанс: в ответ на действия властей начались акции протестов, а рейтинг президента резко сократился.

Дискурс реагирования, зародившийся как реакция на описанные события, в качестве основного инструмента воздействия в масс-медиа выбрал мультимодальные фейки – дипфейки, которые одинаково эффективно используются как противниками, так и сторонниками анти-иммиграционной реформы. Так, в Сети распространились сгенерированные видео задержания работников торговой сети Walmart офицерами ICE. На видео перед фургоном службы выстроилась длинная очередь из нелегальных мигрантов, работающих в Walmart [These AI ICE Videos Are All Over Facebook URL]. На спине одного из офицеров полиции заметно неправильное написание слова (POICE вместо POLICE), а один из задержанных неестественно шагает и встает в толпу людей. Данный дипфейк исходит из базового когнитивного искажения – катастрофизации: на видео толпа людей не европеоидной внешности укрепляет сформировавшееся у многих членов американского общества убеждение, что в стране много мигрантов, работающих нелегально, нарушающих закон и представляющих опасность. Дипфейк был создан и распространен с целью подкрепить опасения общества о существующей проблеме, которая требует радикального решения, сфокусировать внимание на ее масштабе.

Противники миграционных реформ и запретов также оперируют искажением катастрофизации посредством дипфейков: в Сети появляются сгенерированные видео жестоких арестов мигрантов. Например, в социальных сетях завирусилось видео, на котором сотрудники ICE задерживают молодую плачущую женщину, которую собираются депортировать из страны и которая кричит, требуя вернуть своего ребенка [Противников URL]. Искажение активирует механизм фокусирования внимания на негативном – трагедиях обычных людей и преувеличивает жестокость полиции, приводя к еще большей поляризации общества и демонизируя представителей власти.

Таким образом, различные когнитивные искажения (в частности, катастрофизация) значительно влияют на процесс восприятия, оценки и интерпретации мультимодальной информации (дипфейков). Дипфейки представляют собой эффективный инструмент персуазии, манипулятивного воздействия и фрейминга (представления и описания события определенным образом). Изучение когнитивных механизмов

конструирования и интерпретации дипфейков представляется актуальным и перспективным направлением для гуманитарных наук, обеспокоенных будущим искусственного интеллекта и последствиями его применения.

Литература

Глухова Е.С. Лингвокогнитивные средства внедрения когнитивных искажений в политическом дискурсе (на примере выступления А. Меркель) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 2. С. 638–646.

Гурочкина А.Г., Макурова Д.А. Медиафейки в информационном пространстве коронавирусной пандемии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 67–74.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2016.

Кильмашкина Т.Н., Абуллин А.Г., Вишняков И.А. Манипуляции сознанием в социальном управлении // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 4 (87). С. 442–450.

Противников миграционной политики США обвинили в создании фейковых видео с помощью ИИ. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/11/18/27207452.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 25.01.2026).

Chesney R., Citron D. Deepfakes and the New Disinformation War // Foreign Affairs. 2021. Vol. 100. No. 1. P. 111–122.

Onebunne A.P. From Aristotle to AI: Exploring the convergence of deepfakes and persuasion and their societal consequences // International Journal of Arts and Humanities. 2025. Vol. 6. No. 1. P. 288–296.

These AI ICE Videos Are All Over Facebook. The Fact That So Many Are Falling for Them Should Scare You. URL: https://www.huffpost.com/entry/viral-ai-ice-raid-videos_l_69163baee4b0df3e16be4163 (дата обращения: 20.01.2026).

Vaccari C., Chadwick A. Deepfakes and Disinformation: Exploring the Impact of Synthetic Political Video on Deception, Uncertainty, and Trust in News // Social Media + Society. 2020. Vol. 6. No. 1.

2025 Word of the Year: Slop. URL: https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year (дата обращения: 15.01.2026).

D. A. Makurova *(Saint Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia

COGNITIVE BIASES AS THE BASIS OF DEEPFAKE TECHNOLOGY

The paper explores the concept of cognitive biases that underpin the dissemination and functioning of multimodal materials – deepfakes – created for the purpose of manipulation and disinformation.

Key words: deepfake, disinformation, artificial intelligence, cognitive bias, fake

Т. Н. Москвина *(Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный педагогический университет
moskvina@altspu.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ В РОССИИ

Диалект представляет собой особую форму освоения действительности, которая по-своему членит и именует окружающую действительность. Немецкие диалекты российских немцев развивались более 250 лет в окружении русской лингвокультуры, что отразилось на всех уровнях диалектной системы, особенно в лексико-семантической системе.

Ключевые слова: языковая картина мира, островной диалект, историческая семантика, семантическая деривация, языковая вариативность

Концепция языковой картины мира получила в трудах неогумбольдтианства дальнейшее развитие в тезисах о диалектной картине мира, как более архаичной форме, предшествующей формированию относительно единой общеязыковой языковой картины мира, которая отличается «рядом конститутивных признаков: парцеллированием объектов познания, антропоцентризмом, субъективизмом, большей зависимостью от внешних условий бытия, «пессимизмом», консерватизмом» [Радченко, Закуткина 2004: 25]. Лео Вайсгербер выделяет даже «картину мира родного языка» (muttersprachliches Weltbild), поскольку родной язык по своей сути есть реализация языковой силы группы людей, а поскольку сила заключена в слове, то родной язык представляет собой процесс «ословления» действительности в языковом сообществе («Prozess des Wortens der Welt durch eine Sprachgemeinschaft, Kernsatz “konkreterer” energetischer Sprachbetrachtung») [Weisgerber 1964: 11]. Немецкие философы языка давали диалектной картине мира следующие определения: Л. Вайсгербер – «особый способ видения, мышления и умозаключения диалектов» / «besondere Art des Sehens, Denkens und Schließens der Mundarten», Р. Шварценбах – «способ видения диалекта», «обусловленная языком картина мира»/«sprachbedingtes Weltbild», «Seheweisen der Mundart», А. Бах – «понятийный каталог языка», «лежащая в основе диалекта картина мира»/«Begriffskatalog einer Sprache», «das in der Mundart niedergelegte Weltbild» [Reichmann 1983: 1310–1311].

Немецкие диалекты в России и других странах мира представляют собой особый тип лингвокультуры, которая сформировалась в условиях изоляции от основного языкового и культурного ареала и под влиянием другой лингвокультуры, поэтому по отношению к ним применятся метафорический термин «языковой остров». Диалекты российских немцев уже достаточно хорошо описаны на всех уровнях, начиная с полевых экспедиций В.М. Жирмунского и его учеников, традиции которых продолжили научные школы в Саратове, Томске, Омске, Барнауле, Красноярске.

Современные диалектологические исследования можно отнести к «лингвокультурно ориентированной диалектологии», учитывая направленность их исследований (изучение языковых данных говорящего субъекта, диалектного дискурса, спонтанных высказываний и метаязыковой рефлексии носителей диалекта, специфика диалектной языковой личности, вариативность и изменчивость диалектных (суб)систем). В немецкой германистике эти подходы относят к ориентированному на когнитивно-культурологическую парадигму направлению этнодиалектологии (Ethnodialektologie, Wahrnehmungsdialektologie, perceptual dialextology, folk linguistics).

Изолированное положение языкового острова не означает консервации его состояния, они являются относительно динамичной системой, которая варьирует во времени и пространстве и отражает ЯКМ своих носителей. Особый тип лингвокультуры российских немцев, сохранение в ней архаичных языковых форм и традиций, включение в нее элементов русской лингвокультуры отражаются в особой языковой картине мира носителей немецких диалектов в России. Это проявляется в первую очередь на лексико-семантическом уровне. Изучение междиалектных отличий, отличий от литературного немецкого языка и диалектов Германии показывает широкий спектр языковой вариативности и семантического варьирования. Обращение к явлениям семантической деривации, архаизации значения, семантике исконно диалектных слов, попытки дать этим процессам культурологическое, лингвокультурное объяснение позволяет соотнести языковые факты с картиной мира носителей диалекта. Т.И. Вендина отмечает, что «опора на лингвистическую реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова позволяет перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения» [Вендина 2020: 661].

Диалектная лексика в целом характеризуется высоким уровнем вариативности и варьирования. Под вариативностью мы понимаем в узком смысле наличие значительного количества семантических вариантов для одного понятия, а варьирование рассматриваем как изменчивость во времени и пространстве, процессы семантической деривации, которые возможно зафиксировать за период существования диалектов российских немцев как «языковых островов» в условиях языковых и культурных контактов.

Так, эмотивная и оценочная диалектная лексика очень разнообразна, при этом отмечаются отличия в семантике лексических единиц даже по сравнению с другими диалектами, на которых говорят в соседних селах (например, Немецкий национальный район Алтайского края). Исследования проводились на разных временных срезах (80-е гг., 2000-е гг., диалектологическая экспедиция 2024 г.), при этом есть возможность сопоставить данные с лексикографическими источниками (диалектными атласами и корпусами разных периодов). Например, производящая основа *hitz-* реализуется в разных частях речи в разных значениях. Глагол *hitzen* имеет значение ‘топить, отапливать’ и является синонимом к *heizen*, который частично

используется в диалектах, но был утрачен с течением времени в некоторых говорах. При этом прилагательное *hitzig* обозначает не температуру, а скорее вспыльчивый характер человека, таким образом базовая лексема получила метафорическое развитие «огонь – гореть – вспыхивать – бурное проявление эмоций». Оценочные значения очень часто развиваются в говорах как перцептивная метафора, основанная на телесных или чувственных ощущениях: в нижненемецких диалектах есть прилагательное *schmack*-, образованное от глагола *schmecken* (русс. ‘чувствовать на вкус’), которое имеет значение *schön* ‘красивый, хороший’ – *a schmacko Junge* (ein schöner Junge ‘красивый мальчик’). При этом аналогичного прилагательного в немецком языке нет, есть прилагательное *schmackhaft* ‘вкусный’, но оно имеет другую словообразовательную структуру. Развитие этого значения может коррелировать с моделью переноса вкусовых ощущений на положительную оценку «вкусно, сладко → красивый, милый», ср. нем. süß – (umg.) anmutig, hübsch – русс. ‘мой сладенький’. В своем исследовании перцептивной лексики и оценочных контекстов с обозначением восприятия на материале русских диалектов С.С. Земичева тоже отмечает данную модель: «Номинации перцептивных свойств в ряде случаев имеют более широкое значение, чем в литературном языке. В речи диалектной языковой личности полюс «сильная степень проявления перцептивного признака» выражен гораздо более отчетливо, чем противоположный. … Перцептивная картина мира носит образный характер: диалектоноситель регулярно использует для номинации перцептивных признаков сравнения, метафоры и фразеологизмы. Наличие значительного пласта образных номинаций можно рассматривать как след архаической картины мира в сознании диалектоносителя» [Земичева 2016: 176–177].

Физические ощущения могут приобретать оценочное значение и использоваться как характеристика действия, например, *schwach* ‘слабый’ приобретает в говорах повсеместно значение *schlecht* ‘плохой’: *schwach vastehe – schlecht verstehen* (русс. ‘плохо понимать’). Аналогичный процесс наблюдается и в семантике прилагательного *tüchtig* ‘усердно, старательно’ – ср. *tüchtig feiern* ‘широко праздновать’. Можно рассматривать это как явление семантической деривации или даже постепенной десемантизации, на начальном этапе происходит расширение значения. Такие процессы описаны в истории языка и исторической семантике: Entwicklungspfad ‘путь развития’ в концепции Г. Фрица [Fritz 1998] или «семантический переход» в концепции Анны А. Зализняк [Зализняк 2001]. Исследователи отмечают, что именно прилагательные в значительной степени подвержены семантической деривации, в эмотивных и оценочных значениях часто наблюдается варьирование, причем отмечается достаточно частое «обновление» значений.

При утрате диалектом лексической единицы происходит повторное именование факта действительности, поэтому эти случаи тоже вызывают исследовательский интерес с точки зрения изучений механизмов номинации и внутренней формы слов. Так, например, вареники в немецких диалектах в Алтайском крае могут обозначать-

ся заимствованием из русского языка *Vrenkes* (вареники) или диалектным словом *Gefillde* (Gefüllte), досл. русс. ‘наполненные, начиненные’, что коррелирует с семантикой глагола *füllen* ‘наполнять’ и существительного *Füllung* ‘наполнение, начинка’. Это нельзя отнести к заимствованию из русской кухни, потому что в традиционной немецкой кухне тоже есть подобное блюдо (ср. *Teigtaschen mit Füllung* ‘кармашки из теста’, *Maultaschen*).

Проанализированные примеры позволяют наметить перспективы и направления дальнейших исследований. Когнитивная семантика позволяет эксплицировать механизмы семантической деривации, которые в островных немецких диалектах мы можем наблюдать в их развертывании в пространстве и во времени (по высказыванию В.М. Жирмунского – диалекты немецких колонистов есть развернутая в пространстве диахрония). Особый бытовой уклад, традиции и культура определяют особую картину мира, в которой исторически в диалектных формах закреплены значимые для языкового (диалектного) сообщества смыслы.

Литература

Вендина Т.И. Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020.

Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

Земичева С.С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016.

Радченко О.А., *Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

Fritz G. Historische Semantik. Stuttgart–Weimar: Metzler, 1998.

Reichmann O. Untersuchungen zur lexikalischen Semantik deutscher Dialekte: Überblick über die theoretischen Grundlagen, über die Sachbereiche und den Stand ihrer arealen Erfassung // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung/ W. Besch u.a. (Hrsg.). HBd. 1. Berlin–New York: de Gruyter, 1983.

Weisgerber L. Sprache und geistige Gestaltung der Welt // Didaktik in der Lehrerbildung. Bericht über den vierten Deutschen Hochschultag. Vom 7. Bis 10. Oktober 1959 in Tübingen. Weinheim: Beltz, 1964.

T. N. Moskvina *(Barnaul, Russia)*
AltSPU

VARIABILITY OF THE DIALECTIC WORLDVIEW: SEMANTIC DERIVATION IN GERMAN DIALECTS IN RUSSIA

Dialect is a unique way of understanding reality, one that segments and names the surrounding reality in its own way. The German dialects of Russian Germans developed over 250 years within the context of Russian linguistic culture, which is reflected at all levels of the dialect system, especially in the lexical-semantic system.

Key words: linguistic worldview, island dialect, historical semantics, semantic derivation, linguistic variation

М. Ю. Некрасова *(Севастополь, Россия)*
Севастопольский государственный университет
nekramar@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «ЧУЖОГО» ПРОСТРАНСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВОЕННО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ТОПОНИМАХ СЕВАСТОПОЛЯ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье характеризуются механизмы дискурсивного конструирования «чужой» территории на примере британских военно-прагматических топонимов, возникших на территории Севастополя в период Крымской войны.

Ключевые слова: топоним, геоконцепт, концептуализация, военно-прагматические топонимы, Крымская война, Севастополь

Проблема концептуализации географического пространства приобретает особую актуальность в условиях интенсивных геополитических трансформаций, поскольку система топонимов не всегда отражает изменяющиеся социокультурные и политические реалии. В современной лингвистике это обусловливает необходимость разграничения топонима как языкового знака и географического пространства как когнитивно-культурной категории.

В русле лингвистического подхода А.В. Мерзлякова определяет топоним как «индивидуализирующий элемент полной топонимической формулы, включающей имя собственное и сопровождающий его географический термин, уточняющий тип объекта» [Мерзлякова 2015: 22]. Использование такой формулы связано со стремлением к когнитивной категоризации, упрощающей концептуализацию пространственных объектов. Иными словами, происходит структурирование информации о действительности в систему концептов и отношений между ними [Болдырев 2014].

В применении к пространству концептуализация понимается как культурно и идеологически обусловленный процесс формирования определенной географической картины мира. В отличие от топонима, закрепленного в локальной культурной традиции, геоконцепт представляет собой идеологически мотивированную номинацию, создаваемую в рамках определенной дискурсивной практики. Геоконцепты обладают выраженным коннотативным потенциалом и формируют ассоциативный образ территории; в дальнейшем они могут закрепляться в языке и становиться устойчивыми топонимами [Калуцков 2020]. Целью данной статьи является выявление особенностей концептуализации британских военно-прагматических топонимов, возникших на территории Севастополя в период Крымской войны.

Следует отметить, что геополитические изменения, как правило, сопровождаются трансформацией системы имен собственных. В условиях военного конфликта

топонимия становится важным инструментом когнитивного и идеологического освоения территории. Крымская война середины XIX века, в которой Россия противостояла коалиции Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства, стала одним из ключевых событий эпохи викторианского империализма. Великобритания, являясь ведущей колониальной державой, рассматривала Крым как потенциально подконтрольное пространство, что обусловило необходимость его символического и когнитивного переосмысления в британском дискурсе.

Согласно П. Картеру, «акт именования» представляет собой форму символического завоевания: пространство, воспринимаемое как «немое» или неструктурированное, наделяется именами и тем самым конструируется заново в рамках колониальной картины мира. Британские номинации накладывают на чужой ландшафт собственную культурную матрицу, делая его интерпретируемым и «освоенным» для метрополии. Карта с английскими названиями функционирует как «имперский текст», в котором топонимы выполняют перформативную функцию: они не только фиксируют реальность, но и создают новую символическую реальность, превращая чужую территорию в объект британского знания и контроля [Carter 2010].

В условиях военного конфликта акт именования географических объектов становится ключевым инструментом дискурсивного конструирования реальности, основанном на базовой оппозиции «свои/чужие». Создаваемые при этом номинации мы определяем как военно-прагматические топонимы – единицы, возникшие в военном дискурсе для решения практических задач навигации, планирования и коммуникации, но одновременно несущие выраженную идеологическую и культурную маркированность. Военно-прагматические топонимы выполняют одновременно ориентирующую и концептуализирующую функции, формируя специфическую картину пространства, релевантную для воюющей стороны. Таким образом, «чужое» пространство трансформируется в совокупность мест с английскими именами.

На материале карт, опубликованных в британских научно-популярных работах по Крымской войне, можно выделить следующие категории стратегий военно-прагматической топонимизации:

1. *Транскрипция / Транслитерация.* Данная стратегия применялась к важнейшим географическим объектам, уже закрепившимся в военном дискурсе (города, крупные реки). Их фонетическое усвоение решало прагматическую задачу идентификации, однако сопровождалось вариативностью, отражающей процесс адаптации. Стабильно заимствовались названия с четкой этимологией – *Sebastopol*, *Simpheropol* [Sweetman 1995, 2001]. В то же время топонимы без устоявшейся в европейской традиции формы демонстрировали колебания – *Bakshiserai* / *Batchi-Sarai* [Sweetman 1995, 2001]. Древние исторические названия, такие как *Chersonese* / *Chersonesus* [Sweetman 1995, 2001] имели множественность форм за счет вариантов: традиционного греческого или транслитерированного с русского.

2. *Калькирование.* Эта стратегия применялась к русскоязычным топонимам с прозрачной внутренней формой (*Quarry Ravine* [Sweetman 1995, 2001] – *Каме-*

ноломный овраг). Прямой перевод отражал стремление не просто зафиксировать название, но и понять его смысл, «верифицировать» объект, встроив его в свою систему логических связей. Здесь имеют место семантическое присвоение и верификация. В случаях гибридных названий – с тюркским индивидуализирующим элементом и русским географическим термином – переводился именно терминологический компонент, что подтверждает прагматику точного ориентирования.

3. *Первичная номинация*. Эта стратегия применялась к географическим объектам, не имевшим устойчивых местных названий, так как они находились за пределами зоны хозяйственного использования. Для британской армии, нуждавшейся в детальной таксономии местности, это означало необходимость создания новых концептов для структурирования «немого» пространства. через акт именования происходило не просто обозначение, а фактическое создание новых географических концептов, структурирующих ранее недифференцированный ландшафт. К этой категории относятся, например, *Causeway Heights* [Sweetman 1995, 2001] (букв. ‘Насыпные высоты’) – название для гряды высот вдоль ключевой дороги, где находилась внешняя линия британской обороны. В послевоенный период эти высоты в русской традиции были мемориализованы как *Семякины высоты* (в честь героя Крымской войны).

Другой характерный пример – создание микротопонимической системы вокруг ключевого форпоста: *Victoria Ridge* и *Victoria Ravine* [Sweetman 1995, 2001] возникли как производные от названия редута «Виктория», чье имя, в свою очередь, следовало имперской традиции именования важнейших объектов в честь монарха. Часто номинация опиралась на физические свойства, очертания объекта или его функциональную роль в оборонительной системе, как в случае с оперативной метафорой *the Gap* [Sweetman 1995, 2001] (букв. ‘Брешь’), обозначавшей слабое место в британской линии обороны. Интересно, что ряд таких искусственно созданных британцами номинаций, например, *Cathkart Hill* ‘Каткартов холм’ или *Canrobert's Hill* ‘Холм Канробера’ [Sweetman 1995, 2001], пережили войну и вошли в русскоязычную картографическую традицию.

4. *Переименование объектов*. Данная стратегия характеризуется созданием параллельных номинаций для объектов, уже имеющих устоявшиеся русские названия. Британские названия возникали на основе непосредственного визуального восприятия, тактической функции или связи с ключевыми событиями. Укрепления получали описательные имена, отражавшие их форму для противника: третий бастион становился *Redan* (тип фортификационного сооружения), четвертый бастион – *Flagstaff Bastion* (букв. ‘бастион с флагштоком’), а *Камчатский люнет – Mamelon* (букв. ‘бугорок’) [Sweetman 1995, 2001]. Происходила семантическая трансформация: концептуализированные названия в одной системе координат, получали новые имена, вписывающие их в иную, британскую военно-оперативную картину пространства. Эти двойные наименования отражали не только прагматику различия, но и процесс наложения одной системы осмысления территории на другую.

Таким образом, анализ британских военно-прагматических топонимов периода Крымской войны демонстрирует, что акт именования выступает не только инструментом навигации и военной коммуникации, но и важным механизмом когнитивного и идеологического освоения пространства. Через стратегии транскрипции, калькирования, первичной номинации и переименования британский военный дискурс структурировал «чужой» ландшафт, трансформируя его в концептуально упорядоченное и символически присвоенное пространство. В результате крымская территория в британском дискурсе предстала как система мест с английскими названиями, отражающая их собственное понимание и интерпретацию этого пространства.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014.

Калуцков В.Н. О концептуализации географического пространства России и ближнего зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия Российской Академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 6. С. 924–935.

Мерзлякова А.В. Семантический потенциал топонимов современного французского языка: дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

Carter P. The Road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History. Minneapolis, 2010.

Sweetman J. Balaclava 1854: The Charge of the Light Brigade. London: Osprey publishing, 1995.

Sweetman J. The Crimean War. London: Osprey publishing, 2001.

M. Yu. Nekrasova *(Sevastopol, Russia)*
Sevastopol State University

CONCEPTUALIZATION OF "FOREIGN" SPACE IN ENGLISH MILITARY-PRAGMATIC SEVASTOPOL'S TOPONYMS OF THE CRIMEAN WAR PERIOD

The article analyzes the mechanisms of discursive construction of "foreign" territory in British military-pragmatic toponyms that emerged in Sevastopol area during the Crimean War.

Key words: toponym, geoconcept, conceptualization, military-pragmatic toponyms, Crimean War, Sevastopol

М. Н. Николаева *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
nikolaevam@mgpu.ru

КОЛОРОНИМЫ ЖЕЛТОГО ЦВЕТА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Представление о цвете в ментальной картине мира человека изменяется с течением времени под влиянием норм, символики и оценок, разделяемых обществом в отношении любого цвета. В данной статье рассматривается концептуализация желтого цвета в итальянском языке, анализируются значения и употребление колоронимов, связанных с отражением желтого цвета в исследуемом языке.

Ключевые слова: желтый цвет, репрезентация, колороним, концептуализация, языковая картина

Когнитивно-прагматический подход в современной лингвистике объединяет изучение ментальных процессов восприятия и употребление языка в коммуникации. Среди направлений данного подхода мы остановимся на концептуализации феномена *цвет*, составляющего цветовую картину мира, и антропоцентризме. Цвет обладает сложным характером восприятия, отражения и осмысления в языке. К факторам, затрудняющим понимание и формирование единого представления о цвете, относят изменчивый характер мнения людей в отношении конкретного цвета в жизни общества в определенный период времени; территориально-географические особенности, национальную культуру, историю и традиции страны. С одной стороны, в процессе концептуализации и категоризации цвета при помощи языковых единиц, известных как колоронимы, последние выступают инструментом познания, формирующим цветовой опыт человека. С другой стороны, цветовой мир изучается в неразрывной связи с человеком, его мышлением, эмоциями и памятью, в этом проявляется антропоцентризм. Лингвисты подчеркивают, что «изучение «цветового» мира – важная часть познания механизмов человеческого восприятия в целом» [Сластникова, Черкашина 2021: 200].

С начала XXI в. в лингвистике наблюдаются попытки выработки унифицированного термина цвета. Следует заметить, что наличие значительного количества номинаций как для термина *цвет*, так и его оттенков подтверждает высказанную Н.Н. Болдыревым мысль, что «концепт имеет сложную структуру, содержание которой лишь частично может быть выявлено через средства его репрезентации в языке» [Болдырев 2021: 51]. Репрезентантами концепта ЦВЕТ в языке выступают колоронимы, представленные как отдельными словами, так и устойчивыми выражениями, в структуре которых колороним занимает ключевую позицию.

В силу двойственного отношения к желтому цвету в отличие от других базовых цветов на протяжении долгого времени его исследованию в европейских языках не уделялось большого внимания [Пучкова 2024], Отсутствие интереса к желто-

му цвету в современной Европе объясняется историей снижения важности данного цвета в жизни человека. В античных странах желтый цвет играл существенную роль в обществе и религиозных обрядах. В средневековом восприятии он утрачивает свое значение и становится цветом, ассоциируемым с ложью и трусостью, неверностью и бесчестьем, предательством. Лишь один оттенок желтого – золотистый, цвет золота, продолжал и продолжает привлекать внимание общества, так как имеет ментальные ассоциации с богатством, успехом и процветанием [Пастуро 2019: 170].

Объектом нашего исследования является концептуализация желтого цвета в итальянской языковой картине. В итальянском языке для обозначения желтого цвета используются колоронимы *luteo, flavo* и *giallo.* Обладая общим базовым значением желтого цвета, данные колоронимы отличаются речевыми регистрами употребления в языке.

Колороним *luteo* является научным термином из области анатомии, биологии и медицины, происходит от латинского слова, означающего ‘желтый’ и ‘золотисто-желтый’, используется как часть выражения *corpo luteo* ‘желтое тело’ (временная железа внутренней секреции в яичнике).

Колороним *flavo* ‘желтый, золотистый’ часто употребляется в качестве префикса для обозначения биохимических соединений, например, *Flavo C Solgar* (пищевая добавка с витамином С и биофлавоноидами цитрусовых), также встречается в названии итальянской продукции: *Zanchi Flavo Amelia Malvasia DOC* (белое сухое вино), *Flavio Neri Parfums* (парфюмерный бренд), в литературном стиле *capelli flavi* ‘золотистые волосы’.

Широко используемым колоронимом желтого цвета является *giallo*, Предметно-образное значение данного колоронима связано с обозначением цвета предметов, напоминающим цвет лимона или золота, например, *maglietta gialla* ‘желтая футболка’, *vernice gialla* ‘желтая краска’, *quest’anno va di moda il giallo* ‘в этом году желтый цвет в моде’. Указанное значение желтого цвета наблюдается в словосочетаниях желтого с другими цветами: *giallo limone* ‘лимонно-желтый’, *giallo dorato* ‘золотисто-желтый’; *giallo arancio* ‘желто-оранжевый’, *giallo verde* ‘желто-зеленый’, *giallo intenso* ‘темно-желтый’, *giallo carico* ‘ярко-желтый’ или оттенках желтого: *paglierino* ‘соломенный’, *canarino* ‘ярко-канареечный’, *oro* ‘золотой’ и *ambrato* ‘янтарный’, а также в дериватах колоронима *giallo*, таких как *giallogno* ‘желтоватый, бледно-желтый’, *giallone* ‘темно-желтый’; разг. ‘желтушник, желтушный’, *giallore* ‘желтый цвет лица’, ‘желтый цвет’, ‘желтизна’, *giallastro* и *gialliccio* ‘желтоватый’, ‘желтый’, ‘с желтизной’, например, *viso giallastro* ‘желтое лицо, лицо нездорового человека’, *biancheria giallastra* ‘непростиранное белье’.

Область вторичных, периферийных, признаков желтого цвета определяется его ассоциациями с некоторыми заболеваниями человека, например, *la febbre gialla* ‘желтая лихорадка, острая вирусная инфекция’ и *mal giallo* ‘желтуха’.

В современном итальянском языке концептуализация желтого цвета уни-

кальна тем, что колороним *giallo* связывают с обозначением детективного жанра в итальянской литературе и кинематографе: *il giallo*, *il giallo Mondadori* (детектив, или детектив Мондадори, названный по имени издательства Мондадори, которое в 1929 г. первым опубликовало переводы детективных произведений Агаты Кристи). Вариантом названия детективного романа является *il romanzo giallo* ‘детектив, детективный роман’. Указанные выражения с колоронимом *giallo* созданы по модели концептуальной метонимии, в основе которой лежит ассоциативная связь цвета обложки первых детективных с ярко-желтым цветом.

В современное время отмечается расширение области значений колоронима *giallo*, помимо жанра детективной книги и фильма он приобрел значения 1) сложная ситуация: *il giallo dell’estate è finalmente risolto* (рус. ‘летняя жара наконец-то отступила’), 2) неясный факт или история: *è proprio un giallo come sia sparita la mia collana* (рус. ‘не ясно, куда исчезло мое ожерелье’), 3) загадочное убийство: *la polizia sta cercando di far luce sul giallo nel’albergo* (рус. ‘полиция пытается раскрыть загадку убийства в отеле). В 60–80 гг. XX в. в Италии появился уникальный киножанр, названный *il giallo all’italiana* ‘джалло по-итальянски’, сочетающий элементы детектива, хоррора (ужасы) и эротики.

Во многих языках желтый цвет часто порождает ассоциации с негативными эмоциями человека: страхом и трусостью *essere giallo di paura* ‘пожелтеть от страха’, злостью, завистью, ревностью *giallo dalla rabbia* / *bile* ‘желтый от злости’, *giallo per l’invidia* ‘желтый от зависти’. Реже встречаются контексты, в которых желтый цвет имплицирует положительную окраску, например, при описании итальянского ландшафта и еды. При упоминании подсолнуха (*girasole*) и мимозы (*mimosa*), имеющих желтую окраску, возникают ассоциации с солнцем и теплом, символизирующие радость, счастье и средиземноморское лето. В гастрономии желтый цвет получает ментальную связь с лимонами (*limoni*), шафраном (*zafferano*), кукурузной мукой (*farina gialla*).

Проявление периферийных признаков в процессе концептуализации желтого цвета в итальянском языке репрезентируется в некоторых устойчивых выражениях, являющихся калькой из других языков, например, от английского *yellow journalism* ‘желтая пресса’ появилось итальянское *la stampa gialla* ‘бульварная пресса’ [ИРФС 1982: 464]. В настоящее время выражение *la stampa gialla* приобрело значение ‘криминальная, скандальная пресса’. В современном итальянском языке есть еще несколько выражений с аналогичным значением, в составе которых присутствуют другие колоронимы, например, *rosa* ‘розовый’, *nero* ‘черный’, *bianco* ‘белый’: *cronaca rosa* ‘скандальная пресса, сплетни’, *cronaca nera* ‘полицейская, уголовная хроника’, *cronaca bianca* ‘светская хроника’.

В конце XX в. желтый цвет получает «новую жизнь» в обществе благодаря появившемуся у людей интересу к футболу и велоспорту. В Италии в униформе некоторых известных футбольных команд присутствуют желтый или его оттенки.

Эти цвета выполняют идентифицирующую и образную функцию. Так, сочетание желтого и синего в униформе команды «Hellas Verona» привело к появлению прозвища команды *Gialloblu* ‘желто-синие’, команда «Modena», чьими цветами формы тоже являются желтый и синий, получила прозвище *Canarini* ‘канарейки’; красный и желтый цвета формы сицилийской команды «Messina» дали команде прозвище *Giallorossi* ‘желто-красные’.

Французский ученый М. Пастуро подчеркивает, что «взлетом своей популярности в спортивном мире желтый все же обязан не футболу, а велоспорту и в особенности велогонке «Тур де Франс», для которой в 1919 г. была создана «желтая майка» [Пастуро 2023: 116]. Позднее этот атрибут спортивной формы породил идиому «желтая майка лидера» (фр. *maillot jaune*), использование которой вышло за пределы велоспорта и спорта вообще. Из французского данная идиома проникла в итальянский и закрепилась в нем как *maglia gialla.* Однако можно заметить, что победитель этапа всемирно известной итальянской велогонки Giro d’Italia, которая проводится с 1923 г., надевает *maglia rosa* ‘майка розового цвета’.

Таким образом, восприятие цвета в любом языке зависит не только от семантики языковой единицы, но и от знаний, ассоциаций и ценностных смыслов, закрепленных за каждым цветом и составляющих его концептуальное содержание в цветовой памяти индивида и общества. Прагматический аспект колоронимов желтого цвета в каждом языке обусловлен сферой употребления и целью коммуникации. В итальянской языке рассмотрение желтого цвета в когнитивно-прагматическом аспекте позволяет выявить базовые, переносные и другие значения колоронимов данного цвета, их ассоциативные связи и цели употребления, что все вместе взятое репрезентирует языковую картину итальянской нации.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2021.

ИРФС – Итальянско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И. Рецкера. М.: Русский язык, 1982.

Пастуро М. Желтый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Пастуро М. Цвета нашей памяти. СПб.: Александрия, 2019.

Пучкова И.Н. Концептуализация колоронима «yellow» в англоязычной лингвокультуре // Вопросы иноязычной филологии и переводоведения: новые подходы и актуальные исследования: Сб. научных статей XXXVII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 17–18 октября 2024 г. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2024. С. 96–101.

Сластникова Т.В., *Черкашина Е.И*. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М.: Языки народов мира, 2021.

M. N. Nikolaeva *(Moscow, Russia)*
Moscow City University

YELLOW COLOURONYMS: COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECT

The idea of color in the mental picture of the human world changes over time under the influence of norms, symbols and assessments shared by society in relation to any color. This article examines the conceptualization of yellow in the Italian language, analyzes the meanings and use of colouronyms associated with the reflection of yellow in the studied language.

Key words: yellow, representation, colouronym, conceptualization, language picture

И. О. Онал *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Новосибирский государственный технический университет
inna762006@gmail.com

ИДЕОЛОГЕМА «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ» В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВАХ ТУРИСТОВ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР О КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Статья посвящена исследованию идеологемы «национальный образ России», репрезентированной в интернет-отзывах турецких и британских туристов о Красной площади в Москве. Идеологема рассматривается как лингвосемиотический феномен, обладающий воздействующим потенциалом и играющий важную роль в формировании стереотипизированного образа страны в туристическом дискурсе.

Ключевые слова: образ, национальный образ, идеологема, интернет-отзыв, туристический дискурс, турецкая лингвокультура, британская лингвокультура

Возможности влияния интернет-дискурса на общественное мнение и поведение наиболее ярко проявляется посредством таких универсалий, как идеологемы. Согласно Е.Г. Малышевой, идеологема представляет собой «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35]. Ученый отмечает такие свойства идеологемы, как национальная специфичность, динамичность семантики, повышенная аксиологичность, частотность и разнообразие способов ее репрезентации знаками различных семиотических систем. Идеологемы «выступают как главные элементы борьбы за формирование и переформирование смыслов, как «носители» и «репрезентаторы» смысла и, тем самым, как узлы воспроизводства смысла» [Мелконян, Жамакочян 2015].

Исследуя идеологемы туристического нарратива, Е.Е. Меньшикова предлагает рассматривать данную универсалию как «лингвосемиотический феномен, предполагающий целенаправленное воздействие со стороны адресанта на сознание адресата и во взаимодействии с текстовыми элементами туристического нарратива, выступающего в качестве яркого смыслообразующего компонента» [Меньшикова 2011: 230].

Идеологема «национальный образ страны» является одной из основных идеологем туристического дискурса, поскольку она формирует легко узнаваемый стереотип государства, консолидируя его уникальные культурные, социальные, исторические и географические черты и превращая их в инструмент «мягкой силы» для привлечения либо отторжения туристов. Основываясь на классификации национальных образов, разработанной Э.М. Галумовым [Галумов 2003], Е.Е. Меньшикова выделяет следующие составляющие данной идеологемы: географический, природно-ресурсный, цивилизационно-культурный, социально-ментальный и национально-ценностный образы [Меньшикова 2011: 232].

Цель данного исследования – выявление содержания идеологемы «национальный образ России» в интернет-отзывах британских и турецких туристов о Красной площади – архитектурном ансамбле, являющемся не только объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, но и ключевым символом России. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления специфики восприятия российской идентичности представителями разных лингвокультур. Исходя из материала исследования можно предположить, что в отзывах о Красной площади репрезентируются цивилизационно-культурный, социально-ментальный и национально-ценностный образы страны, символом которой является данная достопримечательность.

Анализ эмпирического материала (170 отзывов британских и 150 отзывов турецких туристов за период с 2015 по 2025 гг. с портала Google Maps) показывает, что, в отличие от турок, которые открывают для себя Россию, британцы часто приезжают с уже имеющимся «набором» медийно-исторических стереотипов, в результате чего идеологема «национальный образ России» в их отзывах строится на опровержении устоявшегося в британском медиапространстве образа мрачной, холодной и негостеприимной страны.

1. Цивилизационно-культурная составляющая образа России является доминирующей в отзывах как британских, так и турецких туристов, будучи представленной значительным количеством языковых репрезентантов. Так, представители обеих лингвокультур отмечают масштаб и величие площади (брит. *huge* / *enormous* ‘огромный’, *vast* ‘обширный’, *colossal* ‘колоссальный’; тур. *ihtişam* ‘величие’, *muhteşem* ‘великолепный’, *göz kamaştırıcı* ‘ослепительный’, *heybetli* ‘внушительный’ акцентируют внимание на масштабе и великолепии объекта, формируя образ страны-империи. Турецкие туристы часто описывают Красную площадь как «сердце России» (*Rusyanin kalbi*), «место, где бьется сердце великого государства и нации» (*çok büyük bir devletin ve ulusun kalbinin attığı bir yerdir*) и т.п., что позиционирует Россию

как центр силы и власти. Большинство отзывов строятся по принципу отождествления понятий «Москва = Кремль = Красная площадь = Россия». Туристы отмечают, что все главное в России сосредоточено именно в этом историческом месте, что указывает на высокую степень семиотической сжатости образа: Россия воспринимается через Красную площадь как ее символический центр.

В то же время часто употребляемая в отзывах британских туристов лексема *imposing* ‘внушительный, впечатляющий’ не только подчеркивает величие, но и предстает как некий «давящий», властный аспект архитектуры, перекликающийся с британским культурным кодом восприятия имперской мощи. Так, Кремль описывается как *intimidating but beautiful* ‘внушительный, но красивый’.

Парадоксальным образом имперское величие нередко репрезентируется через метафору сказки. Собор Василия Блаженного с его «луковичными куполами» (*soğan başlı kuleleri*) в отзывах турецких туристов называется «сошедшим со страниц сказок» (*masaldan kopyalanmış gibi klise; yapılar masallardan fırlamış gibi*); турист ощущает себя «в сказочной стране» (*masal diyarında olmanın dayanılmaz mutluluğunu yaşıyorsunuz*). Как и турки, британцы видят в архитектурном ансамбле сказочные мотивы, дополняя их сравнением с миром Диснея (*Disney like in its colour and vibrancy*). Поскольку для носителя британской культуры мир Диснея является эталоном искусственной, коммерциализированной сказки, такое сравнение вносит легкий оттенок сомнения в подлинности («слишком красиво, чтобы быть настоящим»), тем не менее, в целом конструируемый образ остается положительным.

Данная амбивалентность (величие объекта с одной стороны и сказочность – с другой) создает одновременно грозный и прекрасный, реальный и фантазийный образ России.

2. Социально-ментальная составляющая образа России. В исследуемых отзывах иностранных туристов формируется противоречивый образ русского народа и социального устройства страны. И британские, и турецкие туристы фиксируют в своих отзывах такие характеристики Красной площади (а, следовательно, и Москвы, и страны в целом, учитывая упомянутое выше отождествление), как чистота и безопасность, опровергая стереотипы о «мрачной и опасной» России: брит. *Moscow was mind blowing, it was **spotless**, **safe**, subway very easy, and great value* ‘Москва произвела на меня неизгладимое впечатление: **безупречная чистота**, **безопасность**, метро очень удобное, и цены отличные’; *It’s **safe** all hours of the day or night*... ‘Здесь **безопасно** в любое время дня и ночи…’; тур. *…tatil olmasından dolayı heryer çok kalabalıktı ama **hiç kavga gürültü sarhoş insan yoktu** etrafta* ‘Везде было очень многолюдно, потому что был праздник, но **драк, беспорядков или пьяных людей не было**’.

Отмечая «внешнюю холодность» русских (*they do appear frosty on the surface*), британцы, тем не менее, уточняют, что при взаимодействии жители России оказываются «отзывчивыми и дружелюбными» (*helpful & friendly*). Турецкие туристы пишут о «ледяном холоде» (*dondurucu soğuğu*), выступающем как элемент испытания,

которое необходимо пройти, чтобы приобщиться к «подлинной» России; однако холод не отпугивает туристов, но добавляет месту аутентичности.

3. Национально-ценностный образ страны представляет собой концентрацию ведущих знаков и символов, выражающих государственные интересы, цели и устремления страны в национально-идейном отношении [Меньшикова 2011]. В исследуемом материале на первый план выступает абсолютная ценность истории, которая отмечается иностранцами: Россия предстает как страна, в которой прошлое не только бережно хранимо, но и является основой настоящего. Для турецкого туристического дискурса характерно использование устойчивых фраз *her yani tarih kokuyor* ‘каждый уголок дышит историей’, *mükemmel görsel şölen heryanından tarih fişkırıyor* ‘история бьет ключом из каждого уголка’, *tarih kokuyor* ‘здесь пахнет историей’ и т.п. Туристы как будто переживают «путешествие во времени», ощущая присутствие исторических фигур (русских монархов и советских лидеров). Авторы некоторых отзывов проводят имплицитное сравнение России с собственной страной, сожалея, что Турция не столь бережно относится к своим историческим зданиям: *Keşke Türkiye de tarihi yapılarına böyle sahip çıksaydı demekten kendimi alamadım*. Данное сравнение создает образ страны, которая помнит и чтит свою историю, что вызывает уважение у иностранных посетителей.

Британцы, в свою очередь, связывают посещаемую достопримечательность с государственной мощью и военными парадами, что вербализуется в таких фразах, как *parades and symbols of power* ‘парады и символы власти’, *showcase of Russia's military might* ‘демонстрация военной мощи России’. Россия для британских туристов – это прежде всего государство-держава, а Красная площадь – место демонстрации его мощи.

Таким образом, идеологема «национальный образ России» в интернет-отзывах британских и турецких туристов представляет собой сложный лингвосемиотический конструкт. Ее воздействующая сила заключается в сочетании имперского величия со сказочной эстетикой (цивилизационно-культурный образ), в утверждении порядка и безопасности (социально-ментальный образ), а также в сакрализации исторического наследия как абсолютной национальной ценности (национально-ценностный образ). Туристический нарратив выступает в данном случае как инструмент открытия (в том числе повторного) России, где турист становится интерпретатором, транслирующим образ сильной державы с богатой историей.

Литература

Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.

Мелконян Н.А., *Жамакочян А.С.* Идеологемы в СМИ: проблемы определения

понятия идеологема // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2015. № 2. С. 164–171.

Меньшикова Е.Е. Идеологемы в туристическом нарративе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 229–235.

I. O. Onal *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation
Novosibirsk State Technical University

THE IDEOLOGEME "THE NATIONAL IMAGE OF RUSSIA" IN ONLINE REVIEWS OF TOURISTS OF DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES ABOUT RED SQUARE

The article examines the ideologeme "the national image of Russia" as represented in online reviews of Red Square in Moscow by Turkish and British tourists. This ideologeme is considered a linguosemiotic phenomenon with influential potential and plays a key role in shaping the country's stereotypical image in tourism discourse.

Key words: image, national image, ideologeme, online tourist review, tourist discourse, British linguistic culture, Turkish linguistic culture

Т. А. Пивоварчик *(Гродно, Беларусь)*
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
t.pivavarchyk@grsu.by

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТЕМПОРАЛЬНОГО КВАНТОРА *КОГДА-ТО* В МЕДИАТЕКСТЕ

Определены типы темпоральных структур в медиатексте, в которых используется местоименное наречие *когда-то*. Выявлены «расставляемые» данным наречием точки временных координат. Установлено, что с помощью местоименного наречия *когда-то* в медиатексте конструируется концептуальная модель интерпретации и оценки одних событий и ситуаций относительно других.

Ключевые слова: прагматика, медиатекст, местоименное наречие, темпоральное наречие, темпоральная структура текста

Время как «фундаментальная категория мировоззрения, охватывающая всю жизнедеятельность отдельного человека и социума и проявляющаяся в каждом движении их души и разума» [Чупрына 2000: 5], закономерно получает широкую и многоуровневую, но при этом дискурсивно специфичную репрезентацию в медиатекстах. Во-первых, в медиадискурсе по преимуществу властвует реальное, а не фикциональное, социальное, а не природное время. Во-вторых, в смысловой структуре медиатекстов отражается особое чувство времени, приобретаемое жур-

налистами в процессе их профессиональной творческой деятельности: это и возведенная в абсолют ценность сиюминутного настоящего – того, что «здесь и сейчас», и постоянное стремление ухватить «новое» (будущее). В-третьих, публицистическая основа журналистского творчества не только допускает, но и подразумевает идеологически обусловленную концептуализацию прошлого, настоящего и будущего, а также авторское конструирование временных координат в тексте для имплицитно-оценочной репрезентации событий и ситуаций. Последнее в условиях усиливающегося информационно-политического противостояния субъектов глобального медиапространства приобретает особую актуальность: по словам А.Я. Гуревича, «регулирование восприятия социального времени является важной идеологической силой» [Гуревич 1984: 159]. Будучи «постоянно возобновляемой саморефлексией общества» [Байдина 2012: 107], социальное время в медиатексте служит средством ценностной интерпретации общественных событий, ситуаций и процессов.

В статье местоименное наречие *когда-то* рассматривается как один из компонентов в темпоральной структуре медиатекста, который может не только осуществлять темпоральную детерминацию описываемого события (это его первичная, дейктическая функция – пусть и с указанием неопределенных временных координат), но и придавать объекту описания «темпорально квалифицирующую характеристику» [Шведова 1998: 98]. Для этого решаются следующие задачи: определить типы темпоральных структур, в которых используется наречие *когда-то*, выявить «расставляемые» данным наречием точки временных координат в темпоральной структуре медиатекста, установить характер взаимосвязи местоименного слова *когда-то* с другими маркерами темпоральности в ближайшем контексте, установить взаимосвязь между функциональными характеристиками местоименного наречия *когда-то* и прагматическим аспектом медиатекста. Материалом служат тексты изданий «7 дней» (далее – 7Д), «Знамя юности» (ЗЮ), «Народная газета» (НГ), «Рэспубліка» (Р), «СБ – Беларусь сегодня» (СБ), «Сельская газета» (СГ).

Наречие *когда-то* не может использоваться для обозначения настоящего времени, оно специализируется на реализации в медиатексте двух временных координат: *когда-то*$_1$ ‘в неконкретизированном прошлом’, *когда-то*$_2$ ‘в неконкретизированном будущем’. В русской речи значения неопределенного прошлого и неопределенного настоящего обычно распределяются между двумя разными местоимениями: *когда-то* обозначает временную точку в прошлом, *когда-нибудь* – временную точку в будущем. Однако анализ медиатекстов показал, что местоименное наречие *когда-то* может применяться и в контексте отнесенности к будущему, но в семантически ограниченных контекстах и с образованием дополнительных смыслов на пересечении временного значениями с другим, невременными значениями.

Выделены два типа темпоральных структур, в которых наиболее регулярно используется местоименное слово *когда-то*. Первый тип темпоральной структуры – наречие *когда-то*$_1$ берет на себя роль дейктика «к вспоминаемому» и выполняет

функцию временной локализованности события и ситуации в ценностно значимом прошлом. Смысловой признак неопределенности нейтрализуется, уступая место смыслу выделенности, особости характеризуемого объекта: *В проекте объединились люди из разных республик, как* ***когда-то*** *в одной большой стране* (СБ. 02.07.2023); ***Когда-то****, когда деревья были большими, трава зеленее, а мячи более круглые (в общем, во времена почти былинные)…* (НГ. 15.09.2023). Этому *когда-то* могут приписываться свойства, которые, как предполагает автор, входят в общий фонд представлений журналиста и его читателя и формируют пресуппозицию высказывания. Наречие приобретает не только обобщенно-расширительное значение ‘в прошлые времена’, но и служит обозначением времени-эталона: *Важно передать новому поколению то, чему* ***когда-то*** *научили меня* (СБ. 26.07.2021). В задаваемой автором системе координат прошлое представляет собой то, что относится к категориям вечного, незыблемого, к эталонам и прототипам: *Подавали к супу красную рыбу. Да-да, в нашем регионе* ***когда-то*** *водилась такая! Помню, в одной из экспедиций в Речицу старожил показывал места на Днепре, где* ***когда-то*** *своими руками ловил стерлядь* (СБ. 23.10.2021). Важно подчеркнуть, что активное употребление журналистами местоименного наречия *когда-то* в текстах разной тематики и разных жанров маркирует остро актуальные в белорусских СМИ 2020-х гг. дискурсивные практики коллективного вспоминания общего прошлого и рефлексирования об этом общем прошлом.

Второй тип темпоральной структуры – наречие *когда-то*$_1$ не просто обозначает референтную точку в прошлом, но выполняет функцию отражения определенной временной последовательности, специализируется на концептуализации связи между прошлым и настоящим, прошлым далеким и прошлым близким, причем как в положительном, так и в негативном ключе, чему способствуют регулярные сопоставительные и противительные конструкции: ***когда-то*** *дебютант витебской сцены, а* ***сегодня*** *– главная казахстанская (и шире – азиатская) звезда* (ЗЮ. 22.07.2021); ***когда-то*** *передовое, а* ***позже*** *пришедшее в упадок хозяйство* (СБ. 30.10.2021).

Обозначенная с помощью наречия *когда-то* временная координата в прошлом может концептуализироваться как важнейшая точка отсчета в социальном времени – это какое-то знаковое событие, значимое изменение в жизни общества, ставшее пусковым механизмом для начала поступательного движения вперед: *С подобных соревнований* ***когда-то*** *начинали все мировые звезды «королевы спорта». И вот* ***теперь*** *возможность встать на крыло появилась у нового поколения* (7Д. 11.07.2013); ***Когда-то*** *на нем были выгравированы только две фамилии, в том числе и моего папы. А* ***сейчас*** *там установили мраморные плиты, на которых уже написаны сотни других фамилий* (7Д. 31.10.2013). Как видим, в представленных выше высказываниях автор задает для читателя вектор сравнения «от прошлого к настоящему». Для обозначения значимости результатов работы и демонстрации достижений в настоящем тоже используется сравнение, но вектор описания иной – «от настоя-

щего к прошлому»: ***Сегодня**, как само собой разумеющееся, производятся продукты с йод-содержащими добавками, а **когда-то** мы специально разрабатывали целый блок мероприятий … чтобы молоко и мясо было приближено к установленным нормам* (Р. 21.11.2012). Поскольку любые успехи и достижения наилучшим образом можно оценить лишь на фоне чего-либо, то журналист в качестве такого фона выбирает то, что было в прошлом.

Представленные выше два типа конструкций демонстрируют реализацию наиболее типичного способа концептуализации причинно-следственной связи между прошлым и настоящим, а именно – «в настоящем закономерно продолжается прошлое»: *Человек купил **когда-то** 8 домов, не снес их, а восстановил, да еще 9 домов туда перевез. **Сейчас** там деревня из 17 домов и большой корчмой* (7Д. 04.09.2014). Такие тексты не только демонстрируют временную каузальную связь как норму, но и выполняют идеолого-воспитательную функцию. Настоящее концептуализируется как тот этап в жизни общества, трудового коллектива или отдельного человека, когда преодолевается прошлое, решаются проблемы и проходятся уроки прошлого: ***Когда-то** этот процесс шел слабо, однако **в последние годы** желающих стало намного больше* (Р. 19.08.2021). Норма для соотнесенности того, что было раньше и что есть сейчас, – это поступательное движение на увеличение, расширение, рост: *Это **сейчас** в хозяйстве собирают урожай 35–40 центнеров с гектара, а **когда-то** не было и десяти* (СБ. 02.09.2021). Отсюда негативная оценка, если закономерность разрушается: *Даже **сейчас**, после «жирных нулевых», там еле-еле работает в десять раз меньше людей, чем **когда-то*** (СБ. 05.08.2021). Итак, журналист сменяет временные планы для выработки у читателей позиции для оценки описываемого события или ситуации, при этом *когда-то* может быть в фокусе – и тогда обозначается самоценность прошлого, а в его зеркале оценивается настоящее, и может служить фоном для презентации успешного настоящего. Через экспликацию временной соотнесенности событий и ситуаций представляется их оценочная характеристика.

Третий тип темпоральной структуры – автор с помощью наречия *когда-то*$_2$ задает вектор устремленности в будущее в проекции личной истории, судьбы человека; высказывание формируется в модусе темпорально окрашенного долженствования: ***Надо** просто **когда-то** самому себе сказать правду* (7Д. 13.02.2014); *Это очень личное, ведь всем **когда-то придется** отвечать за пройденный путь на земле* (7Д. 18.09.2014). *Когда-то*$_2$ при его отнесенности к будущему актуализирует проблему нравственной динамики человека и общества. Семантически наречие оказывается близким местоименным словам *однажды, когда-нибудь* и сочетаниям *в какой-то момент, в определенный момент* и можно легко осуществить замену, ср.: *Надо просто **однажды** самому себе сказать правду*; *Надо просто **в какой-то момент** самому себе сказать правду*.

Таким образом, местоименное наречие *когда-то* не относится к числу типичных средств временной референции описываемых в медиатекстах событий, так как

его семантика неопределенности противоречит предъявляемым в массмедийной коммуникации требованиям конкретности, достоверности. Отсутствие в *когда-то* указания на конкретное время, неполнота обозначения временной характеристики события компенсируются возможностями управлять движением взгляда читателей на объект с заданной в прошлом или будущем временной точки, выстраивать ценностное временное «соположение» событий и ситуаций с помощью управления смысловыми связями ретроспекции и проспекции, актуализировать ассоциативную связь с событийно-временными координатами в общей социальной памяти.

Литература

Байдина В.С. Свойства медиатекста и свойства социального времени // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 105–108.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Чупрына О.Г. Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка). М.: Прометей, 2000.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998.

T. A. Pivavarchyk *(Grodno, Belarus)*
Yanka Kupala State University of Grodno

PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE TEMPORAL QUANTIFIER *KOGDA-TO* IN MEDIA TEXTS

The types of temporal structures in which the pronominal adverb *kogda-to* is used in media texts are determined. The temporal coordinate points “placed” by this adverb in the temporal structure of the media text are identified. It has been established that with the help of a pronominal adverb *kogda-to* in a media text, a conceptual model of interpretation and evaluation of some events and situations in relation to others is constructed.

Key words: pragmatics, media text, pronominal adverb, temporal adverb, temporal structure of text

А. Г. Поляков *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
PoljakovAG@mgpu.ru

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ИНВЕКТИВЫ В ДИАЛОГЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «МЕДВЕДЬ»)

В статье исследуются приемы нейтрализации инвективы и реализующей ее инвективной лексики. Интерпретация языковых единиц рассматривается в рамках когнитивно-прагматического подхода. Доказывается, что значение инвективы

ограничивается фреймом, профилируется в режиме реального времени в связи с интенцией автора – с помощью метакоммуникативных сигналов, комментариев и дополнительных лексических единиц.

Ключевые слова: инвектива, прием нейтрализации, фрейм, ментальное пространство, метакоммуникация

В рамках настоящего исследования инвективная лексика рассматривается как динамический коммуникативный ресурс, чья интерпретация определяется активируемыми фреймами, стратегиями и тактиками взаимодействия, которым следуют участники коммуникации. Такой подход соответствует тенденциям когнитивной и прагматической лингвистики, которые смещают акцент с лексического значения слова на процессы его концептуализации и интерпретации в контексте.

Определение инвективы как скользящего пласта лексики также обнаруживается в исследованиях, посвященных психолингвистике – «инвективные слова, как нам представляется, следует рассматривать не как некую самостоятельную сущность, а как результат активно-творческих речевых актов, речемыслительных (в том числе и ассоциативных) процессов, как реальное проявление языкового сознания» [Семенова 2006: 186–187], и непосредственно инвектологии – «инвектива как речевое явление (событие) – это наезд, словесная атака, нападки, далеко не всегда выраженные в форме собственно брани, но безусловно реализующие языковую (вербальную) агрессию» [Шарифуллин 2005: 116].

Ключевым понятием для настоящего анализа выступает фрейм в трактовке И. Гофмана, который предложил рассматривать системы фреймов как схемы интерпретации происходящего, позволяющие участникам ответить на вопрос «что здесь происходит?» [Гофман 2004: 85]. В его подходе фрейм – это способ упорядочивания опыта, который делает социальное взаимодействие осмысленным.

Понимание фрейма И. Гофманом особенно актуально для анализа диалогов, поскольку подчеркивает динамический характер фреймирования. Фреймы переключаются в процессе взаимодействия – в таких случаях одни и те же языковые формы получают принципиально разную интерпретацию. Нейтрализация инвектив не подразумевает устранение или перефраз негативной оценки – это переключение фрейма, в связи с которым дерогативность теряет центральное значение.

Ж. Фоконье дополняет фреймовый подход концепцией ментальных пространств. Она подчеркивает, что интерпретация высказывания происходит в режиме реального времени и подчиняется конструкторам пространств – space-builders [Fauconnier 1994: 17]. Значение ивективы, в том числе, профилируется за счет контекста, комментариев, глаголов субъективного восприятия, вводных конструкций и метакоммуникативных сигналов.

Выбор сериала «Медведь» (4 сезона, 2022–2025) в качестве практической базы исследования обусловлен ролью инвективной лексики как системообразующего

элемента экранного дискурса, что создает условия для выявления повторяющихся приемов ее нейтрализации. Также сериал отличается стремлением к натуралистичности написания диалогов – выводы, полученные в ходе настоящего исследования, могут быть использованы и дополнены при анализе дискурса живой речи.

Одним из наиболее частотных механизмов нейтрализации в материале является фреймовое ограничение интерпретации.

You cut vegetables like a bitch. – Don't wipe your hands on your apron, Chef.

Fuck you, Garrett! – Yes, Chef. Fuck me.

В активированном фрейме профессиональной кухни негативная лексема находит целью не личность адресата, а качество выполняемого действия и / или уровень компетенции. Инвектива функционирует как форма профессиональной коррекции и интерпретируется адресатом как допустимый элемент коммуникации.

В ряде фрагментов в рамках фреймового ограничения наблюдается смещение фокуса инвективы с оценочного компонента на социализирующий.

Marcus, I say something. You are my favorite bitch. – Oh, your English is gettin' tight, Zeebs.

Hey, guys… Bears… Hey, fuckers! Hi, hello.

Дерогативный потенциал лексем нивелируется за счет положительного модификатора, употребления в качестве вокатива с целью привлечения внимания. Инвектива переосмысливается как маркер близости и принадлежности к внутреннему кругу.

Другую роль в нейтрализации играет повтор и юмористическая эскалация, приводящие к десемантизации инвективы.

I guess I'm grateful that… Richie didn't come in here wearing that cologne today that he always be wearing. You know, it smell like a pine tree and shit. – Smell like onion under arm. Onion under arm!

Повтор инвективы обеими сторонами также закрепляет ее как ритуальный маркер взаимодействия.

Kids love hot dogs, dumbass. – I know. That's why we're making 'em fuckin' hot dogs, dumbass.

Отдельного внимания заслуживают случаи, в которых нейтрализация обеспечивается метакоммуникативными сигналами и пояснениями говорящего.

So were you being an asshole maybe? – What do you mean? – Well, you just said that you wanted to fight her, so I asked perhaps it was you that was the asshole.

It sucks. – You're lying? – I'm lying. – Bitch [смеясь].

Смех, комментарии и лексика, подчеркивающая субъективность мнения, создают кооперативное ментальное пространство. Метакоммуникация здесь выступает стимулом к переосмыслению иллокутивной силы высказывания без изменения его языковой формы.

Особый класс образуют гипотетические инвективы, помещенные в условную конструкцию.

Can I ask you something and you can tell me to fuck off if you want? – I doubt I'm

gonna tell you to fuck off. – Hmm. Uh… When you got that call, the three-star call… – Fuck off. – Yeah, okay.

В подобных конструкциях инвективный речевой акт не реализуется как таковой, а служит средством маркирования уважения к коммуникативным границам адресата. Даже в случаях, когда гипотетическая опция актуализируется, адресат интерпретирует ее как допустимый элемент диалогового сценария и не стремится инициировать прекращение кооперации.

Нейтрализация также достигается за счет автонаправленности инвективы.

Okay, look, I… I'm not trying to be an asshole and change your guys' system, okay? I'm sorry. Fuck me. I really appreciate you being so patient with me.

Самообозначения такого типа перераспределяют агрессию внутрь говорящего и функционируют как стратегии упреждения возможного конфликта или контроля эмоций. Говорящий добровольно снижает собственный статус, тем самым минимизируя вероятность интерпретации реальных и / или потенциальных действий как агрессивных.

Частотным является и перенос агрессии на отсутствующее третье лицо, особенно в терапевтических диалогах.

And I'm really sorry that Carmy destroyed it like little bitch. – That's exactly what he did. He destroyed it like a bitch. – Little bitch. – Little small bitch.

You are beautiful and amazing and he's a fucking idiot, okay?

Реплики выполняют защитную функцию, усиливают солидарность между участниками диалога. Инвектива здесь используется в качестве эмоциональной поддержки адресата и эмоциональной разрядки, то есть, по словам В.И. Жельвиса, «очищения путем обращения к низшему, даже вульгарному началу» [Жельвис 2001: 35].

Number three is Sydney's Donut… in parenthesis after Carm destroyed it like a little bitch. I don't really know where the name came from. – Definitely not from some asshole who's gonna feel like shit about it for the rest of his life. – Yeah, definitely not. But I'm glad he feels like shit.

В настоящем примере инвективная лексика встроена в номинацию объекта, вследствие чего она формально лишается адресности.

Наконец, в ряде эпизодов инвективы используются как когнитивные ярлыки для рационализации конфликта.

I need you to calm down. You're being a bit of an asshole. – Thank you, Uncle J. I'm fine. – That is the familial support I was looking for. – Yeah, well, you're being a fuckin' asshole, too.

Didn't you tell me to be the guy? – I didn't tell you to be an asshole. – Understood.

Инвективная лексема утрачивает экспрессивность и способствует распределению ответственности между участниками диалога. Согласие собеседников дополнительно нивелирует потенциальную агрессию.

Таким образом, наблюдаемые в материале механизмы нейтрализации инвектив можно объяснить несколькими факторами. Активированные социальные фреймы

задают рамки интерпретации и позволяют переосмыслить инвективные лексемы – как маркеры иронии, дружеского или профессионального взаимодействия. Контекстуальная адаптация значения инвективной лексики в потенциально конфликтной ситуации осуществляется на основе оперативного переключения фрейма: смех, комментарии и гипотетические конструкции стимулируют создание более кооперативного ментального пространства.

Литература

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001.

Семенова Н.В. Психолингвистические принципы исследования инвективной лексики // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. 2006. № 11. С. 179–189.

Шарифуллин Б.Я. Речевая инвектива на рандеву лингвистики и юриспруденции: Pro et contra // Юрислингвистика. 2005. № 6. С. 111–119.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

A. G. Polyakov *(Moscow, Russia)*
Moscow City University

NEUTRALIZING INVECTIVE IN DIALOGUE: A COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH (BASED ON THE TV SERIES “THE BEAR”)

This article explores cognitive and pragmatic strategies for neutralizing invective and the invective vocabulary which implements it. The interpretation of linguistic units is considered within a cognitive-pragmatic approach. It is demonstrated that the meaning of invective is constrained by a frame, considers the author’s intention and is profiled in real time using metacommunicative cues, comments, and additional lexical units.

Key words: invective, neutralization strategy, frame, mental space, metacommunication

Г. Е. Попова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
gepopova@mail.ru

РЕЧЕКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРАКЦИЯ: НЕАДДИТИВНЫЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Речевое взаимодействие характеризуется динамикой координации когнитивных ментальных моделей коммуникантов. Координация когнитивных моделей происходит на метакогнитивном уровне, надстраивающемся над референциально-пропозициональным уровнем когнитивно-речевой интеракции. Конфигурация инференци-

альной составляющей диалога определяется социально-когнитивными установками коммуникантов.

Ключевые слова: интеракциональная когниция, когнитивные состояния, контекстуальные модели, когнитивно-дискурсивные стратегии, социокогнитивные доминанты

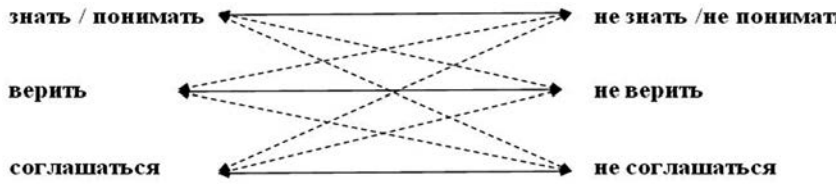
Когнитивный уровень речевого взаимодействия (диалога) можно представить как непрерывную координацию контекстуальных ментальных моделей (КММ) коммуникантов [Dijk 2008], определяющую их взаимный когнитивный ассонанс (взаимопонимание). Контекстуальные ментальные модели определяются как окружающие референциальное содержание (пропозицию) высказывания концептуальные фреймы, отражающие определенное «положение вещей» («картину мира») и удовлетворяющие условиям искренности и релевантности сообщаемой информации [Болдырев 2018; Попова 2021]. Набор таких КММ, в рамках которых сообщаемая информация принимается как достоверная и релевантная, зависит от ряда факторов. Прежде всего это знаниевая база собеседников, включающая возможность понимания предмета высказывания не однозначно, а в качестве *варианта представления референта* в сообщении. Другими словами, любое высказывание собеседника трактуется *не* как абсолютная истина (**знание**), *а* как субъективное суждение (**мнение**). Данное суждение должно быть идентифицировано как соответствующее определенным нормам когерентной когнитивно-речевой (логико-аффективной) репрезентации, то есть быть понятным и принятым как достоверное или потенциально достоверное знание (**понимание**).

При этом, помимо установления истинности референта, коммуниканты вынуждены, движимые принципом коммуникативной эмпатии [Geeraerts 2020; Tomasello et al. 2009], принимать *допущения о степени искренности представления* данного референта (**вера**). И, наконец, следуя «грамматике личного участия в диалоге» [Алферов 2011], коммуниканты сигнализируют о совпадении или несовпадении их собственных контекстуальных моделей, выражая с собеседником **согласие** или несогласие.

Данные речекогнитивные состояния – *знать – понимать – верить – соглашаться* – находятся между собой в отношениях первичной и вторичной соотнесенности и могут быть симметричны и асимметричны (сплошные и пунктирные линии в схеме ниже).

Асимметрия проявляется в отношениях контрадикторности: *знать / понимать*, но при этом *не (хотеть) верить* или *не соглашаться*; *не знать*, но при этом *верить и соглашаться*; *соглашаться,* но при этом *не понимать и не верить* и т.д. (Схема).

Схема



Контекстуальные модели являются когнитивной базой того или иного ментального состояния и критерием обоснованности (релевантности) осознания и принятия обоюдной общности того или иного когнитивного состояния (*знаю, понимаю, верю, согласен*). КММ собеседников редко бывают тождественными и находятся в отношениях пересечения и дополнительности, их релевантность субъективна и градуальна [Попова 2023]. Координация персональных контекстуальных моделей происходит на метауровне интеракциональной когниции, создающей **общую когнитивную среду** (ОКС) **субъектов** интеракции (адресанта, адресата, аудитории и т.д.).

ОКС динамична и противоречива, что проявляется в течение всего речевого взаимодействия (РВ) [Алферов и др. 2019]. Когниция РВ управляема и зависит от речекогнитивных стратегий участников интеракции. В целом, можно выделить две социопсихологические коммуникативные стратегии – миметическую и агональную [Алферов и др. 2014], – то есть направленные на эмпатическое «вчувствование» в КММ собеседника, либо ориентированную на «эпистемическую бдительность» [Попова 2024], то есть критическое восприятие эвоцируемых КММ собеседника (оппонента) [Алферов и др. 2015; Тамразова 2020].

Таким образом, ОКС собеседников может складываться из аддитивных и неаддитивных речекогнитивных стратегий [Ирисханова 2014]. Аддитивные стратегии ориентированы на эксплицитную и экспликативную организацию речевого обмена, максимальную прозрачность КММ; неаддитивные – на герметичность собственных КММ, на имплицитность и инференциальность коммуникации.

Контекстуальные модели виртуальны, но в процессе коммуникации их эксплицитное выражение приобретает как интерперсональную, так и аргументативную функцию [Алферов 2011]. Собственно, любая аргументация есть экспликация контекстуальной модели, лежащей в основе индивидуального когнитивного состояния (*знаю, понимаю, верю, согласен*, – ***потому что***...).

Иллюстрацией изложенных положений может стать приводимый ниже диалог из т/с «Доктор Хаус» («House, MD»):

Подруги встречаются утром на работе (Брэд – имя парня Ребекки):

Melanie: Why are you late?	– Ты почему опоздала?
Rebecca: You're not going to like the answer.	– Мой ответ тебе не понравится.
Melanie: I already know the answer.	– Ответ я уже знаю.
Rebecca: I missed the bus.	– Я опоздала на автобус.
Melanie: I don't doubt it, no bus stops near Brad's. You spent the night, the alarm didn't work. Or maybe it did.	– Не сомневаюсь, возле Брэда автобусы не останавливаются. Ты провела ночь, и будильник не сработал. Или даже сработал?
Rebecca: I didn't sleep with him.	– Я с ним не спала.
Melanie: Girl, there's...[Interrupted]	– Слушай, либо...
Rebecca: I missed the bus!	– Я опоздала на автобус!
Melanie: There's something either very wrong with you, or there's something very wrong with him.	– Либо что-то не так с тобой, либо что-то не так с ним.
Rebecca: There's nothing wrong with him.	– Все с ним в порядке.
Melanie: Please tell me you know that for a fact.	– А ты в этом уверена? – перевод «Lostfilm» (досл. Пожалуйста, скажи, что ты в этом убедилась).

Здесь динамика ОКС определяется взаимодействием двух *неаддитивных* КММ, которые строятся вокруг истинности имплицитной референциальной пропозиции 'интимная связь не/состоялась'. Контекстуальные ментальные модели собеседниц находят отражение в расходящихся интерпретациях и инференциях вокруг реального факта – 'опоздание на работу'. В контекстуальной ментальной модели *Мелани* мы видим определенные социопсихологические и когнитивные доминанты [Болдырев, Григорьева 2018], или когнитивные установки («предубеждения»), имеющие определенную логическую последовательность: а) 'молодая девушка должна иметь близкие отношения'; б) 'эти отношения естественны, их не нужно скрывать'; в) 'разделенное знание факта этих отношений служит установлению позитивных аффективных отношений между подругами'. КММ *Ребекки* строится на социо-коммуникативной доминанте – максиме скромности: 'личные отношения не подлежат огласке'.

Речеязыковая структура диалога является триггерной матрицей создания общей когнитивной среды коммуникантов, построенной на основе двух неаддитивных КММ. Речевая стратегия *Мелани* – импозиция позитивных ассерций (утверждений), замещающих предположения, и эвокативных квестивов – «риторических вопросов», имеющих ту же иллокутивную цель – склонить подругу к признанию.

Важно отметить две закономерности:

1) личностные КММ существуют *a priori* за рамками речевой интеракции, становясь причиной и поводом для осуществления РВ. Это ясно видно из начала диалога:

– *Ты почему опоздала? – Мой ответ тебе не понравится* и

–*... будильник не сработал. Или даже сработал? –* ***Я с ним не спала***;

2) когнитивная (инференциальная) природа КММ и ОКС определяются социопсихологическими личностными релевантностями собеседников [Шюц 2004],

обоюдное знание которых («recipient design») позволяет проектировать динамику развития речевого обмена, антиципировать речевое поведение партнера по коммуникации (реципиента), возможность влиять на него и модифицировать его *a priori* существующие контекстуальные ментальные модели.

Литература

Алферов А.В. Интеракциональная лингвистика и структура диалога // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 135–137.

Алферов А.В., Белова В.Ф., Кустова Е.Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 21–26.

Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 57–62.

Алферов А.В., Попова Г.Е., Тамразова И.Г. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 94–104.

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 37–42.

Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 15–24.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Попова Г.Е. Теория релевантности: гордость и предубеждения // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 61–68.

Попова Г.Е. Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного университета, 2023.

Попова Г.Е. Смысловой диссонанс как речекогнитивный механизм // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 186–189.

Тамразова И.Г. Эристика как социокультурный вызов и тип эмоционального интеллекта // Когнитивные исследования языка. 2020. № 1 (40). С. 251–268.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Политическая энциклопедия, 2004.

Dijk van T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Geeraerts D. Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 12–13.

Tomasello M., Dweck C., Silk J., Skryms B., Spelke E. Why We Cooperate. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

G. E. Popova *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Technical University

SPEECH-COGNITIVE INTERACTION: NONADDITIVE CONTEXTUAL MENTAL MODELS

Speech interaction is characterized by the dynamics of coordination of cognitive mental models of communication participants. The coordination of cognitive models takes place at the metacognitive level, building above the referential-propositional level of cognitive-speech interaction. The inferential component of the dialogue has a complex and contradictory configuration, determined by the socio-cognitive attitudes of the communicants.

Key words: interactive cognition, cognitive states, contextual models, cognitive-discursive strategies, socio-cognitive dominants

О. Н. Прокофьева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
oliviaprok@gmail.com

ВЕРБАЛЬНО-КИНЕТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРИ ТЕХНИЧЕСКИХ СБОЯХ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ[1]

Исследование анализирует вербально-кинетическое поведение носителей русского языка во время технических сбоев в онлайн видеоконференциях. В эксперименте при прерывании связи, несмотря на разнообразие индивидуальных реакций, доминирует «замирание» и невербальные проявления (адаптер, смена позы, гримаса, улыбка, смех), в отличие от преимущественно вербальных стратегий восстановления коммуникации.

Ключевые слова: полимодальный эксперимент, онлайн коммуникация, технический сбой, вербально-кинетическое поведение, ко-речевая жестикуляция

Сегодня уже кажется неправомерным рассматривать реальность в отрыве от современных технологий, которые оказывают большое влияние на естественную коммуникацию и делают установление контакта и решение задач в процессе общения посредством телекоммуникационных связей новой частью нашей повседневности [Diana et al. 2023; Мамедов и др. 2025]. Тем не менее, перед человеком возникают и новые проблемы, например сбои технического характера, когда собеседник по ту

[1] Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской федерации, «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности» 125031904195-0.

сторону экрана «зависает». Особый интерес для когнитивной лингвистики представляет то, как переживание подобных нарушений коммуникации может манифестироваться в модальностях речи и жестов и почему.

В [Giuliani et al. 2015], исследуя 151 подобных случаев на выборке интеракций 137 немецкоговорящих участников с роботом (индивидуально и в группах, в присутствии и отсутствии экспериментатора), ученые отмечают следующие вербально-кинетические особенности: улыбку, поворот к экспериментатору (если присутствует), смех, обсуждение ситуации с другими участниками. При этом участники или меньше, или вовсе не говорили и жестикулировали, если оставались с роботом наедине, не расценивая его в момент сбоя как полноценного участника коммуникации. 43% жестов носили адаптирующий характер. Смех, улыбки и др. особенности мимики отмечаются и в [Weidemann, Rußwinkel 2021], где технические сбои мешали выполнению совместного задания с роботом. На первый взгляд положительную, реакцию в виде смеха и улыбок исследователи связывают с невербальным выражением разочарования, например, от того, что не удается выполнить задание [Hoque et al. 2012]. Как реакция на стресс отмечается и «замирание», которое фиксируется, например, при сильной когнитивной нагрузке при восприятии аудиовизуального контента [Witchel et al. 2014]. Временная недостижимость цели и техническая природа данной проблемы расширяют вопросы успешного взаимодействия между роботом и человеком (также обсуждаются в [Зинина и др. 2019]) до общения «человек – машина» и общения человека при помощи машины, вследствие чего предположим, что сходное описанному в абзаце поведение можно ожидать и в случаях технических сбоев при видеосвязи.

По своей сути взаимодействие при сбоях связи может носить лишь фиктивный характер. Здесь подчеркивается роль коммуникативных элементов как структурирующих ментальную деятельность, роль фиктивной коммуникации как когнитивно-дискурсивного явления [Pascual 2014]. Каждый технический сбой может приводить к смещению характера коммуникации с естественной на фиктивную, что может отражаться в вопросно-ответных формулах, обращениях, междометиях, глаголах говорения с союзами мнимости и других вербальных и невербальных маркерах [Алексеенко 2021]. Предположительно, данные элементы конструируют образ диалога, но не с внешним, а «внутренним» собеседником. Предлагается гипотеза «жестикулирования-для-концептуализации», которая, среди прочего, подчеркивает главенствующую роль жестов в активации пространственно-моторной информации и ее манипуляции, а также в снижении когнитивной нагрузки говорящего. Это могло бы означать наличие прагматических и адаптирующих жестов, что отмечаются также у [Леонтьева, Агафонова 2023].

Для целей нашего исследования использованы данные полимодального эксперимента, в котором перед 10 участниками стояла задача по видеоконференции совместно восстановить порядок картинок (по 2–3 картинки у человека) одного

комикса. В 107 минутах видеоматериала выделен 31 технический сбой, во время которого пропадал звук и исчезало или замирало видео собеседника. В них методом сплошной выборки проаннотированы вербальные и жестовые (голова, руки, тело, мимика) единицы во время сбоя и последующего восстановления коммуникации. Наиболее частотные представлены в Таблице.

Таблица 1. Вербальные и невербальные единицы при технических сбоях и после них

	Речь	**Голова**									**Руки**	**Мимика**			**Поза**	
	коммент	**вопрос**	**междом**	**дискурс. маркер**	**вокал. хезитац.**	**на эксперимент.**	**наклон**	**кивок**	**покачивание**	**подача вперед**	**адаптер**	**др. жест**	**гримаса - губы**	**улыбка**	**смех**	**смена (вперед/назад)**
во время сбоя	24	8	8	7	2	**3**	**5**	1	**2**	0	**38**	6	**18**	**6**	**3**	15 (2 /**2**)
после сбоя	**38**	7	11	**16**	6	0	0	**6**	0	**4**	8	**17**	0	0	0	11 (**4** /0)

Результаты во многом пересекаются с [Giuliani et al. 2015] и подтверждают идею о преимущественно невербальном характере поведения (вкл. мануальные адаптеры, из них 25 самоадаптеры, наклоны и покачивания головой, смену позы, улыбки и смех) и сокращении вербального компонента (ср. с количеством комментариев-утверждений при налаживании коммуникации после). В 74% сбоев присутствовало «замирание», которое, как и адаптеры, можно связать с повышенной когнитивной нагрузкой. Было зафиксировано также 3 случая поворота участника к экспериментатору.

Адресность отмеченных комментариев часто оставалась немаркированной. С одной стороны, можно предположить, что реплики были адресованы экспериментатору (что соответствует [Giuliani et al. 2015]), с другой, они зачастую произносились намного тише, иногда шепотом, а по значению могли быть ориентированы вовне (*зависла ты опять*), включая случаи, когда участники договаривали не завершенные из-за сбоя фразы собеседников за них, или содержали междометия (*оп! ого!,* передающие удивление, *а!*, передающий осознание). В 4 случаях говорящий не заметил технического сбоя, пока его не прервал «вернувшийся» собеседник. В среднем, если связь не обрывалась на середине фразы, участникам требовалось 7,2 сек, чтобы осознать это. Сопряженные также и со случаями вопросно-ответных формул (*как свяяязь?*), подобные признаки указывают на предполагаемое сближение естественной коммуникации при технических сбоях с фиктивной, где диалог словно бы продолжается с ментальным образом собеседника.

В невербальном компоненте жесты дейктического и прагматического характера (преим. дискурс структурирующие) были обнаружены при восстановлении коммуникации, а не во время самого сбоя. Но во время сбоя было отмечено 4 случая продолжительного удержания жеста, который помогал участнику сохранить идею до восстановления контакта. Смена поз и цефалические жесты были характерны для каждой из рассмотренных фаз коммуникации, но при восстановлении связи

преимущественно отмечалась подача головы и тела вперед или вверх, словно участник возвращается в жестовое пространство диалога (Рис.).

(а) (б) (в) (г)

Рис. 1. Участница 0046 в «замирании», взгляд на видео (а); когда видит движение собеседника (б), меняет позу (б-г) и говорит (г) *все-все, отвисла, хорошо*

Несмотря на намеченные тенденции, более детальный анализ подчеркивает уникальность паттернов невербального поведения участников при технических сбоях. Среди наиболее редких: опущенные уголки рта, тяжелый выдох со смешком, поднятые брови. Напротив, уникальных маркеров для восстановления связи отмечено не было, оно приобретало скорее вербальный характер, преим. посредством дискурсивных маркеров подведения итогов (*так, получается, тогда* и др., всего 16 маркеров) восстанавливая потерянную информацию.

Анализ вербально-кинетического поведения участников при прерывании связи в онлайн видеоконференциях подтвердил схожесть с поведением при сбоях иного происхождения и при повышенной когнитивной нагрузке или разочаровании. Оно носит скорее невербальный характер и отличается высокой вариативностью и уникальностью показателей, что противопоставляет его более вербальному и «структурирующему» (прагматические жесты, дискурсивные маркеры) поведению при восстановлении связи. Дополнительно при сбоях отмечается возможная переориентация говорящего на «внутреннего», а не «внешнего» собеседника (самоадаптеры, выпадение высказываний из общего интонационного контура дискурса, сближение с фиктивной коммуникацией, необычная мимика).

Литература

Алексеенко Н.В. Феномен фиктивной коммуникации в дискурсе социального плаката // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 6. С. 1866–1871.

Зинина А.А., Аринкин Н.А., Зайдельман Л.Я., Котов А.А. The Role of Oriented Gestures during Robot's Communication to a Human // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2019". 2019. Vol. 18. No. 25. P. 800–808.

Леонтьева А.В., Агафонова О.В. Проявление когнитивной нагрузки при синхронном переводе с использованием жестов-адаптеров (на материале немецкого

языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 94–100.

Мамедов А.К., Смирнова О.В., Денисова Г.В., Сапунова О.В. Конфликт реальной и цифровой личности участников медиакоммуникационного процесса: результаты исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 397–409.

Diana F., Juárez-Mora O.E., Boekel W., Hortensius R., Kret M.E. How video calls affect mimicry and trust during interactions // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2023. Vol. 378. № 1875. Art. 20210484.

Giuliani M., Mirnig N., Stollnberger G., Stadler S., Buchner R., Tscheligi M. Systematic analysis of video data from different human-robot interaction studies: a categorization of social signals during error situations // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 6. Art. 931.

Hoque M.E., McDuff D.J., Picard R.W. Exploring temporal patterns in classifying frustrated and delighted smiles // IEEE Transactions on Affective Computing. 2012. Vol. 3. P. 323–334.

Pascual O.E. Fictive Interaction: the Conversation Frame in Thought, Language and Discourse // Human Cognitive Processing: Cognitive Foundations of Language Structure in Use, K.-U. Panther, L. Thornburg (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014.

Weidemann A., Rußwinkel N. The Role of Frustration in Human-Robot Interaction — What Is Needed for a Successful Collaboration? // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 640186.

Witchel H.J., Westling C.E., Tee J., Healy A., Needham R., Chockalingam N. What does not happen: quantifying embodied engagement using nimi and self-adaptors // Participations: Journal of Audience and Reception Studies. 2014. Vol. 11. No. 1. P. 304–331.

O. N. Prokofyeva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

SPEECH AND GESTURE IN VIDEO CONFERENCE GLITCHES

The study centres on verbal and non-verbal behaviour of Russian speakers during technical failures in video conference dialogues. The results demonstrate unique patterns, with higher rates for ‘freezing’ and non-verbal units (incl. manual adaptors, posture change, grimace, smile, laughter) during technical failure, whereas verbal units dominate reestablishing communication after it.

Key words: multimodal experiment, online communication, technical failure, verbal and non-verbal behaviour, co-speech gestures

Т. А. Рохлина *(Рязань, Россия)*
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
t_rokhlina@mail.ru

КОМПРЕССИЯ И СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА В ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-МЕМА

В настоящем исследовании интернет-мем рассматривается как поликомпонентное полимодальное произведение, функционирующее как фрейм и, следовательно, обладающее способностью к языковой и когнитивной компрессии. Описывается, каким образом происходит компрессия в ключевых компонентах мема и как происходит их смена в результате смещения фокуса в процессе эволюции мема.

Ключевые слова: мем, фрейм, когнитивная компрессия, языковая компрессия, полимодальность

Еще в середине прошлого десятилетия была высказана мысль о том, что мему свойственная компрессия, в которой сложная ситуация сжимается до простого фрейма, и этот фактор среди ряда других влияет на распространяемость мема [Shifman 2014: 69]. Поскольку мемы эволюционируют, и в настоящее время мемы имеют тенденцию к структурному и смысловому усложнению, то интересно проследить, каким образом явление компрессии участвует в эволюции современного интернет-мема.

Возникая на базе конкретной ситуации, мем перестает обозначать данную ситуацию, а превращается в набор ярлыков (в понимании представления прототипических сцен Ч. Филлмором). Ярлыки используются как для абстрактных сцен, так и для сцен, независимых от тех, в которых они впервые встретились (цит. по [Демьянков 1996: 190]). Эти ярлыки или ключевые компоненты обладают потенциалом к «означиванию», к метонимическому переносу, в результате которого при восприятии ярлыка в сознании адресата возникает схематическая ситуация (или фрейм в понимании Л. Шифман [Schifman 2014], Б. Данцигер и Л. Ванделанотт [Dancygier, Vandelanotte 2017]), или к метафорическому переносу, приводящему к ментальному бленду (Ж. Фоконье, М. Тернер [Fauconnier, Turner 2003]). Как утверждают Б. Данцигер и Л. Ванделанотт, реплицирующаяся часть мема предлагает визуальные пазы (слоты) для заполнения ролей, то есть вызывает в сознании фрейм, функционирующий как «меметическая приставка» к вербальному описанию, соответствующему модели действия, предлагаемой в визуальном компоненте [Dancygier, Vandelanotte 2017: 573]. С одной стороны, фрейм мема становится инструментом категоризации, поскольку под одну «типовую» ситуацию попадают многие примеры. С другой стороны, любой фрагмент мема может отделяться от реплицирующегося компонента и употребляться отдельно, вызывая в сознании коммуникантов первоначальный контекст его использования [Dancygier, Vandelanotte 2017: 579], а будучи многокомпонентным, современный мем имеет несколько исходных ментальных пространств, что предопределяет различные пути его эволюции.

В данном исследовании на примере мема «Пингвин идет к горе» проследим, какие пути эволюции мема возникают на основании множественности его ключевых компонентов, слотов или исходных пространств. Источником мема «Пингвин идет к горе» (2026) послужил кадр из фильма В. Херцога (2010), показывающий пингвина, отбившегося от колонии, которая направляется к воде, и ушедшего в сторону горы за 70 километров. Кадры сопровождаются описанием: ...***These penguins*** *are all heading to the open water to the right.* ***But*** ***one of them*** *caught our eye,* ***the one in the center****.* ***He*** *would neither go towards feeding grounds at the edge of the ice, nor return to the colony. Shortly afterwards we saw* ***him*** *heading straight towards mountains, some 70 kilometers away. Dr. Ainley explained that even if he caught* ***him*** *and brought* ***him*** *back to the colony,* ***he*** *would immediately head right back for the mountains. But why?...*

Из группы *these penguins* выделяется единичный референт *one of them – the one in the center – he – him – him – him – he* противопоставлением *but*. Данное противопоставление становится ядром для метафорического переноса: «колония/стая – одиночка» как «коллектив – одиночка», как «серая масса – яркая индивидуальность», что служит основанием для репликации и появления ряда мемов.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рисунок 1 иллюстрирует метафоризацию исходного противопоставления «стая – одиночка» в рамках «традиционного» оформления мемов: реплицирующийся шаблон + измененный текстовый компонент. Мыслимая ситуация, формируемая вербальным компонентом (*«Они выживали. Он жил»*), накладывается на типовую ситуацию, репрезентированную в визуальном компоненте, создавая новое значение: несмотря на трудности, одиночество и вероятную смерть, пингвин на нижней картинке идет к своей цели, мечте и т.п. в отличие от стаи, следующей инстинктам, хотя тем самым она обеспечивает себе безопасность и более долгую жизнь. В данном случае группа интерпретируется как «серая масса», а одинокий представитель этой группы – как «яркая индивидуальность». Значение противопоставления выражается невербально разделением картинки на верхнюю и нижнюю части. На Рисунке 2 отсутствует графическое противопоставление пингвина-одиночки стае, оно

выражается вербально: *Change is scary, **but** so is staying the same*. Пингвин как один из ключевых компонентов исходной ситуации, вызывает в памяти адресата сообщения целостную ситуацию, в которой присутствует колония, идущая в противоположном направлении. На Рисунке 3 мы видим лишь видоизмененную ключевую фигуру исходной ситуации – антропоморфного пингвина, держащего в руках награду за величие, силу (*I'm really in pursuit of greatness*). Небольшая подпись внизу (*penguin after reaching the mountains*) дает прямое вербальное указание на то, что ситуация, представленная в меме-источнике, имела место в прошлом. В данном меме фокус смещен на яркость и индивидуальность субъекта-одиночки, а его противопоставление «серой массе» упоминается имплицитно и понятно группе адресатов, знакомой с первоисточником.

Наблюдая эволюцию мема, мы видим, что ключевая фигура пингвина отделяется от породившей его «картинки» и метонимически пробуждает в сознании адресата целостную ситуацию с противопоставлением яркой индивидуальности общей массе. При этом исходное противопоставление, выраженное в вербальном описании и в видеоряде сжимается либо до деления картинки на верхнюю и нижнюю части, либо до союза "but", либо до имплицитного противопоставления, пробуждаемого изображением пингвина.

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Другим путем развития мема является выделение горы как символа труднодостижимой цели. На Рисунке 4 гора обозначена числом «2026» – наступивший год, а соответственно, трудный, одинокий, долгий путь пингвина – такой же трудный, как путь к началу 2026 г. Одну из эволюций этого мема мы наблюдаем в политическом дискурсе: в официальном аккаунте социальной сети X (бывший Twitter) Белого Дома опубликовано изображение президента Дональда Трампа рядом с пингвином, держащим флаг США, созданного ИИ. Трамп и пингвин направляются к горе, у подножия которой водружен флаг Гренландии. К картинке прилагается текст *Embrace the penguin.* Гора в данном случае символизирует область, явившуюся предметом возобновленной политической дискуссии в начале 2026 г. Реакцией

на такое «высказывание» явился мем, на котором имеется фраза, якобы произносимая пингвином: *Bro – this is Antarctica* (Рис. 5), которая саркастически указывает на неверность выбранного Трампом пути, возможно, вследствие его невежества и по причине сходства именований *Arctica* и *Antarctica*. Мы наблюдаем смещение фокуса от метафоры «гора как цель» к «гора как политическая цель США – Гренландия». Далее мем получил развитие и в других аккаунтах соцсети X (бывший Twitter). Пользователь East Clintwood разместил в своем аккаунте изображение Дональда Тампа с кенгуру, направляющихся к горе с флагом Австрии (Рис. 6). К изображению прилагался пост: *Be careful, Austria, if he's coming for you next.* Здесь наблюдается дальнейшее смещение фокуса от представления горы как политической цели Трампа к невежеству Трампа (*Austria* vs. A*ustralia*), где одним из ключевых компонентов неожиданно становится сходство наименования двух разных стран – слот, которого не было в исходной ситуации. Вторая часть описания исходного видеоролика В. Херцога сжимается в статичную картинку с изображением фигуры, направляющейся к горе, однако, как мы видим на Рисунке 6, ни один из исходных компонентов первоисточника не сохранился в первоначальном виде. Тем не менее, их функции сохраняются, позволяя прецедентной ситуации возникать в сознании адресата.

Третьим путем развития мема стала меметизация фразы *But why?* Произносимая В. Херцогом с особым акцентированием, фраза приобрела потенциал к меметизации, поскольку получила сильную эмоциональную окраску. Фраза используется в разных контекстах, а также именует целую ситуацию с отбившимся от колонии пингвином, то есть краткая фраза становится аккумулятором информации об исходной ситуации, являя собой яркий пример языковой и когнитивной компрессии.

Таким образом, в современном меме наблюдается множественность ключевых компонентов, выступающих в качестве аккумуляторов знания о прецедентной ситуации, и являющихся исходными точками для эволюции мема, в процессе которого в силу случайности или иных обстоятельств фокус внимания может смещаться, порождая неожиданные новые полимодальные произведения с измененными исходными компонентами до определенной степени, которая позволяет идентифицировать прецедентную ситуацию и смыслы, заложенные в ней.

Литература

Демьянков В.З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Издательство МГУ, 1996. С. 189–191.

Dancygier B., Vandelanotte L. Internet memes as multimodal constructions // Cognitive Linguistics. 2017. Vol. 28. No. 3. P. 565–598.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Blending, Form and Meaning. Recherches en Communication. 2003. Vol. 19. P. 57–86.

Schifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

T. A. Rokhlina *(Ryazan, Russia)*
Ryazan State University named for S.A. Yesenin

COMPRESSION AND FOCUS SHIFT IN THE EVOLUTION OF A MODERN INTERNET MEME

The study examines the Internet meme as a multicomponent, multimodal work functioning as a frame and hence possessing the capacity for linguistic and cognitive compression. It describes how compression occurs within the meme's key components and how they shift as a result of focus shifts during meme evolution.

Key words: meme, frame, cognitive compression, linguistic compression, multimodality

М. А. Салькова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
bestgrammar@yandex.ru

РАСЩЕПЛЕННЫЙ ИНФИНИТИВ КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье на основе корпусных данных исследуется когнитивно-прагматическая функция расщепленного инфинитива, раскрываемая через дихотомию «кумуляция» (синтаксический механизм) и «синергия» (когнитивный эффект создания единого концепта). В русле грамматики конструкций доказывается, что split infinitive не ошибка, а функциональный инструмент для достижения коммуникативной точности и эмфазы.

Ключевые слова: расщепленный инфинитив, когнитивная лингвистика, прагматика, грамматика конструкций, синергия, кумуляция, корпусная лингвистика

Феномен «расщепленного инфинитива» (терминологическая калька split infinitive) в английском языке, представляющий собой конструкцию с наречием между частицей *to* и основой глагола (например, *to boldly go*), на протяжении столетий был предметом ожесточенных споров. Традиционная прескриптивистская грамматика, следуя некорректной аналогии с латинским языком, где инфинитив является морфологически цельной единицей, наложила на это явление стигму «ошибки» [Crystal 2010: 193–195, 468]. Однако с развитием корпусной лингвистики и когнитивно-прагматических подходов стало очевидно, что реальный узус не только допускает, но и активно использует данную конструкцию. Актуальность данного исследования заключается в необходимости переосмысления статуса расщепленного инфинитива с позиций современной лингвистической теории, рассматривая его не как отклонение, а как функционально значимый элемент системы.

Цель статьи – описать и проанализировать расщепленный инфинитив как когнитивно-прагматическое явление, служащее для создания синергетического единства смысла. Научная новизна состоит в предложении двухуровневой модели его

описания, где кумуляция определяется как синтаксический механизм, а синергия – как его когнитивно-семантический эффект. Теоретическая и практическая значимость работы заключается во вкладе в теорию грамматики конструкций и в демонстрации того, как когнитивные принципы мотивируют синтаксический выбор в реальной коммуникации.

Фундаментальный сдвиг в изучении расщепленного инфинитива связан с переходом от прескрипции к дескрипции, что стало возможным благодаря анализу больших языковых корпусов. Данные, полученные для данного сообщения из подкорпуса *Phrases in English.org* Британского национального корпуса (BNC), иллюстрируют это наглядно. Анализ предоставленной выборки, общий объем которой составляет 586 словоупотреблений (instances per million) демонстрирует, что употребление конструкции *to + Adverb + Verb* не является случайным, а подчиняется четким закономерностям. В корпусной лингвистике такой объем выборки является более чем достаточным для выявления статистически значимых тенденций. Данные демонстрируют классическое для языкового материала распределение по т.н. «закону Ципфа»: наблюдается чрезвычайно высокая частотность очень узкого круга элементов, в то время как подавляющее большинство других комбинаций составляют «длинный хвост» редких употреблений [Zipf 1949]. Так, наиболее часто в позиции между частицей *to* и глаголом оказываются наречия определенной семантики: наречия точки зрения и модальности (*actually* — 129 употреблений), а также интенсификаторы и ограничительные наречия (*just* — 96, *fully* — 56, *really* — 51, *completely* — 16). Глаголы, в свою очередь, также демонстрируют явное преобладание семантически генерализованных, общеупотребительных единиц, таких как *go* (78), *get* (72), *make* (35), *understand* (29) и *see* (22). Этот структурный феномен, то есть физическое размещение одного или нескольких наречий в слоте между компонентами инфинитива, можно называть «кумулятом» (результатом кумуляции). Данный термин, по аналогии с накоплением определений перед существительным (*a beautiful old round table*), подчеркивает сам синтаксический акт «нанизывания» модификаторов в непосредственной близости к модифицируемому слову. Как отмечает О. Есперсен, один из ранних сторонников признания самобытности англоязычного расщепленного инфинитива, такая позиция является наиболее естественной для наречия, тесно связанного с глаголом [Jespersen 1933]. Синтаксическая структура аналитического английского языка предоставляет этот «слот» как логичное и доступное пространство для модификации.

Однако кумуляция – это лишь синтаксическая причина, механизм реализации, или предпосылка для более глубокого когнитивного процесса – синергии. В лингвистике под синергией можно понимать явление, при котором комбинация языковых элементов порождает целостный смысл, который в большей степени или качественно иначе отличается от простой суммы смыслов его компонентов. В случае с расщепленным инфинитивом наречие и глагол сливаются в единый концептуальный

«пакет», неразделимое смысловое целое. Этот процесс родственен тому, что в когнитивной лингвистике называют концептуальным смешением (conceptual blending), где элементы из разных ментальных пространств объединяются для создания нового, эмерджентного смысла [Fauconnier, Turner 2002; Jones 2021].

Рассмотрим примеры из корпусных данных. В конструкции *to fully understand* наречие *fully* не просто описывает результат, как в *to understand fully*, а становится неотъемлемой частью процесса, формируя единый концепт «полноты понимания». Аналогично, *to actually go* – это не «идти + на самом деле», а единый акт «реального движения», где реальность действия упакована внутрь самой идеи этого действия. Это можно интерпретировать через призму метафоры проводника (conduit metaphor), описанной М. Редди: говорящий как бы заранее «упаковывает» модификацию (наречие) внутрь «контейнера» с идеей (глагол), чтобы гарантировать их совместное и неразрывное восприятие получателем [Reddy 1979; Lakoff, Johnson 1980].

Частотность конструкций также указывает на разные типы синергетических смешений. Высокочастотные примеры (*to really get, to sort of go*) создают субъективно-оценочный бленд, где действие неразрывно сливается с личной оценкой говорящего: его реальностью, приблизительностью, простотой. Низкочастотные конструкции (*to adversely affect, to correctly identify*) формируют объективно-квалифицирующий бленд, создавая более формальный, терминологически ориентированный концепт, где действие сливается с его качественной характеристикой или последствием.

Такой подход органично вписывается в рамки грамматики конструкций (Construction Grammar), которая постулирует, что язык состоит из пар «форма-значение», то есть конструкций. Расщепленный инфинитив можно рассматривать как отдельную конструкцию, чье значение (создание синергетического концептуального единства) не выводится полностью из суммы ее частей, а закреплено за всей формой целиком. Продуктивность этой конструкции и ее предпочтения (выбор наречий) являются предметом изучения в современной конструкционной грамматике [Goldberg 2019; Hilpert 2019].

Подведем итоги. Обращение к корпусным данным позволяет утверждать, что расщепленный инфинитив – это статистически низкочастотное, но когнитивно и функционально высокозначимое явление, репрезентирующее оценочность. Низкая общая частотность делает каждый его случай прагматически весомым выбором говорящего, а предсказуемый паттерн словоупотребления внутри конструкции свидетельствует о ее прочном укоренении в когнитивной системе языка. В рамках дискуссии о статусе split infinitive проведенный анализ показывает, что расщепленный инфинитив – это не грамматический «дефект» системы, а эффективный когнитивно-прагматический инструмент. Предложенная модель «кумуляция → синергия» позволяет описать его как двуединый процесс: фиксированное синтаксическое размещение модификатора внутри кумулята служит для достижения когнитивного эффекта – создания неразрывного смыслового единства (синергия).

Перспективы дальнейшего исследования видятся в нескольких направлениях, подтверждая значимость частных лингвистических наблюдений для укрепления междисциплинарности гуманитарного знания. Очевидный интерес представляют функционально-дискурсивный, диахронический и типологический аспекты расщепленного инфинитива, в то время как в психолингвистическом ракурсе могут быть актуальными экспериментальные исследования (например, с использованием технологии айтрекинга) для проверки когнитивной реальности эффекта синергии и скорости обработки расщепленных и нерасщепленных инфинитивов.

Литература

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.

Goldberg A.E. Explain me this: Creativity, competition, and the partial productivity of constructions. Princeton University Press, 2019.

Hilpert M. Constructionalization and constructional change. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Jespersen O. Essentials of English Grammar. London: George Allen & Unwin Ltd., 1933.

Jones P. Emergent meaning in syntactic constructions: A synergetic approach // Cognitive Science. 2021. Vol. 45. No. 3. e12945.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 1980.

Reddy M.J. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language About Language // Metaphor and Thought, A. Ortony (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 254–284.

Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-Wesley Press, 1949.

M. A. Salkova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

**SPLIT INFINITIVE AS A SYNERGISTIC CONSTRUCTION:
A COGNITIVE-PRAGMATIC ANALYSIS**

Based on corpus data, this paper explores the cognitive-pragmatic function of the split infinitive via a dichotomy of 'cumulation' (the syntactic mechanism) and 'synergy' (the cognitive effect of creating a unified concept). Aligned with Construction Grammar, it is argued that the split infinitive is not a grammatical error but a functional tool for communicative precision and emphasis.

Key words: split infinitive, cognitive linguistics, pragmatics, Construction Grammar, synergy, cumulation, corpus linguistics

С. К. Сапиева *(Майкоп, Россия)*
Адыгейский государственный университет
atika16@yandex.ru

ИДЕОЛОГЕМА «КАВКАЗ»: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС И КРИТЕРИИ АКТУАЛИЗАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ТАСС

В статье в рамках когнитивной лингвистики проводится системный анализ идеологемы «Кавказ» на материале медиадискурса информационного агентства ТАСС. Определяется лингвопрагматический статус идеологемы, а также критерии ее актуализации в полидискурсивном пространстве. Обосновывается зависимость прагматического потенциала идиологемы от институционального статуса источника.

Ключевые слова: идеологема, Кавказ, медиадискурс, лингвопрагматика, полидискурсивность

Развитие отношений России с другими странами, усиление ее роли на политической арене, находит прямое отражение в языке СМИ, формируя общественное мнение, которое оказывает влияние на все сферы деятельности общества. В этом контексте образ России, ее концептуальное содержание предстает сложным, многомерным и динамичным образованием, состоящим из ряда образующих его концептуальных доменов, одним из которых является ономастический сегмент, который репрезентирует идентичность государства, прежде всего, как территориального и национально-культурного образования.

В этом контексте актуализаторами такой репрезентации преимущественно выступают антропонимические и топонимические единицы. Если основными антропонимичекими маркерами, ассоциирующимися с Россией, являются такие имена, как *Путин, Пушкин, Достоевский, Гагарин*, то, говоря о топонимах, прежде всего, используются названия регионов *Сибирь, Кавказ*, городов *Москва, Санкт-Петербург, Крым*, рек *Волга, Енисей* [Юрьева 2008; Дьяконова 2021: 113]. Такие имена чаще всего используются не только в российских, но и в зарубежных СМИ. «Анализ таких средств, участвующих в формировании образа России, необходим для выявления идеологических ценностей этого дискурса и стереотипов, которые он формирует в сознании людей» [Дегтярева 2020: 113]. В этой связи топоним Северный Кавказ (далее – Кавказ, прим. автора) как ономастический концепт и как одна из ключевых ассоциаций с Россией в политических и информационных нарративах выступает как индикатор геополитического, социального, этнокультурного и символического значения, приобретая статус идеологемы.

Целью данного исследования является определение лингвопрагматического потенциала идеологемы «Кавказ», а также выявление критериев ее актуализации в медидискурсе ТАСС [https://tass.ru/]. Помимо таких универсальных методов исследования, как анализ, синтез обобщение, в работе применялись специальные методы: критический дискурс-анализ, дискурс-анализ медиатекстов, лингвопрагматический

анализ. Материалом исследования явился корпус из 1513 медиатекстов с выделением различных типов дискурсивных проекций.

Активно используемый в различных областях науки термин «идеологема» в лингвистике трактуется по-разному. Согласно лингвокогнитивному подходу, Е.Г. Малышева определяет идеологему как сложный концепт, который несет в себе «коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35]. Опираясь на это определение, мы полагаем, что семантика лексемы «Кавказ» с изначальным значением природно-географического объекта, части государства и границы континента, в различных типах дискурса расширяется и идеологизируется. Из нейтрального топонима лексема «Кавказ» трансформируется в идеологему, то есть лингвоконцептуальный знак, который не только обозначает определенную территорию, но и заключает в себе ценностные и идеологические смыслы.

Лингвопрагматический статус идеологемы «Кавказ» достаточно разнообразен и реализуется в медиадискурсе через совокупность стратегий. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода на материале новостных текстов ведущего информационного агентства России ТАСС выделим основные:

- **коммуникативная интенция**. Заключает в себе не только информационно-просветительскую функцию, но и имиджевую. Формирование привлекательного имиджа Кавказа, во-первых, корректирует негативные стереотипы, долгое время ассоциирующие Кавказ с войной, хаосом, терроризмом, во-вторых, укрепляет имидж России как внутри страны, так и на международной арене: *Новак сообщил о вложении 60% инвестиций в СКФО в развитие туризма*; *Северный Кавказ почти достиг планов Стратегии государственной нацполитики до 2036 года* и т.д.

- **перлокутивный и иллокутивный эффекты**. Направлены на отражение оценочного и прогностического содержания идеологемы «Кавказ». В государственном медиадискурсе ТАСС иллокуция проявляется в формах констатации успеха, в призыве к интеграции, в то время как перлокутивные эффекты формируют стереотип «Кавказ – оплот и неотъемлемая часть России». Достаточно ярко эти стратегии проявляются в медиатекстах, посвященных политическим и экономическим темам: *Ковальчук: Северный Кавказ может стать драйвером проекта по развитию биоэкономики*»; *Чайка отметил позитивную динамику на Северном Кавказе в некоторых сферах*; *Вольвач: потенциал Северного Кавказа в исламском банкинге только предстоит раскрыть* и др.

- **пресуппозиционный фон**. Репрезентирует фоновые знания, актуализируемые для полного понимания идеологемы. В отличие от представленности образа Кавказа в медиадискурсе других СМИ [Курбанов, Таджибоева 2010; Хуажев 2022], где он характеризуется преимущественно в негативном ключе с преобладанием такой пейоративной лексики, как *война*, *болезнь*, *зверь*, *театр*, *конфликтный* и т.п.,

в дискурсе ТАСС позитивно-оценочный профиль идеологемы «Кавказ» представлен с минимизацией конфликтной лексики, преимущественно в контексте военной операции на Украине и экономических преступлений: *Победа над терроризмом и развитие Ингушетии. Чем запомнился Юнус-Бек Евкуров*; *Северный Кавказ стал единственным округом РФ, где за год снизилось число DDoS-атак*.

В исследуемом дискурсе идеологема «Кавказ» репрезентирует смысловые доминанты, которые участвуют в конструировании социальных и политических установок. Исходя из этого можно выделить следующие критерии актуализации, свидетельствующие о ее прагматической адаптации под задачи государственного медиадискурса:

1. **Частотность и типичность употребления**. Лексема «Кавказ» фигурирует в заголовках с политическим, культурным, экономическим, территориальным значениями достаточно часто. Так, за период с 1 января по 31 марта 2026 г. было зафиксировано 117 словоупотреблений, то есть в среднем 1-2 статьи, посвященные Кавказу, каждый день. Идеологема реализует себя в таких дефинициях, как *Северный Кавказ*, *Кавказский регион*, *регионы Северного Кавказа*, *республики Северного Кавказа*, *субъекты Северо-Кавказского округа*, *кавказские народы* и др. Такие данные достаточно регулярны и стабильны, что указывает их на функцию идеологического континуума, а не только нейтрального топонима.

2. **Аксиологичность**. В медиадискурсе ТАСС идеологема «Кавказ» употребляется в атрибутивном окружении, отражающем ее аксиологический статус: «многонациональный», «экономически развитый», «стабильный Кавказский регион» и т.д. Характерной особенностью репрезентации данной идеологемы является также и ее реализация через другие топонимические единицы: *Чечня*, *Кадыров*, *Дагестан*, *Пятигорск*, *Кабардино-Балкария*, Эльбрус и др.: *Матвиенко назвала Ингушетию одной из важнейших опор России*.

3. **Полидискурсивность**. Сохраняя семантическое ядро, идеологема «Кавказ» функционирует одновременно в различных типах дискурса: политическом, экономическом, культурном, туристическом, научно-образовательном, дискурсе безопасности, отражая в каждом из них коннотативную вариативность. Так, она конструируется как пространство, реализующее политическую повестку «единства, патриотизма и стабильности», а также туристический, экономический и образовательный потенциал с динамикой активного роста и развития.

Таким образом, обоснование топонима «Кавказ» как идеологемы заключается, прежде всего, в его лингвопрагматическом статусе, который, сохраняя ядерное значение, конституируется в различных типах дискурса через взаимодействие интенции, иллокуции, перлокуции, пресуппозиции и оценочных стратегий. Институциональная принадлежность исследуемого медиадискурса ТАСС, эксплицирующего официальную государственную позицию и верифицируемость информации, репрезентирует интеграционную модель идеологемы в российское лингвокультурное

пространство, в то время как независимые СМИ демонстрируют стигматизирующие и дистанцирующие стратегии. Выявленные критерии актуализации, а также корпусный анализ информационных текстов ТАСС с применением методов когнитивной лингвистики, в том числе когнитивной метафорологии, фрейминга и критического дискурс-анализа, в дальнейшем позволят исследовать динамику реализации идеологемы «Кавказ» во временной и пространственной перспективе.

Литература

Дегтярева О.В. Репрезентация образа России в зарубежном национальном медийном дискурсе // Управленческое консультирование. 2020. № 12 (144). С. 112–119.

Дьяконова Е.А. Визуальный образ России в языковом сознании носителей русского языка // Язык и национальное сознание: Продолжающееся научное издание. Воронеж: Издательство Ритм, 2021. С. 111–120.

Курбанов И.А., *Таджибова А.Н.* Образ Кавказа в российском и германском дискурсе масс-медиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). С.115–124.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.

Хуажев А.А. Особенности медийного имиджа Северного Кавказа: сравнительный анализ материалов провластных и оппозиционных СМИ // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 4. С. 227–251.

Юрьева И.А. Концепт Россия как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2008.

S. K. Sapieva *(Maykop, Russia)*
Adygea State University

IDEOLOGEM “CAUCASUS”: LINGUOPRAGMATIC STATUS AND CRITERIA OF ACTUALIZATION IN TASS MEDIA DISCOURSE

This article provides a systematic analysis of the ideologem “Caucasus” in the media discourse of the TASS news agency within the framework of cognitive linguistics. The article defines the linguopragmatic status of an ideologeme, as well as the criteria for its actualization in a polydiscursive space. The dependence of the pragmatic potential of an ideologeme on the institutional status of the source is substantiated.

Key words: ideologeme, Caucasus, media discourse, linguopragmatics, polydiscursivity

К. Я. Сигал *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru

ПУНКТУАЦИОННАЯ ПОЗИЦИЯ В СТАНОВЛЕНИИ: КОГНИТИВНЫЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье исследуется становление пунктуационной позиции вводного компонента в русском языке конца XVIII в. с когнитивной и семиотической точек зрения. В связи с этим выявлена специфика пунктуационного маркирования вводного компонента *может быть* в «Письмах русского путешественника» (1791–1792 гг.) Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: вводный компонент, когнитивная лингвистика, пунктуация, семиотика, субъективная модальность

Как известно, когнитивная лингвистика специализируется на объяснении того, как в познавательных процессах и в разных видах деятельности с информацией участвуют прежде всего «конвенциональные способы репрезентации <…> содержания» [Кубрякова 2012: 73–74]. Применительно к пунктуации в рамках когнитивной лингвистики можно говорить о передаче посредством знаков препинания, с одной стороны, метаязыковой информации, относящейся к синтаксической структуре и семантике высказываний [Георгиева 2021], а с другой стороны, экспрессивно-эмоциональной информации, обусловленной символическим истолкованием как отдельных знаков препинания, так и их сочетаний (в одной позиции) и скоплений (в разных позициях).

Однако конвенциональность в сфере пунктуации образуется длительное время, поэтому при изучении действий пишущего со знаками препинания необходимо учитывать тот факт, что в осознании и вычленении той или иной пунктуационной позиции (т.е. условий для постановки знака препинания) и в реакции на нее определенным пунктуационным маркером может отображаться субъективное восприятие пишущим пунктуационного узуса его эпохи. При этом креативный потенциал пишущего в отношении к пунктуации определяется мерой несоответствия между узусом и кодифицированной нормой.

Пунктуационную позицию в становлении некоторое время представлял собой вводный компонент (далее – ВК), благодаря которому реализуются «модальные установки говорящего лица» [Виноградов 1975: 58]. Если в конце XVIII в. кодификаторы вовсе не рассматривали ВК как основание для пунктуационного маркирования [НОРГ: 17–19], а в начале XIX в. допускали его выделение запятыми «въ срединѣ предложенія» [РГ: 34], то во второй половине XIX в. они санкционировали «отдѣленіе» ВК посредством запятых в любой части высказывания [Классовскій 1856: 322].

Показательно, что в «Письмах русского путешественника» (1791–1792 гг.) Н.М. Карамзина ВК, в частности модально-персуазивный ВК *может быть*, уже подвергается пунктуационному маркированию, хотя и далеко не всегда. Представляется, что на основе анализа данного эмпирического материала пунктуационная позиция в становлении может быть рассмотрена с когнитивной и семиотической точек зрения.

В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин использовал семантически осложняющий ВК *может быть* всего 87 раз, в том числе 31 раз в начальной части высказываний и 56 раз в срединной части высказываний. В конце высказываний ВК *может быть* Н.М. Карамзиным не употребляется.

В начальной части высказываний ВК *может быть* у Н.М. Карамзина не выделяется запятой (точнее, правым элементом двойной запятой) 23 раза и выделяется 8 раз, т.е. отсутствие знака препинания встречается почти в 3 раза чаще. Ср.: ***Может быть*** *в целом свете нет другого Мейрингена* [К: 139]; *В Бедламе кончил жизнь свою Английский Трагик Ли.* ***Может быть*** *вы не знаете об нем следующего забавного анекдота* [К: 342] и ***Может быть,*** *вы учитель мой в Поэзии* [К: 75]; ***Может быть,*** *дети друзей моих придут на сие место* <…> [К: 165].

В срединной части высказываний ВК *может быть* Н.М. Карамзин выделяет двойной запятой либо двойным тире 31 раз. Ср.: *Французской старинный язык****, может быть,*** *для вас темен* [К: 230]; *Внизу дымятся хижины, жилища бедности, невежества и* **– *может быть* –** *спокойствия* [К: 131]. Двойной знак препинания отсутствует при интерпозиции ВК 15 раз. Ср.: *Вы пожелаете* ***может быть*** *знать, как дорого платят книгопродавцы Авторам за их сочинения?* [К: 65]; *Я* ***может быть*** *виновен был!* [К: 316]. В срединной части высказываний запятая либо тире 10 раз отделяют ВК исключительно с левой стороны. Ср.: *Вообще все Сюренские жители казались мне умными и щастливыми****, может быть*** *от веселого расположения души моей* [К: 274]; *На крыльце мы в последний раз пожали друг у друга руку, и расстались* **– *может быть*** *навечно* [К: 77]. По-видимому, отказ от парности знаков препинания связан здесь с отнесением модально-персуазивного ВК к присоединенному компоненту высказывания, вводящему дополнительную рему. В срединной части высказываний выделение ВК двойным знаком препинания встречается у Н.М. Карамзина в 2 раза чаще, чем отсутствие пунктуационного выделения, и в 3 раза чаще, чем отсутствие правого элемента двойного знака препинания.

Пунктуационная позиция ВК, которая в тексте конца XVIII в. дана в условиях ее становления, демонстрирует когнитивную обусловленность своего вычленения и графического маркирования. Персуазивный ВК *может быть* привносит в высказывание совершенно особый тип информации, связанный с субъективно-модальной оценкой содержания высказывания. Пунктуационное выделение ВК нацелено на то, чтобы графически отграничить разные типы информации в высказывании. Вовсе не случайно в теории пунктуации неизменно указывается на то, что благодаря знакам препинания текст делается «управляемым (überschaubar)» [Baudusch 1980: 212],

что пунктуация организует управление информацией в тексте [Mann 2003]. Кроме того, пунктуационному маркированию ВК, несомненно, способствует включение в метаязыковую рефлексию пишущих таких структурных свойств ВК, как отсутствие формально-синтаксической связи с другими компонентами высказывания, маневренность и просодическая отделенность (понижение тона и паузация).

В конце XVIII в. пунктуационная позиция ВК, не поддержанная кодификацией, вычленяется и тем самым маркируется непоследовательно. В семиотическом плане показателен тот факт, что у Н.М. Карамзина доминирует пунктуационное выделение ВК *может быть* в срединной части высказываний (35,6%). Это объясняется тем, что, во-первых, интерпозиция максимально содействует отождествлению ВК, а во-вторых, при интерпозиции ВК выделяющие его двойные знаки препинания (запятые, тире) находятся в «сильной позиции» [Шварцкопф 1988: 26]. Правда, интерпозиция ВК сама по себе еще не выступает как гарант пунктуационного выделения. В начальной части высказываний у Н.М. Карамзина ВК *может быть* чаще всего не получает пунктуационного маркирования (26,4%). По всей видимости, это вызвано тем, что ВК обобщается с союзами, союзоподобными лексемами и – шире – текстовыми коннекторами, которые также размещаются в начальной части высказываний и не выделяются запятой. При пунктуационном выделении ВК в начале высказывания возникает «нейтрализация» [Шварцкопф 1988: 26] двойной запятой (точнее, ее правого элемента) и соответствующего одиночного знака препинания.

Для того, чтобы понять становление пунктуационной позиции ВК как семиотический процесс, необходимо осмыслить выделяющие ВК *может быть* знаки препинания со стороны их «сигнальной функции, дифференцирующей значение и маркирующей его» [Baudusch 1980: 213]. Сигнально-дифференцирующая функция знаков препинания состоит в том, что они обеспечивают преодоление омонимии между ВК и сочетанием финитной связки и инфинитивной части присвязочного компонента составного именного сказуемого. Необязательное пунктуационное выделение ВК в интерпозиции, характерное для Н.М. Карамзина, делает неоднозначной (особенно вне контекста) смысловую интерпретацию такого, например, высказывания: *Перевод мой* ***может быть*** *полезен* <...> [К: 171]. Сигнально-маркирующая функция знаков препинания заключается в том, что они отделяют в высказывании модус от диктума, подчеркивая субъективно-модальный оттенок гипотетичности. Несмотря на то, что у Н.М. Карамзина в 55% случаев ВК *может быть* не имеет пунктуационного выделения, используемые при ВК знаки препинания полноценно реализуют сигнально-маркирующую функцию. Стабилизация сигнальной функции знаков препинания (в трактовке Р. Баудуш), посредством которых выделяется ВК, способствует воспроизводству однотипного оформления этой пунктуационной позиции и его закреплению в пунктуационном узусе.

То обстоятельство, что у Н.М. Карамзина пунктуационная позиция ВК пребывает в состоянии становления, подтверждается тем, что в высказываниях, обра-

зующих микротекст, сосуществуют прецеденты употребления ВК *может быть*, как выделенные, так и не выделенные знаками препинания. Однако у Н.М. Карамзина имеется, например, и такой микротекст, в котором ВК, находящийся в середине высказывания, как бы индуцирует пунктуационное оформление ВК, размещающегося в начале следующего высказывания. Ср.: *Любезный меланхолик! я сам думал о тебе, вступая в сию алею, и стоял,* ***может быть,*** *точно на том месте, где ты обо мне думал.* ***Может быть,*** *ты опять здесь стоять будешь, но я буду далеко, далеко от тебя!* – [К: 36]. В такого рода текстовых структурах происходит объективация тех пунктуационных «шаблонов», которые сложились у конкретной языковой личности. Однако в конце XVIII в. они еще не стали конвенциональными способами пунктуационного маркирования, поэтому Н.М. Карамзин то и дело – намеренно или случайно – отступает от этих пунктуационных «шаблонов».

В заключение необходимо отметить, что исследование становления пунктуационной позиции с когнитивной и семиотической точек зрения дает возможность объяснить то, как «формируются “снизу” новые закономерности реализации функционирующей пунктуационной системы» [Шварцкопф 1988: 136].

Литература

Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды. М.: Наука, 1975.

Георгиева М. Метаезик и пунктуация. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2021.

К – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.

Классовскій В. Русская грамматика. СПб.: Типографія Э. Веймара, 1856.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

НОРГ – Начальныя основанія россійской грамматики. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1788.

РГ – Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. СПб.: Императорская типографія, 1802.

Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988.

Baudusch R. Zu den sprachwissenschaftlichen Grundlagen der Zeichensetzung // Theoretische Probleme der Deutschen Orthographie / D. Nerius, J. Scharnhorst (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1980. S. 193–230.

Mann N. Point counterpoint: Teaching punctuation as information management // College Composition and Communication. 2003. Vol. 54. No. 3. P. 359–393.

K. Ya. Seagal *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

PUNCTUATION POSITION IN DEVELOPMENT: COGNITIVE AND SEMIOTIC ASPECTS

The article examines the development of the punctuation position of the parenthesis in Russian at the end of the 18th century from a cognitive and semiotic points of view. In this regard, the specificity of punctuation marking of the parenthesis *mozhet byt'* ('maybe') found in the "Letters of a Russian Traveler" (1791–1792) by N.M. Karamzin.

Key words: parenthesis, cognitive linguistics, punctuation, semiotics, subjective modality

М. В. Стефанович *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный педагогический университет
maria_stefanovich@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТСУТСТВИИ ТАКСИСНОЙ ФУНКЦИИ У НАРЕЧИЙ НА -LY, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функциональной ограниченностью наречий на -ly, производных от причастий настоящего времени (encouragingly, smilingly), в выражении временных отношений и их неспособность выступать в роли маркеров таксиса – категории, отражающей соотнесенность действий во времени.

Ключевые слова: наречия на -ly, причастия настоящего времени, таксис, семантическая компрессия, дескриптивная функция

С развитием когнитивной лингвистики традиционная методология исследования таксиса претерпевает существенную ревизию базовых теоретических положений, что отражает общую тенденцию к переосмыслению языковых категорий в рамках когнитивно-ориентированной парадигмы. Традиционный подход, ориентированный на описание формальных маркеров одновременности и разновременности в полипредикативных структурах, постепенно встраивается в более широкую парадигму когнитивно-ориентированного анализа. Этот подход, как показывают современные исследования, фокусируется на ментальных репрезентациях временных отношений, исследует механизмы конструирования временной перспективы говорящим и описывает корреляции концептуальных структур и языковых форм. В связи с этим таксис, традиционно определяемый как функционально-семантическое поле полицентрического типа, фиксирующее временную сопряженность действий [Бондарко 2011: 31], получает обновленную интерпретацию в рамках когнитивной парадигмы.

Когнитивный анализ эмпирического материала выходит за рамки формальных правил выражения, позволяя объяснить, как ментальные модели организуют вос-

приятие временных отношений между действиями и какие языковые средства используются для их репрезентации. В этом контексте наиболее значимыми аспектами, как отмечает Н.Ф. Алефиренко, следует считать проявление когнитивных стратегий организации опыта во времени через языковую систему таксиса, процессы категоризации и осмысления временных событий, а также когнитивные механизмы, определяющие выбор таксисных маркеров [Алефиренко 2017: 720].

Эволюция взглядов на таксис показывает отчетливый переход от статичного описания временных отношений к анализу когнитивно-коммуникативных механизмов. Современные исследования фокусируются на позиции говорящего, который выступает в роли конструирующего временную реальность. Вместо формальной фиксации хронологии событий по шкале одновременности / разновременности анализу подвергаются способы представления говорящим последовательности событий, значимые для него связи между действиями и используемые временные маркеры для передачи скрытых смыслов. Такой подход весомо корректирует представление о таксисе как собственно временной категории, трансформируя его в многофункциональный инструмент анализа, который объединяет модальность, выражающую оценку возможности или необходимости действий, аспектуальность, отражающую характеристики протекания процесса, пространственные координаты, локализующие события, причинно-следственные отношения, фиксирующие логическую связь действий, а также дискурсивные функции, определяющие влияние временной структуры на восприятие текста адресатом [Алефиренко 2017: 727; ТФГ 1987: 340].

В этой связи особый исследовательский интерес представляют наречия на -ly (*provokingly*, *menacingly*), образованные от причастий настоящего времени (-ing-формы). Согласно определению В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик, причастие настоящего времени описывает действие, совершаемое лицом или предметом и представленное как его признак, проявляющийся во времени, как его свойство, полученное в результате действия [Жигадло и др. 1956: 142]. Это обусловливает динамический и процессуальный характер причастия, унаследованный от глагола и проявляющийся в трех аспектах: субъектно-процессуальном, отражающем действие субъекта, временном, выражающем маркированность во времени, и результативном, репрезентирующем свойство как итог действия. Процессуальная сущность причастия определяет его двойственную синтаксическую функцию: с одной стороны, в атрибутивной роли причастие задает объекту динамический признак, связывая существительное с семантикой действия. С другой стороны, причастие реализует обстоятельственную функцию, указывая на обстоятельства, сопутствующие действию сказуемого, кодируя одновременность как обстоятельство времени, причину как обстоятельство причины и способ совершения действия как обстоятельство образа действия.

Такая функциональная направленность сохраняется в наречиях на -ly. Согласно сопоставительному анализу Martina Jarkovská, проведенному на материале наречий

на -ly, производных от причастий настоящего времени, в их семантике выделяются два взаимосвязанных компонента: дескриптивный, описывающий способ действия или степень проявления признака, и субъективно-оценочный, выражающий отношение говорящего. Дескриптивная функция выступает в качестве основной для таких наречий, поскольку они фиксируют способ совершения действия, либо интенсивность проявления признака. При этом субъективно-оценочный компонент носит подчиненный характер, выступая в роли дополнительного смыслового пласта.

Дескриптивная функция наречий на -ly также отражает их двойственную природу. С одной стороны, они наследуют от глагола динамический аспект, трансформируя его в признак действия. С другой – утрачивают такие грамматические показатели глагола как время, залог, наклонение, сохраняя аспектуальные и субъектные смыслы. Это позволяет наречию характеризовать способ осуществления действия через аспектуальные характеристики, такие как длительность и кратность, отражать субъектную перспективу, обусловленную зависимостью действия от интенций и состояния субъекта, и обеспечивать лексическую связь с глаголом через наследование процессуальных признаков.

Согласно наблюдениям В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик, наречия на -ly, восходящие к адъективированным причастиям, наряду с характеристикой основного действия содержат указание на параллельно протекающий процесс [Жигадло и др. 1956: 176]. Эта особенность увеличивает их семантическую емкость и ставит вопрос о возможной роли исследуемых наречий в качестве периферийных элементов зависимого таксиса, т.е. языковых маркеров, имплицитно кодирующих временную соотнесенность действий, выражающуюся в их одновременности.

Доминирующим признаком таксиса считается «выраженное в высказывании значение отношения во времени между действиями (в широком смысле), включая любые репрезентации предикатов в составе предикативного комплекса, элементы которого относятся к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего)» [ТФГ 1987: 324]. Уточним, что одновременность как базовый тип таксисных отношений представляет собой хронологическую связь, отражающую соотнесенность нескольких действий в рамках единого временного плана высказывания.

Глагольные свойства причастия настоящего времени, как отмечено выше, наделяют наречия на -ly способностью не только характеризовать признак, но и актуализировать динамический компонент значения. В широком смысле это структуры с компрессией предикативного содержания. Несмотря на отсутствие формально выраженных субъектно-предикатных отношений в виде отдельной глагольной формы они имплицитно указывают на действие, сохраняя связь с его процессуальной семантикой. Благодаря этой связи наречия на -ly заменяют развернутое глагольное описание с указанием времени, модальности, обстоятельств и субъекта качественной характеристикой способа действия, обеспечивая лаконичность выражения без потери смысловой полноты. Например, в предложении *I may be speaking out*

of turn, Miss Emily, but you are young and innocent and I am concerned about you. – *Go on*, – *Emily said encouragingly*, – *I won't bite your head off* наречие *encouragingly* семантически компрессирует развернутую конструкцию *Emily said Go on*, *meaning to encourage the speaker* до качественной характеристикой способа произнесения реплики. В исходной конструкции присутствует полноценный субъект *Emily*, глагольное действие, модальность поддержки meaning to encourage, а также временная соотнесенность, предполагающая одновременность произнесения фразы и выражения ободрения. Семантическая связь наречия encouragingly с глаголом encourage проявляется в наследовании интенции ободрения и имплицитного модального компонента одобрения, который зависит от контекста. Наречие кодирует аспект образа действия как способ произнесения реплики и сохраняет временную соотнесенность, т.е. ободрение происходит одновременно с действием глагола-сказуемого *said*. Это, с одной стороны, позволяет редуцировать избыточные элементы и достичь лаконичности выражения без потери смысла, а с другой – актуализирует ситуативный контекст предложения, позволяя адресату мгновенно реконструировать полную ситуацию.

Эффект одновременности двух процессов, а именно произнесение реплики и выражение интенции ободрения, создается за счет встраивания интенции ободрения в семантику основного действия (*said*). Это подтверждается реконструкцией имплицитного содержания наречия *encouragingly*, которое может быть развернуто в две эксплицитные формы: 1) *Emily said and encouraged* – с выделением интенции ободрения в отдельный предикат и 2) *Emily said encouraging the speaker* – с указанием на одновременность действий через деепричастный оборот.

Способность наречия *encouragingly* одновременно характеризовать способ действия и передавать имплицитную прагматическую информацию обусловлена полифункциональностью его семантики, которая формируется взаимодействием лексического, синтаксического и прагматического уровней. Так, на лексическом уровне суффикс -ly маркирует процессуальный характер действия. На синтаксическом уровне через функцию обстоятельства образа действия наречие указывает на одновременность интенции ободрения и произнесения реплики. На прагматическом уровне контекст позволяет адресату распознать и реконструировать интенцию ободрения как сопутствующий процесс. Таким образом, исследуемые наречия на -ly не выполняют таксисной функции – процессуальная семантика в них «свертывается» до признаковой характеристики описания действия. Эффект одновременности действий создается за счет прагматического компонента в семантике наречия: он имплицитно указывает на сопутствующий процесс, модифицируя значение основного действия без установления самостоятельных временных или предикативных отношений.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Системная панорама когнитивной репрезентации семантики синтаксиса // Russian Journal of Linguistics. 2017. Т. 21. № 4. С. 706–728.

Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.

Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык: Теоретический курс грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Ленинград: Наука, 1987.

British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (дата обращения: 19.01.2026).

M. V. Stefanovich *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk State Pedagogical University

EXPLORING THE LACK OF TAXIS FUNCTION IN -LY ADVERBS DERIVED FROM PRESENT PARTICIPLES

The article examines issues related to the functional limitations of -ly adverbs derived from present participles (e.g., *encouragingly*, *smilingly*) in expressing temporal relations and their inability to serve as markers of taxis – a category reflecting the correlation of actions in time.

Key words: -ly adverbs, present participles, taxis, semantic compression, descriptive function

М. П. Таймур *(Москва, Россия)*
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Taymour.MP@rea.ru

ТИПОЛОГИЯ МЕТАФТОНИМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуется метафтонимия как когнитивный механизм смыслообразования в мультимодальных текстах, анализируется роль метафтонимии в современных поликодовых лингвокреатемах. На материале англоязычной рекламы и интернет-мемов предлагается типология из восьми моделей метафтонимических переносов, описываемых посредством универсальной формулы.

Ключевые слова: метафтонимия, мультимодальный дискурс, лингвокреатема, когнитивный механизм, концептуальная интеграция

Изучение когнитивных механизмов, обеспечивающих глубину и многослойность современных поликодовых текстов, остается одним из приоритетных направлений лингвистики. Лингвокреатемы, понимаемые как знаковые комплек-

сы, объединяющие вербальные и иконические компоненты, представляют собой релевантный материал для такого анализа. Особый интерес вызывает метафтонимия – феномен, при котором метафорические и метонимические операции не просто сосуществуют, но образуют единый интегративный механизм порождения смысла [Goossens 1990]. В развитие идей Л.А. Новикова о семантической многоплановости языковых единиц и их способности к эстетическому воздействию [Новиков 2001] мы рассматриваем метафтонимию как один из ключевых инструментов формирования образности в современной коммуникации. Классическое понимание метафоры предполагает перенос наименования между разными концептуальными областями на основе подобия, тогда как метонимия оперирует смежностью в пределах одной области [Lakoff, Johnson 1980]. Их совместное действие, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, ведет к образованию сложных концептуальных структур, требующих от воспринимающего субъекта развернутой интерпретационной деятельности [Болдырев 2018]. Необходимость систематизации этих комплексных образований определяет актуальность настоящего исследования, цель которого – представить развернутую классификацию моделей метафтонимических переносов в мультимодальном дискурсе. Материалом послужили более 450 англоязычных рекламных плакатов и интернет-мемов, отобранных из открытых источников и визуальных корпусов методом сплошной выборки. Предлагаемая классификация опирается на результаты нашего диссертационного исследования, посвященного когнитивным механизмам порождения лингвокреатем [Таймур 2022, 2025].

Теоретический фундамент работы составляют теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также теория концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера. Согласно последней, новые смыслы возникают в ходе взаимодействия нескольких ментальных пространств, порождая интегрированное пространство (бленд) с эмерджентными характеристиками. Особую значимость для нашего исследования имеет концепция Л. Гуссенса, согласно которой метафора и метонимия способны функционировать не изолированно, а в тесной взаимосвязи. Развивая данную идею, мы предлагаем рассматривать метафтонимию как многоступенчатый процесс, где метонимические сдвиги подготавливают почву для метафорического переосмысления. Обобщенная схема этого процесса может быть выражена следующим образом: итоговый смысл формируется через метонимическое замещение, за которым следует метафорическая проекция. В символической записи это можно представить как $Z \leftarrow (X \rightarrow Y) \rightarrow (Y \approx W)$, где знак $\leftarrow\!\rightarrow$ обозначает направленность переносов, а $\approx$ – метафорическое отождествление.

Применение данной модели к анализу мультимодальных текстов выявило ряд устойчивых конфигураций метафтонимических взаимодействий. Визуальный компонент здесь выступает не просто иллюстрацией, а полноправным участником смыслообразования, генерирующим собственные цепочки ассоциаций. Систематизация эмпирического материала позволила выделить восемь основных типов струк-

тур, различающихся по количеству задействованных элементов и направленности связей. Остановимся на наиболее характерных из них. Наибольшую распространенность (около 30% проанализированных единиц) демонстрирует конфигурация, при которой единый визуальный образ служит отправной точкой для двух параллельных метонимических линий, сходящихся к одному метафорическому выводу. Формально это может быть представлено как $Z \leftarrow (X \rightarrow Y) + (X \rightarrow Y1) \rightarrow (Y \approx W) + (Y1 \approx W)$. Показательный пример – серия плакатов WWF, где полиэтиленовый пакет (X) метонимически связывается с подводной миной (Y) и с антропогенным загрязнением океана (Y1). Обе линии ведут к общему метафорическому умозаключению: пластик несет смертельную угрозу природе и человеку (W). Вербальный компонент *Plastic has the same danger* закрепляет эту связь. Другая распространенная конфигурация (24% случаев) предполагает расхождение метафорических смыслов при едином визуальном источнике: $Z \leftarrow (X \rightarrow Y) + (X \rightarrow Y1) \rightarrow (Y \approx W) + (Y1 \approx W1)$. Ее иллюстрируют демотиваторы с изображением сточенного карандаша (X). Этот образ метонимически отсылает к работнику (Y) и к понятию пенсии (Y1). Далее в дело вступает метафора: работник предстает как *исчерпавший ресурс* (W), а пенсия – как *утилизация* (W1). Различие итоговых метафорических смыслов создает более сложное семантическое поле.

Третий тип структур задействует два визуальных элемента, каждый из которых инициирует собственную метафтонимическую цепочку. Данная конфигурация, охватывающая 19% примеров, характерна для рекламы, построенной на сравнении. Так, в рекламе масла Avia изображение лошади (X1) метонимически связано с мощностью двигателя (Y), а изображение бутылки (X2) – с потребительским выбором (Y1). Эти концепты затем метафорически переосмысляются через образы *урчащей кошки* (W) и *престижного продукта* (W1), активируемые слоганом *Makes your horses purr*. Схематически это выглядит как $Z \leftarrow (X1 \rightarrow Y) + (X2 \rightarrow Y1) \rightarrow (Y \approx W) + (Y1 \approx W1)$. Помимо описанных, были выявлены более редкие, но не менее интересные конфигурации: с тройным метонимическим расширением (характерные для исследованной многослойной социальной рекламы) и с тремя метафорическими источниками (идентифицированные в политических карикатурах и философских мемах). Общая закономерность заключается в том, что увеличение числа элементов и ступеней в структуре метафтонимического переноса повышает когнитивную сложность текста. Это, в свою очередь, увеличивает вероятность либо положительного когнитивного диссонанса (интеллектуального удовлетворения от разгадки), либо, при превышении порога восприятия, отрицательного диссонанса, ведущего к коммуникативному сбою.

Предложенная типология позволяет систематизировать представления об одном из ключевых механизмов смыслообразования в мультимодальном дискурсе. Полученные данные свидетельствуют о том, что метафтонимия является результатом интеграции когнитивных механизмов метафоры и метонимии, функционирующих

как единый концептуальный комплекс, направленный на формирование инференции в сознании реципиента. Выделенные конфигурации демонстрируют, каким образом варьирование комбинаторики метонимических и метафорических операций создает разные уровни смысловой сложности, что напрямую отражается на прагматическом потенциале текста. Дальнейшие исследования могут быть направлены на проверку выявленных закономерностей на материале других языков и типов дискурса, а также на изучение эмоционального воздействия различных метафтонимических структур. Таким образом, использование разработанного инструментария дает возможность более объективно исследовать процессы инферирования смыслов, лежащие в основе лингвокреативной деятельности языковой личности, в русле традиций, заложенных Л.А. Новиковым.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом Языки славянской культуры, 2018.

Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. М.: Изд-во РУДН, 2001.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка). М.: КноРус, 2022.

Таймур М.П. Когнитивные механизмы порождения смысла лингвокреатем в мультимодальном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2025.

Goossens L. Metaphtonymy // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. P. 323–340.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

***M. P. Taymour** (Moscow, Russia)*
Plekhanov Russian University of Economics

**A TYPOLOGY OF METAPHTONYMIC MODELS
IN MULTIMODAL DISCOURSE**

The article examines metaphtonymy as a cognitive mechanism of meaning formation in multimodal texts, analyzes the role of metaphtonymy in contemporary polycode linguocreatemes. Based on the analysis of English-language advertising and internet memes, a typology of eight models of metaphtonymic transfers described by means of a universal formula is proposed.

Key words: metaphtonymy, multimodal discourse, linguocreateme, cognitive mechanism, conceptual integration

К. А. Тумасян *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
i_am_k_a_r_i_n_a@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА ПАЦИЕНТОВ ПРИ «ВИДИМЫХ» И «НЕВИДИМЫХ» НАРУШЕНИЯХ ЗДОРОВЬЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМАХ

В статье проанализированы самопрезентующие высказывания молодых людей с «видимыми» и «невидимыми» нарушениями здоровья в немецкоязычных документальных фильмах TRU DOKU и выделены особенности актуализации когнитивных признаков ряда концептов и структур их номинативных полей, обусловленных типом нарушения и его социальной воспринимаемостью.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, номинативное поле концепта, концептуальная метафора, самопрезентация, лица с ОВЗ

Методы когнитивной лингвистики уже несколько десятилетий применяются для анализа дискурса болезни и, в частности, для изучения речи пациентов с различными нарушениями здоровья. В ряде немецкоязычных работ центральной единицей анализа выступает концептуальная метафора [Castro Zambrano 2016; Koller 2023], позволяющая выявлять устойчивые способы концептуализации опыта болезни. Однако анализ концептуальной метафоры охватывает лишь часть более общего процесса концептуализации. Для того чтобы описать, какие аспекты опыта становятся значимыми в самопрезентации, необходимо рассматривать не только метафорические модели, но и все номинативное поле концепта, то есть совокупность лексем и выражений, вербализующих данный концепт в речи говорящих [Попова, Стернин 2007].

Материалом настоящего исследования стали автобиографические монологи молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, представленные в немецкоязычных документальных фильмах проекта TRU DOKU. Анализ 52 фильмов общей продолжительностью более двенадцати часов позволяет выявить устойчивые различия в том, как говорящие концептуализируют собственный опыт в зависимости от того, является ли их нарушение «видимым» или «невидимым».

Одним из ключевых различий в речевых репрезентациях опыта у пациентов с «видимыми» и «невидимыми» нарушениями является описание пути к диагнозу и оценка его значимости. Для носителей «невидимых» нарушений, которые включают ментальные расстройства, когнитивные особенности (дискалькулия, легастения, аутизм, синдром дефицита внимания и гиперактивности, депрессия, мизофония) и неврологические заболевания, неочевидные для окружающих (например, эпилепсия), диагноз выступает кульминацией длительного периода поиска объяснения собственных симптомов. В этих высказываниях центральным оказывается концепт MINDERWERTIGKEIT / НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ. Номинативное поле концепта

включает несколько семантических зон, каждая из которых активирует определенный когнитивный признак. Лексемы, объективирующие социальное измерение неполноценности, отражают то, как окружающие интерпретируют состояние говорящего: *nicht ernst genommen werden* (нем. ‘не восприниматься всерьез’), *simulieren* (нем. ‘симулировать’), *sich so anstellen* (нем. ‘притворяться’), *alles vorspielen* (нем. ‘разыгрывать все’). Эти выражения демонстрируют, что неполноценность понимается не как медицинский факт, а как социально оцениваемое и оспариваемое состояние.

Другие зоны номинативного поля данного концепта включают лексемы, отсылающие к: а) действиям по сокрытию предполагаемой неполноценности: *verheimlichen*, *verstecken* (нем. ‘утаивать’, ‘прятать’); б) самооценке, сформированную под влиянием социальной реакции: *ich dachte, ich bin dumm* (нем. ‘я думала, что я глупая’), *Ich hab begonnen, mich wie ein Versager zu fühlen* (нем. ‘я начал чувствовать себя неудачником’).

Главным когнитивным признаком концепта MINDERWERTIGKEIT / НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ, характерным для высказываний о «невидимых» нарушениях, является сомнение в реальности неполноценности как со стороны окружающих, так и со стороны самого говорящего.

В момент получения диагноза в высказываниях носителей «невидимых» нарушений актуализируются два ключевых когнитивных признака: 1) диагноз объясняет происходящее, то есть придает симптомам когнитивную связность; 2) диагноз приносит облегчение, поскольку снимает неопределенность. Эти признаки вербализуются не только через лексему *Erleichterung* (нем. ‘облегчение’) и ее дериваты, но и через устойчивые концептуальные метафоры, формирующие номинативное поле соответствующих концептов. Так, модель «отсутствие диагноза — тяжелый объект» проявляется в выражении *der Stein ist von mir abgefallen* (нем. ‘с меня упал камень’), используемом героиней с диагнозом дискалькулия: *Ja, dann ist einfach der Stein von mir abgefallen. Und … ja. Es war einfach pure Erleichterung*. Модель «получение диагноза — появление света» реализуется в описании момента осознания синдрома дефицита внимания и гиперактивности как *absolut Augen öffnender Moment* (нем. ‘момент, абсолютно открывающий глаза’).

В высказываниях носителей «видимых», то есть физических нарушений, как правило, отсутствует описание длительного поиска диагноза. В случаях травм, произошедших в осознанном возрасте, жизнь до события описывается через лексемы, объективирующие концепт ALLTAG / ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, то есть обозначающие типичные действия ребенка, подростка или молодого человека в его социальных ролях. Сама травма – ампутация, паралич, ожог, потеря зрения – представляется как внезапное событие, после которого в речи активируется номинативное поле концепта KRANKHEIT / БОЛЕЗНЬ. Оно включает медицинские термины (диагнозы и симптомы), описательные номинации, фиксирующие физические ощущения, и метафорические выражения, передающие восприятие травмы. Так, молодой

человек, сломавший шею при прыжке в воду, описывает момент травмы как *dann hat's knack gemacht* (нем. «тогда что-то щелкнуло»), а другой герой, потерявший глаз от фейерверка, вспоминает: *Ich seh nur ein riesiges Loch* (нем. 'я вижу только огромную дыру'). В этих случаях диагноз не служит объяснением, а лишь фиксирует необратимость произошедшего.

Когнитивные признаки концепта KRANKHEIT / БОЛЕЗНЬ, актуализируемые в таких высказываниях, противоположны признакам, характерным для «невидимых» нарушений: диагноз вызывает страх, шок, отчаяние, что отражено, например, в высказывании *In dem Moment war ich total geschockt, völlig hilflos und überfordert*. Метафорические модели, сопровождающие получение диагноза, связаны с резким движением и потерей опоры: *Das hat mir den Boden unter den Füßen weggerissen* (нем. 'у меня выбило землю из-под ног').

В высказываниях, связанных с врожденным заболеванием, лексемы, объективирующие концепт KRANKHEIT / БОЛЕЗНЬ, появляются уже в начальной части рассказа. Момент получения диагноза не маркируется эмотивной лексикой и не осмысляется через метафорические модели: *Und dann sind wir zum Arzt gegangen, und dann kam das da raus, dass das die Friedreich-Ataxie war*. Вместо эмоциональной реакции акцент переносится на описание прогрессирования болезни, где активно задействуется номинативное поле концепта KÖRPER / ТЕЛО. Так, один из участников отмечает: *So nach und nach habe ich dann erst gesehen und auch realisiert, dass meine Beine jetzt irgendwie abgestorben sind*.

Концепт KÖRPER / ТЕЛО закономерно занимает центральное место в высказываниях о «видимых» нарушениях. В историях пациентов, прошедших через ампутацию и протезирование, прослеживается переход от восприятия тела как отчужденного объекта (*Der Arm ist einfach nur noch da. Das ist für mich nicht mehr wie mein Arm*) к позитивной реинтерпретации новой части тела как современной и эстетически привлекательной: *Ich sehe meine Prothese mittlerweile als Accessoire. Die Prothese sieht nicht wie eine menschliche Hand aus und das macht das das Ganze irgendwie noch cooler, das sieht aus wie aus einem coolen Cyborg Film*.

Концепт MINDERWERTIGKEIT / НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ также представлен в высказываниях о «видимых» заболеваниях. Однако, в отличие от высказываний носителей «невидимых» нарушений, основной акцент делается на внешних отличиях и на негативной социальной оценке, направленной на тело рассказчика. Важную часть номинативного поля составляют номинации нежелательных форм социального взаимодействия: *dumme Blicke bekommen* 'получать тупые взгляды', *gaffen*, *anstarren*, *anglotzen* 'пялиться, глазеть', *anfassen* 'трогать'. Присутствуют и лексемы, отражающие социальную оценку внешности: *Zootier*, *bunter Hund*. В некоторых высказываниях упоминается сострадание как первая реакция окружающих, однако и оно воспринимается негативно: *Immer wenn ich erwähnt habe, dass (…), bekam ich immer diese bemitleidenden Blicke* zu; *Oft sind Menschen… sagen mir so, dass sie Mitleid mit mir verspüren. Was ich nicht verstehe, ich bin kein bemitleidenswerter Mensch*.

Интересно отметить, что при сходной метафорической репрезентации концепта KAMPF / БОРЬБА в высказываниях носителей «видимых» и «невидимых» нарушений актуализируются разные когнитивные признаки, что отражается в структуре их номинативных полей. Для участников с «невидимыми» нарушениями борьба связана прежде всего с адаптацией к повседневности и созданием индивидуальных стратегий, компенсирующих трудности, которые окружающим часто неочевидны. Так, героиня с дискалькулией разработала цветовую систему для навигации в транспорте, поскольку не могла запомнить номера маршрутов. Рассказчица с дислексией работала по ночам, чтобы скрыть, что читает один абзац по часу. Другая участница носила наушники, чтобы подавлять триггерные звуки. В этих случаях борьба концептуализируется как постоянное усилие по поддержанию функциональности и как стремление к признанию со стороны окружающих. Для носителей «видимых» нарушений борьба проявляется иначе: она направлена на сохранение самостоятельности и способность выполнять повседневные действия вопреки физическим ограничениям. Герои подчеркивают, что, несмотря на изменения тела, они остаются той же личностью со всеми своими качествами. Здесь актуализируется когнитивный признак преодоления физического барьера, а не социального недоверия.

Проведенный анализ показывает, что при вербализации сходного набора концептов самопрезентирующие высказывания молодых людей с «видимыми» и «невидимыми» нарушениями опираются на разные когнитивные признаки. В случае «видимых» нарушений центральными оказываются: неполноценность как социальная маркированность внешности, борьба как преодоление физических ограничений и борьба как подтверждение сохранения идентичности. Для «невидимых» нарушений определяющими являются: неполноценность как источник недоверия, диагноз как легитимация и объяснение, а также борьба как стремление к признанию и пониманию.

Литература

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.

Castro Zambrano R. Von Glaubenskämpfen und Himmelfahrtskommandos: Metaphorik im deutschen Mediendiskurs zur Inklusion // Pandaemonium ger. 2016. Vol. 19. No. 29. S. 95–124.

Koller V. Metaphern am Lebensende: Resilienz als Widerstand oder Akzeptanz // Schmerz. 2023. Vol 37. No. 2. S. 101–106.

K. A. Tumasyan *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CONCEPTUALIZATION OF PATIENTS' EXPERIENCES WITH "VISIBLE" AND "INVISIBLE" HEALTH DISORDERS IN GERMAN-LANGUAGE DOCUMENTARIES

The article analyzes self-presentational utterances of young people with "visible" and "invisible" health impairments in the German-language documentary films TRU DOKU, and identifies the features of the actualization of cognitive features of a number of concepts and the structures of their nominative fields, determined by the type of impairment and its social perceptibility.

Key words: concept, cognitive feature, nominative field of a concept, conceptual metaphor, self-presentation, people with disabilities

Л. А. Усманова *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СНОВИДЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ: ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется семантика предсказательности в вербализованных сновидениях на материале русскоязычных интернет-форумов. Превращение сна в «пророчество» рассматривается как дискурсивный акт, в котором фреймовая подстановка культурных значений, эпистемико-прагматическая маркировка и интерактивная верификация взаимодействуют в условиях асинхронного онлайн-полилога.

Ключевые слова: сновидение, предсказательность, эпистемическая модальность, фреймовая семантика, пропозиционная сеть, форумный дискурс

Предсказательная функция сновидения представляет собой один из наиболее устойчивых культурных мотивов, имеющих глубокие историко-семиотические корни: сны на протяжении столетий интерпретировались как знаки будущего, предвестники значимых событий или сообщения сверхличностных сил. В данном ракурсе снотолкования обнаруживают типологическое сходство с малыми жанрами фольклора – приметами, загадками, пословицами, – объединенными общей прагматической установкой на прогнозирование. Рассказ о сновидении в этом контексте выступает не как принципиально иная знаковая практика, а как продолжение той же семиотической системы, что организует восприятие наяву; различие между ними сводится преимущественно к модальности восприятия (сон – явь).

В пространстве интернет-коммуникации снорассказ утрачивает статус исключительно приватного переживания: он публикуется, комментируется и получает коллективную интерпретацию. Форумы толкований снов (например, *Мир снов, Сны*

и Мы, Тонкий мир, Сомнамбулятор и др.) формируют особую дискурсивную среду – асинхронный виртуальный полилог, в котором индивидуальное сновидение способно обрести статус «пророчества» или «сигнала» благодаря совокупности языковых, прагматических и социально-коммуникативных механизмов.

Проведенные корпусная разметка и дискурсивный анализ продемонстрировали, что эмпирические признаки «прогностичности» в исследуемых текстах не поддаются редукции к простой формуле «сон = значение». Для адекватного описания наблюдаемых феноменов необходим переход от содержательной категоризации к прагматическому рассмотрению предсказательности как речевой функции, реализующейся через систему коммуникативных операций. В этой аналитической перспективе предсказательность предстает как совокупность трех взаимосвязанных компонентов: эпистемической правдоподобности, деонтической директивности и интерактивной валидации.

Эпистемическая правдоподобность обеспечивается языковыми маркерами уверенности говорящего (*я ясно видел(а)*, *помню четко* и т.п.), которые повышают пропозициональный «вес» высказывания и делают его пригодным для прочтения в качестве прогностического сигнала. Так, автор поста, начинающий рассказ словами *я четко помню: белая птица села на подоконник* [ТМ], уже посредством формы высказывания усиливает аподиктичность наблюдаемого образа, облегчая тем самым его последующую трансформацию в прогноз.

Деонтическая директивность проявляется в том, что интерпретация сновидения нередко сопровождается советами или предписаниями, переводящими прогноз в инструкцию к действию. В одном из постов, где автор сообщал о приснившейся старой монете, ответ модератора включал не только прогностическую формулировку («монета – к деньгам»), но и практическую директиву: *«будь внимателен с документами»* [МС], что свидетельствует о конвертации семантики предсказательности в деонтическую модальность.

Интерактивная валидация представляет собой коллективную верификацию и подтверждение прогноза в комментариях, а также последующее сообщение об «исполнении» сна – феномен «сна-свершения». Так, одна из участниц форума сообщила: *«Приснилась раненая кошка; через два дня у соседки возникли проблемы с ребенком»*, – и в ленте комментариев получила предупреждение: *«Такие сны обычно предвещают болезни в семье – будь внимательнее»* [СМ].

Фреймовая семантика [Филлмор 1982] предоставляет эффективный инструментарий для формализации описанных механизмов. Сновидческий знак активирует культурно-семантическую схему (фрейм), которая «подставляет» ожидаемые значения в соответствующие слоты: «птица – весть», «вода – эмоции», «дорога – переход/опасность». Психоаналитический и культурно-антропологический контексты указывают, что повторяемость образов и их соотнесение с реальными событиями служат ключевым механизмом верификации предсказаний.

Типичная структура прогнозного сообщения является двучленной: Pr (описание знака) + F (прогноз) [Садова 2004]. В компоненте Pr доминирует номинативность – яркая предметность, фиксированная деталь (цвет, предмет, направление движения), компонент F характеризуется краткой, нередко эллиптической формулировкой. Так, рассказ *Мне приснилась белая птица, она села на подоконник и долго смотрела* получает ответ *Белая птица – к радостной вести/рождению* [ТМ], где F реализован через конструкцию «N – к X» («дательный прогнозирующий» [Харченко 1992]). Наряду с эллипсисом, прогноз реализуется через конструкции типа «Это к тому, что...», создающие эффект причинно-следственной связи, и через предикативные утверждения в форме будущего времени (*Черная кошка во сне – будет ссора с близкими* [СМ]), где глагол выступает перформативным маркером, активирующим деонтическую модальность. Три выявленных варианта (эллипс / Это к тому, что… / будет…) образуют градиент от минимальной вербализации к развернутой предикативной конструкции, сохраняя постпозицию F относительно Pr как универсальный структурный принцип форумного сновидческого дискурса.

Предсказательность систематически модулируется эпистемическими маркерами трех стратегий: усиление доверия («помню четко»), гипотетизация («возможно», «скорее всего») и директивная конвертация («это к...», «делай так...»). Значительная часть толкователей прибегает к условным формулировкам «если..., то...», позволяющим сочетать индукцию от образа к нескольким возможным исходам с семантической предосторожностью: *монета — к деньгам; если она старая — к наследству*, *если новая — к прибыли* [МС].

Форумное пространство насыщено реминисценциями народных сонников: устойчивые соответствия («вши – к деньгам», «птица – к вестям») функционируют как «готовые» фреймы, существенно облегчающие интерпретацию и придающие прогнозу видимость общепринятой достоверности. В комментариях подобные соответствия, как правило, оформляются кратко и аподиктически – «это к...». Показателен типичный случай: пользователь описывает сновидение о воде, после чего несколько участников автоматически активируют фрейм «вода – эмоции/переживание», предлагая интерпретации без дополнительной аргументации: *Если увидишь воду – будет эмоциональный кризис, берегись* [МС]. Такая фреймовая автоматизация свидетельствует о высокой степени конвенциализации прогностических значений в данном дискурсивном сообществе.

Коллективная валидация выступает краеугольным механизмом придания прогнозу дискурсивной силы. В одном из корпусных фрагментов автор по прошествии нескольких дней возвращается в тему и сообщает: *то, о чем писала, сбылось* [СМ]. Этот ретроспективный акт трансформирует первоначальный прогноз в «исторически» ценный для сообщества дискурсивный факт, наделяя его статусом локальной приметы. Механизм валидации обеспечивает обратную связь, замыкающую прогностический цикл и укрепляющую конвенциональную основу сновидческой герменевтики.

Проведенный анализ демонстрирует, что форумная предсказательность представляет собой гибрид культурного и сетевого дискурсов: традиционные шаблоны толкования сновидений реализуются в сочетании с интерактивной оперативностью онлайн-среды. Существенным выводом является социальная обусловленность пророческой силы сновидческого нарратива: без принятия со стороны сообщества сон остается частной сенсацией, лишь в диалоге он способен трансформироваться в «примету». При этом языковые ресурсы определяют «порог интерпретации»: чем предметнее и эпистемически более обоснованно представлен «снорассказ», тем легче его «подвести» под соответствующий фрейм и тем выше вероятность валидации. Корпусные данные подтверждают эту закономерность: четкая визуальная деталь («белая птица», «старая монета») в сочетании с формулой «я помню ясно» устойчиво увеличивает частотность аподиктических F-формулировок в комментариях. Предложенная модель трансформации (описание сна → прогноз → валидация) предоставляет операциональную схему для дальнейшего корпусного изучения предсказательной семантики и открывает перспективы сопоставительного исследования прогностических дискурсивных практик в различных лингвокультурных традициях.

Литература

МС – Мир снов. URL: https://forum.mirsnov.com (дата обращения: 30.01.2026).

СМ – Сны и Мы. URL: https://luuna.ru (дата обращения: 30.01.2026).

ТМ – Тонкий мир. URL: https://tonkimir.ru (дата обращения: 30.01.2026).

Садова Т.С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс. С. 52–92.

Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. 1992. Т. 87. № 1. С. 78–82.

L. A. Usmanova *(Kazan, Russia)*
Kazan (Volga Region) Federal University

PROGNOSTIC POTENTIAL OF DREAM NARRATIVE IN INTERNET FORUM SPACE: A PRAGMASEMANTIC ANALYSIS

The article explores the semantics of predictability in verbalized dreams based on the material of Russian-language Internet forums. The transformation of a dream into a “prophecy” is considered as a discursive act in which frame substitution of cultural meanings, epistemic-pragmatic marking, and interactive verification interact in an asynchronous online polylogue.

Key words: dream, predictivity, epistemic modality, frame semantics, propositional network, forum discourse

Е. В. Филиппова *(Москва, Россия)*
Академия ГПС МЧС России
Elenefilippova.klachuk@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ АГИТАЦИОННЫХ И УЧЕБНЫХ ПЛАКАТОВ ПО ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье на материале плакатов по пожарной безопасности исследуются механизмы вербально-визуального взаимодействия. Рассматривается специфика смыслопорождения, а также реализация эмоционально-персуазивной и дидактической функций креолизованного текста на семантическом, структурно-композиционном и прагматическом уровнях.

Ключевые слова: креолизованный текст, вербально-визуальная интеграция, эмоционально-персуазивная направленность, учебный плакат, агитационный плакат

В условиях роста числа чрезвычайных ситуаций проблематика пожарной безопасности остается малоизученной в лингвистике, в частности в сегменте креолизованных текстов. Особый интерес представляют агитационные и учебные плакаты, поскольку анализ синтеза вербальных и визуальных кодов позволяет выявить потенциал смыслопорождения, определить механизмы воздействия на эмоциональную и познавательную сферы реципиента, что в итоге должно способствовать формированию культуры пожаробезопасного поведения.

Целью исследования является анализ взаимодействия вербального и визуального компонентов агитационных и учебных плакатов по пожарной безопасности. В работе рассматривается специфика смыслопорождения и реализации прагматической функции, обеспечиваемых данными компонентами в зависимости от коммуникативной цели текста.

Креолизованный текст представляет собой когерентное целое, объединяющее несколько семиотических систем (вербальных, визуальных) в единое смысловое пространство. Синтез этих компонентов обеспечивает смысловую целостность сообщения и оказывает прагматическое воздействие на адресата. Вопросами связности вербального и визуального компонентов в лингвистической науке занимались такие исследователи, как Е.Е. Анисимова [Анисимова 2003], М.Б. Ворошилова [Ворошилова 2013], И.В. Рогозина [Рогозина 2017] и др. Е.Е. Анисимова описала различные виды связи между вербальным и визуальным компонентами на семантическом, содержательно-языковом и содержательно-композиционном уровнях [Анисимова 2003]. М.Б. Ворошилова экспериментально доказала, что вербальный компонент ограничивает многозначность визуального знака, тем самым формируя конкретный смысл [Ворошилова 2013]. И.В. Рогозина провела «реконструкцию моделей формирования визуально-вербальной метафоры и гиперболы» [Рогозина 2017: 127] и отнесла их к категории «надтропов», непосредственно связанной

со смысловым наполнением поликодового текста. Все перечисленные лингвисты сходятся во мнении, что именно интеграция вербального и визуального кодов приводит к возникновению целостного смысла, который превышает простую сумму значений отдельных компонентов.

Механизмы интеграции вербального и визуального кодов проявляются в плакатах по пожарной безопасности на семантическом, структурно-композиционном и прагматическом уровнях. На прагматическом уровне ключевым механизмом связности выступает интенциональная направленность: доминирующая интенция детерминирует выбор соответствующих вербальных и визуальных средств, создавая единое прагматическое поле. Благодаря ей адресат декодирует сообщение именно в том ключе, который заложил в него адресат.

В классификации плакатов по пожарной безопасности выделяют два основных типа: агитационные с эмоционально-персуазивной направленностью, и учебные, где интенция носит дидактический характер и направлена на формирование у адресата устойчивых когнитивных и поведенческих алгоритмов. Именно это различие определяют композиционно-тематическое содержание и языковое оформление плакатов. Если агитационные плакаты предоставляют автору свободу в выборе вербальных и визуальных средств, включая использование метафорических средств, и отличаются разнообразием тематики, учебные плакаты строго регламентированы нормативными документами и строго определенными сценариями. При разработке учебного плаката специальный текст адаптируется для широкой аудитории, визуальные символы подбираются так, чтобы обеспечить однозначность восприятия, исключающую двоякое толкование, что критически важно в чрезвычайной ситуации. В отличие от агитационного плаката, композиция которого часто строится вокруг одной сцены, а смысловой центр задается высказыванием, призванным привлечь внимание и мотивировать аудиторию, учебный плакат обычно использует последовательность изображений, ряд пиктограмм или инфографику; визуальный ряд сопровождается развернутым инструктивным текстом и должен формировать безошибочный алгоритм действий.

В агитационных плакатах воздействие, направленное на трансформацию поведенческих стратегий адресата, реализуется посредством апелляции к эмоционально-когнитивной сфере. Данный эффект достигается за счет варьирования денотативного и коннотативного значений вербального и визуального компонентов. Рассмотрим основные механизмы такого взаимодействия.

Эксплицитная связь между отдельным лексическим элементом вербального компонента и изображением характеризуется тем, что слово может использоваться как в денотативном, так и в коннотативном значении. В первом случае для усиления денотативного значения вербального кода, представленного в виде директивы (*Берегите лес от пожара!*), используют изображения, передающие ужас от разгулявшейся стихии: горящий или выгоревший лес, уничтоженные дома, пепелища.

Шоковый эффект от созерцания разрушений, по мнению авторов, должен заставить реципиента выполнить директиву.

Во втором случае вербальный компонент может содержать слово в коннотативном значении, тогда как визуальное изображение используется в денотативном, что требует от реципиента активизации социокультурных знаний для корректной интерпретации. В плакате с вербальной интенцией директивы *Не жди белочку – туши окурок. Не забывай потушить окурок, отдыхая на природе* (см. рис. 1) визуальный ряд (милая белочка с урной для окурков) сразу обращает на себя внимание реципиента. Интерпретация же вербального кода отсылает к социально-культурным знаниям, где «белочка» ассоциируется с состоянием белой горячки в результате алкогольного опьянения, однако в контексте плаката происходит переключение на прямое значение – на лесного зверя. Таким образом, образ «белочки» приобретает двуплановость: с одной стороны, это лесное животное, которое придет и соберет окурки, предотвратив пожар; с другой – символ, устанавливающий эмоциональную связь с природой и подчеркивающий угрозу, которую представляет безответственное поведение человека для конкретных живых существ.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Иногда в тексте агитационного плаката вербальный код, лишенный воздействующей составляющей, ограничивается констатацией причин и последствий пожара. Однако при визуальной репрезентации отдельного лексического элемента и обогащении его дополнительным контекстом происходит трансформация в сложный визуально-символический образ. В результате денотативное значение объекта гиперболизируется, приобретая коннотативный статус символа опасности, несущего угрозу разрушения природной среды. Так, вербальный компонент *Брошенная горящая спичка – пожар в лесу* сопровождается изображением большой, лежащей горизонтально спички, половина которой обгорела, а на другой половине еще не обгоревшей спички изображены лес и животные (см. рис. 2). Спичка гиперболизируется, наделяется способностью уничтожать все живое и одновременно становится моделью ситуации выбора для реципиента: сохранить жизнь в лесу или превратить лес в пепелище.

Задача учебных плакатов состоит в информировании о возможности возникновения пожаров, воспитании ответственного отношения к возможным пожарным рискам и умения действовать в чрезвычайной ситуации. В связи с этим в плакатах между вербальными и невербальными компонентами осуществляется эксплицитная связь на основе дублирования или дополнения, что объясняется скоростью идентификации сообщения и не допустимостью двойственной интерпретации.

В плакате с мотивационным лозунгом «Берегите дом от пожара!» (см. рис. 3), задающим вектор поведения для адресата, вербально-визуальные тексты, представленные в виде отдельных картинок-иконок и расположенные в горизонтальном ряду, выполняют функцию перечисления всех возможных рисков, с которыми адресат может столкнуться, находясь дома. Многозначность визуального образа ограничивается короткими текстами с запретительной модальностью. Например, изображение светильника, накрытого бумагой, иллюстрирует предписание: *Не затемняйте светильники бумагой или тканью*. Идентификация смысла осуществляется на основе причинно-следственных связей: реципиент, воспринимая визуальный образ накаляющегося прибора, мгновенно осознает потенциальную опасность данного действия, а вербальная инструкция регламентирует его дальнейшие действия. На таком принципе взаимодополнения построены остальные мини-креолизованные тексты в ряду, описывающем причины пожаров. Между заголовком и графическими примерами с текстами выстраиваются причинно-следственные отношения, где последние становятся доказательной базой, делая призыв личностно значимым для адресата.

Таким образом, характер взаимодействия между вербальными и визуальными компонентами обусловлен интенциональной направленностью плакатов. Учебные плакаты ориентированы на формирование четких алгоритмов действия и чувства персональной ответственности за соблюдение правил пожарной безопасности. Взаимодействие семиотических систем отличается эксплицитным характером связи, основанным на взаимодополнении, дублировании и причинно-следственных отношениях. Яркие образы в сочетании с лаконичными формулировками способствуют трансформации знаний в устойчивые поведенческие привычки. Агитационные плакаты апеллируют к эмоционально-персуазивной сфере, что становится ключевым фактором формирования пожаробезопасного поведения. Взаимодействие вербальных и визуальных кодов чаще всего строится на соотношении коннотативного и денотативного значений. При денотативном использовании обоих компонентов связь работает на усиление угрозы посредством шоковых визуальных образов. При коннотативном использовании одного из компонентов активизируется многоуровневая интерпретация, что повышает вовлеченность адресата и способствует рефлексии в сторону осознания личной ответственности и формирования культуры пожаробезопасного поведения.

Литература

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 177–183.

Рогозина И.В. Модели формирования визуально-вербальных тропов поликодового медиатекста // Филология и человек. 2017. № 3. С. 113–127.

E. V. Filippova *(Moscow, Russia)*
State Fire Academy of EMERCOM of Russia

MECHANISMS OF VERBAL-VISUAL INTEGRATION IN CREOLIZED TEXTS OF AGITATIONAL AND EDUCATIONAL FIRE SAFETY POSTERS

The article, based on fire safety posters, examines the mechanisms of verbal-visual interaction. It explores the specifics of meaning generation, as well as the implementation of the emotional-persuasive and didactic functions of creolized texts at the semantic, structural-compositional, and pragmatic levels.

Key words: creolized text, verbal-visual integration, emotional-persuasive orientation, educational poster, agitation poster

О. В. Фоменко *(Москва, Россия)*
МГИМО (У) МИД РФ
fomen.ko_olga@mail.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ НЕСОГЛАСИЕ В ЖАНРЕ EDITORIAL: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению эпистемического несогласия в жанре editorial в когнитивно-прагматическом аспекте. Эпистемическое несогласие трактуется как модально-иллокутивный феномен, связанный с переоценкой эпистемического статуса пропозиции. На материале редакционных статей выявляется доминирующая критико-делегитимирующая иллокутивная функция эпистемического несогласия.

Ключевые слова: эпистемическое несогласие, editorial, эпистемическая позиция, эпистемическая переоценка, иллокутивная функция

В условиях публичной медиакоммуникации, на фоне обострения геополитической ситуации и усиливающегося информационного противоборства, особую актуальность приобретает изучение тех речевых механизмов, посредством которых в дискурсе формируются, оспариваются и закрепляются интерпретации социально значимых событий. В этом отношении особый интерес представляет эпистемическое несогласие, поскольку оно связано не только с выражением расхождения пози-

ций, но и с переоценкой достоверности и обоснованности определенной интерпретации. Репрезентативным материалом для анализа его функциональной природы выступает жанр редакционной статьи (editorial), транслирующий институциональную позицию издания и ориентированный на воздействие на адресата.

Цель настоящей статьи – рассмотреть эпистемическое несогласие в жанре editorial в когнитивно-прагматической перспективе и показать, как переоценка эпистемического статуса пропозиции получает функциональную реализацию в иллокутивной организации высказывания. Материалом исследования послужили англоязычные фрагменты двух editorial газеты *The Guardian* (2026), посвященные войне США и Ирана, ее дипломатической интерпретации и экономическим последствиям конфликта. В работе использованы методы контекстуального, интерпретативного и функционально-прагматического анализа языкового материала.

Вслед за Е.А. Никоновой editorial рассматривается в настоящем исследовании как дискурсивный жанр, широко представленный в англоязычной качественной прессе, сочетающий устойчивость жанровой модели с вариативностью ее дискурсивной реализации и характеризующийся социальной ориентированностью и воздействующим потенциалом; к его жанрообразующим признакам относятся аргументативность, интертекстуальность, высокая экспрессивность, а также дискурсивные практики прогнозирования [Никонова 2023]. Аргументативная и воздействующая природа editorial, а также его направленность на интерпретацию событий делают этот жанр релевантным материалом для анализа эпистемического несогласия.

Эпистемическое несогласие при этом понимается как модально-иллокутивный феномен: с одной стороны, оно представляет собой альтернативную субъективную оценку, выражающую отношение говорящего к степени достоверности или обоснованности исходной пропозиции; с другой стороны, эта оценка получает коммуникативную реализацию в форме иллокутивного акта, направленного на дистанцирование от эксплицитно или имплицитно заданной эпистемической позиции в отношении той же пропозиции. В когнитивно-прагматической перспективе это позволяет понимать эпистемическое несогласие как когнитивную переоценку эпистемического статуса пропозиции, которая получает прагматическое закрепление в иллокутивной организации высказывания.

Когнитивная природа эпистемического несогласия связана с пониманием дискурса как когнитивного явления, обеспечивающего формирование, передачу, переработку и создание знания; при этом эпистемическая структура дискурса охватывает все его уровни и соотносится со стратегиями управления знанием в рамках эпистемических сообществ [Семенова 2020: 741].

Существенно, что именно эпистемические сообщества задают рамку различной квалификации пропозиционального содержания: «Знание понимается как разделяемое представителями определенного эпистемического сообщества мнение. <…> То, что является знанием для одного эпистемического сообщества, может иметь

эпистемический статус ошибочного мнения, заблуждения, предубеждения для другого сообщества» [Семенова 2020: 741–742]. Такая различная оценка достоверности связана с различием эпистемических установок, соответствующих различным когнитивным состояниям говорящих, то есть различному объему, степени полноты и характеру знания о сообщаемом, на основе которого оно оценивается как соответствующее либо не соответствующее действительности [Швец 2007: 7].

Тем самым эпистемическое несогласие может быть понято как механизм дискурсивной переоценки заданного эпистемического статуса пропозиции, основанный на различии эпистемических установок и критериев достоверности, действующих в пределах того или иного эпистемического сообщества и реализующихся в конкретной эпистемической позиции субъекта. В дискурсе editorial такая позиция получает выражение в авторском (редакционном) голосе, который, предлагая альтернативную интерпретацию обсуждаемого положения дел, берет на себя эпистемическую ответственность за ее достоверность и вступает в когнитивную оппозицию с эксплицитно или имплицитно заданной исходной эпистемической позицией.

Поскольку «эпистемические параметры дискурса тесно взаимодействуют с другими его характеристиками, в частности прагматическими» [Чалова 2024: 153], в настоящем исследовании эпистемическое несогласие описывается не только как реакция на исходную эпистемическую позицию, выражающаяся в форме альтернативной эпистемической оценки, но и как коммуникативное действие, в котором переоценка эпистемического статуса пропозиции приобретает функциональную направленность и подчиняется решению определенных прагматических задач в рамках жанровой организации editorial. Вместе с тем, как отмечает О.Н. Чалова, «к ядру прагматического компонента любого высказывания относится его иллокутивная функция, отражающая прежде всего целевую направленность сообщения» [Чалова 2024: 154]. Следовательно, описание прагматических характеристик эпистемического несогласия предполагает обращение к тем иллокутивным функциям, в которых реализуется его коммуникативно-прагматическая направленность в жанре editorial.

Проведенный анализ 20 случаев эпистемического несогласия в двух editorial газеты *The Guardian* показывает, что превалирующей является функция, которую можно условно определить как критико-делегитимирующую. В рамках данной функции эпистемическое несогласие выступает как коммуникативное действие, целевая направленность которого состоит в подрыве достоверности, убедительности и эпистемической состоятельности конкурирующей позиции.

Для жанра editorial такая функция представляется особенно значимой, поскольку редакционный голос в нем не только фиксирует расхождение эпистемических позиций, но и стремится дискредитировать конкурирующую позицию, снизить доверие к ней, представив ее как сомнительную, недостаточно обоснованную или прямо недостоверную, и тем самым создать условия для утверждения собственной интерпретации как более убедительной.

Показателен в этом отношении фрагмент: *Mr Trump revealed that he was having such* ‘*productive*’ *conversations with Tehran… The trouble is that Mr Trump’s talks may not exist. Tehran denies having them* [The Guardian view on Trump’s Iran ‘talks’ … 2026] ‘Трамп сообщил, что ведет с Тегераном столь «продуктивные» переговоры… Проблема в том, что переговоров Трампа может и не существовать. Тегеран отрицает их наличие’. Объектом эпистемического несогласия здесь становится пропозиция о существовании переговоров между США и Ираном, заданная в высказывании Дональда Трампа. Редакционный голос не принимает данную версию как достоверную и тем самым осуществляет когнитивную переоценку соответствующей пропозиции, снижая ее эпистемический статус посредством конструкции *may not exist*, которая ставит под сомнение сам факт переговоров, а не только их возможное содержание или результативность. Последующее сообщение *Tehran denies having them* усиливает эту переоценку, вводя контрпозицию, несовместимую с исходным утверждением. Тем самым эпистемическое несогласие реализуется здесь как средство подрыва доверия к исходному утверждению и делегитимации его как надежного основания для интерпретации происходящего. Именно эта иллокутивная функция представляется доминирующей в рассмотренных editorial, где эпистемическое несогласие многократно используется прежде всего для снижения эпистемической состоятельности чужих утверждений, прогнозов и интерпретаций.

Однако подрыв конкурирующей позиции в editorial может служить основой для последующей интерпретационной коррекции обсуждаемого положения дел, а также для поддержки альтернативной эпистемической позиции и ориентации адресата на ее принятие. Поэтому наряду с критико-делегитимирующей функцией в материале прослеживаются также корректирующе-интерпретационная и позиционирующе-ориентирующая функции. Разумеется, в реальном дискурсе editorial указанные функции могут сочетаться и реализовываться не изолированно, а в тесном взаимодействии. Однако в каждом конкретном случае одна из них, как правило, оказывается доминирующей, что и делает возможным их функциональное разграничение в аналитических целях.

Представленный перечень функций не претендует на исчерпывающий характер. Дальнейшее расширение корпуса позволит уточнить и дополнить типологию иллокутивных функций эпистемического несогласия в жанре editorial. Перспективу дальнейшего исследования составляет также описание и систематизация средств выражения эпистемического несогласия.

Литература

Никонова Е.А. Editorial как дискурсивный жанр // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 153–170.

Семенова Т.И. Эпистемические параметры дискурса // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 740–744.

Чалова О.Н. Функционально-прагматические параметры высказываний с экс-

плицитным модусом незнания в научном диалоге // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. № 3. С. 152–158.

Швец В.М. Усвоение ребенком эпистемической модальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.

The Guardian view on the Iran war: energy, markets and a dangerous illusion // The Guardian. 2026. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/24/the-guardian-view-on-the-iran-war-energy-markets-and-a-dangerous-illusion (дата обращения: 12.02.2026).

The Guardian view on Trump's Iran 'talks': a war, a pause – and a distraction // The Guardian. 2026. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/23/the-guardian-view-on-trumps-iran-talks-a-war-a-pause-and-a-distraction (дата обращения: 12.02.2026).

O. V. Fomenko *(Moscow, Russia)*
MGIMO

EPISTEMIC DISAGREEMENT IN EDITORIALS: A COGNITIVE-PRAGMATIC PERSPECTIVE

The article examines epistemic disagreement in the editorial genre from a cognitive-pragmatic perspective. Epistemic disagreement is interpreted as a modal-illocutionary phenomenon associated with the reassessment of the epistemic status of a proposition. Based on the analysis of editorials, the study identifies the dominant critical-delegitimizing illocutionary function of epistemic disagreement.

Key words: epistemic disagreement, editorial, epistemic position, epistemic reassessment, illocutionary function

А. М. Чернышева *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
chernyshevaam@susu.ru

ОТРАЖЕНИЕ КОДА КУЛЬТУРЫ В ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье выявляются эмотивные фразеологические единицы русского языка, репрезентирующие фрагменты соматического, пространственного, духовного, предметного, биоморфного и временного кода культуры. В процессе когнитивного анализа описываются особенности репрезентации кодов культуры, их взаимосвязи, а также анализируются коннотативные значения исследуемых фразеологизмов.

Ключевые слова: код культуры, эмотивные фразеологические единицы, антропоцентрическая парадигма, вербализация, когнитивный анализ

Фразеологическая система русского языка является отражением истории народа, хранилищем системы ценностей, стереотипов, моделей поведения и способов когнитивного осмысления окружающей действительности носителями языка. Уникальные знания о фрагментах духовной и материальной культуры нации хранятся в сознании носителей языка как определенные культурные коды, которые вербализуются в процессе коммуникации и фиксируются в языке в виде фразеологических единиц (ФЕ).

Одна из ключевых функций ФЕ заключается в передаче культурных смыслов, что позволяет участникам речевого взаимодействия воспринимать друг друга не просто носителями одного языка, но и представителями общего культурного знания, единого культурного опыта. М.Л. Ковшова справедливо отмечает, что культурные коды являются «ключевым звеном в интерпретации фразеологизмов, которая представляется как процесс восприятия языкового знака сквозь призму культурного знания» [Ковшова 2006: 8]. Это знание проникает в языковой знак, становясь в процессе когнитивного преломления частью его культурно-семантического значения.

Под кодом культуры мы, вслед за В.В. Красных понимаем «сетку», которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 297]. В ходе многолетнего опыта познания основные архетипические установки (человек как субъект и объект познания, окружающий мир, пространство, время, духовные и материальные ценности и др.) коррелировались с их проявлениями посредством общей системы речевых знаков – языка, так как «именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение» [Тер-Минасова 2008: 48]. Опираясь на фундаментальную роль языка, как ключевого инструмента фиксации и вербализации архетипических установок, В.В. Красных выявляет соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный коды культуры [Красных 2003: 298].

Целью работы является изучение фрагментов кода культуры через анализ эмотивных фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка таких составителей как В.Н. Телия (Большой фразеологический словарь русского языка), Р.И. Яранцев (словарь-справочник «Русская фразеология»), А.В. Жуков, М.Е. Жукова (Словарь современной русской фразеологии).

Актуальность работы обусловлена ориентацией лингвистических исследований на антропоцентрическую парадигму, которая выводит на передний план вопросы изучения мира человеком через анализ вербализации полученных знаний [Передриенко 2022: 112]. В работе использовались методы сплошной выборки, когнитивного анализа, описательный метод и элементы статистического анализа. Всего было получено 146 эмотивных ФЕ, вербализирующих вышеперечисленные коды культуры.

Проведенный анализ показал, что самую многочисленную группу (53,4 %) представляют фразеологизмы, репрезентирующие **соматический код** (78 единиц).

Соматический код культуры определяется как «совокупность имен тела, несущих дополнительные культурно-значимые смыслы» [Башкатова 2014: 220]. Например, использование соматизма «голова» помогает выразить такие эмоции, как печаль (*опустить (повесить) голову*), удивление (*не укладывается в голове*), растерянность, паника (*потерять голову*) и др. Эмоция гнева выражается через соматизмы «глаза» (*глаза налились кровью*), «волосы» (*рвать (на себе) волосы*) и др. Решительность выражается через соматизмы «руки» (*взять ситуацию в свои руки*), «зубы» (*стиснуть зубы*), «ноги» (*крепко стоять на ногах*) и др. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в эмотивных ФЕ, репрезентирующих соматический код, выражаются самые разнообразные эмоции: печать, гнев, решительность, радость, страх, удивление и многие другие.

Эволюционные изменения, связанные с непрерывным развитием и стремлением человека перейти от процесса познания внутреннего мира к миру внешнему, являются причиной того, что соматический код (как интерпретация внутреннего мира) во многом предопределяет код пространственный (как интерпретацию внешнего мира). В рамках **пространственного кода** представлены 27 ФЕ (18,6 % от общего количества), репрезентирующие внешний мир и его связь с внутренним миром. Надо отметить, что эта связь чаще интерпретируется отрицательно и воспринимается как нарушение границы между внутренним и внешним миром (*лезть в душу, трогать за живое* и др.), как выражение бессилия (*лезть на стенку, доходить до точки* и др.) или как отсутствие границ между внутренним и внешним миром (*потерять себя* и др.).

Выход за пределы внутреннего мира человека в изучаемом материале представляется выходом за пределы пространства собственного тела; здесь особенно отчетливо прослеживается взаимосвязь соматического и пространственного кодов (*выйти из себя, вырваться на волю* и др.). В процессе познания человек может структурировать окружающее пространство как совокупность оппозиций «верх – низ» (*быть на седьмом небе, сквозь землю провалиться, как в воду опущенный* и др.), «далеко – близко» (*дальше некуда, быть в стороне, в поле зрения* и др.), «спереди – сзади»: (*перед самым носом, (говорить) за спиной* и др.

Третьей по численности представлена группа ФЕ, репрезентирующих **духовный код** (19 ФЕ, 13 %), который связан с архетипическими представлениями человека о базовых ценностных понятиях и вербализуется с помощью фразеологизмов, которые раскрывают в своем значении такие понятия как: нравственные ценности (*дань уважения*), состояние души (*отвести душу, сам(а) не свой(своя), не в духе* и др.). Духовный код также реализуется в фундаментальных архетипических оппозициях, лежащих в основе мироздания и человеческого бытия: «жизнь – смерть» (*трогать за живое, не на жизнь, а на смерть* и др.), «добро – зло» (*Боже мой, О, Боже, черт знает, черт попутал* и др.). Некоторые эмотивные ФЕ, репрезентирующие духовный код культуры, имеют контекстуально обусловленную коннотацию,

например фразеологизм *Боже мой* может репрезентировать совершенно противоположные эмоции – от восхищения до раздражения.

ФЕ, передающие **предметный код** занимают четвертую позицию, включая 11 единиц (7,6 %). Он связан с миром предметов и вещей, наблюдаемых в окружающем пространстве, и может репрезентировать такие эмоции как неловкость (*не в своей тарелке*), безразличие (*до лампочки*), потрясение (*удар молнии*), гнев (*устроить сцену, подливать масла в огонь*) и др. В эмотивных ФЕ, репрезентирующих фрагменты предметного кода, мы наблюдаем переплетение пространственного и предметного кодов культуры. Через предметы, находящие в личном, внутреннем, близком пространстве (дом) или через природные явления (молния – часть внешнего, далекого) человек, опираясь на свои наблюдения и жизненный опыт описывает свои душевные переживания, таким образом метафоризирует их, находит для чувств понятное и доступное объяснение через призму наблюдаемых предметов и явлений окружающего мира.

Группа ФЕ, выражающих **биоморфный код** располагается на пятом месте с общим количеством 9 ФЕ (6%). В этой группе эмоциональное состояние человека, его чувства сравниваются или отождествляются с особенностями и стереотипным поведением животных и описанием свойств растений. В ходе многовековых наблюдений за миром животных и растений человек научился оценивать и объяснять поведение и эмоциональное состояние людей посредством биоморфных метафор: *поджать хвост* – чувствовать себя неловко, испытывать страх, как животное, которое поджимает хвост в опасной ситуации. Фразеологизм *как выжатый лимон* – описывает состояние крайнего физического и эмоционального истощения, создавая отчетливый визуальный образ раздавленного плода.

Наименьшей по численности группой фразеологизмов представлен **временной код** – 2 ФЕ (1,4 %): *битый час, раз и навсегда*. Эти ФЕ описывают восприятие субъектом времени, репрезентируя, в первом случае чувство досады и разочарования от напрасно потраченного времени (*битый час* воспринимается как *убитый час*), а во втором случае вербализацию ощущения уверенности, решительного настроя, мужества.

Необходимо отметить, что коннотативные значения ФЕ как составляющих того или иного культурного кода, разнородны и принадлежность ФЕ к определенному культурному коду не определяет их коннотативное значение, поэтому, мы считаем целесообразным распределить все исследуемые эмотивные ФЕ, на три основные категории: ФЕ с положительной коннотацией в количестве 31 единиц (21 %), ФЕ с отрицательной коннотацией – 96 единиц (66 %), ФЕ с контекстуально обусловленной коннотацией – 19 единиц (13 %).

Проведенное исследование показало, что самой многочисленной группой является группа эмотивных фразеологизмов, репрезентирующих соматический код культуры. На втором месте представлены ФЕ, функционирующие в рамках пространственного кода. Третье место принадлежит эмотивным фразеологизмам,

вербализующим фрагменты духовного кода. Фразеологические единицы, функционирующие в рамках предметного, биоморфного и временного кодов культуры занимают четвертое, пятое и шестое места соответственно. Коннотативная оценка исследуемых эмотивных ФЕ показывает, что ФЕ с отрицательной коннотацией составляют более половины от общего числа, что позволяет сделать вывод о том, что одна их основных функций эмотивных ФЕ состоит в том, чтобы передать представления о преимущественно негативном опыте старшего поколения младшему и обезопасить младшее поколение от потенциальных сложностей, с которыми оно может столкнуться в процессе познания окружающей действительности.

Литература

Башкатова Ю.А. Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.

Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы филологии. 2006. № 3 (24). С. 6–12.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Передриенко Т.Ю. Семантика перцептивных глаголов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 4 (8). С. 112–119.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Московского государственного университета, 2008.

A. M. Chernysheva *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University

REFLECTION OF THE CULTURAL CODE IN EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

This article identifies emotive phraseological units in the Russian language that represent fragments of the somatic, spatial, spiritual, objective, biomorphic, and temporal cultural codes. The cognitive analysis describes the specific representations of these cultural codes, their interrelations, and analyzes the connotative meanings of the phraseological units studied.

Key words: cultural code, emotive phraseological units, anthropocentric paradigm, verbalization, cognitive analysis

Научное издание

18+

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (68)

Часть II

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Ответственные редакторы
Новоспасская Наталья Викторовна, Лазарева Олеся Викторовна

Компьютерная верстка *С.В. Хурса*

Подписано в печать 03.06.2026 г. Дата выхода в свет 30.06.2026 г.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 30,23. Уч.-изд. л. 24,18.
Тираж 500 экз. Заказ 865.
Цена свободная

Учредитель:
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»
115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-61
E-mail: publishing@rudn.ru